

30.
798.

801-12
151

ОЧЕРКИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

И. КОЛЫШКО.

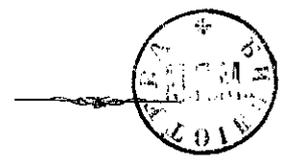
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», В. Подъяч., № 39.
1887.

801-12
151

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. КОЛЫШКО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типография Товарищества «Общественная Польза», В. Подъяч., № 39.
1887.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

I.

ПО ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

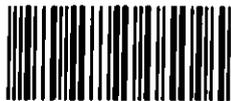
Верещагинская школа и артели сыроварения.

8-го августа.

Съ раннимъ побѣдомъ Николаевской дороги отправились мы на ст. Завидово, отъ которой до школы Верещагина было около 16 верстъ. На станціи взяли тройку съ кибиткой (здѣсь другихъ экипажей нѣтъ) и кое-какъ уместившись въ ней, я — внутри, на кучѣ сѣна, К. на козлахъ, чтобы свободнѣе обзирать окрестности, въ веселомъ настроеніи, мы тронулись. День былъ ясный и теплый, важики мы еще не видали въ этихъ краяхъ. Дорога сначала шла проселкомъ, потомъ отличнѣмъ шоссе потомъ послѣднія версты опять сворачивали на проселокъ до Волги, на которой въ $\frac{1}{2}$ верстѣ и находилось имѣніе барона Корфа. Верещагинъ арендуетъ у него маленькій кусокъ только подъ свое заведеніе, безъ всякой зашаши.

Ѣхали мы около 2-хъ часовъ вѣхствѣ съ переправой черезъ Волгу. Пять, шесть селъ проплыли возлѣ насъ, и вѣшній видъ ихъ составлялъ самое пріятное впечатлѣніе. Собственно они принадлежали къ Московской губ., Тверская начиналась только за Волгой; но условія жизни и быта не могутъ рѣзко разниться въ пограничныхъ частяхъ той и другой, а потому нѣсколько словъ о видѣнномъ мною въ этихъ мѣстахъ считаю умѣстнымъ здѣсь набросать.

Села, ближайшія къ станціи, занимаются почти исключительно невозомъ. Троечники зарабатываютъ отъ $1\frac{1}{2}$ —3 руб. въ день, минимумъ $1\frac{1}{2}$

2007082951

руб. Считаю среднее 2 р., получается солидная цифра—60 руб. в 5 месяцев, которую крестьянин получает, кроме дохода с своей земли.

— Такъ живется хорошо?, спрашиваю лимца.

— Грѣшить нечего! Жить можно, только вотъ пьянство это..

— А много пьютъ?

— Пьютъ.. Вонъ у насъ въ селѣ 4 трактора да 2 вабала.

Тракторы эти вѣрно хорошо работаютъ, суда по ихъ вышнему щегольскому виду.

— Отчего-же не закроете ихъ?

Ямщикъ улыбнулся.—Нельзя!.. Хотятъ! Вонъ въ селѣ есть 2—3 человека, хотятъ закрыть, да громада не хочетъ.. Да ничего! Слава Богу и такъ живемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣрно и такъ селу было хорошо. Избы все чистыя съ наружной рѣзкой, выращенныя. Видъ людей бодрый, одежда чѣлая даже на ребятишкахъ съ здоровыми румяными лицами, чѣлыми кучами со смѣхомъ и визгомъ отворявшихъ намъ въ каждомъ селѣ ворота. Просто любо смотрѣть. Дорога при этихъ условіяхъ не показалась ни длинной, ни утомительной. Около 11 часовъ въѣхали мы, наконецъ, въ большое Корфовское село, гдѣ была и школа Верещагина.

Вокругъ небольшого пруда расположилось все его заведение. Съ одной стороны пруда жилой домъ, котора, помѣщеніе для учащихся, лабораторія. Съ другой стороны было зданіе сыроварни и погребовъ, затѣмъ, вѣтвь отъ него, большой ледникъ и дальше, всю другую сторону пруда занималъ большой ваменный скотный дворъ, принадлежащій уже самому бар. Корфу. Хозяйственные постройки Верещагина, его скотный дворъ, свинарникъ, кошатни и маленькое зданіе для выдѣлки зеленого, или, какъ его здѣсь называютъ, «тощаго» сыра, стояли нѣсколько поодаль, вправо отъ пруда, образуя, вмѣстѣ съ проспичнымъ огородамъ, маленький дворъ.

Насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ и, радушно пріѣтствовавъ, прямо повелъ въ сыроварню. Къ сожалѣнію, мы опоздали на самыя занятія, которыя отбываются здѣсь раннимъ утромъ и вечеромъ. Тѣмъ не менѣе, изъ толковаго и подробнаго объясненія Н. В. Верещагина, показывавшаго намъ свое заведеніе, точно любимое дѣтище, я могъ себѣ усвоить многое, чего прежде не понималъ. Нужно бы было записывать по его словамъ, чтобы передать совершенно ясно ходъ этого дѣла. Но это уже специальность сыроваровъ и учебниковъ сыроваренія,

на которую я здѣсь не посягаю. Моя цѣль общими штрихами очертить сыровареніе вообще и школу Верещагина въ частности, опираясь на видѣнное и слышанное. Зданіе сыроварни выстроено прочно и красиво, нѣсколько въ стилѣ швейцарскихъ домиковъ. Н. В. сообщилъ намъ, что стилъ этотъ долженъ бы быть доведенъ до конца, такъ какъ сыроварня начата по модели голландскихъ съ огромнымъ холодильникомъ. Но такъ какъ таковое зданіе стоило бы 10 тыс. талеровъ, то Верещагинъ рѣшилъ строить его гораздо проще, съ холодильникомъ новой системы. Такъ и получился этотъ нѣсколько странный вышній видъ сыроварни.

Пройдя низкія сѣни, мы вступили въ первую комнату, обширную, в высокую. Острый запахъ творогу и сыворожки обдалъ насъ. На мокромъ деревянномъ полу стояли большіе чаны съ сывороткой, отъ которыхъ шелъ паръ. Съ потолка спускалась труба для проведенія пара. У стѣнъ стояли высокіе и узкіе чаны, наполненные до верха. Н. В. объяснилъ, что въ нихъ находится уже створожненное молоко, готовый матеріалъ для сыра. Эта комната назначена для производства «тощаго», или зеленого сыра, находящагося у насъ въ такомъ громадномъ употребленіи. Производство его у насъ введено еще очень недавно, ибо составляло долгое время секретъ иностранцевъ. Способъ производства до-нельзя простъ. Свѣтое молоко вливаютъ въ мѣдныя чаны, которые вставляются въ свою очередь въ деревянные такъ, что между деревомъ и мѣдью остается извѣстное пространство. Въ это пространство, черезъ отверстіе впускаютъ паръ. Для этого служатъ висащая съ потолка трубка. Впускъ пара производится до всплыванія молока, послѣ чего въ него вливаютъ извѣстное количество особо приготовленной сыворотки. Молоко мгновенно створаживается и хлопьями точно снѣгъ, опускается на дно. Его мѣшаютъ поворачиваютъ, и когда получаются раздѣльныя зерна, сливаютъ вмѣстѣ съ сывороткой въ высокіе сосуды. Тамъ держатъ нѣсколько дней, пока творогъ своею тяжестью весь не опустится на дно. Тогда его накладываютъ въ бочки, нажимаютъ сверху камнями, и держатъ такъ мѣсяца два-три, пока не произойдетъ въ немъ извѣстнаго движенія.

Готовый творогъ имѣетъ острый, специфическій вкусъ. Его вынимаютъ изъ бочекъ и растираютъ посредствомъ огромнаго каменнаго жаровня, приводимаго въ дѣйствіе лошадей. Затѣмъ пригнѣиваютъ мелко истертаго, голубаго «доншка», придающаго ему его специаль-

ный запах и зеленоватый цветъ, набиваютъ въ формы, ставятъ въ темную, прохладную комнату для сушки, и послѣ нѣсколькихъ дней сыръ готовъ. Этотъ сыръ съ буквами В. Ш. С., раскоится въ огромномъ количествѣ, особенно въ Азіи; продается онъ на мѣстѣ по 15 коп. за фунтъ.

Слѣдующая компанія маслобойня. Въ ней нѣсколько машинъ для сбиванія сливочнаго масла. Есть и американская. Машинъ самыхъ простыхъ. Воченокъ, приводящихся въ движеніе ручкой въ горизонтальномъ или вертикальномъ положеніи. Американская, это—ящичъ на мягкихъ рессорахъ, движется простыми толчками рукъ. Въ эти боченики или ящички наливаются сливки и, послѣ часа работы, масло готово. Н. В. Верещагинъ выдѣлываетъ масло исключительно сливочное и по самому усовершенствованному способу. Въ соседней, съ маслобойней комнатѣ помѣщается «холодильникъ». Это большой металлическій чанъ, наполненный водой со льдомъ. Въ немъ стоятъ масса узкихъ металлическихъ цилиндровъ, наполненныхъ молокомъ. Температура комнаты оцутительно ниже, до 10°. Молоко устанавливается очень скоро и сливки собираются металлическимъ блюдечкомъ, въ серединѣ котораго прикрѣплена ручка. Эти сливки устанавливаются до периода самаго перваго заквашенія.

Вся трудность и вся задача хорошей маслобойни уловить именно этотъ моментъ перваго броженія сливочныхъ шариковъ, чтобы не дать верхнему слою сливокъ прогоркнуть. И этого искусства Н. В. Верещагинъ достигаетъ вполне. Его масло безводно, и не встрѣчалъ подобнаго ему въ лучшихъ магазинахъ Петербурга. Вообще маслобойное дѣло доведено у Н. В. до совершенства. Въ холодильной комнатѣ масло оочпательно упаковывается, дѣлается наглядный анализъ молока и ведется журналъ. Рядомъ есть маленькая комнатка, гдѣ масло, по средствомъ машины, очищается отъ воды и всего остальнаго и гдѣ набиваютъ его въ формы. Наглядное взмѣрѣніе достоинства молока производится посредствомъ стеклянныхъ цилиндриковъ, наполненныхъ молокомъ. Ихъ десятка два стоятъ рядомъ. Въ каждомъ молокѣ отъ разныхъ коровъ. Въ нѣсколько часовъ сливки рѣзкой чертой отдѣляются и, взмѣря особой линейкой ихъ слой, безошибочно опредѣляется процентное содержаніе ихъ въ молокѣ. Этимъ достигается правильный контроль надъ молокомъ, покупаемымъ у крестьянъ, и получается возможность слѣдить, въ какомъ отношеніи стоитъ угодъ за скотомъ въ качеству даваемого пивъ молока. Это послѣднее

имѣетъ громадную важность для всего хозяйства и достигается правдынымъ веденіемъ журнала. У. Н. В. этотъ журналъ ведется приблизительно такъ: каждая корова записывается и противъ нея, въ графахъ, стоятъ цифры количества молока въ фунтахъ утромъ и вечеромъ, процентное содержаніе сливокъ, удѣльный вѣсъ ихъ, температура охлажденія молока, температура, при которой образуется масло, и, наконецъ, количество въ фунтахъ самаго масла. Такимъ образомъ ясно, сколько фунтовъ молока нужно для каждой въ отдѣльности коровы, чтобы произвести фунтъ масла. Эта норма колеблется отъ 30-ти и больше фунтовъ и понижается сообразно корму до 15-ти. Можно приблизительно за среднее взять 22 фунта, т. е. почти то количество молока, которое при порядочномъ кормѣ корова можетъ дать въ день. При такой наглядности веденія маслобойни дѣла, при послѣдовательности и строгой пропорціи, въ которой стоятъ между собой цифра затраченнаго запялата на кормъ коровы и цифра даннаго ею барыша масломъ и сыромъ, рождаются простыя, логическія соображенія, которыя въ нѣсколькихъ словахъ я выскажу ниже. Пока пойдемъ дальше, въ комнату соседнюю съ холодильной. Это кефирная мастерская. Кефирные грибки кладутся въ небольшомъ количествѣ въ сосуды съ цѣльнымъ молокомъ и черезъ 1½ сутки кефиръ готовъ, а грибки высушиваются и снова идутъ въ дѣло. Грибки имѣютъ странное свойство не терять отъ долгаго употребленія своей жизнениости въ молоко, а наоборотъ—еще приобретать ее и разрастаться, такъ что, купивъ фунтъ ихъ, черезъ нѣкоторое время можно имѣть два, три и больше, и производить кефиръ безъ конца. Отдѣленіе собственно сыроварное состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной производится процессъ «свашиванія молока», въ другой прессованіе уже готовыхъ формъ сыровъ. Свашиваніе дѣлается взвѣстнымъ способомъ, съ помощью телячьего желудочка-сычуга. Имъ оттирается простая деревянная ложка, которую потомъ мѣшаютъ цѣльное молоко, вливаемое, для того въ металлическіе чаны и нагреваемое такимъ-же способомъ какъ при выдѣлѣ «тощихъ» сыровъ. Молоко мало по малу принимаетъ видъ солода. Его разрѣзываютъ по кускамъ, опять мѣшаютъ, опять рѣжутъ, пока этотъ солодъ не приметъ вида зеренъ, легко раздѣльныхъ. Тогда его сваливаютъ массой въ приспособленный для того четырехугольный, промываютъ и потомъ, складывая въ мѣшокъ, нажимаютъ камнями, пока не осушатъ отъ сыворотки. Полученная масса набивается въ формы и прессуется. Потомъ посыпается солью и ста-

вится въ погребъ, гдѣ помощью броженія, въ болѣе или менѣе длительный срокъ получается различнаго качества сыръ. Такъ приготовляются сыры: бекштейнъ, тильзитъ, лимбургъ и французскіе бри и невшатель. Различные роды сыровъ завязаны отъ того или другаго способа нагрѣванія, прессованія и выдержки ихъ; основанія же процесса «свашиванія» молока. Оно, какъ я уже сказалъ, производится самыми простымъ и дешевымъ способомъ—сычугомъ. Но иностранцы дѣлаютъ его еще иначе, помощью какой-то кислоты. Н. В. рассказывалъ намъ, что онъ получалъ уже массу писемъ съ настоятельной просьбой распространить этотъ способъ въ нашихъ сыроварняхъ. А на выставкѣ — такъ просто покою ему не было отъ этихъ иностранныхъ агентовъ, хищной стаей вакинувшихъ на него, и съ поддобростраіемъ и униженными поклонами умолявшихъ дать ходъ ихъ кислотѣ въ Россіи. Но, при всемъ своемъ добродуміи, Верещагинъ устоялъ передъ этимъ нашествіемъ и не прибѣгъ къ этой иностранной «кислотѣ», имѣя подъ рукою самое простое и гораздо болѣе дешевое средство. Хотя разъ, скажемъ мы.

Изъ мастерскихъ направились мы въ погребъ, которыхъ три: для бекштейна, тильзата и лимбурга, для французскихъ сыровъ и зеленыхъ. Это прохладныя помѣщенія, съ многочисленными полками кругомъ и по срединѣ, заваленныя сыромъ. Острымъ, сывороточнымъ залахъ такъ и стоитъ въ нихъ.

Послѣ обѣда осмотрѣли мы еще ледникъ, скотный дворъ и свинарникъ. Ледникъ—это изобрѣтеніе самого Верещагина. Онъ устроенъ не ниже поверхности земли въ высокой насыпи. Нужно было такъ сдѣлать по причинѣ подпочвенной воды, находящейся здѣсь на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Н. В. долго ломалъ себѣ голову надъ этимъ изобрѣтеніемъ. Собственно ледникъ представляетъ чистую комнату, узкую, но довольно высокую. Большая стѣна его изъ бревенъ съ отдушниками. За ней-то и наваленъ ледъ во всю вышину комнаты, и охлажденіе воздуха достигается отдушниками. Надо сознаться, что это до крайности просто и удобно. Не нужно «ставить» на ледъ, пережѣвывать его и пачкаться. Температура здѣсь едва достигаетъ у пола до 6—7°. Рядомъ съ ледникомъ, въ огороженномъ пространствѣ, свалець ледъ и засыпавъ толстымъ слоемъ опиловъ, которыя хорошо предохраняютъ его отъ таянія.

Скотный дворъ Н. В. Верещагина небольшой, всего на 15 коровъ,

картофельная, ржаная и др. вволю, сколько съѣдать. Свилярникъ, рядомъ съ скотнымъ дворомъ, это просто шедевръ, если это слово примѣнимо къ такому рода помѣщеніямъ. Я, какъ полагаю и многие, не чувствую особой симпатіи къ симъ мерзкимъ животнымъ, и вошелъ только изъ любезности въ ихъ апартаменты. Но, признаюсь, не смотря на удушливый ароматъ, долго въ ней оставался. Свины здѣсь совсѣмъ не такія, каковы и привыкъ ихъ видѣть. Каждая въ стойкѣ, вокругъ чистота и порядокъ. Всѣ онѣ преимущественно англійскихъ и японскихъ породъ, круглыя, какъ боченки, съ мягкой, рѣдкой и лоснящейся шерстью. Просто красавицы. Кормятъ ихъ сывороткой, тоже вволю. Отъ этого кормленія, свины даютъ въ годъ потомства: разъ 18-ть штукъ, второй 22 и третій 24 штуки—вѣдь какой это громадный процентъ на капиталъ. Смотрѣли еще конюшню Н. В.: также чисто и образцово содержится, кормъ также даютъ лошадамъ «волю». Словомъ, дѣвизъ Н. В. Верещагина: всѣмъ и всему давать ѣсть, сколько хотѣть, и результаты такого расхода окупятся десятикратной... Лабораторія заведенія—обширная и свѣтлая комната, гдѣ производятся разные изысканія и анализы составныхъ частей матеріаловъ сыроваренія. Есть очень хорошіе микроскопы, съ увеличеніемъ въ 2,500 разъ. Завѣдуетъ ею помощникъ Н. В., молодой человекъ изъ «кавказскихъ горцевъ», самъ намъ многое объяснявшій. Въ мастерской сыроваренія и масляной объясняли намъ дѣло ученики и ученицы, и объясняли весьма толково. Это мальчики и дѣвушки лѣтъ до 20-ти включительно, изъ мѣстныхъ крестьянъ. Полагается ихъ въ школѣ по казенному комплекту 40 чел., но Н. В. по успевшимъ просьбамъ родителей, долженъ былъ принять еще десять. Они живутъ на продовольствѣнныя школы и должны пробыть въ ней не менѣе 2-хъ лѣтъ. Поступаютъ тоже туда молодые люди, окончившіе курсъ въ другихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ вѣд. М. Г. Имущ.—для практики. Ученики и ученицы, окончившіе курсъ въ школѣ, называются мастерами и мастерицами, и отправляются для практики на такъ называемыя артельные сыроварни, которыхъ нѣсколько въ окрестностяхъ и которыя тоже состоятъ подъ вѣдѣніемъ Н. В. Верещагина. Но тоже образцовыя. Полъ деревянный, коровы стоятъ въ два ряда, на пѣвяхъ, у каждой чистая соломенная подстилка. Просторъ и чистота, прежде всего бросаются въ глаза. Коровы обыкновенныя, мѣстные, купленные большею частью у крестьянъ очень дешево. Но, благодаря корму, онѣ просто неузнаваемы сдѣлались. Дается имъ мука

Верещагинскія артели—это, я полагаю, известно многимъ изъ статей Энгельгардта въ Отеч. Запискахъ и нѣсколькихъ замѣтокъ по поводу ихъ въ нашихъ либеральныхъ «газеткахъ». Энгельгардтъ порицалъ Верещагина за то, что тотъ будто бы своей сыроварней отнимаетъ молоко у крестьянскихъ дѣтей; «газетки» громко стояли за Н. В., причисляя его къ «своимъ», и съ особеннымъ смѣхомъ на всѣ лады повторяя слово *артели*. Въ нихъ онѣ чули что-то «новое», «западное», какое-то начало «общаго труда» и «вапяталя», словомъ, что-то въ родѣ коммуны. Поэтому съиптаку за особенное удовольствіе похвалить, что значать отъ *а* до *з* Верещагинскія артели. Это просто рядъ сыроварень, куда крестьяне ежедневно, утромъ и вечеромъ, свозятъ свое молоко. Цѣлыми шеренгами, дѣти и женщины стоятъ у «пріемной», ожидая своей очереди и, дождавшись ея, свѣшиваютъ молоко, получаютъ росписку и уходятъ. Вотъ вся внѣшняя «картинная» сторона этихъ артелей. Она очень красива въ хорошій вечеръ.

Страна же коммерческая такова. Изъ крестьянскаго молока дѣлается вышензложеннымъ способомъ сыръ, преимущественно бѣлштейнъ и твлязтъ, сохраняется онъ по роспискѣ въ погребахъ Верещагина, потомъ продается, и деньги раздѣляются съ арифметическою точностью между крестьянами, кто сколько принесъ молока!

Вотъ и все! Въ этомъ и общій трудъ и общій капиталъ, и мы вполне искренно раздѣляемъ восторгъ «газетокъ», ибо, кромѣ пользы, таковыя артели ничего другаго не производятъ. На обвиненіе же со стороны г. Энгельгардта, Н. В. отвѣчалъ намъ, что почтенный ученый давно ввאלъ ужъ свое мнѣніе назадъ, убѣжденный враспорѣченными статистическими цифрами смертности до введенія сыроваренныхъ артелей и послѣ нихъ.

Мнѣ остается теперь высказать нѣсколько общихъ взглядовъ по поводу всего связаннаго.

Сыроваренное и, въ связи съ нимъ, масляное дѣло безусловно имѣютъ громадную будущность въ Россіи.

Это подтверждается и фактическими данными и логическими выводами. Давность его въ Тверской губ., обширность и цѣль состоянія, нажитыя разными фирмами, указываютъ на спросъ и постоянное потребленіе. И ясно, что этотъ спросъ все увеличивается, что этотъ товаръ еще не залеживался. Въ г. *Бюженикѣ*, Твер. губ., 5-тъ лѣтъ тому назадъ, производили 20—30 пуд. масла въ годъ. Теперь тамъ производятъ до 15,000 пудовъ.

Сыры «Мещерские» получили право гражданства и съ успѣхомъ вездѣ въ магазинахъ конкурируютъ съ настоящимъ швейцарскимъ. Зеленый сыръ нашъ наполняетъ русскіе рынки, не исключая и азиатскихъ. Словомъ, нѣтъ причины опасаться за «застой» въ дѣлахъ сыроваренія.

Сыроварни поднимаютъ благосостояніе населенія. Крестьяне находятъ сбытъ и безграничный тому продукту, который прежде у нихъ зачастую не цѣнился,—молоку. Ясно, что для нихъ выгодно завозить побольше скота, а со скотомъ получается и навозъ, который ужъ есть почти хлѣбъ. Но, скажутъ, если нѣтъ пастбищъ?..

Тутъ является другая комбинація, нѣсколько смѣлая можетъ быть, но основанная на цифровыхъ данныхъ.

Если нѣтъ пастбищъ, кормите хлѣбомъ.

Крестьяне и помѣщики во всемъ воютъ, что нѣтъ выгоднаго сбыта хлѣба, что онъ въ амбарахъ гниетъ. У cadaго крестьянина, на каждомъ дворѣ, по моему есть *свой рынокъ* и сбытъ тамъ безграниченъ. Это скотный дворъ. Корова ѣстъ все и за все. Это готовые деньги. Вотъ приблизительный расчетъ: при хорошемъ кормѣ самая плохая корова даетъ среднимъ числомъ около 22 ф. молока. А изъ этого производится около фунта сливочнаго масла, до около 3 фунтовъ тощаго сыру. Считаю масло самое дешовое по 40 к. за фунтъ и сыръ по 15 коп., получимъ солидную цифру около 1 руб. въ день съ одной коровы. Считаю зимніе мѣсяцы на половину даже, корова даетъ не менѣе 100—150%, окупивъ самую себя. Н. В. Верещагина разсказывалъ мнѣ, что коровы, купленныя имъ по 40—50 руб., давали ему въ годъ за масло по 75 руб., а за сыръ слѣшкомъ 100 руб. Зачѣмъ же выжидать цѣны на хлѣбъ и давать ему гнить, когда его же можно продать въ видѣ масла и сыра, и гораздо дороже. Поэтому сѣтъ сыроваренныхъ заводовъ по всей Россіи и инициатива въ этомъ самаго правительства, по моему разумѣнію,—вещь болѣе чѣмъ полезная.

Финляндское правительство дало 60,000 марокъ для первоначальнаго устройства своей центральной сыроварни. Н. В. Верещагина не получилъ на это ничего и собственными средствами все устроилъ. Онъ получаетъ, конечно, содержаніе, если не ошибаюсь 15,000 р. въ годъ, но долженъ содержать на это всю школу и артельныя сыроварни. Оборотъ его около 20,000 р. въ годъ. Безъ рекламы, безъ объявленій, сбываетъ онъ все, что производить, и сбываетъ ровню на половину дешевле, чѣмъ въ магазинахъ. Только одного швейцар-

скаго сыра онъ не производитъ, находи это слишкомъ затруднительнымъ для своихъ средствъ.

Въ заключеніе не могу не сказать, что въ этой единственной поевъ въ Россіи школѣ нѣтъ ни формализма, ни сухости. Все дѣлается чино, съ особенной охотой, и хозяинъ бываетъ зачастую простымъ помощникомъ своихъ учениковъ. Вообще, личность самаго Н. В.—одна изъ симпатичнѣйшихъ. По первому взгляду на его лицо, въ его глаза, при первыхъ звукахъ этого мягкаго, высокаго голоса, чувствуешь, что онъ долженъ быть очень и очень добръ. День, проведенный въ его обществѣ и еще въ обществѣ его брата, знаменитаго художника, показался намъ особенно пріятнымъ. Я давно не испытывалъ такого отраднаго впечатлѣнія. Глубокой и положительной умъ одного брата и легкое остроуміе, грація, художественность въ рѣчи другого — связали все время въ ихъ рѣчи, и мы болтали обо многомъ и долго. Художникъ Верещагинъ написалъ вчера для школы вывѣску полусошпашими красками, какія нашлись у его племянника. Этими она можетъ сдѣлаться историческою. И кто знаетъ, можетъ быть черезъ нѣсколько столѣтій сія вывѣска будетъ цѣниться на вѣсь золота?..

Отрочъ-монастырь.

9-го августа.

Сегодня отправились мы въ одинъ изъ старѣйшихъ здѣшнихъ монастырей — Отрочъ-монастырь. Онъ стоитъ въ Заволжской частѣ, при впадѣніи Тверцы въ Волгу. Основанъ въ 1215 году, при великомъ князѣ Ярославѣ Ярославовичѣ, отрокомъ его Григоріемъ, почему и называется Отрочъ. Побужденіемъ въ основанію монастыря было, какъ говоритъ преданіе, слѣдующее обстоятельство, не лишнее романтизма: Григорій, съ соизволенія князя, хотѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью пономаря села Единонова, что въ верстахъ 50-ти отъ Твери, на Волгѣ, известною красавицей и умницей, Ксєніей. Когда Григорій, съ соизволенія великаго князя, поѣхалъ въ Единоново, чтобы вѣнчаться съ своей невѣстой, великій князь отправился на соколиную охоту и прибылъ въ Единоново-же. Преданіе гласитъ, что, наканунѣ свадьбы, великій князь ночью видѣлъ сонъ, въ которомъ ему явилась Ксєнія и голосъ слыше сказать, что она должна быть его женой. Съ своей стороны и Ксєнія приснилось то же самое и, увидѣвъ во снѣ образъ князя, она услыла въ него влюбиться. Великій князь не придавалъ однако значенія своему сну; но слѣдующее

обстоятельство послужило окончательнымъ поводомъ къ случившемуся. Подъѣзжая къ церкви села Единонова, гдѣ уже все было готово къ совершенію брачнаго обряда Ксєнія и Григорія, соколъ великаго князя сорвался съ дѣлпи, влетѣлъ и сѣлъ на крестъ церкви, рядомъ съ сидѣвшей уже тамъ бѣлой голубицей. Князь, пораженный этимъ, вспомнилъ сонъ и направился въ деревню. Увидѣвъ же тамъ Ксєнію уже рядомъ съ Григоріемъ передъ аналоемъ, и пораженный ея красотой, онъ мгновенно рѣшился—оттолкнуть Григорія и стать на его мѣсто. Ксєнія его узнала, и тутъ же выразила согласіе на бракъ. Такъ былъ совершенъ этотъ удивительный брачный обрядъ. Что здѣсь правда, что выдумка—трудно разобраться, но фактъ брака великаго князя Ярослава съ Ксєніей не подлежитъ сомнѣнію. Григорій въ ту-же ночь снялъ съ себя придворную одежду и, одѣвшись простоядиномъ, съ тѣхъ поръ исчезъ. Въ молитвѣ и трудахъ проводилъ онъ свое время. Однажды ночью онъ видитъ большое прекрасное поле и Славу Господню, сіющую на немъ свѣтлѣе лучей солнечныхъ. Проснувшись, онъ обратился къ Богу съ молитвой открыть ему значеніе сего видѣнія. Въ ту-же ночь Царица Небесная явилась ему и, указавъ на мѣсто сказала: „На семъ мѣстѣ созижду церковь во имя моего успенія. Великій князь будетъ твоимъ помощникомъ; Богъ хочетъ прославить сіе мѣсто, здѣсь будетъ обитель“. По повелѣнію великаго князя, узнавшаго все это отъ Григорія, мѣсто было расчищено, на немъ сооружена деревянная церковь и освящена въ присутствіи князя. Начали собираться инокъ; великій князь построилъ для нихъ деревянные кельи, далъ имъ игумена Феодосія и снабдилъ новую обитель всѣми монастырскими потребностями. Григорій принялъ иноческій чинъ подъ именемъ Гурія. Послѣ сего онъ скоро умеръ. Тѣло его погребено въ этой обители; но время изгладило слѣды его могилы. Подругимъ преданіямъ, великій князь, мучимый упреками совѣсти, самъ послалъ за Григоріемъ, и когда, послѣ долгихъ розысковъ, его нашли, онъ просилъ у него прощенія и спрашивалъ, чѣмъ онъ можетъ загладить свою вину предъ нимъ. Григорій отъ всего отказался и просилъ только, въ его память построить монастырь тамъ, гдѣ онъ поселился. Великій князь, по указанію Григорія, велѣлъ построить ему келью и церковь, и самъ его часто навѣщалъ. По смерти Григорія, великій князь воздвигъ въ Отрочѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь во имя Успенія Божіей Матери, пожаловалъ монастырю богатая помѣсть тѣмъ

и грамоту за подписью многих удельных князей такого содержания: „Если кто обидит сей монастырь, или людей в немъ живущихъ, то да будетъ лишенъ благодати Божьей и въ сей и будущей жизни“.

Преданіе говоритъ, что въ церкви была библіотека, богатая древностями и хорошими рукописами; но эта библіотека вмѣстѣ съ церковью сгорѣла. Во время Литовскаго погрома, храмъ Успенія, вмѣстѣ съ другимъ, теплымъ храмомъ во имя Петра митрополита, былъ опустошенъ, но не уничтоженъ. Въ началѣ XVIII столѣтія онъ за ветхостью былъ разобранъ и на мѣсто его построена пышная каменная соборная церковь въ честь Успенія Божіей Матери, въ царствованіе Петра Великаго въ 1722 году. Донынѣ существуетъ и теплая каменная церковь, построенная въ XVI столѣтіи; въ ней два престола: одинъ во имя святаго Филиппа, а другой во имя святаго Петра, митрополитовъ Московскихъ. Въ Отрочь-монастырѣ проявлялъ въ XVI вѣкѣ Максимъ Грекъ; здѣсь же заточенъ былъ святишель Филиппъ Московскій. Два года провелъ онъ въ заточеніи и наконецъ былъ задушенъ Малютою Скуратовымъ. Тѣло святаго погребено было въ церкви Успенія, близъ лѣваго клироса, и повоилось тутъ 21 годъ. Потомъ явился Соловецкаго монастыря, гдѣ Филиппъ былъ агументомъ, испросилъ у великаго князя Федора Ивановича согласіе перенести къ себѣ тѣло святаго, оказавшееся при вскрытіи гроба целымъ, поточавшимъ изъ себя миро, благоуханіе котораго разносилось по городу. Нынѣ, надъ мѣстомъ могилы Филиппа имѣется рѣзная, вырешенная и вызолоченная гробница, съ частицей мощей угодника Божія на верхней доскѣ гробницы; надъ ней рѣзная, вырешенная и мѣстами вызолоченная сѣнь (балдахникъ). Келья, въ которой жилъ и былъ задушенъ Филиппъ, находится въ нижнемъ этажѣ теплой церкви. Изъ этой кельи устроенъ алтарь для церкви св. великомученицы Варвары, построенной въ 1835 году, старшимъ бывшаго архимандрита Теофила.

Монастырь обширенъ и красивъ, особенно съ противоположной стороны Волги. Въ церкви Успенія не сохранилось никакихъ болѣе предметовъ старины.

Живопись на стѣнахъ и иконы принадлежатъ уже къ новѣйшему періоду. Иконостасъ очень высокъ и богатъ вызолоченъ. Нынѣ монастырь сей состоитъ подъ управленіемъ архимандрита.

Желтиковъ монастырь.

19-го августа.

Въ 4 верстахъ отъ Твери, въ живописномъ мѣстѣ, на берегу рѣчки Тьмаки, стоитъ Желтиковъ монастырь, ооруженный съ 2-хъ сторонъ высокой каменной стѣной, съ амбразурами и башнями по угламъ, повидимому, приспособленной когда-то къ оборонѣ. Третью сторону составляютъ церковь во имя Алексѣя человѣка Божія и Большой ворота, съ картинами изъ исторіи монастыря и св. писанія, писанными на стѣнѣ. Вся лѣвая, 4-я сторона двора занята длиннымъ зданіемъ, гдѣ помѣщаются кельи, яслище архимандрита и теплая церковь во имя Антонія и Θεодосія Печерскихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то святителемъ Арсениемъ была поставлена церковь деревянная. Изъ воротъ къ нижней церкви Успенія ведетъ красивая аллея изъ подстриженныхъ еловокъ. Кругомъ церкви кладбище, а сада его отгороженъ фруктовый садъ, обильно засаженный яблоками и всякими ягодами. Въ ожиданіи пока отворятъ церковь, я бѣло осмотрѣлъ кладбище. Надгробные памятники все красивые и на нихъ надписи все болѣе извѣстныхъ фамилій: три князя Трубецкихъ лежатъ рядомъ, Полторацкіе, Татищевы, Доктуровы и п. м. др. Здѣсь стоитъ красивый памятникъ надъ могилою извѣстнаго Федора Николаевича Глинка, поэта и мѣстнаго сторожика, лично извѣстнаго покойному Государю. Надгробная надпись на памятникахъ особенно интересна. Есть цѣлыя стихотворенія, есть и трогательныя апокическія строчки въ родѣ: „Здѣсь погребены всѣ мои надежды“, — или „Дѣти—матери“, — или „Прости, незабвенная“ и проч. Читая эти простыя слова, вельзя къ нимъ остаться равнодушнымъ; цѣлая исторія страданія, слезъ, тоски словно проходитъ передъ глазами; воображеніе рисуетъ образы и тѣхъ, кто поковъся подъ этими холодными мраморами и тѣхъ, кто оплакиваетъ ихъ, и самое веселое расположеніе духа должно уступить мѣсто безгражданной грусти...

Церковь Успенія Божіей Матери—старинной архитектуры, камаъ и большинство видѣнныхъ здѣсь мною церквей.. Видъ ихъ—почти равномерный четырехъ-угольный, высоко поднимающийся и ограниченный плоской крышей. На пей пять куполовъ,—одинъ болѣе крупный, и по-бокамъ четыре меньшихъ. Входныя двери съ трехъ сторонъ. Съ благоговѣйнымъ любопытствомъ вступили мы подъ сѣнь

этой церкви, построенной святителем Арсением. Внутренность обширная и простая. Только высокая иконостасъ богато вызолоченъ, да масса иконъ на немъ въ дорогихъ ризахъ. На стѣнахъ же картины, новѣйшей сравнительно работы, писанныя на камнѣ. Большинство ихъ относится къ чудотворной дѣятельности мощей св. Арсенія, и рисуетъ разные факты исцѣленія, воскрешенія, пораженія сватотатцевъ и проч. Картины всѣ въ натуральную человѣческую величину. Изъ сокровищъ храма, понятно, первое мѣсто принадлежатъ негнѣннымъ мощамъ свят. Арсенія. Онѣ почиваютъ противъ мѣстнаго образа Успенія Божіей Матери, у алтаря, въ кипарисной ракѣ, обложенной серебряными, вызолоченными досками. Затѣмъ, какъ древности, въ храмѣ сохраняются слѣдующіе предметы:

- 1) Панагія—на мощахъ св. Арсенія.
- 2) Омофоръ, по преданію, св. Арсенія.
- 3) Крестъ, найденный на гробѣ святителя при открытіи мощей его.
- 4) Посохъ св. Арсенія.
- 5) Каменный гробъ св. Арсенія.
- 6) Древній образъ св. Арсенія, писанный, по преданію, при открытіи мощей его, въ 1483 г.
- 7) Древнее рукописное Евангеліе, пожертвованное въ 1533 г.
- 8) Евангеліе на престольное, изданное иконами братскаго Виленскаго монастыря и пожалованное царемъ Алексіемъ Михайловичемъ.

Изъ предметовъ, съ которыми преданіе связываетъ чудотворную силу, есть покровъ съ мощей св. Арсенія. Этотъ покровъ самъ по себѣ очень интересенъ, какъ въ высшей степени художественное произведеніе. Онъ весь вышитъ шелками и золотомъ, работа миниатюрная и очень красивая. Преданіе монастыря передаетъ за достовѣрный фактъ, что во время Литовскаго погрома Твери, когда литвины ворвались и въ Желтязовъ монастырь, разграбили церковь и одинъ изъ воиновъ сорвалъ вышеупомянутый покровъ съ мощей св. Арсенія, покрывъ имъ лошадь и сѣлъ въ сѣдло, то мгновенный порывъ вѣтра опрокинулъ святотатца вмѣстѣ съ лошадей, убивъ его, а покровъ былъ взнесенъ на верхъ и повисъ на крестѣ главнаго купола церкви. Есть и картины въ церкви, изображающія это памятное событіе.

Монастырь основанъ въ 1394 г., при тверскомъ вел. князѣ Михаилѣ Александровичѣ, св. Арсениемъ, епископомъ тверскимъ. Послѣ 19-ти-лѣтняго управленія тверской паствой, св. Арсеній вознамѣрился воздвигнуть обитель во имя Успенія Богородицы и преподобныхъ Авто-

пія и Θεодосія Печерскихъ, съ тѣмъ, чтобы въ ней было похоронено его тѣло и чтобы будущіе епископы здѣсь же погребались. Построивъ прежде деревянную церковь во имя Автопія и Θεодосія, св. Арсеній началъ строить въ 1404 г. и каменную Успенскую. По устроеніи монастыря, которому в. князь пожаловалъ вотчины и грамоты, св. Арсеній устроилъ себѣ въ каменіи гробъ и поставилъ его передъ собой пѣ кельѣ. Въ ночь, на 2 марта 1409 года, онъ умеръ. Построенная имъ церковь разобрана была въ 1637 году, а на мѣсто ея построена новая, на томъ же мѣстѣ. Придѣлъ на правой сторонѣ, бывший въ прежнемъ, построенномъ самимъ св. Арсениемъ, храмѣ Нерукотвореннаго образа, по указу патриарха Никона освященъ во имя св. Арсенія; а лѣвый обращенъ въ ризницу. Въ 1713 г. церковь вновь была разобрана и, по усердію тверскихъ гражданъ—Викторова и Вагина, вновь устроена уже болѣе благоустроенная и просторная. Окончена она была только въ 1722 г.

Церковь на восточной сторонѣ во имя Алексѣя челоуѣка Божія построена Петромъ Великимъ, по случаю болѣзни его сына Алексѣя Петровича. При ней, для пребыванія каренника, устроены царскимъ издѣвиемъ 3 покоя съ 7 окнами, обращенными въ монастырь; въ окнахъ желѣзные рѣшетки, полъ деревянный, стѣны съ полу до оконъ обиты панелями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась, вѣроятно, кухня и кладовыя. Эти комнаты теперь заперты.

74 года по смерти св. Арсенія тѣло его покоилось въ землѣ и, по преданіямъ монастыря, источило чудотвореніе съ вѣрой приходившимъ къ нему. Открыты онѣ были по просьбѣ епископа тверскаго Вассіана, Иоанномъ Васильевичемъ III, во время похода его на возмущившихся новгородцевъ. По открытіи гроба, мощи святителя обрѣтены негнѣнными, лицо сіяющимъ и ризы въ дѣлості. И съ тѣхъ поръ массы поклонниковъ стали стекаться къ нему и многія чудеса стали совершаться у этого гроба. Въ 1665 году епископъ тверской Лаурентій, въ бѣдность свою въ Москвѣ, просилъ у патриарха Никона позволенія взять гробъ святителя Филиппа, митрополита Московскаго, привезенный изъ Соловецкаго монастыря. Патриархъ соизволилъ на это прошеніе, и въ 1665 году, 2 іюня, мощи св. Арсенія переданы въ раку св. Филиппа, а каменный гробъ его оставленъ въ церкви св. Автопія и Θεодосія, гдѣ и доселѣ находится. Въ 1784 г. тверскіе граждане—Янковскій и Волчанниковъ, устроили для мощей святителя серебряную раку, въ которую и были переданы онѣ

архиепископомъ тверскимъ Теофилактомъ, а гробъ св. Филиппа перенесенъ въ тверской Отрочъ-монастырь.

Вотъ краткая история монастыря. Въ немъ въ настоящее время всего 20 всѣхъ обитающихъ, по многіе и многіе приходятъ осматрѣть этотъ памятникъ старины и источникъ явленій не одного чуда.

Товарищество Русской Мануфактуры ситцевъ въ г. Твери.

11 августа.

Вумагопрядильная и ситцевая Морозовская фабрика въ Твери должна быть причислена къ огромнѣйшимъ фабрикамъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. По обширности размѣровъ, количеству и качеству выдѣлываемыхъ товаровъ и усовершенствованіямъ по всѣмъ отраслямъ выдѣлки—это, вѣроятно, единственная въ Россіи. На одинъ бѣглый, сравнительно, осмотръ всѣхъ отдѣленій ея мы употребили болѣе 4-хъ часовъ. Фабрика стоитъ на б. рѣки Тьмаки, на землѣ, арендуемой у мѣстныхъ крестьянъ на 50 лѣтъ, за 30 тысячъ съ чѣмъ-то рублей. Это дѣльный городокъ, чистый, красивый и благоустроенный. Всѣ зданія окружены палисадниками, а на главномъ дворѣ разведенъ дѣльный садъ, тѣнистый и большой. Зданіе самой фабрики—громадное, каменное, пятиэтажное сооруженіе. Масса остальныхъ зданій—преимущественно деревянная, красивой и вполне законченной архитектуры.

Мы подѣлились къ конторѣ. Намъ встрѣтилъ предупредительный уже о нашемъ посѣщеніи, временно-завѣдующій здѣсь хозяйственною частью, молодой человекъ самой симпатичной наружности. Послѣ обмѣна привѣтствіями, мы предложили ему группу вопросовъ по администраціи и веденію дѣлъ фабрики, по условіямъ быта рабочихъ, благотворительныхъ учрежденій и пр., которые онъ записалъ и обѣщаль намъ черезъ нѣсколько дней представить по нимъ самые подробные отвѣты. Послѣ того онъ предложилъ намъ приступить къ обзору фабрики. Фабричная тройка, запряженная въ коляску, предоставлена была въ наше распоряженіе, и мы, очень обрадованные такою любезностью (шелъ проливной дождь), направились къ главному зданію. По желѣзной лѣстницѣ поднялись мы въ первый отдѣлъ фабрики—

бумагопрядильный и ткацкій. Наверху встрѣтилъ насъ директоръ этого отдѣла, англичанинъ, Иванъ Самойловичъ Вуунъ, весьма почтенный старикъ. Онъ повелъ насъ по всему отдѣлу, начиная съ комнаты, гдѣ производится основа, корень всему этому громадному дѣлу, — гдѣ обрабатывается хлопокъ. Это первая станція всего механизма фабрики. Вотъ въ главныхъ чертахъ всѣ его движенія: хлопокъ, исключительно американскій, посредствомъ машинъ нѣсколько разъ очищается до полученія вполне чистаго и бѣлаго холста, навиваемаго окончательно на большіе валы. Съ этихъ валовъ, посредствомъ *чесальныхъ машинъ*, въ слѣдующемъ отдѣленіи, хлопокъ вытягивается въ ленты *1-го размѣра*, т. е. толстыя и мягкія, собираемые въ длинныя цилиндры. Оттуда онъ идетъ на большія катушки, и посредствомъ *ленточной машины* вырабатывается лента болѣе тонкая и плотная, называемая *1-й равнищей*. Эта лента, посредствомъ машинъ — *банкобросъ* толстый, средней и тонкій — перерабатывается въ такъ называемую *тонкую равницу*, т. е. тонкую и плотную нитку. Переработка производится процессомъ все большаго вытягиванія ленты и навиванія ея на катушки. Сотни машинъ занимаютъ этимъ дѣломъ въ громадной, въ два свѣта, залѣ, подѣ оглушительный, на секунду не утихающій шумъ. Полученная *тонкая равница*, на тысячи катушкахъ, вставляется въ *Мюльманныя* машины, которыя еще разъ и послѣдній, снимаютъ и очищаютъ нитку и изъ нихъ получается уже окончательная нить, идущая на тканье и называемая *пряжей*. *Мюльманныя* машины очень длинны и очень красивы съ длиннымъ рядомъ бѣлыхъ катушекъ. У каждой работаетъ одинъ мальчикъ, и нужна тутъ удивительная ловкость, чтобы посѣвать скручивать порвавшіяся нити, когда онѣ рвутся одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мнѣ говорилъ завѣдующій хозяйствомъ, что, по его расчету, длина нитки, въ день вырабатываемой на этихъ машинахъ, могла бы *36-ть разъ* обойти по экватору, а каждая маленькая катушка имѣетъ на себѣ ее на 2 — 3 версты.

Рядъ выступающихъ стержней, на которые надѣваются катушки, называется *печатками*, и они наполняются 3 раза въ сутки. Рядомъ съ Мюльманными машинами работаютъ здѣсь и другія — *Ватера-молочковыя*, новое и очень остроумное изобрѣтеніе, занимающее гораздо меньше мѣста и больше вырабатывающее. И на этихъ послѣднихъ исключительно работаютъ дѣти.

Произведенную, такимъ образомъ, работу свѣшиваютъ на пуды
Очерки соверш. Россіи.

собственно для выдачи заработной платы. Съ маленькѣхъ катушекъ пряжи перематываютъ посредствомъ катушечныхъ машинъ на большіе валы; работаютъ исключительно женщины. Потомъ самыми машинами перематываютъ еще разъ нить на другіе валы, при чемъ нить здѣсь укладывается изъ нѣсколькихъ валовъ разомъ, съ той плотнотой, которая требуется уже для тѣани. Затѣмъ на клемальной или шматовальной машинѣ нить эту покрываютъ клежкой, уже твердую, упругую, перематываютъ на валы, идущіе прямо въ ткацкіе станки и называемые основной. Продернувъ концы нитей ремизами или бердами, для удобства тканья, что дѣлаютъ дѣвочки, приступаютъ въ самой главной работѣ—къ работѣ тканья. Самое обширное помѣщеніе—это ткацкое. Ткацкихъ станковъ работаетъ около 2-хъ тысячъ. И Господи, что за разнообразіе этого тканья; въ какихъ комбинаціяхъ не переплетается здѣсь нитка. Изъ лучшихъ, какия я здѣсь видѣлъ суровыхъ тканей, это бриллантинъ и полуперстянныя матеріи, не уступающія шерстянымъ. Но фабрика не продаетъ ни одного куска изъ своихъ суровыхъ тканей. Она сама еще ихъ покупаетъ и обрабатываетъ.

Есть и тканья цвѣтные, получаемая изъ окрашиваемой въ различныя цвѣта пряжи. Окрашиванія на фабрикѣ не производится. Изъ продажъ частей сего отдѣла обращаетъ вниманіе огромное слесарное отдѣленіе. Здѣсь починаютъ всѣ части машинъ, готовятъ литье, выливаютъ и даже пробуютъ изготовлять самыя машины. До сихъ поръ успѣшно соорудили съ десятокъ ткацкихъ станковъ, которые всегда выписываются фабрикой изъ Англіи, какъ и всѣ прочія машины. Эти машины, по разнообразію и силѣ замысла,—просто изумительны. Железо здѣсь обращается въ тѣсто, прокатывается и превращается въ листъ. Изъ дюймовой жел. доски, небольшая машина, однимъ приспособленіемъ надрезавъ выкалываетъ кружки въ двугривный. Но не только что изобрѣденіе—это паровая строгальная для досокъ. Всякая доска дѣлается ровной и гладкой однимъ приспособленіемъ, только до верхней, гладкой машины. Вязану помѣщаются втулки. Здѣсь тоже паровые молоты и молотки дѣлаютъ чудеса. Словоны, это отдѣленіе соответствуетъ до той степени, чтобы самому въ скоромъ будущемъ снабжать фабрику всеми машинами.

Заслуживаетъ вниманія еще наглядный вѣдатель масла, изобрѣтенный самимъ директоромъ. Въ большіе чаны наливается масло. Надъ чанами ихъ урублены кружки съ дѣленіемъ до 20-ти фун-

товъ. Масло наполняетъ кружки, закрывающіеся сверху подвижнымъ кружкомъ, куда вдѣланъ поршень. Поршень давитъ на масло и, по жѣрѣ выливаетъ его изъ кружки черезъ край, опускается и жѣлезной палочкой указываетъ дѣленія. Гениально, просто, хорошо и удобно. Вотъ въ общихъ чертахъ 1-й отдѣлъ. Работаютъ здѣсь и день и ночь посмѣнно, мѣняясъ черезъ каждыя 6 часовъ. Второй отдѣлъ гораздо больше и сложнѣе. Здѣсь начинается работа двумя вѣтвями одновременно. Первая вѣтвь—приготовленіе печатающихъ цилиндровъ, т. е. гравированіе и отдѣлка ихъ; вторая—приготовленіе суровой тѣани въ годную для печатанія. По первой вѣтви есть цѣлая мастерская художниковъ, сочиняющихъ узоры—до 500 разныхъ въ годъ. Затѣмъ мастерская граверщиковъ, передающихъ эти узоры на маленькіе цилиндрики, называемые—*матками*. Помощію машинъ, *матки* эти выжимаютъ узоръ рельефомъ на большихъ цилиндрикахъ, и уже тѣ, другими машинами, очень разнообразными, вырѣзываютъ узоры на печатныхъ валахъ. Валы эти вставляются въ *печатный* машины, причѣмъ для каждой краски особый валъ. Самая большая машина работаетъ 8-ю валами. Отдѣленіе приготовленія и разработки красокъ очень велико. Краски, т. е. основныя составы ихъ, выписываются изъ-за границы. Въ лабораторіи, которую заведуетъ самъ директоръ, онъ получаютъ первую переработку, составляются въ массы и сортируются. Потомъ, въ большой мастерской переплавляются, разбавляются и очищаются.

Это самое серьезное отдѣленіе фабрики, ибо отъ качества краски зависитъ достоинство ситца. Директоръ отличный химикъ и самъ здѣсь исключительно работаетъ. Вторая вѣтвь начинается съ *опалыванія* сурового холста производимаго *опальными* машинами. Пламя газа обжигаетъ пухъ съ холста, вертается съ страшною быстротой на цилиндрахъ. Этотъ же холстъ проходитъ потомъ *чистительныя* машины и уже гладкій и чистый поступаетъ въ бѣленіе. *Отбѣльные* машины—это громадные котлы, въ которыхъ сваливается по 80 кусковъ холста и помощью, сначала известки, потомъ кислоты, потомъ соды, хлора и опять кислоты, переходя изъ котла въ котель, холстъ дѣлается бѣлосѣжнымъ. Его моютъ, просушиваютъ, и вотъ тутъ начинается главное производсто его, на *печатныхъ* машинахъ. Машины эти громады и помощью широчайшихъ валовъ передаютъ холстъ къ *печатному* валу, потомъ уносятъ его совѣмъ въ другую комнату—*отдувалку*, гдѣ помощью пара или гѣтаго воздуха при

30 град., проходя десятки валовъ, въ 5 минутъ или 1 $\frac{1}{2}$ часа (зависать отъ системы *отдувалки*), ошпоказывается опять на свѣтъ Божій уже сухой и твердый. Холстъ гуляетъ на пространствахъ, а дула, въсколькихъ верстъ, точно живой.

Отсюда часть его, смотря по узору, идетъ въ сплошную окраску, часть въ *запарку*. Запарка холста производится только для такъ называемыхъ *запарныхъ* красокъ, т. е. тѣхъ, которыя дѣйствиемъ пара получаютъ свой окончательный колоритъ, закрѣпляются на холстѣ, такъ сказать. Укрѣпленіе же краски узоромъ въ окончательной степени достигается *мыльными* машинами, которыя системы весьма разнообразны. Новѣйшая—это громадная машина, въ которой холстъ сначала проходитъ, помощью цилиндровъ, черезъ различныя химическія составы, известнымъ образомъ дѣйствующіе на ту, или другую краску, потомъ проходитъ бассейны съ кипящей водой, разбавленной мыломъ, идетъ все дальше черезъ бассейны все меньшіе и съ водой, насыщенной мыломъ все больше, проходитъ, наконецъ, черезъ отдѣленіе съ брызжущимъ на него чистымъ мыломъ, потомъ опускается опять въ большой бассейнъ съ чистой холодной водой, промывается, охлаждается и опять наматывается на громадные цилиндры, внутри согрѣтые паромъ, и уже совсѣмъ сухой вѣтрякій, съ яснымъ и окончательнымъ узоромъ складывается онъ въ концы машины на подставкахъ. Эта махинація заразъ 4-хъ процессовъ совершается съ поразящей быстротой.

Холсты, подвергающіеся *окраскѣ*, выходя изъ *печатныхъ* машинъ, проходятъ первую инстанцію въ такъ называемой *эремной*. Это большія комнаты съ острыми, удручивыми, укусуемымъ запахомъ проходящимъ отъ испаренія красокъ холстовъ. Тутъ висятъ холсты 2 сутки и потомъ подвергаются *затиркѣ*, т. е. мытью. Окраска ихъ производится *красильными* машинами, въ разные цвѣта, и притомъ такъ, что образуются только мѣста *не выбитыя* печатью, т. е. промежутки между узорамъ. Затѣмъ этотъ окрашенный холстъ, пройдя тоже *отдувалки* и *мыльные* машины, получаетъ окончательный цвѣтъ, совсѣмъ разный съ первоначальнымъ, и сухой, твердый, готовъ въ окончательной его отдѣлкѣ.

Въ этомъ послѣднемъ періодѣ ситцы *окрашенные* и *запарные* подвергаются общей обработкѣ. Ихъ прежде проводятъ черезъ машины *красмаки*, между цилиндрами которой ситцы крахмалятся и слегка вспрыскиваются водой. Потомъ въ *штрипельныхъ* машинахъ, помощью

гутаперчевого нажима, ихъ расширяютъ, вытягиваютъ въ поперечникѣ почти на два пальца и, наконецъ, въ машинахъ, называемыхъ *голландрами*, утюжатъ, т. е. придаютъ имъ глянецъ и окончательный видъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ обработка ситца отъ хлопчатой бумаги до лучшихъ сортовъ ситцевыхъ матерій, которыхъ около 80-ти. Въ *складочныхъ* и *улавочныхъ* мастерскихъ, мальчики съ быстрой молніей развѣшиваютъ на вѣшалкахъ идущій въ нимъ снизу посредствомъ блоковъ ситецъ, другіе складываютъ его въ куски и отправляютъ въ *упаковочную*. Тутъ онъ принимаетъ совсѣмъ магазинный видъ, наклеиваются ярлыки—и дѣло сдѣлано.

Не могу не вспомнить про изготовленіе ситца *муаръ*. Эта любопытная машина называется *колотильной* и состоитъ изъ колесъ, приводящихъ въ движеніе внизу рядъ молоточковъ, бьющихъ по нижней доскѣ, въ которой продѣланы отверстія. Такихъ отверстій рядъ. Въ нихъ-то и просовывается свернутой кусокъ отдѣланнаго совсѣмъ *ладко* ситца, обложенный предварительно кускомъ другой матеріи. Молоточки съ страшной силой стучатъ по этому свертку, поворачиваемому все время мастеромъ. Черезъ нѣсколько секундъ верхняя матерія отъ силы ударовъ рвется и *муаръ* готово. Его причудливые узоры образуются вслѣдствіе сильнаго взаимнаго давленія между собой нитокъ ситца. Особого вниманія своей красотой и добротой заслуживаютъ слѣд. роды ситца: 1) бумазеа, 2) драпъ, 3) рубчикъ, 4) вазъ, 5) миткали, 6) рилсъ, 7) рогожка бѣлая и цвѣтная, 8) парусника, 9) москонишъ, 10) чортова кожа всѣхъ цвѣтовъ и 11) шландъ.

Эти матеріи могутъ смѣло конкурировать съ шерстяными, до того онѣ совершенны. Я не удивляюсь, что Манчестеръ поддѣлываетъ клеима Морозовской фирмы и наполняетъ этими ситцами азиатскіе рынки...

Отъ души благодарилъ мы директора этого отдѣла, Еягенія Эдуардовича Швейцера, за его рѣдкую любезность. Онъ просто потомъ обливался, окончивъ съ нами этотъ отдѣлъ. Да и мы заморились, по рѣшению довести дѣло до конца. Оставались еще всѣ благотворит. учрежденія. Ихъ много и они поражаютъ образцовымъ порядкомъ, чистотой и изяществомъ внѣшняго вида. Въ одномъ домѣ помѣщается родильный покой, повивальное отдѣленіе, пріютъ, гдѣ матери оставляютъ на время работы, дѣтей и пріютъ для сиротъ.

При родильномъ новомъ есть повивальная бабка; всѣ приспособ-

ления и немалая чистота. Въ пріютѣ насъ встрѣтила масса дѣтскихъ головокъ самыхъ разнообразныхъ величинъ и мастей. Смотрительница, высокая, полная левщина, съ доброй улыбкой, точно насѣдка, окруженная облѣпившими ее птенцами, объясняла намъ равныя подробности. Дѣти съ удивленіемъ и болѣе съ задержкой, чѣмъ со страхомъ, смотрѣли на насъ. Навѣки держали крошечныхъ созданий, серьезно внимавшихъ намъ и терпѣливо ожидавшихъ возвращенія въ нѣмъ матерей. Были преуморительныя мордочки. Были здоровыя, но были, увы! и жалкія, точно изъ воску вылѣпленныя. Фабричный воздухъ видно былъ веселъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Для играющаго «полуночь» устроенъ былъ какой-то «полувильничекъ»—огороженное посреди комнаты мѣсто, обитое внутри чѣмъ-то мягкимъ. Маленькіе столы и скамейки служили мѣстамъ посѣданія самой маленькой команды. Тутъ чулся во всемъ миръ, покой и невнятная, безпечная дѣтская жизнь. Ихъ хорошо кормятъ, поятъ и не даютъ скучать. Рядомъ съ этимъ зданіемъ строится большое каменное, куда будетъ перенесенъ пріютъ и значительно расширенъ. Предполагается принимать дѣтей только на половину сиротъ. Больница не оставляетъ желать ничего лучшаго. Деревянное двухъ-этажное зданіе съ нѣсколькими повоюми, обширными и высокими, въ два свѣта, также красиво внутри какъ и снаружи. Стѣны небѣлены, просто тесаныя, пола лоснящаяся чистотой, большія бѣлыя печи, высокія окна, отличная вентиляция—вотъ внутренность больницы. Она построена на 150 кроватей, но лежатъ больныхъ тамъ мало. Преобладающая болѣзнь—поносы. Докторъ пояснилъ намъ, что это происходитъ отъ времени года и незрѣлыхъ плодовъ. Есть камеры для заразныхъ болѣзней, но онѣ теперь пусты. Вообще ни тифа, ни скарлатины, ни оспы, ни сифилиса между рабочими *положительно нѣтъ*.

Тутъ же находится и аптека совершенно полная. Докторъ старичекъ, подвижный и любезный въ высшей степени, съ любовью показывалъ намъ свое царство. На верху больницы временно помѣщается библиотека и читальня. На лѣстницѣ видѣли мы массу мальчиковъ и молодыхъ рабочихъ, съ книгами въ рукахъ, ожидавшихъ перемены ихъ. Все это болѣе чѣмъ отрадно было видѣть. Школа здѣшняя переполнила мѣру нашихъ восторговъ. Я бы не повѣрилъ, еслибы самъ не видалъ. Просидѣвъ 9 лѣтъ на школьной скамьѣ, я могу судить нѣсколько о вѣншемъ видѣ и атрибутахъ классовъ. Смѣло заявляю, такого милаго, уютнаго и чистаго помѣщенія и у насъ въ

классахъ не было. Тѣ же небѣленныя стѣны, тѣ же лоснящіеся чистотой полы, что и въ больницѣ, но при этомъ масса горшковъ съ цвѣтами, почти закрывающихъ окна, по стѣнамъ вѣшущіяся плащъ, картины изъ исторіи, ботаники естественной исторіи, и *преимущественно священная писанія*, маленькія скамейки, приспособленныя по послѣдней методѣ въ гигиеническому сидѣнію—вотъ внутренность классовъ. Ихъ три и приготовительное отдѣленіе. Въ каждомъ классѣ есть параллельное отдѣленіе и еще одно отдѣленіе для взрослыхъ рабочихъ. Количество посѣщающихъ школу учениковъ доходитъ до 1100—это фактъ. На стѣнахъ классовъ вѣшаны слѣдующія объявленія:

- 1) Малолѣтніе до 15 лѣтъ ходятъ на фабрику по-смѣнно, по 4 часа каждая смѣна.
- 2) Работа начинается въ 6 часовъ утра и кончается въ 9 вечера.
- 3) Ночью малолѣтніе не работаютъ.
- 4) Всѣмъ малолѣтнимъ вѣнняется въ *обязанность* посѣщать школу въ свободныя отъ фабр. занятій часы, и заниматься въ ней по меньшей мѣрѣ по 3 ч. въ день.
- 5) Виновыя въ нарушеніи сего правила платятъ штрафъ, или подвергаются наказанію, т. е. замѣнѣ, одной смѣны—тремя, на фабрикѣ.

Изъ разспросовъ главнаго учителя, я узналъ, что официальная программа этой школы—программа народнаго училища. Но кончившіе въ ней курсъ смѣло могутъ попасть въ 2-й классъ реальной гимназіи. Два раза въ мѣсяцъ пріѣзжаетъ для ревизованія школы пѣтъ Москвы инспекторъ. Смотрѣлъ я все это, слушалъ и жалѣлъ только, что не попалъ въ занятія, которыя откроются здѣсь по полной программѣ послѣ 16 августа. Книги, бумага, всѣ нужны для обученія принадлежатости, все это *беззачинно* высылается изъ Москвы, по первому требованію учителя. Вскочивши въ коляску, чтобы возвратиться въ контору, гдѣ ждалъ насъ чай, я не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Да сколько-же вы тратите на благотворительность?

— Около 35 тысячъ, былъ отвѣтъ.—И замѣьте, прибавилъ, улыбаясь, нашъ чпчеронъ,—у насъ еще строится большая каменная школа для взрослыхъ; очень многіе изъ нихъ выражаютъ желаніе учиться.

— А пьянство, много пьютъ? спросилъ я послѣ молчанія.

— Какъ вамъ сказать? У насъ жалованіе выдають помѣсячно. Я какъ-то въ воскресенье, послѣ раздачи, прибылъ сюда, въ надеждѣ застать генеральное пьянство. И чтожь?—въ 9 часовъ все было мирно и тихо, все спало.

Правда-ли это—не знаю, но во всякомъ случаѣ очень похоже на правду. За чаемъ мы еще подробнѣе разговорились. Между прочимъ, вотъ что услышала я еще:

— Администрація фабрики ничего, кромѣ барыша, не выѣдетъ отъ этихъ большихъ затратъ на благотворительность, говорилъ молодой управляющій. Истратимъ мы 40 тыс., а получимъ 80 лишнякъ. Работникъ это такъ цѣнитъ, что готовъ идти къ намъ за низшую плату. Его дѣти не одни дома; они не голодны, они учатся. Онъ самъ заботится—его лечать и холать. Онъ неузнченъ—у него пенсіонъ; онъ состарился, наконецъ, не можетъ работать—для него богадѣльна. Словомъ, вся жизнь обезпечена; онъ дорожитъ этимъ, старателемъ, въжливъ, не пьянствуетъ. Да и директора у насъ такіе, какіехъ винного. Это отцы для рабочихъ; съ своей стороны, они тоже говорятъ, что нѣтъ лучше работника, въ смыслѣ внимательности и добросовѣстности, какъ русскій. А они-то потерлись по бѣду-свѣту...

Съ часъ еще болтали мы за ставаномъ чай въ элгантной, уютной комнатѣ, составляющей часть апартаментовъ «для пріѣзжающихъ» на фабрику. Дождь уныло стучалъ въ окна, вѣтеръ завывалъ, а тутъ такъ хорошо было утѣплягоса каміна,—роскошь, отъ которой давно мы отвыкли. Такъ-бы и спдѣлъ все... Но К. озагался внимательнѣе меня и, вспоминая, что мы ужъ и такъ цѣлый день отняли у нашего любезнаго хозяина, увелъ меня съ собой.

Измученный бѣготней и шумомъ, но съ полнымъ удовольствіемъ въ душѣ, вступила я въ мрачныя стѣны своего номера...

Два пригрядныхъ села.

12-го августа.

Село Ж., К-ой волости, верстахъ въ 9-ти отъ города, раскинуто на берегу р. Тьмаки, здѣсь довольно высокому, вблизи К-го монастыря. Это красивое мѣсто, благодаря близости города и чудесной сосновой рощѣ, идущей длинной, хотя узкой полосой, по противоположному берегу Тьмаки, выбрано тверитянами подъ ихъ лѣтнюю резиденцію. Здѣсь ихъ проживаетъ около 40 семействъ, въ другихъ же окрестныхъ селеніяхъ еще два раза столько, такъ что дачное население г. Твери не превышаетъ 120 семействъ. Дачи—это крестьянскіе домики, не затѣйливые и далеко не видные, но достаточно опрятные. Эти домики группируются по обѣимъ сторонамъ единственной улицы селенія, прямой и широкой. За ними уже болѣе убогія пристройки, въ которыхъ помѣщаются сами крестьяне съ ихъ семействомъ. А за этими пристройками, съ одной—узкая извивающаяся лента Тьмаки, съ другой—желтѣющая ширь полей. Проѣхавъ въѣздныя ворота, мы остановились у втораго домика съ краю, гдѣ была прибита дощечка волостнаго правленія. Домикъ былъ очень малъ, но и очень милъ, благодаря палисаднику, обружающему его со всѣхъ сторонъ. Къ крыльцу, черезъ воротца, велъ узкій проходъ, усыпанный пескомъ. На скамейкѣ, близъ этихъ воротецъ, сидѣло нѣсколько крестьянъ, при нашемъ приближеніи засуетившихся.

Однѣхъ възъ нихъ, высокой брннетъ, съ цѣпью на шеѣ, бросился насъ высаживать, а другой съ нѣсколько истасканнымъ лицомъ, въ костюмѣ, переходящемъ отъ прикащичьяго къ лакейскому,—отворять передъ нами двери правленія. Мы вошли въ небольшую комнату

въ три окна, очень чистую и уютную. Коричневая, тесовая стѣна, съ наклеенными на нихъ «правилами» и «объявленіями», лавки вокругъ нихъ и между двумя оконцами письменный столъ, съ тремя креслами кругомъ, двумя мягкими и однимъ соломеннымъ плетенымъ, дѣловой шкафъ у стѣны—вотъ вся мебельровка и внутренность сей комнаты, если прибавить еще уголь, обвѣшанный образами съ лампадой, и надъ письменнымъ столомъ, лубочной работы, портреты покойнаго и нынѣшняго Государя Императора. На письменномъ столѣ, покрытомъ чистой клеенкой, правильно были разложены противъ каждаго кресла, листы бѣлой бумаги и карандаши. По всему видно было, что о нашемъ прїездѣ были предупреждены.

— Волостной старшина...

— Волостной писарь, вмѣсто чести представиться... отрекомендовался одинъ за другимъ—мужикъ съ цѣпью и вилкой, донельзя почтительный, его товарищъ.

Онъ бережно стащилъ съ меня пальто и также бережно, точно боясь разбить, повѣсилъ его на шкафъ.

Мы усѣлись и предложили мѣсто старшинѣ; но тотъ отказался.

— Постойте-съ, ничего...

Послѣ нѣсколькихъ нашихъ первыхъ вопросовъ, дверь отворилась, и высокій урядникъ, согнулся въ низкой двери, вошелъ въ комнату. Осанка и лицо этого молодого человѣка показывала въ немъ интеллигентнаго. Онъ вѣжливо поклонился, тоже отрекомендовался и сталъ въ углу.

Одинъ за другимъ, предлагать я вопросы изъ заранѣе составленной программы, но не на всякій получалъ прямой и толковый отвѣтъ. Отвѣты волостнаго старшины дополнялись писаремъ, того въ свою очередь, урядникомъ, и только послѣ многихъ «подходцевъ», такъ сказать, многихъ объяснительныхъ и сравнительныхъ предложеній, съ нашей стороны и еще большаго количества вводныхъ съ противной стороны—дѣло объяснялось.

— Какъ ежели тапереча ваше пр—ство, насчетъ... начиналъ старшина степенно и тихо, заложивъ свои руки на животъ.

Я любовался его чистотой мужицкой величавостью и спокойными, хотя почтительными движеніями; я съ удовольствіемъ вслушивался въ его нѣсколько фразистую рѣчь съ странными оборотами и неожиданными, полными иногда глубокаго ума, почти философскими выводами

и вставками. Вообще онъ говорилъ обстоятельно и производилъ впечатлѣніе недюжняго, природнаго ума.

— Осмѣлюсь вамъ почтительнѣе доложить, ваше высочество... нагибался надъ мной ухомъ, почти шепталъ, стоящій за мной волостной писарь. Онъ видимо терзался во время длинныхъ рѣчей волостнаго старшины, горя нетерпѣніемъ изложить намъ предметъ и обстоятельнѣе и короче. Онъ сморщилъ въ ротъ старшинѣ, и его бѣдныя губы не разъ вытягивались какъ-то особенно почтительно «трубочкой» и раскрывались уже готовыя заговорить. Но видя наше вниманіе въ словамъ старшины, онъ ограничивался только отрывочными звуками, начинавшимися всегда...

— Осмѣлюсь вамъ почтительнѣе и т. д...

Когда же, наконецъ, обращался прямо къ нему, его форма рта, голосъ, граціозный наклонъ туловища въ нашу сторону, словомъ—весь онъ точно утопалъ въ пошлѣйшій почтительности и усердія, который онъ все-таки умѣлъ въ себѣ сдерживать. Его голосъ все поднимался выше самаго низкаго и бархатнаго, движенія были хотя быстры, но округлены, манера переворачивать страницы журналовъ, стучать молоточками на счетахъ—была въ высшей степени благообразна, закончена, если такъ можно выразиться. Такъ, при переворачиваніи страницъ онъ употреблялъ не 2-й, а 3-й палецъ и сжималъ его почти незамѣтно. На счетахъ онъ тоже дѣйствовалъ тѣмъ же 3-мъ пальцемъ, только при этомъ граціозно приподымалъ остальные три, пятый выше и граціознѣе всѣхъ. Щельную послѣдней косточкой, отеревъ нужную страницу книги, или кончивъ послѣднее слово фразы, онъ отступалъ шагъ назадъ съ рукою по швамъ, нѣсколько присѣдалъ на одну ногу, втягивалъ въ себя губы и слегка связывалъ голову въ сторону старшины, съ видомъ покорно-торжествующе сострадательнымъ. Я имъ исподтишка не переставалъ любоваться.

— Изволите-ли влѣтъ... такъ начиналъ урядникъ, вступающій въ разговоръ, только когда прямо къ нему обращался, или когда и обстоятельная рѣчь старшины и почтительныя объясненія писаря оставались намъ не совсѣмъ усвоенными. Тогда онъ приподымался со скамейки въ уголку, куда примостился уже, постоявъ больше часу, выступалъ впередъ и, улыбаясь широкой улыбкой и тицетно стараясь найти надлежащее положеніе своимъ длиннымъ рукамъ (по швамъ держать ихъ онъ видно стѣснялся), въ удобопонятныхъ выраженіяхъ

повторял онъ сказанное. Онъ былъ въ должности очень недавно и потому мало самъ еще что знаетъ.

Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ добиваясь мы нужного и, послѣ 4-хъ часовъ терпѣнія, отвѣты на всѣ наши вопросы были готовы и записаны.

И постараюсь въ общемъ разсказать привести здѣсь тѣ изъ нихъ, которые могутъ имѣть интересъ для всякаго читателя съ точки зрѣнія экономическихъ и бытовыхъ сторонъ крестьянскаго населенія.

Въ данной волости насчитывается до 1,000 крестьянскихъ семействъ, владѣющихъ 12,657 десятинами земли. Среднимъ расчетомъ, значить, на крестьянскую семью приходится отъ 12—13 десятинъ; надѣлъ не малый. Въ эту цифру входятъ земля: пахатная, сѣнокосная, лѣсная и выгонная. Пахатная земля въ большинствѣ случаевъ плоха и требуетъ обильнаго удобрения; сѣнокосная очень бедна, даетъ около 5 возовъ сѣна (125 пуд.) на двѣ души; лѣсная состоитъ изъ кусковъ молодого кустарника и прекрасной соеновой рощи по р. Тьмакѣ, взятой въ настоящее время на три года въ опеку правительства, благодаря бывшимъ въ ней прежде огромнымъ порубкамъ, и, наконецъ, выгонная совѣмъ неудобна (песокъ и кочка), что заставляетъ крестьянъ ежегодно арендовать чужую, платя за это и значительными деньгами, и разными обязательствами. Имущество и доходность крестьянской семьи — это два самые важные пункта въ каждой статистической программѣ, но ихъ-то и труднѣе всего правильно разобрать. Крестьянинъ не знаетъ цѣнности своей земли, потому что онъ ея не хочетъ и не можетъ продать. Съ другой стороны, онъ очень подозрителенъ и не общителенъ въ этомъ отношеніи, видя въ каждомъ спрашивающемъ его объ этомъ «начальство», и боится новыхъ сборовъ и налоговъ.

Такъ и не сообщая намъ нашъ старшина, что можетъ стоить его личный надѣлъ. Пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторой хитрости. Я подробно разспросилъ его о количествѣ и цѣнѣ всѣхъ продуктовъ, получаемыхъ имъ съ земли и, по 6 проц. расчету съ дохода, получилъ весьма приблизительную цифру стоимости его земли.

Понятно, что эта цифра такъ приблизительна, что по ней нельзя дѣлать какихъ-нибудь общихъ выводовъ. Личныя качества самаго крестьянина: его трудолюбіе, умѣнье хозяйничать, количество и качество удобрения и, наконецъ, случайность урожая, или неурожая, влияют въ значительной мѣрѣ на его доходъ. Въ данномъ случаѣ по-

тому я постарался свести всѣ эти условія къ одному знаменателю, т. е. взявши крестьянскую семью самую исправную (семью полостнаго старшины) при надѣлѣ 4-хъ-душномъ и, сравнительно съ другими селеніями, самомъ большемъ при хорошемъ удобреніи земли и въ годъ урожайный: — у меня получалась стоимость земли около 800 руб. Исходя отъ этой цифры ввысь, мы доходимъ, при обыкновенномъ крестьянскомъ семействѣ, въ селеніяхъ съ самой плохой землей (при подзолистомъ грунтѣ съ бѣлымъ пескомъ) — до 300 руб. стоимости 4-хъ-душнаго надѣла. Значить, въ средней крестьянской семьѣ, съ 2½-душнымъ надѣломъ, съ среднимъ качествомъ земли, стоимость имущества будетъ колебаться отъ 300—350 руб. Затѣмъ стоимость построекъ. Эти свѣдѣнія мы добыли только благодаря обязательному крестьянскому страхованію. Хотя и тутъ огромная возможность ошибиться. Напр., нашъ старшина страхуетъ по обязательному страхованію свои постройки въ 500 руб., когда еще въ прошломъ году, по необязательному, онъ страховалъ ихъ въ 800. Причина тому та, что по необязательному страхованію страховая премія повысилась въ 1883 г. вдругъ съ 1¼ к. на 2¼ к. Онъ нашелъ такую премию себѣ не по средствамъ и застраховалъ свое имущество въ обязательномъ страхованіи, гдѣ оцѣнка имущества дальше 500 рублей идти не можетъ.

— Какъ Господь устроитъ, говорить онъ. Сожгетъ, ну, потеряю 300 руб., а нѣтъ, Его святая воля..

Средняго благоустройства хозяйство страхуетъ свои постройки до 300 руб., а нашего отъ 70 до 100 руб., кромя быблией, которымъ дозволяется страховать свое имущество хотя бы въ пять рублей.

Вотъ приблизительныя данныя о недвижимомъ крестьянскомъ имуществѣ. Движимое — это скотъ его. Домашній скотъ, главное: лошадь и корова, необходимы въ каждомъ хозяйствѣ крестьянскомъ какъ воздухъ. Безъ нихъ крестьянинъ уже считается нищимъ. Чѣмъ больше его, тѣмъ больше у него статей дохода, тѣмъ больше навозу, а слѣдовательно лучше и хлѣбъ. Но содержаніе его сопряжено съ однимъ главнымъ условіемъ — съ количествомъ и качествомъ пастбищъ. При хорошемъ пастбищѣ 4-хъ-душное крестьянское семейство можетъ держать 2 коровы, 2 лошади и шугуи 4 овецъ.

Обыкновенная же 2½-душная семья, при среднемъ пастбищѣ, держитъ одну корову, 1 лошадь и двѣ овцы. Корова даетъ около 2-хъ вувшиновъ молока въ день, которое здѣсь очень удачно събывается крестьянами дачникамъ и въ городъ по 10—15 коп. за кринку. Но

на кормъ ея собственной соломы и сѣна не хватаетъ, да и недостаточно коровѣ этой только пищи. Приходится раннею весной примѣшивать въ корму муку. Навоза отъ скота тоже далеко не хватаетъ на удобрение полей и, только благодаря фабригѣ Морозова и К°, откуда крестьяне свозятъ нечистоты, удобрение въ этомъ селеніи производится порядочно. Вообще крестьяне этой волости на разведение и улучшение скота не прилагаютъ, особенно большихъ усилий и держатъ его только по необходимости.

Доходность крестьянской семьи узнать еще труднѣе, чѣмъ стоимость ея имущества. Въ этомъ крестьянннѣ еще менѣе смѣлится, такъ какъ все получаемое отъ хозяйства самъ же и проживаетъ. Урожай у нихъ всегда одинаковъ. Дальше самъ 6-тъ для озимыхъ и самъ-3-ей для яровыхъ—урожай, по словамъ крестьянъ, не идетъ.

Оцѣнивая весь хлѣбъ, сѣно, солому, овощи и продажный лѣсъ, нашъ старшина, при образцовомъ веденіи хозяйства, не имѣлъ болѣе дохода какъ 325 р. въ годъ, при 4-хъ-душномъ надѣлѣ, что составляетъ на одну душу 81 р. 25 к. Очевидно, что его семья, при трехъ работниковъ, не въ состояніи прокормиться только изъ продуктовъ своего хозяйства, тѣмъ болѣе еще, что муку приходится подмѣшивать въ кормъ скоту.

Ей надо, по меньшей мѣрѣ, на 7 человекъ, доходъ въ 500 р., значить около 200 р. она должна искать заработковъ на сторонѣ. И вотъ, тутъ-то спасаетъ крестьянъ К—ой волости фабрика Морозова и К°. Почти весь мужской персоналъ и много женщинъ работаетъ на ней и зарабатываетъ отъ 8—30 руб. въ мѣсяцъ. Крестьянннѣ оставляетъ семью на надѣлѣ; та, какъ знаетъ, должна справиться съ хозяйствомъ. Въ воскресенье и праздничные дни онъ приходитъ домой исправляетъ самонужнѣйшія дѣла по хозяйству. По отзывамъ волостнаго старшины, ни земля, ни хозяйство отъ этихъ отлучекъ его не страдаютъ. Во-первыхъ, крестьянннѣ самъ заботится о своемъ надѣлѣ, какъ о доходной статьѣ; во-вторыхъ, если бы онъ и хотѣлъ се бросить, миръ не позволилъ бы этого. «Ты ступай, куда хочешь», говорилъ старшина, «но чтобы твой участокъ былъ вспаханъ и заборонованъ, какъ и прочіе»...

Значитъ, фабричное дѣло ни мало не мѣняетъ дѣлу хозяйственному въ крестьянской семьѣ, слыша только подспорьемъ ему и часто даже средствомъ въ лучшему веденію его, къ расширенію. Выводъ крайне

важенъ, по моему, въ обсужденіи экономическаго быта фабричныхъ крестьянъ.

Изъ прочихъ, не работающихъ на фабрикѣ, часть занимается въ городѣ извознымъ промысломъ, зарабатывая отъ 1¹/₂—4 руб. въ день, значить и она совсѣмъ обеспечена; часть же, очень малая (около 30 чел. на волость) въ отхожемъ промыслѣ внѣ губерніи. Такъ добываютъ себѣ крестьяне К—ой волости, недостающую имъ почти на половину, сумму средняго расхода. Живутъ хорошо, это видно, да и сами они того не отрицаютъ. «Но не будь фабрики, не будь города вблизи», сказалъ я себѣ, «гдѣ бы они достали эти деньги, нужны, чтобы не умереть»?... Но такъ какъ и фабрика и городъ были, а крестьянннѣ былъ сытъ и веселъ, то потому и особеннаго повода къ такимъ размышленіямъ не имѣлось, и я, въ самомъ веселомъ тонѣ, продолжалъ свои распросы.

Крестьянскіе платежи состоятъ изъ государственныхъ, изъ земскихъ, изъ частныхъ и дополнительныхъ.

К—ая волость при 12,657 десятинахъ обложена:

- 1) Оброчною государственною податью въ количествѣ 17,041 руб. 47 коп.
- 2) Добавочнымъ государственнымъ налогомъ около 400 руб.
- 3) Выкупныхъ платежей 6,396 руб.
- 4) Земскихъ сборовъ 2,317 руб. 51¹/₂ коп.
- 5) На содержание волостнаго правленія и вообще такъ называемаго частнаго сбора 1,217 руб. 60 коп.

По среднему расчету на крестьянскую душу приходится всѣхъ сборовъ 11 руб. 4 коп., т. е. почти вдвое противъ того, что эти же крестьяне платили при старыхъ порядкахъ до введенія зем. учрежд.

— Такъ какъ же вы? Не совсѣмъ довольны новыми порядками? спросилъ я старшину.

Онъ помаялся.

— Какъ же можно быть недовольнымъ? Нѣтъ, ничего, довольны-съ.

— Ну, а ты вѣдь поминать старое время? Сравнить можешь же? Когда лучше, легче жилось? Тогда, или теперь?

Онъ не сразу отвѣтилъ. Хитрая улыбка забродила на его губахъ. Глаза смотрѣли лукаво и подозрительно.

— Личе-то теперь живется—это такъ, это вѣрно, а лучше-то—надо-тъ быть тогда. И потому словно испугавшись своихъ словъ, онъ скоро заговорилъ:

— Да и лучше бы теперь жилось, кабы жили по-божески, по старому. А то, поди-вотъ, всякъ живетъ не по средствамъ, можно сказать. И чай этотъ распиваютъ, и табакъ курятъ, однимъ словомъ — не по доходамъ своимъ. Ну, и почитаніе тоже въ семействахъ не то, что прежде было. Хотя жаловаться на это у насъ особенно нельзя. У насъ еще ребята слушаютъ родителей. А въ другихъ-отъ нѣстахъ, плохо, сказываютъ. Ну, а на счетъ того, что теперь легче, такъ это вѣрно. Очень даже легче.

— Въ чемъ-же легче? допытывался я.

— Да какъ вамъ сказать, затруднился старшина.—Свободѣе, значить, тѣсенія такого нѣтъ..

— Да кто же васъ прежде тѣсилъ? Вѣдь вы государственные были?

— Точно такъ-съ!

— Такъ и тогда не было тѣсенія. Платили меньше, жила, почитай, богаче, достатнѣй?..

— Достатнѣй, это вѣрно, живо подхватила старшина.

— Тогда если и денегъ такихъ не бывало, какъ нонѣ, такъ и то жилось лучше; потому по простотѣ жили, по валону... Ну, а конечно, что-жь? Всякъ коровить, значить это пороскошнѣе.. Потому и не хватаетъ.

— Такъ, значить, не очень-то и легче теперь, настаивалъ я.

— Нѣтъ, какъ можно, все-же легче.. упорно стоялъ на своемъ старшина, опять подозрительно заглядывая на меня. Я пояснилъ, что болѣе обстоятельный разговоръ на эту тему невозможенъ между нами, и переимѣнилъ вопросы.

Въ волости 3 школы. Обучающихся въ нихъ 220 дѣтей, изъ нихъ 30 дѣвочекъ. На 1000 семействъ это процентъ вполне достаточный. Во всѣхъ школахъ обучаютъ учительницы. Одна, окончившая курсъ въ гимназіи въ Петербургѣ, другая въ Твери и 3-я изъ семинарии Максимовича. Крестьяне весьма довольны обученіемъ дѣтей и смотрятъ на это дѣло болѣе чѣмъ сочувственно. По отзывамъ старшины, ученіе нисколько не отбавляетъ ихъ ни отъ работы, ни отъ семьи. Учительницами своимъ они тоже довольны, хотя мало ихъ знаютъ.

— Окромѣ пользы отъ нихъ, ничего не имѣемъ.. Такъ охарактеризовалъ народная школа вашъ старшина.

Занятія въ школахъ здѣсь начинаются только съ октября, а школьное помѣщеніе на лѣто отдается подъ дачу, такъ что ни видѣть, ни

слышать, въ большому нашему сожалѣнію, самаго обученія намъ не удалось.

Кабаконъ въ волости 3, трактиръ 1, также одинъ ревковскій погребокъ и два постоялые двора. Пьянство въ волости развито на столько, на сколько мужаву «необходимость есть выпить», объясняли намъ старшина.

Горькихъ пьяницъ 2—3. Остальное пьетъ себѣ, да не пропадаетъ. Заморознаго даванія водки и кудачества между кабатчиками— «и въ заводѣ нѣтъ».

— Вотъ раздѣлы между крестьянами маленько портить всѣмъ, и говорилъ старшина, когда мы ужъ кончали работу и, потягиваясь, собирались встать.

— А что?

— Да все это бабы! Чтобъ ихъ!. Все больше бабы! Ну, а хозяйство понятно страдаетъ. Куда-жь тутъ хозяйничать, когда всякъ свое.. Обидѣние одно..

— А вы зачѣмъ-же позволаете?..

— Не позволтъ вовсе нельзя. А мы вотъ увѣщаемъ, да затрудненія дѣлаемъ въ волостномъ судѣ. Слава Богу, помогаетъ маленько, особенно не жалуемся. А вотъ насчетъ страховки, такъ это обидѣли насъ. И вовсе обидѣли..

— Какъ, чѣмъ?..

— Да какъ-же это тепериче съ насъ 2 коп. берутъ! Брали всегда 1 коп., въ прошедшемъ годѣ подняли это на 1¹/₂ коп., а нонѣ сразу махнули на 2 коп. Такъ вѣрите-ли, ваше высокобл—діе, всѣ крестьяне даже ахнули. Потому мы прежде были очень довольны самой преміей. И подняли это многіе опѣнну имущества. Кто страховалъ въ 200—поднялъ на 350, кто 300—на 450, а то и на всѣ 500 р. А тутъ, значить, вдругъ, ничего это не предупредивъ, махнули сразу 2 коп., ну и во всемъ завалили. Гдѣ же это другому взять? Тепериче въ примѣръ я. Страховалъ въ вольномъ, потому имущества рублей на 800. Тамъ подняли, я перешелъ на обязательное, такъ и тутъ вдругъ подняли. Расчета, значить, никакого мнѣ нѣтъ, а если сгоритъ—одинъ убытокъ.

— Можетъ у васъ пожары часты?

— Да ничего особеннаго. Вогъ мигаетъ. Давно ужъ не было. Да и опасности у насъ мало, потому съ фабрики паровыя машины и трубы даютъ.

«Странно», подумалъ я.

Мы кончили эту первую нашу пробную работу съ весьма приятнымъ впечатлѣніемъ. Прочтя еще разъ все и попомянувъ цифровыя данныя, мы, наконецъ, встали и проплыли по селу.

Ни запустѣнія, ни тоски, не говоря ужъ о нищетѣ, ни на чемъ не было видно.

— Жить можно, значитъ?.. улыбаясь спросилъ я на послѣдочь, когда сидѣлъ ужъ въ экипажѣ.

— Какъ нельзя!.. Весьма даже можно. Слава Господу, не жалуюсь.. также улыбаясь отвѣчалъ старшина провожая насъ низкими поклонами.

14-го августа.

Далеко не въ столь радужномъ настроеніи духа вернулся я сего дня съ экскурсіи въ другое подгородное село В—ое, М—ой волости. Все какъ-то случилось совсѣмъ иначе, чѣмъ въ тотъ разъ. Погода пасмурная и холодная съ утра, невѣроятному скверное расположение духа, дорога длинная (14 верстъ) и, благодаря дождямъ, мѣстами буквально обратившаяся въ озеро, все это и многое другое заставляло меня хмуриться и морщиться, когда мы подъѣзжали къ околицѣ В—го села. Видъ его пѣбушекъ, особенно жалкихъ въ эту осеннюю погоду, много лучшѣ съ наглухо заколоченными ставнями и дверьми, вымороженными или брошенными хозяевами, наводило невеселое уныніе. Я ужъ хотѣлъ-было повернуть да и домой, особенно когда объявили намъ, что ни волостнаго старшина, ни писаря нѣтъ, что они въ городѣ у исправника. Но пересилилъ себя и, скрѣпивъ сердце, переступилъ грязныя стѣны и вошелъ въ контору. Она ни въ чемъ не походила на К—ую. Она гораздо больше ея, свѣтлѣе, раздѣлена деревянной перегородкой на часть, за которой помѣщается самое присутствіе, и другую половину, для «публича». Тутъ было и грязно и непривѣтливо. Грязныя стѣны, полъ, лавки и голыя окна особенно рѣзали глаза, благодаря обилію свѣта и простору. Ни слѣда уютности, ни даже тѣни претензіи на изящество, которыя такъ приятно и сразу подѣйствовали на насъ въ Ж—вѣ.

Кривой сторожъ правленія вѣзаль вокругъ насъ, не зная что мы и зачѣмъ. Въ отдѣленіи для публики застали мы человѣкъ 6—7 му-

жичковъ, грязныхъ и жалкихъ, съ понурыми лицами, съ утомленіемъ во всей фигурѣ, сидѣвшихъ на лавкѣ. При нашемъ появленіи они встали и, безучастно глядя на насъ, мѣли въ рукахъ свои грязныя картузы. Общій видъ сей харьки былъ непригляденъ.

— Что вы, братцы, адѣсь? обратилась я къ нимъ.

— Къ старшинѣ, ваше высокопревосходительство.

Я невольно улыбнулся при этомъ титулѣ.

— Что же вамъ нужно отъ него?..

— Да вотъ, насчетъ недоимки все... заговорилъ одинъ изъ нихъ, не молодой уже мужикъ, высокій и крѣпкій, съ красивыми, слезившимися глазами.

— Какой-токой недоимки?..

— Да недоимки, ваше высокопр—во!..

— На счетъ податей-то?..

— Такъ точно, ваше высокопр—во!..

— Такъ что же, съ васъ требуютъ?..

— Требуютъ, ваше высокопр—во! Хотятъ, вонъ, описывать. Хлѣбъ на полѣ, лошадку, коровку — все продадутъ... и голоса мужика дрогнуло.

У меня отъ этого голоса тоже что-то дрогнуло въ груди. Я отвернулся и прошелся по комнатѣ.

— Такъ когда же описывать-то будутъ?..

— Назначено на 16 число... Мы ходили къ г. исправнику, просили... Христомъ Богомъ... прогналъ васъ... и слушать не сталъ... отрывочно сообщалъ другой мужикъ маленькій и тощій, съ выключенной головой и съ изрытыми глубокими морщинами лицомъ. Онъ стоялъ подперши голову черной заскорузлой ладонью и съ болѣзненнымъ видомъ смотрѣлъ куда-то въ сторону.

— Такъ что-жъ, братцы! Вѣрно нужно, положеніе есть. Исправникъ тутъ самъ не можетъ ничего сдѣлать.

— Не знаемъ-съ... глухо отвѣчали мужики.

— А вы бы къ г. губернатору пошли?

— Говорили намъ это... да боязно. Куда же намъ къ г. губернатору?..

— Отчего? горячо подхватилъ я. Онъ добрый у васъ.

Мужики неопредѣленно махали на мѣстѣ. Видно было, что они еще слишкомъ науганы недавнимъ отказомъ.

— А много-ль недоимки-то на васъ?..

— Да рублей по 15, а то по 18 есть, загадѣли мужичи, огла-
дывая другъ друга.

— Отчего же вы не платили до сихъ поръ?.. Вѣдь есть законъ, для
всѣхъ одинаковъ, вы должны слушаться.

— Это мы очино даже понимаемъ. Съ нашимъ даже удоволь-
ствиемъ платили бы, да откуда его брать?.. На собственное, зна-
чить, пропитаніе не хватаетъ... гдѣ же достать?.. упавшимъ голосомъ
очинъ заговорилъ высокій мужикъ.

— Теперь ежели продадутъ все, послѣ паузы продолжалъ онъ, и
корову и лошадку... все значить... такъ по міру, значить... что-жъ...

— Отчего по міру? Вѣдь деньги вамъ дадутъ?..

— Какія деньги, ваше высокопр — во? Что стоятъ 50 рублей —
продадутъ за 15—20. Извѣстно акціонъ. Ну, и что-жъ намъ-то оста-
нется?..

Я промолчалъ. Да и что было говорить? Молчали и мужичи.
Послѣ долгой паузы, я съелъ долгомъ имъ сказать:

— Такъ-то такъ, но платить-то надо вѣдь!

— Да помилуйте, ваше высокопр — во, мы съ нашимъ удоволь-
ствиемъ. Подождать вотъ только покель хлѣбъ съ полей уберемъ. И
убрали-бъ ужъ, да погода все вонъ какая. Все дожди. Хлѣбъ на
поля гниеть... Вотъ, ежели бы хоть мѣсяцъ сроку дать, а то хоть
и до 1 числа... Собрали бы, продали да и уплатили... Помилуйте, съ
полнымъ даже удовольствиемъ... загадѣли мужичи всё вмѣстѣ, об-
ступая меня и смотря мнѣ въ глаза съ надеждой и упованіемъ. Мнѣ
даже совѣстно нѣсколько стало. Они меня считали за «начальство»,
а я... что я могъ сдѣлать?..

— Хорошо... я поговорю, попрошу кого-нибудь, можетъ что и
выйдетъ, братцы... пробормоталъ я, отступая. — А вы бы все-таки
къ губернатору, онъ добрый, выслушалъ бы васъ.

— Да ужъ гдѣ намъ... Окажите Божескую милость... хоромъ за-
говорили мужичи.

Между тѣмъ явился позванный нами старшина и, съ помощью
его и этихъ мужичковъ, мы собрали кой-какія свѣдѣнія о волости,
приблизительно по той же программѣ, какъ и въ прежней.

— Свѣдѣнія эти были бы болѣе тѣмъ неутѣшительны, если бы въ
статистическаго описанія Тверской губерніи и изъ словъ самаго со-
ставителя этого описанія, человека вполне компетентнаго въ своемъ
дѣлѣ, не оказалось бы, что М—ая волость стоитъ въ совершенно

исключительныхъ условіяхъ и въ своемъ родѣ единственная въ гу-
берніи. Состоя изъ 3,700 чел. мужскаго пола, она разбивается по
селеніямъ, рѣдко разнѣющимся по количеству надѣльной земли.

Въ нѣсколькихъ селеніяхъ душевные надѣлы достигаютъ minimumа
своей величины—2 десятины вмѣстѣ пахатной сѣносною, лѣсною и
выгонной, другіе имѣютъ ее на душу почти вдвое. При сравнитель-
но одинаковомъ качествѣ земли, ниже среднего, при почти пол-
номъ отсутствіи лѣса, едва хватающемъ на топку и на постройку
самыхъ необходимыхъ строеній, — результаты крестьянскаго хозяй-
ства хотя и разнятся по селеніямъ, но въ самомъ лучшемъ случаѣ
не достигаютъ нормы выше плачевной. Въ худшемъ же, при 2-хъ
десятинномъ надѣлѣ (въ 4-хъ селеніяхъ) они просто невозможны.

При лучшемъ урожаѣ, высѣвая 2 мѣры, крестьянинъ получаетъ
только 100 сноповъ. А при 2-хъ десятинномъ надѣлѣ больше двухъ
мѣръ высѣвать онъ не можетъ. Ни хорошей сѣносною, ни выгон-
ной земли, ни хорошаго лѣсу (10 лѣтъ назадъ, у крестьянъ раз-
ныхъ селеній были отобраны ихъ лучшіе участки лѣса, за которые
они платили подать 25 к. съ души и которые взростали въ казну.
Эти участки находились у нихъ во временномъ пользованіи) — у нихъ
нѣтъ. И арендовать не у кого и не изъ чего. Скота приходится на
семью изъ 3 душъ: 1 лошадь, 1 корова и 1 овца.

Поязныо, навоза съ этой скотины далеко не достаточно, чтобы удо-
бритъ поля, а Морозовской фабрики тутъ подъ бокомъ нѣтъ. Молока
корова даетъ мало, и продавать его негдѣ. Рѣдко-рѣдко баба пове-
сетъ вушкинъ-два въ городъ, да сбываетъ ихъ по пятачку. Скотина
предоставлена здѣсь самой себѣ и ужъ мучи здѣсь къ корму ея не
прибавляютъ.

— Корми какъ знаешь, посылалъ намъ староста, шамкающій и
очень не далекій по виду мужичекъ.

— Гдѣ травку, гдѣ соломенку, гдѣ листочекъ, нищи себѣ ско-
тинка... а мы ужъ ей ни-ни — не помогаемъ... Потому самимъ нечего..

Ну и скотника вѣрно не очень благодарна за такой уходъ.

Доходность средняго крестьянскаго семейства при 3-хъ душномъ
надѣлѣ простирается едва-едва до 130—150 р. А платитъ всѣхъ
сборовъ такая семья, считая по 10 р. на душу, — 30 рублей. Зна-
чать отъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ всего дохода крестьяне этой волости платятъ обя-
зательныхъ повинностей. Процентъ, для ихъ огульной бѣдности, не-
соразмѣрно великій. Слава Богу еще, что страховая премія здѣсь

все 1¹/₂ коп. съ рубля. Имущество застраховывается преимущественно отъ 100—200 руб. и рѣдко до 500 р. Опѣну производилъ самъ агентъ отъ земства при мірскомъ соглашеніи.

Очевидно, при такомъ хозяйствѣ собственныхъ средствъ на прокормленіе себя далеко не хватаетъ. И здѣсь, какъ въ той волости, не хватаетъ почти на половину.

Уже съ равней весной, крестьянинъ долженъ покушаться хлѣбъ и врану, самое меньшее на 3 рубля въ недѣлю. А если при томъ желаетъ онъ еще, чтобы и скотина его не издохла и покупаетъ для нея солому, то по среднему расчету всей прикупи у него выйдетъ на 80—100 руб. въ годъ. Гдѣ ихъ взять?..— вотъ вопросъ, преслѣдующій каждого мужаа днемъ и ночью.

И здѣсь, какъ и въ К—ой волости, крестьянъ спасаютъ пригородныя фабрики. Но ужъ работающихъ на нихъ изъ М—ой волости процентъ гораздо меньшій. Работаютъ преимущественно дѣти, зарабатывая отъ 15—40 коп. въ день.

По этому поводу услышалъ я отъ высокаго мужаа съ красивыми глазами весьма характерную фразу:

— Дорежь ми кормили ребятъ... Онъ это произнесъ съ горькимъ видомъ, и въ тонѣ его слышалось неподдѣльное возмущеніе.

Кабатовъ въ волости шесть и одинъ тракторъ. Пьянствуютъ порядочно, но вѣрно пьянствовали бы еще больше, кабы деньги были. А въ долгъ кабатовъ не даетъ. Вотъ только самия подгородныя селенія— тѣ заливаютъ порядочно; тамъ и жизнь, благодаря близости города другая, но и болѣе безшабашная.

— Что же вы съ пьяницами дѣлаете? спросилъ я.

— Да что? Въ судъ, извѣстно!..

— Ну, и чтожъ дальше?

— А дальше и ничего. Приговоръ постановять, значить, наказаніе ему дать, а онъ и обжалуетъ. Мѣсяць-то сроку полагается, ну, а въ мѣсяць-то этотъ онъ еще 10 разъ найдетъ да набезобразничаетъ, такъ что его еще наказать надо. А опосля сиротеса, ищи его! Написли, нашумѣли, ну притяжили, да и высѣяли... Дѣло скорое и пользительное...

Раздѣламъ крестьянскіе и здѣсь составляютъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ золъ. Они оковательно добываютъ жалкое крестьянское хозяйство. Коли дѣловое семейство еле-можетъ справиться съ упрямой землей, да коли съ 6—7 десятинъ, оно, при общемъ владѣніи, кое-

какъ можетъ добыть себѣ пропитанія на ¹/₃ года, то ужъ при раздробленіи этого хозяйства и труда его—не хватаетъ имъ и на ¹/₂ года. Мужички уходять съ земли и упрощиваютъ сосѣдей, чтобы *даромъ* ею пользоваться. При этомъ обыкновенно подушныя они оставляютъ за собой, а земельце, выкупные и др. платежи вносить взявшій въ пользованіе землю. А то иногда и всё подати остаются за хозяиномъ земли И такихъ много на селѣ: кто въ отходѣ, кто на фабрикѣ, болѣе 30 проц.

— Все бабы... одна баба, ваше в—дѣе, поляняли и тутъ намъ. Поругаются, выдѣнчатся другъ въ дружку и дѣли ихъ. И все пракомъ прошло... Креста онѣ не боятся, уговору по совѣсти не слушаютъ и посячь ихъ нельзя.

«О женщинахъ!» сказалъ Шевениръ, и справедливо сказалъ.

Еще одно зло, сѣдующее крестьянъ сей волости, это совершенное отбитье отъ рукъ и отъ хлѣбонашеотва вообще, отъ занятія по хозяйству дѣтей ихъ, отбывшихъ воинскую повинность. Когда мы зашнупали только про это, всѣ мужички встрепенулись и, какъ одинъ, загово рили все въ томъ же духѣ. Изъ 1,500 душъ одного селія, только *одни* запасныя рядовой вернулись къ своей землѣ. Отъ остальныхъ «одни убытки только да зло», хоромъ кричали мужики.

— Придетъ это въ волость и говорить: «И солдатъ, работать не хочу, а вы тамъ справляйте землю да плати за меня повинности»... горячяси высокій мужикъ. О-о-о! прибавилъ онъ со вздохомъ, большее горе для Россіи будетъ отъ этихъ самыхъ запасныхъ...

Да! бѣдствуютъ очевидно здѣшніе крестьяне, и бѣдствие это тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ горьче для нихъ, что помнятъ они еще красные дни, когда довольствіе, грани чаще съ богатствомъ, царило между ними. То были дни доходнаго и очень развитаго здѣсь гвоздарнаго промысла; но вотъ ужъ лѣтъ 10, что это пречасно бесцѣдно минуло и болью поросло.

И судоходство, и бурлачество по матушкѣ по Волгѣ кормило хорошо крестьянина. Но и объ этомъ только говорить. Паръ и машина отняли здѣсь у мужичка его насушныи вусокъ хлѣба. И сгорѣла онъ и вздыхаетъ громче гула фабричныхъ колесъ. Правда, кормить его и теперь эта фабрика, безъ нея, почитай, померли бы многіе, да не то время, что дорежь было. Ужъ больно безжакоство, больно много молодыхъ дѣтскихъ силъ безвозвратно поглощаетъ эта фабрика. Ужъ больно сердце надрывается у отцовъ, глядя на безкровни,

внутренних лица их дѣтей. И такая сторона въ этомъ обиходостроме мечѣ острѣе—покажетъ время.

Крестьяне М—ой волости, въ былое время, были знатные гвоздаря. И женщины, и дѣти—все занималось съ малыхъ лѣтъ гвоздарствомъ и достигали изумительной ловкости. На селѣ бывало 50 и больше кузницъ. Въ нихъ работало по 2—3 человѣка.

И чистый заработокъ такой кузницы, за оплатою угля, желѣза и всего, достигалъ до 10-ти и больше рублей въ недѣлю. Жить, впрочемъ, можно было тогда. А теперь.. теперь самое большое кузницъ 8 работаетъ на селѣ и заработокъ рабочаго максимумъ достигаетъ 1 руб. въ недѣлю. Въ большинствѣ случаевъ 50 и 80 коп. Есть, впрочемъ, изъ чего тушить.

Управа здѣшняя, входя въ положеніе этой волости, старалась привить здѣсь промыселъ обработки крушнаго желѣза. Но пока онъ очень незначителенъ и видимо не по нраву крестьянъ.

Одно, чѣмъ можетъ похвастаться М—ая волость,—это земскія школы. Ихъ здѣсь двѣ: одна двухклассная мужская, одна женская. Въ мужской два учителя, въ женской учительница изъ Петербурга. Обучается 100 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ. При мужской школѣ находятся стипендіаты, получающіе отъ уѣздной земской управы по 4 руб. въ мѣсяцъ, и кто обѣщается идти въ сельскіе учителя и окончить курсъ въ ржевской учительской семинаріи—5 руб. въ мѣсяцъ отъ губернской земской управы. Мы видѣли одного такого стипендіата, мальчика 16-ти лѣтъ, окончившаго уже курсъ школы и теперь состоявшаго при волостномъ правленіи. Онъ намъ давалъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія и рядомъ съ мальчиками производилъ впечатлѣніе блага среди дѣтей.

Отцы относятся съ уваженіемъ къ школѣ и къ ихъ грамотнымъ дѣтямъ.

Еще одно утѣшительное—это глубокая религіозность среди крестьянъ. Каждый отецъ обязательно водитъ своихъ ребятъ каждый правникъ въ церковь, и стѣны ея часто оказываются тѣсными, чтобы вмѣстѣ приходить. Но все-таки послѣднему впечатлѣнію, какъ и первому, суждено было быть сегодня северному. Когда мы ужъ поднялись и благодарили мужичковъ за разговоръ, одинъ изъ нихъ, тотъ маленькій и всклокоченный, все время уныло смотрѣвшій въ сторону, вдругъ подался впередъ и заговорилъ громкимъ надтреснутымъ голосомъ:

— Что же мнѣ теперь, ваше в—ство, дѣлать съ сномомъ?.. Пришелъ по жеребью домой, три мѣсяца только служилъ, а теперь не хочется работать и платить оброкъ. Гдѣ же мнѣ старому... 76-й годъ пошелъ... силъ нѣтъ больше.. Гдѣ-жъ денегъ-то взять... Слезы закатили изъ его глазъ на впадины щеки и глухія рыданія потрясли старческую грудь. Меня точно варомъ облило. Я не зналъ что сказать. По городу ходить... солдатъ я, говоритъ... не хочу платить... А я ему 70 рублей далъ, когда снаряжали въ солдаты... Гдѣ же мнѣ старому теперь...

тывали вѣрно на малое число сумасшедшихъ и любопытныхъ. Дорогу забыли устроить. Балванскія горы какія-то, а въ распутицу никакого сообщенія нѣтъ.

— Зачѣмъ же понадобился такой сумасшедшій домъ? Развѣ нѣтъ его въ городѣ?

— Какъ не быть. Есть, и отлично было до сихъ поръ. Не жаловались. Тысячъ двадцать пять стоило намъ его содержанію. А теперь будетъ стоить 80, а то и 90 тысячъ.

— *Десяносто!* вослиднугуъ я. Развѣ такъ много сумасшедшихъ у васъ?

— Рассчитываютъ, видите ли, на прибыль изъ дворянскаго земснаго элемента. Последнія собранія указали на эту надобность... Были примѣры буйнаго умопомѣшательства, да *красной* горячки..

И лицо говорившаго принимало злобно-презрительное выраженіе.

— Неужто? улыбнулся я

— Вѣрно.. Такъ вотъ они лечить теперь словъ будутъ. За 16 верстъ отъ города, отъ надзора. Воображаю это леченіе.. О-хъ! Увидитъ ми еще видн..

Въ этотъ же день три, четыре часа спустя, разговоръ опять о Бурашевѣ.

— Вотъ чѣмъ наше земство можетъ похвастаться, гордились мы, всакаправъ съ мѣста и сверкая глазами. Это его безсмертный памятникъ. Человѣчество, потомство должно будетъ его опѣнить!

— Что же тамъ особеннаго? спрашивала я.

— Особеннаго ничего-съ: по мысли, идея здѣсь первенствуютъ. Помилуйте! Усадить, сдѣлать по возможности сносной жизнь той части человѣчества, той части нашей братці, которая лишена самаго лучшаго украшенія—мысли?! Развѣ это не вѣчная заслуга?

— Не спорю, это прекрасно. Но.. но я думалъ бы, что не меньшая заслуга была бы усадить жизнь и той частіи человѣчества, которая не лишена этого украшенія. Если сумасшедшему, котораго кормятъ, поятъ, о которомъ заботятся, жизнь можетъ показаться скучной, даже тяжелой подчасъ, то людямъ съ здравымъ разсудкомъ, которыхъ все-таки и больше значительно, и которыхъ значительная часть живетъ въ гораздо худшихъ сравнительно условіяхъ, она можетъ показаться невнятной. И имъ тоже помочь—*вѣчная заслуга!*

Бурашево—колонія для умалишенныхъ.

19-е августа.

Бурашево, это яблоко раздора здѣшняго земства, предметъ оживленыхъ толковъ въ обществѣ, гордость и торжество крайней лѣвой тверскаго парламента, злоба дня—крайней правой и поводъ сдержаннаго молчанія для центра. Это предметъ восторговъ, горячихъ похвалъ и вмѣстѣ, злобныхъ порицаній, браней, сплетень и хитрыхъ, безмолвныхъ улыбокъ. Бурашево—это что-то таинственное, о чемъ нельзя говорить равнодушно; это звукъ, за которымъ чувствуется цѣлая трагедія, скорѣе трагикомедія, слышатся глухіе раскаты голосовъ, взрывы негодованія, протестовъ, словомъ—цѣлая стихійная буря изъ всѣхъ здѣшнихъ стхій и элементовъ, наэлектризованныхъ самыми противуположными политическими электричествами. Уже съ первыхъ дней нашего пріѣзда сюда, Бурашево было неоднократно на устахъ многихъ, говорившихъ съ нами, и многое, многое уже слышалось нами объ этомъ закованномъ замкѣ.

— Это украденныя у земства деньги, говорили одинъ. Это безтолковая, сумасшедшая выдумка, за которую намъ, здорово живешь, приходится платиться. Имъ понадобился сумасшедшій домъ, видите ли, за городомъ, подалше отъ надзора, чтобы производить тамъ всякія свои безобразія, рассадникъ пропаганды устроить. Ухлопали 350 тысячъ крестьянскихъ денегъ, выстроили палатки какой-то и не открыли еще, какъ балки погнили, печи пообвалились, комиссия забрала, гвалтъ подняли. Врасскій—тотъ заболѣлъ припадкомъ умопомѣшательства, должны были въ Итацію увезти. На эту штуку еще съ десяткомъ тысячъ усадили—теперь грандіозно-съ. Совѣтуемъ посмотреть. Только одна бѣда, обратиться туда трудненько. Расчл-

А я думаю, въ земствѣ не хватаетъ съ избыткомъ средствъ, чтобы помочь всѣмъ такимъ.

— Ну, что-жь дѣлать? Всѣхъ сдѣлать счастливыми нельзя. Надо заботиться прежде о тѣхъ, кто больше страдаетъ.

— Но вѣдь я про то и говорю... Мнѣ кажется, что человечество «съ рассудкомъ» именно больше страдаетъ, чѣмъ человечество безъ оного. Я постоянно слыхалъ, что это аксіома...

— Можетъ быть, можетъ быть, отвѣчали мнѣ морщась. У васъ аксіома, а у насъ чудесное заведеніе, которымъ мы имѣемъ право гордиться, улыбаясь прибавляли мнѣ. Совѣтуемъ поѣхать. Это стоитъ того. Тамъ вы и найдете самаго главнаго инициатора этого дѣла: Алексѣя Борисовича Врасскаго.

— Но туда вѣдь дорога скверна...

— Куда это?

— Въ Бурашево...

— Нѣ-нѣтъ! Ничего... можно доѣхать... съ маленькой зампной отвѣчали мнѣ. Ужь вамъ вѣрно вкрячили и про дорогу, и про кучу другаго. Сами поѣдете, увидите! А совѣтуемъ съѣздить...

Вотъ я и по дорогѣ въ это сказочное Бурашево. Колеса четверней въ бубенчикахъ лихо мчтся по гладкому тракту, которымъ мы выѣхали за городъ. Вотъ и поворотъ въ сторону, черезъ глубокую, наполненную болотомъ рытвину, и мы, послѣ опаснаго толчка, на знаменитой «невозможной» дорогѣ.

И не нашелъ ее невозможной. Она прыта, неровна, правда! Она требуетъ капитальнаго ремонта, но ѣздить по ней еще можно и безопасно. Можетъ быть въспокойной колесѣй и четверней ѣздить не то, что парой «земскихъ» но... но, впрочемъ, не знаю. А знаю я, что эта дорога дѣйствительно знаменита. Это мнѣ сообщилъ всеннашій Августъ Казимировичъ Ж., котораго счастливый случай далъ намъ въ спутники. Нѣкогда, очень давно, жилъ былъ помещикъ Тверскаго уѣзда, отставной артиллерій капитанъ... забылъ, право, его фамилію! Но это неважно. А важно то, что помещикъ этотъ имѣлъ порядочныя средства и былъ ужасный чудакъ. Онъ, между прочимъ, страдалъ маніей страха передъ воображаемыми убійцами. Никогда не спалъ въ одной комнатѣ и въ кровати—только постоянно въ равныхъ, и въ креслѣ. Ылъ только то, что лично самъ себѣ приготавливалъ, пилъ только воду, пилъ самымъ добытымъ изъ колодца, словомъ—чудакъ былъ большой руин. Но самое большее его чудачество,—это была

постройка дороги, по которой мы катились. По глубокимъ болотамъ, почти тудрамъ, черезъ крутыя горки, между густыми зарослями, насыпалъ, прорылъ, прорубилъ этотъ чудакъ отличную дорогу, соединилъ съ городомъ много селъ и помѣщичьихъ усадебъ, а зачѣмъ?— Богъ его знаетъ! Находилась-ли эта послѣдняя затѣя въ связи съ его маніей—неизвѣстно. Только врядъ-ли, потому что его собственное имѣніе стояло далеко въ сторонѣ отъ дороги. Но, словомъ, дѣло сдѣлано, подвигъ совершенъ, но ужъ такъ онъ вѣрно показался всѣмъ страннымъ и кажется еще и до сихъ поръ, что земство забыло о ремонтѣ дороги, а маленькій сгнившій деревянный столбъ съ именемъ чудака-основателя дороги, никто не потрудится поднять и возстановить изъ придорожной грязной канавы.

Ж. рассказывалъ мнѣ, что однажды, ѣдучи адѣсь, его лакей выскочилъ, и самъ кое-какъ поднялъ и поставилъ этого памятникъ чудаку. Но съ тѣхъ поръ опять много времени утекло, и второго чудака-лакея не находится. Такъ столбъ и гниетъ въ ямѣ, какъ кости того, по чьей милости мы могли посѣтить Бурашево...

Съ каждой верстой, удалявшейся насъ отъ Твери, мѣсто становилось все живописнѣй. Доли съ поемными лугами и мелкимъ кустарникомъ смѣнялись горками, по которымъ лѣпились деревушки, желтѣли нвыи и патнами чернѣли рощи. Воздухъ, хотя прохладный, но чистый, бодрящій, яркіе лучи солнца, заливавшіе эту безконечную и разнообразную панораму, скорая ѣзда въ удобномъ экипажѣ и веселые, полные живаго интереса, рассказы нашего милѣйшаго Ж., все это дѣйствовало превосходно на наше расположеніе духа. Вотъ мы поднялись на холмъ, командовавшій надъ мѣстностью, взглянули назадъ и ахнули. Такого вида долго поискать надо. Громадная долина, верстъ на 30 въ даль, раскинулась передъ нами, а на ней яркими бѣлыми точками, залитыя совсѣмъ солнцемъ, заблѣли въ разныхъ мѣстахъ, точно выросшія изъ зелени, стѣны церквей и монастырей. Необятная ширь зеленыхъ луговъ усѣяна была темными оазисами рощъ и кустарника. Убранныя и необрунныя еще поля клочками торчали тамъ и сямъ, и сѣрныя деревушки, разбросанныя на всемъ этомъ, точно чьей-то невидимой рукой, казались такими маленькими, такими ягруппечными, точно изъ вартъ сдѣланными...

Я залибовался, я громко выражалъ восторгъ, удивленіе. Мы все подымались и все шире разстидалась долина, а тамъ, вдали, и вправо все ярче становились очертанія какой-то груди, съ ослѣпительно

блиставшими по ней точками. Это Тверь, бѣлѣющая какъ стадо морскихъ чукъ, прелестная Тверь. Мы проѣхали еще деревеньку, спустились въ глубокой оврагъ, опять круто поднялись и въѣхали въ околицу Бурашева. Немножко подалее маленькой и бѣленькой церкви стоялъ старинный, темный отъ времени, двух-этажный деревянный домъ. Это усадьба.

Алексѣй Борисовичъ Врасскій любезно встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и провѣлъ въ комнаты. Такъ и пахнуло старинной отъ обширныхъ сѣней, отъ свѣтлыхъ, незатѣйливыхъ комнатъ.

Познакомившись съ его семьей и выпившись чаю, мы проѣхали прежде всего на школу пчеловодства, устроенную здѣсь вольнымъ экономическимъ обществомъ. Земство безвозмездно уступило подъ эту школу участокъ земли и готово дать еще больше, если будетъ основана школа сельско-хозяйственная. Это было-бы вполне рационально, такъ какъ знаніе одного пчеловодства, — специальность слишкомъ узкая и непримѣнимая въ нашемъ обыкновенномъ хозяйствѣ. Нужно ужъ очень обширное веденіе хозяйства, чтобы держать при себѣ и специальнаго пчеловода. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ, пчеловодъ бываетъ и садовникъ, и агрономъ, вообще хозяинъ. Здѣшняя школа пчеловодства помѣщается въ красивомъ деревянномъ домикѣ, на самомъ высокомъ холмѣ. Постройка еще новая, внутри не отдѣланная. Полы, стѣны, потолокъ лоснятся только что вытесаннымъ деревомъ. Помѣщеніе не велико, всего на десять человекъ. Зданіе очень узко, но въ три этажа, вѣрнѣе въ два съ мезониномъ. Двѣ свѣтлыя, большія комнаты для учениковъ и мастерская для приготовления ульевъ— вотъ въ сущности вся школа, если включить сюда квартиру учителя и прислуги.

Въ школѣ пока только два ученика и занятія правильно не идутъ, такъ какъ не напечатана еще выработанная обществомъ программа и потому затрудненъ приемъ въ школу. Самое замѣчательное въ школѣ по моему— видъ на долину изъ третьяго этажа. Это панорама, не вмѣщающая словъ къ описанію. Можно для нея одной ѣздить сюда, можно часы не отходить отъ окна, можно любую меланхолю разогнать... Прямо подъ окнами чернѣетъ поросшій елями глубокой оврагъ. Между деревьями видны ульи всѣхъ формъ и способовъ, какіе только существуютъ. Ихъ здѣсь болѣе 30-ти. Налюбовавшись досыта, мы сошли. Неугомонный Августъ Казимировичъ, несмотря на всѣ наши просьбы и увѣщанія, поѣхалъ-таки въ сосѣднюю деревню, верстѣ

за семь, осматривать тамъ и срисовывать какой-то старинный вѣстникъ. Археологія всегда свѣтилась для него яркой звѣздой, даже на фонѣ такой чудной, залитой блескомъ картины, которой изъ окна школы онъ восхищался, какъ и мы, даже больше насъ. О, наука! Въ 24 года ея не поймешь...

Полемъ прошли мы къ зданіямъ колоніи. Эти зданія еще издали поражаютъ своей грандіозностью и красотой. Два главныхъ фасада, мужское и женское помѣщеніе, составляютъ прямой уголъ большаго четырехугольника. Двѣ другія стороны этого четырехугольника пока свободны, но предполагается застроить ихъ легкими бараками, для помѣщенія тамъ душевно-больныхъ по мѣрѣ прибытія ихъ въ заведеніе, преимущественно легкихъ формъ помѣшательства. Посреди этого четырехугольника стоитъ кухня, вѣздное зданіе, уже снаружи општукатуренное. Отсюда мы и начали осмотръ. Внутренность кухни, какъ и всѣхъ зданій, поразила насъ обширностью, изящностью и законченностью въ малѣйшихъ деталяхъ. Я думаю, что царскія кухни не удобнѣе и не красивѣе Бурашевскихъ. Тамъ же большія комнаты для прислуги, ихъ столовая, спальня. Между прочимъ г. Врасскій указалъ намъ въ кухнѣ на высокія деревянные колонны, подпирающія потолокъ ея.

— Это забранные, гнилыя балки, съ улыбкой сказалъ онъ.

— Отчего забранные? удивился я.

— Комиссія забрала. Снаружи нѣсколько посинѣла, говорятъ гнилыя. Въ сырую стѣну, видите, уложилъ ихъ, онѣ слегка и пропрѣли. Но мы ничего на нихъ не потеряли. Онѣ всѣ въ дѣло пошли.

— Все-таки, это вамъ стоило?

— Да... тысячъ шесть стоило...

Два главные фасада имѣютъ каждый сажень около 70-ти, я думаю, въ длину. Они въ два этажа и раздѣлены на три отдѣла, соединенные между собою теплыми корридорчиками. Внизу помѣщеніе для буйныхъ, сверху— для покойныхъ. Въ каждой изъ отдѣловъ есть большая зала, въ ширину всего зданія, въ два свѣта, пѣть которой ведутъ по обѣ стороны двери въ спальныя комнаты. Этихъ дверей по нѣскольку ведетъ въ каждую комнату и сдѣлано это въ томъ расчетѣ, чтобы, при увеличеніи числа больныхъ, имѣть всегда возможность, посредствомъ перегородакъ, получить большее число отдѣльныхъ комнатъ. Черезъ залу проходятъ корридоръ, раздѣляющій ее на двѣ равныя части. Есть залы съ колоннами, есть и безъ нихъ.

При каждом такомъ отдѣлѣ, предназначающемся на 20—30 боль-ныхъ (по расписанію строительнаго комитета, эти отдѣлы по плану навначались только на 10 человекъ. Но десять человекъ въ этихъ хоромахъ положительно потерались-бы), есть ванна, ватерклозетъ и умывальни. Въ отношеніи техники и практичности—эти послѣдніе три предмета положительно шедевр. Это послѣднее слово науки и усовершенствованія. Ванна, напримѣръ, наполняется и выпускается въ пять минутъ, однимъ только отвертѣемъ въ дѣлѣ и вода проходитъ туда уже смѣшанная, требуемой температурой. Ватерклозеты устроены по способу самоочищенія. Нипелированные краны умывальника выточены такъ, что вода льется изъ нихъ не прямо внизъ, а нѣсколько впередъ, такъ связать; прямо, приглашая моющагося подставлять ладони. Души головная и спинная, простымъ движеніемъ рукоятки по шкалѣ даютъ воду требуемаго числа градусовъ. Словомъ, плещись, мойся, облегчайся властью; ни вадержив, ни какого слѣда отъ этого не остается. Отдѣльное совѣсьмъ помѣщеніе есть для вешестоплотныхъ; тамъ полы вездѣ или асфальтовые, или цементные. Отдѣльное помѣщеніе для самыхъ буйныхъ—длинный корридоръ и по бокамъ комнаты. Нѣсколько отдѣленій есть съ матрасными стѣнами, нѣсколько съ обшивкой изъ досокъ на пружинахъ. Овна въ этихъ комнатахъ высоки и стекла въ нихъ каменные. Большое помѣщеніе для общихъ болѣеи состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, располо-женіемъ по обѣимъ сторонамъ высокой со сводами галлерей. Освѣщается эта галлерей громадными окнами съ массой стеколъ внизу и сверху. Въ каждомъ зданіи есть по три пожарныхъ крана и при нихъ въ ящикахъ трубы. При насъ сдѣлали пробу этихъ крановъ, и труба, выставленная за окно, легко заливала крышу зданія. Воишой пожарный кранъ помѣщается на дворѣ, у усадьбы, и дѣйствуетъ съ большой силой. Словомъ, во всемъ строгая обдуманность, симметричность и стремленіе къ художественному. Во всемъ, съ главнога до мельчайшихъ подробностей, видна одна общія мысль, одна руководительная идея. Такъ, напримѣръ, въ этихъ обширныхъ зда-ніяхъ, въ дѣлкахъ анфиладахъ комнатъ, вы не найдете ни одного *опадающаго* предмета, за который можно было-бы зацѣпиться, даже задѣть.

Все, что нужно отпирать, или запираеть: двери, окна, печи, краны, для всего этого имѣется одинъ общій ключъ, который будетъ нахо-диться у старосты. Ручки замѣнены выемками, углы у печей за окру-

лены, а дверцы, возбѣжаніе обжоговъ, углублены, рѣшетки въ окнахъ тоже круглыя, такъ что никакое неосторожное движеніе боль-ного не можетъ причинить ему серьезнаго поврежденія и самые хи-трые замислы безумца должны разбиваться объ эту обружающую его отовсюду гладь и крѣпость.

Зданія еще далеко не совѣсьмъ готовы. Во многихъ мѣстахъ еще не настланы полы (клееные, сосновые), не выграшено, не выбѣлено, на всемъ еще толстая пыль и мусоръ. Изъ оконъ верхняго этажа отрывается чудная долина и этимъ однимъ видомъ я думаю можно вы-лечиться. Я бы именно здѣсь помѣстилъ буйныхъ. Мужское и жен-ское отдѣленіе почти тождественны по величинѣ и внутреннему рас-положенію.

— Однако!... вселигунулъ я послѣ осмотра. Вѣдь это роскошно, это совершенство до мельчайшихъ деталей...

— Да, знаете... нельзя было ужъ кое-какъ дѣлать. Земство, спа-сибо ему, дало мнѣ возможность съѣздить за границу осмотрѣть тамъ какъ это дѣлается. Я посѣтилъ больше 30-ти такихъ заведеній, былъ почти во всей Европѣ. Понятно, практивъ понабрался, глазъ набилъ.

Да потомъ, это все кажется такъ дорого, а при умѣннѣ пользоваться случаемъ—грошъ стоитъ. Вѣда одна, что большинство вещей при-шлось выписывать изъ-за границы. Представьте себѣ, дешевле стоять съ перевозомъ оттуда, чѣмъ наши. Ужъ чего проще, желѣзныя рѣ-шетки—и тѣ пришлось выписать изъ Австріи. Не дѣлаютъ такихъ, на выставкѣ и увидалъ у одного фабриканта; бросился въ нему: «ради Бога, сдѣлайте намъ такихъ!» Такъ что-жъ бы-вы думали? Откаивались. Говорятъ: спросъ малъ. А выставили... Вотъ подите, у насъ все и вездѣ такъ.

— Д-да!.. Но... все-таки, улыбулся я, грошъ-то не малый запла-тило земство за все это великолѣпнѣе.

— Какъ вамъ сказать! Не очень и много. Во-первыхъ, половина ассигнована правительствомъ. Это Мавровъ еще устроилъ намъ. А другая половина, тысячъ 150, изъ остатковъ почтовыхъ суммъ. На насъ вѣдь, Богъ знаетъ, что говорить... Мы и разоряемъ земство, и устриваемъ какой-то притокъ, и самъ Богъ не разбереть что еще. Все это изъ безсильной злобы. А полюбостветствуйте заглянуть въ протоколы собранія, вы увидите, что мы ни одного крестьянскаго гроша не истратили. Все наша же экономія.

— Ну, а на содержаніе?..

Очерки соврем. Россіи.

— Содержаніе намъ особенно дорого стоять не будетъ. У насъ свое хозяйство, своихъ 400 десятинъ земли. Молоко, мясо, овощи, хлѣбъ все это мы еще будемъ въ городъ доставлять, а не намъ они. А тутъ кричатъ, что проѣзда къ намъ нѣтъ; что мы безъ провизіи будемъ сидѣть.

— Но вѣдь все-таки дороже будетъ стоять содержаніе этой колоніи, чѣмъ стараго заведенія.

— И-и-да... что же?.. Положимъ... можетъ и нѣсколько больше... неопредѣленно отвѣчалъ г. Враскій.

— Вотъ еще, говорить, у васъ воды нѣтъ, или мало очень.. Откуда это взяли?

— Вотъ вамъ и образчикъ еще! У насъ четыре пруда, изъ которыхъ одинъ елючевой, съ прелестной водой. Мы обнажали ключи и математически доказали, что воды на все заведеніе хватитъ съ избыткомъ, а они все свое.

— А вода хорошая?

— Отличная... впрочемъ, у насъ и фильтръ есть...

— Зачѣмъ же фильтръ?

— Такъ... Листикъ, знаете, попадетъ...

Мнѣ вспомнилась тутъ еще одна исторія, слыханная мною все по поводу этого же Бурашева. Когда-то, кажется, не очень давно еще, въ Бурашевѣ былъ расквартированъ эскадронъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ командиръ эскадрона доложилъ начальству, что его лошади, послѣ водопоя, заболѣваютъ и потому просилъ о перемѣщеніи. По словамъ говорившаго (а говорилъ власть имѣющій въ земствѣ) это фактъ. Въ виду этого я и не сталъ удобнымъ спрашивать о немъ.

Мы осмотрѣли еще фильтръ, ключевой прудъ, здѣсь называемый «серебряннымъ», водокачалку, прачешную, баню и одинъ образцовый баракъ. Вездѣ та же законченность, на всемъ видно широкое приложеніе идеи и цѣлѣснѣвіе средствами.

Водопроводныя и спускныя трубы цѣлою сѣтью проходятъ подъ заведеніемъ, а послѣднія еще далеко тянутся въ луга, устроенныя по новой французской системѣ съ назначеніемъ для орошенія полей. Мы прошли туда, спускался все внизъ. Долина темнѣла и какъ бы замирала подъ трепетавшими лучами заходящаго солнца. Ни пороха, ни звука. Точно чудовище засынало кругомъ, куда ни глянь. Я обернулся назадъ, и не могъ не остановиться. Въ чистомъ и тихомъ воздухѣ гордо высплосъ красное зданіе колоніи, все залитое косыми

лучами солнца. Оно господствовало надъ всѣмъ; оно внесло на этотъ холмъ, среди безвкусственной и очаровательной природы торжество холодной и строгой цивилизаціи, торжество гуманной идеи, создавшейся изъ криковъ, брани и взаимной злобы. Оно прерительно взглядывало на кроющую долину, на мирныя деревушки и вдругъ въ востышаемъ воздухѣ послышались мнѣ оттуда дикіе крики; въ высокихъ окнахъ стали мелькать бегущими лица съ страшными глазами, страшными гримасами. Я невольно вдрогнулъ и отвернулся.

Луна ужъ высоко плыла по небу, когда мы, пообѣдавъ у гостепріимнаго и милаго хозяина, тронулись въ обратный путь. По обыкновенію, я хотѣлъ одной фразой, однимъ восклицаніемъ выразить всѣ мои впечатлѣнія. Я ужъ раскрылъ ротъ, чтобы сказать: «А хорошо вѣдь быть тутъ сумасшедшамъ»... но въ эту минуту мимо насъ пронеслись очертанія колоніи, теперь мрачной и таинственной, и я, несъ съжавшись, промолчалъ...

Городъ Торжокъ.

26-го августа.

Пишу эти строки въ просторной, высокой комнатѣ одного изъ номеровъ знаменитой гостиницы Федухина-Пожарскаго. Массивныя стѣны, высокіе потолки, громадныя двери, широкія окна и въ простѣнкахъ, въ дубовыхъ рамахъ, зеркала, все это громко говоритъ еще о быломъ величій и богатствѣ, о быломъ значеніи этой гостиницы. И ветхая мебель, болѣе чѣмъ гомеопатично разбросанная въ этихъ обширныхъ стѣнахъ, памятные обои, тускляя стекла въ окнахъ и зеркалахъ, — печать неряшества вездѣ, кругомъ, все это еще громче кричитъ о запустѣннѣи, объ убогости нынѣшнихъ дней. Въ растворенныя окна врывается теплый, ароматичный воздухъ; широкія полосы серебристаго свѣта луны стелются по полу и слышатся смѣшанный шумъ веселыхъ голосовъ на улицѣ, гармоника, смѣха и порой раскаты хоровой пѣсни, то заунывной и протяжной, то удалой и отрывочной.

Сегодня воскресенье; сегодня жизнь и нравы новоторжка виднѣе, нагляднѣе, чѣмъ въ будни; сегодня его замкнутость, несообщительность и покорность уступаютъ мѣсто веселью, жизни общественной. Эту жизнь я наблюдаю сегодня на бульварѣ и на главной улицѣ города, на Петербурго-Московскомъ шоссе, гдѣ стоитъ гостиница Федухина-Пожарскаго. Но объ этой жизни о настоящемъ Торжкѣ нѣсколько вжге. Прежде я позволю себѣ утрудить читателя изложеніемъ нѣкоторыхъ возможно-краткихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною изъ «Памятной книжки» Тверской губерніи за 1865 годъ, о прошломъ этого города.

Г. Торжокъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Время основанія его положительно не извѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ основанъ

не позднѣе VI столѣтія и принадлежалъ прежде въ области Новгородской.

Во время смутъ, безпрестанно происходившихъ въ Новгородѣ и столкновенія его съ своими югозаладными сосѣдями, Торжокъ, будучи порубежнымъ городомъ, прежде всего принималъ на себя удары враговъ. Въ исторіи имя Торжка упоминается въ первый разъ около 1140 г., при расприхъ князей удѣльныхъ. Переходя каждое столѣтіе изъ рукъ въ руки, не разъ опустошаемый, разграбляемый до-глаго, Торжокъ вздохнулъ только съ паденіемъ Новгорода, когда прекратившаяся вражда великихъ князей въ этому послѣднему и прекратила вражескія нашествія. Только во время Самозванца, въ 1609 году, городъ былъ разоренъ поляками, причеиъ церкви и монастыри ограблены, жители частью избиты, а нѣкоторые сожжены въ теплой деревянной церкви Борисоглѣбскаго монастыря, вмѣстѣ съ архимандритомъ и монастырскими братьями.

При Петрѣ Великомъ Торжокъ былъ причисленъ къ Тверской провинціи; съ учрежденіемъ же намѣстничества при Еккатеринѣ II, онъ присоединенъ въ Тверскому намѣстничеству и въ это время получилъ гербъ, который представляетъ на голубомъ полѣ трехъ водотихъ и трехъ серебряныхъ голубей съ красными ошейниками.

Лѣтъ 35-тъ тому назадъ, когда еще желѣзной дороги не было и всѣ сообщенія обѣихъ столицъ производились по шоссе, Торжокъ кипѣлъ жизнью. Безконечныя ряды обозовъ, тянувшихся въ Петербургъ, многія тысячи пѣшеходовъ, пробравшихся въ Петербургъ на заработки и возвращавшихся истомъ на родину, наконецъ безчисленное множество проѣзжающихъ, — все это оживляло городъ съ утра до вечера. Движеніе это доставляло значительныя выгоды жителямъ: многіе изъ нихъ содержали постоялыя дворы и проч., все это благоденствовало, даже крупное купечество имѣло тутъ свою долю выгоды, такъ какъ проѣзжающіе, а наиболѣе проходившіе запасались чѣмъ-нибудь въ Торжкѣ; нѣкоторые предметы сбывались особенно выгодно въ извѣстное время года, напр., весной, когда многочисленныя партіи рабочихъ проходили въ Петербургъ. Рѣдкій изъ нихъ не запасался въ Торжкѣ сапогами, а осенью, на возвратномъ пути, полшубками. Казаки же, проходившіе въ Петербургъ съ Дону, нѣгли обычай, Богъ извѣсть почему, запасаться въ Торжкѣ сушками.

Въ то цвѣтущее время, въ Торжкѣ существовали двѣ очень хорошія гостиницы, изъ которыхъ одна, принадлежащая ямщикамъ

Пожарской, пользовалась повсеместной известностью, благодаря своим котлетам особого приготовления, отсюда и получившим свое название «Пожарских». Сама Дарья Евдокимовна Пожарская была замечательна не менѣ своих котлет: простая, но хитрая амщичка, она, подъ видомъ простоты, умѣла втираться въ милость проѣзжающимъ великожанъ и пользоваться ихъ благосклонностью. Это придавало ей замѣчательный вѣсъ въ Торжкѣ, тѣмъ болѣе, что она охотно бралась устраивать разныя дѣла и дѣлшки въ Петербургѣ, гдѣ бывала довольно часто и, благодаря обширному знакомству, не рѣдко успѣвала въ своихъ ходатайствахъ.

Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги значительно измѣнилась фязіономія города, особенно той части, по которой идетъ шоссе. Движенія очень мало; постоялые дворы, которые когда-то глядѣли очень весело, какъ-то совсѣмъ опустылись. Ящики, возы, масса мелкихъ торговцевъ стали исчезать, выводиться, городъ сталъ падать...

О подробностяхъ устройства города того времени, о числѣ жителей въ немъ, о занятіяхъ, торговлѣ, о разныхъ учрежденіяхъ, фабрикахъ, объ образовательномъ и благотворительномъ дѣлѣ (школы, больницы и богоугодныя заведенія)—говорить здѣсь считаю лишнимъ. Это было-бы слишкомъ длинно и скучно!

Я лучше коснусь нѣсколько бытовой и нравственной стороны новоторовъ изъ данныхъ той-же «Памятной книжки».

Въ новоторахъ замѣтно нѣкоторое пристрастие къ политикѣ, говорить авторъ статьи о Торжкѣ. Очень часто, при первомъ знакомствѣ, съ первыхъ двухъ-трехъ словъ, разговоръ сводится на политику. Въ 1863 г., когда затронуть былъ польскій вопросъ, газеты съ нетерпѣніемъ ожидали въ Торжкѣ и не одно теплое спасибо сказано было въ Торжкѣ внязо Горчакову за его ноты. Направленіе новоторжскаго общества можно видѣть изъ того, что въ 1864 году въ Торжкѣ получалось тамошними гущами до 29 экземпляровъ разныхъ газетъ, тогда какъ литературныхъ журналовъ почти вовсе не было получено...

«Новоторы мало сообщительны. Благодаря этой несообщительности, трудно вывести какое-нибудь заключеніе о характеристикахъ городского населенія. Носилась прежде слухи, что новоторамъ свойственно до нѣкоторой степени буйство, но кажется, что это не совсѣмъ вѣрно, если судить потому, что осенью, или зимой въ девять — де-

сятъ часовъ вечера, въ Торжкѣ, кромѣ лая собакъ, не услышишь другого звука. Можетъ быть къ заключенію о буйствѣ новоторовъ подалъ поводъ случай, бывшій еще при Елизаветинѣ II. Передъ проѣздомъ ея черезъ Торжокъ, новоторы, поссорившись съ придворной прислугой, разбили царскую кухню и гардеробъ на одной изъ площадей. По этому случаю было произведено дознание и судъ, который приговорилъ десятого изъ гражданъ къ наказанію кнутомъ. Наказаніе это не было исполнено, потому что новоторжское общество отправило къ Императрицѣ депутацію, съ просьбою о помилованіи, и въ самый праздникъ Похвалы Богородицы Императрица даровала прощенье.

Въ память этого случая и по настоящее время ежегодно въ праздники Похвалы Богородицы служатъ въ городской Думѣ, при собраніи всего городского общества, благодарственный молебенъ!

Лѣтъ 40—50 тому назадъ, Торжокъ отличался своею обычностью, которая почти уже сгладилась въ настоящее время. Своею обычностью эта провинция во всемъ: въ рѣчи, въ костюмѣ, въ нравѣ и въ бытѣ. Провозошеніе до сихъ поръ еще до нѣкоторой степени отличается отъ другихъ мѣстностей Тверской губерніи, хотя, конечно, не такъ, какъ прежде! Въ разговорѣ съ новоторомъ вы могли услышать прежде сильное удареніе на букву о, пристрастие къ буквѣ и, которая если не постоянно, то во многихъ случаяхъ замѣняла букву е, а особенно ѣ. Напримѣръ, новоторы говорятъ *на гори* вмѣсто на горѣ, *на рки* вмѣсто на рѣкѣ и т. п. Кромѣ того, буква и произносилась какъ-то особенно и не совсѣмъ пріятно. Но въ настоящее время, сколько ужъ я ни вслушивался, нѣтъ ужъ особенностей этого нарѣчія, хотя нѣкоторая своеобразность въ произношеніи и сохранилась.

Прежній женскій костюмъ, употреблявшійся въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, можно теперь видѣть только на портретахъ того времени. Нарядъ тотъ былъ богатъ золотомъ, вышиваніями, феразью и драгоценными ил камнями. Нарядъ дѣвицы отъ наряда женщины отличался тѣмъ, что въ головномъ уборѣ не доставало подзатыльника, а вмѣсто пояса и кокошника носили, такъ называемый, вѣнецъ, выложенный жемчугомъ и съ раскою на передѣ, который покрывался кисеей, или битью. Верхняя одежда дѣвушекъ не отличалась отъ одежды женщины, но, кромѣ шубъ и полшубовъ, дѣвушки въ лѣтнее время носили хорошенькія шубейки безъ рука-

вовъ, съ безчисленными сборками навади, обшитыя позументомъ. Главное отличие дѣвушки отъ женщины заключалось въ прическѣ: женщины всѣ волосы подбрали подъ повойникъ, такъ что не видно было на хбу ни одного волоса, а дѣвушкамъ дозволялись вольности въ этомъ отношеніи и заплетенная коса дѣвушки, украшенная яркой лентой съ золотой бахромою, выпускалась поверхъ шубейки. Какъ этотъ прелестный, характерный костюмъ обращенъ въ нынѣшній—трудно сказать. Только ужьичего общаго нѣтъ въ длинныхъ капотахъ, или просто бурнускахъ, въ которыхъ теперь закутываются новоторки, съ тѣми граціозными шубейками, а въ двѣтнхъ платкахъ, обвязывающихъ нынѣ ихъ головы,—съ прежними богатими новойничками и кокошниками.

Впрочемъ, и теперь еще, сегодня, на гуляньи встрѣтилъ я на нѣсколькихъ подобіе прежняго наряда: что-то въ родѣ матерчатого сарафана (но увы! кажется, съ вриолиномъ), ловко казенную на одно плечо безрукавку и граціозно повязанный на хорошенькой головѣ шелковый платочекъ...

Новоторки славились когда-то своимъ красивымъ типомъ. Стройная, высокая, съ кругленькимъ, очень привлекательнымъ личикомъ и пріятнымъ, слегка задорнымъ взглядомъ карихъ глазъ—вотъ общій типъ вѣрней новоторки. Но, къ сожалѣнію, укоренившійся обычай употреблѣть разныя притирания (тутъ же было въ оныя времена и громадное надѣлье ихъ), въ связи съ значительнымъ употребленіемъ лакометвъ, дарили новоторокъ черными зубами, благодаря которымъ, вмѣстѣ съ дебелистью рукъ, и испорченному цвѣту лица, оныя теряли значительную часть своей привлекательности. Прелестность новоторскаго наряда много способствовала замѣчательная склонность новоторокъ къ щегольству. Каждая горожанка, поставленная въ необходимость собственнымъ трудомъ содержать себя, готова была вынести дома Богъ знаетъ какія лишения, лишь бы, выйдя на гулянье, не отстать отъ своихъ подругъ, лишь бы приобрѣсти яркій, шелковый платокъ на голову, надѣть безуворизненной бѣлизны кисейные рукава и одѣться въ матерчатую шубейку и сарафанъ.

Увы! Теперь далеко не то.

Вмѣстѣ съ костюмомъ измѣнились и существовавшіе въ Торжкѣ обычаи. Въ прежнее время, проходя улицы вечеромъ, а нерѣдко и ночью, можно было вездѣ замѣтить вереницы дѣвушекъ и около каждой изъ нихъ молодца, который, угощая соседку орѣхами в дру-

гими сладостями, въ вознагражденіе за то имѣлъ полное право и обнять красоту за талыю и получить отъ нея поцѣлуй. И ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что попалъ въ разрабаченную среду. Обычай этотъ, жившій долгое время между молодежью съ согласія ихъ родителей, при отсутствіи другихъ средствъ, былъ не болѣе какъ средствомъ сближенія между молодыми людьми, нравившимися другъ другу, и такое сближеніе вело прямо подъ вѣнецъ. Я позволю себѣ выписать нѣсколько страницъ, мѣтко характеризующихъ старыя новоторскіе обычаи, изъ замѣтокъ г. Небольсина, пробывшего нѣсколько дней въ Торжкѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Эти замѣтки приведены авторомъ статьи о Торжкѣ въ той же «Памятной книжкѣ».

«Обычай требуетъ здѣсь», говоритъ г. Небольсинъ, «чтобы каждая мѣшаночка (за купчихъ поручиться нельзя), или ямщица, находилась еще подъ кровомъ родительскимъ, имѣла у себя непремѣнно cavalier servant, пожалуй дружка; мѣшанки называютъ его «компаньйономъ»—при первомъ сближеніи и «предметомъ»—при болѣе дружескомъ знакомствѣ; ямщицы просто: «полюбовникомъ». Число дружекъ у дѣвушки не ограничено: ей предоставляется полная свобода гулять съ ними, ходить на бесѣду, повѣрять имъ свои секреты, а между прочимъ наблюдать за ними и изъ нихъ выбирать себѣ жениха. «Компаньйономъ» награждается иногда «сахарнымъ словечкомъ», или поцѣлуемъ, и вообще имѣетъ право на нѣкоторыя вольности. Дурныхъ отношеній между «юношей» и «дѣвой» не бываетъ и никто ихъ не подозреваетъ. И эта вѣра родителей въ хорошую нравственность дѣтей и предоставленіе имъ полной свободы въ поступкахъ имѣютъ самыя благодѣтельные послѣдствія. Дѣвушка ловка, весела, разговорчива, наблюдательна, тверда въ правлахъ; жена—истинная подруга и не сожительница, а полная хозяйка дома.

«Новоторочка безъ «полюбовника» не можетъ быть, иначе это недосказанная мысль, каша безъ масла, книга съ бѣлыми страницами; на каждомъ шагу ее ожидаютъ насмѣшки родныхъ и знаемыхъ. Но понятіямъ людей, одного съ нею кружка, надо предполагать, что подобная дѣвушка или такъ дурна собой, или такъ глупа, или наконецъ такъ подозрительна въ поведеніи, что ни одинъ новоторъ не захочетъ искать ей «благосклонности и вниманія».

«Я полюбопытствовалъ прогуляться по бульвару и усѣлся въ углу широкой садовой скамейки. Толпы гуляющихъ, преимущественно-

но мѣщанъ и ямщиковъ, разводѣтыхъ по праздничному, перекѣшнвались съ группами людей высшаго прязанія, съ людьми чиновными, уланами и супругами купцовъ. Шумная болтовня раздавалась въ концѣ въ конце, никто не считалъ себя связаннымъ. Но высшее приличіе царствовало всюду. Всѣ другъ другу говорятъ «вы», о себѣ выражаются «мы», поминутно съ выраженіями «ахъ, помилуйте-съ!» Скоро около меня завязался разговоръ, который я передаю слово въ слово: въ безошибочности его я ручаюсь тѣмъ болѣе, что потомъ разъ двадцать слышалъ его, безъ малѣйшаго почти помѣненія.

— «Глядитко, Леска (Леска уменьшительное Александра, тоже что Саша), гляди: Елена Грачиха съ Сашуркой идетъ! сказала стоявшій возлѣ меня высокій паренъ сидѣвшему на свамѣ мѣщанину, указать на двѣ приближавшіяся къ намъ, торжественно, шавами выступавшія, особы, въ богатыхъ сарафанахъ и тѣлогрѣйкахъ.

«Елена съ Сашуркой съли, ни слова ни говоря на той же скамейкѣ. Первая была дебелая дѣва обширнаго размѣра, съ выпуклостями, до чрезвычайности развитыми, такъ что объемъ ея шен равнялся толщинѣ обыкновенной у насъ дѣвичьей талии. Съ вида ей было лѣтъ подъ тридцать, но правильныя черты лица, нѣжный отѣнокъ кожи, тоненькія русыя брови и гордо надутыя пунцовая нижняя губа давали ей полное право на званіе очень недуренькой женщины. Та, которую звали Сашуркой, была остроглазой бронеткой, съ нѣсколько загорѣлымъ цвѣтомъ лица и съ пламеннымъ румянцемъ на щекахъ. Невысокій ростъ, стройный станъ, маленькая ножка, горячіе взгляды, фіолетовый сарафанъ съ золотымъ галуномъ, серповая косыночка на головѣ, 17 лѣтъ, правильное произошеніе заставляли многихъ парней молодыхъ на нее заглядываться. Къ нимъ, распарвавшись, подошелъ красивый, высокій ростомъ, молодецъ въ высокихъ по колѣни сапогахъ съ кисточками, въ оранжевомъ шелковомъ жилетѣ, украшенномъ бисерною дѣпочкомъ, въ длиннополомъ, лоснящемся отъ новины сюртукѣ на распашку; длинные русые волосы были тщательно завиты и зачесаны по модѣ. Онъ смилъ шляпу передъ Сашуркой и повелъ съ нею такія рѣчи:

— Здравствуйте, Александра Егоровна, какъ ваше здоровье-съ?

— Слава Богу, лучше всего! Какъ ваше? отвѣчала бронетка.

— Благодаримъ на этомъ. Здоровы-ли ваши компаньоны?

Бронетка ласково и пристально взглянула на него, покосила немножко голову и, сдѣлавъ рукой непонятный жестъ, отвѣчала:

— Въ виду слава Богу, а въ сердцахъ Богъ васъ знаетъ.

— А вы насъ считаете за компаньоновъ?

— Помилуйте-съ, какъ-же-съ! кто къ намъ посѣщаетъ въ компанію, того мы всѣхъ воше считаемъ за компаньоновъ.

— Благодаримъ-съ, а какъ поживаютъ ваши «предметы»?

— У насъ еще ихъ не имѣется.

— Почему же такъ?

— Мы-съ молоды для естакана дѣла.

— Помилуйте-съ, вы этакія дѣвушки превосходныя-съ и ужъ вступили въ возрастъ, да чтобъ у васъ не имѣлось предметовъ? А намъ извѣстно, что вы ужъ двухъ въ отставку отдали. Возьмите-съ новыхъ, достойнѣй.

— Намъ въ нихъ счастье не служить! со выдохомъ сказала бронетка, чрезвычайно жалобно ослабивъ свое умное личико и поднявъ варіе глаза на красиваго парня.

— Ахъ, полноте-съ, Александра Егоровна, вы не скрываете-съ своего счастья!

— Это мы вѣрно вамъ говоримъ.

— Такъ знаете-ли что-съ?

— Что-съ!

— Ужъ вѣдь и я ли къ вамъ не лапсусъ: и силу, и вижу только васъ.

— Такъ что-же-съ?

— Вы насъ полюбите?

— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ.

— Не будете мучарить?

— Помилуйте-съ, за что-же-съ!

— Завѣрьте насъ.

— Ну, чѣмъ же мнѣ васъ завѣрить. Взоромъ, али пріятнымъ разговоромъ?

— Нѣтъ, еще чѣмъ-нибудь.

— Я ужъ и не знаю чѣмъ; скажите вы.

— А подѣлуйте!

— Помилуйте-съ: мы естакимъ глупостямъ не занимаемся, да еще при народѣ.

— Что же это мы стоимъ: позвольте намъ присѣсть съ вами рядомъ.

— Намъ очень пріятно; смахните вашимъ платочкомъ.

— Позвольте мнѣ по крайности обнять вашу станицу, спросилъ горожанникъ, усѣвшись.

— Ахъ, полноте-съ, въ чему теперь! Апосля?

— Когда же можно будетъ присластить нашу любовь поцалу-чникомъ?

— Да хоть сегодня, приходите сидѣть въ намъ въ воротечкамъ.

«Такимъ образомъ, какъ мнѣ слышали, дѣлаются обличенія, и молодой человѣкъ, получивъ, послѣ долгихъ вздоховъ и исцательствъ формальное согласіе, всюду сопровождать красную дѣвицу, ласково принимается въ домъ родителей. Но если-жъ нелюбовь дѣвицы, то его тонкимъ и деликатнымъ образомъ выпроваиваютъ. На предложеніе холостата юноши себя въ «предметъ», даже на простое желаніе поступить въ «компаьоны», разборчивая повоторка обыкновенно отвѣчаетъ:

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ-же-съ; намъ съ васъ счастье не послужаетъ

— А ужъ мы бы то васъ холми да дѣляли, возражаетъ воло-кита.

— Помилуйте-съ, въ чему вамъ беспокоиться; да намъ и время не дозволяетъ съ вами знаться.

— Позвольте хоть мѣстечко! упранивается безотвязный, замѣтивъ свободное мѣсто на скамейкѣ подлѣ той, которая такъ пригласилась ему.

— У насъ мѣста нѣтъ про прочихъ; у насъ только про себя... Дѣвушки поразводнитесь! говорить жестокосердная своимъ подру-гамъ, угваривая занять платьями всю скамейку.

— Мнѣ бы хотѣлось хоть узнать вашу домашній бытъ и разныя ваши сердечныя положенія.

— Все будете знать—скоро состаритесь.

— Однако, у васъ есть-же сердечныя потребности!

— У насъ ихъ и въ заводѣ не имѣется.

— Позвольте васъ поподчивать карамелькамъ.

— Мы естгго не потребляемъ.

— Что-жъ мнѣ съ вами дѣлать?

— Лучше всего ступайте своей дорогой, а насъ оставьте въ покоѣ.

Тонъ ямщичекъ на цѣлую октаву ниже мѣщанскаго тона.

Поговорки эти передаются изъ рода въ родъ, отъ матери въ дочери, отъ тети къ племянницѣ, для памяти записываются на тетрадку и заучиваются наизусть. Во многихъ мѣстахъ хранятся кра-

сиво переплетенныя рукописи, какъ сборникъ всѣхъ постановленій о политичномъ обхожденіи; но чтобы добраться до сокровищницы этихъ обхождений, нужно быть очень счастливымъ, нужно родиться въ сорочкѣ. Поговорки ямщичекъ объ этомъ же предметѣ состоятъ изъ слѣдующихъ фразъ; парень вслѣдъ за разпросомъ о здравіи спрашиваетъ обыкновенно:

— Какимъ ваши дѣла, Кулина Дмитровна?

— Домашнія всѣ кончены, а на сердцѣ непзвѣстно-съ, отвѣчаетъ красавица съ яма.

— А что подѣлываетъ ваши любовнички?

— Помилуйте: чортъ имъ дѣлается, когда вхъ не имѣется!

— Такъ прошу же васъ: возмитее желаніе возлюбить насъ.

— А помилуйте-съ: полноте говорить такія гнусныя нелѣпости.

— Принажите пощелкать для васъ орѣшкы?

— У насъ у самыхъ зубы есть.

— Такъ что-жъ приважете мнѣ дѣлать?

— А поворачивайте отлобли, да подѣбжайте въ другимъ»...

Не прелесть-ли это? Сколько ясности, прямоты, сколько глубокаго смисла въ этихъ странныхъ словахъ и оригинальныхъ оборотахъ рѣчи! Что значить нашъ самый благовоспитанный свѣтскій разговоръ, самыя краснорѣчивыя объясненія въ любви, сощаннія на лжи и эффектахъ — въ сравненіи съ этими короткими и рѣзкими своей правдой, строками? Намъ данъ языкъ нинѣ, чтобы покрывать имъ свои мысли—такъ я слыхалъ отъ очень умныхъ людей, а новоторамъ того времени, очевидно, онъ служилъ только для болѣе аллегантнаго выраженія ея.

Далѣе г. Небольсинъ описываетъ богатую и бѣдную свадьбу того времени.

«Въ этотъ же день, говоритъ онъ, я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ частички дружъ брачныхъ церемоній. Около вечеренъ встрѣтилъ я въ Янской слободѣ шестые, которое открывалъ священникъ въ ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ. За нимъ шли рука въ руку молодой и молодой, только что обвѣнчанные. На обоехъ надѣты были свадебные вѣнцы, а у невесты, кромѣ того, изъ-подъ вѣнца выдущенъ былъ спереди большой кусокъ темной матеріи и лица ея не удалось видѣть мнѣ. Толпа приглашенныхъ лицъ сопровождала юную чету до-мой, вдоль по всей улицѣ.

«Въ это же время князя кнѣзь народъ у собора за рѣкой. Храмъ Божій освѣщенъ былъ великолѣпно; свѣчи горѣли во всѣхъ паникадилахъ; золотое шитье и драгоценные камни отражали тысячи лучей на уборахъ дамъ, и ни одного нѣмецкаго костюма. Причиной скопления публики была купеческая свадьба въ довольно важномъ семействѣ.

«Женхъ была одѣта просто, въ сюртукѣ до пятъ; кромѣ огромныхъ брилліантовъ на мавишгѣ и толстаго золотого каната у часовъ, на немъ ничего не было ни палшияго, ни блестящаго; даже салопи были тусклы и выраженіе лица сумрачно.

Но невѣста была настоящей херувимчикъ въ сарафанѣ. Сарафанъ этотъ изъ бѣлага глаза былъ обшитъ золотымъ кружевомъ превосходной отдѣлки. Роскошная грудь красавицы украшена гигантскимъ алмазомъ; на шеѣ ожерелье въ нѣсколько рядовъ изъ самыхъ крупныхъ бурмивскихъ зеренъ. Башмаки невѣсты бѣлые атласные, а шитые золотомъ: мнѣ показалось даже, что въ серединѣ узорныхъ цвѣтовъ и около носка вдѣлано было нѣсколько мелкихъ брилліантовъ. Волосы новобрачной были тщательно подобраны подъ леопольную шапочку, осыпанную около лба въ нѣсколько рядовъ драгоценными каменьями, а сверхъ шапочки была надѣта вѣнецъ. Его бѣлая газетная матерія едва-едва пробивалась сквозь тучу жемчуга, которымъ весь уборъ былъ осыпанъ. Конецъ у вѣнца былъ украшенъ трехконечнымъ бантомъ изъ влатокованной ленты, которая двумя широкими лопастями спускалась по спинѣ далеко внизъ.

«Сарафаны у прочихъ лицъ женскаго пола были разнообразны; бархатные, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, серизовые, малиновые, голубые, тѣлогрѣи, поражавшіе взоры посторонняго своею пышностью, были газетовые, шарчевые, изъ золотого штофа, съ миллионами оборотъ около пояса.

«Чтобы поставить себѣ идею о роскоши всѣхъ этихъ нарядовъ, довольно замѣтить, что работа воскресной, которой была обязана голова одной, присутствующей здѣсь, покойной кунчки, стоила 250 р., не включая въ итогъ этой суммы дѣны огромнаго лазурнаго фермуара, который, Богъ знаетъ для чего, былъ сюда нашитъ.

«Нельзя однако-жь скрыть, что и въ этомъ обществѣ приходится иногда слышать фразы, составленныя по неизвѣстной еще грамматикѣ и съ кудреватыми украшеніями, которыя вовсе не могутъ льстить нашему вкусу. Выраженія въ родѣ: «резонгъ черезъ

полятику въ средстве воспринять», сыпались изъ устъ молодыхъ людей, не-приказчиковъ и не-владѣльцевъ»...

Такъ говорили, такъ вѣщались, такъ жили новоторы въ сороковыхъ еще годахъ. Прошло 20 лѣтъ и многое ужъ измѣнилось. Тѣхъ волностей между молодыми людьми, которые прежде бросались въ глаза, ужъ не существовало. Хотя порой, въ сумерки, особенно зимою, дѣвцы и собирались у воротъ на бесѣду и въ нимъ подходил молодой парни, но держался всѣмъ чинно и развѣ только при проводахъ домой молодежь перекинется нѣсколькими словами съ своимъ «предметомъ» съ главу на глазу. Лѣтомъ молодежь все-таки сходилась на бульварѣ, откуда дѣвцы возвращались въ сопровожденіи своихъ чичебеевъ. И, какъ говорятъ, въ тѣ времена между молодымъ новоторскимъ поколѣніемъ получила право гражданства переписка, которая не была секретомъ ни для родныхъ, ни для постороннихъ.

Домашнихъ вечеровъ, гдѣ бы молодежь могла сближаться между собою, въ Торжѣ, кромѣ свадебъ, ужъ не бывало. Впрочемъ, зимою у ямщиковъ и мѣщанъ иногда бывали еще посѣдки въ тѣхъ домахъ, гдѣ были дѣвушки, куда собираются подружки хозяйки и молодые молодцы-ребята (новоторское выраженіе того времени), и здѣсь коротали длинные вечера. Хотя сближеніе молодыхъ людей, имѣвшихъ намѣреніе повѣнчаться, дѣлалось задолго до свадьбы, тѣмъ не менѣе процедура сватанія производилась съ соблюденіемъ извѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ, правду сказать, настолько длинныхъ и скучныхъ, что я здѣсь не рѣшаюсь преподнести ихъ читателю. Въ описаніи г. Небольсина, мы видѣли вѣнчальный нарядъ невѣсты и поѣзжайте; но, ужъ и въ 65 году говорили: «То было давно... преданье старины глубокой».

Въ шестидесятыхъ годахъ невѣста надѣвала въ вѣнцу на голову какой-нибудь цвѣтокъ съ вуалемъ, шелковый сарафанъ и какое-нибудь пальто, которое снималось при входѣ въ церковь. Но и эти остатки обычаевъ старины сохранялись тогда только въ среднемъ и низшемъ классахъ новоторскаго городского населенія; именитое же новоторское купечество давно ужъ не стѣнелось старинными обычаями и празднуетъ свадьбы, оставляя ихъ въ сторонѣ.

.....

Еще десятилѣткія два лѣтъ прошло и вотъ Торжокъ переживаетъ 1884 годъ, августъ мѣсяць, свое бабье лѣто, лѣто, хотя позднее, но роскошное. Я прѣхалъ сюда ночью и тогда ужъ былъ приятно пора-

жизнь милосивностью городка, собственно самой маленькой части его, по шоссе до гостиницы, и просторным, сверх всяких моих ожиданий, помещением в этой последней. Я был предупрежден еще в Твери насчет этой гостиницы и ее происхождения и потому, приехав, сейчас заказал себѣ порцію пожарских котлетъ. Черезъ часъ онѣ торжественно появились. Но, увы! Какихъ разбровъ Какого свойства! Какъ ни бился, какъ ни трудился ояперы стои-паго здѣсь гвардейскаго кадра надъ обучениемъ повара, тотъ видно не вылезъ ни ихъ мольбамъ, ни угрозамъ, ни грозной тѣни самой личишки Пожарской, навѣрно живущей вѣ темныхъ углахъ своей громадной, родовой кухни. Воображаю, съ какою ужасомъ взираетъ она, какъ ея воздушныя котлеточки превращаются въ гигантскія котлетницы и какъ неулыбчиво и неаппетитно сіе послѣднія плаваютъ въ весьма сомнительнаго свойства жирѣ.

Это было разочарованіе, впрочемъ, не особенно большое. На утро, когда снопы снѣга ворвались въ громадныя окна моей комнаты, я вскочилъ съ постели и радостно встрѣтилъ этотъ теплый, ясный день, отъ чего пришлось уже отвыкнуть въ Твери. Я поспѣшилъ растворить настежь окна и, жадно вдыхая утренній воздухъ, съ любопытствомъ и удовольствіемъ взглядывалъ кругомъ. Гостиница, какъ и уже говорилъ, стоитъ на шоссе, ровномъ и гладкомъ, обрамленномъ рядами неаппетитныхъ, но опрятныхъ и весьма симметричныхъ другъ къ другу домиковъ. Кое-гдѣ между ними бѣлѣютъ дома повыше, каменные. Въ центрѣ, гдѣ стоитъ гостиница Пожарскаго, такихъ домовъ побольше. Напротивъ нея, прямо передъ моими окнами, довольно большая площадь, чисто вымощенная камнемъ и ограниченная съ двухъ сторонъ каменными зданіями, а съ третьей маленькимъ скверомъ; изъ-за зелени его невысоко поднимаются стѣны и колонны какого то желтаго, оригинально красиваго зданія, что то родъ гауптвахты или военнаго магазина.

Зданія, образующія площадь: почтовое и полицейское управленія съ одной стороны, а съ другой—вторая городская гостиница, штабъ расположенныхъ здѣсь войскъ и еще казармы. Площадь эта, упирается въ скверъ, кончается двумя улицами, идущими съ каждой стороны сѣвера. Улицаhalbо отъ меня, огибая желтое зданіе, спускается внизъ зеленымъ оврагомъ. Правая-же теряется за угломъ зданія штаба. На этой площади, у самаго шоссе, стоитъ рядъ пивоварныхъ.

Это главная биржа. Въ окружающей тишинѣ звонко раздаются голоса мальчишекъ на площади, стучатъ баблужбы рѣдкахъ прокожихъ или удари копытъ о камень. Рѣдко, рѣдко пройдетъ горожанинъ, еще рѣже загремятъ и замрутъ въ отдаленіи дребежащія дрожжи или пиварный экипажъ офицера съ пристяжкой «на отлетѣ» и ровнымъ коренникомъ. Съ улицы явственно долетаетъ всякое слово разговаривающихъ внизу извозчиковъ съ двумя блюстителями порядка. Надъ всѣмъ точно нависли покой и жаръ лѣтняго дня. А было только 11—12 часовъ утра. Страннымъ образомъ, эта тишина не сердила, не раздражала меня здѣсь, какъ въ Твери. Тамъ она производила впечатлѣніе мертвенности, гнетущей тоски, здѣсь же какой-то особенной мягкости на душѣ и мира... Неожиданно встрѣтивъ между гвардейскими офицерами нѣсколькихъ старыхъ товарищей, я провелъ здѣсь первый день очень разнообразно и незамѣтно. Изъ осмотра города увидалъ я, что главная и самая красивая часть его раскинута уступами, на другомъ берегу Тверцы, соединяющемся всяческимъ желѣзнымъ мостомъ, весьма красивымъ. Этотъ мостъ, произведеніе новѣйшихъ временъ, гордость и слава новоторовъ, стоившій имъ около 100 т. Двадцать пять изъ нихъ пожертвованы, остальные—увы! взяты въ долгъ.

Прямыя улицы, дома преимущественно каменные и большіе, ясно указываютъ на новѣйшее происхожденіе зарѣчной части города. Между тѣмъ какъ кривые переулки, узкіе переулки, что по сей сторонѣ, громко говорятъ о старинѣ, какъ и само шоссе, къ которому они всѣ стремятся, точно дѣти къ матери.

На другой день по прѣздѣ посѣтилъ я и бульваръ—центръ здѣшней жизни. Онъ въ двухъ шагахъ отъ моей гостиницы. Нужно пройти площадь и повернуть въ улицу направо. Она упирается въ бульваръ. Бульваръ, это длинное огороженное мѣсто, тянущееся по высокому берегу Тверцы. Мнѣ кажется, что здѣсь должна быть насыпь, потому что обрывъ на рѣкѣ очень ужъ крутъ. Если это насыпь—то это гигантская работа, могущая служить вѣдѣнъ памятникомъ Торжку. По бульвару тянутся параллельно другъ къ другу двѣ только дорожки: одна выше, другая ниже по склону. Онѣ обставлены длинными скамьями, на которыхъ и происходили когда-то сцены, такъ мѣсто описанныя г. Небольсиннымъ. Я вошелъ и съ жадностью осмотрѣлся. Дорожки и скамьи почти пусты; двѣ-три пары удивленно пріютились въ самыхъ темныхъ углахъ, или кружили по бульвару. Я гдѣти

вглядывался въ лица, вслушивался въ рѣчь, жажда уловить хоть тѣнь пражнаго новотора! Ничего! Физиономіи прикащиковъ, нахальныя и глупыя, мѣщанскія нашего времени, типъ женщинъ, жеманнички и ломанички о богахъ съ своими кавалерами, расплывавшимися сѣмчачки—вотъ что увидялъ. Костюмы у мужчинъ—какъ у прикащиковъ изъ лабазовъ и молочныхъ лавочекъ, женскіе—съ претензіей на моду, но безвкусные и бѣдные. Это было такъ не интересно, что я обратилъ все свое вниманіе на роскошный видъ, разстилавшійся къ ближайшей рѣкѣ, аллея. Весь городъ, т. е. вся зарѣчная сторона, какъ на ладони. Сейчасъ за красивой лентой Тверцы тянется рядъ большихъ каменныхъ домовъ. Это новые, выстроенные, послѣ недавняго пожара. Отъ моста подымается къверху главная улица этой части города, раздѣляя ее въ свою очередь на двѣ части. Отъ нея лѣвѣе по крутымъ спускамъ переулки и переулочки, перекрещиваются, расходятся, и кончаются тамъ, гдѣ расплывается густая масса бѣлыхъ стѣнъ и темныя ряды деревянныхъ домиковъ уплываютъ прямо въ поле. Изъ этой груди бѣлыхъ стѣнъ и красныхъ крышъ, точно наваленныхъ другъ на друга, куда ни взгляни, выстаютъ къверху красивые купола и башни церквей. Я насчиталъ ихъ до 16-ти. Это только въ одной зарѣчной части. Громадные купола Преображенскаго собора величественно громоздятся другъ на другѣ, а за ними налѣво гордо вздымаются тонкія купола Борисоглебскаго монастыря, на самомъ верху сквозной, увѣнчанный колонками и престомъ. На крайней правой сторонѣ горизонта такой же куполь, не знаю только какой церкви.

Еще лѣвѣе монастыря, заключеннаго со всѣхъ сторонъ въ каменную бѣлой оградѣ, одиноко видѣется въ полѣ деревянная церковь. То старинная церковь Преображенія. Ей треста слишкомъ лѣтъ; она обновлена и вновь освящена по почину ввѣстнаго въ Тверской губерніи управляющаго казенной палатой, Августа Казимировича Ждановскаго, на средства богатаго здѣшняго кушечества. Всѣхъ церквей и не перечтешь; количество ихъ поразительно въ такомъ маленькомъ городѣ.

Солнце ужъ давно сѣло, ярко-красные края неба стали темно-оранжевыми, и на этомъ фонѣ, въ ступавшихся сумеркахъ, еще величественнѣе и рѣвче громоздился контуры зарѣчнаго Торжка. Я сравнивалъ его съ видомъ Замоскворѣчья съ высоты Кремля. Та картина слишкомъ велика, ее не объхватишь однимъ взглядомъ, эта мпѣна-

торна въ сравненіи съ той, но и болѣе доступна, оставляетъ предствленіе болѣе цѣльное..

Сегодня, выйдя часу въ 7-мъ на бульваръ, я былъ пораженъ массой народа. Аллеи были биткомъ набиты, скамьи унизаны сидѣвшими. Головки, повязанныя платками, и черныя фуражки, густо перемѣшанныя между собой, двигались одной сплошной массой. На мужчинахъ новыя платья, чистыя рубахи, вышитыя шелками. Женщины въ бурнускахъ въ накидку, изъ-подъ которыхъ нестрѣбуютъ яркихъ цвѣтовъ платья. Тамъ и сямъ попадаются сарафаны, безрукавки, кокетливо повязанныя шелковыя платочки; изрѣдка мелькнетъ круглое личико съ румянцемъ во всю щегу, тонкими, русыми бровями и карими глазами. Взглядъ этихъ главъ мягкій и задорный, быстро загорающійся.—Вонъ она, настоящая новоторка!..—думалъ я, встрѣчая такіе глаза. Но, къ несчастію, встрѣчался онъ рѣдко. Подавляющее большинство было лицъ самыхъ заурядныхъ, въ которыхъ трудно было-бы найти какой бы то ни было типъ. Пошлость и мѣщанство въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова сквозили въ каждой чертѣ въ каждомъ движеніи этихъ дщерей когда-то славныхъ новоторовъ. А въ глазахъ ихъ особенно у купчихъ, свѣтилась порядочная доза чванства, нахальства и даже цинизма.

— Повывелся, поизмельчали красавицы съ яма, граціозныя Сапурины, роскошныя купеческія дочки!..—говорилъ я себѣ, вспоминая рассказы Небольсина.

Съ трудомъ я подвигался къ этой толпѣ, вслушиваясь и изучая ее. Изъ прежняго сохранилось только отсутствіе малѣйшаго стѣсненія. Ничто, ни малѣйшимъ образомъ, не считалъ себя связаннымъ. Но ужъ «высшаго приличья» между ними не было. Всякая церемонность въ обращеніи отсутствовала. О себѣ говорили «я», а не «мы», «мнѣ», а не «намъ». «Помилуйте-съ» хотя упоминали часто, но не исключительно. Объ «компаньонахъ», «предметахъ», «полюбовничкахъ» и рѣчи не было. Всѣ эти термины замѣнили одинъ общій: «кавалеръ»: только и слышалось кругомъ: «кавалеръ» во всѣхъ надежахъ и членахъ.

— Ахъ, какой вы кавалеръ!.. жеманно говорить забутанная въ длинный капотъ мѣщавка.

— Сегодня и кавалеровъ-то нѣту-ти!.. говоритъ другая своей подружкѣ, тономъ слегка педовольнымъ и прерывательнымъ.

— Нѣтъ, я видала.. отвѣчаетъ та, Митька, Андриша здѣсь. Кажись, повернули за нами, прибавила она, оглядываясь.

— Ну ужъ и Митька! Какой это кавалеръ — озорникъ..

Въ это время самъ Митька, высокій, несладный парень, въ длинномъ по пятки пальто, съ какими-то невообразимыми „пластрономъ“, надѣтымъ поверхъ вышитой рубахи, и съ глупой улыбкой до ушей догоняетъ парочку и безцеремонно просовываетъ между ними свою большую голову.

— А вамъ, Татьяна Егоровна, какъ еще кавалеровъ ищетесь надобность? грубо прерываетъ онъ ее. Чѣмъ это я вамъ не кавалеръ?..

— Ахъ!.. вскрикиваетъ Татьяна Егоровна, испуганная близостью этой бараньей головы. Какъ это вамъ несовѣстно такъ пугать..

Но строгость скоро смѣняется улыбкой: «озорникъ» Митька, видно, по вусу, и трю, громко смѣясь и щелкая смѣячки, удаляется.

Вотъ передо мной подвигаются двѣ женскія фигурки одѣтыя со-всѣмъ по-европейски. На обихъ ловко сидятъ темныя пальто въ талью, шляпы модныя съ широкими полями. «Это, вѣроятно, люди высшаго звѣданія».. подумалъ я. Къ нимъ подходитъ господнинъ, тоже одѣтый по-европейски, но въ купеческой фуражкѣ.

— Мое почтеніе-съ! здоровается онъ съ ними.

— Здравствуйте.

— Какъ поживаете?..

— Благодарю; какъ вы?

— Ничего, слава Богу.. Разговоръ прерывается.

— Какъ изволите время проводить? любовно нагибается кавалеръ.

— Такъ себѣ! А вы?

— Понемножку.. Разговоръ опять прерывается.

— Были гдѣнибудь на вечерѣ? спрашиваетъ кавалеръ.

— Нѣтъ, какіе теперь вечера! А вы?..

— Я тоже нѣтъ. Еще мало съѣхалось.. Опять длинная пауза.

— И такъ вообще нигдѣ не были?.. уже съ видимымъ трудомъ спрашиваетъ кавалеръ.

— Нѣтъ, я была.. наведни у Цвехева. Чай звали пить. Поминки тамъ были.

— Поминки съ? А обѣдать просили?..

— Нѣтъ! Какой-же у нихъ обѣдъ? Развѣ они когда угостятъ.

— Это вѣрно-съ.. смѣется кавалеръ. У нихъ все больше чаинки прохладяются.

— Ужъ и прохлажденіе!.. съ досадой говоритъ барышня. Надожи мнѣ эти прохлажденія.

— А что?..

— Да что!.. Известно какъ у купцовъ. Накладываютъ, наливаютъ, просто мочи нѣтъ. Просишь жидкаго чаю, они пальто самого густаго. Положишь себѣ 2 куска сахару, они еще два прибавятъ. Точно въ самомъ дѣлѣ я жалѣю ихъ чаю, или тамъ сахару.

— Такъ что вамъ вдвое все кладутъ?.. ослабываясь говоритъ кавалеръ, видимо обрадованный завязкой разговора.

— Ужъ Богъ ихъ тамъ знаетъ.

— А вы положили бы 6 кусковъ въ стаканъ. Они и пожалѣли бы еще 6 вамъ добавить..

Кавалеръ смѣется, смѣются и барышня, но слабо.

— Ну а варенье? Все это было?..

— Какъ-же-съ, волгя!

— И на вѣдомъ блюдечекъ другое?..

— Ужъ я и не разбирала..

— И какъ кончите одно, сейчасъ другое накладывали и другаго сорта.

— Не знаю, право! Я и не кончала блюдечекъ..

Продолжительная пауза.

— А гостей много?..

— Были, порядочно.

— И весело было?

— Нѣтъ, гдѣ же! Тоска..

— Отчего-же? Разговаривали вѣдь?

— Ну, ужъ эти разговоры. Лучше бы ихъ и не было. Все одно и то же, да тоже.

— Объ чемъ же? Любопытствовалъ кавалеръ.

— Да все говорятъ про то, кто замужъ выходитъ, кто женится. И все одно и то же. И родственники и знакомые, всѣ точно глаза этимъ колятъ.

— Какъ же это колятъ? Почему?

— Та, молъ, выходитъ замужъ, другая, а ты сидишь. Женитьхъ у этой такой-то, у другой сякой. Хуже, значить, тѣхъ, которые мнѣ предложеніе дѣлали.. Вотъ и попрекаютъ! Почему я не приняла.. Однимъ словомъ, сдука эта ужасная.

же за 80 лѣтъ увеличилось слишкомъ на 80%, если считать коренное население его въ 1863 году только 13,397, какъ значится въ Памятной книжкѣ. Нынѣ же, изъ отчета г. исправника за 1883 году видно, что всѣхъ жителей въ городѣ 12,673 человекъ. Изъ нихъ: дворянъ всѣхъ 253 чел., духовенства 447 чел., купцовъ 402 чел., мѣщанъ 9,161 чел., другихъ сословій 2,293 чел., иностранцевъ 12 человекъ.

Сравнивая эти данныя, мы видимъ, что за послѣднія 20 лѣтъ население Торжка убыло на 8,780 человекъ—цифра почтенная. Главная убыль произошла въ сословіяхъ: купеческомъ на 1,790 чел. и государственныхъ крестьянъ, по преимуществу бывшихъ амщанъ, около полуторы тысячи.

Причина этой убыли болѣе чѣмъ ясна: проведеніе Николаевской желѣзной дороги и упраздненіе посада, кормившаго въ былое время и массы амщиковъ и всякаго рода мелкихъ торговцовъ.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе дѣлится такъ: православныхъ 11,295 чел., единовѣрцевъ 818 чел., католиковъ 5 чел., лютеранъ 7 чел., раскольниковъ 193 чел., евреевъ 255 человекъ.

По свѣдѣніямъ 1863 года раскольниковъ было 157 чел. О единовѣрцахъ не упоминалось. Почти всѣ принадлежали къ селѣ поповщинской. Если считать вѣхствъ единовѣрцевъ и раскольниковъ, то цифра ихъ достигла теперь до 1,011 чел.

По камеральному вычисленію 1783 г. показано въ Торжкѣ зданій: дворцовъ и всякаго рода домовъ 1,803. Въ 1863 г. въ Торжкѣ жилихъ домовъ было 2,071. Значитъ, число жилихъ домовъ за 80 лѣтъ не особенно возросло. Изъ нихъ подлежало податному сбору 2,050 домовъ, по оцѣнкѣ въ 348,194 руб. Нынѣ же домовъ: казенныхъ 2, общественныхъ 13, частныхъ—каменныхъ 409, деревянныхъ 1,833; всего 2,257 домовъ: возросло на 186 домовъ.

Подлежитъ нынѣ оцѣночному сбору почти столько-же домовъ, оцѣненныхъ уже 10 лѣтъ назадъ уѣднымъ земствомъ, на сумму 1.200,000 руб. Застраховано было въ 1863 году въ Торжкѣ домовъ 76, на сумму 193,000 руб. Нынѣ же, въ 1883 году, застраховано домовъ на сумму 1.341,574 р. Частные дома не щеголяютъ затѣйливой архитектурой. Самые лучшіе, принадлежащіе богатому купечеству, совсѣмъ казарменной наружности. Обыкновенно они въ два этажа, выкрашены подъ бѣлую краску, при нихъ массивныя ворота и каменная стѣна окружаютъ весь дворъ и хозяйскія при-

стройки. Это махемьяя крѣпости, проникнуть въ которыя можно только черезъ узкую калитку, весьма почтенной толщины и почти всегда запертую. Насколько трудно попасть за нее мало знакомому человеку, можно судить изъ слѣдующаго, не подлежащаго сомнѣнію, разсказа, слышаннаго мною отъ г. NN. Когда г. NN стажа пресѣдовать мысль обновленія и возсзданія старинной церкви Преображенія въ Торжкѣ, онъ сталъ изыскивать къ тому матеріальнаго средства и естественно остановился на богатомъ повоторжскомъ купечествѣ, всегда чуткомъ ко всякаго рода жертвованіямъ (имъ положительно *некуда* болѣе девать свои деньги). Вотъ-съ и поѣхалъ онъ куда и разъ, и другой, и третій, и много разъ. Зайдетъ къ одному—дома нѣтъ, къ другому—дома нѣтъ и г. д. А вѣдь имъ г. NN достаточно извѣстно и уважаемо въ губерніи, чтобы служить пропускомъ во всякій порядочный домъ. Не пускаютъ, да и только. Думалъ г. NN, думалъ и выдумалъ очень удачную хитрость. Приѣзжаетъ онъ еще разъ въ Торжокъ, забираетъ съ собой двухъ блюстителей порядка и направляется во главѣ этого отряда къ дому вѣшнаго крѣва, вулака, купца В—на. Этоть послѣдній однихъ купцовъ, какъ увѣряютъ, отрѣзываетъ на 150 тыс. въ годъ, не считая его торговыхъ оборотовъ

— Дома? спрашиваетъ г. NN.

— Нѣтъ, по обыкновенію, отвѣчаютъ ему.

Г. NN дѣлаетъ знакъ и полицейскіе входятъ во дворъ.

— Такъ я подожду... мнѣ по дѣлу необходимо видѣть,—съ суровымъ лицомъ бормочетъ онъ—добрѣйшій изъ смертныхъ.

Измученный и испуганный слуга бѣжитъ докладывать, что пришла «полиція» и черезъ калитку возвращается, проси поможать. Баринъ оказывается дома. Г. NN повторяетъ жестъ своему отряду, тотъ моментально скрывается за калиткой, а самъ онъ побѣдоносно проходитъ мимо оторопѣвшаго сначала, а теперь и совсѣмъ ошалѣвшаго отъ удивленія, Митяя.

Разговоръ продолжается недолго, и застарѣлый скряга, на радостяхъ вѣрно, а можетъ и съ перепугу, беретъ на себя обновленіе Преображенской церкви.

Этоть «походъ» въ В—на г. NN долго будетъ поминать, а исторія современная можетъ оцѣнить его еще болѣе насъ...

На сколько удобно внутреннее устройство домовъ, не могу взять на себя трудъ судить, ибо почти не проникалъ въ нихъ; для хозяйки съ семьєю назначается обыкновенно только нижній этажъ, въ

верхнемъ-же, всегда богато убранномъ, помѣщаются апартаменты для приема гостей и то только въ самые торжественныя дни. Въ остальное же время эти комнаты не посѣщаются и самими хозяевами. Снаружи видны только рядъ оконъ, завѣшанныхъ простыми бѣлыми, съ зубчиками внизу, шторами.

Достаточно одного взгляда на подобныя дома, чтобы сказать, что они принадлежатъ очень вѣщиточнымъ хозяевамъ; начиная съ самаго дома и кончая послѣднею мелочью, все сооружено фундаментами: погреба, амбары, конюшни, обыкновенно каменные; даже заборы, отдѣляющіе садъ отъ двора, выложены камнемъ. Такого рода дома можно видѣть только въ зарѣчной сторонѣ города. Тамъ же, гдѣ шоссе, дома больше деревянныя и совсѣмъ легкія. Сейчасъ видно, что тамъ строились для удобства, только для себя, здѣсь же для торговли, болѣе для другихъ...

Въ Торжкѣ два монастыря: мужской и женскій, и 29 церквей, изъ которыхъ 26 каменныхъ и 3 деревянныхъ. Такъ числится въ 1863 году. Нынѣ числится церквей только 24. Но и эта цифра на 12-тысячное населеніе весьма почтенна. Взять количество церквей въ процентномъ отношеніи къ жителямъ, можно смѣло сказать, что новоторы набавнѣй еще москвичей. По такому расчисленію, предполагаемая въ Москвѣ 600 тыс. жителей, нужно было бы для нея около 2,200 церквей. А такого количества въ ней не окажется, я полагаю. Кромѣ того, въ Торжкѣ двѣ единовѣрческія церкви и одна раскольничья молельня.

Новоторжскій Борисоглѣбскій мужской монастырь одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей на Руси. Онъ основанъ въ 1038 году преподобнымъ Ефремомъ, который, прибывъ въ Торжокъ въ 1015 году, сначала построилъ странноприемный домъ близъ города, а на настояищемъ мѣстѣ устроилъ монастырь въ честь и память благоверныхъ князей Бориса и Глѣба и во имя ихъ соорудилъ и каменную церковь. Впоследствии, въ равное время, построилось еще нѣсколько церквей и въ настоящее время существуютъ, кромѣ главнаго соборнаго храма, теплая Введенская церковь, построенная около 1620 года; церковь на Святыхъ воротахъ во имя Нерукотвореннаго образа, сооруженная въ 1811 году, и небольшая теплая церковь во имя Входа Спасителя въ Иерусалимъ, построенная въ 1817 году. Настоящая обширная соборная церковь Борисоглѣбскаго монастыря была заложена 9-го іюня 1785 года, во время проѣзда Императрицы Екате-

рины II изъ Москвы въ Петербургъ. Она и пожертвовала на нее первоначальные 22,750 руб. ассигн. Въ церкви и понынѣ сохраняются мѣдные висеребряныя молоты и лопаты, которыми Императрица произвела завладѣду. Постройка церкви продолжалась 11 лѣтъ, такъ что она окончена была только 11-го іюля 1796 года. Внутри нея поражаетъ своей величавой средній куполъ. Онъ виситъ почти во всю величину церкви. Затѣмъ рѣзба иконостаса весьма оригинальна, имѣетъ въ себѣ что-то не русское. Въ него вѣдланы нѣсколько большихъ и нѣсколько маленькихъ картинъ, тоже очень оригинальной работы. Такихъ я еще не видалъ въ церквахъ. По мягкости тона, по художественной отдѣлкѣ ихъ смѣло можно поставить на любую выставку. По моему, онѣ составляютъ одно изъ цѣннѣйшихъ достояній церкви. Къ сокровищамъ монастыря относятся мощи преподобнаго Ефрема и его ученика Аркадія. Мощи св. Ефрема покоятся нынѣ въ великолѣпной серебряной рацѣ, съ выпуклыми изображеніями изъ жизни св. Ефрема на всѣхъ четырехъ доскахъ ея. Эта раца пожертвована бр. Штанковскимъ, здѣшними купцами, и дѣлана въ Петербургѣ г. Верховцевымъ, и стоитъ на правой сторонѣ, за вѣтромъ, подъ металлическимъ, вызолоченнымъ балдахиномъ. Другая раца стоитъ надъ вѣдомъ, надъ мощами св. Аркадія, и балдахинъ надъ ней поражаетъ своей замѣчательной рѣзбой. Онъ тоже весь вызолоченъ и пожертвованъ офицеромъ стоявшаго въ Торжкѣ уланскаго полка. Въ алтарѣ, на престолѣ, находится художественной работы серебряныя покровы. Особенно обращаетъ вниманіе чудная картина Тайной вечери, на задней сторонѣ престола. Это тоже пожертвовано Штанковскимъ и стоитъ около 20 тысячъ. Вообще, пожертвованій въ церкви очень много и на значительную сумму.

Борисоглѣбскій монастырь поражаетъ всякаго посѣтителя Торжка еще издали своей грандіозностью. Вблизи онъ нѣсколько не теряетъ. Онъ занимаетъ площадь гораздо больше 200 саж. въ окружности и расположенъ у самой Тверды, на насыпи, господствующей надъ всѣмъ городомъ. Двѣ каменные боковыя стѣны его, съ галлереями и прорѣзанными въ нихъ амбразурами, идутъ очень красивыми уступами по склону горы. Стѣна же, обращенная къ рѣкѣ, стоитъ гораздо ниже противоположной, такъ что верхній гребень ея приходится почти вровень съ насыпью, и тутъ, на этомъ гребнѣ, разбита желѣзная бесѣдка, откуда можно любоваться во всѣ стороны. Это мѣсто еще выше бульвара, и такъ какъ оно на другомъ берегу,

то отсюда представляется возможность однимъ взоромъ окинуть всю старую часть города, съ ея деревянными домиками и кривыми переулочками, стремящимися къ широкому шоссе по срединѣ. Направо—обширный горизонтъ полей и луговъ, между которыми высятся прозрачная Тверда, налѣво, по сю сторону рѣки—красныя крыши, бѣлыя стѣны, купола, кресты, по другую—темная зелень Бульвара, а ниже его—рядъ каменныхъ зданий, отражающихся въ гладкой какъ зеркало поверхности Твери. Вдали—опять лѣнія, но уже лѣсная, полей и луговъ. Словомъ, нужно самому простоять здѣсь и долго постоять, чтобы составить себѣ полное представленіе объ этой рѣдкой картинѣ.

Отецъ-казначей, который служилъ мнѣ проводникомъ, при прощаніи откомендовался мнѣ такъ:

— Слѣзъ откомендоваться... Бывшій чиновникъ! Служилъ столоначальникомъ въ ковенской уголовной палатѣ; по собственному прошенію переведенъ въ помощника столоначальника, отсюда въ отставку, и вотъ, постригся...

— Какъ же такъ, удивился я. Какъ же вы изъ столоначальниковъ да въ помощники?

— По прошенію-съ, слѣзъ вамъ доложить, по собственному прошенію.

Я удивленно уставился въ него.

— Не совсѣмъ здоровъ быть, да и службу не совсѣмъ понималъ такъ ужъ я и попросился...

Надо полагать, что это былъ единственный въ своемъ родѣ и съ сотвореніи міра—столоначальникъ...

Городъ Торжокъ имѣлъ когда-то очень большія земли, не приносящія, однако, ему большихъ доходовъ. Въ 1865 году такихъ земель считалось за Торжкомъ 2,536 десятинъ, изъ числа которыхъ только 707 десятинъ признавались доходными и отдавались въ аренду за 1,609 рублей. Время шло и земля, видно, становилась лучше, или люди неразборчивѣе, только *неодна*-то земля стала быстро разбираться кучествомъ, преимущественно здѣшними гласными, безъ всякой платы, за одну только обработку ея. Прошли еще годы—и земля эта, разобранная до чиста, стала обрабатываться и приносить весьма солидный доходъ. Купцы сѣютъ, жнутъ, да денежки собираютъ, а

лѣтомъ „прохлаждаются“ у себя „на дачахъ“. (Такъ здѣсь называются подгородныя яблони). Казалось бы, чѣмъ не покой имъ, чѣмъ не жизнь? Нѣтъ! Спокойствія видно не было. Земля-то все-таки чужая, не ихъ, значитъ: нужно ее сдѣлать своей прежде, а потомъ и Бога окончательно благодарить.

Вотъ и выдумали они кунштюкъ. Купецъ-гласный выдаетъ подставному лицу вексель на извѣстную сумму, который представляется къ мировому. Истецъ указываетъ на городскую землю, которую тотъ пользуется, какъ на имущество для описи. Составляется опись, назначаются торги, и городская земля продается, понятно, тому же купцу-гласному. Другими словами, онъ самъ себѣ за все платитъ.

Кучка, приговоръ мирового и проч. документы—все это въ наилучшемъ порядкѣ и съ незаконной стороны. Богатая пригородная земля дѣлается собственностью вулава—гласного, а дума... ой est la дума? спросать пожалуй. Право не знаю, гдѣ была она тогда, а теперь похищается на Торговой площади, противъ грязнаго гостиннаго двора.

Въ итогѣ этихъ кунштюковъ, когда, наконецъ, городъ пробудился, у него какъ не бывало большей половины его земель. Погоревали, потужили, да и забыли. Все равно свои, не чужіе взяли... Помѣстѣ 1863 года доходъ города простирался только до 9,167 руб. Этотъ доходъ состоялъ только изъ собственно городскихъ суммъ. По смѣстѣ на 1882 годъ, итогъ прихода составлялъ 155,699 руб 18½ коп. Собственно городскихъ доходовъ было 69,190 р. 49¼ к. Остальные статьи: общественныхъ, благотворительнаго капитала, партикулярныхъ, пенсіоннаго капитала, земскихъ и казенныхъ.

Въ 1863 году всѣхъ расходовъ было 6,700 руб., въ 1882 году—126,130 р. 84½ коп. Въ 1863 г. остатокъ былъ 2,467 руб., въ 1882 г.—29,568 р. 34 к. Передо мной отчеты городского управленія за послѣднія одиннадцать лѣтъ. Изъ массы цифръ, наполняющихъ ихъ я составилъ нѣсколько общихъ, которыя позволяютъ себѣ здѣсь привести. Главныя статьи прихода города, такъ-называемыя смѣтныя, слѣдующія: 1) сборы съ промышленниковъ; 2) съ недвижимыхъ имуществъ и арендныхъ статей, и 3) оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ. Остальныя статьи болѣе мелки, между ними важнѣйшая—доходъ за воинскій постой.

Оцѣночный сборъ съ недвижимаго имущества установленъ новоторжескою городской думою 14-го декабря 1881 г. Слѣдовало тогда

въ поступленію 9,709 р. 60 в. Опѣнна города была произведена около 1.200,000 руб.; имущества, не подлежащаго оцѣночному сбору, на 79,040 рублей.

Изъ отчетовъ, включительно по 1832 году, видно, что городской доходъ по смѣтнымъ статьямъ достигъ своей высшей нормы въ послѣднемъ году—до 39,393 р. Причиной такому увеличенію послужилъ, очевидно, оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ. Въ послѣднемъ же году на приходъ поставлены 23,000 руб., взысканіе въ бангѣ на постройку желѣзнаго моста черезъ Тверцу.

Расходи смѣтнаго назначенія распределяются по 25-ти статьямъ, изъ которыхъ главныя: 1) народное образованіе, 2) содержаніе городской управы, 3) содержаніе пожарной команды, 4) содержаніе полицейской команды и 5) содержаніе воинскаго поста. Изъ нихъ самой главной до 1878 года была статья содержанія городской управы. Высшей своей нормы она достигаетъ за 1881 годъ—6,118 р. 10 коп. Въ 1878 году, первый разъ во главѣ расходныхъ цифръ, стоитъ статья народного образованія. Тогда она впервые достигла до 7,928 руб.—своей высшей нормы. Затѣмъ опять опустилась. Изъ другихъ статей содержаніе городской полиціи достигаетъ высшей цифры—3,228 р., содержаніе пожарной части простирается отъ 882 р. въ 1871 году—до 5,443 руб. въ 1881 году. Въ слѣдующемъ 1882 году эта цифра непонятнымъ образомъ падаетъ вдругъ опять на 2,837 р., почти на половину. А въ 1880 году громадные пожары истребили цѣлые участки города.

Къ повинностямъ самымъ тяжелымъ для города слѣдуетъ отнести расходъ по содержанію воинскаго поста. Съ 135 р. въ 1871 году, онъ быстро подымается до 5,114 руб. въ 1876 году; затѣмъ, въ послѣднемъ 1883—1884 году, составляетъ уже цифру въ 8,885 р. 10 коп. Воинскій постой и непомерная тяжесть его для Торжка составляютъ вдвѣснѣ злобу дня. Гвардейскіе кадры, которые съ тавнымъ нетерпѣніемъ ожидали лапочниками и прекраснымъ поломъ и, съ явною боязнью, болѣе солидными людьми, теперь стоятъ огромнымъ бѣлымъ въ глазу городскимъ заправилъ и вообще большей части гражданъ. Мирные новоторы перешлошались почти разсвирѣпѣла. Городской голова—олицетворенная доброта и вротость, пухленькій и бѣленькій, какъ херувимъ, готовъ говорить вамъ до поздней ночи о всѣхъ несправедливостяхъ, даже жестокостяхъ, которые городу приходится терпѣть отъ военнаго начальства.

— Стекло разбито, 20 коп. стоитъ его вставить—пишутъ бумага, требуютъ, безъ конца. Кричка нѣтъ, дырочка гдѣ въ рамѣ,—опять пишутъ и пишутъ. Я наединѣ прѣбываю въ казарму осмотрѣть напоище. Смотрю, просто щель! Такъ выбѣсило меня дроско. Обращаюсь къ первому солдатику, говорю: «Чѣмъ бы ты заткнулъ эту щель?»—«Рогожкой, Ваше В—діе!» А онъ мнѣ съ десять бумагъ про все велел...

Просто, знаете, сонъ потерялъ. Сило и вижу разные стекла, прочки, щели. Повѣрите-ли, срываюсь съ постела, бѣшенство беретъ... И—дѣйствительно, его бѣлое лицо покрывалось пятнами, а пухленькіе кулачки нервно сжимались.

Возворенію сюда гвардейскихъ кадровъ предшествовала цѣлая буря въ городскихъ элементахъ, послѣдствіями которой были—выходъ въ отставку стараго головы и избраніе на его мѣсто нынѣшняго. Превжній голова былъ Василій Александровичъ Цвылевъ, братъ извѣстныхъ богатыхъ купцовъ, личность недюжинная и по уму и по энергій. Это купецъ изъ «передовыхъ», если такъ можно выразиться, и типъ этотъ такъ интересенъ, что я къ нему еще возвращаюсь въ послѣдующихъ моихъ сообщеніяхъ. Не часто случается встрѣчать такихъ умныхъ людей, но, увы!—очень часто съ этимъ ложнымъ направленіемъ. Цвылевъ, предвидя всю тяжесть для города отъ нашествія гвардій, выставлялъ всю свою энергій, всѣ свои средства противъ этого нашествія; поставилъ, такъ сказать, на карту свое быть или не быть, и, когда ужъ почти успѣвалъ, встрѣтилъ враговъ у себя-же въ лагерѣ и вышелъ въ отставку. Вотъ приблизительныя цифры городскихъ расходовъ и доходовъ по содержанію воинскаго поста въ городѣ. Всѣхъ зданій, взысканныхъ войсками, находится въ городѣ на сумму около 140 тысячъ. Изъ нихъ большая часть давно ужъ принадлежала городу, или выстроены имъ вновь въ 1883—1884 годахъ для кадра. Меньшая часть составляетъ собственнотѣдѣльныхъ лицъ, пожертвованную въ видахъ полнаго освобожденія себя отъ воинскаго поста. И наконецъ самая незначительная часть, на сумму отъ 500 р., ежегодной плати, ванимаются городомъ. При вступленіи кадра построено казармъ и конюшенъ на 47 тысячъ съ лишнимъ. Этотъ расходъ, произведенный частью на пожертвованіе по подпискѣ, истощилъ, однако, и всѣ наличныя средства города и еще вткнулъ его въ долги. Тысячъ около 8-ми еще до сихъ поръ не уплачено плотникамъ и ваменщикамъ, стронившимъ

казармы. Платить, говорят, буквально не изъ чего, а рабочий народъ все одеть-да одеть своихъ кровныхъ грошей и въ ожиданіи голода-еть. Очень некрасиво и неудобно.. Городъ получаетъ на отопленіе и содержаніе казармъ и конюшенъ по 7 р. съ человѣка и по 3 р. съ лошади. Въ итогѣ онъ получалъ за прошлый годъ 7,715 р. а надержалъ на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ—8,885 р. Значитъ, не получая процента съ недвижимаго своего имущества (по 5% разсчета—7 тыс. р.), городъ еще передергиваетъ въ годъ за содержаніе воинскихъ чиновъ—1,170 р. Немножко накладно, надо сознаться.. Но воротимся къ цифрамъ городского хозяйства. Я для любопытства сложилъ суммы расходовъ по всѣмъ главнымъ пяти статьямъ за 11 лѣтъ, чтобы получить отношеніе ихъ къ общей, за это время, суммѣ расхода. Эти цифры выразятся такъ: 1) по содержанію Управы 62,754 р.; 2) по народному образованію 54,776 р.; 3) на содержаніе полиціи 35,432 р.; 4) содержаніе воинскаго поста 34,682 р.; 5) на пожарную часть 26,517 р. Общая-же сумма расходовъ по сѣмъ статьямъ за 11-ть лѣтъ—345,841 руб. Выявъ теперь приближительное отношеніе къ ней предыдущихъ цифръ, получимъ, что: 1) содержаніе Управы составляетъ немного меньше $\frac{1}{3}$ всѣхъ расходовъ, т. е. около 20%; 2) народное образованіе— $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{5}$, т. е. около 16%; 3) содержаніе полиціи—больше $\frac{1}{10}$, т. е. около 11%; 4) содержаніе воинскаго поста— $\frac{1}{10}$, т. е. 10%; 5) на пожарную часть меньше— $\frac{1}{13}$ т. е. около 8%. Нельзя не обратить вниманія на громадность процента, идущаго на содержаніе *только* одного учрежденія, которое имѣетъ исключительный смыслъ удовлетворенія нуждъ общественныхъ. Тратить одну пятую всего дохода города на нѣсколькихъ человѣкъ и маленькую канцелярію—это по меньшей мѣрѣ не добросовѣстно, скажетъ всякій. Я говорилъ по этому поводу и съ настоящей головой и съ прошедшимъ. Настоящій немножко записается на этомъ пунктѣ, хотя говоритъ вообще много; Цвилевъ-же объяснилъ мнѣ, что это не ихъ вина, что это вина самой администраціи, сдѣлавшей въ Управѣ какую-то справочную контору, гдѣ всякій съ улицы можетъ требовать какихъ ему угодно свидѣній. Въ Управѣ существуетъ справочная книжка съ обозначеніемъ тѣхъ предметовъ, по которымъ Управа должна давать свидѣнія. Это цѣлый томикъ, довольно компактный, съ длинными столбцами названій. Тутъ есть: и рабочий, лѣшій и конный, въ рабочую пору и въ выпюку, лошади, корова, свинья, лошадь, всѣ животныя и всѣ продукты. Запросы сыпятся отъ всѣхъ вѣдомствъ и во всякое время.

— Помилуйте, горячился Цвилевъ. Да я вамъ даю слово, что если-бы вамъ завязали глаза, привели въ Управу и поставили у стола секретаря, вы бы не сказали гдѣ вы находитесь: въ конторѣ-ли, въ имѣніи-ли гдѣ? Вы не повѣрите, что это тавое. Городскихъ собственно дѣлъ вы и не увидите. Они заведены лучшей требованій со всей губерніи, со всей Россіи.. Извольте-ли видѣть: при мнѣ телеграфъ присылалъ за справками на дрова, а онъ радомъ почти съ нами, да три поляна устанавливаетъ въ годъ. Что-же съ ними подѣлать? Все экономничаютъ съ казенными четвертаками! А намъ-то приходится выпинать свои изъ гармана. Нужно содержать въ Думѣ особый штатъ. Въдѣ пять-шесть писарей должны нанимать. Положите имъ теперь по 350 руб. въ годъ, получите слишкомъ 2 тысячи почти лишняго расхода. Вотъ куда плутъ денежки..

Я самъ видѣлъ эту справочную книжку и вполне понималъ, что нужно держать особыхъ людей для удовлетворенія по всѣмъ ея пунктамъ. А денегъ все-таки жалко!

На народное образованіе процентъ расхода сравнительно бѣденъ; на содержаніе же воинскаго поста надо сознаться, что онъ безмѣрно великъ. Истратить всѣ наличныя городскія средства и выѣзть еще въ долгъ для поста только одной команды и части одного кавалерійскаго полка—для городского головы это стоитъ того, чтобы срываться ночью съ постели. И это тѣмъ ощутительнѣе, что есть нужды въ городѣ болѣе настоятельныя и неотложныя, какъ, напримеръ, пожарная часть, освѣщеніе, мостовыя и усиленіе штата полиціи. При недавнихъ еще опустошительныхъ пожарахъ, пожарная команда положительно не должна бы оставаться въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ. Освѣщеніе города составляется, кажется, изъ 40 фонарей. Это на такой-то городъ, одинъ изъ самыхъ большихъ уѣздныхъ.. Мостовыя, особенно на слухавкѣ, невозможны. И въ ясную погоду трудно по нимъ взобраться, а еще труднѣе спуститься. Воображаю, что это бываетъ весной, осенью. Полиція въ городѣ состоитъ изъ 20 человѣкъ городовыхъ стараго фасона, очень вѣжливыхъ, правда, но немножко сонныхъ. Они имѣютъ обыкновеніе собираться вучками въ болѣе оживленныхъ пунктахъ города; какъ-то: передъ гостиницей, на мосту, на базарной площади и пр. Это вполне понятно и разумно; но если изъ двадцати человѣкъ составить нѣскольکو кучекъ, хоть бы и по 2—3 человѣка, то на долю одиночныхъ

постой останется на каждую сибѣну человека по 4, не больше; на всѣ отдаленнѣйшіе кварталы—это болѣе чѣмъ мало.

Впрочемъ, новоторы народъ смиренный; мало воруютъ, еще меньше грабятъ и почти не убиваютъ. Такъ только, есть повадка спянку дѣвать куда не слѣдуетъ: когда въ чужой карманъ, когда въ физиономію, а когда и еще куда нибудь! Но здѣсь это дѣло привычное и смотрятъ на него даже до извѣстной степени добродушно...

По торговой своей дѣятельности, Торжокъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ губерніи и край. Ужь одно названіе города указываетъ на пристрастіе жителей въ торговлѣ. Въ далекія времена Торжокъ обезпечивалъ продовольствіе Новгорода, и мы видимъ изъ исторіи, что нѣкогда враги Новгорода, занявъ Торжокъ, преграждали изъ него подвозъ хлѣба къ Новгороду и тѣмъ ставили его въ критическое положеніе.

Главный предметъ торговли и нынѣ составляетъ хлѣбъ равнаго рода, преимущественно же пшеница, рожь и овесъ. Этою торговлею занимаются здѣсь самыя видныя фирмы, всѣ капиталисты, и на ней важиваютъ состоянія.

Хлѣбъ болѣею частью покупается на низовьяхъ Волги: въ Самарѣ, Промзинѣ, Лысковѣ и Рыбинскѣ. Закупленный на низовьяхъ пристаняхъ, онъ отправляется до Рыбинска чрезъ особыхъ подрядчиковъ, имѣющихъ иногда и собственные суда. Въ Рыбинскѣ хлѣбъ перегружается въ суда, покупаемыя хозяевами, и уже ихъ собственными средствами отправляется до Торжка и оттуда до Петербурга.

Почти весь ржаной хлѣбъ, закупаемый на низовьяхъ, размалывается на мѣстѣ, незначительная же часть въ Торжкѣ на мельницахъ, находящихся на р. Осугѣ. Пшеница же всѣ доставляется въ Торжокъ и здѣсь размалывается на крупчатныхъ мельницахъ, то же на Осугѣ и одной паровой, въ самомъ Торжкѣ. Мельницъ на Осугѣ отъ 6—8 приблизительно, между ними есть нѣкоторыя съ усовершенствованными системами, съ паровикомъ и всѣми новыми механизмами для возможнаго сокращенія числа рабочихъ рувъ. Я осмотрѣлъ паровую мельницу въ самомъ Торжкѣ, принадлежащую купцу Цылеву. Она открыта только двѣ недѣли, въ всѣхъ пристройки ея: амбаръ, помѣщеніе для рабочихъ, столовая ихъ и другія, еще не готовы. Но главный корпусъ, каменный, 6-ти-этажный совсѣмъ ужь оконченъ, какъ и все его внутреннее устройство.

Эта мельница стоитъ на берегу р. Тверцы, сейчасъ за чертой города, и по величинѣ, какъ и по производству, принадлежитъ къ лучшимъ среднимъ мельницамъ въ Россіи. Въ Тверской губерніи она едва ли не самая большая. Всѣ работы производятся только паромъ, для чего въ нижнемъ этажѣ существуетъ обширное машинное отдѣленіе съ паровикомъ и тремя громадными котлами. Всѣ эти приспособленія выписаны изъ Москвы.

Собственно мельница состоитъ изъ двухъ отдѣленій: обочнаго и размолочнаго. Въ обочномъ производится работа надъ очисткой зерна, въ размолочномъ—приведеніе его въ окончательный видъ. Чтобы очистить зерно отъ всякаго сору и чтобы замочить его, пшеницу пропускаютъ разъ 5-ть съ нижняго этажа въ верхній и обратно, посредствомъ деревянныхъ желобовъ и другихъ приспособленій. На пятый разъ, готовныя совсѣмъ зерна идутъ уже въ размолочное отдѣленіе, и тутъ системой машинъ, круподерныхъ, мукомольныхъ и жернововъ, обращаются въ разныя сорта крупчатка, крупики и муку. Въ этомъ отдѣленіи совершается самый важный процессъ надъ зерномъ: очистка его отъ шелухи и отъ краски. Все усовершенствованное достоинство мельницы и муки заключается въ томъ, чтобы оставалось меньше отбросковъ и получалась крупчатка бѣлѣе и мельче. Перемолотая уже окончательно, она идетъ въ шелковыя сита (болѣшія машины, выписанныя изъ Австріи) и деревянными желобами высыпается въ окончательномъ видѣ въ мѣшки или въ закромы. Вся эта работа, очевидно, гораздо сложнѣе, чѣмъ я могу ее описать, производится автоматично, почти безъ активной помощи рабочихъ, безостановочно и безъ шума.

Цѣлая сѣть деревянныхъ трубъ передаютъ крупчатку изъ одного этажа въ другой, изъ одной машины въ другую, перемишуютъ и отдѣляютъ разныя сорта, ссыпаютъ наконецъ совсѣмъ готовую въ отдѣльныя помѣщенія.

Всѣ машины по мельницѣ устанавливалъ механикъ-нѣмецъ, соорудившій уже такимъ образомъ до 14 самыхъ большихъ мельницъ въ Россіи, съ помощью мѣстныхъ плотниковъ. Онъ не можетъ нахвалиться на русскаго рабочаго, на его смѣлность и усердіе. Несмотря на громадную сложность въ расположеніи крупчато-проводныхъ трубъ, вся работа по мельницѣ можетъ быть окончена въ 2 мѣсяца.

Внутренность мельницы деревянная, лѣстницамъ же каменные. Все это лоснится новизной, красиво и прочно. Освѣщеніе — аддисоновскими лампочками, для чего устранивается гальваническая машина, съ проводомъ отъ главнаго мельничнаго колеса.

Рабочихъ всего 40 человекъ; главный крупчатникъ, получающій 1500 р. въ годъ, мастера — получающіе до 20 р. въ мѣсяцъ и крупосѣи — до 15 руб. Живутъ они нова на баракѣ, продовольствуются артелью, выбирая для закупки провѣин старосту, и работаютъ день и ночь, поспѣвно, раздѣляясь на двѣ сѣны, по 8 часовъ каждая. Мельница можетъ размолоть отъ 1500—2000 пуд. въ сутки, работаетъ надъ своимъ и чужимъ хлѣбомъ; по приблизительному расчету стоитъ около 200 тысячъ.

Кромѣ водянаго сплава, часть хлѣба въ зимнее время, въ случаѣ экстренныхъ требованій и лѣтомъ, отправляется по Николаевской желѣзной дорогѣ. Общую сумму оборотовъ по хлѣбной торговлѣ города Торжка, при всемъ моемъ желаніи, мнѣ узнать не удалось. Въ сдѣлки производится на петербургской биржѣ, а здѣсь о нихъ или не знаютъ, или скрываютъ. По свѣдѣніямъ 1863 года, этотъ оборотъ достигалъ до 2.600,000 руб. Надо полагать, что онъ не уменьшился, потому что всѣ мельницы работаютъ исправно, и здѣшніе кулаки-купцы не бѣднѣютъ и не перестаютъ обильно жертвовать. На эти жертвы построены и мосты, и новыя казармы, и богадѣльня, и городскія школы, и если бы не они — городъ давно былъ бы банкротъ...

Фабрикъ въ Торжкѣ нѣтъ, заводская-же дѣятельность проявляется довольно сильно выдѣлкой кожъ и солода. Въ теченіи 1863 года кожевенныхъ заводовъ дѣйствовало 13-ть, нынѣ ихъ дѣйствуетъ только 7-мъ и самый большой заводъ въ городѣ, бывший когда-то вильманстрандскаго первостатейнаго купца Дякова, теперь не работаетъ по распоряженію мѣстной администраціи. Говорятъ, что причиною этому гигиеническая предосторожность отъ могущаго случиться распространенія посредствомъ кожъ заразы, но... это не выдерживаетъ критики. Если теперь работаютъ 8-мъ заводовъ, отчего не можетъ быть и девятый? Въ Петербургѣ, въ центрѣ, расположены кожевенные заводы — и всѣ спокойны. А здѣсь не было случая зараженія въ теченіи 40 лѣтъ, и вдругъ испугались. Да такъ испугались, что и забыли совсѣмъ о поощреніи отечественной промышленности.

Въ двухъ верстахъ отъ Торжка есть еще гѣсопильный паровой заводъ Брандта, архимилліонера и агента всѣхъ иностранныхъ страховыхъ обществъ.

Отличительная промышленность Торжка заключается въ шитьѣ золотомъ, серебромъ, мишурою и шелкомъ по сафьяну, бархату и замшѣ, и въ выдѣлкѣ сафьянныхъ сапоговъ и башмаковъ, а также матрацовъ и кожаныхъ чемодановъ.

Въ настоящее время промышленность этого рода годъ отъ году падаетъ, чему главной причиною было проведеніе Николаевской желѣзной дороги, провозящей всѣхъ, когда-то гостей Торжка, теперь далеко отъ него. Однако и теперь еще торжковскія выдѣлки пользуются популярностью, и вы ихъ увидите въ изобиліи на станціяхъ Николаевской желѣзной дороги. Другаго сбыта, къ несчастію, опп, вагается, и не шьютъ. Работаютъ надъ этимъ только женщины, зною, получая отъ хозяина матерію (коленкоръ, сафьянъ, замшу бархатъ), золото, серебро, мишурю и шелка. Имъ дается рисунокъ, и онѣ на дому у себя уже вышиваютъ. Плата самая ничтожная — отъ 20 — 30 коп. поденно.

Новоторжскія выдѣлки были посланы на Лондонскую всемірную выставку въ 1861 и въ 1862 году и заслужили тамъ всеобщее вниманіе. Всевозможныя вещи были посланы купцомъ Алмазовымъ, и большая часть ихъ была на мѣстѣ и продана. Въ 1863 г. Новоторжское общество, черезъ городского голову, поднесло Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ Царствующему Государю Императору, роскошную столовую салфетку, шитую золотомъ по малиновому бархату. Паденіе этого промысла идетъ все быстрѣе и причиною этому, очевидно, надо искать въ недостаточномъ спросѣ на товаръ.

Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ одномъ центральномъ русскомъ городѣ нѣтъ склада этого рода выдѣлки, нѣтъ оптовой продажи ихъ. Въ самомъ Торжкѣ есть одинъ только магазинъ Королева, гдѣ можно ихъ достать, и цѣны ихъ значительно больше противъ прежнихъ. На станціяхъ-же за такія вещи берутъ въ три-дорога, а потому и отваживаются покупатели. Одно идетъ за другимъ: мало покупателей, выше цѣна, а чѣмъ она выше, тѣмъ меньше покупающихъ, и такъ до безконечности. Будь склады въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ-бы продавались эти выдѣлки по здѣшней цѣнѣ, опп-бы навѣрно имѣли сбытъ и большой. А до того все еще будутъ пла-

тить десятиа рублей за пару вышитых новоторками туфель, когда онѣ здѣсь стоятъ 3—4 руб. Будутъ платить, пока не надоѣсть, а тогда продаѣ новоторское вышиваніе. Что-бы тутъ сдѣлалъ нѣмецъ, или англичанинъ—и подумать злость беретъ.

Другая отличительная отрасль промышленности въ Торжкѣ заключается въ видѣлѣхъ кирпичей. Тѣ-же женщины, которыя всю зиму вышиваютъ, ранней весной отправляются во всѣ мѣстности, гдѣ только есть кирпичные заводы, въ Петербургъ и другія губерніи, и большими партиями навиваются туда. Зимой работаютъ пальчанами, надъ золотомъ, а лѣтомъ ногами, въ глинѣ.

Ремесло это до нѣкоторой степени обезпечиваетъ существованіе не одного десятка семействъ въ Торжкѣ, его хотя нельзя назвать прибыльнымъ по незначительности платы. Заработная плата не превышаетъ 65 коп. съ тысячи кирпичей на хозяйскихъ харчахъ; обыкновенно работница успѣваетъ приготовить за лѣто отъ 30—40 тыс. кирпичей, сдѣловательно заработокъ ея колеблется между 20—26 рублямъ.

Изъ благотворительныхъ учреждений, въ Торжкѣ существуютъ: богадѣльня, сиропитательное заведеніе и земская больница на 40 кроватей. Кроме того, существуетъ еще съ 1880 года благотворительное общество, подъ названіемъ «комитетъ о бѣдныхъ», съ уставомъ, утвержденнымъ 8 ноября 1879 года.

Богадѣльня основана на основнй фондъ въ 10,000 руб. купца Тетюхина. Содержаніе-же въ годъ стоить, какъ говорятъ, больше 3-хъ тысячъ рублей. На эти деньги, въ тѣсномъ довелѣхъ помѣщеніи, содержится 42 человекъ мужчинъ и женщинъ, скорѣе разваливъ, 4 дѣвочки, круглая сирота, и 1 мальчикъ. Внутренность сего помѣщенія и не особенно привѣтлива и не особенно опрятна. Старики и старухи мрутъ какъ мухи. Въ три года ихъ умерло больше 60-ти. Я засталъ въ богадѣльнѣ трехъ кончающихся. Причина тому, въроятно, старость; но стогустая молва гласить, что не послѣднюю роль тутъ играетъ и смотрительница сего заведенія, по виду—почтенная старуха, по характеру—баба-яга, а по прованію—солдатъ въ юнкѣ.

Говорять, она отличается изумительно хищными инстинктами

и чуть-ли не взо рта тащить жалкіе куски у своихъ подчиненныхъ — стариковъ и старухекъ. Понятно, подъ такимъ вреднымъ приглядѣніемъ не приходится... Все это говорить, и Дума слушаетъ, да не вѣритъ.

Сиропитательное заведеніе содержится на счетъ земства, принимаетъ подкидышей и воспитываетъ ихъ у себя, или отдаетъ на плату по деревнямъ. Сообразно назначенію заведенія, при воротахъ его имѣется придѣланная люлька съ подстилкой и подушкой, куда и кладутся подкидыши. Мы вошли въ ворота и черезъ крыльцо на-лѣво въ самое заведеніе. Изъ передней прямо видна дѣлькомъ средняя, самая большая комната заведенія. Оутѣтствіе малѣйшей опрятности, малѣйшей даже заботы о ней такъ и бросается въ глаза. Порванные, висящіе обои, въ видѣ листовъ грязной бумаги, соръ и лохмотья, на грязномъ, давно немитомъ и неращенномъ полу и кругомъ стѣнъ нѣсколько жалкихъ дѣтскихъ кроватокъ—это лучшая комната заведенія. Двѣ другія, съ каждой стороны, и меньше и еще хуже ея. Въ крайней на право, 5—6 кормилицъ застѣнчиво отворачиваются отъ насъ, держа у грудей невидимыхъ крошекъ. Тутъ же кровати и надъ ними жалкое подобіе занавѣсокъ. Типина такая, какъ въ комнатахъ тяжелыхъ больныхъ, а не какъ въ дѣтской. Въ крайней лѣвой помѣщаются два взрослыхъ питомца, мальчики лѣтъ 10—12. Голыя кровати, ни стульевъ, ни стола, словомъ никакой мебели — пустота и уныніе.

Около заведенія есть большой садъ, красивый и тѣнистый. Но за-пустѣніе и здѣсь бросается на каждомъ шагѣ. Ни дорожекъ, ни аллей, ни фруктовъ, ни даже... самихъ дѣтей не видно и не слышно. А яркое солнце такъ и грѣетъ, такъ и манитъ сюда...

Изъ доклада земскому собранію на 1883 годъ видно, что на содержаніе сиропитательнаго дома ассигновано было 2,970 р., въ дѣйствительности же издержано 3,669 руб. 48 коп. Такъ какъ общій расходъ по заведенію изъ года въ годъ увеличивался, то на 1883 г. управа полагала ассигновать прямо 3,661 руб. Но и это еще могло охватиться мало, если бы количество подкидышей увеличилось, т. е. превысило бы среднюю норму въ годъ—75 человекъ. Подобранныя дѣти сначала воспитываются нѣкоторое время въ заведеніи, потомъ отдаются по деревнямъ съ платою 2 руб. въ мѣсяцъ. Крошечные питомцы сего заведенія, также какъ и развалины въ богадѣльнѣ, мрутъ какъ мухи.

Странное совпадение! Умирает около 37% всего населения еще в самом заведении, а в уѣдѣ еще умирает 30%, такъ что изъ 169 питомцевъ, состоявшихъ въ городѣ и въ уѣдѣ къ 1882 году, впродолженія года умерло 75 человекъ — не много меньше половины! Въ деревняхъ дѣти выживаютъ втрое лучше чѣмъ дома! Такъ высчитала управа, такъ будемъ вѣрить и мы. Но вотъ еще что докладываетъ управа земскому собранію въ заключеніе: «Безъ сомнѣнія сиротскій домъ едва-ли не навсегда (!) обреченъ быть большимъ мѣстомъ въ дѣятельности земства, ибо, съ одной стороны, настоящій дешевый способъ его содержанія, составляя земству все-таки довольно значительную сумму, крайне мало удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ не только относительно воспитанія прирѣваемыхъ дѣтей, но и относительно просто *сохраненія ихъ жизни...*» Надо отдать полную справедливость искренности управы.

Далѣе, управа предлагаетъ средства къ улучшенію настоящаго положенія дѣтъ: «Во 1-хъ, можно было-бы установить нѣкоторый контроль надъ содержаніемъ дѣтей въ деревняхъ, это тѣмъ возможно, что почти всѣ прирѣваемые находятся въ двухъ деревняхъ, которыя отстоятъ другъ отъ друга въ 3 верстахъ, а отъ города въ 7 верстахъ».

Средство это такъ просто, такъ цѣлесообразно и такъ необходимо даже, что только удивляешься, какъ оно такъ поздно пришло въ лову земцамъ.

«Можно было бы просить гг. врачей хотя бы разъ въ мѣсяцъ, или въ два мѣсяца (!!) посѣщать эти деревни и удостовѣряться въ томъ, какъ содержатся прирѣваемые».

Тутъ ужъ болѣе чѣмъ удивляешься! Земство устроило у воротъ своихъ люльку, какъ бы приглашая въ нее подкидышей, а не посылаетъ даже разъ въ два мѣсяца своего доктора, чтобы узнать живы ли эти несчастныя созданія!. И это то самое земство, которое съ такой помпой челоуколюбія вотировало постройку Бурашена!..

«Во 2-хъ, продолжаетъ управа, —относительно живущихъ въ самомъ домѣ, оставляя уже въ теперешнемъ видѣ крайне плохую обстановку самымъ меньшихъ дѣтей, нельзя не обратить нѣкотораго вниманія на воспитаніе тѣхъ изъ нихъ, которыя, благодаря *счастливой случайности*, пережили періодъ перваго дѣтства...»

На этотъ разъ искренность управы переходитъ просто въ цинизмъ, но благодаря ему, быть питомцевъ сиротительнаго заведенія обрисовывается достаточно ясно. Больные, голодные, они выживаютъ только благодаря *счастливой случайности*, и вѣтѣмъ бросаются на прощаніе судьбы въ чужія семьи, безъ надзора, безъ доктора и безъ воспитанія. Жестокъ та мать, что положить свое дитя въ гостеприимныя земскія ясли.

Новоторжское благотворительное общество открыто 29 апрѣля 1880 года при составѣ изъ 3 почетныхъ членовъ и 81 дѣйствительныхъ. Званіе почетныхъ членовъ предоставлено было потомственнымъ почетнымъ гражданамъ братьямъ Вавулиннымъ, за пожертвованными ими капиталъ въ 10,000 р. Расходъ общества въ 1880 г. былъ 973 р. 40 коп. Въ 1881 году всѣхъ членовъ было уже 101 человекъ; доходъ его увеличился до 9,276 руб. 17 к., а расходъ до 4,125 руб. Въ 1882 г., вслѣдствіе поступления въ общество значительныхъ фондовъ, средства его сразу поднялись до 24,000 руб., изъ которыхъ израсходованы только % въ размѣрѣ 4,708 руб. 36 к., вмѣстѣ съ членскими и другими поступленіями. Въ 1883 году расходъ общества возмненся до 6,341 р. 78 к., а всего капиталовъ, хранящихся въ правленія общества и въ другихъ учрежденіяхъ, было 35,190 р. 38 к.

Нельзя не поразиться сердечно такому успѣшному велеію дѣла благотворительности въ г. Торжкѣ. Нельзя и не подивиться этой готовности новоторжскаго общества идти на встрѣчу всякимъ жертваніямъ и все кричать: «денегъ нѣтъ, грабятъ!» Изъ ничего, въ три года, создать солидный капиталъ, вполне достаточный для обезпеченія необходимѣйшихъ нуждъ 500 бѣднѣйшихъ семействъ города — это заслуживаетъ вниманія...

Въ отношеніи народнаго образованія, г. Торжокъ обставленъ достаточно хорошо. Въ немъ есть 3 народныхъ городскихъ училища, содержимыя на счетъ городовъ, 1 народное училище пополамъ отъ земства и 1 училище земское. Кромѣ того, въ городѣ есть городское училище съ субсидіей отъ правительства, женская прогимназія, то же съ субсидіей правительства, духовная и учительская семинарія — на средства исключительно правительства. Городскія народныя училища носятъ обыкновенно названія учредителей, какъ-то: «Остолопов-

ское», «Тетюхинское», и пр.; курсъ имѣютъ 3-хъ-годичный, а для преподаванія—учителя, учительницу и священника. Приблизительно составъ учащихся простирается отъ 85—180 учениковъ.

Земское училище съ 4-хъ-годичнымъ курсомъ имѣетъ двухъ учителей, одну учительницу и законоучителя. Помѣщенія, за исключеніемъ одного городского училища, и тѣсны и невзрачны. Занятія начинаются съ первыхъ дней сентября и кончаются въ маѣ. Пять уроковъ въ день (въ настоящемъ году прибавили пятый), изъ нихъ, между чистописаніемъ, арифметикой и диктовкой, только 2 часа въ недѣлю полагается на Законъ Божій. Сами священники мнѣ говорили, что это слишкомъ мало, что они просили прибавить еще часъ, но «другіе учителя, молъ, обижаются. Не хотятъ отдавать своихъ уроковъ.»

Всѣ эти училища состоятъ въ вѣдѣніи инспектора народныхъ училищъ и готовятъ учениковъ на льготный экзаменъ 2-го ряда.

Городское 4-хъ-классное училище помѣщается довольно широко и удобно. Въ немъ преподаваніе ведется 4 учителями, каждымъ по своему классу и по всѣмъ предметамъ. Учителя ведутъ свой классъ четыре года до окончательнаго экзамена. Нельзя не признать поэтому справедливы сѣтованіями горожанъ, что ихъ дѣти что-то плохо учатся и не могутъ по окончаніи училища выдержать экзамена даже во 2-й классъ гимназій. И странно было бы требовать отъ нихъ этого, такъ какъ странно требовать отъ одного учителя знанія всѣхъ предметовъ. Но городъ плачется, а дѣлать ничего не дѣлаетъ, ибо говорить: «средствъ нѣтъ».

Женская прогимназія помѣщается въ одномъ зданіи съ богадѣльней, въ крошечномъ двухъ-этажномъ флигелѣ. Въ ней 4 класса и одинъ приготовительный. Ученицъ около 200, нѣсколько учительницъ, начальница и учителя изъ учительской семинаріи, преподающіе чуть-ли не даромъ. Эти двѣсти почти взрослыхъ дѣвочекъ жмутся въ нѣсколькихъ тѣсныхъ комнатахъ, не имѣя въ черембну ни корридора, ни рекреационной залы. Просто смѣхъ смотрѣть на сѣмьи и ученицъ, сидящихъ какъ-то особенно бочкомъ...

«Средствъ нѣтъ», кричатъ опять городъ. «Вывели-бы войска, мѣста было бы вдоволь. Еще парочку училищъ открыли-бы.»

Учительскую семинарію смѣло можно назвать украшеніемъ г. Торжка. Просторное двухъ-этажное зданіе, на краю города, на шоссе, выстроенное только годъ назадъ, на мѣсто сгорѣвшаго деревяннаго, не можетъ не остановить на себѣ взора прохожаго и пробѣжаго—такъ оно изящно, просто и мило. На лицевой сторонѣ его, подъ 2-мъ этажемъ по красному фону кирпичей, красуется черными буквами широкая надпись заведенія. Кругомъ, обширный плацъ, на которомъ раскинуты красивыя деревянные флигеля для учителей и директора и съ краю почти у самаго шоссе, неоконченное еще зданіе двухъ-класснаго народнаго училища. Передъ зданіемъ семинаріи разбитъ садъ, а за нимъ рѣшетва, отдѣляющая заведеніе отъ шоссе. Двое воротъ ведутъ къ двумъ подъездамъ семинаріи съ каждой стороны зданія. Сзади—отлогій спускъ къ Тверцѣ, прехотливо извивающейся здѣсь между густыми зарослями, а нѣсколько далѣе—между желтыми полями и зелеными лугами.

Выѣхавши въ эти ворота, трудно сказать, что находишься въ городѣ: такъ здѣсь просторно и привольно.

Внутренность семинаріи нисколько не рождаетъ ея внѣшняго вида. Нижній этажъ занятъ спальнями, столовой и шинельной. Широкой корридоръ дѣлитъ его на двѣ части.

Во-второмъ этажѣ классы и церкви. Всѣхъ классовъ три; по случаю пожара не было приема и въ настоящее время существуетъ только 2 класса. Въ нихъ 88 учениковъ, преимущественно крестьянъ, болѣе успѣшно окончившихъ сельскія училища. Приемъ отъ 16—18 лѣтъ. Предметы преподаванія: Законъ Божій, Русскій языкъ, Исторія, Географія, Математика, Чистописаніе и Педагогика. Кроме того начальныя понятія о физикѣ и химіи, для чего имѣется физическій кабинетъ, и пѣніе. Для каждаго предмета есть особый учитель; педагогичну преподаетъ самъ директоръ. Учителя получаютъ по 100 руб. въ мѣсяцъ, при готовыхъ квартирахъ и отопленіи. Уроки идутъ утромъ вплоть до обѣда и послѣ обѣда, а вечеромъ—ремесла и приготовленія на слѣдующій день. Такъ что рекреационное время только съ 1 часу до 3 хъ, когда обѣдаютъ.

Церковь еще не отдѣлана, но, судя по тому, что ужъ сдѣлано, и по украшеніямъ ея, привезеннымъ изъ Москвы, отъ Постыкова,—это будетъ маленькій ше-девръ. Церковь помѣщается на краю зданія, во всю ширину его и изъ оконъ ея открывается роскошная кар-

тина окрестностей. Съ другого краю зданія, изъ оконъ корридора, виднѣн почти весь городъ, особенно зарѣчная часть его.

Маленькое зданіе школы строится вновь, чтобы дать практическія занятія окончивающимъ курсъ семинаристамъ. Тамъ будутъ два класса и будутъ приниматься мальчики изъ города и уѣзда. Въ этомъ-же зданіи помѣстится обширная ремесленная мастерская.

Зданіе семинаріи стоитъ трудно повѣрить, 18 тыс. руб. Зданіе школы—6 тысячъ. Съ подряду меньше 40 тысячъ нѣтъ и не взялся бы ихъ строить, а хозяйственнымъ образомъ директоръ семинаріи выстроилъ все за 24 тыс. На церковь и на окончаніе постройки пожертвовано вупцомъ Кузьминихъ около 15 тыс. руб., съ тѣмъ, чтобы во имя его сына была построена въ церкви одинъ придѣлъ. Директоръ семинаріи, происхожденіемъ, какъ мнѣ говорили, изъ крестьянъ, кончилъ университетъ и долгое время былъ учителемъ въ этой-же кажется семинаріи. Г. министръ народнаго просвѣщенія его лично знаетъ и вѣроятно цѣнитъ, если вѣрилъ ему семинарію. И надо сознаться, врядъ-ли нашелся бы другой, лучше оправданнѣй его докторъ, лучше поставившій учительскую семинарію.

Сонтантъ Сютаевъ.

Въ 30 верстахъ отъ г. Торжка, въ Повѣдской волости, въ деревнѣ Шенелинѣ, живетъ, давно повѣстный уже многимъ изъ газетъ, основатель секты «сютаевцевъ»,—Василій Кирилловъ Сютаевъ. Еще въ Твери дали мнѣ нѣкоторые общія указанія на эту секту и совѣтовали непременно побывать у Сютаева. Въ Торжкѣ я полагалъ найти болѣе подробныя указанія и потому охотился всѣ справки до прѣзда сюда. Здѣсь, первымъ дѣломъ, я обратился къ исправнику и, благодаря его безности, узналъ довольно много по вопросу о такъ называемыхъ «сютаевцахъ».

Новоторжскій исправникъ, баронъ фонъ-Мирбахъ, имѣлъ не мало возни съ Сютаевымъ, не мало говорилъ съ нимъ и не мало слушалъ его. Онъ знакомъ съ его ученіемъ уже давно, чуть-ли не съ первыхъ дней, когда только глухо стали носиться слухи о Сютаевѣ, и, по роду своей службы, былъ, такъ сказать, проводникомъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ администраціей.

Баронъ Мирбахъ занимаетъ настоящую должность уже 8 лѣтъ, знаетъ хорошо уѣздъ и службу и, какъ человѣкъ вполне образованный и интеллигентный, умѣетъ относиться къ вещамъ не только съ служебной точки зрѣнія. Поэтому его мнѣнія о Сютаевѣ и о сютаевцахъ заслуживаютъ особаго вниманія, и я считаю своимъ долгомъ привести ихъ въ этомъ писемѣ съ возможною точностью. Начну прежде съ біографіи Сютаева.

Сютаевъ, по роду аватій, каменщикъ, съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Петербургѣ и работалъ тамъ надъ монументами у барона Корфа. Хорошій и прилежный работникъ, онъ вскорѣ заслужилъ любовь и довѣріе своего хозяина, который и ссудилъ его спустя нѣкоторое время повѣстной суммой на погушку и устройство своего собственнаго

магазина. Магазины этотъ былъ на Волковомъ и въ немъ стали торговать Сютаяевъ съ старшимъ сыномъ. Торговля монументами, извѣстно, не отличается бойкостью. Одинъ, два покупателя въ день—это очень много. Сютаяевъ заслушалъ. На старости почти лѣтъ сталъ онъ учиться грамотѣ и, читая съ грѣхомъ пополамъ, отправился къ знакому священнику просить его совѣта насчетъ выбора книгъ для чтенія. Священникъ посоветовалъ ему безпрерывно прочитывать Евангеліе и Тихона Задонскаго. «Безъ этого человѣка жить по Божески не можеть» сказалъ онъ ему. Вотъ и отправился Сютаяевъ въ синодальную лавку и купилъ означенныя книги.

Въ темномъ помѣщеніи лавки, среди глубокой кладбищенской тишины, окруженный надгробными памятниками, сталъ онъ не отрываться тогда отъ своего Евангелія и Тихона Задонскаго: читалъ, перечитывалъ, вдумывался, углублялся и, наконецъ, сталъ дѣлать собственные выводы. Ключемъ къ этому послужили ему слова Евангелія: «Собирайтесь и толкуйте Евангеліе». Онъ весь вострепонулся, прочтя ихъ, и сталъ тогда толковать каждое слово, каждый текстъ. Онъ не дѣлалъ спорныхъ выводовъ, онъ не отрицалъ всего сразу, онъ постепенно, терпѣливо и неотступно шелъ все впередъ, создавая себѣ образы жизни, диктуемой ему Евангеліемъ, и когда оглянулся назадъ, на жизнь, прожитую пылъ, окружавшую его, онъ увидалъ все несоотвѣтствие ея съ той жизнью, и сказала себѣ «ведѣжь ложь, всюду неправда, въ каждомъ человѣкѣ злоба». Вдвоемъ съ сыномъ читаютъ они святое писаніе и все глубже пропиваются этой идеей. Наконецъ одинъ случай рѣшаетъ ихъ судьбу. Приѣхалъ покупатель за монументомъ. Старикъ Сютаяевъ продалъ ему монументъ съ отбитымъ и какъ-то нехорошо приложеннымъ краемъ. На вопросъ покупателя, хорошъ-ли камень, онъ увѣрилъ его, что камень «первый сортъ». Покупатель заплатилъ и уѣхалъ. Тогда сынъ Сютаяева, долго что-то обдумывавшій, подходитъ къ отцу и говорить:

— Ты, отецъ, торгуй, а я не буду...

— Что такъ?

— Такъ! Не по христіански это... Надуваемъ мы народъ Божій... Я лучше въ поделъщики пойду...

Молодой Сютаяевъ въ самомъ дѣлѣ ушелъ отъ отца и занялся въ простомъ каменоломнѣ. Впослѣдствіи, когда отецъ его былъ уже въ деревнѣ, онъ бросилъ и это занятіе и приѣхалъ къ нему.

А его отецъ, послѣ ухода сына, сталъ самъ какъ не свой. Потерговалъ, покаялся еще въ некоторое время и рѣшился. Продалъ магазинъ, деньги, какъ говорятъ, роздалъ всѣмъ нищимъ, веселыя разорвалъ и отправился къ себѣ въ деревню устроить настоящую жизнь «по духу». У земли, у «матушки земли», у «Вогомъ данной намъ земли», должни, по его мнѣнію, жить въ мирѣ и согласіи всѣ люди, безъ разлнчій сословій и вѣроисповѣданій.

Тамъ книгъ онъ устроитъ ту жизнь, которую вычиталъ между строками Евангелія, которая манила его уже такъ долго и въ которой все должно было быть любовь и счастье...

Приѣхавши въ родную деревню, онъ сталъ обдумывать какъ провести на дѣлѣ его нелюбимыя мечты, съ чего начать.

Недолго думавши, онъ прибѣгаетъ къ такому средству.

Просить созвать сходъ и безъ всякихъ предисловій обращается къ первому ближе стоящему къ нему мужичку:

— Скажи, Митрій, ты воръ?..

— Нѣтъ, съ чего это ты...

— А ты, Фома?..

— Нѣтъ!

— А ты, Фаддей?..

— Нѣтъ!

Такъ переспросилъ онъ всѣхъ своихъ сосѣдей, а потомъ и говорить:

— И я не воръ! Такъ, зачѣмъ-же мы живемъ всѣ точно воры какіе? Все-то у насъ на замкѣ, на запорѣ, ведѣжь изгородни... И влѣтъ, и хлѣвъ, и амбары все мы запираемъ?... Што-жъ это мы дѣлаемъ, если мы не воры и любимъ другъ друга?.. Глядите, братцы, я все отпорю... Нѣтъ у меня больше замковъ..

И дѣйствительно, въ тотъ-же день у Сютаяева не было уже ни одного замка. Его амбаръ, полный хлѣба, хлѣвъ, набитый скотомъ, сундуки, богатые пальто и всякимъ скарбомъ, день и ночь стали открытыми для всѣхъ и каждого.

Крестьянамъ, односельчанамъ Сютаяева, такая выходка его показалась сначала чудачествомъ, блажью. Потомъ родилась мысль, что не спроста все это.

— У Сютаяева вѣрно что набудь не ладно въ амбарѣ... говорили между собой мужики и суевѣрный страхъ держалъ ихъ въ некоторое

время далеко от настезь раскрытых дверей. Потом любопытство стало брать верхъ и по одиночѣмъ, радучись, стали они заглядывать въ амбаръ. Заглянулъ одинъ, осмотрѣлся, увидалъ, что все ледно, хлѣба много и, недолго думая, стащилъ одинъ мѣшокъ; заглянулъ другой—стянуть другой мѣшокъ, заглянулъ третій, четвертый, десятый и мѣшки таяли да таяли, пока совсѣмъ не растаяли. Пропала пѣз хлѣва телка, другая, пѣз конюшни лошадь, пѣз сундука исчезла сваяна платяя.—Сютаевъ наконецъ оломился, осмотрѣлся. Онъ былъ почти оборванъ.

— Что-же это, братца?.. добродушно заговорилъ онъ тогда. Такъ нельзя! Это не по братся... Не по христьянски... Вы говорили воровъ нѣтъ, а пѣз у меня-то все и разграбили... Приди, попроси добромъ,— все дамъ, а такъ нельзя, не по духу.. Сютаевъ съ горькимъ разочарованіемъ долженъ былъ вернуться къ жизни «по плоти» и запретить почти пустые амбары и хлѣги.

У Сютаева умеръ ребенокъ. Отправляется онъ къ священнику и просить похоронить его. Священникъ выговариваетъ себѣ известную плату за это, на что Сютаевъ не соглашается, идетъ домой и самъ зарываетъ ребенка въ подполье.

Это былъ первый случай открытаго протеста его противъ «обрядовъ» православной Церкви. Окончательной-же причиной къ совершенному отъ нея отпадению послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ какой-то праздникъ къ Сютаеву пришелъ въ гости попъ, уже нѣсколько охмѣлѣвшій. Сютаевъ, радый случаю, сейчасъ-же за Евангеліе и къ попу:

— Объясни ты мнѣ, батюшка, на счетъ этаго крещенія..

— Какого еще, говорить попъ, тебѣ крещенія? Палкой окрестить что-ль?

Сютаевъ сталъ ему объяснять, да распространяться. Попъ совсѣмъ обовдился.

— Зналъ-бы, говорить, въ купели тебя утопилъ... и пѣлый цитовъ бранныхъ словъ, велѣдъ за этижъ, посыпался на Сютаева. Сютаевъ не унываетъ и опять къ батюшкѣ.

— Объясни ты мнѣ, батюшка, ишо одно мѣстечко. Вонъ пишутъ, въ Посланіи къ Евреямъ, 10-я глава: «И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многоразно приносить одиъ и тѣ-же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ».. О чемъ тутъ рѣчи?

Какия, такія жертвы? Причастіе что-ль?.. И онъ даже въ руку попу Евангеліе. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ и, со словами: «яида хурицу не учать», швырнулъ Евангеліе черезъ дверь. Сютаевъ остолбенѣлъ, потому весь вапильлъ и не своимъ голосомъ произнесъ:

— Что-ты, батюшка, надѣлалъ?.. Вѣдъ это ты слово Божье!.. Вѣдъ оно у тебя на алтарѣ стоитъ, на престолѣ!.. зато самое, корешекъ только въ бархатѣ.. Это ты такъ Христовы слова.. Да чтобы я тебя больше принялъ у себя.. нѣтъ! Волкъ ты, а не учитель! Слѣпецъ!.. А коли слѣпнецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму чубурачнутся!.. Нѣтъ! Ступай!.. Не надоть мнѣ тебя!..

Такъ совершился окончательный разрывъ Сютаева съ Церковью. Для поддержанія вѣтны, вынужденъ записать этотъ праскорбный случай, официально известный мѣстнымъ властямъ. Оговариваюсь однако, что это случай давно прошедшій и исключительный и что виновный тотчасъ-же, какъ сталъ онъ известенъ, былъ смѣненъ.

Но дѣло было уже сдѣлано и Сютаевъ слишкомъ крѣпко стоялъ на своемъ пути, слишкомъ вѣснѣе пѣлѣ доводы въ подтвержденіе своихъ отрицаній, своихъ новыхъ началъ новой вѣры (если такъ можно ее назвать), что и новый, присланный архіереомъ Саввою священникъ, при всемъ желаніи, не могъ возвратитъ ужъ его на путь вѣтны. Сютаевъ сталъ открыто проповѣдывать свои отрицанія, свои мечты, свои вѣрованія, но... не совсѣмъ удачно.

Два, три фанатика, въ мужиковъ сосѣднихъ деревень, слѣно подчинились его ученію и стали отраженіями нашего Сютаева. Десятка два другихъ слушали его съ вниманіемъ, одобряли, вздыхали, но не рѣшались такъ рѣзко порвать со всѣмъ старымъ и стать во вражду съ существующими порядками. Еще нѣсколько десятковъ слушали его, но многомъ соглашались, но многое и критиковали, находя это пѣсбыточнымъ, невозможнымъ, несладнымъ. Остальные пѣя слушали его равнодушно, почитая «рехнувшимся», или принимая мѣры болѣе репрессивныя и болѣе ощутительныя. Такъ, въ деревнѣ Яновѣ, куда пришелъ онъ проповѣдывать, его такъ отдули, что «ажъ-но рассудовъ поумтился...» какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, добродушно улыбаясь. «Какъ овца глупая, уходилъ я отъ нихъ.. вѣрите-ли». И я вѣрялъ, смотря на его тшедушную, почти дѣтскую фигуру. Въ Торжкѣ, гдѣ пробоваелъ онъ проповѣдывать на площади, его забросали грязью. Въ лавкахъ, куда ходилъ онъ, забиралъ товары и уносилъ не платя, «по

духу, его спускали въ шею съ лѣстницы. Словомъ, много онъ встрѣтилъ терній на своемъ проповѣдническомъ пути.

Тогда-же и администрація, переполошившаяся преувеличенными газетными сообщеніями и особенно статей въ «Русской Мысли» г. Пругавина, приняла нѣсколько рѣшительныхъ мѣръ. Къ Сютаяву былъ посланъ слѣдователь для допроса. Потомъ для увѣщанія, отъ святѣйшаго синода, завѣдующій синодальной лавкой; потомъ еще для допроса жандармскій офицеръ вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора. Но ни слѣдствіе, ни бесѣды посланнаго отъ синода не принесли серьезныхъ результатовъ. Ученіе Сютаява было такъ дѣтски-наивно, доводы такъ безвредны, что серьезныхъ какихъ мѣръ принимать по отношенію къ нему и его послѣдователямъ не представлялось возможнымъ необходимымъ. Однако, въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ Сютаявъ сталъ свои мечты осуществлять на дѣлѣ, не обошлось безъ суда и наказанія. Первый такой случай—былъ отказъ Сютаява платить подати. Волостной старшина самъ явился къ нему за деньгами.

— Да ты скажи, братецъ, кому-отъ платить-то оброкъ?..

— Не наше дѣло разсуждать! Сказано плати...

— Да я и заплачу, съ удовольствіемъ даже. Только ты скажи, для кого ты собираешь подати?.. Вѣдь этакъ нельзя! Надо растолковать... Вотъ тебѣ Евангеліе...

— Вуду я съ тобой еще толковать! Евангеліе приплелъ... Сказано—давай и шабаш!

— Нѣтъ, милый мой! Не годится такъ. Не по духу это ты требуешь. Вонъ тутъ въ Евангеліи сказано: «не помуждай...»

— Да будешь ты платить наконецъ, али нѣтъ? прервалъ его грозно старшина.

Сютаявъ замолчалъ.

— Такъ нѣтъ-же тебѣ ни гроша! Ступай отъ меня... Ты хищникъ...

Съ помощью понятыхъ выломали двери его кѣлти и хлѣва, вывели скотъ, продали и удержали подати. Еще разъ повторилась та же исторія, опять вывели скотъ и продали. Онъ былъ преданъ окружному суду и приговоренъ къ трехмѣсячному заключенію, которое было совращено до 7 дней. Съ обычной добродушной усмѣшкой, на этотъ разъ нѣсколько горькой, отиралился Сютаявъ и въ острогъ.

— И такъ лю и есть, поятъ, кормятъ... можно и тамъ любовь проповѣдывать... говорилъ онъ мнѣ на мой вопросъ объ острогѣ.

Слѣдующій случай былъ съ его сыномъ, самымъ рьянымъ изъ его учениковъ, при призавѣ по отбыванію военной повинности. Онъ отказался принять присягу и взять въ руки ружье.

— Зачѣмъ я буду клясться, коли сказано въ Писаніи: «Не клянетсяя вско, но да будетъ ваше слово: да-да и ни-ни», горячо спорилъ молодой Сютаявъ.—Къ чему тепериче я буду клятву держать?.. «Къ пролитью крови?» «До послѣдней капли!» Да нешто это возможно?.. Гдѣ-же это сказано, чтобы другъ дружку бить, колотъ, кровь человѣческую проливать, а?..

Когда наставляли, чтобы онъ взялъ въ руки ружье, онъ говорилъ:—Зачѣмъ мнѣ его брать? Для убійства вѣдь оно! А кого-жъ убивать, когда мы всѣ братья?..

Молодого Сютаява отправили въ арестанскія роты въ крѣпость Шлиссельбургъ, какъ говоритъ его отецъ.

Затѣмъ, при вступленіи на престолъ Государя Императора, старикъ Сютаявъ тоже отказался присягнуть, приводя въ оправданіе себѣ тѣ же слова Евангелія.

— Я и такъ дамъ слово... Мое слово вѣрно... Зачѣмъ-же понуждать?.. Исправникъ и просилъ его и грозилъ, онъ все свое. Тогда священникъ началъ увѣщать его. Но и тотъ пробился напрасно нѣсколько часовъ. Сютаява опять посадили подъ арестъ, и только тогда онъ присягнулъ.

Въ продолженіе почти послѣднихъ лѣтъ онъ непрерывно находится подъ слѣдствіемъ, или судомъ, за принадлежность къ ереси, за некрещеніе внуковъ, за погребеніе въ неуказанномъ мѣстѣ, за отдачу своей дочери въ сожительство съ сыномъ своего единомышленника, безъ вѣщанія, за проповѣди въ общественныхъ мѣстахъ и проч. И въ настоящее время у его сына родился ребенокъ, котораго онъ не креститъ... Сютаяву въ настоящее время 58 лѣтъ; у него 4 сына, изъ которыхъ два на работахъ (измѣнщики) въ Петербургѣ, 2 въ солдатахъ, и дочь, красавица въ полномъ смыслѣ слова, отданная отцомъ замужъ безъ вѣщанія...

Такъ что, что-же онъ собственно отрицаетъ? спросилъ я у г. фонъ-Мирбаха, когда онъ нарисовалъ мнѣ приблизительно въ этомъ родѣ біографію Сютаява.

— Да все. Церковь, иконы, всё религиозные обряды, всё святая таинства. В церковь не ходитъ; потому что тамъ поютъ и читаютъ на не понятномъ ему языкѣ, что тамъ нѣтъ правды, такъ какъ молитвы и самыя таинства покупаются за деньги. Иконы вынесъ пѣльцовъ, потому что считаетъ поклоненіе ивъ идолопоклонничестве: «Единъ Богъ...» говорить онъ, «и Ему поклоняйтесь». Крестить не хочетъ, потому что отъ этого люди не живутъ лучше. Причастіе тоже ни къ чему не служитъ. Крестное знаменіе, посты, молитвы и пр. все это пустая вышняя обрядность, не дѣлающая насъ лучше, чѣмъ мы есть, а наоборотъ, оскверняемая нами постоянно нашимъ зломъ. Вотъ въ чемъ вся его вѣра.

— Да, это отрицательная! А положительная?

— Любовь.. Общая, мировая, такъ сказать любовь, дѣлающая все общимъ, устраняющая всѣ пререваніа, всю злобу людскую.

— А въ чемъ же всл обрядовая сторона Сютяевской секты, если таковая есть?

— Какъ-же! У нихъ всѣ молитвы и кресты замѣняютъ толкованіе Евангелія. Для этого они собираются другъ у друга и ведутъ безконечные споры. Самъ Сютяевъ такъ пристрастился къ разговорамъ о вѣрѣ, что всегда, съ кѣмъ угодно и сколько угодно, готовъ толковать о вѣрѣ, лишь-бы только имѣлось у кого на это желаніе. У него просто религиозная манія, по моему.

— Но вы, вотъ, говорили съ нимъ, убѣждали его, что онъ во многомъ заблуждается?

— Какъ-же!

— Что-же онъ на это?

— Да какъ вамъ сказать?.. Ужасно трудно запомнить послѣдовательно его отвѣты. У него попадаютъ глубокія по смыслу фразы, но связи между ними никакой. Просто нельзя услѣдить. Пригаетъ съ одного предмета на другой, съ одной мысли на другую, съ одного текста на другой. Его спрашиваешь одно, а онъ ужъ другое совсѣмъ... Впрочемъ, когда я ему возражалъ противъ его отрицанія обрядовъ православной Церкви и таинствъ, онъ простодушно отвѣчалъ мнѣ, что можетъ я и правъ. Только нужно ему такого человѣка, который разъяснилъ бы ему это все и доказалъ. Напримѣръ, хоть приходскій священникъ. Если бы туда послать особенно умнаго священника, я увѣренъ, Сютяевъ сталъ-бы самымъ ревностнымъ хри-

стіанникомъ. Онъ увлекся бы также православіемъ, какъ теперь увлекается отрицаніемъ его. Главное только, пужень примѣръ хорошей, честной жизни въ священникѣ. А тамъ, послѣ дѣла, словами ужъ очень мало останется доказывать. Сютяевъ лютъ на ласку, на любовь, какъ муха къ меду.

— А какого вы мнѣнія о социальномъ вредѣ Сютяевского ученія?.. Въ смыслѣ—разлагающемъ государственно-общественные элементы!..

— Видите! По самому существу его, при дальнѣйшемъ его развитіи, нельзя не признать его вреднымъ. Оно всетаки частью посягаетъ на Верховную Власть, на право собственности, на права сословныя. Только такъ наивны, такъ химерны и такъ глубоко чисты въ то же время его представленія о жизни, о власти и о всемъ, что, право, нѣтъ ни малѣйшей серьезной опасности за распространеніе его ученія.

Не говоря уже о правилахъ «обчей» жизни, какъ онъ ее называетъ, послушайте, напримѣръ, что онъ говоритъ о Верховной Власти. Онъ того мнѣнія, что власть *должна* быть! Только какая? Такая, которая управляла бы міромъ посредствомъ слова Божія, разумѣя подъ этимъ братскія отношенія власти ко всѣмъ, безъ исключенія, подданнымъ... Есть ли тутъ опытность политическая?.. На моихъ глазахъ вѣдь все уменьшается число его послѣдователей. Теперь не больше пяти семействъ, а то можетъ и того меньше. Трудно вѣдь быть сютяевцемъ, очень ужъ строгіи правила.. Манингъ онъ, вотъ что я вамъ скажу, но человѣкъ крайне честный и искренній. Такихъ не много...

— Такъ, по вашему мнѣнію, это дѣло раздуто?..

— Раздуто, положительно. И знаете кѣмъ?.. Пругавинимъ.

— Кто это такой?

— Вы не читали развѣ «Русской Мысли»? Тамъ цѣлая статья о Сютяевѣ.

— Къ сожалѣнію, не читалъ. Расскажите о немъ нѣсколько.

— Пругавинъ пріѣхалъ сюда въ 1881 году, отъ географическаго общества, членомъ котораго онъ состоялъ, для изученія Сютяевской секты. Пробылъ онъ у Сютяевцевъ дней восемь, много говорилъ съ ними, особенно съ самимъ Сютяевымъ, и вотъ въ результатъ этихъ бесѣдъ появилась цѣлая статья въ «Русской Мысли» подъ названіемъ: «Алчущіе и жаждущіе правды».

— Что же, хорошо написана? Вѣрно?..

— Хорошо-то хорошо! Онъ за нее 500 рублей получилъ. Только онъ это напрасно сдѣлалъ. Не слѣдовало. Онъ бредъ манника облекъ въ послѣдовательныя, ослзательныя, такъ сказать, формы. И результаты не замедлили.

— Какіе же?..

— Да вѣдь спустя малое время послѣ этой статьи, Сютаева посетили какіе-то господа и оставили у него прокламаціи. Увѣряя его, что тамъ проповѣдуется тоже жизнь «по духу».

— Ну, и что же?

— Онъ сначала-было повѣрилъ, сунулся съ ними въ другимъ крестьянамъ; но когда дѣло выяснилось, самъ же первый принесъ ихъ въ волостному.

— Ему одному дали прокламаціи?

— Были только у него! Въ другихъ мѣстахъ подбрасывали. А потомъ, когда одного изъ нихъ крестьяне поймали и онъ удралъ, стали приходить письма, все адресованныя только Сютаевцамъ: Въ статьѣ Пругавина прямо ихъ адреса есть. Я первое распечаталъ — прокламація. Остальныя ужъ прямо по почерку задерживалъ. Все прокламаціи..

— Скажите, пожалуйста! Мнѣ говорилъ, что у Сютаевцевъ учился графъ Толстой?

— Т.-е. онъ былъ только у Сютаева.

— Давно?

— Нѣтъ, въ 82 году, скоро послѣ Пругавина. Онъ гостилъ тогда у Бакунина, въ Прамухивѣ, вмѣстѣ съ ними и заѣзжалъ въ Шевелно...

— И что-жъ?

— Да они и не застали Сютаева. Онъ въ то время въ городѣ былъ Толстой ему оставилъ 10 рублей при запискѣ.

— А не знаете ли содержанія ея?

— Приблизительно, кажется, вотъ что: «Очень сожалѣю я, что не засталъ многоуважаемаго Сютаева, брата по Христу. Оставляю 10 руб. на дорогу, жду у себя въ Москвѣ». Затѣмъ адресъ.

— И былъ у него Сютаевъ?

— Какъ же, сейчасъ поѣхалъ.

— И вы спрашивали его что набудъ объ этой поѣздкѣ?

— Спрашивалъ, да онъ ничего путнаго не рассказавъ. Возила его куда-то, былъ онъ у какихъ-то княгинь, графинь. Проповѣдывалъ онъ тамъ, цѣловали его валя-то красавицы. Словомъ, не разберешь. Только, когда онъ говорилъ о красавицѣ, я ему и говорю: «А-я-яй, Сютаевъ! Какъ тебѣ не стыдно! Старикъ, а туда же...»—«Да вѣдь я по духу... Сестра, значитъ она мнѣ Кабы по плоти... а то душевно и вѣдь...»

— А объ самомъ Толстомъ онъ ничего не рассказывалъ?

— Нѣтъ, ничего!.. Съ нимъ во дорогѣ, знаете, курьезъ маленький случился. Какъ узнали это, что онъ куда-то собирается, а онъ былъ подъ слѣдствіемъ тогда, за нимъ послали двухъ переодѣтыхъ жандармовъ. Вотъ ѣдутъ они вмѣстѣ, Сютаевъ всю дорогу и проповѣдуетъ. Доѣхали до Москвы, тутъ что-то они сдѣлали, ему и повязалось подозрительно. Такъ узналъ вѣдь одного. Одинъ изъ жандармовъ къ нему раньше еще пріѣзжалъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ на него да и говоритъ:

— Не по духу ты со мной говоришь! Не по духу ты мнѣ братъ!..

— А что?..

— Не знаю, братъ, только ты это хитришь... Ну и началъ его отдѣлывать, на вокзалѣ, при публикѣ, срамить. «Не по духу», да и только. Тамъ тотъ писалъ потомъ, что насаду и ноги унесъ...

— Скажите еще одно! Знаетъ Сютаевъ, что про него столько кричать? Что онъ столько шуму надѣлалъ?

— Вотъ это-то и плохо, что знаетъ. Опять тутъ Пругавина виновать. Вздумалъ ему присылать оттиски своей статьи. Онъ и сталъ ходить съ ними по деревнямъ да показывать. «Вотъ, молъ, вы говорили, что я дуракъ, анъ выйдите, что сусемъ не дуракъ, коли про меня такъ много пишутъ». Въ волостномъ правленіи я приказалъ задерживать слѣдующіе номера. Но онъ ихъ какъ-то получилъ, все-таки, стороной. Это, по моему, больше всего вреда принесло; и самъ онъ на себя и другіе на него стали смотрѣть съ тѣхъ поръ съ большимъ уваженіемъ, съ большой вѣрой...

Третьяго-дня я проѣхалъ съ исправникомъ къ Сютаеву, вчера возвратился и сегодня записываю эти строки. Вчерашній день я

посвятить на прочтѣніе статьи г. Пругавина, такъ какъ не желалъ въ своемъ письмѣ повторяться. Статья написана очень талантливо и очень ясно. Мнѣ бы оставалось только сложить перо, если бы я хотѣлъ ее дополнять. Но, и не посягая на это послѣднее, я позволю себѣ только въ краткихъ словахъ изложить мое впечатлѣніе отъ Сютяева настоящаго и Сютяева г. Пругавина. Я съ Сютяевымъ говорилъ часа четыре, г. Пругавинъ 8 дней. Весьма возможно, что г. Пругавинъ и правъ, но и я, съ своей стороны, не вкладу оружія, ибо по моему, слишкомъ достаточно четырехъ часовъ, чтобы составить себѣ полное понятіе о Сютяевѣ. Скажу болѣе! Я бы физически не могъ говорить съ нимъ долгие, оставаясь на почвѣ только его релятивныхъ вѣрованій..

И такъ, начну прежде съ моихъ личныхъ впечатлѣній..

Мы выѣхали съ г. исправникомъ часа въ 4, чтобы засѣсть еще добраться до Шевелина. Но, благодаря отвратительной, онсанію не поддающейся, дорогѣ (состоятъ въ вѣдѣніи земства), мы въ 8 часовъ еще были верстѣ за 7 отъ Шевелина. Темъ, рытвинн. пронизывающей холодъ заставили насъ перемѣнить первоначальный планъ. Исправникъ полагалъ проѣхать лучше въ село Повѣди, буда было ближе и гдѣ у волостнаго старшины мы могли бы найти болѣе сносный ночлегъ. Сютяевъ, по его мнѣнію, уже спалъ и встрѣтить его ночью было бы неудобно. Такъ мы подѣлали. Кое-какъ въ 9-мъ часу добрались мы до Повѣди, съ опасностью жизни спустились къ рѣчкѣ, проѣхавъ шаткій мостъ, круто поднялись и остановились у домика волостнаго правленія. За темнотой я не могъ разобрать его наружнаго вида.

У крыльца очутился черезъ мгновение человѣкъ со свѣчкой, въ рыжей курткѣ, брошенной сверхъ ночнаго туалета.

— Гдѣ волостной? спросилъ исправникъ.

— Я самый и есть, ваше высокоблагородіе.. улыбаясь, отвѣчалъ мужикъ.

— Ахъ, вы? И не узналъ совсѣмъ.. Здравствуйте, милѣйшій Елксѣевъ!

— Добро пожаловать.. Уже давно васъ ждали..

— Какъ ждали? Развѣ васъ предупредили?

— Да урядникъ-то изъ города проѣзжалъ.. такъ связывалъ.

Старшина со свѣчкой проводилъ насъ въ волостное присутствіе.

Двѣ комнаты, небольшія, но и не маленькія, очень чистыя, съ голыми тесаными стѣнами и потолками, составляли это присутствіе. Я съ удовольствіемъ оглянулся.

Въ моихъ поѣздкахъ, я вѣялъ себѣ за правило обращать первое вниманіе на помѣщеніе волостнаго правленія, и личность самаго волостнаго старшины. Мнѣ кажется, что въ характерѣ того и другаго необходимо долженъ отразиться и характеръ самой волости, по крайней мѣрѣ съ извѣстной приближительностью. Я объѣздила уже 5—6 волостей въ разныхъ уѣздахъ и положительно не напелъ въ нихъ ничего общаго, шаблоннаго. Я не видалъ двухъ волостныхъ правленій по одному типу (я говорю о деталяхъ сторонахъ), двухъ старшинъ, похожихъ другъ на друга. И такъ, вѣдѣя я прежде всего пристально оглядѣлся кругомъ. Первая комната, которую мы прошли, была почти пуста. За исключеніемъ простыхъ лавокъ, другой мебели не было. Вторая комната, собственно присутственная—была гораздо интереснѣе. Въ ней было цѣлыхъ два стола. Одинъ большой письменный, покрытый зеленымъ сукномъ, съ разложенными на немъ, въ безукоризненномъ порядкѣ, бумагами и письменными принадлежностями; другой въ простѣнѣ между окнами, поменьше, обтянутый чистой клеенкой. Нѣсколько стульевъ плетеныхъ и мягкихъ, хотя потрепанныхъ, но еще вполне «возможныхъ», были разбросаны по комнатѣ. Въ углу, подъ образами, бѣлоставшими яркой поволокой, стоялъ большой деревянный сундукъ. По стѣнамъ были прибиты обыкновенныя «объявленія», «правила», но между ними висѣли и картины религіознаго содержанія. Меня особенно поразилъ портретъ Императорской Четвѣ и покойнаго Государя Императора. Государь в Государыня были изображены въ бюстахъ, предестной гравюрой, выписанной изъ Петербурга, чуть ли не отъ Даццаро. Покойный Государь во весь ростъ, красными, далеко не лубочной работы. Я долго любовался этими портретами, чѣмъ вызвалъ особое удовольствіе старшины.

На подоконникахъ тщательно были разложены газеты: «Сельскій Вѣстникъ», «Новое время» и «Нива».

— Кто это читаетъ «Новое время»? спросилъ я.

— Я-съ и семья моя..

— И «Ниву» тоже?..

— И «Ниву»..

— Сами выписываете?

— Какъ-же-съ, выпенываемъ... Не угодно ли послѣдній М.

— Спасибо, я ложась прочту...

Я перевелъ все свое вниманіе на старшину. Онъ теперь сидѣлъ у стола и писалъ бумагу о вызовѣ, по распоряженію исправника, на утро, къ 6-ти часамъ, въ волостное правленіе Сютяева и Ильи Иванова, одного изъ болѣе рьяныхъ его единомышленниковъ. Одинокая свѣчка довольно ярко освѣщала его лицо, наклоненное надъ бумагой. Оно было очень открыто и просто. Только слегка удлинненные черты, высочій лобъ и глубокія морщины, переходившія у угловъ носа въ складки, давали ему характеръ не совсѣмъ обиденный, а глаза, свѣтлѣвшіеся умомъ и спокойствіемъ, давали этому лицу общій отблескъ порядочности и честности. Все оно очень располагало къ себѣ. Старшина говорилъ съ нами свободно, держался на стулѣ прямо, вообще въ немъ и тѣни не было ни завсѣванія, ни принаженности.

— Что вы намъ попенякаго скажете о Сютяевѣ? спросилъ его исправникъ.

— Да что-жъ! Притихать какъ бы сталъ, улыбаясь, отвѣтилъ онъ.

— Не проповѣдуетъ?..

— Камись, что нѣтъ. По крайности его послѣдователей все меньше считается.

— Другихъ не прибываетъ? спросилъ я.

— И-и-и... куда? Отпадаютъ все. Поправился къ нему. Видать, что вадоръ мелеть, толку никакого, да и потомъ строго ужъ это все у него.

— Сколько же примѣрно ихъ можно считать?

— Кого это; Сютяевцевъ-то?

— Да какъ вамъ сказать?.. Человѣкъ тридцать, я думаю, больше не наберется!

— И что-жъ они всѣ: въ церковь не ходятъ, иконы повносили?

— Есть и такіе. А есть и такіе, которые держатъ иконы, да только не почитаютъ ихъ, не кланяются.

— Кто же самые рьяные?

— Есть тутъ Илья Ивановъ, тотъ иконы перекололъ всѣ, другіи въ цепки обратилъ. У него сынъ живетъ съ дочерью Сютяева, не вѣнчанные, значитъ.

— Что-жъ онъ, умный мужикъ.

— Кто его знаетъ! Безграмотный! Молчитъ больше все...

— А скажите, старшина, что Сютяевъ, исправный мужикъ?

— Т. е. другаго такого можно сказать нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ его посадили подъ арестъ, за намъ нигосда недозмки не числилось. До копѣйки самъ все приносятъ. Опять хозяйство, поведеніе, все это въ лучшемъ видѣ... Мужикъ хорошій, что и говорить! Только путаникъ какой-то! Мелеть безъ толку, а начальство въ-за него и безпокоится... Э-э-эхъ! Подрать бы его, все бы польза была. . заключилъ онъ съ улыбкой.

— Чай готовъ... доложилъ сынъ старшины.

— Седьмой часъ, вставать изволите... будиль васъ на другой день старшина въ присутственной комнатѣ, гдѣ кое-какъ мы уместились на полу.

Я лѣнливо потянулся, но тотчасъ всталъ. Бока, спина и голова сильно давали себя чувствовать. Я спалъ всего нѣсколько часовъ.

— Сютяевъ ждетъ... доложилъ, улыбаясь, старшина... Это слово меня окончательно привело въ себя и я поспѣшилъ умыться.

Черезъ десять мпуть нерѣшительно переступилъ порогъ нашей комнаты маленькій, худощавый мужичекъ, въ потертомъ армякѣ и тяжеляхъ продранныхъ сапогахъ. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ просто жалкимъ. Какъ будто разочарованіе почувствовалъ я при видѣ этого немощнаго старичка. Я ожидалъ чего-то другаго, хотя чего — не могъ бы объяснить.

Но, взглядываясь въ его лицо, я мало-по-малу началъ какъ бы успокаиваться, какъ бы получать новое совсѣмъ удовлетвореніе. Маленькое, сморщенное, румяное, точно печеное яблочко, оно удивительно располагало къ себѣ. Его улыбка — я рѣдко такую видывалъ. Когда онъ улыбался, такимъ добродушіемъ, такой безконечной добротой и весельемъ дышали его черты, что не было никакой возможности не улыбаться въ отвѣтъ ему.

Съ перваго его шагу къ намъ, я уже и улыбался. Мнѣ стало вдругъ безъ причины весело.

— Здравствуй, Сютяевъ, встрѣтилъ его исправникъ. Вотъ привезъ къ тебѣ господина. Хочетъ побесѣдовать съ тобой, поучиться...

Сютяевъ обратился въ мою сторону, и его маленькіе голубые глазки, прищуренные улыбкой, мигло легли на мнѣ.

— Да... я... я бы хотѣлъ.. слышалъ много о тебѣ.. путался я въ словахъ, съ усиленіемъ сдерживая смѣхъ и ощущая упрекъ совѣсти за это веселое расположение духа.

— Что-жь!.. Побесѣдовать это не грѣхъ... Спасибо вамъ...

— Ты вотъ рассказывай мнѣ всю свою вѣру!

— Да какая-жь моя вѣра? Христьянская... обая...

— Ты присядь, милый мой, совладѣвъ наконецъ съ собой, произнесъ я, какъ могъ мягче.

Сютаевъ сѣлъ противъ меня, все также пристально и мягко оглядывая меня. Я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

— Прежде всего скажи мнѣ, много ли у тебя послѣдователей?

— Это значить нашихъ-то?... Не много! Дюжо мало стало тепериче. Уходить туда...

— Куда это?

— Да къ православію!

— Почему такъ?

— Кто-жь ихъ знаетъ! добродушно улыбнулся онъ. Не по силамъ, значить, плоть одолеваетъ...

— Да кого-жь плоть не одолеваетъ? Всѣхъ одолеваетъ.

— Не должно это быть! По духу должны мы, значить, жить!

— Да какъ? Скажи! И радъ бы, да не знаю.

— Плодъ умерщвлять надо.

— Легко сказать...

— И дѣлать надо. Все дѣлами надо показывать... Поступками. Говорить не надо-тъ...

— Что же дѣлать? Не ѣсть, не пить?

— Зачѣмъ? Умерщвлять надо плоть...

— Да чѣмъ же ее другимъ умертвишь?...

— Дѣлами добрыми... любовью...

— Добрыми дѣлами голоду не заморишь! Страстей не усмиришь...

— Да нѣтъ же!... закинулъ Сютаевъ... Онъ начиналъ видимо окатываться волнениемъ. Огримочные отвѣты его, въ которыхъ скрывалось какъ бы недовѣріе и боязнь, стали переходить въ продолжительныя тирады. Я старался во всемъ ему противурѣчить, даже дразнить.

— Да нѣтъ же, говорю тебѣ, повторилъ онъ. Пища нужна не для плоти нашей... То плодъ...

— Какой плодъ? удивился я.

— Да плодъ, тѣло. Плодъ нужно питать, а плоть умерщвлять... Любовью братской, добротой нужно ее побороть... А то вло сувземъ насъ загло... Вотъ это плоть самая и есть—*зло-то*. Всп мы бранимся, вси бьемся, ссоримся, ругаемся—вотъ это вло, плоть. Энтавъ не надо дѣлать, не хорошо. Вѣдь мы братья вси...

— А ты не бранишься никогда? перебилъ я его.

— Не бранюсь...

— Ну, толкуй! зашѣтилъ старшина.

— Да то-жь невольной!.. А-а-ахъ, какой ты! заначалъ онъ головой. Разви я когда самъ ругаю кого, али бю... видѣлъ ты?... А невольной случается, не уберешься. А все потому, што не по братски мы пси живемъ... Другіе ругаются и я ругаюсь... Вонъ у меня ребятишки-ви. Я вишь толкую, толкую что не гоже это, не надо ругаться, они какъ будто понимаютъ, перестануть, а выйдутъ на улицу, опять старое:—брань, кулаки... Не хорошо это, ой какъ не хорошо!..

— Да ты бы ихъ посявъ!

— Зачѣмъ?... Нельзя! «Не понуждай» Богъ сказалъ! Добрымъ словомъ надо. Примѣромъ...

— Да ты вотъ и слова добрыя говоришь, и примѣръ подаешь, а все ничего не выходитъ.

— Не выходитъ, не выходитъ... Вѣрно ты это говоришь. Потому вси такъ живутъ... Всемъ надо это понять...

— Не браниться?

— Не браниться!... А то, суди посмотришь: «убирайся къ чорту», туды—«проваливай къ лѣшему», и вси ругаются. А гдѣ этотъ чортъ, али лѣшій? Кто его выдалъ? Ты видѣлъ?...

— Нѣтъ, улыбнулся я.

— И я не видывалъ. Я и дома его искалъ и въ городахъ, и въ полѣ, и въ лѣсу—нѣту нигдѣ! Нѣтъ чорта. Нѣту и ангела.. Мы вси ангелы, если живемъ по духу, любовно, значить... А если нѣтъ, такъ, значить, въ насъ самихъ чортъ и сидитъ... Чортъ есть вло, а рога-таго чорта, али тамъ лѣшаго, али оборотня, вопче духовъ всякихъ нѣту-ти ихъ... Теперь, на примѣръ, мужикъ обозлится и ругаетъ свою скотину, лошадаку тамъ, али корову. А она чѣмъ виновата?... Она тоже Вомя тварь. Не слѣдуетъ это... Я николи не ругаю ее...

— Толкуй! зашѣтилъ опять скептикъ старшина. Коли обозлешься и ты выругаешься.

— А-а-ах! зазачаль опять головой Сютаяевъ, предобродушно улыбаясь. Чудной ты, Савельичъ. Слышалъ ты развѣ?..

— Чего слышать! Это всякій сдѣлаетъ. Всякій человѣкъ вѣдь изъ плоти. Не сдерживайся. Да и что-жь тутъ плохово?... Хуже бы только ничего не дѣлать!..

Сютаяевъ опять горячо возсталъ, увѣряя, что: «все должны быть кроткіе и мягкіе». Это была, повиданному, его любимая тема и онъ говорилъ отъ души, просто и повитно, безпрестанно приводя тексты и послѣ каждаго изъ нихъ подчеркивая по столу ногтемъ своего маленькаго заскорузлага пальца. Но тема давно была уже исчерпана, а онъ все продолжалъ говорить, возвращаясь къ старому, къ пѣсколькимъ, излюбленнымъ имъ, повиданному, фразамъ. Я счелъ, наконецъ, нужнымъ его прервать.

— А отчего ты не крестишь своихъ дѣтей? неожиданно спросилъ я.

— Отчего?... переспросилъ онъ, съ невѣрной улыбкой взглядывая на меня. Мнѣ показалось, что мой тонъ былъ слишкомъ рѣзокъ и вѣскольکو искугалъ его. Переполохъ явно отразился въ его глазахъ.

— Вотъ, говорятъ, у тебя внукъ родился и до сихъ поръ не крещенъ. Правда это?... сказала я какъ можно мягче.

— Д-да... невѣрительно отвѣтилъ онъ. Потомъ, точно ободрившись, сказалъ: у меня есть крещеные и некрещеные. Всѣ одинаковыя. всѣ ругаются... всѣ нехорошіе!

— Такъ вотъ тебѣ, на первый разъ. Значить, тѣмъ не помогло, что ты ихъ крестилъ.

— Не помогло, вѣрно ты говоришь...

— Такъ отчего же и ихъ не окрестить?

— А-ах! зашевелился Сютаяевъ на стулѣ. Крестить... Ты все свое... Зачѣмъ крестить?

— Затѣмъ, что и Христосъ крестился!

— Знаю я это! Но что-жь съ этого крещенія, когда покаянія нѣтъ, когда всѣ злое?... Крещеніе есть омовеніе. А какое тутъ омовеніе, когда все грѣхи да грѣхи...

— Да отъ грѣха-то и надо окрестаться!

— Отъ какого грѣха?

— А первоуроднаго!

— Ну... улыбнулся Сютаяевъ. Мы все рождены по образу и подобию Божию.

— Но во грѣхѣ!

— Жить надо хорошую вѣсть, быть кроткимъ, любовнымъ, плоть мергвнть... и будемъ угоды Богу.

— Да вѣдь это будетъ, когда вырастемъ, когда поймемъ, что добро, что зло. А какъ же младенецъ?..

— И онъ вырастетъ, и онъ пойметъ...

— А до тѣхъ поръ и умереть можетъ безъ зрещенія.

— И умретъ! Что-жь?

— И ты его совсѣмъ лишишь креста?..

— Крестъ въ насъ самихъ... въ нашихъ дѣлахъ...

— Да вѣдь онъ не понимаетъ вѣхъ дѣлъ.

— Говорю-жь тебѣ, что пойметъ, когда вырастетъ. Вѣдь и Исусъ Христосъ имѣлъ тридцать лѣтъ, когда крестился.

— Христосъ сдѣлалъ это, чтобы намъ зафѣщать это тапство. Онъ долженъ былъ сдѣлать это въ зрѣлыхъ годахъ. Иначе мы бы его не поняли.

— И мы должны прежде понять, а потомъ креститься...

— Да какъ же ребенка пойметъ? Онъ вѣдь махонькій! начиналъ я уже горячиться.

— И онъ вырастетъ! Родители должны примѣръ ему давать, любви учить... Тогда и крестись, если дукомъ чистъ. Потому, самое крещеніе, какъ связано въ евангеліи (слѣдовалъ текстъ)... Духовное омовеніе оно. Значить, по духу надо креститься, а не по плоти.

— Да ты пойми, что про ребенка они говорятъ, загорячился въ свою очередь, и старшина. Допустить, что онъ умретъ еще не вошедши въ разумъ.

— И умретъ! Душа чистая...

— Чистая, да не крещеная...

— А что-жь, по твоему? Некрещеная такъ и въ рай попасть не можетъ, что-ль? насмѣшливо и хитро въ то же время улыбулся Сютаяевъ.

— Если ты вѣришь въ ученіе Христа, значитъ не можетъ, сказалъ я.

Сютаяевъ пристально посмотрѣлъ на меня. Видно было, что мысль его работала, что вопросъ пришелся ему на этотъ разъ прямо не въ бровь, а въ глазъ. Я ждалъ рѣшительнаго отвѣта: да, или нѣтъ.

Но Сютаевъ опять добродушно улыбался.

— Чудной ты баринъ. Опять же въ евангеліи сказано: (слѣдоваль- текстъ) *), и еще дальше: «просите и дастся вамъ, толцате и отпер- зется вамъ». Стучать надо въ дверь рая... добрыми дѣлами, любовью и вселій обращаться. Потому человекъ созданы «по образу и подобию самаго Бога»... Сютаевъ опять сталъ распространяться о томъ, только, что жизнью «по духу» можно стяжать рай, что у него «крещеныя» и «некрещеныя» дѣти одинаково сьверны и что надо «креститься» добрыми дѣлами, а не въ водѣ кунаться, потому, молъ, въ воды выходятъ еще хуже. Теперь онъ гонорилъ съ виднымъ ус- лемъ мысли, видимо наирага себя. Онъ спиналъ текстами повторилъ ихъ и, съ пзумпительной непосаѣдонательностью, перескакивалъ отъ одной мысли въ другой, съ дѣтской наввностью обходя всѣ «под- водные камни» и упорно не отвѣчалъ на прямые вопросы. Я всма- тривался въ него и не усмотрѣлъ на этомъ маленькомъ розовомъ личикѣ ни малѣйшей тѣни лукавства, или скрытности. Оно всточно раслилось въ восторженномъ вдохновеніи. Миѣ начинало становиться скучно.

— Послушай Сютаевъ! Если тебѣ все равно, отчего тебѣ не опре- стять внука? Вѣдь некрещеные не лучше!

— Да я... Сютаевъ съ чуть-чуть хитрой улыбкой посмотрѣлъ на меня. Я пожалуй и охрещу.. погляжу вотъ маленько.

— Смотри! Я въ кумовья прѣйду.

— Прѣзжай, прѣзжай, милый, радостно улыбнулся онъ. Очень даже радъ буду.. Будь такъ добръ..

Я заговорилъ съ нимъ о другихъ таянствахъ и на все получалъ отвѣты въ этомъ же родѣ: несмысленные, сбивчивые, непослѣдствен- ные, повторяющіеся. Тексты провозносилъ имъ съ любовью, отчужденіемъ, такъ сказать, но то, что его собственныя слова,— выходили даже не такъ твердо. Его объясненія по каждому отдѣльно вопросу походили на верченіе колеса въ влѣтѣхъ бѣлки, а говоря еще проще, на переливаніе пзъ пустаго въ порожнее.

Иконамъ не надо кланяться, потому что есть въ Писаніи: «и по- клонитесь единому Богу», и потому: «и не сотворите себѣ кумира ниже каменнаго, золотого, серебрянаго, деревяннаго и проч.»

*) Не привожу всѣхъ текстовъ, которыхъ твердо не знаю. Сютаевъ владѣлъ ими досконально.

Святѣмъ не молиться, потому что мы сами всѣ святые, всѣ созданы по образу и подобию Божию, и если будемъ жить «по духу», ничѣмъ отъ нихъ разнятся не будемъ. Между прочимъ Сютаевъ не признаетъ необходимости даже 7 грѣховъ въ день. Жить «по духу»—значить совсѣмъ не грѣшить, а грѣшить и каяться—это фарисейство. Покая- ніе не сгладитъ нисколько нашей вины.

Въ церковь ходитъ безполезно, если въ насъ самихъ нѣтъ церкви, т. е. доброты и братской во всѣмъ любви. По этой же причинѣ без- полезно и вкреститься, и кланяться, и ставить свѣчи, и носить на шеѣ образа.

Причастіе насъ нисколько не очиститъ, если мы послѣ него бу- демъ грѣшить; а если будемъ жить безъ грѣха, такъ и безъ при- частія будемъ чисты.

Бракъ имѣетъ смыслъ не въ вѣчаніи, а въ согласной жизни су- пруговъ. Хоронить мертвыхъ надо въ землѣ; а гдѣ—въ оградѣ, или нѣтъ—мертвымъ все равно.

Словомъ, вся жизнь въ поступкахъ, а не въ обрадахъ и покаяніи. Впрочемъ, Сютаевъ говоритъ: «Я никого не учу выносить иконы, не ходить въ церковь, не креститься, не вѣнчаться.. Я говорю только: живите по духу, пусть между вами будетъ все общее, любите и дѣтей, и женъ, и матерей своихъ, и всѣхъ воочче какъ братьевъ, а тогда можно и въ церковь ходить и причащаться и все прочее..

— Трудно это, милый мой, трудно.. сказалъ я ему послѣ трехъ часовъ такой бесѣды.

— Нѣтъ же, ладные мои, не трудно! Не трудно, ладные.. Не бра- нитесь, не ссорьтесь, живите «по духу» и увидите!.. Это было ска- зано съ такимъ горячимъ порывомъ, такъ просто и въ то же время убѣжденно, что я въ первый разъ въ продолженіи нашего разговора взглянулъ на Сютаева вполне серьезно. Его сужденія о догматиче- ской сторонѣ религіи не выдерживали никакой критики. Онъ путался въ нихъ и самъ видимо это сознавалъ. Заученные тексты и заучен- ные по нимъ объясненія—вотъ въ чемъ они заключались. Но за то все, что касается общихъ сторонъ христіанства, выработано въ Сю- таевѣ полно и хотя не асно, но окончательно. Съ этого пути, видимо, ничто не въ состояніи его сбить. Онъ все отдаетъ противникамъ: и кресты, и иконы, и всю церковь, со всѣми ея правилами, но жизни

«обчей», жизни «по духу», а не «по плоти», онъ не отдастъ ни за какія блага міра.

Такъ я понималъ, скорѣе почувствовалъ Сютаяева...

У меня осталась еще одинъ вопросъ выяснить—это его отношенія съ гр. Толстымъ. Воспользовавшись минутой перерыва, я спросилъ его:

— Объ чемъ же ты бесѣдовалъ съ Толстымъ *)?

— Да объ томъ же, что и съ тобой... Все евангеліе мы читали, да толковали.

— И долго ты былъ у него?

— День десять...

— И такъ, все одно евангеліе толковали?..

— Толковали!.. Только меня и къ другимъ возили... Дуже возили..

— Къ кому же?

— А ужъ и не знаю, улыбнулся онъ.

— Чтожъ? соглашались они съ тобой?

— Какъ это я нѣтъ толковалъ сначала—не соглашались, спорили.

А какъ привезъ евангеліе, да все началъ имъ словами, значитъ, Писанія доказывать—ну, тутъ и согласился нѣкоторые.

— И цѣловали? усмѣхнулся я.

— Цѣловали... усмѣхнулся онъ въ свою очередь. По братски, значить...

— А самъ Толстой съ тобой соглашался?

— Вовне соглашался! А были мѣста, гдѣ и мы спорили.

— И чтожъ?

— Такъ, значитъ, каждый больше при своемъ остался, съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ пояснилъ Сютаяевъ.

— А какъ ты замѣчалъ, «по духу» онъ живетъ?

— Нѣтъ? Не по духу, рѣшительно заявилъ Сютаяевъ. Нешто такъ по духу живутъ? У него и слуги, и квартира такая, опять же богатство... Не по духу это. Да и самъ онъ говорить не по духу. «Вотъ, говоритъ, я все ощущаю, это не такъ дѣлаю, какъ слѣдуетъ. Учу дочь и вмѣсто того, значитъ, чтобы кротостью да любовью, сержусь, браню ее». Не по духу живетъ...

— А ты знаешь, что Толстой свое евангеліе написалъ?

*) Графъ Левъ Толстой.

— Нѣтъ, не знаю! А развѣ онъ писалъ што?..

— Да, немножко...

— Писатель, значитъ?..

— Говорять!

Сютаяева очевидно это мало занимало. Онъ опять заговорилъ о своихъ идеалахъ, о той жизни, которая должна царить на землѣ.

— Да вѣдь ты пробовалъ начать ее? Албары открылъ—растаскали. Такъ чего еще? Значить, не пригодно это къ намъ.

— Растаскали... все раскитили. Теперь запарю, улыбнулся онъ съ неподражаемой добротой.

— Пустые?

— Нѣтъ, есть!

— А больше не отопрешь?

— Нѣтъ... хватить.

— И денегъ въ займы не дашь?

— Отчего-же? Дамъ!

— Подъ росписку только...

— Это какъ кому...

— А мнѣ, примѣрно?

— Тебѣ? Сютаяевъ съ улыбкой меня разглядывалъ. Если по духу просишь, дамъ!

— Я по духу...

— Нѣтъ... Не по духу...

— Ага! Вотъ и «жизнь» твоя «обчая». Для примѣру прошу денегъ. а ты говоришь не по духу. Вѣдь это отговорка; жальшь просто.

— Да нѣтъ, ладный ты мой! закачалъ онъ головой. Не жалъ! Если по духу въ самомъ дѣлѣ, возьми. Только немного у меня теперь. Вчера подати платилъ, опять долгъ отдалъ... Кошбѣкъ 50 имѣется... Верн, если нужно... А въ деревнѣ есть и больше, рублей 12. Поѣдемъ вмѣстѣ, дамъ!.. И онъ далъ бы мнѣ ихъ; въ этомъ я болѣе чѣмъ убѣжденъ.

Мы пошли пить чай къ старшинѣ. Сютаяевъ вошелъ за нами и умилно сталъ поглядывать на столъ.

— Что-жъ, поднесешь, старшина?.. спросилъ онъ, глядя на бутылку вина.

— Изволь, садись!

Старшина налилъ ему рюмку портвейна и чашку чаю. Сютяевъ принялся за вино, но не допилъ и половины рюмки, сморщился и взглянул за чай.

— Вѣдь грѣшишь, Сютяевъ, сказала я ему.

— А что?

— Плоть ублажаешь вѣдь..

— Грѣшу, это ты вѣрно.. Только чай не грѣшно пить. Все можно ѣсть и пить! Все дано для насъ. Опять же сказано въ евангеліи (слѣдовалъ текстъ).

— Такъ въ чемъ-же грѣхъ? спросилъ старшина.

— А ты скажи мнѣ! Ты по духу, али по плоти собралъ-отъ чай? съ хитрой улыбкой спросилъ Сютяевъ. Старшина замаялся.

— Известно по духу. Сказано вѣдь: «угощайте всякаго гостя...» Старшина видимо былъ слабѣе Сютяева въ текстѣхъ и предпочитаетъ передавать ихъ своими словами.

— Ахъ не то! опять улыбулся Сютяевъ, осторожно потагивая съ блюдечка горячій чай. Угощать это надо, вѣрно!.. А ты скажи, откуда у тебя чай! Изъ лавки вѣдь своей. Значить ты торгуешь, барыши берешь.. значить не по духу! Нѣтъ.. не по духу!

Всѣ разсмѣялись. Сютяевъ смѣялся больше всѣхъ.

— Ну, и хлѣбъ тоже «не по духу» онъ собранъ? спросилъ я.

— Не по духу то же.. Вотъ ежели-бы земля была обчая, не дѣлая, значить, не полосами.. и хлѣбъ собирали бы вен выѣсть, обчій онъ былъ бы, тогда по духу было бы. А то теперь что? Вселя поровнѣ побольше себѣ надѣлать, отрѣзать, а то и апахать у соседа. Вотъ къ примѣру а! У меня съ двухъ сторонъ сусѣды есть. Полоска и такъ узкая. А они все запахиваютъ, да запахиваютъ. Такъ и тѣснятъ. Скоро и сусѣды меня запахаютъ... Онъ проявнесь это безъ намека даже злобы, али неудовольствія.

— А сколько у тебя десятинъ?

— Не знаю право... Старшина, сколько у меня земли? Не помнишь-ли?

Я съ трудомъ удерживала въ себѣ громкіе порывы восхищенія: такъ былъ и милъ, и бессознательно остроуменъ этотъ Сютяевъ; онъ опораживалъ теперь чашку за чашкой «въ прикуску», и ловко переворачивалъ пустыя чашки. Мы болтали о хозяйствѣ, о жизни, о дѣлахъ его; онъ говорилъ слегка небрежно, какъ человекъ, не по

своей охотѣ дѣлающей то, али другое, но говорилъ все также добродушно и весело. Я спросилъ его о Пашковѣ. Онъ сказалъ, что слышалъ уже о немъ давно, но не имѣетъ съ нимъ ничего «общаго», ибо тотъ и проповѣдуетъ вѣру, а не дѣла.

— Дѣловъ у него не надо-тъ... одна вѣра! Эва выдумали! Что-жъ онъ съ своей вѣрой-то подѣлаетъ? Чудной!

Я вѣриво пожалъ черную и твердую руку Сютяева, когда, уже далеко за полдень, мы собрались ѣхать.

— Мотри-же, пріѣзжай ко мнѣ!.. Безпримѣнно пріѣзжай! Уложу и угощу, и денегъ дамъ, коли надо... говорилъ онъ, любовно смотря мнѣ въ глаза.

— Постаравсь когда нибудь, даже скоро! вполне искренно обѣщалъ я ему.

— Потолкуемъ тогда! Можетъ и выйдетъ что...

— Далъ. А ребеночекъ-то? Я пріѣду только, когда возьмешь мени въ кумовья.

— Ладно.. Пріѣзжай только.. Можетъ и возьму...

Онъ заботливо проводилъ насъ до экипажа и еще разъ повторилъ приглашеніе.

Съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ я статью г. Пругавина. Прочелъ разъ, другой и съ полнымъ недоумѣніемъ сказалъ себѣ: «Что-жъ это я? Слона-то и не примѣтилъ?» Я вспомнилъ слово за словомъ весь разговоръ съ Сютяевымъ, и еще разъ убѣдился, какъ мало было общаго между Сютяевымъ, котораго я видѣлъ, и Сютяевымъ г. Пругавина. Цѣлыя фразы, цѣлыя тирады попадались мнѣ буквально тождественныя съ тѣми, которыя я самъ слышалъ, еще разъ подтверждая этимъ мое мнѣніе, насколько они у Сютяева заучены. Но радомъ съ ними, слѣдовали и такія, которыхъ я отъ Сютяева не слышалъ и не предполагаю возможности даже слышать. Онъ слишкомъ уменъ, законченна для поверхностнаго ума Сютяева. Онъ явно бьютъ на эффектъ, явно имѣютъ цѣлью заинтерговать читателя, дѣйствовать на его воображеніе, какъ таинственная завѣза таинственной драмы. Слабошъ, во всей статьѣ г. Пругавина, отъ первой до послѣдней строчки ея, проходитъ весьма нехудо скрытой нитью, одна предвѣтая мысль. Съ ней г. Пругавинъ пріѣхалъ въ Тверь, потомъ въ Торжокъ, потомъ въ деревни: Повѣдь,

Яково и Шевелино. Съ ней г. Пругавинъ избиралъ для своихъ бесѣдъ извѣстныхъ лицъ и съ ней вложилъ въ ихъ уста извѣстные слова. Словомъ вся статья г. Пругавина, отъ перваго до послѣдняго слова, есть искусный подборъ фактовъ, лицъ и словъ, поставленныхъ авторомъ въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстныхъ позахъ и въ извѣстномъ освѣщеніи, какъ труппа актеровъ, эффектно разставленныхъ на сценѣ опытнымъ режиссеромъ. Говоря проще, это есть подтасовка.

Сютаевъ г. Пругавина рисуетъ передъ читателемъ чѣмъ-то опредѣленнымъ въ своихъ взглядахъ, рѣчахъ и поступкахъ. При первой встрѣчѣ съ нимъ г. Пругавинъ проговорилъ съ нимъ ровно цѣлый день, т. е. отъ 7 и до 7 часовъ вечера. Остается позавидовать крѣпости нервовъ и желудка г. Пругавина, ублажавшаго себя и своихъ гостей, въ эти 12 часовъ, только однимъ чаемъ. Г. Пругавинъ не говоритъ, что это былъ за разговоръ. Только постепенно онъ дѣлится съ нами мудростью Сютаева, записывая, большею частью, буквально, какъ онъ увѣряетъ, тяжеловѣсныя тирады нашего доморощеннаго философа. Съ каждою страницей статьи видно, какъ усиливается вѣсть, какъ сгущаются краски, пишущія портретъ съ Сютаева. На послѣдней страницѣ, это совсѣмъ апостоль, вдохновенный свыше и прорѣзняющій таинство будущаго. Г. Пругавинъ видимо весь ежится отъ благоговѣнія и удивленія къ нему.

«Въ другомъ мѣстѣ», говоритъ г. Пругавинъ на предпоследней страницѣ статьи, «мы проѣзжали черезъ какое-то большое село. Длинными рядами тянулись маленькія, жалкія крестьянскія избы; среди нихъ рѣзко выдѣлялось два-три дома, выстроенные на городской ладъ, обитые тесомъ, ярко раскрашенные, съ разрисованными ставнями.

— «Чьи это дома?—спросилъ я Сютаева.

— «Эти?—Богачей миродовъ, вулаковъ по нашему.

Онъ поправилъ возжами веревочную шлею на пристяжной и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ старательно подчеркивая слова:

— «Тогда у всѣхъ такіе дома будутъ.

Я притворился, что не понимаю его намека и переспросилъ его, когда это *тогда*?

— «А когда устройство будетъ... Когда все общее будетъ... Вотъ когда!.. А теперь богачь-то на бѣднаго и глядѣть не хочетъ... Я

нимъ говорю, богачамъ-то забыли, что Христосъ въиношѣ сказалъ?.. Смотрите говорю! Капитала насъ не спасутъ, а только пушше загубятъ... Сютаевъ глубоко, всѣмъ сердцемъ, вѣрится въ то, что «устройство» рано, или поздно непременно водворится на землѣ...»

Скоро-же Сютаевъ потерялъ свою вѣру, ибо мнѣ онъ сказалъ «У насъ, въ Шевелинѣ, нельзя устроить такой «общей» жизни, невозможно... Можетъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ».

Послѣднія слова Сютаева, сказанныя г. Пругавину, какъ онъ увѣряетъ: несвязнымъ и растроганнымъ голосомъ», были:

— «Надо дознаваться, придетъ-ли Спаситель!»

Послѣднія-же его слова мнѣ были веселыя и сердечныя:

— «Пріѣзжай только... можетъ и окрещу...»

Очень ужъ измѣнился видно Сютаевъ въ послѣдніе два года.

Вокругъ Сютаева, какъ околомъ солнца, группируются, въ статьѣ г. Пругавина, другія лица, своею пошлостью, своею мелкотой и порочностью, долженствующія служить фономъ салчущему и жаждущему правды... Эти лица все сосѣди крестьяне и мѣстные священники. Этимъ послѣднимъ особенно достается отъ Сютаева, его дочери, сына и другихъ. Ихъ и за волосы таскали, и гнали, и били, и все это за яхъ «бестидство». Разговоръ самого г. Пругавина съ священникомъ села Яковова уже достаточно самъ по себѣ рисуетъ намъ симпатіи г. Пругавина. Что они не лежатъ къ служителямъ православной церкви—это болѣе чѣмъ ясно...

Изъ окружающихъ Сютаева, одинъ только Илья Ивановъ достоинъ развязать ремешъ у ноги Сютаева. Въ статьѣ г. Пругавина Илья Ивановъ изображенъ такъ:

«Меня поразило, говоритъ авторъ, цвѣтъ его лица—блѣдный, чуть не матовый, съ легкимъ землистымъ оттѣнкомъ; такія лица бывають у людей, которымъ долгое время держать въ тюрьмѣ, безъ свѣжаго воздуха и движенія...» Затѣмъ дальше: «Съ блѣднаго лица вдумчиво и нѣсколько грустно смотря большіе, выразительные глаза: на лбу глубокія морщины. Движенія его медленны, лицо серьезно, въ общемъ вся фигура весьма внушительна».

Ну, чѣмъ-же и этотъ не герой? Чѣмъ не апостоль?

А этотъ апостоль, который «ни синь пороха», по словамъ его сосѣдей, не понимаетъ ни въ грамотѣ, ни въ евангеліи, влявшійся третьяго дня къ намъ въ комнату, вслѣдъ за Сютаевымъ, грувно опу-

стлся на стуль и во все время нашего разговора не проронил ни одного слова, за то очень не умно хлопалъ и ворочалъ своими «падумчивыми и грустными глазами». Его баранье выраженіе лица достаточно уваживаетъ на ту роль, которую играетъ этотъ *первый* ученикъ при своемъ учителѣ-Сютаевѣ..

Еще нѣсколько и могъ-бы привести въ статьи г. Пругавина въ подтвержденіе его умшленнаго, или невольнаго искаженія истинны. Но для этого нужно бы было специально заняться ею, а это совсѣмъ не моя дѣль, да и скучно нѣсколько.

Скажу въ заключеніе, что Пругавинскаго Сютаева я не понимаю, не постигаю, между тѣмъ какъ своего, знакомаго мнѣ, я и постигаю, и люблю, и уважаю. Но люблю его вѣроятно не за то, за что любить и уважать его г. Пругавинъ. У него на первомъ планѣ отрицательная сторона вѣрованія Сютаева, у меня положительная. По мнѣнію г. Пругавина, хотя не выраженному въ статьѣ, но ясному изъ смысла ея, Сютаевъ силенъ и великъ духомъ разрушенія. Онъ облекъ эту сторону Сютаева во что-то дѣльное, послѣдовательное. Я же не могу смотрѣть на сютаевскія разрушенія иначе какъ на битву Донъ-Кихота съ мельницей и никогда не придаю-бы имъ серьезнаго значенія; вся оригинальность, вся прелесть Сютаева, по моему, въ его совидавіяхъ, въ его честной и трудовой жизни. Его мечты дѣтски чисты и прекрасны, его диспуты—дѣтскія наивны и плоски. Я, незадумываясь, пошлю Сютаеву все мое достоиніе, честь, какъ личности, по моему, идеально честной и чистой; но я всегда буду смѣяться, когда мнѣ стануть говорить про него, какъ про «основателя секты»..

Г. Пругавинъ могъ-бы значительно сократить для восстановленія истины, свою статью, а г. Рѣнинъ могъ бы и вовсе не писать своего портрета съ «основателя новой секты», или по меньшей мѣрѣ, не дѣлать подъ нимъ этой, визгливо-кричащей, наивной надписи *).

*) Портретъ Сютаева, дѣланный художникомъ Рѣнинимъ, былъ выставленъ на Московской выставкѣ.

Городъ Ржевъ.

На высокихъ берегахъ р. Волги, недалеко отъ истоковъ ея, живописно раскинутъ городъ Ржевъ — самый большой изъ уѣздныхъ городовъ въ Тверской губерніи и одинъ самыхъ большихъ и самыхъ красивыхъ уѣздныхъ городовъ въ Россіи. Городъ Ржевъ причисляется къ весьма древнимъ и носитъ названіе Ржева-Владимірова. Начало существованія его въ настоящемъ видѣ относятся къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія, когда, по повелѣнію Екатерины II, онъ былъ вновь отстроенъ на мѣсто стараго Ржева, тогда истребленнаго дотла пожаромъ. Отсюда и настоящій видъ его имѣетъ характеръ новыхъ городовъ, распланированныхъ по строгому Екатерининскому плану, съ прямыми, широкими улицами и громадными площадями. Городъ раздѣляется Волгой на двѣ части, какъ бы на два отдѣльные города, имѣющіе каждая свои торговые ряды или гостинице двори. Одна сторона еще съ древнихъ временъ называется «Князь-Федоровскою», а другая «Князь-Дмитріевскою». Въ административномъ отношеніи, какъ та, такъ и другая, раздѣляются на два участка и заведуются тремя надзирателями: «Князь-Дмитріевская» — однимъ, а «Князь-Федоровская» — двумя, сообразно ихъ величинѣ. Страница «Князь-Дмитріевская» расположена на правомъ, низшемъ берегу Волги и, охваченная ею правильнымъ кольцомъ, представляетъ собой какъ бы полуостровъ. Изъ оконъ моего номера, въ гостиницѣ Некрасова (единственной въ городѣ), красивомъ бѣломъ домикѣ, почти висящемъ надъ Волгой на крутизнѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, — вся эта сторона видна какъ на ладони. Это пунктъ, съ котораго можно бы сдѣлать чудный снимокъ. Глядя прямо передъ собой, вы видите только крыши домовъ, стѣны, зеленъ и далеко на

горизонтъ темную линію верхушекъ лѣса. Гдѣ кончается городъ, гдѣ начинаются поля, лѣсъ — этого здѣсь не видно, потому что мѣстность, хотя незамѣтно, но на самомъ дѣлѣ довольно высоко поднимается.

Прямо по серединѣ этого, наполненнаго домами, полуострова, идетъ прямой линіей дорога, правильно раздѣляя его на двѣ части. Это зубцовскій трактъ. Его сѣрая гладь, уставленная телеграфными столбами, терется вдали, у лѣса. Сторона лѣвая отъ тракта, если смотрѣть отъ меня, представляетъ собой, почти безъ исключенія, массу темненькихъ крышъ и сѣрыхъ, деревянныхъ стѣнъ, тонущихъ въ густой, темной зелени. То бѣднѣйшая часть города, или предмѣстья. Сторона правая, чѣмъ дальше отъ тракта, тѣмъ сплошнѣе пестритъ зелеными и красными и ярко-бѣлыми каменными стѣнами. Между ними тоже много зелени, но уже значительно меньше, чѣмъ въ предмѣстьи. Это лучшая, интеллигентная часть «Князь-Дмитріевской» стороны. Центръ ея очень ясно виденъ отсюда — обширная площадь, уставленная легкими лавочками и крестьянскими половами, между которыми вѣютъ темными пятнами кучи мусора и лужи грязи.

На площади этой стоятъ гостинный дворъ, длинное бѣлое зданіе, и противъ него небольшой и незатѣйливый Спасо-Преображенскій соборъ. Когда-то, во времена Старога Ржева, эта площадь и соборъ принадлежали къ «Спасо-Преображенской слободѣ», нинѣ не существующей уже.

Сейчасъ за Волгой отъ зубцовскаго тракта идетъ наискось широкая улица. Она пересѣкаетъ площадь и недалеко за гостиннымъ дворомъ поворачиваетъ и терется влѣво. Это лучшая улица «Князь-Дмитріевской» стороны; вокругъ нея группируются самые большіе и красивые дома. Эта улица, вмѣстѣ съ зубцовскимъ трактомъ, составляетъ треугольникъ, поверхность котораго отъ меня представляется волнующей площадью ярко-зеленыхъ крышъ, верхушекъ деревьевъ и множества бѣлыхъ трубъ.

Вотъ общій характеръ «Князь-Дмитріевской» стороны. Благодаря ровному и сравнительно низменному положенію, она вся стоитъ точно наповозь, начиная съ ряда красивыхъ домовъ по самому берегу Волги и кончая неясными верхушками лѣса. Ни одинъ уголокъ ея не скрытъ.

Въ этой части города первой очень немного сравнительно съ пространствомъ. Въ Торжкѣ онѣ прежде всего останавливаютъ вниманіе; тутъ ихъ замѣчаешь только потому, что онѣ такъ рѣдки. Прямо передо мной, немножко правѣе зубцовскаго тракта, точно выстрѣливаетъ вверху зеленая верхушка узкой и одинокой башни кирпичнаго цвѣта. Это башня единовѣрческой перекл, самая высокая, кажется, въ городѣ. Правѣе ея—два низкіе, едва замѣтные купола церкви духовнаго женскаго училища, основаннаго Мазуриной. Еще правѣе—серебряные купола Спасо-Преображенскаго собора, а за ними на самомъ горизонтѣ, зеленые купола Казанской церкви.

Слѣва довольно красиво рисуются высокая желтая башня и толстый куполъ Оковецкой церкви, а на краю города, за изгибомъ Волги и уже на другой сторонѣ ея, бѣлѣетъ Смоленская церковь. Изъ другихъ церквей въ городѣ болѣе обращаютъ на себя вниманіе соборъ и церковь Еватерини мученицы. Въ общемъ всѣ онѣ не представляютъ изъ себя ни замѣтнѣе древности, ни вообще чего нибудь особенно интереснаго. Во Ржевѣ ихъ 18. Монастырей нѣтъ ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ.

Возвращаясь опять къ виду на «Князь-Дмитріевскую» часть изъ моего окна, я долженъ сказать, что вся прелесть его заключается въ окраинахъ, въ рамкахъ, если такъ можно выразиться. Эти рамки составляетъ свѣтлая полоса Волги, тѣсно охватывающая эту часть Ржева справа и слѣва, насколько можетъ глазъ хватить; въ свою очередь, Волга охвачена высокими, почти крутыми берегами, вдали зеленѣющими яркой зеленью и мѣстами покрытыми лѣсомъ. Плоскій, спускающийся къ водѣ полуостровъ, гдѣ раскинута «Князь-Дмитріевская» часть, вправо и влѣво становится все выше и выше, такъ что тамъ, гдѣ рѣка терется за сушей, оба берега уже одинаково высоки и зеленая поверхность ихъ какъ бы сливается, поглощая въ себѣ блестящую струю Волги.

По сю сторону ея, на лѣвомъ краю горизонта, ютится сѣрая масса домиковъ, какъ бы оторванныхъ и перекинутыхъ на другой берегъ отъ «Князь-Дмитріевской» части. Домики эти частью лѣнятся по склону обрыва, отступающему здѣсь довольно далеко отъ рѣки и большаю же частью наполняютъ собой маленькій долъ, образующийся между крутизной обрыва и берегомъ. За ними смутно мелькаетъ опять полоса воды. Этотъ живописный уголокъ, тонущій въ густой

зелени, называется «Тетеринской слободой». Также красивъ и правый край горизонта. Тамъ глазъ упирается въ темную рошу, въ которой, точно робко, выглядываетъ бѣлоснѣжный домикъ съ ярко-зеленой крышей, а передъ нимъ такія же бѣлыя, каменные порога съ такими же зелеными крышками. Это имѣетъ видъ далекой усадьбы.

Еще одно красивое мѣстечко видно изъ моихъ оконъ, на той сторонѣ Волги. Почти къ самой водѣ спускается тоже зеленая рошица, огороженная бѣлой изгородью; между деревьями ея смутно видны очертанія строеній, а надъ ними невысоко поднимаются два деревянныя, пирамидальной формы, купола, окрашенные въ какой-то странный, пестрый цвѣтъ. Это Владимірское братство: Владимірское училище, богадѣльня и церкви. Правѣе его еще ниже къ водѣ, опять четырехъ-угольный зеленый и за нимъ мелькаютъ очертанія красиваго двухъ-этажнаго здания, скрытаго со стороны рѣки. Его изящная архитектура, разныя—обращаютъ на себя вниманіе. Это ремесленное училище Мазуриной. Въ довершеніе картины, долженъ сказать, что подъ моими ногами тянется черезъ Волгу деревянная мостъ, наведенный на низкихъ баркахъ. Онъ имѣетъ какою-то волнистую поверхность и ѣзда по немъ возможна только осторожнымъ шагомъ. Отъ моста, точно два луча, расходятся въ обѣ стороны два крутые подъема на этотъ берегъ, прорѣзанные въ горѣ, вымощенныя и огороженные. По нимъ то и дѣло осторожно спускаются и тяжело, съ криками и гикапіями, поднимаются разнаго рода повозки...

Меня очень заинтересовалъ граціозный домикъ и рошица на правой сторонѣ картины. Тамъ должно было быть такъ хорошо, уютно. Я не выдержалъ однимъ прекраснымъ утромъ и пошелъ къ домику. Идти надо было все берегомъ, и съ каждымъ шагомъ все шире и красивѣе открывался видъ изгибающейся Волги и ея прелестныхъ береговъ. День выпалъ ясный, солнечный, воздухъ тихій, хотя холодный. Домикъ, мимо котораго я шелъ, былъ деревянный, довольно убогий, но въ это время дня и на этомъ мѣстѣ можно было и ими заливаться. Съ каждымъ шагомъ городъ забывался; улица и постройки принимали видъ совсѣмъ деревенскій. Вотъ показался на Волгѣ островокъ, крохотный, зеленый; отъ него идетъ свѣтлой ливней плотина, загораживающая все теченіе рѣки; она упирается на этой сторонѣ въ маленькую, деревянную мельницу. Глухо доносится

сверху шумъ воды и крики людей. Нѣсколько дальше ея, на той сторонѣ Волги, зеленой террасой спускается по берегу длинная роша. То городской садъ, на самомъ краю города. За нимъ вдали бѣлѣетъ пагородъ Казанскаго кладбища и стѣны церкви... А прямо передо мной, все смѣлѣй и смѣлѣй показывался изъ-за деревьевъ таинственный бѣлый домикъ. Онъ въ два этажа, съ мезониномъ и съ широкимъ крыльцомъ. Кругомъ него и всей рошицы—высокій заборъ, за которымъ виднѣются крыши еще нѣсколькихъ построекъ. Словомъ, тутъ дѣлая усадьба, занимающая десятинъ десять земли. У перваго прохожаго узнаю, что этотъ живописный уголокъ принадлежитъ Тертію Ивановичу Филиппову—товарищу государственнаго контролера, ржевскому уроженцу и старожиалу. Онъ сюда каждое лѣто прѣѣзжаетъ съ семьей и проводитъ нѣсколько недѣль. Просто завидно стало такого мѣстечка.

Обойдя всю рошу, я повернулъ назадъ. Отсюда открылся видъ всего нагорнаго берега Волги, составляющаго «Князь-Федоровскую» часть. Точно громадная стѣна, плетъ она правильнымъ кругомъ надъ узкой лентой воды, надъ всей «Князь-Дмитріевской» стороной, и на немъ кайма домиковъ, ближе деревянныхъ, дальше каменныхъ, бѣлыхъ, тамъ и самъ прорѣзанная кучамя зелена. Въ этой каймѣ красиво выдѣляются: красное зданіе городской управы, съ двумя пожарными каланчами надъ ними въ формѣ башень и бѣлая громада собора. Въ общемъ, видъ восхитительный и очень оригинальный...

Жителей въ г. Ржевѣ, въ настоящее время, числится около 31,000 обою пола. Изъ этого числа, самая большая цифра приходится на мѣщанское сословіе—28,130 человекъ. Меньшая—на купцовъ—581 человекъ. Отсюда и понятенъ этотъ странный нѣсколько характеръ города и жителей его, въ общихъ чертахъ такъ разнящийся отъ характера сосѣднаго города Торжка. Тотъ городъ преимущественно купеческій, этотъ—мѣщанскій.

По вѣровисовѣданіямъ, первое мѣсто, послѣ православныхъ, принадлежатъ единовѣрцамъ и раскольникамъ. Ихъ около 6,560 человекъ, что составляетъ болѣе $\frac{1}{5}$ всего населенія. Въ этомъ отношеніи, Ржевъ особенно обращаетъ на себя вниманіе. Ни въ одномъ городѣ Тверской губерніи нѣтъ такого количества сектантовъ, такого видоизмѣненія всевозможныхъ сектъ и упорнаго, почти открытаго ихъ исповѣданія. Какъ ни старались мѣстныя власти препат-

ствовать развитію ихъ, какія мѣры на принимали,—все это неприносило никакихъ результатовъ, даже наоборотъ: усиливало рвеніе сектантовъ, а лицамъ преслѣдовавшимся давало одиѣ неприятности, границація съ опасностью жизни, или по меньшей мѣрѣ, поврежденія здоровья. Мнѣ рассказывалъ одинъ органъ ржевской полиціи, что нѣрѣдко онъ подвергался открытому нападенію за свое усердіе. Въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, у каждой-то мѣщанинъ, на другой половинѣ его, дверь съ дверью его, каждую субботу и воскресенье онъ постоянно слышалъ какое-то странное, заунывное пѣніе. Это пѣніе не давало ему покою. Вотъ однажды, онъ и подошелъ къ окну связанной квартиры и увидалъ въ просторной комнатѣ много собравшагося народу, преимущественно женщины. Всѣ онѣ стояли какъ въ церкви, кланялись и пѣли. Передъ аналоемъ-же стояла женщина, сама хозяйка квартиры, въ старомъ одѣяніи, съ кадильцомъ въ рукахъ, направлявшая, повидимому, обязанности пона. Богослуженіе тянулось очень долго и заключалось въ безконечномъ пѣніи и кажденіи. Оно не походило ни на раскольничье, ни на безпоповское. Что-то среднее между ними.

Органъ полиціи, исполняя свою обязанность, вошелъ въ молельню и хотѣлъ прекратить богослуженіе. Но.. еле-смогъ благо-родно отступить.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ, то доноси начальству, то дѣйствуя самолично съ такой же безуспѣшностью, рвеніе его, естественно, ослабло и чувство самосохраненія взяло верхъ.

Молельнѣ такого рода во Ржевѣ много, въ нѣкоторыхъ кварталахъ города онѣ идутъ рядами, чуть-ли не въ каждомъ домѣ, неслучайно у мѣщанъ. Всякіе самодѣльные пошпи, въ длинныхъ одѣяніяхъ и съ косичкой за плечами, слѣло разгуливають по городу. Въ случаѣ, если полиція останавливаетъ на улицѣ такого пошпа, требуя видоизмѣнить свою наружность, дѣло не обходится безъ открытаго сопротивленія. Въ болыпинствѣ случаевъ, многомъ собирающаея толпа отстаиваетъ преслѣдуемаго эксъ-пошпа и даетъ ему возможность скрыться.

Впрочемъ, я долженъ оговориться, что съ ослабленіемъ преслѣдованія на раскольниковъ (хотя они никогда и не преслѣдовались серьезно) и въ особенности съ дарованіемъ свободы раскольничеству, они видимо стали ослабѣвать въ своемъ усердіи. Не стало главного

смысла ихъ исповѣданія — предѣста заветнаго плода, а съ нимъ и силы, сплачивающей всегда всѣхъ гонимыхъ.

Раскольничья молельня и здѣсь, и въ Торжкѣ, когда-то богатая обильными жертвами, сившія благодѣніемъ, поражавшія строгостью и чинностью совершаемаго въ нихъ моленія,—нынѣ и обѣдѣли, и потускнѣли, а богослуженія годъ отъ году становятся короче. Я говорилъ по этому поводу въ Торжкѣ со старостой тамошней молельни, мѣстнымъ гунцомъ.

— Пова было гоненіе — были и жертвы, и молящіеся, говорилъ онъ мнѣ. А теперь, поди вонъ, и попу не изъ чего платить. Бѣдность одна, нищета... Да и молитыя перестали. Теперь кто ходитъ на службу?.. Нѣсколько чеховъкъ изъ города. А прежде, бывало, помѣститься не могли всѣ. У насъ въ уѣздѣ двѣ деревни большія раскольничьи. Прежде, бывало, всякое воскресенье, а то и субботу, чуть-ли не всѣ крестьяне пріѣзжали. А нынѣ въ большіе праздникі только съѣзжаются, да и то мало.

— У васъ вѣдь служба длинна очень! Можеть потому? возразилъ я.

— Кто ихъ знаетъ! Служба-то вѣрно длинна, да вѣдь прежде-то выставляли. А теперь и сокращенія пошли. Почитай теперь не длинѣе православной службы.. Нѣтъ!.. Усердія ужъ не стало никакого, потому что свободу дали. Это самая настоящая причина и есть, по моему..

Весьма любопытный фактъ! Вѣчно новал и вѣчно старая истина...

Не послѣднее мѣсто среди населенія города Ржева принадлежить и евреямъ. Ихъ тамъ насчитываютъ около 130 человекъ, количество не малое на городъ, гдѣ свободное проживаниеъ евреямъ запрещено. Весьма понятно, что они всѣ официально ремесленники, а неофициально гешефтмахеры. Квартирующій въ г. Ржевѣ драгунскій полкъ представляетъ въ этомъ случаѣ естественную пищу такимъ гешефтамъ. Впрочемъ, о нихъ весьма мало слышно и еще меньше ихъ видно. Ржевскіе евреи живутъ смирно, но.. видно и смиренный еврей все-таки еврей. Разудалые ржевскіе мѣщане-ремесленники, прослышавъ про еврейскіе безпорядки въ разныхъ мѣстахъ Россіи, придумали и своихъ жидковъ повололтить. Живо нашлись желающіе, составили планъ, назначили время (когда война отбываютъ лагерь), и ужъ разговоръ готовъ былъ разразиться, когда мудрые еврей-

чия пронюхали всю эту штуку и, смертельно перепуганные, бросились въ властямъ. Выстрыя и энергичныя шѣры полиціи скоро нашли главныхъ зачинщиковъ: кого арестовали, кому строго внушили:—и все осталось мирнымъ, а разошедшіеся по всему городу евреи стали стесаться и вновь основываться въ своемъ родномъ кварталѣ.

Г. Ржевъ, какъ я уже сказалъ, принадлежитъ къ новѣйшимъ городамъ. Это бросается въ глаза сразу, не только по планировкѣ улицъ, площадей, но и изъ характера его построекъ: легкая, нерѣдко вапачныхъ, но вообще мало прочныхъ. Тѣхъ маленькихъ «кѣрипостей», поражающихъ своей фундаментальностью, въ которыхъ обитаетъ новоторжское кулечество и которые однимъ своимъ видомъ внушаютъ что-то степенное, чинное, умнротворяютъ самыя бурныя температуры—здѣсь и помину нѣтъ. Какъ будто легкостью правды и безопасностью, граничащими съ разнузданностью, словомъ, чѣмъ-то чисто *современнымъ* дышетъ отъ этихъ, на скорую руку сколоченныхъ деревянныхъ, а часто и каменныхъ домиковъ, также сильно, какъ дышетъ стариной, солидностью и строгостью правды отъ домовъ г. Торжка.

Лучшіе дома помѣщаются на «Князь-Федоровской сторонѣ» — вѣругъ большой торговой площади, а на «Князь-Дмитріевской» — по Большой улицѣ.

Изъ частныхъ построекъ ни одна не обращаетъ на себя вниманія. Есть нѣсколько большихъ, болѣе или менѣе старинныхъ домовъ на торговой площади, но это исключенія. Большинство же — легкаго стила, чисто уѣздныя. Изъ общественныхъ зданій обращаютъ вниманіе: гостинныя двory, городская и земская управы. Гостинныя ряды можно назвать украшеніемъ г. Ржева. Особенно эффектенъ видъ этихъ рядовъ на «Князь-Федоровской» сторонѣ, посреди громадной площади, мало уступающей размѣрами петербургскому Марсову полю. Они даютъ характеръ объемамъ частямъ Ржева, двухъ самостоятельныхъ городковъ, живущихъ каждый своею *жизнью*.

Первый городской голова г. Ржева былъ Терентій Ивановичъ *Волосковъ*, знаменитый самоучка: богословъ, астрономъ, химикъ и механикъ. Въ тверскомъ музеѣ выставленъ его портретъ и часы его работы. Вѣроятно, многіе ужъ слышали про этого знаменитаго русскаго мужика, индѣ не учавагоса, очень мало выдавагоса и силой только руссвой сметки, русскаго глубокаго ума ставшаго въ ливню вели-

кихъ ученыхъ и мыслителей прошлаго вѣка. Онъ, какъ живой, глядитъ на портретѣ правосходной работы, съ его чисто руссвой осязкой, съ типичнымъ лицомъ, гдѣ мысль такъ и сивозитъ въ каждой складкѣ глубокихъ морщинъ, въ глазахъ и на высокомъ лбу, зачесанномъ жидкими, какъ мочалака, волосами.

Таковой же портретъ съ подписью виситъ и въ большой залѣ ржевской городской думы, живѣющей право гордиться своимъ первымъ представителемъ.

Терентій Ивановичъ Волосковъ родился въ 1744 году и умеръ въ 1807 году, на 63-мъ году отъ роду.

Г. Ржевъ, несмотря на свою величину, благоустройство и населенность, принадлежитъ къ весьма небогатымъ городамъ. Городъ, съ его 3047 домами, пользуется доходомъ всего въ 38,082 р. 97 к. И надо сказать, что это доходъ максимальный. Обложить городскіе дома большимъ оборомъ не представляется никакой возможности. Происходитъ это отъ того, что большинство домовъ города, по своей бѣдности, совсемъ освобождены отъ налога. И весь онъ, такимъ образомъ, падаетъ на сравнительно небольшое число лучшихъ, потерявшихъ интѣ, вслѣдствіе сего, всякую цѣнность. Во Ржевѣ, какъ и вообще въ уѣздныхъ городахъ, дома рѣдко строятся подъ отдачу квартиръ въ наймы. Зажиточные люди, если строятъ себѣ дома, то исключительно только для себя, сообразуясь съ своими потребностями, удобствами, съ своимъ хозяйствомъ. Словомъ, это маленькія усадьбы съ мезонинами, службами во дворѣ, садикомъ, а иногда и огородамъ. Квартыры въ такихъ домахъ отдаются въ рѣдкихъ случаяхъ, при выѣздѣ изъ города, или по знакомству. И плата за нихъ, вслѣдствіе сего, очень низка; для насъ, петербуржцевъ, она кажется просто ничтожной. Напр. цѣлый домъ, цѣлую такую маленькую усадьбу, стоящую по постройкѣ минимумъ 40,000 руб., можно интѣ за 400 р. въ годъ. Опять-таки, понятно, по какому случаю, потому что рѣдко кто разстанется съ роднымъ гнѣдомъ, гдѣ прожили цѣлыя поколѣнія его предковъ.

Представьте теперь себѣ, что эти дома, въ большинствѣ не приносящіе ихъ владѣльцамъ никакого доходу, обложены городскимъ оборомъ почти въ одну треть ихъ фятивнаго дохода. Т. е. каждый зажиточный горожанинъ, за право жить у себя въ домѣ, могушемъ, по городской оцѣнкѣ, принести 500 руб. доходу, платить почти 300

рублей въ годъ, т. е. половину той сумми, за которую онъ могъ бы нанять свою же усадьбу, не астранивши, очевидно, на постройку ея капитала въ 30—40 тысячъ. Ясно, что жить у себя въ домѣ получили право весьма немногіе зажиточные люди. Остальные продаютъ свои дома за одну четверть и меньше ихъ стоимости и предпочитаютъ нанять квартиры. Расчетъ весьма простъ. Затратившій 40,000 на домъ платитъ за него 200 р. въ годъ, не получая ничего дохода. Продавъ же его за 10,000 руб., онъ получаетъ съ нихъ процентовъ 600 р. въ годъ, а съ тѣми 200 рублей, которые онъ уже не платитъ городу, выходитъ и дѣлаетъ 800 руб. На половину ихъ онъ можетъ нанять себѣ требуемое помѣщеніе, другая половина, т. е. 400 руб., остается ему ежегоднымъ доходомъ. Выходитъ непостижимо странная, но математически вѣрная истина: чтобы жить безбѣдно, нужно прежде лишиться трехъ четвертей своего имущества.

Эту горькую, *уздную*, если можно такъ сказать, истину я пока наблюдалъ въ двухъ городахъ: Торжкѣ и Ржевѣ. Полагая, что въ другихъ городахъ, еще менѣе оживленныхъ и менѣе богатыхъ, она, силой логики, должна подтвердиться еще рѣче.

Кто виноватъ во всемъ этомъ, кого винить стонущіе подъ бременемъ этой истины горожане — трудно сказать. Большинство жалуется просто на «новые порядки», а эти новые порядки начались съ новыхъ городскихъ учрежденій, значить, и въ самомъ дѣлѣ винить не кого.

Городъ, получая 38,082 руб. доходу, расходуетъ 39,406 руб., значить, слышкомъ тысяча рублей дефициту, пополняемаго изъ ничтожнаго городского капитала. Весь этотъ дефицитъ цѣлкомъ образуется изъ содержанія воинскаго поста, гдѣ разнида между приходомъ отъ него и расходомъ достигаетъ до 1,500 руб. въ годъ. Изъ другихъ статей расхода, самыя большія: содержаніе управы—5,650 руб., содержаніе пожарной части—6,000 руб. и на народное образованіе—6,200 руб. О производности расхода по содержанію управы я имѣлъ возможность связать нѣсколько словъ въ описаніи г. Торжка. Это расходъ, вызванный исключительно введеніемъ новыхъ городскихъ учрежденій, вездѣ одинаковыхъ, и потому рассуждать о его пользѣ или вредѣ, при описаніи каждаго города, считаю излишнимъ. Больше исключительнымъ и разнообразнымъ представляется вопросъ о пожарной части городовъ. Ржевъ расходуетъ на эту часть срав-

нительно громадную сумму и расходуетъ, надо сказать, вполне осмысленно и производительно. При раскинутости г. Ржева (если не ошибусь, больше 8-ми верстъ въ окружности) хорошая пожарная команда представляется дѣломъ первой необходимости. Во Ржевѣ пожарная часть устроена по образцу оставшейся, давшей въ этомъ дѣлѣ блистательный починъ и примѣръ сосѣднимъ городамъ. Ржевское вольное пожарное общество, учрежденное съ надлежащаго разрѣшенія еще недавно, состоитъ нынѣ изъ 177 членовъ добровольныхъ, 120 рабочихъ за плату и 12 вольнонаемныхъ вучеровъ. Общество имѣетъ нижеслѣдующіе инструменты: трубъ 14, въ нихъ рукавовъ 60, дрогъ; лѣтнихъ 42 и зимнихъ 42, бочекъ 25, чановъ 1, ведеръ 19, черпаковъ 25, лѣстницъ 14, вилъ 6, топоровъ 32, ломовъ 7, щипцовъ 4. На пожарахъ тушеніемъ распоряжается распорядитель, подъ главнымъ наблюденіемъ уѣзднаго исправника, а члены работаютъ сами, съ помощью наемныхъ черноработчихъ. Всѣ члены этого вольнаго общества отъ времени до времени собираются на собранія въ городской думѣ, и обсуждаютъ тогда всѣ вопросы. Такого рода устройство пожарной части можно назвать образцовымъ, сообразно съ средствами и потребностями. Оно было бы и еще лучше, если бы городу не отказали въ его ходатайствѣ объ изданіи обязательнаго постановленія, по которому всѣ жители города, имѣющіе лошадей, обяваны высылать ихъ въ случаѣ пожара для вояки воды. Таковое постановленіе дѣйствовало уже разъ въ г. Ржевѣ, изданное 15 декабря 1880 года, московскимъ генералъ-губернаторомъ, когда Тверская губернія временно была влючена въ московскій округъ. Затѣмъ, съ отпаденіемъ ея, и это постановленіе потеряло силу, а министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду незаконности его въ общемъ смыслѣ, отказалось его утвердить. Нынѣ дума опять ходатайствуетъ объ изданіи таковаго постановленія, и такъ какъ это ходатайство идетъ отъ всѣхъ, безъ исключенія, жителей города, то надо надѣяться, что для Ржева будетъ сдѣлано исключеніе.

Очень малъ, чтобы не сказать мизеренъ, расходъ на содержаніе городской полиціи. Онъ простирается только до 2,800 рублей въ годъ. На эти деньги содержатся, какъ и въ Торжкѣ, городовые, полицейское управленіе и участковые надзиратели. Эти послѣдніе получаютъ по 46 руб. жалованья въ мѣсяцъ, въ которыхъ на 8 руб. должны содержать свою канцелярію и по меньшей мѣрѣ 12 р.

платить за квартиру. Таким образом на 26 руб. надо жить часто съ семьей. Трудно! Это содержание утверждено 20 лѣтъ назадъ, когда жизнь была вдвое дешевле, и съ тѣхъ поръ, несмотря на ходатайство губернатора, на очевидную невозможность жить однимъ содержанием, городъ не прибавилъ полиціи ни копѣйки.

А полиціи по Ржевѣ очень и очень много дѣла. Если въ Торжкѣ, при сравнительной скученности города и при мирныхъ нравахъ его населенія, весьма чувствительно ощущается недостатокъ полиціи, то во Ржевѣ, почти въ 2 раза большею по размѣрамъ и несравненно болѣе бойкомъ по темпераменту мѣщамъ, этотъ недостатокъ можетъ быть даже пагубнымъ. Въ этомъ 8-ми-веретномъ городѣ, всего 7—8 полицейскихъ постовъ. Цѣлямъ половина «Князь-Дмитріевской» части, заселенная преимущественно мѣщанами, самымъ буйнымъ народомъ, остается безъ полицейскаго поста. Отсюда естественно, что до поздней ночи шумъ, пѣсни, разгулъ и не только мирный гражданинъ, но и само полицейское начальство если рѣшается пройти тѣмъ мѣстомъ, то съ известной опаской. Да и будь тамъ одинъ, даже два городовыхъ, что имъ дѣлать? Или бѣжать отъ толпы, или быть ею побитыми — что не разъ и случалось въ богоспасаемомъ Ржевѣ! А что онъ богоспасаетъ, — это несомнѣнно, при такомъ положеніи вещей. Несомнѣнно также, что существующая тамъ полиція болѣе чѣмъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, если могла предупредить еврейскій погромъ, если можетъ и по-нынѣ уберегать городъ отъ открытаго грабежа и обезчизлы. Странно только, какъ городъ не выдѣлъ ни ходатайству начальнича губернатора — дать болѣе человѣческое содержаніе его охранителямъ, ни проекту его о введеніи конныхъ полицейскихъ чinovъ.

— Денегъ нѣтъ... говорили мнѣ на это. Проживемъ и такъ. Волъ дастъ...

Резонъ! — только могущій кончиться весьма печально.

Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, навѣ по величинѣ торговыхъ оборотовъ, такъ и по разнообразію различныхъ отраслей торговли и промысловъ, г. Ржевъ далеко уступаетъ сосѣдному съ нимъ г. Торжку. Богатаго и тороватаго купчества, какъ я уже сказалъ, во Ржевѣ нѣтъ. Торговля и промыслы сосредоточены почти исключительно въ рукахъ у мѣщанъ и крестьянъ, и обороты ихъ такъ незначительны, что на нихъ нельзя и останавливаться. Прибы-

лей только хватаетъ на пропитаніе, а капиталовъ и капиталистовъ въ городѣ почти нѣтъ. Главнѣй отпускъ товаровъ составляютъ: ленъ, льняное сѣмя, овесъ и пеньковыя пряжи для канатныхъ заводовъ. Сообразно съ этимъ, въ городѣ существуетъ пенькопрядильныхъ заводовъ 13 и льнотрепальныхъ 2. Изъ другихъ заведеній и заводовъ въ городѣ, сообразно количеству ихъ, можно упомянуть о красильныхъ заведеніяхъ—6 и о гончарныхъ заводахъ—3.

Главный промыселъ бѣдныхъ жителей города — витье веревокъ изъ пеньки. Этотъ промыселъ преимущественно кустарный и итаетъ тысячи жителей Ржева. Онъ развитъ здѣсь до весьма широкихъ размѣровъ и придаетъ городу довольно исключительный характеръ.

Витье веревокъ производится на улицахъ, способомъ первобытно-простымъ.

У начала улицы, подъ открытымъ небомъ, или подъ деревяннымъ легкимъ навѣсомъ, устанавливается самая *машинка*, если это слово не будетъ слишкомъ громко для рѣбячески-пустаго приспособленія. Машина вся состоитъ изъ деревяннаго колеса, приводимаго въ движеніе за ручку однимъ человекомъ. Колесо это на наружной поверхности своей имѣетъ зубцы, которые приводятъ въ вращательное движеніе ряды крючковъ, за которые зацѣпляется начало веревки. Крючковъ этихъ бываетъ весьма различное количество, сообразно количеству рабочихъ и величинѣ производства. Затѣмъ, отъ этой машины, вдоль всей улицы, идетъ рядъ стоекъ, съ перекладными между ними, гдѣ вбиты тоже крючки, но неподвижные, сообразно съ количествомъ движущихся крючковъ. Это имѣетъ видъ длиннаго ряда воротецъ и придаетъ улицамъ весьма своеобразное вѣщаніе; послѣднее приспособленіе чисто для удобства. Съ технической стороны это все, что можно сказать о веревочномъ производствѣ. Самый же способъ его таковъ: работникъ запасается пенькой, обматывая ее вокругъ себя, зацѣпляетъ кусокъ ея за вертающуюся крючекъ в, сжимая и сглаживая въ рукахъ (на нихъ надѣты рукавицы) ленту пеньки, онъ постепенно отступаетъ. Чтобы готовая веревка не оускалась тяжестью своей къ землѣ, онъ, проходя подъ каждымъ такимъ воротцемъ, быстро наподвываетъ ее на крючекъ сверху. Такъ проходитъ онъ разстояніе отъ 20—70 сажень, смотря по длинѣ веревки, все время одной рукой крѣпко сдвинувъ вьдущую нить, а другой — разматывая кругомъ себя и выравнивая волокна пеньки.

Это, повидимому, простое дѣло требуетъ, однако, не малата навыка, даже искусства. Рабочій долженъ сосредоточить все свое вниманіе на разматываніи и вырываніи пеньки, чтобы въ каждый данный моментъ захватить ее въ руку не больше и не меньше. Чуть онъ залялел, скользяннй глубокъ пеньки проходитъ черезъ его руку, вьется я на веревкѣ получаютъ бугры, неровности, дѣлающія ее неудобной. Въ другой разъ, волокна пеньки задрѣпаются за платье, работники во-время не приостановятся, и получается тонкая нить, часто тутъ-же обрывающаяся. При всемъ вниманіи рабочаго, эти случаи нерѣдки, и тутъ-то можно любоваться ловкостью его, когда въ одинъ мигъ, онъ или самъ обрываетъ неровную часть веревки, или подымаетъ оборвавшійся конецъ ея, въ другой мигъ прикладываетъ къ ему кусокъ пеньки, сжимаетъ ихъ вмѣстѣ,—и вотъ веревка вырослась точно живая, все растетъ, и нить малѣйшаго слѣда на ней неровности.

Во Ржевѣ есть заведенія подобнаго рода, гдѣ работаютъ разомъ нѣсколько десятковъ рабочихъ; они принадлежатъ богатымъ мѣщанамъ и купцамъ. Рабочіе получаютъ большею частью съ платой за выработку, т. е. платится копѣекъ 5—6, если не ошибаюсь, за разъ пройденный кусокъ веревки, сажень въ 70—80. Хорошій рабочий можетъ пройти въ день около 25 разъ, слѣдовательно заработокъ его достигаетъ до 1 р.—1 р. 50 к. Гораздо-же больше заведеній подобнаго рода маленькихъ, принадлежащихъ бѣднымъ мѣщанамъ и крестьянамъ, гдѣ работаетъ 3—4 человѣка. Покупаютъ они пеньку послѣдняго качества и свиваютъ веревки не длиннѣе 20—30 сажень, довольно грубой вслѣдствіе того отдѣлки. Нѣсколько такихъ веревковъ они свиваютъ въ одну и продаютъ на канатныя фабрики, съ сажени. Выручка ихъ этимъ тоже достигаетъ до 1 руб. въ день.

Веревочное производство на улицахъ, представляясь повидимому неудобнымъ (оно отымааетъ у многихъ улицъ почти половину шарнирнхъ), не стѣсняетъ однако жителей г. Ржева. Пѣшеходы и ѣдущіе свободно продвигаются возлѣ такого рода сооружеій, и ни мало не жалуются на тѣсноту. Да и смѣшно было-бы жаловаться этимъ ряднымъ прохожимъ и проѣзжимъ, когда это производство кормитъ массы голоднаго люда и даетъ городу не послѣдній доходъ.

Работы по выдѣлкѣ веревковъ производятся только въ теплое время. Зимой, асъ эти рабочіе и наемные, и собственники, занимаются на пенькопрядильныя и льнотрепальныя фабрики.

Въ 2-хъ верстахъ отъ Ржева, на берегу рѣки Волги, находится ржевская пшечбумажная фабрика, или, такъ называемое, товарищество ржевской пшечбумажной фабрики Образцова. Фабрика состоитъ изъ большаго каменнаго корпуса, собственно фабричнаго, и нѣсколькихъ деревянныхъ флигелей, подъ конторой, квартирами служащихъ и бараками рабочихъ, — красиво раскинутыхъ по отлогому берегу Волги, между сосновой рощей. Другой берегъ Волги круто виситъ надъ водой, и его линия, изгибающаяся вслѣдъ за рѣкой и темнѣющая густымъ лѣсомъ, представляется отсюда очень живописной.

Управляетъ фабрикой англичанинъ, человѣкъ почтенный и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ. Благодаря его обстоятельнымъ объясненіямъ, хотя проносимымъ на трудно-понимаемомъ, ломанномъ русскомъ языкѣ, я имѣю возможность изложить здѣсь краткій ходъ производства бумаги, начиная отъ разборки тряпокъ и кончая упаковкою тысячи стогъ всѣхъ сортовъ бумаги. Это производство такъ интересно по своей простотѣ, что я рѣшаюсь на немъ нѣсколько остановиться, рискуя даже возбудить скуку у тѣхъ изъ читателей, которымъ оно хорошо извѣстно.

Тряпки получаютъ фабрикой громадными тюками, большею частью изъ Нижняго-Новгорода. Фабрика потребляетъ ихъ болѣе 100 тысячъ пудовъ въ годъ, плата за пудъ, смотря по качеству, отъ 1 р. 35 к. и до 2 р.

Первое отдѣленіе фабрики и первая инстанція производства бумаги,—это отдѣленіе *сортировочное*. Оно помѣщается въ отдѣльномъ флигелѣ, въ два этажа, и представляетъ изъ себя двѣ обширныя залы—вверху и внизу. Онѣ уставлены кругомъ и по серединѣ—рядомъ деревянныхъ темныхъ станковъ, на которые навалены груды тряпокъ и за которыми сидятъ множество женщинъ. Тюки тряпокъ навалены также на полу, такъ что пробираться въ этихъ залахъ очень трудно. Полъ, потолокъ, стѣны, столы—все это темно подъ слоемъ густой пыли, также какъ лица и одежда работницъ. Эта мелкая, ѣдкая пыль, несущаяся отъ грязныхъ, ссохшихся тряпокъ, чуть только трнешь ихъ, столбомъ стоитъ въ воздухѣ и затрудняетъ дыханіе. Эти разноцвѣтныя лохмотья, неизвѣстно кому принадлежавшія, отъ чего оторванныя, въмѣ носими и чѣмъ запачканныя, должны вселять невольное отвращеніе всякому новому посѣтителю. Работать надъ ними—нужно большаго мужества и отсутствія всякой брезгливости.

Однако работает тамъ 94 женщины, преимущественно молодыя, нерѣдко и красивыя, такъ называемыя—*сортировщицы*.

Съ изумительной быстротой, ловкостью и навыкомъ копаются онѣ въ грудяхъ всякаго старья, ошупью и глазомъ опредѣляютъ качество всякой тряпки, вырываютъ ее изъ мѣшка, расправляютъ, обрѣзаютъ тутъ же на рѣзакѣ всякія негодныя части: тесемки, пуговицы, истрепанные края и проч., и швыряютъ ихъ въ разные кучи, по сортамъ. Такихъ сортовъ тряпокъ 23. Шутка сказать!.. Въ этомъ хламѣ дряни, сплошь грязной, отвратительной, найти еще двадцать два разныхъ сорта, сообразно тонкости, достоинству, цѣбѣ и степени поношенности матеріи... И это, не задумываясь, не рассматривая, а только взглянувъ и дотронувшись! Искусство не малое... Такимъ образомъ рассортированныя тряпки рубятся на мелкие куски въ *рубильномъ* отдѣленіи и затѣмъ поступаютъ въ главное отдѣленіе—*тряпковарочное*.

Это отдѣленіе есть самая важная часть устройства фабрики. Отъ того, какъ тряпка сварится, насколько она очистится отъ всякихъ примѣсей (грасовъ), насколько она размягчится и обратится въ густую, однообразную массу, — зависитъ дальнѣйшая обработка ея, качество и сортъ бумаги.

Тряпковарочное отдѣленіе состоитъ изъ двухъ большихъ помѣщеній: верхняго—гдѣ сваливаютъ тряпку и накладываютъ ее въ отверстія котловъ, и нижняго—гдѣ стоятъ самые котлы. Верхнее помѣщеніе очень свободно. Сейчасъ у входа въ него, въ полу, продѣлано пирамидальное отверстіе—*воронка*; одинъ рабочій все время стоитъ тамъ и закидываетъ въ трубу, идущую подъ поломъ, присланную ему тряпку. Эта труба соединяется съ котломъ, верхушка котораго видна неподалеку отъ воронки. Другаго устройства въ верхнемъ помѣщеніи нѣтъ. Въ нижнемъ же, гораздо большемъ, куда ведетъ шаткая деревянная лѣстница, помѣщаются самые котлы. Ихъ тамъ три. Это громадные, желѣзные цилиндры, идущіе отъ стѣны къ стѣнѣ въ горизонтальномъ направленіи и посредствомъ машины все время медленно вращающіеся. Процессъ варки тряпокъ въ нихъ производится паромъ, впускаемымъ въ котель изъ верхняго отверстія, того, которое видно въ верхнемъ помѣщеніи. Тряпка варится, такимъ образомъ, сутки и болѣе, смотря по сорту, какой хотятъ имѣть.

Сваренная тряпка, въ видѣ однообразной темной массы, гдѣ нѣтъ ужъ ни кусковъ, ни ткани, которую можно легко рвать, поступаетъ въ такъ-называемое *рольное отдѣленіе*, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, для получения самыхъ высокихъ сортовъ массы, она тутъ же, въ тряпковарочномъ отдѣленіи, подвергается тщательному мытью и размельченію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сваренную тряпку накладываютъ въ длинное, шестигранное сито или рѣшето, которое лежитъ горизонтально на подставкахъ. Внутри этого сита, по каждой грани его, идетъ рядъ длинныхъ иглъ, а съ наружной стороны проведена во всю длину сита металлическая труба со множествомъ отверстій, направленныхъ на грани. Эта труба водопроводная. Съ одного отверстія сита накладываютъ тряпку, съ противоположнаго, по мѣрѣ готовности, она выпадаетъ. По средствомъ безконечнаго ремня, проведеннаго отъ главной машины, приводятъ сито въ вращательное движеніе и, отвернувъ грань, спускаютъ воду. Вода изъ трубы, десятками тонкихъ струй бьетъ на грани сита и черезъ отверстія ихъ проходитъ внутрь, омываетъ тряпку и тѣми же отверстиями стекаетъ внизъ. Въ то же время, быстрое вращательное движеніе сита переиживаетъ въ немъ тряпку, даетъ возможность лучше омыться ей, а частыя иглы внутри треплютъ и раздираютъ крупныя части всей этой массы. Работа на этомъ ситѣ производится весьма рѣдко, въ виду сравнительно малыхъ размѣровъ его и медленности.

Обыкновенно же, сваренная тряпка омывается въ *рольномъ* отдѣленіи, посредствомъ ряда рольныхъ машинъ; онѣ представляютъ изъ себя большихъ размѣровъ чаны, куда сваренная тряпка навалывается особымъ способомъ и гдѣ все время она находится въ вращательномъ, немножко даже волнообразномъ движеніи. Эти машины состоятъ изъ двухъ отдѣленій: верхняго, откуда наваливается тряпка, наливается вода или смѣшанная жидкость, и гдѣ сосредоточена движущая сила, и нижняго—большаго, круглаго чана, гдѣ моется эта тряпка. Изъ верхняго въ нижнее отдѣленіе надо спуститься по нѣсколькимъ ступенямъ.

Рольныхъ машинъ на фабрикѣ 5—6; онѣ идутъ длиннымъ рядомъ въ нижнемъ ея помѣщеніи. Въ нихъ постепенно смывается и обмывается бумажная масса, начиная отъ первой машины, гдѣ она промывается только чистой водой, сохранивъ еще грязный цѣбъ, затѣмъ прохода другими машинами черезъ разные смѣси, какъ-то:

хлоръ, известнякъ, купоросное масло и проч. и кончая, наконецъ послѣдней машиной, откуда получается уже *товарный ролей*—чистая, бѣлая и мягкая, какъ снѣгъ, масса. Любопытно видѣть, какъ постепенно, почти незамѣтно, въ каждой изъ этихъ машинъ видоизмѣняется бумажная масса, и какая громадная разница между ея первоначальнымъ видомъ, только поступающимъ въ рольное отдѣленіе, и окончательнымъ, называемымъ *товарный ролей*.

Товарный ролей поступаетъ въ отдѣленіе *отдѣльное*, гдѣ онъ складывается въ *колодцы*. Это отдѣленіе представляетъ собой длинную галлерею, открытую сверху, въ видѣ корридора, по бокамъ котораго устроены посредствомъ перегородокъ такъ называемые колодцы, подобіе вагеновъ въ хлѣбныхъ амбарахъ. Въ нихъ сваливается по сортамъ готовая уже бумажная масса и вліаніемъ лучей солнца и свѣта, она сохнетъ и окончательно обѣляется. Здѣсь лежитъ она 3 — 4 сутокъ, смотри по требуемой бѣлизнѣ, и затѣмъ переносится въ отдѣленіе бумажное, прямо на видѣлку бумаги.

Это послѣдняя станція изготовленія бумажной массы, которая, такимъ образомъ, получается изъ тряпокъ въ 5—6 сутокъ. Это отдѣленіе на фабрикѣ выстроено вновь, деревянное, чистое и, вслѣдствіе обилія свѣта, веселое—если можно такъ выразиться. Въ немъ какъ и въ рольномъ отдѣленіи, сильный специфическій запахъ хлора съ разными примѣсями.

Собственно *бумажная* машина—это самая любопытная часть устройства писчебумажныхъ фабрикъ. На Ржевской фабрикѣ ихъ, только одна, въ непродолжительномъ же времени предполагается приобрести и другую. Онѣ очень дороги по своей величинѣ и сложности. Такая машина представляетъ собой въ сущности рядъ механическихъ машинъ, только искусно соединенныхъ между собой. Вотъ ея главные части: отверстіе, куда наливается масса, потомъ длинная сѣтка, натянутая въ наклонномъ положеніи, потомъ также натянутое сушко, валъ, навивающій на себя первую бумагу, потомъ цѣлый рядъ цилиндровъ, согрѣваемыхъ внутри паромъ и называемыхъ *сушилными*, потомъ *вентиляторы*, потомъ *голландры* и наконецъ послѣдній валъ, называемый *мотовильнымъ аппаратомъ*.

Твердая бумажная масса, получаемая изъ обѣлочнаго отдѣленія разбавляется водой и въ видѣ гущи (какъ крахмалъ) сливается особымъ способомъ на сѣтку бумажной машины. По ней она, силой напора

обѣжить съ большей или меньшей скоростью, постепенно теряя чрезъ сѣтку и быстроту движенія частицы воды. Съ каждымъ дюймою пройденнаго расстоянія по сѣткѣ, тонкій слой массы становится плотнѣе, частицы ея, такъ сказать, тѣснѣе срачиваются. Передъ самымъ концомъ сѣтки, гдѣ начинается уже сушко, помѣщается снизу невидимый насосъ, въ видѣ длинной параллельной трубы; отсюда слой массы вдругъ обращается въ листъ бумаги, еще рыхлый, мокрый, но вполне ясно различаемый на бѣдомъ снѣгѣ, по которому онъ обѣжить, уравниваясь и окончательно уплотняясь.

Насосъ—это главная часть машины. Присутствіе его сразу замѣчается по рѣзкой чертѣ, образующейся въ этомъ мѣстѣ на поверхности бумажной массы. А черта эта образуется отъ того, что блестящая поверхность жидкой массы, въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе моментальнаго высасыванія изъ нея воды, становится матовой. И эта мгновенная пережѣна такъ рѣзка, что не можетъ не обратить на себя вниманія. Нужна громадная сила насоса, чтобы въ какую-нибудь тысячную долю секунды успѣть втянуть въ себя почти всѣ частицы воды изъ бѣгущей надъ нимъ, съ огромной скоростью, массой (проходить въ 1 минуту 160 футовъ). Эта черта насоса — есть черта, за которой начинается уже обработка самой бумаги.

Пробѣжавъ по сушку и по первому валу, она, уже плотная, навивается на цилиндры «сушилныя». Пройдя цѣлую систему ихъ и получивъ надлежащую упругость, бумага проходитъ, для окончательной просушки, еще черезъ «вентиляторы», затѣмъ навивается на голландры — мѣдные цилиндры, большой прочности (американскіе), получаетъ на нихъ глянецъ (если дѣлаютъ атласную бумагу) и наконецъ, совсѣмъ готовая, наматывается на *мотовильный* аппаратъ, тоже въ видѣ цилиндра.

Все это путешествіе по машинѣ, длиной сажень въ 15-ть, бумажная масса, а потомъ бумага, совершаетъ не болѣе какъ въ 5-ть минутъ. Въ этотъ промежутокъ времени, жидкая масса, налитая на сѣтку машины, превращается въ бумагу, начиная отъ самой грубой, сѣрой и кончая лучшими сортами толстой, слововой бумаги. Эти сорта зависятъ прежде всего отъ качества массы, но кромѣ того еще и отъ самаго способа работы на бумажной машинѣ. Худшіе сорта бумаги пропускаютъ по ней сорбѣе и не пропускаютъ вовсе черезъ «голландры». Вслѣдствіе сего, они получаютъ тоньше, не-

брежнѣ высушены и шероховаты. При выдѣлкѣ лучшихъ сортовъ, бумажную массу пускаютъ медленнѣе, отчего слой ея становится толще и вся дальнѣйшая обработка его тщательнѣе. Голландры-же придаютъ ему красоту и гладь. Очевидно, тутъ расчесть времени, и потому, несмотря на то, что какъ хорошая, такъ и худшая бумага дѣлается почти одинаково, фабриктъ выгодно дѣлать худшую, потому что она дѣлается гораздо скорѣй.

Листъ бумаги навивается на послѣдній «мотовильный» цилиндръ безконечной лентой, равной ширинѣ, не шире 75-ти дюймовъ. Эти цилиндры, по мѣрѣ наполненія ихъ, смѣняются новыми, въ сутки такихъ цилиндровъ смѣняютъ болѣе 50-ти, что составляетъ 300—325 пудовъ бумаги.

Для приданія бумагѣ послѣдняго ея вида, эти цилиндры переносятъ и вставляютъ въ *бумажно-тряпичную* машину, гдѣ, помощью вертлящагося ножа-рѣзака, широкая и безконечная лента бумаги раздѣляется пополамъ вдоль и, черезъ извѣстные промежутки, въ поперекъ.

Такимъ образомъ получаютъ листы обыкновенной бумаги, которые подбираются и аккуратно складываются, работающими у этой машины, мальчиками.

Послѣднее отдѣленіе фабрики—это сортировка бумаги. Здѣсь самое большое и чистое помѣщеніе. Работаютъ женщины, преимущественно дѣвочки, аккуратно перебирая каждый листъ, осматривая ихъ и складывая по сортамъ. Смотри по измятости, по шероховатости, по сорнякамъ, которые попали въ бумажную массу, онѣ откладываютъ эти листы къ худшимъ сортамъ, или даже въ бракъ. Здѣсь-же, весьма простымъ способомъ, посредствомъ скатки между цинковыми листами и глазируется бумага для конвертовъ.

Разсортированная бумага складывается въ стоиы, эти стоиы сжимаются въ большихъ прессахъ, завертываются, и отсылаются. Вотъ въ общихъ чертахъ все производство бумаги.

На Ржевской фабриктѣ работаетъ около 220 человекъ, больше женщявъ, изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно ржевцы. На работы они въ большинствѣ случаевъ приходятъ, и только 20 семействъ живутъ въ фабричныхъ баракахъ. Женщины работаютъ въ обояхъ сортировочныхъ отдѣленія фабрики; по сортировкѣ тряпокъ и сортировкѣ готовой бумаги. За сортировку тряпокъ, онѣ по-

лучаютъ съ пуда: за собственно сортировку—2 коп., за рѣзку тряпокъ—6 коп. За сортировку бумаги онѣ получаютъ постоянно, смотря по формату и качеству работы, отъ 1½, — 10 коп. за стопу. Работа въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ, однородныхъ по названію, въ сущности представляеть громадную равнцу по трудности ея. Въ одномъ отдѣленіи грязь, удушье, суета, въ другомъ—чистота, хороший воздухъ и тишина. Сортировщицы бумаги могутъ считать себя счастливыми, въ сравненіи съ сортировщицами тряпокъ.

Мужчины работаютъ во всѣхъ остальныхъ отдѣленіяхъ фабрики и получаютъ: мастера 1 р.—1½ р. въ сутки, а рабочіе—лучшіе до 1 р. въ сутки, худшіе 45—50 копѣекъ. Рабочіе обставлены администраціей фабрики хорошо. Въ случаѣ заболѣванія, они летятъ на счетъ фабрики и получаютъ, кромѣ того, во все время болѣзни половинное содержаніе. Въ случаѣ увѣчья, полученнаго на фабриктѣ, имъ дается пожизненный пенсіонъ, обеспечивающій ихъ существованіе. При фабриктѣ имѣется небольшая аптека и фельдшеръ.

Работы на фабриктѣ производятся день и ночь, двумя сѣнами, смѣняющимися въ 6 часовъ вечера и 6 часовъ утра. Оборотъ фабрики, приблизительно, около 500 тысячъ, стоимость ея съ новыми постройками—около 600 тысячъ. Существуетъ фабрика съ 1875 года, когда она была основана здѣсь мѣстнымъ помѣщикомъ Образцовымъ.

Производство бумаги, съ прибыттемъ новаго управляющаго, англичанина, значительно улучшилось и теперь его можно назвать образцовымъ. Сбытъ ея оловный—въ Москву и С.-Петербургѣ, при чемъ въ послѣднемъ существуетъ и специально магазинъ Ржевской писчебумажной мануфактуры, помѣщающійся въ Гостиномъ дворѣ.

Ржевъ принадлежитъ къ городамъ достаточно обеспеченнымъ въ смыслѣ развитія благотворительности какъ общественной, такъ и частной. Изъ общественныхъ благотворительныхъ учреждений, во Ржевѣ находятся: а) сиротскій домъ, управляемый дамскимъ обществомъ; б) Владимірское братство, помѣщающійся въ Гостиномъ дворѣ; владимірская богадѣльня, для призванія немущихъ престарѣлыхъ жителей г. Ржева, и трехклассное училище для бѣдныхъ дѣвочекъ, и в) земская больница, содержащая на средства земства. Изъ частныхъ благотворительныхъ учреждений во Ржевѣ существуютъ два училища, основанныя и содержимыя на средства знаменит-

той Мазурной и Булахъ: женское училище для дѣвицъ духовнаго званія и ремесленное училище для бѣдныхъ дѣвицъ.

Самое отрадное впечатлѣніе, въ всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, производитъ сиротскій домъ. И это впечатлѣніе чѣмъ сильнее, тѣмъ отраднѣе, сравнивая сиротскій домъ во Ржевѣ съ сиропитательнымъ заведеніемъ г. Торжка. Новоторжское сиропитательное заведеніе является просто безобразнымъ нарядомъ съ ржевскимъ сиротскимъ домомъ. Начиная съ вѣшняго вида зданія, кончая видомъ самихъ малютокъ, насколько тамъ все убого, грязно, уныло, настолько здѣсь — богато, чисто и весело.

Сиротскій домъ во Ржевѣ помѣщается въ красивомъ, двухъ-этажномъ каменномъ зданіи, на чистой и широкой улицѣ. Пройдя черезъ калитку воротъ, входящихъ на небольшой дворъ, чисто вымощенный, вокругъ котораго группируются кохлѣйственныя пристройки. Направо сейчасъ подъѣзды, ведущіе въ просторныя сѣни и, по широкой, вновь выкрашенной лѣстницѣ, во второй этажъ. Тамъ помѣщаются дѣти старшихъ возрастовъ, начиная отъ «ползуновъ» и кончая 11-ти-лѣтнимъ возрастомъ. Тамъ ихъ спальни, столовая, классъ, тамъ и большая рекреаціонная зала, служащая также и заломъ за сѣданій комитета. Эта зала, въ которую входилъ прямо изъ передней, поражаетъ своей чистотой, своимъ «благотѣпіемъ». Посреди нея стоитъ большой столъ подъ краснымъ сукномъ, кругомъ него чинно расставлены стулья. Паркетный лоснящійся полъ, стѣны, обитыя бѣлыми частыми обоями, подоконники и рамы, блестящія бѣлѣной, масса свѣту, врывающагося съ улицы черезъ четыре окна, дѣлаютъ залу веселой и уютной.

Спальни дѣтей даже роскошны. Это большія и высокія комнаты, окрашенныя въ темную масляную краску, въ которыхъ, скорѣе слишкомъ широко, чѣмъ тѣсно, расставлены дѣтскія кровати. Всѣ кровати темно-коричневаго цвѣта, частіями, почти новыя, съ высокими боками. На нихъ аккуратно, съ педантичною строгостью, разостланы постельки: крошечныя матрасики, подушечка и крошечныя одеяльца. Здѣсь также много простора, свѣта и воздуха.

Я вріѣхалъ въ заведеніе къ обѣду и съ большимъ удовольствіемъ последовалъ за трапезой малютокъ. Въ столовой стоятъ два низкіе стола, кругомъ которыхъ, на еще болѣе низкихъ скамейкахъ, сидѣла вся эта армия малюгунцовъ и дѣвочекъ. Прежурительное врѣлище

Глядя на нихъ съ высоты обыкновеннаго человѣческаго роста, видишь только ряды головокъ, точь въ точь похожихъ одна на другую. На дѣвочекъ, на мальчишковъ, на возрастовъ тутъ не отличишь; эти сѣрыя, мышьянаго цвѣта, съ разными оттѣнками, головки, всѣ коротко подстриженныя, лоснящіяся чистой, эти бѣлые лобки и румяныя щечки, замаранныя кашей, масломъ; эти нависныя, широкіе дѣтскіе взоры, уставленные съ провищающимъ любопытствомъ на незнакомаго гостя, и маленькія деревянныя ложки, полныя кашей, проносимыя въ это время, съ неподражаемымъ комизмомъ, мимо рта, — все это вмѣстѣ представляло картину, достойную хорошей кисти.

Я подсѣлъ въ столу мальчишковъ (другой столъ занятъ былъ дѣвочками, которыхъ я узналъ только по платьямъ) и мигомъ завелъ дружбу съ своими сосѣдями. Они вообще были мало разговорчивы, но глядѣли мнѣ въ глаза прямо и улыбались предобродушно. Истребленіе каши, на минуту приостановившееся моимъ приходомъ, продолжалось съ удвоенной энергіей, возбуждая и во мнѣ аппетитъ. Смотрительница не уставала обходить столы, подбавлять въ мисочки и раздроблять куски слишкомъ большіе, которые никакъ не хлѣли въ маленькіе рты, не смотря на усилія всѣхъ десяти пальцевъ ихъ обладателей. Боже, сколько тутъ равныхъ людскихъ типовъ, будущихъ характеровъ, обнаруживается за этими мисочками съ кашей! Вотъ, мой сосѣдъ слѣва. Востроглазый — одно слово. Онъ то и дѣло поглядываетъ на меня, хихикаетъ и толкаетъ локтемъ товарища. «Онъ меня критикуетъ», подумалъ я. Я притворяюсь, что не вижу его, завожу разговоръ съ другимъ и вдругъ оборачиваюсь. Надо видѣть, какъ мгновенно измѣняется выраженіе его глазъ, какъ вытягивается личико и какъ серьезно онъ закиваетъ за обѣ щеки гигантскіе куски гречневой каши. Немного дальше его золотисто-бѣловурая голова четырехлѣтняго пузанчика, съ задумчивымъ и грустнымъ выраженіемъ глазъ и слегка блѣднымъ личикомъ, все время не отварачивается отъ меня. Лѣвой рукой онъ подпираетъ эту голову, а правой, съ ложкой, медленно и повидимому бессознательно, шевелитъ въ своей мискѣ. Эта миска полна кашей, онъ не торопится удовлетворить аппетита, за то не отрываетъ отъ меня, отъ моихъ поговъ и пуговицъ своихъ большахъ голубыхъ глазъ, не подѣется серьезныхъ и спокойныхъ. И, взглядывая на него, улыбаюсь ему, а онъ и гла-

зомъ не моргаетъ, словно презираетъ мою неумѣтную веселость. И заговариваю съ нимъ—молитъ и не отворачивается.

— Что же ты не ѣшь? Не вкусно развѣ?... спрашиваю я его. Все молчать. Тогда смотрительница заботливо нагибается въ неку.

— Мишенюк!.. Ты что такой? Отчего не кушаешь?..

Мишенюкъ нехоти опускаетъ глаза къ мисѣ и также нехоти подымаетъ ко рту почти пустую ложку. Но чрезъ минуту онъ опять смотритъ на меня, лѣниво пожевывая ртомъ и ковыряя ложкой въ своей кашѣ.

Будущій мыслитель, философъ можетъ быть, говорю я себѣ, стараюсь не смотрѣть на Мишенюка и чувствуя сильное желаніе его объять, раздѣловать.

Направо отъ меня дѣлалъ рядъ совсѣмъ иныхъ типовъ. Пять, шесть мальчугановъ, всѣ, какъ одинъ, кругленькіе, румяные, бойкіе, не перестаютъ шептаться между собой и хихикать по моему адресу. Каша такъ и таетъ подъ ихъ ложками. Они не прячутъ своего веселья. Они смѣются мнѣ прямо въ глаза; они и не молчатъ. Послѣ громкихъ фирваній въ рукавъ, послѣ суетливаго ерзанія по скамейкѣ, послѣ отчаянныхъ взведеній надъ комками каши,—они все-таки отвѣчаютъ на мои вопросы. Какъ зовутъ, сколько лѣтъ, что дѣлаютъ, весели-ли, хороша-ли каша и пр. На все это я получала достаточно понятные отвѣты. Только одинъ между ними былъ престранный. Онъ также пристально все время смотрѣлъ на меня, какъ его взиави слѣва отъ меня. Но его голая, мышинная дѣвѣта, головка, сверху несообразно шарокая, внизу, у подбородка почти острая, съ длинными ушами и маденькими, хитрыми глазенками, производила странное, недолимо-смѣшное впечатлѣніе. Я не смотрѣлъ на него, чтобы не расколотаться. Когда же случайно я на него взглядывалъ, онъ вдругъ, точно ошпаренный, подпрыгивалъ на скамейкѣ, всѣмъ корпусомъ отворачивался отъ меня и пряталъ голову между руками. И ужъ ни каша, ни смотрительница не могли его тогда заставить поднять голову, пока я вновь не отворачивался и не заговаривалъ съ другими. При его смѣшной наружности, эти внезапныя подпрыгиванія, сопровождавшіеся невыразимыми гримасами его удивительно подвижнаго лица,—вызывали у меня неудержимый хохотъ.

— Чудакъ... сказала я смотрительницѣ.

— Всегда такой, улыбалась и смотрительница. Глухоѣмой онъ, а все будто понимаетъ... Она съ нѣжностью гладила глухоѣмаго чудака, заботливо дробила ему кашу и сама воржила.

— Какіе они у васъ чистенькіе, гладенькіе, точно слобины, отозвалась я симпатичной смотрительницѣ.

— Въ банѣ сегодня были, недавно припла.

— И любить они баню?

— Страсть любить полоскаться. Для нихъ это праздникъ. А вотъ не угодно-ли посмотрѣть нашихъ двухъ сестрицъ? Онѣ въ спальнѣ, почиваютъ, послѣ бани устали.

Мы пришли въ спальню. На кроватяхъ, рядомъ, спали двѣ трехлѣтнія дѣвочки. Смотрительница разбудила одну изъ нихъ и сказала, что пора обѣдать. Дѣвочка потянулась, улыбнулась и взглянула сейчасъ на кроватку рядомъ, гдѣ продолжала спать другая.

— Что-жъ, Соня, разбуди Таню! Чай, ѣсть хочется?

Соня нагнулась съ постельки и осторожно тронула за обѣло Таню.

— Славая, Таня, ставай! Обѣдать... залепетала она.

Таня открыла глазки, также потянулась, улыбнулась и также сейчасъ взглянула на свою соседку. Увидѣвъ, что та сидитъ ужъ, она мигомъ поднялась и тоже сѣла на постели. Смотрительница между тѣмъ стала живо одѣвать Соню, натагивая чулочки, башмачки и нагнула юбку. Когда Соня была готова, она также живо принялась за свою подругу. Смотрительница только подавала ей требующія части туалета, а справлялась съ нимъ единолично Соня. При этомъ она пыхтѣла, отдувалась, торопилась, а Таня только величаво протыгивала ножки и улыбалась.

— Соня всегда одѣваетъ Таню... не даетъ другимъ, пояснила мнѣ смотрительница.

Наконецъ, когда обѣ дѣвочки были готовы, онѣ стали рядышкомъ передо мной, держась за руки. Онѣ очень походили другъ на друга особенно формой ушей, большихъ и оттопыренныхъ. Коротко выстриженныя головки, напикные глазки и румянца, продолговатыя личика—дѣлали ихъ очень милыми.

— Прочтите вотъ барницу молитву какую... Хотя молитву за Царя! обратилась къ нимъ смотрительница. Дѣвочки взглянули другъ

на друга, потом на меня и разом начали лепетать: «Маса, Осподи, люди Твоя и бляслави достояние Твоя...»

Я должен был отворачиваться, чтобы скрыть улыбку; этот не передаваемый лепет двух тоненьких голосков прерывался вздохами, длинными паузами и ободряющими взглядами друг на друга. Они старались говорить равно; но часто случалось, что одна обгоняла другую, слова не сходились, девочки путались, останавливались, взглядывали друг на друга и, послѣ короткаго промежутка, опять разом, тѣмъ же тономъ, продолжали съ середины. Случалось, что путалась одна, тогда другая строго на нее взглядывала, опять разом, громче выговаривала слова молитвы (впрочемъ, имъ однимъ понятны), и до тѣхъ поръ не отворачивалась отъ подруги, пока та не подхватывала слова и не продолжала съ ней вѣсть.

Однако, безъ всякаго подсказыванія съ нашей стороны, они кончили молитву сами. Другую, третью также прочитали они, все держась за руки и стоя передо мной, какъ передъ иконою. Сбивались, путались, но также самостоятельно сами поправлялись и кончали. Только, зная навзгустъ молитву, можно было понять ее въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ, гдѣ безопадно глотались цѣлыя половинныя словъ, гласныя переходили въ согласныя и наоборотъ, безконтрольно ставились точки, а запятая попадалась даже въ самихъ словахъ, между двумя буквами. Это было восхитительно по своей оригинальности.

Но еще болѣе восхитило меня, когда эти двѣ малютки заплѣли. Это своеобразный дуэтъ двухъ трехлѣтнихъ голосовъ—ихъ интонаціи просто неподражаемы. Они плѣли и молитвы, и свѣтскія пѣсни: «Боже, Царя храни», «Славься». И плѣли, несмотря на свою своеобразность, въ тактъ, сохраняя общій мотивъ, съ толкомъ и съ чувствомъ.

Тутъ ужъ я не удержался; послѣ таковаго неожиданнаго концерта, я безжалостно сталъ цѣловать и тереть его исполнительницу. Я полагаю, что эти два Алека въ юбкахъ рѣдкіе, если не единственные въ своемъ родѣ экземпляры.

— Вѣдь это не сестры, пояснила мнѣ смотрительница, когда я уходилъ.

— Равнѣ? Отчего же они такъ похожи, такъ дружны?

— Ужъ это не могу объяснить! Въ одинъ день подвинули. Ихъ такъ рядомъ и положили, а они съ тѣхъ поръ и не разлучаются. Ни на минуту...

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается отдѣленіе для грудныхъ дѣтей. Они кормятся и мамками и посредствомъ рожковъ. Кроватки, занавѣси надъ ними, постельныя—все тутъ образцовой чистоты, все носить на себѣ слѣды неунынныхъ попеченій.

Ржевскій сиротскій домъ призываетъ отъ 30—40 дѣтей обоюго пола на средства города и частной благотворительности. Содержание его обходится до 3 тысячъ въ годъ, изъ которыхъ 1,000 руб. ассигнуется городомъ. Своимъ настоящимъ видомъ, могущимъ безспорно служить примѣромъ всемъ подобаго рода заведеніямъ, онъ обязанъ только рвенію его впечатлительницы и комитета, управляющаго нѣмъ. Дѣятельнѣйшими членами этого комитета состоятъ: г-жа Филипова, жена товарища государственнаго контролера, и г-жа Семенова, жена мѣстнаго уѣднаго исправника. Дѣло ихъ нелегкое и не мала ихъ заслуга.

Изъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, обращаетъ еще вниманіе ремесленное училище Мазуриной.

Почему оно называется ремесленнымъ—это неизвѣстно. Ремесль только тамъ дѣвочкамъ не преподають. Училище помѣщается въ шикарномъ домѣ изящной архитектуры, на берегу Волги; къ нему принадлежить и красивый садъ, спускающійся къ самой рѣкѣ. Домъ этотъ и основной капиталъ въ 80 тысячъ пожертвованы Мазуриной, хотя, по уставу заведенія, это не совсемъ такъ. Въ этомъ уставѣ, на 1-й страницѣ значится, что самое зданіе пожертвовано дочерью коллежскаго регистратора Анастасіей Алексѣевою Волковою, за что ей и присвоено званіе одной изъ учредительницъ заведенія и поручена должность смотрительницы заведенія, въ случаѣ оставленія которой она пожизненно пользуется занимаемымъ ею въ домѣ призрѣнія помѣщеніемъ, сверхъ того, содержаніемъ по 150 р. въ годъ.

Г-жу Волкову ясъ знаюхъ въ Ржевѣ какъ нищю, а потому пожертвованіе ея дома во 100 тысячъ рублей—болѣе чѣмъ смѣшная выходка. Зачѣмъ она понадобилась для устава—покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кромѣ того, на той же 1-й стр. значится, что домъ призрѣнія содержится на проценты съ пожертвованныхъ 80,000 р. московскою потомственною почетною гражданкою, дѣвицею Анною Васильевою Мазуриной и вдовою надворнаго совѣтника Натальею Антиповною Булагиной.

Послѣ этого новаго курса (Булахъ тоже сама по себѣ ищала) еще нѣкоторыя курсы устава, какъ составленнаго очевидно знаменитой гувернанткой Мазуриной—г-жей Булахъ, дѣлаются болѣе популярными.

Позволю себѣ привести здѣсь параграфъ 11-й этого устава, характеризующій составительницу его и проливающій нѣкоторый свѣтъ на дѣла его. Онъ озаглавленъ: «Управленіе заведеніемъ», и гласитъ слѣдующее:

«При жизни учительницъ, званіе попечительницъ принадлежитъ Мазуриной и Булахъ, а смотрительницы заведенія—Волковой. Эти попечительницы, для содѣйствія себѣ по управленію заведеніемъ, избираютъ изъ членовъ ржевскаго городского общества попечителя. Въ случаѣ смерти одной изъ сихъ попечительницъ, или нежеланія ея принимать участіе въ управленіи заведеніемъ, оставшаяся избираетъ на мѣсто вышедшей другую попечительницу изъ обывательницъ г. Ржева, при чемъ обѣ попечительницы избираютъ для содѣйствія себѣ попечителя на прежнемъ основаніи. Въ случаѣ оставленія обывательницъ учредительницами званія попечительницъ, онѣ удерживаютъ за собою право избранія въ составъ правленія попечительницъ и попечителя изъ членовъ городского общества. По смерти же обывательницъ учредительницъ, попечительницы и попечитель избираются городскимъ обществомъ изъ своей среды на 3 года. При оставленіи Волковой обязанности смотрительницы заведенія, на мѣсто ея избирается другая попечительницами и попечителемъ заведенія».

Изъ этого параграфа ясно, что заведеніемъ управляютъ *только* попечительницы, а такъ какъ одна изъ нихъ Булахъ, то, значитъ, хозяйка заведенія—это она. О контролѣ города, правительства, объ участіи въ этомъ хозяйствѣ лицъ, жертвующихъ на заведеніе,—въ уставѣ нѣтъ ни слова. Властолюбивая г-жа Булахъ, ея деспотичная натура и ненасытная жажда «управленія»—обнаружены въ этихъ строкахъ устава болѣе чѣмъ ясно.

Попечителемъ заведенія, съ основанія его, избранъ былъ и до сихъ поръ состоитъ, г. Булахъ, сынъ учредительницы; смотрительницей заведенія по уставу г-жа Волкова, получившая за свою фидуциарную жертву и пожизненное помѣщеніе и пенсію. Мазуринна—полупомѣшанная, г-нъ Булахъ—родной сынъ, Волкова—безгласное созданіе, получившее милостями г-жи Булахъ кусокъ хлѣба: зна-

чать, правленіе дома призрѣнія оставалось—таки все-цѣло въ жесткихъ рукахъ энергичной г-жи Булахъ.

О томъ, какъ шло это управленіе тогда, до Булаховскаго краха, не берусь судить на основаніи однихъ слуховъ и сплетенъ, тѣмъ болѣе, что она ужъ очень не красивы. Нынѣ ведется оно новымъ составомъ правленія и ведется по своему недурно.

Внутренность зданія вполне гармонируетъ съ его внѣшностью. Большое количество комнатъ, просторъ въ нихъ, чистота, обиліе свѣту, воздуху—оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе. Мало есть учебныхъ, или другихъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, пользующихся такой комфортабельной обстановкой.

Число воспитанницъ въ заведеніи не ограничено и зависитъ отъ средствъ; на первый разъ предполагалось принять 40 дѣвочекъ, дочерей недостаточныхъ родителей, преимущественно изъ жителей города Ржева, а также дочерей бѣдныхъ сельскихъ причетниковъ.

Нынѣ ихъ содержится тамъ около 60-ти, при чемъ нѣкоторыя принимаются за плату, сравнительно очень небольшую. Въ заведеніе поступаютъ дѣти не моложе 8-ми и не старше 12-ти, и остаются въ немъ до 18-ти лѣтъ, но, по желанію родителей, или опекуновъ, могутъ оставить заведеніе и раньше этого срока. Всѣ дѣти принимались прежде по собственному усмотрѣнію г-жи Булахъ, нынѣ по усмотрѣнію правленія.

Во все время пребыванія своего въ заведеніи, воспитанницы пользуются на счетъ заведенія какъ учебными пособиями и матеріалами, такъ равно пищей и одеждою, которая, по смерти учредительницы, заготавливается по росписаніямъ, составленнымъ правленіемъ и утверждаемымъ душою.

Предметы обученія въ заведеніи составляютъ: чтеніе, письмо по-русски, знакомство съ славянскимъ языкомъ для правильнаго чтенія и пониманія Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, священная и церковная исторія въ томъ размѣрѣ, какъ она преподается въ уѣздныхъ училищахъ, толкованія богослуженія, арифметика и церковное пѣніе. Полный курсъ ученія продолжается шесть лѣтъ.

Въ свободное отъ ученія время дѣти должны заниматься, подъ руководствомъ мастерицъ, такими руководьями и ремеслами, которыя признаются наиболѣе полезными для обезпеченія ихъ участя въ будущемъ и не могутъ причинять вреда для ихъ здоровья.

Кончивші курсъ ранѣе 18-ти лѣтъ остаются до этого возраста, на правахъ воспитанницъ, при заведеніи исполнять разныя обязанности по хозяйству онаго.

Это, такъ сказать, въ главныххъ чертахъ; смыслъ устава дома приврѣнія въ г. Ржевѣ. Онъ настолько еще ясенъ, что по немъ можно судить о цѣли заведенія. Эта цѣль—дать достаточное образование дѣвушкамъ, чтобы потомъ сами могли образовывать другихъ и тѣмъ зарабатывать хлѣбъ. Руководѣлы и занятія домашнія предполагалось ввести только въ свободное, отъ научныхъ занятій, время. При строгомъ выполненіи этой программы, изъ заведенія выходили-бы дѣвушки, способныя быть учительницами и умѣющія на всякій случай заниматься чисто женскими дѣломъ, какъ прислуга.

Въ настоящіе-же дни въ Мазуринской ремесленной школѣ происходитъ что-то совсѣмъ обратное. Оттуда предполагается выпускать, и выпускаются уже, дѣвушки для домашней прислуги, хорошо читающія, пишущія, знающія исторію, арифметику и даже пишущія сочиненія и разсужденія.

Положимъ, что и это не дурно. Образованная прислуга—последнее слово цивилизаціи. Но... это что-то не совсѣмъ ладно Недоразумѣніе тутъ кроется.

Начиная съ того, что какже такъ извращать смыслъ устава? Нынѣ не руководѣлы и домашнія занятія практикуются въ свободное отъ ученія время, какъ то гласитъ уставъ, а это ученіе производится въ относительно небольшое, свободное отъ занятій домашнихъ время. Руководѣлемъ занимаются очень прилежно и результаты достигли блестящихъ Кружева, вышивки, ковры, полса, церковные покровы и даже разныя—дѣлаются воспитанницами заведенія и дѣлаются превосходно. Они дѣлаются и на-заказъ, хотя заказовъ очень мало. Воспитанницы шьютъ себѣ все платье, бѣлье, онѣ-же метутъ и убираютъ комнаты, онѣ слѣдятъ за варкой пищи и сами варятъ; онѣ-же и стираютъ бѣлье, словомъ онѣ сами себѣ и портняжи, и горничныя, и кухарки, и прачки.

Превосходно! воскликнетъ всякій. Согласенъ! Но... всетаки не ладно. Не согласуется какъ-то понятіе о кухаркѣ или горничной съ исторіей, географіей, сочиненіями, съ паркетными полами, со всѣмъ тѣмъ комфортомъ, въ которомъ 6 лѣтъ *воспитывается* эта горничная, или кухарка въ домѣ приврѣнія Мазуриной. Я, по крайней

мѣрѣ, не взялъ-бы себѣ на настолько образованной, ни такъ воспитанной кухарки. Я бы совѣстился ея, а она... вѣроятно-бы мнѣ грудила.

Насколько я слышалъ, по бывшимъ примѣрамъ, ихъ именно потому и не берутъ въ прислугу—онѣ слышкомъ хороши для этого...

А быть учительницей, хотѣ-бы сельской, имѣ трудно, какъ потому, что Домъ Приврѣнія не даетъ на то законныхъ правъ, такъ и потому, что онѣ сами недостаточно подготовлены въ этой должности. Нужно готовиться и особо держать экзаменъ при прогнаниаціи, что не всегда легко сдѣлать по многочисленности *ложныхъ* обязанности воспитанницъ въ заведеніи.

Далеко не всегда поэтому онѣ выдерживаютъ экзаменъ на сельскую учительницу (хотя многія и выдерживаютъ) и назначаются ею.

Что же дѣлаютъ другія, безъ средствъ, безъ родныхъ?.. Выходитъ изъ гостеприимныхъ стѣнъ Дома Приврѣнія, не одна изъ нихъ входитъ въ еще болѣе гостеприимныя стѣны одинокихъ, холостыхъ и случающихся... Въ числѣ воспитанницъ Дома Приврѣнія есть и очень красивые, что не безъизвѣстно лавеласамъ г. Ржева, особенно драгунскимъ офицерамъ.

Содержаніе дома въ послѣдніе годы стоило по 5,100—5,200 р. въ годъ. Съ политической смертью Будаха и Мазуриной, одной сосланной, а другой сумасшедшей, управленіе Домомъ Приврѣнія переходитъ въ вѣдѣніе города. Судя по слухамъ, городское общество хочетъ нѣсколько видоизмѣнить его порядки, съ точки зрѣнія воспитательной. Оно разумно хочетъ устранить эту двойственность воспитанія дѣвушекъ и приготовить изъ нихъ или только сельскихъ учительницъ, или только домашнюю прислугу, не отвѣчающую послѣднему слову цивилизаціи...

Земская больница въ г. Ржевѣ обращаетъ на себя вниманіе съ той же стороны, какъ земское сиропитательное заведеніе въ Торжкѣ. Та же запущенность, грязь, уныніе во внѣшнемъ видѣ, только, въ добавокъ въ этому, еще страшная тѣснота. Маленькое двухэтажное зданіе набито биткомъ больными. Войдя въ первую отъ передней комнаты, я долженъ былъ остановиться на порогѣ, до того воздухъ здѣсь былъ тяжелъ, жарокъ и насыщенъ всякими испареніями болѣзни. Въ маленькой комнаткѣ лежало 4—5 больныхъ женщинъ сифилисомъ (точной цифры не помню) и между ними одна тифоз-

ная. Эта последняя была беспорядочно раскинута на постели, и страшно было видеть ее воспаленное, красное лицо и горящие глаза. И эту-то женщину, с температурой не менее 40 град., кладут в комнату без воздуха, вонючую и жаркую, да к тому же вместе с сифилисными. В остальных палатах может быть чуть-чуть просторнее, но воздух также скверен и потолки также несообразно низки. А между тем, вездѣ въ окнахъ есть вентиляторы — стоять ихъ только отпереть. Видно лѣнь здѣсь колоссальная... Очень любопытно, что во дворѣ больницы есть еще флигель для больныхъ, но... пустой. Здѣсь помѣщеніе еще безобразнѣе, комнаты — скорѣе конуры, но все-таки эти комнаты, въ которыхъ можно бы было развѣдинить тифозныхъ отъ сифилисныхъ, въ которыхъ смѣло можно бы было положить человѣкъ 10 изъ главнаго флигеля.

— Отчего здѣсь пусто? спрашиваю смотрителя.

— Перевели недавно отсюда всѣхъ въ главное зданіе. Въ виду экономіи. Чтобы не топить здѣсь...

Благодарю и не ожидаю! Я понимаю, что на топціи земснаія средства трудно требовать отъ него не только роскоши, но даже часто необходимаго: увеличенія числа кроватей въ больницѣ, подаятія потолковъ въ комнатахъ, улучшенія вентиляціи, пищи, ухода за больными—это еще понятно. Но, имѣя уже помѣщеніе готовимъ, заочлачивать экономію на сажень, другую дровъ, сваливая больныхъ для этого безъ разбору въ комнаты и безъ того уже тѣсныя,—это моему пониманію не доступно. Впрочемъ, можетъ это на время только...

Въ городѣ существуетъ пятиклассная прогимназія, уѣздное училище, четыре городскихъ приходскихъ и два земскихъ училища. Преподаваніе въ нихъ едва только началось, когда я имѣлъ возможность ихъ посѣтить, а потому о веденіи его, о степени знанія учениковъ судить не берусь. Послѣ 4-мѣсячныхъ ваникулъ, не только крестьянскій мальчишъ, но и гимназистъ послѣдняго класса половину пройденнаго забываетъ. Одно меня только нѣсколько поразило: это — общая для всѣхъ училищъ недостаточность уроковъ Закона Божія. Среди 5 — 6 предметовъ, преподаваемыхъ ежедневно въ теченіи пяти часовъ, Закону Божию отведено послѣднее мѣсто — два часа въ недѣлю, на классъ. Священникъ мнѣ говорилъ, что они и хотѣли бы увеличить число уроковъ, да не могутъ.

— Учитель обижается, говорить, что ни за что не отдастъ своихъ часовъ, объяснилъ мнѣ батюшка.

— И этого бы не дали намъ, ка-бы не правило...

Счастливое правило!

О характерѣ, объ особенностяхъ населенія и жизни его въ г. Ржевъ сказать могу мало. Это не Торжокъ ни по преданіямъ, ни по своеобразности жизни. Общая черта населенія — буйство, разнузданности. Есть маленькая горсть купечества, живущая старыми преданіями, но она теряется въ массѣ чисто современнаго мѣщанскаго элемента. Только на улицѣ изрѣдка встрѣтишь еще осанистую лущиху въ атласной или шелковой наладѣ въ родѣ халата, и съ кокошиномъ на головѣ. Въ праздники надѣваются кокошинныя «парадные», усыпанные жемчугомъ и камнями, стоимостью иногда въ нѣсколько тысячъ. Но ихъ немного, они хранятся въ семьѣ какъ святыня.

Дворянскій интеллигентный кружокъ г. Ржева, несмотря на присутствіе тамъ кавалерійскаго полка, живетъ жизнью до нелѣзя однообразною, монотонною. Скука, апатія чтается на всѣхъ. И ни малѣйшаго усилія не замѣчается ни въ комъ разогнать хандру, общими усмілками придумать развлеченіе, занятіе.

Сегодня, завтра, послѣзавтра, будущій мѣсяць, будущій годъ — все одно и то же.

А между темъ, въ городѣ есть много зажиточныхъ семействъ, есть достаточно любящихъ тавца барышевъ, достаточно и кавалеровъ съ вѣрными ногами. Чего еще лучше, драгунъ? Нѣтъ!..

— Не клеется какъ-то, говорили мнѣ. Офицеры все больше живутъ своимъ обществомъ, въ военномъ влугубъ бывають дамы исключительно полковыя, чиновники — своимъ, богатое купечество — своимъ. Эти васты не сходятся. Да и сошлись бы, врядъ ли бы что вышло. Въ внятъ нмъвче все больше играютъ и старые и молодые. Такъ гдѣ-жъ тутъ барышнямъ развлеченіе?

— Вотъ подсѣять развѣ и имъ играть? улыбнулся я.

— И играютъ! Всѣ почти играютъ. И спорять, кричать какъ всѣ... Да что-жъ имъ, обѣднмъ, дѣлать? Женуховъ нынче за внятъ-томъ только и найдешь...

— Ура! воскликнемъ мы. Да здравствуетъ царство вянта! Да здравствуетъ современная уѣздная любовь, рождающаяся на зеленомъ погѣ! Да здравствуютъ слова этой любви: пиян, черви, два

бубны, три тrefи и проч., да здравствуют экстазы ея, въ періоды маленькаго и большаго шлема, да здравствует семейное счастье, основанное на больших операхъ, коронахъ, на партияхъ и роберахъ винта!.. Да здравствуютъ и плоды этой любви, зачавшіеся въ минуты ея экстазовъ, съ наследственно-хроническими винтомъ въ крови, въ желудкѣ и въ головѣ..

Гор. Вышній-Волочекъ и Вышневолоцкій уѣздъ.

Городъ Вышній-Волочекъ принадлежитъ къ городамъ очень извѣстнымъ въ Россіи, благодаря своему географическому положенію въ центрѣ Вышневолоцкой водной системы, самой древней изъ трехъ системъ. Древность города мы точно не извѣстна; но если считать существованіе его и съ основанія системы, то его надо отнести ко времени Петра I.

Благодаря своему счастливому положенію на этой системѣ съ одной стороны и съ другой — на большомъ Петербургскомъ шоссе, Вышній-Волочекъ, въ оное время, лѣтъ 20 назадъ, былъ пунктомъ очень оживленнымъ, бойко торговавшимся и бойко веселившимся. Тысячи барокъ, сплавлявшихся по городу, тысячи кибитокъ, повозокъ и всякаго рода экипажей, несшихся по шоссе въ Петербургъ и Москву, дѣлали изъ города почти сплошной базаръ. Рабочіе, ямщики, провѣзжіе, прокошіе останавливались здѣсь, запасались продуктами, а нерѣдко и товарами. Тузы-виженеры, управлявшіе здѣшнимъ округомъ *на прежнихъ основаніяхъ*, хотя съ современными инстинктами хищенія, поили, кормили и веселили въ своихъ богатыхъ хоромахъ, на счетъ матушекъ-кавынъ, всѣхъ и всякаго, кто былъ имъ нуженъ и кто просто подвергнулся подъ руку. Деньги тогда были дешевы въ Волочкѣ, дымъ стоялъ корытосломъ отъ шума, движенія и разгула.

Но вотъ, твердая рука Николая Павловича черкнула по картѣ Россіи, карандашъ соединилъ Москву съ Петербургомъ, задрѣлъ Волочекъ и точно стеръ его изъ списка живыхъ. Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги, на которой стоитъ и Вышній-Волочекъ, онъ пересталъ быть богатымъ и оживленнымъ городомъ. Разомъ были отняты у него двѣ силы, два источника жизни. И шоссе, и по

даная система. Товары и путешественники стали пролетать мимо Волочка, «как мимолетное влѣвѣе», съ остановкой на станціи въ 5—10 минутъ. Много городовъ на Руси подверглись той же участи съ истребленіемъ къ намъ «паровой» цивилизаціи; но Волочекъ потерялъ много больше другихъ; его мать-кормилица — Вышневолоцкая система, была смертельно ранена. Дѣтъ 20 еще назадъ по Вышневолоцкому каналу сплавляли до 5,000 барокъ въ годъ, нынѣ ихъ сплавляютъ 50, 100, 150 самое большее. И съ каждымъ годомъ все меньше и меньше становится это число, значитъ, рана скоро грозитъ перейти въ смерть.

Однако и теперь еще весь смыслъ, значение и прелесть Волочка составляетъ его водная система. Она дѣлаетъ изъ него маленькую Венецію, городокъ незаурядный, который нельзя проѣхать какъ другіе, не замѣтивъ и не вспоминая его потомъ.

Вышневолоцкая система—грандіозное сооруженіе, достойное увѣковѣчить память его соорудителей. Нужно самому видѣть хоть нѣкоторыя главные части ея, чтобы охранять и оцѣнить этотъ гигантскій трудъ, эту непостижимую силу воли людей, эту смѣлость мысли.

Вышневолоцкая система соединяетъ рѣки: Тверцу, Цну и Мсту, и состоитъ изъ двухъ бассейновъ: сѣвернаго и южнаго. Воды канала Вышневолоцкаго изливаются въ южный бассейнъ, сѣверный же бассейнъ составляетъ масса воды, называемая водохранилищемъ. Такимъ образомъ, суда, идущія по Волгѣ, поднимаются вверхъ по Тверцѣ, доходятъ до истоковъ ея близъ Цны, нынѣ высохшихъ, по Тверецкому каналу, которымъ входятъ въ рядъ озеръ и рѣчекъ, соединенныхъ вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ Мстинскаго озера. Изъ этого озера, составляя какъ бы продолженіе его, истекаетъ р. Мста, по которой и плутъ суда, направляясь въ Петербургъ.

Самыя замѣчательныя сооруженія Вышневолоцкой системы это: заводское водохранилище и Вышневолоцкій каналъ. Заводское водохранилище иначе называется *Сердюковъ заводъ*, по имени его главнаго строителя. Оно находится въ четырехъ верстахъ отъ города и представляетъ собою массу воды, искусственно соединенную изъ множества мелкихъ озеръ и заливаньевъ, окруженную въ 18 верстѣ. Всѣ эти озера и заливы, до соединенія ихъ искусственнымъ образомъ, представляли собой въ этомъ мѣстѣ развѣтленія р. Цны. Такъ что водохранилище, собственно говоря, есть расширеніе въ данномъ

мѣстѣ Цны, послужившей резервуаромъ для снабженія водой всей системы.

Чтобы попасть изъ города на водохранилище, нужно ѣхать все время по берегу Цны, поднимаясь вверхъ по ней. Тутъ она довольно широка, берега ея плоски и покрыты мелкимъ кустарникомъ. По правому берегу ея, у самой воды, тянется длинный рядъ плоскихъ, новыхъ барокъ, поставленныхъ на деревянныхъ постахъ. Идали онѣ представляютъ такъ очень оригинальное зрѣлище. Это барки, приготовленные для сплава лѣса; онѣ принадлежатъ всё лѣсопромышленнику г. Брандту. Его лѣсопильный заводъ стоитъ тутъ же, верстахъ въ 2½ отъ города, на лѣвомъ берегу Цны. Идучи на водохранилище, нужно проѣхать черезъ заводъ, такъ какъ влѣвѣе его идутъ по самому берегу и представляютъ собою обширное пространство, какъ бы полуостровъ, ограниченный съ одной стороны водою Цны, а съ другой—водами водохранилища.

Г. Брандтъ, богатѣйшій лѣсопромышленникъ здѣшняго уѣзда, имѣетъ заводы и въ другихъ мѣстахъ Россіи; его считаютъ архимиллионеромъ изъ первыхъ, если не первымъ, лѣсоторговцевъ. Какъ я слышалъ, это тотъ же Брандтъ, который состоитъ агентомъ въ Россіи всѣхъ иностранныхъ страховыхъ обществъ, давшихъ ему миллионы.

Его заводъ здѣсь не изъ самыхъ большихъ, но работаетъ, однако, до 5,000 бревенъ въ сутки. Здѣсь же, по его землѣ проколѣтъ узкій каналъ, соединяющій водохранилище съ Цною и служащій для сплава изъ водохранилища въ Цну лѣса. Этотъ каналъ, или скорѣе узкій заливъ, идетъ сначала параллельно Цнѣ и, такъ сказать, захлѣваетъ ее, тамъ гдѣ запрудъ, или *бейшлотъ*, заграждаетъ теченіе рѣки.

Проѣхавъ по красной рошѣ, которая разбита г. Брандтомъ на берегу Цны, нужно свернуть на мостъ, перекинутый черезъ рѣку. Этотъ мостъ почти новый и о назначеніи его сразу нѣсколько ниже. Проѣхавъ мостъ, вѣзжаете въ роскошную аллею, идущую по берегу Цны вплоть до самаго водохранилища и до 1-го заводскаго бейшлота. Эта аллея такъ хороша, что ее даже странно здѣсь видѣть. По чистотѣ и красотѣ деревьевъ, она могла бы конгуррировать съ аллеями Царско-сельскаго парка. Въ сторонѣ отъ нея идутъ еще нѣ-

сколько аллей, словомъ, тутъ цѣлый паркъ, разбитый по всѣмъ правиламъ столичнаго искусства.

Меня это, признаюсь, даже поразило. Существованіе этого парка въ такомъ глухомъ мѣстѣ показалось мнѣ вѣскольکو страннымъ. Однако, узнавъ, что паркъ принадлежитъ и содержится инженерными орудами, я вѣскольکو успокоился. Чѣмъ дальше я подвигался, тѣмъ болѣе мнѣ представлялось, что я ѣду по островамъ въ Петербургѣ. И вода, и деревья, и гладкое шоссе, все такъ поразительно напоминало ихъ. Это мѣсто особенно похоже на Елагинъ островъ, при въѣздѣ на него, по направленію къ стрѣлкѣ. Проѣхавъ минутою десять, мой возница вдругъ остановился. Я взглянулъ впередъ и чуть не ахнулъ. Я былъ на пунтѣ! Я не шучу. Въ первое мгновеніе я даже опоминуться не могъ, до того это неожиданное сходство шло какъ бы продолженіемъ моихъ мыслей. Громадное озеро воды, во многихъ мѣстахъ разорванное, волновалось у моихъ ногъ. На немъ пестрѣли островки, отъ него шли въ разныя стороны рѣчки, валички, чуть различаемые вдаль. Это было почти море, по крайней мѣрѣ, оно представлялось такимъ отсюда. Видъ отсюда былъ не менѣе величественный, какъ съ пунта Елагина острова, съ той только разницей, что здѣсь почти все видное было искусственно.

Искусственное море, искусственная природа! Это стоитъ того, чтобы посмотреть. Что-то странное ощущаешь при видѣ этого грандіознаго созданія человѣческихъ рукъ. Какъ будто испугъ даже недовѣрія. Представляются тысячи человѣческихъ существъ, копошащихся на днѣ этого великана, ничтожныхъ въ сравненіи съ нимъ и въ то же время создающихъ его. Представляются машины громадныхъ размѣровъ, оглушительный шумъ, визгъ ихъ колесъ, движеніе пружинъ, такое же непрерывное волненіе живой массы, какъ волненіе воды. И, представляя себѣ это, страшно становится за людей, отъ живающихся создать стихію. Непостижимо, какъ въ этихъ влобныхъ волнахъ могли она работать, какъ эти волны не погнались за ними, не поглотивъ ихъ...

Изъ такого рода философскихъ размышленій въ области фантазіи вывелъ меня мой вучеръ, должно быть, не раздѣлявшій моихъ взглядовъ.

— Что-жь, баринъ, аль не сойдете внизъ, на мостъ? нетерпѣливо спросилъ онъ меня.

— А? Куда?.. спросилъ я, еще не придя окончательно въ здравое состояніе.

— А на мостъ! Нейшлоту посмотрѣть...

— Какую нейшлоту?..

— А что воду спраешь! Известно, казую...

— Чего известно? Ты говорить-то вучись по человѣчески, сердился я вдругъ. Вейшлотъ, а не нейшлота...

Я совсѣлъ съ дрожжъ и по широкой дорожкѣ спустился къ мосту. Этотъ мостъ представляетъ собою тоже не легкое сооруженіе. Онъ отдѣляетъ водохранилище отъ рѣки и имѣетъ назначеніе выдерживать на себѣ весь напоръ воды изъ водохранилища. Сообразно съ этимъ, всѣ стойки его, въ видѣ арокъ, сдѣланы изъ крупнаго камня и выложеннаго красивыми плитами. Между ними, со стороны водохранилища, помѣщается рядъ щитовъ, въ видѣ длинныхъ деревянныхъ досокъ, обитыхъ желѣзомъ, которыя на цѣпяхъ спускаются и поднимаются. Опускаются онѣ своею тяжестью и, достигая дна рѣки, совсѣмъ запираютъ ее теченіе. Поднимаются посредствомъ блоковъ, съ большими цѣпами. Блоки эти и другія приспособленія помѣщаются тутъ же на мосту.

Передъ этимъ мостомъ, на широкомъ протяженіи поставлены громадные деревянные козлы и положены балки, долженствующія тоже сдерживать напоръ воды. Съ обѣихъ сторонъ моста, впереди его, идутъ деревянныя галереи, для наблюденія за натискомъ воды на щиты.

Другая сторона моста, обращенная къ рѣкѣ, имѣетъ желѣзную рѣшетку, въ которой сдѣланы проходы къ лѣстницамъ, спускающимся внизъ къ каждому изъ пролетовъ. Этихъ пролетовъ, кажется, 5; подъ ними деревянный наклонъ, и отдѣляются они другъ отъ друга громадными каменными устоями, съ площадками внизу, по которымъ свободно можно гулять. Когда всѣ щиты подняты, вода съ страшной силой устремляется черезъ всѣ пролеты, и, падая съ наклоннаго дна ихъ, производитъ оглушительный шумъ водопада.

Осмотрѣвъ все это, я направился черезъ мостъ, на другую сторону. Тутъ берегъ Цны гораздо выше; на немъ тоже разбитъ довольно большой и роскошный паркъ. Первая аллея служитъ какъ бы продолженіемъ моста и идетъ параллельно чертѣ воды въ водохранилищѣ. Между густымъ рядомъ деревьевъ и этой чертой воды

есть еще довольно широкое пространство, усыпанное крупным щебнем и затѣмъ, уже въ водѣ, высокій дощатый заборъ. При скопленіи воды въ водохранилищѣ, когда долго не пускаютъ ее черезъ заводскій бейшлотъ, черта воды поднимается по щебню до самыхъ деревьевъ аллеи. Собственно для этого и разсыпанъ здѣсь щебень. Отъ первой аллеи, упирающейся въ загибъ водохранилища, идетъ вправо другая, параллельно рѣкѣ и параллельно той аллее, которой я ѣхалъ на другой стороне. Эта аллея, еще красивѣе, чище той, потому что здѣсь нѣтъ ѣзды. Отъ нея въ-бокъ идутъ еще нѣсколько аллей, также щегольски содержимыхъ; словомъ, здѣсь прекрасно. Только странно какъ-то видѣть все это великолѣпіе. Ни одной души я не встрѣтилъ здѣсь въ лучшее время дня, въ закатѣ солнца. Тяжело какъ-то смотрѣть даже на этотъ порядокъ, чистоту, на очевидную заботу во всемъ, принесенную въ жертву пустыни. «Что это стоитъ, подумалъ я, и для кого?..» Инженерамъ, бывающимъ здѣсь по обязанностямъ, мѣсто это, я полагаю, достаточно уже надоѣло. Жители Волочка тоже мало имъ интересуются, на общемъ, для всѣхъ русскихъ, основаніи: «это наше, значитъ—неинтересно. Всегда успѣемъ еще побывать!» А прѣѣзжихъ здѣсь немного. Туристы, какъ я, здѣсь въ рѣдкость. Однако, къ томъ, гонорать, сюда ѣздить иногда прогуляться болѣе замѣточные обитатели Волочка, владѣтели своихъ виллажей. Для этихъ-то 2-хъ—3-хъ десятковъ счастливыхъ смертныхъ и существуетъ роскошный паркъ инженернаго округа, разбитый на средства казны и стоящій ей ежегодно большихъ суммъ. Не для водохранилища-же его разбивали? Воды повидному отъ него не прибываетъ... Говорятъ, близко то время, когда вся всей массы воды въ водохранилищѣ останется только то, что было за сотни лѣтъ назадъ, до сооруженія его. Говорятъ, что вода такъ ухнетъ, или такъ непроизводительно расходуется, что въ скоромъ времени должны обнажиться русла Цны. Вина тутъ, значитъ, или природы, или инженеровъ, а кого собственно, этого никто здѣсь въ точности не знаетъ.

Министръ путей сообщенія, недавно здѣсь бывшій и подробно осматривавшій водохранилище, рѣшилъ приступить въ непродолжительномъ времени къ капитальнымъ работамъ здѣсь, особенно по переустройству бейшлота, существующаго въ настоящемъ видѣ съ Петра I. Уже давно признали его значительно ослабленнымъ продол-

жительностью существованія и неспособнымъ болѣе сдерживать на себѣ всю массу воды водохранилища. Въ помощь ему построили нѣсколько ниже другой бейшлотъ, тотъ деревянный мостъ, по которому нынѣ производится ѣзда, по которому и я проѣхалъ. Когда 1-й бейшлотъ отпиралъ, тогда 2-й на нѣкоторое время закрываютъ, чтобы ослабить теченіе воды. Когда они оба закрыты, новый бейшлотъ является весьма существеннымъ подспорьемъ старому, запирая всю воду между общими бейшлотами и опять-таки этимъ ослабляя давленіе воды на старыи бейшлотъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ устройство этой важнѣйшей части Вышневолоцкой системы, стоившей самаго большого труда и громадныхъ денегъ. Трудно описать ее достаточно ярно и подробно. Нужно быть тутъ самому, нужно изучать это мѣсто специально. Я же проведъ здѣсь часть-два, и потому дѣлюсь съ читателями моими первыми впечатлѣніями и свѣдѣніями, собранными у мѣстныхъ жителей. Считаю умѣстнымъ помѣстить здѣсь и содержаніе тѣхъ документовъ, относящихся до Вышневолоцкой системы, которые мнѣ удалось здѣсь достать.

По указу Императора Петра Великаго отъ 26 іюля 1719 года; Вышневолоцкая система отдана была въ содержаніе Сердюкову съ разными привилегіями, какъ-то: съ правомъ пользованія лѣсами, содержанія откуповъ и другими льготами.

По указу сената отъ 11 іюня 1765 года, Сердюковъ отстраненъ отъ содержанія Вышневолоцкой системы и управленіе ею принято въ казну.

По указу 1 декабря 1774 г., повѣлено каналы принять въ казенное вѣдомство и за всѣ привилегіи выдать Сердюкову 176,000 руб. Заводскій бейшлотъ былъ перестроенъ изъ деревяннаго въ каменный въ 1785 году.

Въ 1828 г. горизонтъ возвышенъ до 7 арш. 4 верш.

Деревянный заводскій бейшлотъ оконченъ постройкою въ 1846 году. Другая часть системы, болѣе простая по устройству и потому болѣе доступная вниманію,—это Вышневолоцкій каналъ.

Вышневолоцкій каналъ начинается и проходитъ болѣею своею частью въ чертѣ города. Ширина его такова, чтобы могли пройти двѣ барки въ-рядъ. Отъ вѣса съ боковъ выложены камнемъ и уровень воды въ немъ, когда спускаютъ барки, чуть-чуть ниже поверх-

Очеркъ соврем. Россіи.

ности земли. На пемь, для пропуска судовъ, существуютъ два шлюза: одинъ—у срединн канала, другой—у впаденія его въ бассейнъ.

Р. Цна дѣлаетъ въ чертѣ города крутой поворотъ назадъ. Вотъ отъ этого-то поворота и начинается Вышневолоцкій каналъ, а чтобы вода изъ водохранилища не уносилась Цною, на этомъ поворотѣ ея устроенъ 8-й бейшлотъ, запирающій ея течение и направляющій всю воду, въ случаѣ необходимости, по каналу. Когда барки входятъ въ него, запираютъ этотъ бейшлотъ и первый шлюзъ канала. Вода такимъ образомъ въ этомъ пространствѣ подымается аршина на 3—4, и барки, по-парно, ведутся по каналу въ первому шлюзу. Тамъ онѣ останавливаются и ждутъ, пока, черезъ поднятые шлюзы, вода по всему каналу не сравняется. Тогда ихъ ведутъ вилотъ до 2-го шлюза гдѣ онѣ опять останавливаются, опять ждутъ, в когда вода въ каналѣ сравняется съ водой въ озерѣ, онѣ входятъ въ него, поднимаются вереть 15-ть на веслахъ, до истоковъ Мсты, и, войдя въ нее, проходятъ самый главный шлюзъ—мстинскій. Мстинскій шлюзъ находится въ 22-хъ верстахъ отъ города и напоминаетъ своимъ устройствомъ заводскій бейшлотъ у водохранилища. Это собственно мостъ черезъ Мсту, подъ среднимъ пролетомъ котораго проходятъ барки. Боконне пролеты запираются такимъ-же щитами, какъ и въ бейшлотѣ, средній же—заставляется воротами, которыя поворачиваются машиной. Машина эта помѣщается вѣдъ моста и представляетъ собою большое колесо съ ручками, за которыя вертять его рабочіе. Влоди для поднятія щитовъ помѣщаются на самомъ мосту. Посреди моста стоитъ маленькая часовня, въ которой служатъ молебствъ при пропускѣ барокъ.

Мстинскій шлюзъ, прочностью сооружеія своего, не уступаетъ заводскому бейшлоту. Устои его также фундаментальны, также широки и длинны. Словомъ, петровская постройка сразу бросается и тутъ въ глаза. Значительное количество земля, по обѣимъ сторонамъ Мсты, у этого шлюза, принадлежитъ инженерному округу. Здѣсь тоже, на обѣихъ сторонахъ рѣки, разбиты чистенькіе парки, но они гораздо меньше и гораздо обмкновеннѣе парка у водохранилища. Однако аллеи, ведущія съ обѣихъ сторонъ на мостъ, проподатъ и здѣсь самое пріятное впечатлѣніе. Даже здѣсь это впечатлѣніе еще цѣльнѣе какъ-бы, вслѣдствіе живописности этого мѣста и долины, такъ сказать, гармоніи искусства съ природою. Близости

города здѣсь и не чувствуется. Мѣстность такъ исключительно красива, что академія художествъ выстроила здѣсь лѣтній пріютъ для своихъ воспитанниковъ, обязавъ ихъ снимать окрестные виды. Я буду имѣть возможность вернуться еще къ этому живописному краю, говоря о пріютѣ художниковъ. А потому, по поводу Мстинскаго шлюза, ограничусь только рекомендау его какъ весьма удобное и красивое мѣсто подъ дачи.

Правый берегъ Мсты у шлюза, значительно возвышенный и обрацанный стараніями инженероивъ округа въ чудесную рощицу, являетъ собой уголокъ, который рѣдко можно найти не только въ русской, но и въ заграничной природѣ. Не пользуемся имъ только мы, русскіе, и только потому, что мы русскіе.

Въ этомъ мѣстѣ есть все: исключительно здоровый воздухъ (нѣлчивающій чахоточныхъ), сосновый лѣсъ, гора, масса воды, открытый во все стороны видъ, много тѣни, комфортабельное для деревни мѣсто прогулки по инженерному парку, въ изобиліи все продукты деревенскаго хозяйства, есть даже и помѣщеніе съ грѣхомъ пополамъ. Нѣтъ только одного: желающихъ воспользоваться всемъ этимъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ неисправныхъ «природниковъ», въ рощѣ г. Кожорева и другихъ окрестныхъ помѣщиковъ, «все генераловъ», какъ говорилъ мнѣ смотритель Мстинскаго шлюза, никто почти скупа не прѣзжаетъ. Только «генералы» и оцѣнили этотъ уголокъ чисторусской природы, уголокъ, которому нѣтъ равныхъ «ни въ Прусской, ни во Французской Имперіи» — какъ то же сообщилъ мнѣ тотъ-же словоохотливый смотритель. Кстати, у него можно здѣсь и дачу нанять. Она строится имъ теперь на «прорѣхѣ и порчи» Мстинскаго шлюза, которыя онъ 12 лѣтъ выполнялъ и починалъ по порученію инженернаго начальства. За то и лудо же у этого симпатичнаго смотрителя. Такъ и доснится, такъ и сияетъ здоровьемъ, счастьемъ вродью и молокомъ. Стоитъ взглянуть на него, чтобы повѣрить въ выздоравливаніе чахоточныхъ у Мстинскаго шлюза, а еще болѣе—въ доходность его...

Но, не шутя, совѣтую тѣмъ изъ русскіихъ людей, которымъ лѣтомъ некуда дѣться, вспомнить о Вышнемъ-Волоцкѣ, о Вышневолоцкой системѣ и о Мстинскомъ шлюзѣ. И то, и другое, и третье стоитъ хоть посмотрѣть лѣтомъ. И если эта масса воды и масса зелени не произведетъ на большинство никакого впечатлѣнія.. если.. что

если? Я выдумываю себя наказаніе... Да если не произведетъ, такъ тѣмъ хуже для нихъ. Чѣмъ же я тутъ виноватъ?!

Мнѣ очень хотѣлось въ мое короткое пребываніе въ Волочѣхъ исчислить, сколько правительствъ, или, другими словами, сколько инженеровъ здѣшняго округа тратятъ денегъ на поддержаніе всѣхъ сооружений вышневолоцкой системы, да встать и на себя. Къ несчастію, всѣ мои попытки не имѣли успѣха. Инженеры объ этихъ вещахъ говорить не любятъ. Со времени всякихъ «урѣзковъ» и «управдненій», они находятся въ особенно мрачномъ настроеніи. А этихъ «урѣзковъ» и «управдненій» по вышневолоцкой системѣ было и будетъ еще вѣроятно малая толика. Ибо 50—100 барокъ, сплавающихся нынче по системѣ, не могутъ, я думаю, зачистить «прорѣхъ» одного даже Мстинскаго шлюза, совмѣстно съ постройкой близъ него дачи смотрителя.

Много, много каменныхъ денегъ уносить съ собой воды Вышневолоцкой системы.

Населенія въ г. Волочѣхъ считается обоего пола до 16,000 человѣкъ, изъ которыхъ: дворянъ потомственныхъ—431 человѣкъ, личныхъ—276 человѣкъ. Въ этомъ отношеніи г. Волочехъ можно причислить къ городамъ болѣе дворянскимъ, чѣмъ сосѣдніе съ нимъ: Торжокъ, Ржевъ и Осташковъ. По вѣроподобіямъ, онъ тоже представляетъ нѣкоторое исключеніе въ смыслѣ елочности въ немъ православнаго элемента. Изъ всего населенія едновѣрцевъ въ Волочѣхъ только 19 человѣкъ, а раскольниковъ разныхъ сектъ—192 человѣка. За то евреевъ здѣсь, какъ и во Ржевѣ, довольно много. Ихъ насчитываютъ до 289 человѣкъ, что составляетъ около 2% всего населенія. Г. Волочехъ по вѣнности уступаетъ г. Торжку и Ржеву, по величинѣ же представляетъ большую раскннутость. Мѣстоположеніе его ровное, общій характеръ смѣшанный, трудно уловимый. Вслѣдствіе обилія въ немъ воды, вслѣдствіе сосредоточенія въ центрѣ города цѣлой сѣти водяныхъ сообщеній, расположеніе его не имѣетъ никакой правильности, симметричности. Нужно не день и не два побродить по городу, между каналами и парками, чтобы наконецъ сообразиться и ориентироваться въ немъ. Прямыхъ, широкихъ улицъ здѣсь почти нѣтъ. Только одно Петербургское шоссе, проходя въ центрѣ города, представляетъ собой единственную уловимую арт-рію его. Остальные улицы какъ-то странно начинаются

и странно кончаются: онѣ коротки и часто кривы. Словомъ, Волочехъ имѣетъ съ перваго взгляда на себя что-то оргивальное, и впечатлѣніе отъ этого оригинальнаго трудно передаваемо. Красивъ онъ, или нѣтъ? спросить меня. И да, и нѣтъ, по моему.

Городъ раздѣляется какъ въ административномъ отношеніи, такъ и по характеру своему на 3 части. Одна часть, самая обширная, неправильная и грязная, называемая почему-то Жукъвъ уголъ. Другая, поменьше и почище, называется Островомъ. Она окружена водами Вышневолоцкаго канала и Цны и представляетъ собой центр тяжести въ административномъ отношеніи. Третья, самая благоустроенная и самая красивая, представляетъ собой центр тяжести Волочехъ, преимущественно въ торговомъ отношеніи. Въ этой послѣдней находится большая городская площадь съ двумя грязными гостиницами дворами, лучшіе магазины и всякаго рода склады, лабазы и лавченныя. Жукъвъ уголъ—это какъ-бы предмѣстье города. Оно тянется длинной и безпорядочной линіей по обоимъ берегамъ р. Цны, по островкамъ и мысамъ, которые раскинуты довольно живописно по широкому руслу, какъ-бы разлившейся въ этомъ мѣстѣ, рѣки. Рядъ домовъ, идущій по самому берегу и ближе къ городу,—каменный и довольно ровный. Чѣмъ дальше, тѣмъ постройки становятся бѣднѣе и скоро переходятъ въ жалкія лачужки. Эти лачужки наполняютъ собой островки, весь лѣвый берегъ Цны, весь полуостровъ, образующійся здѣсь впадиной рѣки. Цнѣтъ ихъ, сѣрый и грязный,—составляетъ характеристическую черту этой части города—ея улицы, ея жителей такихъ-же сѣрыхъ и грязныхъ.

Островъ начинается въ центрѣ города, отъ торговой площади, пройдя мостъ, перекинутый черезъ Вышневолоцкіи каналъ. Это чистая, уютная и свѣтлая часть города. Улицы въ ней немногочисленны, короткія, но прямыя и опрятныя; дома въ большинствѣ случаевъ деревянные, съ палисадниками, садами и службами, по характеру, болѣе приближающемуся къ деревнѣ. Здѣсь почти всѣ городскія присутственныя мѣста и учрежденія: Дума, полицейское управленіе, управленіе инженернаго округа, пожарная команда, городское училище, школа кондукторовъ и клубъ. Здѣсь живетъ и большинство административныхъ лицъ; здѣсь-же лучшее мѣсто гулянія—березовая роща, разбитая по узкому, но длинному пространству между шоссе и каналомъ. Эта роща справедливо можетъ называться укра-

шением города, дающим жителям его рѣдкое удовольствие, особенно лѣтнее. Здѣсь есть бесѣдка, въ которой играетъ нѣкоторое время откуда-то прибывающій оркестръ.

Торговая часть города — самая правильная по устройству. Отъ торговой площади въ разные стороны идетъ сѣтъ улицъ, означивающихся за городомъ. На этой же площади, правильнѣе на краю ея, стоятъ рядъ домовъ, лучшихъ въ городѣ. Противъ нихъ изгибается дугой маленький каналъ, неизвѣстно для чего прорытый здѣсь отъ Вышневолоцкаго канала. Длина его всего нѣсколько десятковъ сажень. Между этими каналами, образуется, такимъ образомъ, островъ, покрытый зеленымъ и деревьями. Даже идетъ большой каналъ, съ его роскошной набережной, находящейся ниже уровня улицъ; маленький, передвижной мостъ черезъ каналъ и первый плюсъ.

Я пріѣхалъ въ Волоцкѣ утромъ дождливаго и холоднаго дня. Первые впечатлѣнія петербуржца, очевидно, не могли быть приятны; все казалось мнѣ и грязнымъ и жалкимъ. Дребезжащія, елп-живыя дрожки подвезли меня къ одному изъ бѣлыхъ, опрятныхъ домовъ на площади, въ числа тѣхъ, которые я называлъ лучшими. Деревянныя ворота его были закрыты, калитки не было и кругомъ почти пустыня.

— Куда же ты? крикнулъ я со злостью. Въ гостиницу, говорятъ тебѣ!

— Она и есть, ваше в-дѣ... улыбнулся извозчикъ.

— Какъ она? Здѣсь и входу нѣтъ и вывѣски...

— У насъ это всегда. Обычай такой...

Извозчикъ постучалъ въ ворота, а же съ нѣкоторымъ отчаяніемъ ждалъ, что будетъ дальше. Наконецъ, появилась пошлая женщина и ласково пригласила меня:— „Пожалуйте“ ..

По досчатому, чистому помосту пошелъ я въ узкій дворикъ и налѣво въ крыльцо. Старушка тѣло поднималась по деревянной скрипячей лѣстницѣ, я за ней, и отчаяніе, все сильнѣе давило меня.

— Куда-это меня втаснутъ? пронеслось у меня въ мысляхъ.

Мы поднялись на площадку и вошли въ одну изъ дверей направо, обитыхъ грязной клеенкой съ какой-то скобкой виѣсто ручка.

— Вотъ, пожалуйста-съ!.. Какую хотите! Ту, али энту?— на рас-

пѣвъ говорила старушка, растопыренными руками указывая на двѣ двери: одну прямо изъ передней, другую налѣво.

Комната, въ которую я вошелъ, нѣсколько меня успокоила. Она была безусловно опрятна, хотя меблирована не роскошно.

— А спать гдѣ же?..

— А вотъ, на диванчикѣ!

— Да какъ же тутъ? Вѣдь онъ узкій, да и покатымъ такой.

— Зачѣмъ?.. Ничего, спать! Можно спать!

— Да я тамъ не знаю — можно или нѣтъ. Мнѣ не удобно, понимаєте!.. разсердился я.

— Понимаемъ, какъ не понимать!

— Тамъ поставьте мнѣ кровать!

— Зачѣмъ кровать? удивилась старушка.

Я тоже удивился.

— Да спать, чортъ возьми!

— Спать и тутъ можете, — убѣдительно выговорила она, — зачѣмъ кровать?

— Говорю я вамъ по-русски, что я не хочу спать на диванѣ! Принесите кровать! Поняли, или нѣтъ?..

— Поняла, отчего не понять! — обидчиво отвернулась къ двери старушка. — Чай, по-русски говорю. Только кровать это нельзя поставить.

— Нѣтъ у васъ кровати, что-ли? выходилъ я изъ себя

— Какъ не быть? Въ сусѣднемъ номерѣ есть.

— Перенесите, я заплачу больше!

— Ничего энтого нельзя. У насъ не *лазаретъ*, ужъ пивайте... совсѣмъ обидѣлась моя старушка.

— Я съ удивленіемъ уставился на нее и вдругъ расхохотался. Этотъ лазаретъ старушки и сложенная, обиженная физиономія прогнали всю мою злость.

— Тамъ покажите, мнѣ, милая, номеръ съ *кроватью*, уже ласково попросилъ я.

Номеръ съ кроватью оказался въ двѣ комнаты, причемъ гостиная выходила на улицу, спальня во дворъ. Обстановка бѣдная, поминала, но далеко лучше той, которую я себѣ представлялъ. Словомъ, я начиналъ успокоиваться. Изъ оконъ моей *гостиной*, нѣсколько влѣво, видна была площадь, въ эту пору пустынная и грязная, и

двѣ-три грязныя улицы, идущія отъ нея; а вправо — маленькій каналъ, въ которомъ, какъ разъ противъ моихъ оконъ, на черной досчатой подстилкѣ, возились замазавшіеся рабочіе, черная со дна всякую грязь и бросаю ея по берегу на островѣ. Деревья маленькаго парка, разбитаго и на островѣ, и по сю сторону канавы, уныло качавшія своими мокрыми и почти голыми вѣтвями, составляли фонъ всей картины передо мной, сжатой и не симпатичной. Глазъ упирался или въ желтые ряды гостинаго двора на площади, или въ сѣрую массу голыхъ деревьевъ. То и другое наводило одно уныніе.

Когда я узналъ въ тотъ же день, что моя гостиница лучшая въ городѣ и стоитъ на лучшемъ мѣстѣ, я былъ неприятно изумленъ. — Гдѣ же городъ? спрашиваю я. Тутъ канавы какаго-то, деревня, да грязная площадь!

— А вотъ, лучше пить у насъ, съ улыбкой отвѣчали мнѣ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Два дня спустя, я проснулся и съ удивленіемъ оглядѣлся по комнатѣ. Непривычный свѣтъ поразилъ меня. Я поднялъ шторы и отъ радости самъ себя даже улыбнулся. Яркое, совсѣмъ лѣтнее солнце, снопами свѣта ударило мнѣ въ глаза. Даже за окномъ жарко было отъ его лучей. Небо чистое, синее, нѣжное, точно вымытое. Тамъ же чисто и передъ моими окнами. Мостовая на площади, гостиница, дворъ, островокъ, канавы, деревня — все это точно первый разъ сегодня передо мной, я не узнаю ихъ. Они тоже точно вымыты сегодня, по праздничному.

Я тороплюсь одѣться и выйдти гулять. Я точно не видалъ еще города. Пройдя въ поперекъ улицу передъ моими окнами, спускаюсь за нагородку, окружающую ложбинку, гдѣ протекаетъ каналъ, прохожу шировашированный паркъ и достигаю набережной Вышневолоцкаго канала. Эта набережная съ честью могла бы быть въ любой столицѣ. Это сооруженіе, стоящее миллионно. Каналъ идетъ прямой и ровной, какъ нитка, линіей; края его и внутри и наружу выложены плитой и по обѣимъ сторонамъ его, на всемъ протяженіи, сдѣланы широкія дорожки, великолѣпно убитыя и также хорошо содержимыя. Это, такъ сказать, миллионный подарокъ жителямъ Волочка отъ строителей системы. Такого мѣста гулянья ни одинъ провинціальный городъ, я думаю, не имѣетъ. Весь городъ почти можно

обойти этой набережной канала, широкой, чистой и отдѣленной отъ улицы.

Но опять-таки жители Волочка русскіе, а русскіе не умѣютъ цѣнить своего. Набережная Вышневолоцкаго канала, когда ни пойдти по ней, сверкаетъ отсутствіемъ гуляющихъ и только вечеромъ, сомнительнаго свойства мѣщаночки, да шустрые прикащики, рѣдкими шеренгами, прохаживаются и наполняютъ влажный воздухъ своими громкими голосами да щелканіемъ сѣмачей. Чаше ихъ встрѣчаются евреи и еврейцы, благовоспитанно говорящіе на русскомъ языкѣ.

Обойдя каналъ, я по мосту прошелъ въ березовую рощу на лѣвой сторонѣ его, погулялъ еще здѣсь съ меньшимъ удовольствіемъ, и назадъ отправился по шоссе. Видъ этого шоссе особенно красивъ въ такую хорошую пору. Ни грязи, ни пыли, ни тѣсноты здѣсь нѣтъ. Постройки кругомъ него рѣдки и въ самыхъ опрятныхъ. Самая большая и красивая изъ нихъ—это управленіе лѣнавернаго округа и тамъ же школа кондукторовъ, задней стороной своей выходящая къ парку и каналу.

Войдя на мостъ канала, открылся передо мной видъ Цны, въ которой играло яркое солнце, и видъ всего «Жукова угла». При этомъ освѣщеніи, даже сѣрая масса доминовъ получила свою прелесть, а рядъ каменныхъ домовъ по набережной Цны, что вблизи канавы и грязны и неживописны, отсюда показались мнѣ очень даже красивыми. Словомъ, не преувеличивая, я только въ это утро повилъ всю прелесть Волочка въ лѣтнее время, съ его рѣкой, каналами, озерами, съ его рощами и парками. Тутъ ни отъ пыли, ни отъ жары страдать немислимо. А это, я полагаю, главное для лѣта...

Первей въ г. Волочкѣ 6-те, изъ нихъ лучшая Казанскій соборъ. Вблизи города, верстахъ въ двухъ, одиноко стоитъ, среди гладкихъ полей и пустырей, Казанскій женскій монастырь. Этотъ монастырь основанъ всего лѣтъ 12 назадъ теперешней его настоятельницей, и имѣетъ, въ своемъ родѣ, свою любопытную исторію. Рассказу ея вкратцѣ, какъ передавали мнѣ ее старожилы Волочка и сама глуменія, мать Досифея. Редакціи двухъ этихъ разказовъ нѣсколько различны, какъ различна проза отъ поэзіи; но, разъ задавшись цѣлью записывать на моемъ пути все, обращающее на себя вниманіе, не могу удержаться и на этотъ разъ отъ излишней, можетъ быть, откры-

венности, хотя бы пришлось сообщать вещи и мѣ и мнѣ читателямъ по духу далеко несимпатичныя.

Поэзия гласитъ слѣдующее: Въ одинъ прекрасный день, въ 1872 г., пришла въ Волоочевъ монахиня, крестьянка, маленькая и тощенькая, и направилась въ часовнѣ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, которая тогда стояла тамъ же, гдѣ и теперь, т. е. недалеко за городомъ. Преданіе этой иконы и часовни теряется въ глубокой древности. По рассказамъ матери Досифей, икона первоначально появилась на «полочкѣ» и, послѣ проявленія своей чудотворной силы, была перенесена въ устроенную для нея часовню. Возлѣ этой часовенки былъ огородъ и маленькая хижина, а кругомъ — пустыри и поля.

Монахиня пришла въ часовню, помолилась и легла спать въ хлѣнѣ. Подъ утро видитъ она сонъ, въ которомъ является ей Божія Матерь и говоритъ, что на этомъ мѣстѣ воздвигнется скоро богатая обитель. Просыпается монахиня и слышитъ возлѣ себя громкій колокольный звонъ. Подбѣгаетъ къ окну, но вромѣ одинокой часовенки, кромѣ пустырей и полей, ничего кругомъ не видитъ.

Этотъ сонъ и этотъ колокольный звонъ монахиня принимаетъ за божественное указаніе, поселяется въ хижинкѣ, собираетъ вокругъ себя десятокъ сестеръ и основываетъ таинскъ образомъ общину. Эта община своей строгой жизнью, своими молитвами, обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ набожныхъ мѣстныхъ людей, изъ которыхъ самымъ горячимъ ея сподвижникомъ является мѣстный помѣщикъ князь Путятинъ. Онъ беретъ выхлопотать у синода разрѣшеніе открыть монастырь, и самъ отправляется въ Петербургъ. Но разрѣшеніе не последовало такъ скоро. Синодъ запросилъ, будетъ ли имѣть предпологаемый къ основанію монастырь достаточно обезпеченіа, есть ли у него какой нибудь постоянный вкладъ. Требуемаго вклада не оказалось и разрѣшеніе затянулось на нѣсколько лѣтъ. Только хлопотами князя Путятина, имѣвшаго въ Петербургѣ большія связи, последовало, наконецъ, долгожданное разрѣшеніе основать женскій монастырь Казанской Божіей Матери во имя чудотворной иконы, которую предполагалось сдѣлать монастырской святыней.

А между тѣмъ, поамѣстѣ шло это длинное дѣло, община сестеръ, основанная въ убогой хижинѣ, терпѣла и голодъ и холодъ. Средствами въ пропитанію ихъ были приношенія богомольцевъ, приходившихъ поклониться чудотворной иконѣ. Но эти средства были

скудны, непостоянны, и потому общинѣ приходилось жить зпроголодь. Начальница ея, при всемъ своемъ мужествѣ, своею вѣрѣ и набожности, начинала падать духомъ. Слѣдующій случай чуть не повончилъ существованіа общины. Въ одинъ день казначейша общины говоритъ начальницѣ, что у нихъ въ кладовой не осталось уже ни зерна, ни крупянки, что сегодняшній обѣдъ — послѣдній ихъ трапеза. Начальница, однако, не упала совсѣмъ духомъ и рѣшилась попытаться послѣдняго средства.

Когда сажались всѣ за трапезу, она обратилась къ сестрамъ и сообщила имъ положеніе ихъ дѣлъ.

— Кто твердъ духомъ, говорила она, кто вѣруетъ въ Божію Матерь, тотъ останется со мной.. Не знаю!.. Можетъ быть придется намъ не бѣть день, два, можетъ и три, только я вѣрую, что Божія Матерь не дастъ намъ умереть, что молитвами ея мы спасемся.. Кто же боится испытанія, пусть возвратится въ міръ, въ своимъ родителямъ и роднымъ!

Половина изъ 30 сестеръ заявили желаніе возвратиться домой; другая половина рѣшилась терпѣть испытанія вмѣстѣ съ своей начальницей. Въ ночь, когда всѣ снали, мать Досифея встала и пошла въ часовню. Тамъ молилась она въ слезахъ до утра, молилась послѣдними силами, плакала послѣдними слезами. Утромъ пошла въ часовню богато одѣтая купчиха и, помолившись, вынула въ руку жолѣно-прекловенной монахинѣ крупную бумажку. Эта бумажка спасла общину.

Когда последовало разрѣшеніе открыть монастырь, мать Досифея стала ѣздить по городамъ и собирать подаяніа на постройку его, главное — на основаніе собора. Много извѣдила мѣсть маленькая, тщедушная монахиня, много людей видала, горячо просила ихъ. Много лишней терпѣла она, по усталости не знала. Богатое московское и ярославское купечество, въ конецъ ужъ изжертвовавшееся, очень и очень туго раскошеливалось.

— Раньше бы пришла чучочку, много бы далъ! обыкновенно отвѣчали они. Давеча еще на NN монастырь пожертвовалъ 30 тысячъ — не могу тепериче. На, вонъ, сотню, потомъ приди, еще дамъ!

Такъ, вернымъ по вернымъ собирала мать Досифея на свой монастырь, собирала по рублику, по сотенкамъ, по тысячамъ, равъ даже 10 тис. подарилъ ей московская купчиха и, наконецъ, могла присту-

чить къ основанію собора. Соборъ начали строить, извѣли на него всѣ собранныя 20 тыс. п.. остановились. Опять ни гроша не стало въ общинѣ. На этотъ разъ опять помочь ввязъ Путятинъ. Своими совѣтами, уважаніями, онъ далъ возможность добыть еще нѣкоторую сумму—въ 2 тыс. руб., которая назначена была жертвователямъ въ обезпеченіе монастыря. Этими деньгами сестры все-какъ перебились, но соборъ все стоялъ. Затѣмъ, стараніями того же Путятина нашелся богатый челоуѣкъ, который далъ денегъ и на окончаніе собора, стоящаго нынѣ по меньшей мѣрѣ 200 тысячъ рублей. Съ легкой руки этого благодѣтеля нашлись и другіе, и постройки въ монастырѣ стали выростать какъ грибы.

Есть въ Петербургѣ одинъ frutto-торговецъ Сивохинъ, купившій себѣ даже генеральство по зернышкамъ, во множествѣ пріготовъ, которыхъ онъ состоитъ попечителемъ. Вотъ въ этому-то Сивохину и послалъ мать Досифею. Пришла она, поклонилась, стала просить, а онъ то же, что и московскіе купцы: — «далъ ужъ много, не могу!» Сотежку, однако, далъ. — «Какъ Богъ на душу положить, подожду, можетъ и еще дамъ».. проводилъ онъ ее. Потомъ какъ-то онъ вдругъ пріѣзжаетъ въ обитель и внезапно начинаетъ строить гостиницу въ ней. Говорятъ, что онъ сонъ какой-то видѣлъ. Выстроилъ гостиницу въ 45 тысячъ и сталъ съ тѣхъ поръ помогать монастырю. Того кушнть, другого, припасовъ, только денегъ давать онъ не любитъ. Все черезъ подрядчика, да прикащиковъ. Въ этомъ году, кажется, началъ онъ строить гигантскую колокольню близъ монастырскаго собора. Она должна быть въ 50—60 сажень высоты. На одно основаніе ее вдержано уже 25 тысячъ, столько же по смѣтѣ полагается и на окончаніе. «Только меньше 100 тыс. этой колокольнѣ не стоитъ», говорятъ тѣ, кто знаетъ подрядчика Сивохина.

Вотъ, приблизительно, что слыхалъ я отъ самой игуменны и основательницы Каванскаго монастыря, въ день Казанской Божіей Матери, когда я удостоился быть за ея трапезой. — «Сегодня по утру это было — такъ кончала она разсказъ своимъ дребезжающимъ и тоненькимъ голоскомъ.— Встала это я, т. е. проснулась, только и слышу колокольный звонъ. Колокольный звонъ такой же точно, какъ тогда, въ первый разъ, когда ничего еще здѣсь не было. Такъ прослезилась я... Обильно плакала и усердно молилась и благодарила Богородицу. «Матерь Пресвятая! Твоими молитвами мы живемъ, Твоими благо-

дѣяніями все это создалось изъ ничего, изъ пустыни... Матерь Богородица! Прими наше благодареніе»... молилась мать Досифея, сидя рядомъ со мной за чашкой чаю.

— И какая-то радость была намъ всѣмъ, когда первая голубица къ намъ залетѣла! продолжала она умильно.

— Голубица?.. удивился я.

— Первая залетѣла. До тѣхъ поръ все больше галки да вороны летали. А тутъ вдругъ голубица, точно вѣстникъ мира, счастье...

— А что, матушка, осторожно прервалъ я ее. Сколько стоятъ вамъ содержаніе монастыря?

— Не знаю... не знаю... Вотъ князь Путятинъ считалъ.. Говорить, больше 30 тысячъ въ годъ.

— А постоянные вклады есть какіе-нибудь.

— Нѣтъ, сударь! Почти нѣтъ!.. Вотъ только 2 тыс. отъ ярославскаго кушца.. Только двѣ тысячи...

— Какъ же, матушка? Вы изволите жить на проценты ихъ?

— Не знаю, сударь! Не знаю!.. Молитвами Богородицы не терпимъ теперъ... Не скудѣетъ милость Богородицы...

— Однако жъ!.. осторожно замѣтилъ я.

— Присвятъ, сударь! Кто хлѣбца, кто того, другаго.. присвятъ! Такъ что я запасаецъ теперъ имѣемъ свой... Потому хозяйство имѣемъ.. Земли немного есть. Не оставляетъ Богородица.

— А... на счетъ обезпеченія, вы не заботились, матушка?

— Заботилась, сударь мол, очень даже заботилась. Вотъ и Сивохину говорила не разъ. Далъ бы денегъ вмѣсто этихъ построекъ! Каланчу это теперъ строить. Видѣлъ, чай?.. Такъ я его и присла: дайте вы эти деньги на содержаніе, значить, монастыря. Не нукаю намъ колокольню. На что она, говорю я, когда мы средствъ никакихъ, значить, собственныхъ не имѣемъ?.. Нѣтъ, говорить, что я началъ и кончу. А васъ, Богъ поможетъ, не оставлю. Съ голоду помертъ не дамъ. Такъ и не даетъ ничего...

Теперь нѣсколько словъ о прошломъ и настоящемъ этого монастыря по другимъ разсказамъ, гласъ народа, такъ сказать, гласъ нѣстныхъ старожилъ, словомъ, гласъ большинства.

Лѣтъ 12 тому назадъ, говорятъ они, въ вышеупомянутую городскую явилась какая-то личность (прибавляютъ, что это былъ князь Путятинъ) и предложила городу продать ему участки земли за 250

тавими-то. Между прочими ММ былъ и М, гдѣ стояла часовня съ чудотворной иконой Казанской Божіей Матери. Продавъ все это за ничтожную плату, подъ общей рубрикой «негодныхъ земель», городъ только тогда переполошился, когда кто-то подсказалъ ему, что онъ продалъ и чудотворную икону. Стали начинать процессъ, до сѣнати дошло, и такъ какъ по закону святини не продаются, городу возвратили часовенку съ чудотворной иконой. Съ этимъ рѣшеніемъ сената, подосѣвшимъ къ тому времени, когда синодъ разрѣшилъ открытіе монастыря, чуть не рухнула весь проектъ рачителей будущей обители, основанный только на существованіи въ ней чудотворной иконы. Эта святиня должна была привлекать жертвователей, кормить, поить всю общину. Одного кружечнаго собору въ часовнѣ Божіей Матери бывало въ годъ до 10 тысячъ, значитъ обезпеченіе было-бы и вѣрное и, на первое время, немалое. Безъ чудотворной иконы, кто дастъ на монастырь, кто пойдетъ къ нему на поклоненіе?

Вотъ и задумалась мать Досифея. Однако не надолго. Утѣрила она себя, что чудотворный образъ у нея въ обители, по крайней мѣрѣ, что очень скоро и во что бы то ни стало онъ тамъ будетъ. Для этого у нея было вѣрное средство. Съ тѣмъ и пошла странствовать по міру. «Подайте-моль на построеніе храма въ честь Казанской Божіей Матери, для подворенія въ немъ Ея чудотворной иконы».

Тѣ, кто слышали про силу чудотворной иконы близъ Волочка, охотно давали на построеніе храма; кто не слыжалъ—справлялись, прислали въ обитель своихъ довѣренныхъ и, убѣдившись въ существованіи часовенки съ иконой, а возлѣ нея скромной хижины для сестеръ, тоже не замедлили присылать кто мало, кто много. На эти легки основался храмъ, а какъ онъ кончался, на чьи средства, кто далъ эти сотни тысячъ—объ этомъ исторія говорить какъ-то глухо. Мать Доросея говоритъ, что монастырскій соборъ построила Матерь Божія, а люди же говорятъ, что былъ нѣкій купецъ Воронинъ, которому соборъ обошелся до 200 тыс. руб. Но, какъ бы тамъ ни было, красивый соборъ сталъ посреди обители, на мѣстѣ тундръ и болотъ, и мать Досифея вполне въ правѣ имъ гордиться. Въ правѣ была и ждать себѣ награды за неусыпные труды.

Съ освященіемъ храма, года 2 тому назадъ, мать Досифея считала свои пламеннѣйшія мечты уже осуществленными. Чудотворная

икона Божіей Матери теперь *должна была* быть перенесена въ соборъ, *должна была* составлять собственность монастыря. Значать, она не кривила душой, когда собирала на построеніе храма въ честь ея. Мать Досифея хорошо знала законъ, по которому всякая часовня съ чудотворной иконой принадлежитъ *ближайшей* къ ней церкви. Нѣсколько десятковъ саженъ, раздѣлявшихъ соборъ отъ часовни, давала ей теперь законное право на перенесеніе иконы въ соборъ. Она сообразно этому подала прошеніе съ ему начальству. Началось дѣло, и вдругъ случилось то, чего никакъ не ожидала ни мать Досифея, ни ея сподвижники.

Казанскій соборъ въ городѣ, которому до сихъ поръ принадлежала икона, долженъ былъ обнаться, съ потерей своей главной святини. Его настоятель, староста и многие городскіе граждане, пообѣщавшіе его, какъ ни были ошеломлены неожиданной выходкой матери Досифея, посоветовавшись, да потоловавъ, пришли таки къ гениальной мысли, чтобы спасти свое сокровище. Пока тянулось еще дѣло, они вкоро стали перестраивать часовню. Расширили ее, поставили придѣлъ, дарскія двери, навали причтъ и въ нѣсколько недѣль устроили, на мѣстѣ часовенки, крошечную *церковь*. Очевидно, она оказалась ближе къ иконѣ, чѣмъ монастырскій соборъ, потому что икона висѣла въ самой церкви. Дѣло монастыря было проиграно, и 12-ти лѣтнія мечты матери Досифея разбились, какъется, навсегда.

Вотъ почему мать Досифея хлопочетъ такъ объ обезпеченіи богатыхъ владомъ ея монастыря, потерявъ надежду на доходы чудотворной иконы. Ея хлопоты нельзя не признать вполне своевременными. Выстроить все необходимое для большого монастыря, созвать и поселить тамъ до 600 чел. сестеръ, содержаніе которыхъ при самой постной пищѣ обходится не менѣе 30 тыс. въ годъ, и черпать эти насущныя средства изъ случайныхъ подаваній—по меньшей мѣрѣ это опрочетливо. Горячо мать Досифея старалась о сооруженіи монастыря, но еще горячѣе должна бы стараться теперь объ обезпеченіи существованія въ немъ сотенъ юнжъ созданий, сторуанныхъ отъ семей, отъ работы, часто отъ достатка...

Казанскій монастырь видѣнъ тотчасъ, по выѣздѣ изъ города. Онъ раскинутъ большимъ четырехугольникомъ въ плоской котловинѣ и открытъ со всѣхъ сторонъ. За нимъ мѣстность замѣтно подымается и въ отдаленіи, на склонѣ, красиво виднѣется ограда и красныя во-

рота городского кладбища. Это кладбище отдано городомъ въ распоряженіе монастыря.

Монастырь не имѣетъ ограды. Эту ограду замѣняютъ всѣ постройки монастыря, тѣсно поставленныя по всѣмъ четыремъ сторонамъ и соединенныя еще заборомъ. Соборъ по внѣшности представляеть очень красивое сооруженіе. Онъ, почти квадратный, весь обложенъ съ большимъ куполомъ по срединѣ и съ множествомъ маленькихъ куполовъ, вкругомъ его расположенныхъ съ большимъ вкусомъ. Эта оригинальная постановка куполовъ, стоившая большихъ денегъ, бросается однако въ глаза своей непрактичностью. Нужны не малые средства, чтобы поддерживать хотя въ приличномъ видѣ такое множество куполовъ.

Соборъ—это единственное сооруженіе въ монастырѣ, стоящее вниманіе, хотя только извнѣ. Внутренность его тѣсна и какъ-то странно сжата; надъ большей половиной храма висятъ хоры, производящіе не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Иконостасъ и вся живопись—новыя, блестящія, но заурядныя, безъ слѣда художественности.

Всѣ остальные постройки монастыря очень невзрачны и малы, за исключеніемъ гостиницы и будущей колокольни. Гостиница—даръ Сивохина,—это трехъ-этажное каменное зданіе, вазарменнаго вида, изъ неокрашеннаго кирпича. Она виднѣется издалека, составляя своимъ фронтомъ часть наружной, обращенной къ городу, стороны. Другіе флггеля, преимущественно деревянные, заняты подъ геллами сестеръ. Въ монастырѣ есть еще нѣсколько часовенъ, раскинутыхъ тамъ и сямъ, и теплая деревянная церковь. Рядомъ съ воротами монастыря, ведущими къ большому собору, нѣсколько саженъ подале, стоитъ круглая часовня (теперь церковь) съ чудотворной иконой Божіей Матери. Она отдѣлена отъ монастыря заборомъ и стоитъ болѣе на виду.

Я попалъ въ монастырь какъ разъ въ праздникъ мѣстной Казанской Божіей Матери. Народу еще наканунѣ павалило туда пропасть, и съ утра, по двумъ дорогамъ изъ города, тянулись вереницы богомольцевъ. День былъ совсѣмъ лѣтній, яркій и теплый. Я медленно ѣхалъ между толпами пѣшиходовъ, наслаждаясь и этимъ утромъ и этимъ зрѣлищемъ. Видъ монастыря и за нимъ кладбища, громкій звонъ колоколовъ сзади изъ города, и глухой, все усиливающийся

звонъ изъ монастыря, располагали къ самому торжественному и радостному настроенію. Въ соборъ пробраться было очень трудно, пришлось пробрести конецъ обѣдни по монастырю.

Послѣ обѣдни, часамъ къ 12-ти, самые почетные гости собрались въ трапезной матери-игуменьи. Тутъ преобладалъ элементъ длиннополыхъ купцовъ съ супругицами и родственниками ихъ. Все больше жертвователи. Были и нѣкоторые представители мѣстной администраціи. Все это чинно сидѣло кругомъ длиннаго стола, ублажался чаемъ съ вареньемъ, а большинство въ прикуску. Для сего и сахаръ былъ разбитъ мелкими кусочками и разсыпанъ по нѣсколькимъ вазочкамъ. Между гостями обращали на себя вниманіе болѣе другихъ трое, высокой, полный и сѣдой купчина съ очень широкимъ и добродушнымъ лицомъ, также высокой, также полный, но уже рыжеватый, плѣшивый полу-купецъ, полумужикъ, съ нѣсколькими медалями на шеѣ, и, насупротивъ ихъ, маленький, сѣденый и юркій человѣчекъ, прототипъ прикащика. Они всѣ трое варазъ приглашали меня сѣсть, предлагали чайку, али закусь. Всѣ трое направились къ побочному столу съ закусками, и когда я любезно отказался отъ «всякаго вина», съ сожалѣніемъ качая головою, какъ-то особенно небрежно пропустилъ въ себя по парочкѣ «очищенной». Судя по этой небрежности и еще кой по чему, это были не первыя рюмки.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа дверь отворилась и въ комнату, благославляя всѣхъ, вошла мать Досвоя. Ея миниатюрность, худоба и блѣдность—вотъ что останавливаетъ на ней вниманіе. Я оказался ей со сѣдомъ съ правой стороны я, какъ пріѣзжій, пользовался нѣсколько большимъ вниманіемъ съ ея стороны. Это и дало мнѣ возможность узнать исторію монастыря изъ устъ его основательницы.

Послѣ часу почти такой бесѣды, я получилъ дозволеніе осмотрѣть мастерскія и руководѣнныя монастыря. Изъ первыхъ заслуживаетъ вниманія иконописная, изъ вторыхъ—визальня коворовъ. Собственно говоря, это единственными серьезными занятиями сестеръ, и то весьма небольшого количества ихъ. Иконы и ковры дѣлаются ими весьма недурно. Но занимается этимъ человѣкъ 50-ть, самое большое. Продажи почти нѣтъ. Иконы ставятся въ свои церкви, въ кельи; ковры дарятся болѣе крупнымъ жертвователямъ. Школы въ монастырѣ нѣтъ хотя есть десятки безграмотныхъ дѣвочекъ—дѣтей.

Въ такъ называемой «гостинницѣ» помѣщается внизу большая трапезная. Когда я вошелъ туда, всѣ были уже за столомъ, и шла довольно шумная трапеза. Длинная комната была уставлена съ обѣихъ сторонъ длинными столами, за которыми сидѣли сотни сестеръ—справа монахини, съ лѣва бѣлицы; съ третьей стороны, у стѣны противуположной входу, помѣщался столъ по меньше, за которымъ всѣдала сама игуменья и всѣ гости. Въ воздухѣ стоялъ «постный» запахъ. Квасъ, макуста, осетрина, святки — все это щеголяло не совсѣмъ аппетитно обоняніе.

Я подошелъ къ столу игуменьи, забывъ, что она тамъ сидитъ. Только ея тоненькій голосокъ обратилъ мое вниманіе. Противъ нея сидѣли всѣ три туза. Они приглашали меня занять мѣсто рядомъ, просили такъ умилно и добродушно, что я еле-смогъ извиниться наимѣнѣеишъ времени. Какъ я узналъ потомъ, большой и сѣдой изъ нихъ былъ мѣстный купецъ, жертвователь монастыря, большой и рыжий—волостной старшина Дорской волости, бывшій на коронаціи, старѣйшій изъ старшинъ и усердѣйшій богомолецъ, а маленькій и юркій—ваширь монастыря, подрядчикъ по постройкамъ Сивохина и полный почти хозяинъ въ монастырѣ.

Я пришелъ на верхъ зданія. Тамъ были «парадные» комнаты самаго Сивохина и номера для прѣзжающихъ. Номера и тѣсны, и бѣдны, аппартаменты Сивохина за то и просторны и богаты. Въ большой залѣ висятъ портреты виновника всего этого великолѣпія. Точно министр! Вся грудь прикрыта врестами.

«Что она стоитъ, эта грудь?», подумалъ я. «Сколько сотенъ тысячъ уложено на эти покровы? При выходѣ изъ аппартаментовъ Сивохина, я былъ не мало пораженъ слѣдующей сценой. Ко мнѣ изъ передней бросилась на встрѣчу дѣвочка лѣтъ 4—5, одѣтая съ ногъ до головы въ глубокое монашеское одѣяніе. Голову ея прикрывалъ клобукъ, въ рукѣ висѣли черныя четки. Она бросилась мнѣ въ ноги, внезапно вскочила, и стала цѣловать руки, потомъ опять повалилась въ ноги, и эту процедуру продолжала нѣсколько разъ съ изумительной быстротой. Я не могъ пошевелиться отъ изумленія и вопросительно взглядывалъ на мать-казначейшю—моего проводника, которая одобрительно и съ улыбкой въ свою очередь поглядывала на дѣвочку.

— Что... кто это?.. выговорила я наконецъ.

— Кто ты? скажи барину! выложила въ дѣвочки мать-казначейша.

— Я.. я Малія габѣяница!

— Кто... Что? не расслышала я.

— Марія грѣшница она у насъ, повторила за нее съ улыбкой мать-казначейша. Спои, вотъ, барину чтонибудь, да получше!—опять наклонилась она къ дѣвочкѣ.

Ребенокъ сталъ въ позу, поднялъ правую ручку, сложилъ пальчики «по архирейски» и, дрижнувъ самъ себя, съ уморительной серьезностью зашпѣлъ: «Исполати Госводи!»... Тоненькій голосокъ ребенка надрыдался и дребезжалъ, но, однако, блистательно побѣдилъ всѣ трудности: очень фальшивыхъ нотъ не было. Я спросилъ казначейшу: кто, откуда и чья эта сграбная дѣвочка? Она отвѣчала мнѣ что дѣвочка отдана къ нимъ сиротой, что она очень понравилась игуменѣ, которая держитъ ее не отлучно при себѣ, одѣла ее въ это платье, учитъ пѣть и показываеъ своимъ почетнымъ гостямъ.

Признаюсь.. не ожидалъ!

— А вотъ, митрополиту Платону не показали Марію грѣшницу, говорили мнѣ въ городѣ въ отвѣтъ на мое удивленіе надъ этимъ событіемъ. Тотъ ихъ прочелъ такую рѣчь, что не до Маріи было тогда.

— Объ чемъ же?

— Мать Досифея, видите ли, хвалилась передъ нимъ, что вотъ моль, милостями Царицы Небесной, какое великолѣпіе удалось воздвигнуть на мѣстѣ пустыни и въ такой короткій срокъ! Онъ все слушалъ да молчалъ. Умолила, наконецъ, игуменья. «И только-то?» спросилъ ее тогда Платонъ. «Что же еще высокопреосвященнѣйшій?», смутилась игуменья. — «Вы собрали богатство и довольно?.. Въ кирпичъ уложилъ сотни тысячъ и успокоились?.. рѣзко заговорилъ Платонъ. «А думали ли вы создать хоть какое-нибудь богатство въ сердцахъ вашихъ подчпненныхъ, которыхъ призвали сюда и дадите, отвѣтъ за нихъ? Зарыли ли хоть тысячную долю въ души ихъ того что зарыли въ мертвый камень, на неподобающее монашескому са-

ну великолѣпіе? Есть ли у васъ школа, молитва усердная, бдѣніе?... и пошелъ на эту тему. Такъ не до Маріи было тогда.

Да и понятно!.

Съ проведеніемъ черезъ Вышній-Волочекъ желѣзной дороги, упала, какъ я уже сказалъ, его промышленность и торговля, но за то на счетъ ихъ развилась фабричная дѣятельность какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. Осѣдлое население гор. Волочка какого либо рода ремеслами спеціально не занимается, и обширной торговли чѣмъ либо не ведетъ. Во время бывшаго судоходства по спстемѣ, население въ большомъ количествѣ отправлялось на судахъ, нынѣ же оно работаетъ преимущественно на фабрикахъ и занимается рубкой и сплавомъ лѣса.

Торговля лѣсомъ—эта единственная, отчасти уцѣлѣвшая отрасль мѣстной торговли. Благодаря обилію лѣсовъ въ уѣздѣ, обилію рѣкъ и озеръ, торговля лѣсомъ въ оное время достигла здѣсь обширныхъ размѣровъ. Лѣсоторговцевъ въ Вышнемъ-Волочкѣ было много и они весьма скоро сколачивали крупныя деньги. Нынѣ ихъ дѣла стали значительно хуже. Изъ всего числа торговцевъ лѣсомъ осталось ихъ въ Волочкѣ не болѣе 8 самыхъ крупныхъ. И тѣ вряхтять да валуются на безденежье, на застои въ дѣлахъ.

Причинъ такому упадку лѣсоторговли много. Главныя изъ нихъ: истребленіе лѣсовъ, слишкомъ высокая рабочая плата и обмелчаніе рѣкъ. Истребленіе лѣсовъ идетъ въ громадныхъ размѣрахъ. Это ни для кого ужъ не тайна, но и трудно помариться равнодушно съ такой истиной. Главное богатство страны, главная основа ея благосостоянія, убивается самымъ безпощаднымъ образомъ. Громадныя лѣсныя пространства представляютъ теперь унылыя пустыни, на которыхъ ничто не растетъ, ничто и не сѣется. А смежныя поля сохнутъ отъ недостатка влаги, вѣтеръ раздуиваетъ по нимъ, заноса въ города и деревни всякаго рода болѣзни. Крестьяне почти открыто рубятъ и увозятъ остатки чужого лѣса, не въ силахъ платить за него небывало-высокихъ существующихъ нынѣ цѣнъ. Такова картина лѣсного хозяйства въ уѣздахъ, которые нынѣ удалось посѣтить. Понятно, что и торговля лѣсомъ должна падать, за отсутствіемъ главного—материала въ ея.

Плата рабочему въ послѣднее время до того возвысилась, что даже несоразмѣрно высокая цѣны на лѣсъ въ продажѣ не могутъ ее съ прежнимъ барышемъ окультить. Лѣтъ 10 еще тому назадъ, рабочему по рублѣ и славу лѣса платили 50 к. въ день, и кубическая сажень дровъ стоила 3 р.—3 р. 50 к. Теперь итѣ платятъ 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к., а та же сажень дровъ стоитъ 6 р.—6 р. 60 к. Пропорція въ поднятіи цѣнъ тутъ выходитъ, какъ видно, не въ пользу лѣсоторговцевъ. Причинъ этому поднятію цѣнъ на рабочія руки тоже много. Онѣ кроются въ общемъ экономическомъ положеніи страны, характеристива котораго—возрожденіе всѣхъ продуктовъ и возрастающая потребность на рабочія силы, идущія параллельно съ убывлю мѣстнаго населенія. Одна земля что требуетъ работниковъ! Одни крестьянскіе надѣлы, если бы они обрабатывались съ должнымъ стараніемъ, сообразно качеству грунта и потребностямъ крестьянской семьи, поглотили бы на большую половину года всѣ мѣстныя силы. А помѣщичьи владѣнія? А фабрики, заводы? А отхожіе промыслы? А воинская повинность? Сколько тысячъ людей требуютъ они изъ каждаго уѣзда, требуютъ настоятельно, безусловно. Хлѣбъ у помѣщика не можетъ стоять не убраннымъ, земля не вспаханной. Фабрики и заводы снѣгаютъ работать не только днемъ, но и ночью. Въ Питеръ, въ Москву, въ дальнія страны тянетъ нынѣ всякаго подростка-крестьянина, едва ему минетъ 16—17 лѣтъ. Кто что умѣетъ, а кто и не умѣетъ, всякъ нарывать вонъ изъ дому «пожить на волѣ, попробовать счастья, да капиталецъ составить». Русское «авось» въ этомъ случаѣ гремитъ отъ избѣ въ избѣ, отъ села къ селу. Уходятъ сотни народа изъ каждой волости, убиваютъ послѣдніе гроши семей на «снаряженіе», обѣщаютъ поддержку и помощь, а гляди—черезъ годъ и сами денегъ изъ дому просятъ, а черезъ 2, 3, 5, 10 лѣтъ возвращаются въ родныя сѣни или по этапу, или по волѣ, съ печатью столичнаго разгула, разврата на всемъ существѣ, больные, разслабленные, ни къ чему не годные, но за то осѣненные всеми мудростями столичнаго просвѣщенія.

Понятно, что дорогъ съездѣ теперь всякій работникъ—и трезвый и пьяный—былъ ли бы лишь онъ. Но его мало. Такъ мало, что помѣщики стали нынѣ такой-же собственностью крестьянина, какъ прежде они были его. Отъ фантази, каприза и главное отъ водки зависятъ теперь часто благосостояніе помѣщика. Кто дастъ больше,

кто оставит лишнее ведро—тѣ тому и влутъ работать. Быть помѣщикомъ въ послѣднее время становится все болѣе и болѣе не подъ силу самымъ богатымъ людямъ, и дворянскія земли, въ возрасташей съ каждымъ годомъ прогрессіи, переходятъ въ руки купцовъ и, главное, кулаковъ изъ крестьянъ. Двадцать, сорокъ лѣтъ даютъ самое большее на западные уѣзды Тверской губерніи — до полного исчезновенія изъ нихъ дворянскаго элемента.

Такая же система завыванія къ себѣ рабочаго существуетъ и въ лѣсномъ промыслѣ. Только тутъ еще крупнѣе ея размѣры. Отъ срочности лѣсныхъ порубокъ и главное силава лѣса, отъ выгодъ, связанныхъ съ скорѣйшимъ доставленіемъ его на мѣсто, пропсходитъ несообразный ни съ чѣмъ торгъ на рабочей руки. Кто больше достанетъ рабочихъ,—тотъ первый приготовить къ мѣсту дрова и лѣсъ, и продать его дорожѣ. Значить, можно и должно отбить рабочаго у своего сосѣда, прибавивъ ему 20—30 коп. въ день: потомъ заверстается. Естественно, что и рабочий, видя эту борьбу за себя, становится и дорожѣ, и дерзковъ, и плохъ.

Обмельчаніе рѣкъ и озеръ лѣственно увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ причины этого явленія я не вникалъ, но думаю, что не послѣднюю тутъ роль играетъ то же истребленіе прибрежныхъ лѣсовъ. Если такъ, то, значить, господа лѣсоторговцы, вырубая лѣса, рубятъ и самихъ себя. Безъ силава будетъ немислима и ихъ торговля. Но какъ бы тамъ ни было, затруднительность въ этомъ силавѣ существуетъ ужъ и теперь, и это едва ли не главная причина упадка лѣсной торговли, дороговизны лѣса въ продажѣ и всей неурядицы, господствующей теперь въ лѣсопромышленности. Такъ по крайней мѣрѣ говорили мнѣ здѣшніе крупные промышленники.

— Мы совсѣмъ безнадежны отъ безпорядковъ въ силавѣ лѣса, жаловались мнѣ нѣкоторые. Мы терпимъ громадные убытки, убиваемъ, можно сказать, самихъ себя, поддерживая эти безпорядки на сплавныхъ пунктахъ, но не можемъ выпутаться изъ этой сѣти.

Прекращеніе этой неурядицы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вполне достижимо установленіемъ правильно-выработанныхъ законовъ по сплаву лѣса, которымъ обязательно слѣдуетъ подчинить всѣхъ лѣсопромышленниковъ. Вопросъ объ этихъ обязательныхъ постановленіяхъ давно уже былъ поднятъ въ Вышнемъ-Волочкѣ по почину тамош-

няго городского головы, г. Федорова, крупнаго лѣсопромышленника. Этотъ послѣдній, совместно съ однимъ инженеромъ, составилъ проектъ такихъ постановленій въ размѣрѣ цѣлой брошюры. Она была отдана на разсмотрѣніе всѣхъ лѣсопромышленниковъ уѣзда, и, по словамъ г. Федорова, всѣми одобрена и подписана, за исключеніемъ одного. Veto этого одного разрушило весь долговременный трудъ охранителей порядка и огнило у нихъ надежду и энергію на упорядоченіе когда нибудь лѣснаго промысла.

По словамъ другихъ, установленіе какихъ нибудь общихъ правилъ для лѣсопромышленниковъ Вышневолоцкаго уѣзда немислимо, въ виду исключительности производства въ немъ лѣснаго сплава. А исключительность эта заключается въ слѣдующемъ.

Весь лѣсъ, продаваемый изъ Вышняго-Волочка, вырубается лѣсопромышленниками изъ дальнихъ лѣсныхъ дачъ, на разстояніи 40—70 верстъ отъ Волочка.

Тамъ онъ складывается по берегамъ маленькихъ рѣчекъ, спавающихъ въ сѣверный бассейнъ Вышневолоцкой системы, такъ-называемое Заводское водохранилище, преимущественно по берегамъ Цны. Всѣ эти рѣки мелководны и мельчаютъ еще, какъ я уже сказалъ, съ каждымъ годомъ. Силавъ по нимъ возможенъ только въ самое короткое время года, въ продолженіи 2—3 недѣль, когда онѣ вскрываются и поднимаются. Кто не успѣетъ въ этотъ промежутокъ привести лѣсъ и дрова до водохранилища, тотъ погибъ. Его товаръ застрянетъ на пути, и приходится ему или злыдовать и ожидать новаго вскрытія рѣкъ, или быть свезеннымъ на подводахъ. И то и другое сопряжено, понятно, съ большими убытками и никому не нравится. Очевидно, что великій старается сложить свой товаръ ближе къ водѣ и впереди своего товарища; а затѣмъ, когда подойдетъ время силава, нанять побольше рабочихъ и спихнуть скорѣе другихъ свой товаръ въ воду. Можно себѣ представить, что за кавардакъ происходитъ въ этихъ оживленныхъ мѣстахъ, какая вражда и брань вытекаютъ между царями этихъ мѣстъ. А какъ ее устранить? Какъ заставить рѣки вскрываться пораньше и быть продуктивными подольше. Труденько заставить гг. лѣсопромышленниковъ любить ближняго, какъ самаго себя. Тутъ и законы не помогутъ. А это лучшее и, кажется, единственное средство для упорядоченія лѣснаго сплава.

Вражда между лѣсопромышленниками не прекращается и съ доставленіемъ благополучно ихъ товаровъ въ водохранилище. На этомъ громадномъ водномъ пространствѣ начинается между ними соперничество этого рода — перегонка другъ друга. Дрова и балки, наваленныя цѣлыми горами въ воду, по нѣсколькимъ тысячамъ кубиковъ въ каждую, гонятъ какъ попало черезъ озеро. (Часть ихъ здѣсь не дѣлаютъ). Нужно сплывать, чтобы первыми поплыть въ каналъ, огораживающій заводскій бейшлотъ, и занять первое мѣсто на лѣсной биржѣ. Очевидно и тутъ вражда и борьба между сплавщиками и ихъ хозяевами не прекращаются. Каждая артель рабочихъ старается тому, кто больше пообѣщаетъ воды, и за ведро ея готова всячески напасть другому.

Такъ некрасиво и непривлекательно (судя по словамъ торговцевъ) ведутся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ лѣсной промыселъ и лѣсная торговля. Лѣсъ дровяной продается исключительно на мѣстѣ, строевой (преимущественно отдѣланный совѣсьмъ доска) — исключительно за границу, въ Англію. Самый богатый лѣсопромышленникъ въ уѣздѣ — г. Брандтъ. У него и самый большой лѣсопилный заводъ. Онъ сплавляетъ за границу до 60 барожъ досокъ. Остальные лѣсоотгонцы сплавляютъ ихъ каждый отъ 10 — 20. Такая баржа цѣнится ими тысячъ около 10, такъ что общій оборотъ заграничной торговли лѣсомъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ достигаетъ до полутора милліона. Торговля производится черезъ комиссіонера въ Петербургѣ, который складываетъ товаръ на суда и отъ себя уже отправляетъ на англійскіе рынки, выдавая владѣльцамъ его только квитанціи. Уплата же денегъ производится только по продажѣ товара на мѣстѣ. Такого рода способъ продажи весьма и весьма невыгодно отражается на продавцахъ. Отправляя товаръ почти наугадъ, не обезпеченные въ цѣнѣ и покупкѣ его, они часто слушаютъ предметомъ эксплуатаціи ловкихъ англійчанъ. Англійскіе лѣсо-покупатели даютъ за русскій лѣсъ несоразмѣрно низкія цѣны, въ увѣренности, что разъ привезенный товаръ назадъ не поведутъ. И ихъ расчеты всегда вѣрны. Товаръ полежитъ, погниетъ, да и продадутъ наконецъ. Удивляюсь, какъ наши господа «самородки», а проче — кулаки, сметкой своей ставшіе изъ мужиковъ барянами, умомъ нашашіе громадные состоянія, не додумаются наконецъ идти на мѣстѣ продажи товара

своего *собственнаго* агента и условливаться черезъ него въ цѣнахъ ранѣе отправляя груза.

Всѣ исчисленныя мною причины упадка лѣсопромышленности, сводя къ одному знаменателю, мнѣ кажется можно бы поставить слѣдствіемъ одного исходнаго положенія, какъ причины этихъ причинъ. Думается мнѣ, что это исходное положеніе кроется, такъ сказать, въ *отрицательности*, лѣснаго промысла, въ его *разрушительномъ* характерѣ. Въдѣ торгуютъ хлѣбомъ, светомъ, всякими товарами, есть тысячи разныхъ промысловъ, которые падаютъ, поднимаются, замѣняются другими сообразно условіямъ жизни и мѣстнымъ требованіямъ, давая людямъ только опытъ и знанія, совершенствуя ихъ трудъ и изощряя ихъ въ борьбѣ за существованіе. Это называется культурой. Эта культура, разрушая часто многое кругомъ насъ, не ведетъ, однако, за собой къ полному разрушенію и прочимъ струнамъ нашего бытія. Одна долбитъ, натягивается, другая кричитъ еще — и по ней безъ остановки струится человѣческая жизнь.

Торговля хлѣбомъ и вся сельско-хозяйственная промышленность, съ ея усовершенствованіями, есть наглядный приѣръ такой нормальной, естественной культуры. Желѣзныя дороги, паръ, машины, фабрики — это тоже культура. Но торговля лѣсомъ и вся лѣсная промышленность, какъ она у насъ ведется, — это по моему культура не естественная, отрицательная. Она, кромѣ разрушенія и истребленія, не даетъ человѣчеству ничего. Она отнимаетъ у него лучший даръ природы, цѣнный въ сотни разныхъ сторонъ, и даетъ взамѣнъ того мертвый кусокъ дерева, легко гниущій и исчезающій въ пламени. Лѣсъ былъ источникомъ благоденствія человѣка; сухое, срубленное дерево, подъ которымъ жили семья крестьянина и весь его скарбъ, — бываеетъ часто источникомъ его бѣдствій, рождая изъ себя самую страшную стихію природы — огонь. Въ этомъ послѣднемъ положеніи какъ бы кроется самое жестокое наказаніе людямъ, обезобразившимъ природу. Другихъ наказаній, менѣе ощутимыхъ въ настоящую минуту, но не менѣе жестокихъ впоследствии, природа пошлетъ людямъ еще не мало. Это предсказываютъ и естествознатели.

Все это, понятно, одна моя философія, ровно ничего не доказывающая. Это не значить еще совѣсьмъ, что нужно уничтожить у насъ всю лѣсную промышленность, не топить печей и не дѣлать деревян-

ных домовъ. Не покушаюсь на такое смѣлое заявленіе. Но, однако, нахожу, что практикующіеся у насъ способъ веденія хѣсного хозяйства ведетъ къ результатамъ «горше дыма и огня».

И эти результаты не такъ далеки...

Вышній-Волоочекъ, благодаря своему положенію на желѣзной дорогѣ и между двумя столицами, принадлежитъ, какъ я уже сказалъ, къ городамъ фабричнымъ. Въ немъ находится три бумагопрядильныя фабрики, изъ которыхъ на каждой работаетъ слѣшкомъ по тысячѣ человѣкъ; близъ города же находится три хѣсонильныхъ завода и одинъ стеклянный. Въ уѣздѣ—четыре стеклянныхъ завода. Ближайшій къ Волоочку стеклянный заводъ находится отъ него въ 9-ти верстахъ и принадлежитъ купцу Болотову.

Производство стекла, всѣмъ извѣстно по физикѣ, крайне интересно посмотрѣть на дѣлѣ. Большой деревянный сарай, предназначенный для этого, называется *гутью*. Посреди него вѣдлана круглая печь и кругомъ нея снуютъ до 50 человѣкъ съ длинными трубками въ рукахъ, на концахъ которыхъ, какъ звѣзды, мелькаютъ огненные шарикъ. Въ темнотѣ сарая, освѣщаемого только блѣдными огнемъ наваленной печи, это зрѣлище очень оригинально.

Печь *гуть* имѣетъ нѣсколько наружныхъ отверстій по бокамъ и вмѣщаетъ въ себя 8 горшковъ, изъ которыхъ 2-ва называются *тигльками*. Горшки имѣютъ видъ четырехъ-угольниковъ, тиглики—видъ полушарія. Всѣ они приготовляются изъ кассальской глины въ гончарномъ отдѣленіи завода. Глина эта выписывается изъ-за границы, большими кусками, темно-сѣраго цвѣта, съ глянцемъ, по 60 коп. за пудъ. Ее снаружи оскабливаютъ, потомъ вращать и замачиваютъ водой. Продержавъ нѣкоторое время жидкую массу въ закрытыхъ ящикахъ, изъ нея лѣпятъ по формамъ: горшки, тиглики и кирпичи для складки гутевой печи. Горшокъ, такимъ образомъ приготовленный, вѣситъ 18 пудовъ. Онъ выдерживаетъ самую высокую температуру и замѣняется новымъ не рѣдкѣ, какъ послѣ мѣсяца работы. Для производства печныхъ кирпичей употребляется и простая глина, но она далеко не выдерживаетъ такого срока, какъ кассальская. Въ горшки и тиглики гутевой печи засыпается составъ изъ песку, извести и соды, съ замѣной соды, поташемъ, при изготовленіи сортовой посуды, краскомъ—при изготовленіи шаровъ Яблочкова и съ прибавленіемъ равныхъ красокъ въ составъ, для полученія цвѣт-

наго стекла. Засыпавъ требуемый составъ въ горшки, даютъ ему вариться 12 часовъ, причемъ нагреваніе совершается газомъ, проходящимъ тонкими трубками между горшками. Когда получается наконецъ жидкая масса, раскаленная почти до-бѣла, тогда начинается самая любопытная надъ ней работа. Рабочій вставляетъ черезъ отверстіе печи, въ свой горшокъ, длинную желѣзную трубку, держитъ ее тамъ нѣсколько секундъ, выдергиваетъ, отбѣгаетъ съ ней въ сторону, дуетъ въ нее, потомъ качаетъ, или съ быстротой молніи оборачиваетъ вокругъ себя, потомъ образовавшійся на концѣ трубки огненный пузырь вставляетъ въ прготовленную форму, ножницами обрѣзываетъ верхній конецъ его, и черезъ каплю нибудь нѣсколько секундъ получается лампочное стекло. Съ виду это такъ скоро и просто, что удивляешься. На самомъ же дѣлѣ, нуженъ громадный навыкъ, ловкость и даже безстрашие, чтобы владѣть какъ слѣдуетъ этой желѣзной трубкой, инструментомъ—однаково изготовляющимъ всѣхъ возможныхъ видовъ стеклянныхъ и хрустальныхъ вещи, начиная отъ лампочнаго стекла и стакана и кончая громадными распснкими вазами. Самые простые вещи выдуваются съ одного раза; болѣе сложныя, какъ-то: рюмки, бокалы, вся сортовая посуда, аптекарская, вондиптерская и проч. предметы получаются посредствомъ ряда нагреванія стеклянной массы, склепанія между собой разныхъ частей и формованія ихъ. Такъ, чтобы изъ нихъ приготовить рюмку, или бокалъ, выдуваютъ сначала верхнюю часть ихъ, собственно вѣтвиглице. Потомъ прикладываютъ снизу кусокъ раскаленной массы, который моментально прирастаетъ, и формуютъ его въ разнаго вида стойки; затѣмъ опять прикладываютъ массу и сплавиваютъ ее уже въ видѣ кружка, на которомъ я становился рюмка, или бокалъ. Вся формовка и облицованіе наружнаго и внутренняго вида посуды производится помощью простой деревянной палочки. Рабочникъ, держа все время на концѣ своей трубки оконечность вещи, вертитъ ее на табуретѣ, а палкой прижимаетъ въ данномъ мѣстѣ. Отъ накаленности массы, дерево часто загорается, но его опускаютъ въ воду и продолжаютъ работу. Стеклянная масса, глбкая и въ то же время упругая, принимаетъ всевозможныя формы и рѣжется какъ тѣсто. Можно залюбоваться, съ какою легкостью и быстротой мастера надъ ней возятся, какъ изъ безформеннаго мѣшка они гнутъ самыя граціозныя вещи, какъ они безстрашны съ

этой огненной массой, мгновенное прикосновение которой способно, кажется, прижечь кожу.

В мастерской гута работает 22 мастера, 22 помощника их и остальные — малолетние дѣти. Мастера собственно занимаются отдѣлкой вещей, помощники же их и дѣти подают им только на трубахъ стеклянную массу и затѣм на желѣзныхъ вилкахъ уносятъ готовые вещи. Видъ всѣхъ рабочихъ здѣсь, а особенно дѣтей, самый жалкій. Они всѣ истомлены и худы, а у дѣтей, кромѣ того, воспалены глаза отъ страшнаго жара гута. Рискуя каждую секунду получить смертельный обжогъ, они стали положительно равнодушны къ опасности. Эти жалкія создания, только что начинающія жить, выучились уже и презирать ее, но крайней мѣрѣ, не боятся страданія. Всякій, кто только взглянетъ на плающую со всѣхъ сторонъ печь гута и кругомъ нея на эти ярко освѣщенные дѣтскія лица, грязныя, изможенные и апатичныя, — тотъ согласится съ этой горькой истиной. Мальчики, набравъ стеклянной массы на свои трубы, опрометью бѣгутъ въ своимъ мастерамъ; причѣмъ, въ этой постоянной суматохѣ, въ этихъ постоянныхъ столкновенияхъ другъ съ другомъ, огненные шары то и дѣло мелькаютъ между одеждами, между лицами, вотъ-вотъ готовы коснуться ихъ. И хоть бы кто отстранился, попятился, прикривнулъ на сосѣда. Угрюмо спѣшать мальчики отъ гута и къ гуту, шипѣніе и неясный гамъ носится надъ ними, а когда раздастся крикъ, то бываетъ не крикъ, а вопль нечеловѣческаго страданія...

Всѣ предметы, оконченные мастерами у гута, относятся мальчишками въ такъ называемую *закальную* печь. Закальная печь имѣетъ назначеніе *закалить* стекла, какъ закалываютъ сталь, для приданія ему надлежащей твердости и хрупкости. Безъ этого закалыванія, приготовленная стеклянная вещь, при охлажденіи ихъ, развалилась бы. Печь имѣетъ въ длину десяти два сажени и въ ней, на рельсахъ, стоятъ 20 желѣзныхъ ящиковъ, которые выносятся, по мѣрѣ передвиженія ихъ, черезъ отверстія закальной печи. Въ переднемъ отдѣленіи печи поддерживается постоянно огонь, чѣмъ сохраняется постоянно высокая температура въ заднемъ ея отдѣленіи, гдѣ стоятъ ящики со стеклами. Передвиженіе этихъ ящиковъ производится посредствомъ цѣпи влоба, помещающагося въ смежномъ отдѣленіи *переборномъ*. Тамъ, у отверстія печи, съ кото-

рого можно видѣть весь длинный рядъ ящиковъ, стоитъ рабочий, который поворачиваетъ блокъ, когда ему дадутъ изъ гута звонокъ. Нѣсколько другихъ рабочихъ опоражниваютъ приходящій ящикъ со стекломъ и сортируютъ уже совершенно охлажденные предметы. Такой ящикъ проходить всю длину закальной печи въ продолженіи 2½ часовъ. Въ переборной работало 8 человѣкъ. Изъ переборной тѣ предметы, которые подлежатъ вышней отдѣлкѣ, переносятся въ *рисовальню* и въ *шлифовочное* отдѣленіе. Тамъ преимущественно работаютъ надъ лампочными шарами, стеклами, ставанамъ, графинами и пр. Тамъ ихъ отдѣлываютъ подъ мать, рисуютъ или, сверѣе, вырѣзываютъ на нихъ узоры, гранятъ и шлифуютъ. Отдѣлка подъ мать производится простымъ треніемъ объ стекло песчаной гущи. Узоры вырѣзываетъ мастеръ на память, посредствомъ вертѣлагаго стальнаго кружка. Этѣмъ кружкомъ онъ нарѣзываетъ въ разныхъ направленіяхъ черточки на стеклѣ, изъ которыхъ невидимо образуются всевозможные рельефы, часто художественные. Это дѣло одно изъ самыхъ трудныхъ на заводѣ, потому что требуетъ, кромѣ вѣрнаго глаза, еще художественной фантазіи (мастеръ въ большинствѣ случаевъ самъ замышляетъ рисунокъ). На заводѣ Болотова мастеръ оканчиваетъ въ часъ до 5-ти ламповыхъ шаровъ. Кромѣ нихъ, онъ вырѣзываетъ еще цѣлыя картины, пейзажи съ людьми и животными на хрустальныхъ стаканахъ, кружкахъ и рюмкахъ. Для нарѣзванія и отдѣлки грани на стеклѣ, въ *шлифовочномъ* отдѣленіи существуетъ рядъ стакановъ съ колесами: желѣзными, каменными и деревянными. Каждое изъ этихъ колесъ дѣйствуетъ на стекло давлениемъ (мастеръ подставляетъ подъ него предметъ) и вращательнымъ движеніемъ. Для полученія первоначальной грани употребляютъ желѣзные колеса и посыпаютъ стекло пескомъ. Отъ этого получается грань грубая, совсѣмъ матовая. Для дальнѣйшей отдѣлки ея, передаютъ предметъ на слѣдующую машину, гдѣ дѣйствуетъ на ту же грань каменное колесо, а самое стекло поливается водою, грань получается глубже, ровнѣе и свѣтлѣе. Затѣмъ его передаютъ на послѣдніе машины, гдѣ, посредствомъ простаго деревяннаго колеса и поливанія стекла вожакомъ (цемаа съ водою), матовая поверхность грани становится прозрачной и совсѣмъ гладкой. Этѣмъ же колесомъ сглаживаютъ и рѣзкіе края стакановъ, рюмокъ и пр.

Кромѣ граненія и шлифованія, въ этомъ отдѣленіи обрѣзываютъ

еще концы ламповых стекол, тоже посредством машинъ съ вращающимися колесами, или, когда ихъ не хватаетъ, посредствомъ машинъ съ алмазомъ.

Последняя вѣстница для вещей болѣе дорогихъ и изящныхъ— это живописно-золотарное отдѣленіе. Въ немъ по молочному стеклу рисуютъ бунеты, пейзажи, группы и портреты. Въ рисовѣ г. Вологова работаетъ 6 чел., изъ которыхъ лучший мастеръ — нѣмецъ. Его портреты и рисунки на вазахъ заслуживаютъ, по своей художественности, исключительнаго вниманія. Особенно хороши выходятъ у него портреты. Лучшая изъ его работъ двѣ сцены изъ «Демона», писанныя на громадной вазѣ, была выставлена на московской выставкѣ. Этотъ мастеръ работаетъ у Вологова уже 2 десятка лѣтъ и получаетъ большія деньги, поштучно. За отдѣлку, напр., сказанной вазы онъ получилъ около 200 рублей. Остальные рисовщики, народъ русскій, далеко отстали отъ своего товарища-нѣмца, если не по качеству работы, то по заработной платѣ. Они работаютъ тоже поштучно, до 10 рисунковъ въ день, максимумъ на 50 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ нѣмецъ вырабатываетъ иногда слѣшкомъ на 150 руб. въ мѣсяцъ.

Для того, чтобы краски не стирались со стекла, предметы съ готовыми уже рисунками ставятъ въ горячія печи, называемыя *лофиями*, на подстилку изъ плитокъ кассальской глины. Тамъ держатъ ихъ до 10 часовъ, и только въ этотъ періодъ краски вполне приплавливаются къ стеклу. Печи топятся снизу.

Этимъ и кончается производство всѣхъ видовъ и сортовъ стеклянной и хрустальной посуды. Въ *ушаковскомъ* отдѣленіи завертываютъ въ солону и складываютъ въ ящики. Такихъ ящиковъ и бочекъ заводъ Вологова отправляетъ до 3½ тысячъ въ годъ, преимущественно въ Москву, Петербургъ и въ Нижній по заказамъ. Ящики съ посудой, смотря по сорту ея, продается заводомъ отъ 20—60 р. Всѣхъ сортовъ посуды заводъ вырабатываетъ до 1.300.000 штукъ, на сумму до 120.000 руб. въ годъ.

Всѣхъ рабочихъ на заводѣ до 200-тъ человекъ; изъ нихъ только 60 приходящихъ, остальные живутъ на заводѣ. Населеніе преимущественно опрестныхъ деревень, частью изъ Вышняго-Вологоча. Помѣщенія рабочихъ далеко не удовлетворяютъ самымъ прозаичнымъ требованіямъ. Они тѣсны и грязны. Г. Вологовъ кажется руковод-

ствовался въ постройкѣ бараковъ для своихъ рабочихъ исключительно хорошими условіями природы. Его бараки стоятъ на опушкѣ сосновой рощи, и она-то должна, повидимому, замѣнять рабочему воздухъ и чистоту. Расчѣтъ, впрочемъ, не лишенный основанія.

Работа на заводѣ начинается съ 5½ час. утра и продолжается съ перерывами до 9—10 часовъ. Такимъ образомъ рабочихъ часовъ въ день бываетъ до 11-ти и ими обременены какъ взрослые, такъ и мальчики, которыхъ на заводѣ 40 челов. Эти мальчики, преимущественно дѣти мастеровъ, возрастомъ отъ 10-ти и меньше еще могутъ быть лѣты, какъ я уже сказалъ, имѣютъ видъ далеко не веселый. Видно и роща-то сосновая не манитъ ихъ къ себѣ, послѣ раскаленного воздуха у гуты. Видно и харчи ховайскіе не поднимаютъ ихъ духа, не наполняютъ ихъ впамяхъ щекъ и не даютъ имъ маломальски счастливой жизни.

Заработная плата между всѣми рабочими распределяется приблизительно такъ: мастера работаютъ сдѣльно, отъ $\frac{1}{12}$ —3 коп. со штуки, и вырабатываютъ такимъ образомъ до 40 руб. въ мѣсяцъ. Помощники ихъ получаютъ отъ 15—18 руб. въ мѣсяцъ, а мальчики—по 3 руб. на ховайскихъ харчахъ. Мастерамъ, кромѣ того, полагаются отдѣльныя комнаты.

Весьма отрадное впечатлѣніе на заводѣ г. Вологова производить школа, основанная и содержимая на его средства. Тамъ обучаются и дѣти рабочихъ, и дѣти окрестнаго населенія числомъ около 50 человекъ. Помѣщеніе, учебныя пособія, учительница и степенъ познаній учащихся — все это дѣлаетъ честь г. Вологову и сглаживаетъ, такъ сказать, впечатлѣніе отъ его рабочихъ бараковъ. Достаточно зайти въ эту школу, послѣ осмотра бараковъ, чтобы выгнать за ворота завода съ довольно легкимъ сердцемъ.

Изъ благотворительныхъ учрежденій въ гор. Вологкѣ заслуживаетъ вниманія богадѣльня при фабрикѣ братьевъ Ермаковыхъ, а въ уездѣ—пріютъ для бѣдныхъ художниковъ, или, какъ его называютъ—академическій пріютъ, при источѣ рѣки Меты.

Богадѣльня Ермаковыхъ основана въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, исключительно на средства богатата мѣстнаго купца Ермакова. Она помѣщается въ прекрасномъ зданіи близъ его бумаго-прядильной фабрики, зданіи, по меньшей мѣрѣ, стоящемъ тысячъ полтора-ста. Одна церковь богадѣльни, по размырамъ и по благолѣшью, могла

бы служить приходской церковью въ какомъ городѣ. Общій видъ богадѣльни, помѣщаемой среди густого и хорошо содержаннаго парка, представляетъ издали очень красивое зрѣлище. Въ ней прирѣзываются престарѣлые и больные преимущественно изъ Вышневолоцкаго уѣзда. Но, по личному усмотрѣнію Ермакова, принимаются люди и изъ другихъ уѣздовъ. Богадѣльня обезпечена была при открытіи ея капиталомъ въ 50 тысячъ, которыя Ермаковъ положилъ въ основаніе ново-учрежденнаго ямъ банка. Этотъ банкъ, возникшій такимъ образомъ въ одно время съ богадѣльней, въ одномъ помѣщеніи съ ней, долженъ былъ обезпечить ея существованіе. Кажется, просто и благоразумно. Но не такъ вышло на дѣлѣ. Въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ, онъ служилъ источникомъ раздоровъ между городомъ и Ермаковымъ. Мирное и разумное предпріятіе Ермакова, хотѣвшаго воссоединить благотворительное учрежденіе съ коммерческимъ, чтобы, прирѣвая стариковъ и старухъ, помогать въ то же время мелкимъ кредитомъ бѣднымъ жителямъ города, было встрѣчено этими послѣдними какъ лакомый кусокъ, возлѣ котораго не лишне кой-кому и руки погрѣть. Столкнулись личные, эгоистическіе интересы города—съ одной стороны и купеческое самолюбіе миллионера купца—съ другой; разыгрались страсти, развернулась русская натура на распашку—и пошла потѣха. Банки буквально стали тащить за обѣ руля: за одну Ермаковъ—изъ себя, за другую городъ—изъ себя.

Много было разныхъ перипетій, которыя и разсказывать скучно. Все сводилось къ тому, кому управлять банкомъ. Если городу, такъ банкъ надо перевести изъ богадѣльни, для ближайшаго надъ нимъ надзора. Если Ермакову—такъ переводить его не надо, и Ермаковъ, какъ директоръ его, остается единственнымъ распорядителемъ всѣхъ банковскихъ операцій. Но, между этихъ дрягъ, въ жизни и ермаковскаго банка были три крупныя фазиса. Первый, когда городъ оттагалъ банкъ у Ермакова и, водворивъ его у себя, жадно набросился на управленіе ямъ. Второй, когда выборыне заправили банка, частью пресыщенные, частью разочарованные въ чаемыхъ благахъ отъ банковскихъ операцій, сами стали просить у Ермакова о принятіи банка обратно въ его полное хозяйство. Когда общицанное, еще дышавшее дѣтище Ермакова опять возвратилось въ объятья своего создателя—и тамъ, помощью его дѣланій, вновь начало жить въ

рости,—это былъ второй періодъ жизни банка, когда вновь полились въ него вклады, начались операціи сдержаннаго и не рискованнаго, когда банкъ вновь сталъ приносить хорошіе проценты. Этотъ періодъ возрожденія банка лучше всего указываетъ на добросовѣстное отношеніе къ нему Ермакова; но вотъ начинается третій періодъ. Городъ смотритъ, удивляется и улегшіяся-было страсти его опять бушуютъ. Опять поднимаются интриги, опять начинаютъ оскорблять Ермакова всякими требованіями, придирками, и, наконецъ, выражаютъ ему полное недовѣріе, громко сомнѣваются въ его честности. Кончилось тѣмъ, что городъ опять потребовалъ перевода банка въ помѣщеніе богадѣльни и передачи его въ свое распоряженіе. Разразилась буря, и Ермаковъ, выведенный, наконецъ, изъ себя, швырнулъ свой банкъ въ лицо города.

Слишкомъ ужъ много крови испортилъ онъ ему. По уставу банка, изъ процентовъ его должно быть обязательно отчисляемо 5,000 руб. на содержаніе богадѣльни. Но такъ какъ содержаніе ея обходится до 10 тысячъ, которыя въ прежнее время всѣ вносились Ермаковымъ, городъ потребовалъ отъ Ермакова еще дополнительнаго капитала, который бы, въ случаѣ его смерти, вмѣстѣ съ основнымъ, обезпечилъ всю сумму расходовъ по богадѣльнѣ.

Послѣ долгихъ споровъ и разныхъ перипетій, Ермаковъ внесъ 75 тысячъ, но не на богадѣльню, а собственно для выполненія многочисленныхъ прорѣхъ банка, какъ-то: опрестованныхъ векселей, и пр.

Какъ нынѣ идутъ дѣла банка—не смѣю судить.

Такъ-называемый «Академическій пріютъ» помѣщается у истоковъ Мсты, близъ большаго метинскаго шляжа, въ 22—23 верстахъ отъ города Волочка. Исторія основанія этого пріюта, приблизительно, такова: извѣстный Петербургу капиталистъ, В. А. Кокоревъ, купилъ на берегу Мсты имѣніе, которое своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ обратило на себя его незначительное вниманіе. Онъ съ жаромъ принялся за отдѣлку усадьбы, за постройку новыхъ службъ, и черезъ годъ-два стараго имѣнія нельзя было узнать. Все стало чисто, съ яголочки, граціозно и изящно. Сама мѣстность возлѣ усадьбы приобрѣла какъ бы другой характеръ. В. А. Кокоревъ, дилетантъ искусства и тонкій знатокъ красотъ природы, умѣлъ пользоваться тѣмъ, что для другихъ проходитъ незамѣченнымъ. Двумя, тремя штрихами

онъ умѣетъ помочь природѣ, поселить въ ней стройность и гармонию. Тамъ срубить деревцо, тамъ засадить цѣлую рощицу, откроетъ видъ направо, заслонитъ слѣва—и вырастетъ цѣлая панорама. Имя г. Кокорева подѣ его руками стало пгрусечкой; и самъ онъ, большой и измученный жизнью, сталъ отдыхать въ немъ тѣломъ и душой.

Какъ разъ напротивъ его усадьбы, на другомъ берегу Мсты, круто высятся надъ водой, стоитъ и красивый домикъ, скрытый въ сосновой рощѣ. Домикъ давно ужъ не обитаемъ, хотя его размѣры и постройки представляютъ всѣ удобства для жилья. Этотъ домикъ и участокъ земли возлѣ него принадлежатъ округу инженероу путей сообщения. В. А. Кокоревъ, имя постоянно у себя передъ глазами этотъ домикъ и рощицу, которыми никто не пользовался, задумалъ устроить здѣсь лѣтнюю резиденцію для художниковъ. Онъ попросилъ продать ему весь участокъ земли вмѣстѣ съ домикомъ, но получилъ отъ министерства путей сообщения отказъ. Тогда, не оставивъ своей мысли, онъ обратился за помощью къ его высочеству, президенту академіи художествъ, великому князю Владиміру Александровичу, вліяніемъ котораго министерство путей сообщения *уступило* академіи художествъ въ безвозмездное пользованіе домъ и землю возлѣ него. Академія стала ремонтировать старый домикъ, и къ прошлому лѣту готово было уже помѣщеніе на десять человекъ.

Кокоревъ, обиженный сначала отказомъ министерства путей сообщения, когда начался эти постройки, не принималъ въ нихъ дѣятельнаго участія. Однако, потомъ, по мѣрѣ того, какъ обращались къ нему за указаніями и совѣтами, онъ сталъ оживляться и вдругъ горячо принялся за дѣло. Казенныхъ денегъ, отпущенныхъ академіей, было не Богъ вѣсть сколько; пришлось-бы экономничать, урѣзывать, а это было не въ натурѣ В. А. Кокорева. Указывая, какъ сдѣлать то и другое, онъ соображалъ, что при этомъ какъ разъ слѣдуетъ прибавить третье и четвертое, и, сообразивъ, немедленно приводилъ въ исполненіе на собственные средства. Такимъ образомъ, первоначальный планъ построекъ измѣнился и значительно расширился. Уже построено вновь три флигеля, изъ которыхъ одинъ—прекрасная мастерская, и строится теперь большой парадный павильонъ для пріятія Высшихъ Гостей ко дню торжественнаго открытія пріота, которое имѣетъ быть въ будущее лѣто, въ присутствіи в. кн. Влади-

мира Александровича съ его августѣйшей супругой. Этотъ павильонъ, строящійся по плану и подѣ личнымъ наблюденіемъ В. А. Кокорева, будетъ ше-девромъ изящества. Онъ весь пирамидальный, съ высокими куполомъ, снаружн и снаружн будетъ обшитъ некрашенными досками, блѣдно-розоваго цвѣта (мѣстное, особенно цѣнное, долготелалое дерево), и весь отдѣланъ тончайшей рѣзьбой въ строгомъ русскомъ вкусѣ. Помѣщаяся на самомъ высокомъ мѣстѣ берега, онъ буквально виситъ надъ Мстой, какъ разъ противъ перыхъ ея пороговъ. Видъ отсюда, направо и налево, дѣйствительно достоинъ кисти. А когда отдѣлка павильона окончится и можно будетъ любоваться этимъ видомъ сквозь зеркальныя стекла, въ которыхъ предполагается обратитъ большую часть стѣнъ павильона, это будетъ еще лучше.

Мѣстность, принадлежащая пріоту художниковъ, представляетъ собой какъ бы треугольникъ, вершина котораго помѣщается между истокомъ Мсты и Мстинскими озеромъ, а стороны идутъ: одна—вдоль р. Мсты, а другая—вдоль узкаго залива Мстинскаго озера. Мѣстность здѣсь ровная: покатыя къ вершинѣ треугольника и подымающаяся къ основанію его. Лучшая точка—это безспорно самая вершина. Изъ-за сосновой чащи, здѣсь открывается безконечная видная даль Мстинскаго озера съ его крошечными островками и съ берегами прихотливо-извилистыми, точно разорванными. На нихъ нестрѣютъ: гдѣ лѣсъ, гдѣ лѣтки полей, гдѣ зеленая ширь луговъ. Вода по озеру гладкая, чистая, а посмотришь нѣсколько влѣво и направо, на широкое русло Мсты, кольцо отблжающее васъ, тамъ она быстро и шумно струится между порогами. Посмотришь направо—опять кругомъ васъ кольцо воды, а за нимъ разстилается ровная даль и на горизонтѣ черная полоса лѣсу. Словомъ, не надо быть художникомъ, чтобы оцѣнить эту тихую, мирную и въ то же время мощную картину природы. Здѣсь, кажется, все такъ и создано, чтобы дать наслажденіе глазу и отдыхъ—душѣ..

Если, побывавъ въ Вышнемъ-Волочкѣ, нельзя не остановиться въ некоторомъ вниманіемъ на вышнихъ особенностяхъ этого городка, на его оригинальной красотѣ, то, равнымъ образомъ, сопровиснувшись съ жизнью уѣзда, съ чертами земснаго самоуправленія, нельзя обойти молчаніемъ въ некоторыя исключительныя особенности его.

Я говорю исключительныя, потому что мнѣ не приходилось еще ихъ встрѣчать въ другихъ уѣздахъ. Мнѣ не приходилось встрѣчать

такого добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ всѣхъ лицъ земской администраціи, начиная отъ предводителя дворянства и до секретарей уѣздныхъ учреждений включительно; такого разумнаго пониманія этихъ обязанностей и такого единообразія въ дѣйствіяхъ. Ничего нѣтъ въ мирѣ идеальнаго, и потому я не намѣренъ идеализировать земство Вышневолоцкаго уѣзда. Но, сравнительно съ другими уѣздами и насколько вообще возможны цѣлесообразныя дѣйствія земства въ сферѣ его многочисленныхъ и запутанныхъ обязанностей, въ сферѣ этого «Государства въ Государствѣ», вышневолоцкое земство ближе другихъ подходитъ къ намѣченному Положеніемъ идеалу земства, призваннаго охранять плп, вѣрнѣе, *опекать*, жизнь и интересы сотенъ тысячъ населенія уѣзда. Вышневолоцкое земство дѣйствительно опекаетъ свой уѣздъ по мѣрѣ силъ и возможности. Крестьянское хозяйство и народное образование — это двѣ главныя отрасли, весьма успѣшно ведущіяся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ. Какъ характеризуетъ первой изъ нихъ, могу сказать, что въ уѣздѣ нѣтъ почти пустыхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Даже неблагоприятный урожай нынѣшняго года не отразился съ этой стороны пагубнымъ образомъ. Крестьяне Вышневолоцкаго уѣзда сознали наконецъ свою личную пользу отъ засыпки запаснаго хлѣба въ магазины, и это сознание обезпечиваетъ успѣхъ дѣла при всякихъ обстоятельствахъ. Это сознание — есть все. Оно есть сила, во сто кратъ сильнѣй всѣхъ понудительныхъ полицейскихъ и другихъ мѣръ. Оно есть указатель нравственнаго уровня населенія, оно уже есть богатство края. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ магазины пусты, а часто и разрушены, гг. земцы всегда ставятъ причиною тому отсутствіе этого сознанія въ крестьянахъ и полную несостоятельность всѣхъ понудительныхъ къ тому мѣръ. Крестьяне обыкновенно разсуждаютъ такъ: «Кому я буду давать свой хлѣбъ?.. Въ магазинъ?.. Да за чѣмъ?.. Рази мнѣ отдадутъ?.. Дадутъ вотъ Митрю, потому у него бѣдности Агафону дадутъ, еще кому, а мнѣ не дадутъ!.. У меня своо хлѣба довольно!.. А имъ за что дадутъ?.. За бездѣлье, за пьянство!.. Такъ на это будетъ идти мое добро?.. Нѣтъ, шалыш!.. Не дамъ!.. А то вонъ еще староста разграбитъ! Намедни вонъ, въ прошломъ году, очистили магазинъ. А кому роздали, по какимъ это кванціямъ, проэно старосту спрашивать надо!»..

Не лишены нѣкотораго основанія такіа рѣчи мужиковъ, и тѣмъ труднѣе заставить ихъ разсуждать иначе. Вотъ почему велика заслуга вышневолоцкаго земства, умѣвшаго снискать себѣ довѣріе населенія и тѣмъ взять верхъ надъ упрямой логикою русскаго мужика.

Народное образованіе весьма ревностно охраняется вышневолоцкимъ земствомъ. Я посѣтилъ очень мало сравнительно народныхъ школъ (ихъ слишкомъ 50-ть въ уѣздѣ); но тамъ, гдѣ мнѣ случалось быть, я выносилъ впечатлѣніе самое удовлетворительное.

Первое, что школы не пусты. Крестьяне охотно посылаютъ учиться своихъ дѣтей и посылаютъ ихъ зачастую за нѣскольکو верстъ. Значитъ, они видятъ пользу, результаты ученія въ этихъ школахъ. Помѣщенія школъ просторны и опрятны, наставники и наставницы выглядятъ очень симпатично, а учащіеся дѣти не запуганы, отвѣчаютъ бойко и, въ большинствѣ случаевъ, толково. Учебныя пособия въ народныхъ школахъ — это, такъ сказать, указатель степени заботливости о нихъ земства. Я видѣлъ «библіотеки» сельскихъ школъ, въ которыхъ это названіе можно примѣнить только какъ пародію. Грязные шкафы, наполненные грязными обертками, которыхъ и въ руки тошно взять — это болѣе обыкновенный ихъ видъ. Въ оберткахъ — изодранные и истлѣвшіе почти жалкіе остатки страницъ, гдѣ и хорошо грамотному трудно что-нибудь разобрать. При неосторожномъ движеніи, такого рода «учебное пособие» все трепещетъ и вотъ-вотъ готово рассыпаться. Случалось мнѣ видѣть въ одномъ уѣздѣ и въ одной школѣ, что мальчикъ сидитъ надъ своей азбукой и боится ее тронуть. А надо перевернуть страницу: это, очевидно, опасное событіе для него. Тутъ употребляется вдвое больше усилія и вниманія, чѣмъ при чтеніи самыхъ пелючатыхъ іероглифовъ, испещряющихъ такого рода азбуки. Бываютъ школы и съ лучшими «библіотеками», гдѣ учебныя пособия еще *юдны* къ употребленію. Но такихъ прекрасныхъ учебниковъ, какіе встрѣчаются въ школахъ Вышневолоцкаго уѣзда, мнѣ въ другихъ уѣздахъ видѣть еще не случалось.

Участіе земства въ народномъ образованіи главнымъ образомъ выражается ассигновкой требуемыхъ средствъ на школы. Даетъ земство больше — школы очевидно лучше. Это понятно. Но даже при сравнительно одинаковыхъ средствахъ, отпускаемыхъ на школы, въ разныхъ уѣздахъ, онѣ значительно разнятся между собой. И эта раз-

лица все происходитъ отъ взаимнаго отношенія правительственной власти надъ школами и земствомъ. Наблюденіе за школами, за порядкомъ занятія въ ней, за нравственностью наставниковъ и за успѣхами учениковъ поручено, какъ извѣстно, инспекторамъ народныхъ училищъ—чиновникамъ министерства народнаго просвѣщенія. Выборъ и назначеніе наставниковъ производится по *соглашенію* съ уѣздной управой, или наоборотъ—управой, по соглашенію съ инспекторомъ. Слѣба же наставниковъ можетъ быть произведена единоличной властью инспектора, чего не можетъ управа. Учительскій совѣтъ во всемъ этомъ является инстанціей какъ бы апелляціонной, долженствующей примирить между собой интересы правительства съ интересами земства, на пользу интересовъ дѣла. Но учительскій совѣтъ есть почти та же управа, потому что правительство въ немъ воображаетъ одинъ инспекторъ. И вотъ, слѣдствіемъ этихъ сложныхъ отношеній къ народной школѣ правительства и земства, являются обстоятельства подобнаго рода.

Напримѣръ: инспекторъ народныхъ училищъ желаетъ опредѣлить на вакансію народнаго учителя, или учительницы, лично извѣстную ему особу, за качества которой онъ ручается. Онъ сообщаетъ о семъ предсѣдателю управы, и все остальное зависитъ отъ личныхъ отношеній инспектора съ предсѣдателемъ. Потомъ: инспектору извѣстна полная непригодность такого, или такой-то, къ званію учителя или учительницы. Онъ смѣняетъ ихъ, не предупреждая управу. Предсѣдатель ея можетъ обидѣться и въ такомъ случаѣ дѣлаетъ «пасть» инспектору примѣрно въ такомъ родѣ. При посѣщеніи любой школы, ему вдругъ не понравилась фюзіонія учителя, похлонъ его, манера говорить. Онъ предлагаетъ инспектору смѣнить сказаннаго учителя и, когда инспекторъ отказывается, управа преспокойнѣйшимъ образомъ прекращаетъ выдачу помянутому учителю содержанія. Очевидно, бѣдный учитель долженъ убираться по-добру, по-здорову.

Это только единичные, возможные факты. Но, я полагаю, п они достаточно ярки, чтобы охарактеризовать всю непрактичность *дву-властия* надъ народной школой такихъ разнородныхъ элементовъ, какъ земства и правительства. Что выбудъ одно: или земство полный хозяинъ школѣ—тогда контроль правительства одна формальность, влегущая за собой только расходы. Или это земство, *обязанное* зако-

номъ къ извѣстному *minimum*'у расходовъ по каждой школѣ, можетъ распоряжаться только количествомъ ихъ въ уѣздѣ и матеріальной стороной ихъ быта, т. е. сверхъ обязательнаго *minimum*'а, увеличивать содержаніе учителей, улучшать учебныя пособія, оставлять чиновникамъ правительства всю заботу о самомъ обученіи и о результатѣ его. А нынѣ все дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ держится на основахъ личныхъ отношеній инспектора къ предсѣдателю управы, или изображающему его. Но, надо же сознаться, что основы эти слишкомъ шатки, если одна партія выита, одинъ маленький шлемъ, не во-время назначенный, при горячихъ темпераментахъ, часто потрясаетъ все зданіе добродушныхъ отношеній людей между собой. Вышневолоцкій уѣздъ и въ этомъ отношеніи представляетъ счастливое исключеніе. Судьба послала ему такого инспектора народныхъ училищъ, съ которымъ даже и ва картами ссориться грѣшно. И если вышневолоцкое земство не жалѣетъ на свои школы денегъ, то г. инспекторъ не жалѣетъ для нихъ самого себя, проводя въ разѣздахъ по школамъ гораздо больше времени, чѣмъ у себя дома. Дѣло народнаго образованія—его родное дѣло, съ которымъ онъ няньчился и которое онъ любитъ чисто по-отечески. Долгъ службы, долгъ дисциплины и даже простой благодарности что-то мало создавалъ еще въ Россіи ревностныхъ чиновниковъ, но за то любовь къ своему дѣлу даетъ ей много и часто прекрасныхъ людей.

Вотъ чѣмъ могу я объяснить только ту странную, по меньшей мѣрѣ, манеру (странную потому, что не халатную) въ отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ и между собой властей земскихъ и правительственныхъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ.

— Иванъ Яковлевичъ, съѣздите пожалуйста въ такую-то волость, разберите тамъ это дѣло! и Иванъ Яковлевичъ, добродушно вряхтя, собирается въ путь, укутывается, обязывается и отмахиваетъ верстъ 50—60 въ седлѣннѣйшіе края уѣзда.

— Яковъ Ивановичъ, вы гдѣ ѣдете на-дняхъ ревизовать такую-то волость? Что-бы вамъ свернуть, да самому провѣрить этотъ планъ? А?. Вѣдь пожалуй наврали! Мы разрѣшимъ, а эта мерзавка навѣрно откроетъ тамъ кабакъ!.. А?. Какъ вы полагаете?.. Вѣдь не далеко вамъ будетъ!

Яковъ Ивановичъ неопредѣленно мычнтъ.

— То есть... не совсѣмъ не далеко! Верстѣ 25 пожалуй въ сторону... бормочетъ Яковъ Ивановичъ.

— Ну, гдѣ 25, поменьше... угѣшаютъ его.

— Нѣтъ, не меньше!. Знаю я это мѣсто... Я бы съѣздилъ, пожалуй, да у меня ужъ назначены подрядъ волости, чтобы въ почлегу попасть въ Передеряино.

— Ну, ничего...

— Да, вѣдь тогда мнѣ почевать придется въ этомъ Завитухнинѣ!

— А что?

— Да, тамъ и негдѣ-то пожалуй...

— Ну, ничего... переночуйте тамъ нибудь. Кости молодыя..

— Эхъ, молодыя!. Печень вотъ болитъ отъ этой тряски все... пробуетъ еще защищаться Яковъ Ивановичъ, но уже слабо, явно сознавая необходимость ѣхать.

И вотъ, не смотря ни на печень, ни на мерзкое Завитухано, гдѣ негдѣ почевать, не смотря на свои *молодыя* кости 60-лѣтней пробы, Яковъ Ивановичъ и рвануется волости, и провѣряетъ планъ, и даже не заболѣваетъ, исколесавши верстѣ 200 по непообразимымъ дорогамъ, которыя онъ самымъ добродушнымъ образомъ называетъ: «обрушившейсяна насъ карой небесной!»

— Эли дороги, дороги, знаете... ахъ говорить, скорѣе вопить онъ, послѣ экскурсиа, хватаясь за печень. Точно само небо разверзлось и бросило ихъ намъ, какъ страшный бичъ за наши беззаконія...

Въ этомъ родѣ служить своему дѣлу ги земцы Вышневолоцкаго уѣзда. Словесными преобразованиями, хуленіемъ всего стараго и постройки въ одинъ вечеръ на мѣсто его *новыхъ*, начпвая отъ низшихъ уѣздныхъ учреждений и кончая самыми высокими государственными, — этимъ дѣломъ въ Волоцкѣ не занимаются: Ы не услышите тамъ, столь обыкновенныхъ въ послѣднее время, категоричныхъ фразъ, въ родѣ: «Это ни куда не годится...» «ничего, врозь вреда отъ этого присутствія мы не видимъ...» «это необходимо устроить такъ, чтобы и т. д.». Всего этого тамъ и не любятъ, да и не умѣютъ говорить такъ напыщенно. Какъ ни заводятъ разговоръ, съ какой стороны ни подступай, какъ ярко ни лани «Кохановской манной», имѣющей скоро прослыться на нашу «бѣдную Россію», не раздра-

жить ни чѣмъ преобразовательныхъ аппетитовъ ни у Иванъ Яковле-вичей, ни у Яковъ Ивановичей.

— Да вы бы какъ же думали исправить этотъ недостатокъ?.. спрашиваю я въ десятый разъ милѣйшаго и честнѣйшаго Якова Ивановича. Вѣдь на вами стоитъ опытъ 20-ти лѣтъ...

— Вотъ, опытъ, вы говорите, явно подхватываетъ Яковъ Ивановичъ. Вѣрно, опытъ есть!. А что онъ мнѣ дакъ? Развѣ онъ дакъ мнѣ возможность изучить всё, какъ есть, сторони земскаго дѣла!.. Развѣ я могу знать, что мнѣ завтра придется дѣлать въ управѣ?.. Вѣдь это... ахъ! Вѣдь это великое дѣло! Вѣдь это нескончаемая, безграничная... какъ бы вамъ сказать... дакъ, что ли. Это *невозможное* поле для дѣятельности, радостно подхватываетъ Яковъ Ивановичъ, весь загораясь вдохновеніемъ. Вѣдь вотъ, посмотрите это, указавъ онъ мнѣ на подстилку для лампы, всю обдѣланную кругомъ бахромой изъ множества разноцвѣтныхъ нитокъ. Вотъ вамъ земское дѣло!.. Развѣ вы сосчитаете всѣ ниточки здѣсь? И каждая вѣдь нитка.. А нѣтъ предметъ небольшой!.. Теперь троньте одну, потяните, вѣдь сколько соедѣнныхъ зашевельнется? А?.. А дерните вѣрнѣе, такъ и всѣ задрожать!..

Такъ и наше дѣло земское. Развѣ возможно нечислать всѣ сторони его, недостатки или достоинства, всѣ, могущіе родиться завтра, послѣ завтра и т. д. новые вопросы?.. Вѣдь нельзя же! Согласитесь!.. Вѣдь вотъ я, наприхѣрь! Вы говорите «20-ти-лѣтній опытъ». А я съ этимъ опытомъ и сегодня еще сталъ въ тупикъ надъ однимъ распоряженіемъ. Не зналъ!. Право, не зналъ какъ и бытъ!.. Вотъ только спасибо членамъ, посоветывались, потолковали, да рѣшали. А тамъ какъ Богъ дастъ!..

И все такъ! Все пока въ наше дѣлѣ мы дѣлаемъ наугадъ. Значитъ.. подхватилъ онъ послѣ остановки, значить, земское дѣло для насъ еще *новое*, еще много пройдегъ времени, пока мы его кое-какъ изучимъ. Да наше-то поколѣніе и не дожидется того. Пожалуй, третье, четвертое!.. Вотъ тогда, тогда, когда мы будемъ знать, какая тамъ ниточка шевельнется, когда мы тронемъ эту, ту, вотъ тогда и толкуйте о преобразованияхъ. А то теперь что выходитъ?.. Всѣ что-то измѣняютъ, ломаютъ, кричатъ, а даже не знаютъ о чемъ. Говорятъ: негодится, а вѣдь, ей-богу, не всѣ присмотрѣлись даже къ тому, что негодится.

— Но вѣдь недостатки же есть, вастаявалъ я. Вотъ хоть бы нѣвъ того, что вы уже изучили, что испытали на дѣлѣ. Не все же удовлетворяетъ нуждамъ страны, населенія...

— Ахъ.. зашевелился на мѣстѣ Яковъ Ивановичъ. Ну, есты! Такъ что-жь? Такъ развѣ я знаю, чѣмъ можно ихъ поправить, что можно новаго создать, когда я еще стараго всего не знаю? Я не знаю еще заданнаго стараго урока, а ужъ буду заглядывать впередъ. Да и есть ли мнѣ время думать надъ этимъ?.. Я же вамъ говорю, что занимайся я 48 часовъ въ сутки, и ихъ бы не хватило, чтобы сдѣлать все нужное, все необходимое даже, что-бы перебрать всё эти ничточки. А вѣдь жизнь не останавливается, какъ же я могу остановиться для думанья? Пользы, я думаю, отъ этого не будетъ ровно нивкакой. А тамъ другіе... ну, пусть ихъ!.. добродушно заговоччалъ онъ.

Да! Да! пронеслось у меня въ мысляхъ. Не въ этомъ ли вся мудрая суть? Жизнь не останавливается, а мы остановились надъ ней и задумались, какъ дѣлаютъ это всёми известныя животныя, останавливаясь надъ водой. Да! Разсуждай такъ, какъ мой Яковъ Ивановичъ, вслѣдй вемецъ, я думаю, Кохановской комисіи положительно нечего бы было дѣлать...

Неси каждый предводитель дворянства свое знамя такъ высоко и съ такимъ достоинствомъ, какъ несетъ его предводитель Вышневолоцкаго уѣзда, — думаю также, что не пришлось бы теперь подыскивать «чего нибудь» новаго, «въ родѣ» предводителей дворянства и «какого нибудь» новаго сословія «въ родѣ» всталашаго старо-русскаго дворянскаго.

Не учрежденія, не обстановка, не обстоятельства, не вышнія формы становить вѣзнь со всіми ея отгѣнками, а только люди, люди и люди...

Вотъ убѣжденіе, которое я вынесъ, поведія гостепримный и милый Вышній-Волочекъ.

Г. Осташковъ.

Уже давно, съ начала 60-хъ годовъ, стали появляться въ печати отдѣльныя очерки г. Осташкова, обратившаго на себя исключительное вниманіе среди прочихъ городовъ Тверской губерніи. Поводомъ къ этому исключительному вниманію послужило устройство въ Осташковѣ *первой* въ Россіи вольной пожарной команды. Отличное устройство ея и успѣшныя дѣйствія сдѣлались тотчасъ извѣстны не только въ Тверской губерніи, но и далеко за предѣлами ея. Само правительство обратило свое око на этотъ глухой и отдаленный городокъ, милостиво отнеслось къ благому начинанію оставшевскаго городского общества и наило полезнымъ предложить всімъ городскимъ обществамъ заняться устройствомъ своихъ пожарныхъ командъ по образцу оставшевской. Съ легкой руки пожарной команды, заклустный уѣздный городокъ, стоящій вдали отъ всѣхъ торговыхъ путей, сталъ привлекать къ себѣ уже не однихъ случайныхъ туристовъ и вызвалъ замѣтки о себѣ не только случайныя и отрывочныя, а иногда и болѣе и менѣе полныя и систематичныя.

Русь велика и обильна, и много въ ней непочатыхъ ни перомъ, ни лопатой, ни чѣмъ инымъ—угловъ. А въ этихъ углахъ гнѣздится такая бездна своеобразностей, странностей и всякихъ «собственныхъ» чертъ, такой богатый матеріалъ и для художника, и для писателя, и для аффериста, что подчасъ и вступивъ становишься надъ массой самыхъ неожиданныхъ и разнородныхъ впечатлѣній. Снаружи все гладко, все точно вастыло подъ покровомъ общей спячки, а чуть копнешься только въ глубь, просверляешь хотя самое маленькое отверстие въ этой одноцѣстной корѣ, какъ оттуда гяпетъ цѣлый міръ, и только успѣвая схватывать да наматывать на усъ десатни явленій, населяющихъ этотъ міръ, одно другого ярче и разнообразнѣе,

но и безконечно, какъ въ палейдоскопѣ. Конните глубже, употребите больше вниманія,—и передъ вами откроются уже цѣлые слои явлений, все болѣе и болѣе тусклыхъ, все менѣе понятныхъ какъ, съ контурами неопредѣленными, какъ-бы подвижными и какъ-бы расплывающимися въ общей массѣ.

Это какое-то царство планетъ, туманное, далеко отъ насъ, въ которомъ мы живемъ только гаданіями, да суетвѣрнымъ воображеніемъ. Но это царство—это мы сами, это наши-же жизни, сплетенныя невидимыми для насъ нитями, которыхъ мы не сознаемъ въ себѣ, не подозреваемъ даже. И если порой, черезъ столѣтія, сила великаго гения приближаетъ къ нашимъ глазамъ этотъ далекій и въ то же время близкій намъ міръ и огонь его вдохновенія яркимъ лучемъ освѣтитъ передъ нами хоть маленькій краешекъ его безконечна, — мы съ шумомъ и съ жадностью, толпой набрасываемся къ этому краешку, разсматриваемъ его, вопишимъ въ немъ и удивляемся: какъ тамъ все просто и ясно. «Видѣ это мы сами, это наша будничная жизнь!.. Это вотъ Иванъ Ивановичъ, а это точъ-въ-точъ Марія Оедотовна, а это»... и т. д. безъ конца судить да рьятъ, пона не охрипнуть и не пресытятся новымъ зрѣлищемъ. А пресыщеніе наступаетъ скоро. Равнодушно повертывается тогда толпа зѣвая спяной къ волшебному явленію и съ смучной гримасой говорить: «Въ сущности... ничего особеннаго! Все это мы давно знали, встрѣчали... все это такъ обыкновенно, сѣро!» Ахъ, Господи!.. Какая тоска, какое однообразіе! Хотя-бы землетрясеніе.» И снова наступаетъ слячка до перваго скандала, до первой грязной слетни, до появленія новаго гения...

Но это къ дѣлу не относится. Я только пытаюсь дать понять читателю, почему такъ усердно и внезапно занялся Остапковичъ. Лѣнивому и апатичному русскому человѣку сказали, что, молъ, въ пѣскомъ Остапковѣ существуетъ лучшая пожарная команда. Кто близко явля отъ сего Остапкова, а кто случайно проѣзжалъ мимо, завернули въ него на минуточку, чтобы посмотреть «дѣло». Посмотрѣли, понравилось и тутъ-же, по необходимости, увидѣли еще кое-что, чего не видѣли у себя, дома. Кто имѣлъ даръ слова, разсказывалъ о видѣнномъ устно; кто владѣлъ перомъ, писалъ коротенькіе мемуары, и Остапковъ на нѣкоторое время вошелъ въ «моду». Но, среди всякихъ «зѣванъ», набѣжавшихъ въ Остапковъ, нашлись люди

и посерьезнѣе, полюбопытнѣе, которымъ вдумалось посмотреть на Остапковъ и его особенности нѣсколько глубже, съ точки зрѣнія и литературной и научной. Другими словами, это были именно тѣ люди, которые дали себѣ трудъ просверлить отверстие на безцѣстной глади жизни захолустнаго городка и сквозь эти отверстия наблюдать тѣ или другія явленія этой жизни, полныя того или другого интереса. Такихъ людьми были два автора двухъ самыхъ подробныхъ и толковыхъ статей объ Остапковѣ, г. Р.—въ и г. Покровскій, одинъ—когда-то занимавшійся, а другой—и нынѣ занимающійся статистикой въ Тверской губерніи.

Статья г. Р.—на относится къ 1863 г., статья г. Покровскаго—гораздо позднѣе. Обѣ онѣ довольно полно рисуютъ намъ картину Остапкова, какъ съ внѣшнихъ его сторонъ, такъ и по вопросамъ внутренней жизни: нравы, обычай, торговлю, промышленность, народное образованіе и проч. Обѣ онѣ написаны съ видимою подготовкой и послѣ основательнаго изученія предмета. Материалы собирались не день и не два, а потому и статьи имѣютъ характеръ историко-географическихъ и культурныхъ очерковъ.

Я пробылъ въ Остапковѣ всего недѣлю, и хотя усердно занимая его изученіемъ, посѣщалъ и осматривалъ всё, заслуживающія вниманія мѣста, но не считаю себя, однако, въ правѣ претендовать на самостоятельный трудъ по описанію Остапкова, какъ потому, что недѣлю считаю я для этого срока нѣпчужнымъ, такъ и потому, что вышеупомянутыя двѣ статьи исчерпали уже предметъ довольно основательно, во всякомъ случаѣ основательнѣе, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать. Однако, и я сдѣлалъ нѣсколько своихъ наблюденій, съ которыми, признаюсь, разстаться нѣсколько жалко.

Не теряя храбрости, хочу я эти мои личныя наблюденія, гдѣ нужно, сопоставить, а гдѣ нужно и дополнить наблюденіями людей, ранѣе меня потрудившихся надъ Остапковичемъ, и изъ этого смастерить что либо хоть похожее на очеркъ.

Передо мной лежатъ прекрасная статья г. Р.—цова и нѣсколько испещренные листы моихъ собственныхъ «замѣтокъ» по Остапкову. Постараюсь ихъ сравнить и воссоединить въ одно цѣлое; можетъ и найдется что набудъ интересное, черезъ что прожизнѣ, въ чемъ замѣнился крошечный городокъ въ 22 года своего существованія.

Г. Осташковъ лежитъ на берегу знаменитаго озера Селгера (вытекаетъ Волга), на полуостровѣ, очень рѣзко вдающемся въ озеро, и съ трехъ сторонъ окруженъ водой. Масса воды въ Селгерѣ и въ озеракъ близлежащихъ дѣлаетъ климатъ Осташкова слишкомъ влажнымъ, а болотистый грунтъ, сверхъ того, развиваетъ и большую сырость. Потому климатъ Осташкова далеко не адоровъ. Всѣ катаральныя болѣзни, а особенно легочная чахотка, развиваются здѣсь, по словамъ докторовъ, очень успѣшно. Осень—время тумановъ, и весна, когда заливаетъ юго-западную часть Осташкова, это периоды лихорадокъ, ревматизмовъ, флюсовъ, насморка и пр. Въ Осташковѣ тогда хуже, чѣмъ въ нашемъ Петербургѣ. Зимой же дуютъ тамъ вѣтры, особенно чувствительные благодаря громаднымъ размѣрамъ озера Селгера и прямолинейности улицъ самаго города, почему малѣйшее дуновение становится сильнымъ сквознякомъ. Лѣтомъ, особенно въ жару, по городу царитъ сильное зловоніе отъ избытка кожевенныхъ заводовъ и терпятся жители всѣ бѣдствія отъ неимѣнія свѣжей и чистой воды. Происходить это отъ того, что всѣ кожевенные заводы расположены по берегу озера кругомъ города, а заводчики мочатъ въ водѣ сырыя кожи. Весь жиръ, вся шерсть, словомъ—вся гниль и мерзость остаются въ водѣ, а такъ какъ она въ оверѣ стоитъ, то и грязь, понятно, въ ней стоитъ. Въ тихую лѣтнюю погоду, говорятъ, нужно съ полверсты отъѣхать отъ берега, чтобы выгнать стаянъ сносной воды, безъ воли, безъ грязи и безъ шерсти.

Словомъ, ни одно время года особенно Осташковъ не нравится и не дѣлаетъ его ни приятнымъ, ни здоровымъ мѣстомъ. По численности г. Р.—дова, въ немъ ежегодно, среднимъ числомъ, переболѣваетъ свыше 5-ти проц. всего населенія и то только изъ тѣхъ, которые обращаются къ докторамъ. А множество и не лечится совсѣмъ. Цифра почтенная! Въ этомъ отношеніи Петербургъ остался позади! Наружность города нельзя назвать красивою. Только подъѣзжая къ нему отъ Вышняго-Волочка по почтовой дорогѣ, идущей по возвышенностямъ, господствующимъ надъ озеромъ, можно издалека любоваться общимъ видомъ Осташкова, рѣзко выдающагося изъ окружающей его массы воды, точно выросшаго изъ нея. Но, въѣзжая въ городъ, тотчасъ наступаетъ и разочарованіе. Вездѣ, по какой бы улицѣ вы ни ѣхали, благодаря ихъ прямолинейности и плоской мѣстности, въ перспективѣ представляется вода и вода. Прямоли-

нейность этихъ улицъ—это первое, что бросается въ глаза въ Осташковѣ. По-истинѣ, такой правильной планировки города я не встрѣчалъ ни въ одномъ нашемъ русскомъ городѣ, включая въ то число и столицы, ни даже въ иностранныхъ городахъ. Въ этомъ видѣ Осташковъ выстроился при Елизаветѣ II, послѣ истребительнаго его пожара. Говорятъ, когда спросила Императрица, какъ строить Осташковъ, она взяла листъ бумаги, начертила нѣсколько параллельныхъ линий и нѣсколько перпендикулярныхъ къ нимъ. «Вотъ такъ!» сказала Императрица: и буквально такъ выстроился Осташковъ.

Если планировка города является собой послѣднее слово цивилизаціи, то постройки его далеко не гармонируютъ съ ней въ этомъ отношеніи. Ни размѣрами, ни красотой, архитектуры не отличаются ни частныя, ни общественныя дома Осташкова. Изъ общественныхъ построекъ лучшія—это домъ, занимаемый благотворительными учрежденіями банка, Савина, домъ городского училища, да устроенныя при самомъ въѣздѣ въ городъ казармы квартирующаго въ городѣ пѣхотнаго баталіона. Изъ частныхъ—только домъ, вновь построенный купцомъ Савиннымъ, пона пустой (назначеніе его почему-то держится Савиннымъ въ секретѣ), обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе, выдѣляясь и своими размѣрами, и своимъ красивымъ цвѣтомъ, среди однообразно-монотонныхъ, бѣлыхъ домовъ Осташкова. Г. Р.—цовъ не безъ основанія, вѣроятно, полагаетъ, что въ постройки своихъ осташковцевъ замечтовались отъ острѣйцевъ, съ которыми, благодаря торговлѣ, издавна уже находится въ постоянныхъ сношеніяхъ. Отсюда, я полагаю, и унылость и безцвѣтность въ общемъ характерѣ построекъ г. Осташкова, что, въ сочетаніи съ безпрестанно мелькающею, вуда ни взгляни, оловянной поверхностью воды, производитъ впечатлѣніе близкое къ английскому силлину. Да имъ, по-видимому, и одержана добрая половина обреченныхъ на заточеніе въ г. Осташковѣ. Только лѣтомъ взглядъ можетъ отдохнуть на зелени цвѣтовъ садовъ и бульваровъ, да ночью вѣсъ морозитъ газовое освѣщеніе улицы, ведущей къ фабрикѣ Савинныхъ, особенно странное, почти смѣшное, среди непроницаемой темноты на всемъ остальномъ пространствѣ городка, не признающаго фонарей *въ тримини*. Вообще, нужно не день и не два прожить въ Осташковѣ, нужно ознакомиться основательно съ его бытомъ, освоиться съ его странностями и испытать на себѣ все его русское добродушіе, чтобы

нѣсколько взглянулось первое неблагоприятное впечатлѣніе, получаемое, я думаю, всякимъ новоприбывающимъ въ сей градъ.

Всѣхъ домовъ въ Осташковѣ сочтено было въ 1862 году—1,496, нынѣ ихъ числится 1,493. Всего населенія за 1862 годъ исчислено 10,876 чел., за 1884—10,880 чел. Значать, за 22 года жизни города убыло въ немъ три дома и прибыло четыре человека. Развѣ не характерно!.. Исключая десятка, двухъ, болѣе просторныхъ домовъ, занимаемыхъ исключительно богатыми заводчиками и фабрикантами, все остальное представляеть собой неуежливість и ветхость, особенно рѣвно бросающіяся въ глаза въ постройкахъ деревянныхъ. Странно покажется на первый взглядъ, что въ Осташковѣ, уѣздъ котораго можетъ быть названъ «царствомъ лѣса», могутъ встрѣчаться ветхіе деревянные дома. Г. Р.—цовъ въ своей статьѣ основательно объясняетъ это тѣмъ, что «въ самомъ Осташковѣ лѣсъ едва ли не дороже, нежели въ городахъ, лежащихъ по верховью Волги, потому что мѣста, гдѣ производится преимущественно рубка строеваго лѣсу на продажу, находятся отъ города въ 40—50 вер. и, по недостатку сплавныхъ путей, лѣсъ дороже, по большей части, доставляеться сухопутно, что, конечно, значительно повышаетъ его цѣнность. Церквей въ Осташковѣ четыре, монастырей два: Знаменскій—женскій и Житвенный—мужской.

Самая старинная церковь въ Осташковѣ—это *Воскресенская*. Построена она была въ 1689 г., для крестьянъ Остафьевской Юсуповской слободы, т. е. принадлежавшей Волоколамскому Юсупову монастырю, взамятъ прежней деревянной, тутъ же стоявшей трехпрестольной церкви этого же имени. Спустя 8 лѣтъ, послѣ постройки *Воскресенской* церкви, рядомъ съ ней выстроена была *Троицкая соборная* церковь, и нынѣ обѣ онѣ обнесены общою красивою оградой, состоящей изъ чугунной рѣшетки на каменномъ цоколѣ, съ тремя рѣзными, готической архитектуры воротами.

Въ разстояніи получаса ѣзды отъ города по озеру Селитеру (7 верстѣ), находится знаменитая «Нилова Пустынь», вся какъ рѣчьность, окруженная водой.

«Нилова Пустынь» издавна уже обращала на себя вниманіе всѣхъ, посѣщавшихъ Осташковъ, и подробное описаніе ея повторялось уже нѣсколько разъ. (Первое въ 1853 году.) Поэтому считая лишнимъ описывать ее подробно съ точки зрѣнія археологиче-

ской и исторической. Для полноты очерка, позволю себѣ только привести здѣсь нѣсколько краткихъ свѣдѣній объ основаніи монастыря, заимствуя ихъ изъ статьи того же г. Р.—цова.

«Монастырь основанъ въ 1594 году, въ которомъ іеромонахомъ Герасимомъ, съ благословенія митрополита новгородскаго Александра, построенъ первый деревянный храмъ во имя Богоявленія Господня, съ предѣломъ Василія Блаженнаго. Съ этого года, изъ числа богомольцевъ, приходившихъ прежде сюда для поклоненія почивавшему подъ спудомъ угоднику, нѣкоторые стали оставаться на постоянное жительство и строить кельи, такъ что между 1594 и 1599 годами составилось монашеское общежитіе, находившееся подъ управленіемъ іеромонаха Герасима. Въ 1599 году прибыли въ пустынь изъ равныхъ мѣстъ нѣсколько монаховъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Невтарій, своимъ образомъ жизни обратилъ на себя вниманіе всѣхъ проживавшихъ въ пустыни, приобрѣлъ ихъ любовь и уваженіе, и по ходатайству, около 1620 г., митрополитомъ новгородскимъ Іоакимомъ назначенъ игуменомъ монастыря.

Въ 1667 году, при настоятелѣ пустыни Германѣ, во время устройства, вмѣсто деревянной—каменной церкви, при копаніи рововъ, обрушилась земля близъ гроба преподобнаго Нила и мощи его открылись нетлѣнными. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія царя Алексѣя Михайловича и новгородскаго митрополита Питирима, по грамотѣ котораго, по надлежашемъ освидѣтельствованіи, мощи были вывезти изъ подъ спуда, положены въ новую раку и поставлены на время въ деревянной церкви Поврова Богородицы, а потомъ, въ 1671 году, перенесены въ устроенную каменную церковь, въ которой почиваютъ и нынѣ. При открытіи мощей сочинена надлежащая служба преподобному и установлено: память обрѣтенія ежегодно праздновать 27 мая.

Въ настоящее время, Нилова пустынь, по устройству и богатству своему, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ числѣ православныхъ русскихъ монастырей. Соборный храмъ во имя Богоявленія Господня съ двумя предѣлами, отличается обширностью и прекрасною архитектурою, какъ снаружи, такъ и внутри. Онъ занимаетъ середину внутренняго двора и окруженъ огромными каменными корпусами, въ которыхъ помѣщаются: трапева для братіи и для богомольцевъ, настоятельскія кельи, кельи для братіи и т. п. Въ

Очерки соврем. Россіи.

наружюмъ дворъ также устроены два большихъ каменныхъ корпуса съ кельями для богомольцевъ.

Весь монастырь обнесенъ каменною оградой, а берега острова окаймлены гранитомъ съ красивою чугунною рѣшеткою. Словомъ, это настоящая крѣпость, брать которую приходилось бы не легко.

Монастырь, благодаря вниманію Государей російскихъ, жандармскихъ въ разное время въ пользу его земли, и усердію почитателей преподобнаго Нила, дававшихъ значительныя пожертвованія, въ настоящее время владѣетъ довольно значительными землями, на соседнихъ островахъ и полуостровахъ. Монастырю принадлежатъ еще два подворья, одно въ Москвѣ, другое въ Осташковѣ. Московское приноситъ нынѣ значительный доходъ.

Само собою разумѣется, что дохода съ земель и съ оброчныхъ статей не хватаетъ на содержаніе монастыря. Главный его доходъ состоитъ въ приношеніи богомольцевъ. Какъ великъ этотъ доходъ, можно судить по тому, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе братьевъ и богомольцевъ (пользующихся даровымъ содержаніемъ отъ пустыни въ продолженіи двухъ—трехъ дней), расходоу, простирающагося нынѣ, я думаю, свыше 20-ти тысячъ въ годъ и расходоу по устройству монастыря (хотя, по моему, это устройство оставляетъ ожидать еще многого), капиталъ монастыря состоялъ еще въ 1862 году изъ 225,971 рубля разными бумагами и наличными деньгами, кромѣ неприкосновеннаго капитала въ билетахъ на 7,954 руб. Болѣе 100,000 руб. изъ этихъ денегъ составляетъ пожертвованіе нѣкоего г. Воронина, осташковского уроженца, съ назначеніемъ на расширеніе и улучшеніе обители, къ которому нынѣють намѣреніе присугнать только теперь.

Ежегодный доходъ пустыни, по исчисленію г. Р—цова, простирается въ 1862 году до 35 тыс. руб.; по собраннмъ же мною свѣдѣніямъ, она простирается нынѣ до 60 т. руб. Эти цифры указываютъ сами собой на большое стеченіе богомольцевъ въ Нилову пустынь. По справкамъ, довольно достовернымъ, какъ напр., трагическая тетрадь *), число богомольцевъ простирается ежегодно до 100 тыс. человекъ.

*) Въ трагическую тетрадь ежедневно вписывается число лицъ изъ богомольцевъ, бывшихъ за столомъ въ трапезѣ.

Наибольшій приливъ богомольцевъ изъ простонародія бываетъ въ Великій постъ и лѣтомъ, по окончаніи посѣвы. Богомольцамъ дается въ монастырѣ бесплатное помѣщеніе и также бесплатно обѣдъ и ужины, изъ хлѣба, щей, кашки, ваши и пресохнутаго квасу. Богомольцамъ не изъ крестьянъ подается обѣдъ въ занимаемыя ими кельи, изъ двухъ или трехъ блюдъ.

Самое большое одновременное стеченіе народа бываетъ 27 мая, въ день празднованія обрѣтенія мощей преподобнаго. Въ этотъ день и раньше, за два, за три дня, стекается къ монастырю до 85 тысячъ народу, и болѣе вногда, такъ что, въ теченіи этихъ дней, монастырь расходуетъ на богомольцевъ отъ 5½ до 7 тыс. хлѣбовъ. Празднованіе этого дня всегда для Осташкова бываетъ цѣлымъ событіемъ. Я лично не имѣлъ удовольствія его видѣть, а потому сошлюсь на описаніе его г. Р—цовымъ; изъ разспросовъ мѣстныхъ лицъ, присутствовавшихъ въ послѣдній годъ на этомъ праздникѣ, я получилъ описаніе праздника 27 мая, почти однородное съ разсказомъ г. Р—цова, а потому привожу его здѣсь, сокращая весьма мало.

«Въ самый праздникъ, говоритъ, между прочимъ, г. Р—цовъ, изъ Осташкова отправляется въ пустынь крестный ходъ. Для этого устраивается особая, большая баржа, разукрашенная флагами (это почетная баржа, все остальное время года стоитъ безъ употребленія). По вступленіи крестнаго хода на эту баржу, она трогается отъ пристани, буксируемая девятью небольшими лодками, изъ которыхъ на каждой сидитъ по три гребца, одѣтыхъ въ одинаковыя рубашки, съ бѣлыми шапками на головахъ. По бокамъ главной баржи плывутъ еще двѣ меньшія баржи, изъ которыхъ въ одной помѣщаются члены городскихъ присутственныхъ мѣстъ, а въ другой—наиболѣе значительныя лица изъ числа жителей гор. Осташкова. Сверхъ того, за баржами слѣдуютъ обыкновенно во множествѣ частныя лодки, также разукрашенныя флагами и фонарями. Семиверстное разстояніе до монастыря переплывается въ часъ съ небольшимъ, и какъ только флотилія покажется въ виду, въ монастырѣ начинаютъ звонъ къ обѣдѣ. Крестный ходъ подплываетъ къ самому св. воротамъ (Архирейскія), гдѣ встрѣчается архимандритомъ со всею братіей, и начинается обѣдня...

«Всгдъ за крестнымъ ходомъ съ мошамъ преподобнаго Нила, кругомъ монастырской ограды, продолжающимся иногда часа три, начинается радужное угощеніе проголодавшихся гостей и духовенства.

«Сначала отправляются къ настоятелю, гдѣ предлагается посылать чай и обильная закуска, обыкновенно истребляемая въ мгновеніе ова. Потомъ отправляются въ трапезу обѣдать. На первомъ мѣстѣ садится самъ настоятель, около его, на верхнемъ концѣ стола, располагаются на обонкѣ концахъ стола наиболее почетные гости и затѣмъ разищается всякъ, кто какъ можетъ.

«Нужно замѣтить, что здѣсь не существуетъ никакихъ особыхъ приглашеній: всякій желающій идетъ самъ и усаживается за столомъ, если только есть еще мѣсто. Картина обѣда, довольно обильнаго, весьма любопытна.

«Болѣе 100 человѣкъ сидятъ за общимъ столомъ, накрытымъ во всю длину трапезной залы. Отецъ-казначей обходитъ кругомъ всего стола и радушно упраниваетъ сидящихъ кушать. Слѣдуетъ замѣтить, что за трапезой вино не подается, а только пиво и медъ; но монастырскіе меда крѣпко и сильно дѣйствуютъ на головы, прелаварительно подготовленные застракомъ въ комнатахъ настоятеля, а потому не рѣдко случается видѣть, что ктонибудь на нижнемъ концѣ стола въ половинѣ обѣда поставленъ въ необходимость оставить трапезу, или произвольно или при содѣйствіи отца-казначая, который вѣжливо напоминаетъ гостю, что внѣ трапезы онъ можетъ найти болѣе покойное мѣсто, и даже распорядится подавнємъ соотвѣтственной помощи. Бываютъ и другаго рода вещи. Такъ: намъ пришлось видѣть, какъ во время обѣда, одинъ изъ воспитанниковъ одного высшаго учебнаго заведенія, вмѣстѣ съ конкерами квартирующаго въ Осташковѣ полка, вздумали курить папироски, но такъ какъ сознавали неволкость подобной выходки, но эта операція совершалась чуть не подъ столомъ. Обѣдъ, постоянно ожидааясь, продолжается около часа, и затѣмъ многіе изъ участвующихъ отправляются опять въ комнаты настоятеля, гдѣ происходитъ угощеніе плодами и десертными винами.

«Часовъ въ пять вечера крестный ходъ обратно отправляется въ Осташковъ. Настоятель съ братьею провожаетъ его до самыхъ Святыхъ воротъ, затѣмъ возвращается въ церковь и, послѣ молебна

угодиану, рака съ св. мошами переносится на обыкновенное свое мѣсто.

«День этотъ празднуется и въ самомъ Осташковѣ; большая часть его населенія утромъ отправляется въ монастырь, такъ что въ городѣ запрещается даже топить печи во избѣжаніе опасности отъ пожара и затрудненія тушить его по отсутствію жителей. Вечеромъ же, по возвращеніи крестнаго хода въ городъ, всѣ улицы наполняются гуляющими и въ общественномъ саду играетъ музыка.

«Нужно замѣтить, что въ Осташковѣ существуетъ повѣрье, что въ день 27 мая всегда бываетъ хорошая погода, какова бы она ни была до того дня. Намъ два раза довелось быть въ Осташковѣ въ этотъ день и, дѣйствительно, въ оба раза погода, которую до того нельзя было назвать хорошею, круто измѣнилась къ лучшему передъ самымъ днемъ праздника.

«Намъ удалось два раза быть въ монастырѣ въ день праздника. Въ оба раза мы отправились туда съ крестнымъ ходомъ, и потому не можемъ судить, каковъ издали видъ флотиліи. Но видъ самого монастыря въ этотъ день очень хорошъ...

«По мѣрѣ приближенія къ нему, до вашего слуха доносится благоговѣсть и болѣе и болѣе обрисовываются толпы народа, охватывающія ограду набережной; во всѣхъ окнахъ келій, выходящихъ фасадомъ на берегъ озера, на возвышенностяхъ около Святыхъ воротъ, всадъ стоятъ сплоченныя толпы народа. Какъ только войдетъ крестный ходъ въ монастырь, всѣ эти массы народа тотчасъ расыпаются по всему острову; около гавани, въ устроенныхъ досчатыхъ балаганахъ и палаткахъ идетъ самый бойкій торгъ разнаго рода крестьянскими товарамъ; живописныя группы расположились на всѣхъ лужайкахъ; слышишь, сгруппировавшись потрое и четверо, окруженные толпами внимательно слушающаго народа, жалобнымъ голосомъ рѣспѣвають легенды про Алексѣя человѣка Божія и другія, получая самое скудное вознагражденіе за весьма продолжительный рассказъ отъ самаго рожденія и до всѣхъ чудесъ его. Больше выгодъ доставляютъ поминанія за здравіе и за упокой, которія поются по заказамъ, безпрестанно возобновляющимся; гожеосовъ нать, шесть зарязъ адресуются съ требованіями поминуть родителей; мѣдныя копейки брякаютъ въ подставленную деревянную чашу, и запѣвало, выбирая,

рукой деньги из чашки и пряча их за казуху, загибает дрожащим голосом, подхватываемым другими сотоварищами:

I.

«Помяни, Господи,

«всѣхъ сроднонь вашихъ, родителей» и т. п.

Подбѣжить какаянибудь бойкая бабенка и, бросивши копѣйку скажетъ: «помяни война такого-то»,—и опять дребезжащимъ голосомъ загибаетъ:

II.

«Нищая братья!

Мы должны Бога молить

За военнаго человѣка

Раба Божія (*имя рекъ*),

Спаси, Господи, и помилуй» и т. д.

«Всѣ эти припѣвы продолжаются почти непрерывно до самаго окончанія крестнаго хода, послѣ котораго значительная часть народа оставляетъ монастырь, отправляясь на большіе и малые лодкахъ по направленію къ Осташкову. Множество рѣющихъ на волнахъ лодокъ, на которыхъ, при самомъ легкомъ попутномъ вѣтерѣ; тотчасъ поднимаются паруса, представляетъ прекрасную картину...»

Не удалось мнѣ видѣть этой картины, но за то я не пропустилъ, въ одинъ изъ первыхъ же дней моего прибытія въ Осташковъ, посѣтить славную Нилову пустынь.

Ниловская пустынь.

Мы сѣли на пароходъ уже въ началѣ одиннадцатаго часа, оживля его слишкомъ часъ.

— Что такъ поздно сегодня? спросилъ мой спутникъ у завѣдывающаго пароходомъ, добродушнѣйшаго съ виду вѣнца-машиниста.

— Думали ужъ не придетъ. Всю ночь хлѣбъ возили въ монастырь, ужасно устали...

Пароходъ, на который мы вошли, былъ совсѣмъ, какъ сеть, настоящій пароходъ, и очень почтенныхъ размѣровъ, даже съ двумя палубами и каютами двухъ классовъ. А я почему-то думалъ, что онъ долженъ быть очень невзраченъ.

На пароходѣ, кромѣ насъ, было всего два-три человѣка; между ними маленькій и толстый монахъ, въ истертой до невозможности расѣ и такомъ же клобукѣ, распорившійся кое-чѣмъ на палубѣ.

Вся его фигура и лицо, точно топоромъ вырубленные (да и то неопытной рукой) изъ куска дерева, его неуклюжія движенія, сосредоточенность въ чертахъ и, главное, разгнѣвающихся по вѣтру полы его неопредѣленнаго цвѣта балахона, когда онъ суетился по палубѣ — и суетился онъ совершенно попусту — все это вставило меня улыбаться, слѣдя за его странными движеніями. Мой спутникъ, житель Осташкова, замѣтилъ мое волненіе и, также улыбаясь, обратился къ монаху:

— Здравствуй, отецъ Никаноръ! (За вѣрность имени не ручаюсь).

— Здравствуйте, батюшка, сосредоточенно пробурчалъ монахъ.

— Вотъ, позвольте вамъ представить: управляющій сямъ пароходомъ, отецъ такой-то, мужъ праведный и честный, отрекомендовалъ его NN.

Я поздоровался съ отцомъ Никаноромъ и началъ съ двухъ-трехъ пустыхъ вопросовъ. Но монахъ смотрѣлъ больше въ сторону и на разговоръ, видимо, былъ не охотникъ..

Утро было сѣрое и холодное. Безконечная даль озера терялась въ мутной, оловяниаго цвѣта, мглѣ. Темныя пятна острововъ, тамъ и сямъ, проглядывали сквозь туманъ, впрочемъ, все болѣе и болѣе рѣдѣющій. Картина была довольно унылая; но представлялось, что въ ясный лѣтній день здѣсь должно быть очень хорошо.

Мы проѣзжали мимо большихъ плесовъ *) съ спокойной и гладкой поверхностью воды, тогда какъ въ самомъ озерѣ она слегка волновалась. Острова, иногда большахъ размѣровъ, очертанія которыхъ не подавались глазу, плыли мимо насъ сумрачныя, силою покрытые хвойнымъ лѣсомъ. Городъ уже исчезалъ совсемъ изъ глазъ, когда вдали показались верхушки церкви монастыря. Версты за четыре еще монастырь открывался во всемъ своемъ величїи, какъ будто выросшій среди волнъ, съ своей высокой колокольней и огромными зданїями бѣлаго и блѣдно-голубаго цвѣта. Нельзя не любоваться этимъ зрѣлищемъ. Мы медленно подвигались впередъ, благодаря фарватеру, здѣсь очень мелкому. И когда оставалось до монастыря не болѣе полу-версты, вдругъ весь онъ освѣтился лучами выглянувшаго изъ-за тучъ солнца, заблестѣли золоченные купола, засверкали тысячами искръ стекла въ громадномъ фасадѣ зданій келїи.

Пароходъ вошелъ въ пристань. Рядомъ съ ней находится маленькій докъ, въ которомъ стоялъ другой пароходъ монастыря—починявшійся.

Черезъ большія каменные ворота, съ изображенїи на нихъ картицъ изъ жизни преподобнаго Нила, мы поднялись на главный дворъ монастыря, а оттуда, черезъ другія ворота, на меньшій. Тамъ находится соборъ и напротивъ него настоятельскїя келїи.

Соборъ, размѣрами своими, почти грандіозенъ, но за то... очень и очень ветхъ. Всѣ стѣны его и громадныя колонны отдѣланы подъ мраморъ. На правой сторонѣ, у праваго придѣла, стоитъ рака съ

*) Плесъ — заливъ. На озерѣ Селигерѣ такихъ заливовъ множество, и каждый имѣетъ свое названіе. Въ нихъ преимущественно производится ловля рыбы.

мощами св. Нила. Рака серебряная, но также, какъ и все кругомъ, не блестяще новизной. Вообще, сообразно размѣрамъ и богатству храма, странно какъ-то видѣть въ немъ этотъ отпечатокъ на всемъ запустѣнія—эту полноту. Вся внутренность собора требуетъ неотложнаго и капитальнаго ремонта, къ которому почему-то боится приступить нынѣшній настоятель Ниловой пустыни, хотя средства къ тому вполне обеспечены пожертвованїемъ г. Воронина въ 100 тыс. рубл., съ прямымъ назначенїемъ на устройство собора. Впрочемъ, сознавая безусловную необходимость этого ремонта, настоятель намѣренъ приступить къ нему въ будущемъ году. По предварительной оцѣнкѣ, ему обѣщали отдѣлать всю внутренность храма (слова, если не ошибаюсь) за 150 т. руб. Вотъ надъ этой-то цифрой только и задумывается нынѣшній настоятель; но однихъ процентовъ на Воронинскій капиталъ, за 30 лѣтъ его существованія, должно было набраться болѣе этой суммы, не говоря о самомъ капиталѣ. А вопять деньги въ такомъ богатомъ монастырѣ какъ будто странно даже.

Послѣ осмотра храма, мы отправились въ покои настоятеля. Покои эти обширны и свѣтлы, но меблированы очень просто. По стѣнамъ залы виситъ множество портретовъ, картинъ и гравюръ. Есть вещи превосходной работы, но есть и почти дубочныя, которыя смѣшно даже здѣсь видѣть. Вообще, художественнаго вкуса въ устраивавшемъ обстановку этой залы, повидному, было очень немного. Такъ: лучшія картины, дѣйствительно стоящія вниманїя, висятъ заслоненныя отъ свѣта, такъ что при внимательномъ только взглядѣ можно разобрать ихъ содержаніе. Худшія освѣщены такъ ярво, что просто стыдно за нихъ становится. Онѣ такъ и бросаются въ глаза, такъ и рѣзутъ взоръ. Нынѣшній настоятель, хотя и знаетъ эту антихудожественность своей залы, однако ничего не намѣренъ перемѣнять.

— Ужь я не трогаю!.. Какъ было при моемъ предмѣтничѣ, — пусть остается!.. Воспоминаніе благочестиваго отца мнѣ дорого... говорилъ онъ, слегка шамкая и кланаясь портрету покойнаго настоятеля.

Личность нынѣшняго настоятеля Ниловой пустыни заслуживаетъ вниманїя. Слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ постриженный въ монахи, изъ крестьянъ сосѣдней деревни, своимъ благочестїемъ, своимъ

аскетизмомъ, онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ среди окрестнаго населенія. Эти качества его не могли также не быть и не извѣстными монастырскому начальству. Онъ былъ назначенъ іеромонахомъ къ мощамъ преподобнаго угодника, и много лѣтъ несъ на себѣ эту почетную обязанность, не запятывая ея ни разу малѣйшимъ упущеніемъ, малѣйшею уступкою своей совѣсти.

Въ награду за то, онъ, по смерти бывшаго настоятеля, былъ избранъ архіереемъ на его мѣсто, что для человѣка, не получившаго никакого почти образованія, было великою честью. На мѣста подобнаго рода назначаютъ въ большинствѣ случаевъ людей, кончившихъ духовную академію, а нынѣшній настоятель, не знавъ, кончилъ ли и семинарію.

Не доневѣ, однако, стояла ему эта честь. Въ 60 съ небольшимъ лѣтъ онъ имѣетъ видъ 80-лѣтняго старца: безъ кровинки въ лицѣ, съ впалыми щеками и такими же глазами. Худое туловище его держится сгорбленнымъ, голосъ звучитъ негромко и неуверенно. Но это старческое лицо за то дышетъ живымъ умомъ, вниманіемъ и неотрапиво располагающимъ къ себѣ добродушіемъ; въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, едва видныхъ сквозь узенькія щелки, не угасаетъ еще огонь юшеской энергіи и даже какъ бы легкой задоры. Впрочемъ, всѣ движенія его, всѣ слова проникнуты глубокимъ смиреніемъ и самоуничиженіемъ, полнымъ, однако, достоинствомъ..

Отецъ настоятель Ниловской пустыни умѣетъ принимать гостей своихъ по-сибирски, какъ простой и гостепріимный хозяинъ. За столомъ, обильно покрытомъ великими яствами и самыми тонкими французскими винами (которые всегда выписываются имъ для гостей и подаются по качествамъ, сообразно имениности гостя отъ 3—11 р. бутылка), онъ веселый и легкий собесѣдникъ. Въ рѣчахъ его иногда сквозитъ трудно-уловимый оттѣнокъ насмѣшки, или, вѣрнѣе, что-то въ родѣ снисхожденія въ слушателямъ. Но въ тонѣ и въ лицѣ его при этомъ бываетъ столько добродушія, столько дѣтской простоты, что какъ ни странно согласовать между собою эти два качества, а, по крайней мѣрѣ, ихъ согласовать и составилъ себѣ цѣльное понятіе о моемъ хозяинѣ. Добродушіе старости и сознание своей духовной высоты передъ другими, влекущее за собой и снисхожденіе въ этимъ другими и невдоблаву насмѣшку надъ ними, — вотъ двѣ главныя черты личности нынѣшняго настоятеля Ниловой пустыни,

если включить сюда еще свѣткость, выражающуюся въ его манерахъ, во всемъ тепле. Часа четыре, пять, проведенные нами у него, пробѣжали едва замѣтно. Изъ разговора я, между прочимъ, узналъ, что число постригающихся въ монастырь все уменьшается, благодаря строгому уставу, который неувольно преслѣдуетъ нынѣшній настоятель.

— Пробудетъ годъ, два, не выдержитъ! И уйдетъ. Такихъ много ужъ я отпускалъ. А то и самъ просилъ удалиться... Иногда попадаютъ пьющіе, такъ тѣхъ ужъ я самъ удаляю. Ну... а больше всего служба кажется тяжелой, не выносятся!.. Да!.. Трудно, трудно нѣкоторымъ вынести... заключилъ онъ съ серьезнымъ лицомъ.

Я всматривался въ исхудалыя черты, и казалось мнѣ, что въ глубинѣ его серьезныхъ глазъ играетъ какъ бы усмѣшка. Онъ тоже взглянулъ на меня и, точно поклавъ мою мысль, подхватилъ, уже улыбаясь:

— А вотъ, чай парагвайскій, это очень хорошо! Дайка мнѣ моего чаю! обратился онъ къ вошедшему въ комнату служкѣ. Очень, знаете, освѣжаетъ. Какъ простовшъ, это, на молитвѣ часа три, да на-тощавъ, такъ и трудно иногда бываетъ. Голова, знаете, кружится, ослабнешъ, сердцебиеніе. Лѣта ужъ не тѣ: и мнѣ трудненько... Такъ вотъ, ставячикъ этакого чаю — и ничего. Опять бодрѣ, — можно молиться, заключилъ онъ съ смѣющимся, какъ-то по-дѣтски самому себѣ, глазами.

Мы выѣхали изъ пустыни, когда уже смерклость, освѣяемые напутственнымъ благословеніемъ благочестиваго отца настоятеля и одаренные отъ него прекраснымъ образомъ преподобнаго Нила, да цѣлымъ узелкомъ знаменитыхъ монастырскихъ просфоръ.

Большой монастырскій пароходъ, тяжело пыхтя, выдвигался изъ гавани въ огромное озеро, окутанное опять сѣрымъ туманомъ; а мы, стоя у края палубы, долго еще раскланивались съ отцомъ-настоятелемъ, и невольно улыбаясь развѣвающимся поламъ его шелковой, подбитой мѣхомъ, расы...

Исторія Осташкова, какъ города, очень молода. Прежде находилась здѣсь слобода, время основанія которыхъ неизвѣстно. Потомъ, постепеннымъ развитіемъ и расширеніемъ, особенно послѣ двухъ

опустошительныхъ пожаровъ, Осташковская слобода, принадлежавшая прежде къ Ржевскому уѣзду, была переименована въ уѣдный городъ Новгородской губерніи.

Въ 1845 году одинъ изъ лавочниковъ Осташкова нашелъ у себя, между оберточной бумагой, любопытный документъ, носившій названіе: «Рожденіе г. Осташкова, 27 іюля 1772 года». Не желая оставить въ невѣдѣнности это любопытное описаніе, онъ отпечаталъ документъ во множествѣ экземпляровъ, которыхъ и теперь еще можно кой-гдѣ встрѣтить. Мы позволяемъ себѣ здѣсь привести этотъ небольшой документъ цѣликомъ, заимствуя содержаніе его изъ текста г. Р.—цова.

«При ожиданіи г. генералъ-поручика, Новгородской губерніи губернатора и кавалера, Якова Ефимовича Сивера, для учрежденія по Высочайшему Ея Императорскаго Величества Имянному указу здѣшняго мѣста городомъ, къ пріѣзду его сюда отпавлена въ Полоновскій погостъ баржа — 22 іюля изволилъ въ той баржѣ отправиться къ Осташкову. За 25 верстъ отъ Осташкова, въ особнякахъ шляпкахъ, встрѣченъ здѣшними присутствующими и первостатейнымъ купечествомъ, которые имъ приняты были съ чувствительнѣйшею пріятностію; въ самомъ началѣ встрѣчи, предрасуждать позволилъ объ обстоятельствахъ здѣшняго города. Прибывъ въ состоящую отъ Осташкова въ 7 верстахъ пустыню чудотворца Нила, встрѣченъ той пустыни строителемъ съ монашествующими, гдѣ по наступленіи ночнаго времени имѣлъ препокоеніе. 23 числа по-утру по проведеніи изъ той обители строителемъ съ монашествующими до пристани изволилъ отправиться въ той же баржѣ къ Осташкову, за нимъ слѣдовала съ купечествомъ и присутствующими шляпка. По пріѣздѣ въ Осташковъ у берега встрѣченъ былъ здѣшняго города воеводою съ товарищемъ, дворянствомъ и многими числомъ первостатейнаго купечества, откуда препровождаемъ былъ въ предучрежденную для его превосходительства квартиру, гдѣ поздравленъ съ счастливымъ пріѣздомъ, при желаніи начинающему дѣлу благополучнаго произвожденія и вонда. Во весь тотъ день трудился до полудня въ разсматриваніи опробованнаго плана, а послѣ полудня въ назначиваніи по оному городоваго начала и регулярныхъ кварталомъ.

«24 числа отправлено здѣсь великолѣпное торжество въ соборной церкви Живоначальныя Троицы: литургію служилъ Троицкаго Селжаровскаго монастыря архимандритъ Іоаннъ съ настоятелями Ниловой, Могилевской пустыни и Житеннаго монастыря и со всѣмъ здѣшнимъ соборнымъ духовенствомъ, изъ коихъ протоіерей Симеонъ говорилъ изрядную проповѣдь, прославляя Ея Императорскаго Величества милость и матернее попеченіе о приведеніи въ цвѣтущее состояніе сего мѣста, и изъявляя, что каждый градъ краснымъ и блаженнымъ составляетъ. По окончаніи литургіи прочтенъ былъ Ея Императорскаго Величества указъ объ учрежденіи здѣсь города. Все духовенство стояло, въ свѣтлыхъ облаченныхъ одежды въ изъявленіе общей радости, и т. д.

Высочайшимъ указомъ 7 ноября 1775 г. Осташковъ присоединенъ къ тверскому намѣстничеству. Съ образованіемъ своимъ Осташковъ получилъ и гербъ, представляющій собой щитъ, раздѣленный пополамъ: въ верхней части, въ красномъ полѣ видны до половины черныи двуглавыи орелъ, въ низнемъ, въ голубомъ полѣ — три серебряныи рыбы, три ерша, какъ называютъ ихъ осташковцы.

тогда хоть вараулъ кричи: отвратительнѣе этого зловонія гнѣющаго жира—трудно себѣ что нибудь представить...

Кожевенное производство въ Осташковѣ съ каждымъ годомъ все болѣе падаетъ. Въ 1863 году въ Осташковѣ всѣхъ заводовъ было 37, а нынѣ тамъ ихъ только 25. Убыль эта происходитъ главнымъ образомъ отъ уменьшенія потребности въ кожахъ, отъ приходаденія въ ветхость заводовъ и неимѣнія средствъ на ремонтровку ихъ.

Въ 1863 г. въ Осташковѣ было два большихъ кожевенныхъ завода купцовъ Савина и Мосагина. На нихъ главное мѣсто занимала выдѣлка юфти. Нынѣ остался одинъ только—заводъ Савинныхъ.

Заводъ братьевъ Савинныхъ, заслужившій чуть ли не всемирную вѣдѣмость, по качеству своихъ выдѣлъ и обширности оборота, основанъ въ 1792 г., отцомъ выдѣльщика владѣльцевъ, коммерціи совѣтникомъ Кондратіемъ Алексѣевичемъ Савиннымъ. Въ этомъ году собственно началась выдѣлка на заводѣ красной юфти, обновленная же кожа, а также юфть бѣлая и черная, хотя въ незначительномъ количествѣ, выдѣлывались въ райѣ. Въ самомъ началѣ стали выдѣлывать на заводѣ красную юфть тяжелыхъ сортовъ, въ количествѣ отъ 30—40 т. кожъ въ годъ; потомъ, при переходѣ завода къ наследникамъ Б. А. Савина, введены въ употребленіе вмѣстѣ съ тяжелыми сортами и легкіе сорта красной юфти, а впоследствии стала выдѣлываться особеннаго рода красная и палеваго тонкая юфть, такъ называемая, *англійская*, которая въ количествѣ болѣе 10 тыс. кожъ производится исключительно на заводѣ бр. Савинныхъ и по своему высокому достоинству пользуется особенною извѣстностью, преимущественно въ Англіи. Тамъ она цѣнится за отличную свою мягкость, вѣдѣмость и прочность, которыхъ не достигаетъ ни одинъ кожевенный заводъ въ Европѣ; продается она не по вѣсу, а на вершки, если не ошибаюсь, до 40 к. вершокъ, смотря по разбору, и употребляется исключительно на оклейку портфелей, книжекъ, футляровъ, бумажниковъ, альбомовъ и проч.

Англійскія фирмы покупаютъ юфть Савина по контракту, огромными партиями. До прѣзда въ Осташковъ я слышалъ, что условія этого контракта обязываютъ будто бы Савина не продавать его кожу (юфть) въ Россіи. Это показалось мнѣ такъ странно, что я первымъ деломъ счелъ нужнымъ справиться у лицъ компетентныхъ о суще-

Савинскій заводъ въ Осташковѣ.

Среди другихъ уѣздныхъ городовъ Осташковъ занимаетъ видное мѣсто своею промышленностью; торговое же значеніе его, благодаря географическому положенію, въ городѣ отъ главныхъ торговыхъ портовъ, — не велико. Главные роды промысла — выдѣлка кожъ и сапоговъ, кузнечный промыселъ и рыболовство. Всѣ эти три рода промысловъ истекаютъ прямо изъ положенія г. Осташкова. Окруженный громадными лѣсами, онъ имѣетъ обиліе древесной коры и ваменнаго угля, необходимыхъ для выдѣлки кожъ и для кузнечнаго дѣла. Озеро Селгерь когда-то кишмя-кишѣло рыбой и хотя эти времена давно минули, но рыболовство по традиціямъ осталось еще главнымъ промысломъ у крестьянъ соседнихъ съ озеромъ деревень. Кожевенное производство города Осташкова вѣдѣстно далеко за предѣлами этого глухаго уѣзда. Оно питаетъ тысячи жителей и придаетъ вышнему виду города извѣстную своеобразность. Всѣ кожевенныя заводы, кромѣ одного, г. Савина, очень малы и жалки, они тѣсно лѣнятся надъ озеромъ, почему видъ города, съ этой стороны, напоминаетъ нѣсколько Неаполь, если только это сравненіе не будетъ слишкомъ громко. Полузвукромъ идущая линия берега представляеть собой рядъ темныхъ разваливающихся построекъ, столбчатыхъ на покосившихся и сгнившихъ сваяхъ.

Эту картину можно даже назвать живописной, если только наблюдать ее на несъма почтительномъ разстояніи. Вблизи она всеяетъ нѣкоторую брезгливость. Къ своеобразности Осташкова можно отнести еще и особенно острый запахъ дубильнаго вещества, который вы чувствуете на нѣкоторыхъ улицахъ, усыпанныхъ толстымъ слоемъ негоднаго дубья; запахъ этотъ, нѣкоторыми даже любимый, часто смѣняется другимъ, менѣе приятнымъ, запахомъ сырыхъ кожъ и...

ствования подобнаго рода унизительнаго для Савина контракта, и получилъ отвѣтъ отрицательный. Не вѣрить ему—не имѣю права.

Англичане, покупая кожу Савина, отдѣлываютъ ее только въ окончательномъ видѣ, т. е. перекрашиваютъ, смотря по надобности, полируютъ и вообще придаютъ ей тотъ, или другой внѣшній видъ. Въ этомъ-то видѣ мы и любуемся ею на множествѣ вещей, устрашающихъ наши столичные заграничные магазины, и покупая ихъ, платимъ сумасшедшія деньги. Тамъ, гдѣ нашей родной кожи пошло на рубль, за эту бездѣлушку мы платимъ 10 и больше рублей. Словомъ, заводъ г. Савина, обогащая Англiю, Австрію, Италію и Сѣверную Америку, на рынкахъ которыхъ она пользуется большою извѣстностью, правильно говоря, разоряетъ только насъ, русскихъ, приобретающихъ надѣля изъ его кожи, только изъ-за границы и по крайне высокаму цѣнамъ.

Заводъ г. Савина имѣетъ такую громкую репутацію, что не могу не остановиться нѣсколько на выдающихся чертахъ его внѣшняго и внутренняго устройства. Заводъ помѣщается на краю города, на берегу озера Селигера. Улица, во всю длину которой тянется заводъ, рѣзко отличается отъ другихъ улицъ города и на первый взглядъ оставляетъ впечатлѣніе самое благопріятное. Прекрасно вымощенная, чистая, усаженная деревьями и съ порядочнымъ количествомъ газонныхъ фонарей, она напоминаетъ нѣсколько парижскіе бульвары. Все это благоустройство поддерживается на счетъ г. Савина, резиденція котораго помѣщается тутъ же, напротивъ завода. Кто не знаетъ въ Осташковѣ этого бѣлаго двухъэтажнаго дома, не элегантно наружности, но основательнаго по размѣрамъ и внушительнаго по виду, который ярче всякаго словъ гласитъ о старинѣ, о нашей простотѣ, незатѣйливой, но строгой и властолюбивой старинѣ! Кто изъ ошарашанъ закрытыми глазами не попадетъ въ этотъ храмъ офіаннаго могущества, въ которомъ живетъ главный жрецъ его, самъ Федоръ Кондратьевичъ Савинъ, не такъ еще давно распоряжавшійся судьбами Осташкова?.. Да, попадетъ вслѣдъ, и не скоро еще забудетъ этой дороги, хотя многимъ и хотѣлось бы ее скорѣй забыть. «Время деспотизма, униженія, поклоненія»—вотъ что хотѣло бы позабыть новое поколѣніе ошарашанъ, нинѣ уже равнодушно поглядывающихъ на мрачныя хоромы жреца, передъ которыми трепетали ихъ предки.

Но свѣжо преданіе и не скоро суждено еще ему померкнуть!..

Вы входите въ большія каменные ворота завода, съ государственнымъ гербомъ надъ вами и, передъ вами отсрѣвается обширная площадь, безпорядочно уставленная постройками, преимущественно деревянными. Каменныхъ корпусовъ три, но они не особенно велики и снаружи неблагообразны. Вообще, куда ни взгляните, все кругомъ имѣетъ видъ сѣрый, грязный, все далеко не гармонируетъ съ тѣмъ представленіемъ, которое вы должны были заранѣе составить себѣ о заводѣ г. Савина. Деревянные постройки—такъ тѣ просто разваливаются. Какъ бы стодѣтія висѣть надъ заводомъ, вмѣстѣ съ воздухомъ, пропитаннымъ пылью, и сѣро-свинцовымъ небомъ...

Какъ будто духъ разрушенія пролетѣлъ надъ этимъ огромнымъ пространствомъ завода.. Такое было мое первое впечатлѣніе.

Вы входите затѣмъ внутрь здания: тамъ то же запустѣніе и та же грязь. Нужно быть своимъ человѣкомъ на заводѣ, чтобы пройти безъ риска сломать себѣ ноги по главному и самому большому отдѣленію завода—*мочильному*, доски пола котораго, не закрѣплены и не уложенныя въ порядѣ, прыгаютъ подъ вашими ногами. А въ другихъ отдѣленіяхъ эта безпорядочность и грязь внушаютъ просто отвращеніе. Машинны и всѣ прочія принадлежности кожвенныхъ заводовъ равнымъ образомъ стары и запущены, словомъ—всладѣ отвѣчаютъ остальному. Повторяю, что впечатлѣніе отъ обстановки завода г. Савина идетъ въ разрѣзъ всему, что вы могли думать о немъ по громкой репутаціи какъ завода, такъ и самого г. Савина, считающагося виновникомъ благоустройства его роднаго города, благоустройства, дѣйствительно заслуживающаго вниманія. Какъ-то странно даже подумать, стоя среди этой обстановки, проходя съ гадливымъ чувствомъ по равнымъ отдѣленіямъ завода, что вотъ именно отсюда, изъ этихъ промозглыхъ, черныхъ и обваливающихся стѣнъ широкимъ русломъ, за моря и океаны, пронеслась слава русскому имени и русскому искусству. Странно и больно! А когда вы осмотрите помѣщенія для рабочихъ г. Савина, ихъ столовую, кухню, больничу и, главное, ихъ спальни, когда вамъ скажутъ, что на этомъ обширномъ заводѣ, гдѣ работаетъ 523 человѣкъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтъ, нѣтъ даже маленяго школы, вы скажете про себя—возмутительно! Рабочіе бараки—это разрушающіеся и валяющіеся, какъ извнѣ, такъ и изнутри, сарай, безъ малѣйшаго на-

мека не только на вентиляцію, просторъ и чистоту, на какія-либо новѣйшія усовершенствованія по этой части, но даже безъ выполненія обязательныхъ по закону санитарныхъ условій для такого рода помѣщенія. Въ всѣхъ комнатахъ средней величины помѣщаются всѣ рабочіе. Нары почти сплошь занимаютъ все пространство комнатъ, оставляя только узкіе проходы по краямъ. На нихъ, на отвратительно грязной подстилкѣ, плотно одна къ другому, лежатъ изнуренные рабочіе, или мертвяно спящіе, или бодрствующіе въ какой-то летаргической неподвижности. Человѣкъ 40—60 приходится на такую комнату (скорѣе хлѣбъ) среднихъ размѣровъ. Въ груди дыханіе спирается, войдя въ такую комнату, гдѣ не топоръ, а колоду можно повѣсить въ воздухѣ. Особенно одна изъ нихъ. Никогда не забуду ея. Тамъ, надъ этими отвратительными парами, заваленными грязными тѣлами рабочихъ, въ высотѣ аршина или полутора, виситъ грязный потолокъ. Смердь, темъ и жара. Высокому человѣку въ этой комнатѣ и выпрямиться невозможно. «Возмутительно, непонятно!» повторялъ я себѣ.

У завода с. Савинна, подполѣтца бывшаго единственнымъ въ мірѣ по качеству своихъ произведеній, явились въ послѣднее время спланные конкуренты. Въ Германіи и Австріи стали, какъ говорятъ, поддѣлывать юфть г. Савинна и продавать ее за треть цѣны. Слухъ этотъ по всей вѣроятности не ложный! Удивляюсь я даже, какъ только раньше смыслонные нѣмцы не взяли за такое прибыльное дѣло. Но думается мнѣ, что поддѣлкой называть его ошибочно. Кожу поддѣлывать трудно, потому что трудно не замѣтить сразу всѣхъ ея достоинствъ, или недостатковъ. Проще угадали способъ производства Савинской юфти, примѣняли его и нашли возможность продавать пудъ кожи не за 80 руб., какъ то дѣлаетъ Савинъ, а за 30. Понятно, что всѣ покупатели такой юфти и особенно англичане прельстились «дешевкой», а Савинъ, на старости лѣтъ, сталъ близокъ къ краху... Друзья г. Савинна не разъ уже умоляли его сбавить цѣну на свой товаръ, указывая на это, какъ на единственное средство къ борьбѣ съ «поддѣлывателями». Но самолюбіе человека стараго закала, столько десятковъ лѣтъ не знавшаго униженія, взяло верхъ надъ расчетами коммерсанта. «Ни копейки!»—сказалъ г. Савинъ—«и будь что будетъ!»

Если все это правда, понятными становятся некрасивыя детали оборотной стороны славнаго Савинскаго завода. Обида, безсиліе, и безнадѣжность черной тучей нависли надъ гордой сѣдой головой и эта туча могла заслонить отъ старческаго взора много и многое...

Считаю лишнимъ описывать здѣсь подробно самое производство кожъ; оно, я думаю, всѣмъ извѣстно. Зола, мочка ихъ и дубленіе—вотъ три главные процесса, необходимые всадъ и всегда при кожевенномъ производствѣ. Усовершенствованіе этого производства прямо зависитъ отъ усовершенствованія каждаго изъ этихъ трехъ процессовъ, но главнымъ образомъ отъ втораго, т. е. отъ способа мочки кожъ. Сырая кожа воляется для того, чтобы очистить ихъ отъ шерсти. Растворъ известки, наполняющій зольные чаны, пробѣгаетъ клѣточки кожи до того, что волосъ выпадаетъ изъ ихъ самъ собой. Но, вмѣстѣ съ нимъ, частицы известки проникаютъ такъ глубоко въ эти клѣточки, что кожа, послѣ зolenія, дѣлается твердой, какъ дерево.

Вотъ тутъ и предстаетъ самый трудный процессъ въ кожевенномъ производствѣ—это удаленіе изъ кожъ известки, или, другими словами, размягченіе ея. Отъ степени размягченія кожи, отъ степени очистки ея клѣтчекъ зависитъ впоследствии все ея достоинство.

Когда я, разговаривая съ нѣкоторыми кожевниками, спрашивалъ ихъ, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключается секретъ изготовленія кожъ г. Савиннымъ, почему онѣ такъ удивительно мягки и прочны, мнѣ отвѣчали, что секрета собственно никакого нѣтъ: есть разные способы размягченія кожъ—въ этомъ весь секретъ. Но и они всѣ уже давно извѣстны. Савинъ употребляетъ одинъ изъ этихъ способовъ, употребляетъ съ извѣстнымъ раскомъ и большимъ умнѣніемъ—въ этомъ вся премудрость. А составъ красокъ, или дегтя, которыми смазываются кожи при сушеніи, все это средства весьма обыкновенныя, не носящія въ себѣ никакой тайнственности. Г. Савиннѣ умѣетъ ими только пользоваться, умѣетъ досмотрѣть за всѣмъ самъ, умѣетъ заставить своихъ рабочихъ быть тщательными, а главное—онъ дорожитъ своей фирмой на столѣ, что никогда не пуститъ въ продажу чуть испорченнаго товару, хотя терпитъ отъ этого не мало убытковъ, т. е. имѣетъ гораздо меньше прибыли, чѣмъ бы могъ имѣть.

Секретъ, которымъ пользуется г. Савинъ, это очистка кожи отъ известки посредствомъ собачьего мала. Для этой цѣли г. Савиннымъ держатся на заводѣ сотни собакъ, которыя лѣтомъ распространяютъ не малое зловоніе кругомъ всего завода. Чтобы въ короткое время очистить пятнышки кожи отъ известки—нужно средство очень сильное, очень ѣдкое. Въ кожевенномъ производствѣ уже издавна это средство составляло камень преткновенія для всѣхъ. Пробовали разные способы, все это было или слишкомъ сильно, или слишкомъ слабо, но совершенно вѣрнаго и перискованнаго средства, которое-бы, такъ сказать, получило-бы уже право гражданства, еще не нашли.

Самый простой и первобытный способъ очистки кожи—это вода. Поэтому, на всѣхъ маленькихъ кожевенныхъ заводахъ, вынувъ кожи изъ зольныхъ чановъ, погружаютъ ихъ на нѣсколько дней въ воду—въ рѣку, или озеро, вода въ которыхъ обыкновенно и строится кожевенные заводы. Отсюда и зараженіе воды въ этомъ мѣстѣ известкой, жиромъ и загрязненіе ея остатками шерсти. Но кожа, отъ такого моченія, далеко не достаточно ни очищается, ни размягчается. Такого рода маленькіе заводы могутъ готовить только кожу низшихъ сортовъ, годную на подошвы, да на самую грубую обувь.

Лучше-же сорта, такъ называемая опойка в юфть, готовятъ посредствомъ предварительнаго *витраваленія* кожи отъ известки и размягченія ея въ теплой водѣ, строго опредѣленной температуры и въ строго опредѣленный періодъ времени.

Собачій мала имѣетъ свойство въ нѣсколько часовъ очищать кожу отъ известки. Но онъ такъ ѣдокъ, что достаточно нѣсколькихъ лишайныхъ манутовъ, чтобы на кожѣ образовались дыры. Въ этомъ и заключается вся рискованность подобнаго средства. Нужна неуспешная внимательность и большая опытность въ рабочемъ, который стонетъ надъ чаномъ, гдѣ такимъ способомъ очищается кожа, чтобы не надѣлать громадныхъ убытковъ. Г. Савинъ имѣетъ хорошихъ рабочихъ, но и то значительный процентъ кожъ дѣлается никуда негодными послѣ этой процедуры. Но за то тѣ, которыя выдерживаютъ, тѣ заслуживаютъ г. Савину громкую славу и съ избыткомъ вознаграждаютъ его за потерю.

Мягченіе кожъ въ теплой водѣ производится посредствомъ мягчительныхъ машинъ, въ которыхъ главною активною частью является

вертящаяся барабанъ. Онъ безпрерывно переворачиваетъ кожи, треплетъ ихъ и такимъ образомъ дѣйствуетъ на поры, которыя расширяются, пропускаютъ въ себя теплую воду и тѣмъ размягчаются. Этотъ процессъ, поидяному, очень простъ, также какъ и машины, производящія его. Но и тутъ необходимъ опытный и строгій глазъ, безъ котораго опять-таки возможны большія потери. Дѣло въ томъ, что нельзя перемочить кожу, или не домочить ея. Нужно отискивать тотъ градусъ температуры воды и то количество времени, въ которое мочится кожа, чтобы при сочетаніи этихъ двухъ цифръ получался лучший товаръ. Если вода будетъ слишкомъ холодна и кожа будетъ мочиться слишкомъ коротко, она никогда не приобрететъ ни мягкости, ни красoty. Если, наоборотъ, вода будетъ слишкомъ горяча и слишкомъ долго будутъ держать въ ней кожу, она можетъ размягчиться до того, что обратится въ клей. Поэтому мягченіе кожъ называютъ самымъ труднымъ процессомъ обработки или главной причиною того или другаго качества ея. Искусство этого мягченія совмѣстно съ тщательной очисткой кожъ отъ известки—въ этомъ вся тайна завода г. Савина, давшая ему громадное состояніе и громкое имя, и цѣлому міру—такую юфть, съ которой можно обращаться какъ съ шелкомъ.

Для поправленія падающихъ дѣлъ своего завода, г. Савинъ завелъ при немъ мастерскую машинной обуви. Въ ней сапоги дѣлаются въ часть-два. Дѣло это, несомнѣнно, имѣетъ будущность; но пока оно идетъ весьма слабо. Ни мастеровъ, ни рабочихъ для того порядочныхъ на заводѣ г. Савина не имѣется, да и врядъ-ли будетъ имѣться. А между тѣмъ, этимъ малополезнымъ и даже убыточнымъ для г. Савина дѣломъ онъ убиваетъ всю мелкую сапожную промышленность въ Осташковѣ. Положимъ, тамъ она и безъ того умреть, но зачѣмъ-же добывать? Теперь осташевскимъ сапожникамъ остается только идти работать на заводъ г. Савина, гдѣ пара сапоговъ, весьма порядочныхъ, продается за 3 р. 50 к.—4 р.

Благодѣянія тутъ я вижу мало.

ЕЩЕ ОБЪ ОСТАШКОВЪ.

Вопросъ.—Осташи.—Косы.—Пожарная команда.

Еще вопросъ: отчего г. Савинъ не устроитъ при своемъ заводѣ мастерскую изящныхъ предметовъ, за которые мы платимъ въ тридорога, только потому, что покупаемъ ихъ у разныхъ Кноповъ, Репо и К.? Если можно было открыть сапожную мастерскую, выписавъ машины изъ Америки, а мастеровъ изъ Петербурга и уклонявъ на все это тысячъ 60 по меньшей мѣрѣ, отчего-же было не израсходовать эти-же деньги на новое совсѣмъ дѣло, которое имѣло-бы успѣхъ несомнѣнный, никого-бы не разорило, а напротивъ—подняло-бы благосостояніе какъ Осташкова, такъ и Россіи, можетъ быть, современемъ? Въдѣ Англіи не за горами, а тамъ есть превосходные мастера и машины для такихъ издѣлій, которыя специально работаютъ надъ Савинской юфтью...

Но въдѣ упрямство.. своего рода добродѣтель.

Издавна въ Осташковѣ выдѣлываются большіе бѣлые сапоги, такъ называемые «осташи». Эти послѣдніе вы можете встрѣтить на далекомъ разстояніи отъ Осташкова, въ губерніяхъ: Псковской, Петербургской, Новгородской и особенно въ Остзейскихъ провинціяхъ. Главные рынки сбыта ихъ, черезъ особыхъ *коммисіонеровъ* изъ осташковскихъ гражданъ,—это Псковъ и Дерятъ, гдѣ они пользуются большою извѣстностью и откуда они расходятся въ сосѣднія рыболовные приморскія и пріорверныя мѣстности.

Главное достоинство этого рода сапогъ—это дешевизна ихъ и прочность, которая достигается массивностью сапога. Поэтому всѣ почти каменоломы и каменотесы запасаются преимущественно «осташи».

Еще недавно производство «осташей» достигало въ Осташковѣ очень большихъ размѣровъ. По расчету г. Р.—ова за 1862 годъ, «осташей» и черныхъ сапогъ дѣлалось тамъ въ годъ до 280 тыс.

паръ. Но нынѣ это количество, я думаю, можно смѣло сократить вдвое.

Отчего падаетъ эта отрасль промышленности,—трудно сказать. Впрочемъ, есть причины и двѣны. Первая, это уменьшеніе спроса, вслѣдствіе неудобности «осташей». Хотя они и прочны и дешевы, но однако такъ тяжелы, что даже и мужикамъ натягивать поги. Вторая, это весьма низкая плата работающимъ этого рода сапоги.

Плата рабочимъ полагается съ пары отъ 16—30 коп., смотря по размѣру сапоговъ и достоинству отдѣлки. Эта плата весьма мало вознаграждаетъ трудъ, ибо одно семейство, полагая мужичау и двухъ женщинъ, при самомъ усидчивомъ трудѣ, не въ состояніи сработать болѣе четырехъ паръ въ сутки разнаго размѣра. Цѣна пары такого рода сапогъ колеблется между 1 р. 50 к. и 2 руб.

Кромѣ сапоговъ, въ Осташковѣ выдѣлываются еще рукавицы и фартуки для рыболововъ; но выдѣлка этихъ произведеній весьма незначительна.

Железная промышленность играетъ также весьма видную роль въ промышленной дѣятельности Осташкова. Цѣлыя улицы сплошь заняты тамъ кузницами, въ которыхъ съ ранняго утра и до поздняго вечера раздается неумолкаемый стукъ молотовъ. А въ темную ночь рядъ этихъ кузницъ, бросающихъ каждая противъ себя на улицу снопъ яркаго свѣта, представляетъ зрѣлище очень оригинально-красивое и даже слегка фантастическое.

Нѣкоторые ремесленники работаютъ отъ себя, но большая часть изъ нихъ исполняютъ заказы главныхъ торговцевъ изъ мѣстныхъ купцовъ, которые съ своей стороны имѣютъ по нѣсколько своихъ собственныхъ кузницъ. Самые обширные обороты по железной промышленности сосредоточены въ рукахъ одного изъ осташковскихъ купцовъ г. Мосягина. У него на обширной площади (2 десятины) расположены громадныя каменные здания, въ которыхъ помѣщается множество кузницъ. При 53 горнахъ, на заводѣ г. Мосягина работаетъ до 180 человѣкъ, въ томъ числѣ малолѣтковъ только 9 человѣкъ. Плата взрослымъ, при готовой квартирѣ и содержаніи, колеблется отъ 93—109 руб., а мастерамъ до 230 руб. Плата дѣтямъ до 3 руб. въ мѣсяцъ. На заводѣ г. Мосягина, какъ и вообще въ Осташковѣ, преимущественно выдѣлываются топоры, косы, серпы и ножицы

для стряпки овецъ. По количеству, болѣе всего выдѣлывается косъ, до 80,000, цѣною отъ 40—65 коп. за штуку, и серповъ, до 60,000, цѣною отъ 18—36 коп. за штуку. Обить ихъ производителю преимущественно оптомъ, извѣстнымъ торговцамъ, имѣющимъ свои лавки въ уѣздахъ и уѣздныхъ городкахъ. Съ завода Мосягина товаръ почти исключительно идетъ въ Псковскую губернію, черезъ которую провозятся въ Новгородскую и Петербургскую. Лавочники забарачиваютъ товаръ на весела и уплачиваютъ въ лѣтнее время, по продажѣ его. У г. Мосягина есть постоянные покупатели, которые на десятки тысячъ забираютъ его издѣлія, не давая даже на это росписки. И этого рода покупатели всегда биваютъ исправнѣе въ платежахъ, чѣмъ всѣ другіе. Въ Псковской губерніи есть одинъ маленький городокъ, въ которомъ преимущественно сосредоточена торговля косами и серпами завода Мосягина. Г. Мосягинъ говорилъ мнѣ, что въ этомъ городкѣ не знаютъ, что такое веселье, или росписки. Забираютъ много, и никогда ни одной копѣйки не пропало за лавочниками этого городка.

Не могу не замѣтить, хотя вскользь, разъ ужъ я вознудилъ завода г. Мосягина, той образцовой чистоты, порядка, того исполнѣе удовлетворительнаго содержанія рабочихъ, ихъ помѣщеній и пищи, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ на заводѣ. Эги явленія тѣмъ сильнѣе просятся подъ перо, тѣмъ болѣе приносятъ чести администраціи завода, что «звучное дѣло» считается едва-ли не грязнѣе еще, чѣмъ «оживенное», а однако благоустройство завода г. Мосягина ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравнено съ «странностями» на заводѣ г. Савина, хотя этотъ послѣдній на много разъ богаче и вліятельнѣе перваго. Вся суть въ томъ, что у г. Мосягина, по слухамъ, *есть сердце!* Онъ человѣкъ молодой, учившійся въ технологическомъ институтѣ, кой-что выдавшій и читавшій. Прадѣловскіе инстинкты слѣпой жадности дали мѣсто разумному пониманію своей пользы, построенной на принесеніи пользы другимъ: и вздумавъ молодой Мосягинъ, принявъ въ наслѣдство заводъ, дать своимъ рабочимъ побольше воздуха, кормить ихъ пирогами, да поить чаемъ. Рабочій сталъ веселѣй, сильнѣй, сталъ больше выпрашивать и дорожить мѣстомъ. Отсюда и уменьшеніе пьянства и всякаго рода безчашствъ. Г. Мосягинъ, при такомъ веденіи дѣла, никогда не останется безъ работника, и этотъ работникъ врядъ-ли перемѣнится мѣстомъ съ рабочникомъ завода Савина, хоть-бы тамъ вдвое больше ему платили.

Косы, выдѣлаваемая въ Осташковѣ, пользуются большою извѣстностью. Подвергнутому испытанію Императорскимъ военно-экономическимъ обществомъ, онѣ заслужили полное одобреніе и въ дѣлѣ замѣняютъ съ успѣхомъ иностранныя косы, уступаа послѣднимъ развѣ только въ одной отдѣлкѣ. Мосягинскіе топоры пользуются не меньшей извѣстностью. Ежегодно извѣстное количество ихъ требуется Сѣверо-Американской компаніей и, сверхъ того, значительное количество большихъ топоровъ, называемыхъ *шляктами*, требуется въ адмиралтейство, гдѣ употребляются для тески брусьевъ на кораблѣ. Въ 1849 году, издѣлія купца Мосягина были на выставкѣ въ С.-Петербургѣ, и онъ удостоился получить, съ Высочайшаго позволенія, медаль и дипломъ отъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли.

Осташковская пожарная команда, обратившая на себя уже давно особое вниманіе п общества, и правительства, составлена, повидимому, очень просто. Она состоитъ изъ 143 членовъ изъ обывателей города, причисленныхъ къ составу ея на безсрочное время. Всѣ ихъ обязанности и порядокъ управленія инструментами распределены заранее, такъ что, при первой тревогѣ, вслѣдствіи немедленно является на мѣсто къ назначенному ему инструменту. Изъ числа всѣхъ вольныхъ пожарныхъ избирается одинъ бригадмейстеръ, 2 помощника его, 2 наблюдателя за лошадьми, 2 распорядителя по доставленію воды и 1 надсмотрщикъ за чистотой трубъ. Лошадей при пожарной части держится только 1, остальные же въ количествѣ 50 поставляются отъ обывателей по-очереду на каждый пожаръ. Пожарные инструменты содержатся въ весьма значительномъ составѣ. Тамъ, по мощи справкамъ, въ пожарномъ сараѣ оказалось: пожарныхъ трубъ 15 и 1 насосъ, бочекъ для воды на лѣтнемъ ходу 44, на зимнемъ—50, ведеръ жѣлѣзныхъ—700, щитовъ—44 и соразмѣрное количество лѣстницъ, багровъ и другихъ принадлежностей.

На маленький городокъ, при обиліи воды со всѣхъ сторонъ и при весьма малой скученности построекъ, такой составъ пожарной дено, по справедливости, долженъ быть названъ образцовымъ. И что страннѣе всего? Эта образцовая пожарная команда, въ продолженіи почти 20 лѣтъ своего существованія, никому еще изъ добровольныхъ солдатъ ея не надобля, и потому не заброшена, не упала, какъ все остальное въ Осташковѣ, а наоборотъ, все совершен-

стается и все болѣе процвѣтаетъ. Это видно изъ увеличенія почти вдвое какъ числа добровольныхъ пожарныхъ, такъ и всѣхъ пожарныхъ принадлежностей, сравнивая комплектъ огнегасительныхъ средствъ 1862 и 1884 годовъ. Видно, что Осташковъ крѣпко держится еще этого богатства своего, имъ созданнаго и имъ воспитаннаго, и страннымъ образомъ уцѣлѣвшаго подъ десницей времени и обстоятельствъ. Вѣдь это единственное отличие, сохраняющее еще за Осташковимъ болѣе или менѣе выдающееся положеніе среди другихъ селѣннхъ, такихъ же захолустныхъ городковъ.

Вольные пожарные г. Осташкова отличаются особыми фуражками съ околышемъ, украшеннымъ золотымъ и серебрянымъ галуномъ. Для практики иногда дѣлаются репетиціи, такъ что всѣ знаютъ дѣло свое какъ нельзя лучше. Мнѣ не случилось самому присутствовать при дѣйствіи оставшеюся пожарной команды. Но, говорить, либо смотрѣть, какъ распоряжаются на пожарѣ эти полторы сотни молодцовъ, при отличныхъ инструментахъ и при хорошихъ сытыхъ лошадяхъ. Мало того: всякій изъ жителей Осташкова, оставя въ сторонѣ свое званіе, свой возрастъ, считаетъ законнымъ долгомъ своимъ, въ случаѣ пожара, принять въ тушеніи его самое дѣятельное участіе.

Ученію, веселью и нравамъ Осташкова.

Если судить объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ населенія по контингенту учащихся въ школахъ, то этотъ уровень въ Осташковѣ сравнительно очень высокъ и съ теченіемъ времени все повышается еще. По свѣдѣніямъ за періодъ отъ 1852—1861 года, всѣхъ учащихся во всѣхъ училищахъ Осташкова приходилось среднимъ числомъ въ годъ по 274 мальчика и 192 дѣвочки. Въ нынѣшнемъ же году всѣхъ учащихся въ Осташковѣ мальчиковъ считается 381, а дѣвочекъ въ началѣ года было 291, что составляетъ общимъ числомъ около 6% всего населенія города. Значитъ, въ періодъ двухъ десятилѣтій послѣдовало возвышеніе цифры учащейся молодежи Осташкова почти на $\frac{1}{3}$ всего числа, при увеличеніи общей цифры населенія только на *четыре* человѣка.

Хотя процентъ учащейся молодежи, по отношенію къ общему числу жителей Осташкова, и довольно великъ, но общій уровень образованія въ Осташковѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Въ разговорѣ съ любимымъ осташковцемъ, вы выносите на первый разъ впечатлѣніе, болѣею частью, самое благоприятное. Онъ разявентъ, боевъ, можетъ говорить обо всемъ и обо всемъ имѣетъ свое мнѣніе, высказываемое не только съ отгѣномъ самостоятельности, но даже съ извѣстной дозой алломба. Но глубже не вникайте... разочаруетесь.

Г. Р.—повъ приводитъ въ своей статьѣ весьма любопытный образчикъ самолюбія и напыщенности обывателей сего града. Одинъ изъ осташковцевъ сдѣлалъ подобную надпись надъ склепомъ, помѣщающимся съ наружной соборной церкви, гдѣ похоронена была его дочь:

«Прохожіи, помани меня, дѣвицу Еватерину, когда Господь Богъ пошлетъ мнѣ кончину, мой прахъ юный здѣсь первымъ положень. О, Родитель мой безцѣнный! Тобой сей фамильный скажи (склепъ?)»

сооруженъ. Тобой сей сп. храмъ благоволеніе обновленъ, тобою и за меня оны свѣтлыми облаченіи снабженъ, тобою сей предѣльный храмъ во имя Ановидія учрежденъ, подъ конемъ богатоукрашенный мой гробъ стоять, и передъ нимъ неугасаемый елеи горить. А сердце мое при семъ всегда говоритъ:

«Благодареніе тебѣ, о, родитель мой милый, за любовь твою ко мнѣ, не будь же ты обо мнѣ уныняемъ, тѣлу моему хорошо здѣсь. А душа на небесахъ.

«Но кто, столь добрый твой отецъ, спросишь ты, прохойій, наконецъ, оставшковскій 1-й гильдіи купецъ Николай Кузьмичъ... оны А—въ, котораго за св. храмы долженъ помянуть.

Оставшковъ.

«1837 г. ноября 22 дня я рождена, 1854 года февраля 8 дня я здѣсь погребена послѣ моего 17-лѣтня на свѣтѣ моего житья».

Нужно сознаться, что нынѣ оставшковцы пишутъ гораздо грамотнѣе...

Оставшковцы слыгутъ за людей весьма даровитыхъ отъ природы. Благодаря этой даровитости, изъ природныхъ оставшковцевъ есть хорошіе живописцы и прекрасные рѣзчики по дереву, есть пѣвцы, музыканты и актеры, и все-это *самородки*. Такъ слыхалъ я отъ разныхъ людей задолго еще до посѣщенія мною Оставшкова, и потому на эту сторону характеристики оставшковцевъ я обратилъ особенное вниманіе.

Изъ живописцевъ и рѣзчиковъ преданіе Оставшкова гласитъ только о нѣкоемъ знаменитомъ художникѣ Колокольниковѣ и его трехъ сыновьяхъ, писавшихъ прекрасныя иконы.

О другихъ знаменитостяхъ мнѣ не удалось слышать и потому смѣю предположить, что ихъ не существуетъ. Богомазы и не дурно раскущие есть,—но гдѣ ихъ нѣтъ? Такъ что, основываясь только на этихъ четырехъ представителяхъ изящныхъ искусствъ г. Оставшкова, никакъ образомъ не могу подтвердить огульнаго мнѣнія о талантности оставшковцевъ къ вѣсти и парандашу.

Затѣмъ, относительно музыки, пѣнія и драматическихъ способностей, могу сказать тоже очень мало. Въ Оставшковѣ есть и понишій свой оркестръ и свой хоръ изъ любителей. Этотъ оркестръ мнѣ удалось видѣть въ дѣлѣ, на одномъ изъ вечеровъ оставшковской аристократіи. Онъ состоитъ изъ 6—7 человекъ артистовъ весьма почтен-

ной наружности, въ которой природное добродушіе безуспѣшно борется съ напускаемымъ величіемъ и *возмуженностью*.

Хотя эти музыканты всѣ ремесленники (преимущественно сапожники), хотя они и наемники, но они ревниво охраняютъ свое званіе «любителей» и, бросая свое шило, свой стругъ, или свою слесарню, когда ихъ *приглашаютъ* на вечеръ, они берутся за инструменты съ такимъ же видомъ, какъ нѣкогда Жанна д'Аркъ взялась за мечъ и щлемъ. Словомъ, они глубоко убѣждены, что правыяи священнодѣйствовать, и ихъ убѣжденіе сообщается, повидному, и слушателямъ...

Но, не шутя, этотъ доморощенный оркестръ играетъ совсѣмъ не такъ дурно, какъ можно было бы ожидать отъ сапожниковъ-любителей. Кадрили, польки и вальсы игрались въ тавтъ, складно и ладно. Танцовалось очень удобно.

Нѣсколько дней спустя, я имѣлъ удовольствіе зрѣть и слушать тѣхъ-же *любителей* съ вѣпроса соборной церкви. Но... тутъ ужъ и предпочитаю молчать. Хотя Оставшковъ и напоминаетъ нѣсколько Неаполь, но видно ему далеко еще отъ Италіи. Видно сухой и холодный климатъ Селигерскаго прибрежья дѣйствуетъ совершенно обратно на глотки сапожниковъ, чѣмъ побережья Средиземнаго моря. Говорятъ Марини былъ сапожникомъ, но онъ бы навѣрно отказался отъ этого званія, прослушавъ нѣніе своихъ собратьевъ по ремеслу въ Оставшковѣ...

Но говорятъ, что оставшковцы распѣваются только въ весеннее и лѣтнее время, какъ соловьи. Тогда, въ роскошныя ночи, поютъ всѣ, поетъ весь Оставшковъ отъ мала до велика. Поютъ на улицахъ, на озерахъ, въ городскомъ саду и, главное, на бульварѣ. Всякія «серепады», «камаринскія» и специально «Оставшевскія пѣсни» оглашаютъ тогда мирный и благорастворенный воздухъ мирнаго городка, заставляя безновойно ворочаться на постеляхъ, закрывать и всячески «задѣлывать» окна обывателей съ менѣе аристократическими наклонностями. Въ это блаженное время, когда и коты и «всякая тварь» въ природѣ поетъ, можетъ, и раздаются по Оставшкову трели само-родковъ-теноровъ di-gracio, можетъ, и Марини между ними найдется но я, къ сожалѣнію, въ это время въ Оставшковѣ не былъ. О драматическихъ талантахъ оставшковцевъ могу судить только по слухамъ, ибо храмъ этого рода искусствъ, сирѣчь оставшковскій городской театръ, нынѣ «не дѣйствуетъ».

Какъ я сказала выше, нынѣ этотъ храмъ представляетъ собой рину сѣро-грязнаго цѣвта, съ забытыми окнами и дверьми, впускающею собой у црокожихъ страхъ и истиннѣивное стремленіе перебѣжать на «другую» сторону улицы.

А вѣдь театръ чуть-ли не полстолѣтія былъ гордостью Осташкова; вѣдь основаніе его стоило большихъ усилій; вѣдь на сценѣ его давались произведенія «великихъ мастеровъ», можетъ быть не совсемъ понимаемыхъ любителями-актерами изъ тѣхъ-же сапожниковъ, но за то весьма цѣннмыхъ ими, зажигавшія «святой огонь» въ грубой оболочкѣ ремесленниковъ. Да, много пользы, много и наслажденія приписалъ Осташкову его театръ, и существуй онъ еще полстолѣтія, можетъ быть *нужнейшее* развитіе осташковца стало бы дѣйствительнымъ развитіемъ, и чванливое всеваніе замѣнилось-бы въ немъ скромнымъ служеніемъ искусству.

Самый блестящій періодъ осташковскаго театра былъ въ «Савинскія» времена. Въ 1858 году, благодаря заботливости и личнымъ средствамъ городского головы Ф. К. Савина, театръ былъ совершенно возобновленъ. Помѣщеніе театра, хотя не совсемъ красивое (бывшій кожевенный заводъ), но довольно удобное и просторное, такъ что въ немъ устроено 11 ложъ, 34 кресла, 52 стула, вверху надъ ложами и подъ ними устроены галлерей, такъ что всѣхъ зрителей можетъ помѣститься до 450 человекъ. Сцена довольно обширная, декорации, какъ говорить, были очень недурны. Постановкой пьесъ и вообще руководствомъ въ изученіи ролей «любителей» занималась супруга Ф. К. Савина, бывшая когда-то вѣздой нашей столичной сцены и волей судебъ заброшенная въ Осташковъ. Руководство ея не всегда отражалось цѣлесообразно на игрѣ актеровъ, трепетавшихъ передъ «знаменитостью», но вообще оно много подвинуло впередъ драматическое дѣло въ Осташковѣ.

Для публичныхъ гуляній существуетъ въ Осташковѣ бульваръ и общественный садъ.

Бульваръ раздѣляется на двѣ половины: интеллигентную и интеллигентную. Вторая гораздо больше и отдѣляется отъ первой поперечной улицей. Я наблюдалъ и ту и другую; но, признаюсь, рѣзкаго отличія въ публикѣ, наполняющей ихъ, не замѣтилъ. Только нѣкій видъ той публики нѣсколько отличителенъ, хотя чулки, смазные сапоги и черныя суконныя шапки составляютъ преоблада-

ющій элементъ какъ на той, такъ и на другой половинахъ. Громкій говоръ, смѣхъ и щелканіе сѣмечекъ—характеризуетъ гуляющую на бульварѣ *публику*. Видно, что это мѣсто для всѣхъ есть общія квартира, гдѣ всякій чувствуетъ себя какъ дома. Впрочемъ, виноваты! Исключаю изъ этого числа осташевскій прекрасный паркъ, т. е. осташевскихъ *баринскихъ*, грустно и одиноко мѣрающихъ вороненкій вусокъ пространства интеллигентной части бульвара.

Еще одно свойство осташевскаго бульвара. Онъ наполняется публикой только въ вечеру, когда совсемъ темнѣетъ. Весь же день на немъ души нельзя увидѣть. Осташковцы привыкли къ темнотѣ и даже, повидимому, любятъ ее..

Городской садъ около соборной церкви тоже достаточно посѣщается осташовцами, но только лѣтомъ. Въ прежнее время здѣсь, по праздничнымъ днямъ, игралъ недурной оркестръ городского головы, причемъ за входъ назначалась плата не мевѣе 5 коп. Нынѣ этотъ оркестръ замѣнилъ тотъ единственный хоръ музыкантовъ-любителей, который я видѣлъ удовольствіемъ слышать на вечерѣ. Хотя онъ далеко уступаетъ качествами своимъ прежнему оркестру, но осташовцы и его слушаютъ съ удовольствіемъ.

Къ оркестру иногда присоединяется хоръ пѣвчихъ, услаждающихъ слухъ публики разными національными пѣснями и въ особенности похвальнымъ гимномъ Осташкову, сочиненнымъ однимъ изъ нашихъ ветерановъ-интераторовъ.

Привожу здѣсь этотъ гимнъ:

Славься, городъ нашъ Осташковъ,
Славься, городъ нашъ родной,
Славься не своимъ богатствомъ,
Не торговлею своею,
А любовью, крѣпкимъ братствомъ,
Ты своей семьи дѣтей.
Отъ конца въ конецъ Россіи
Ты отмѣченъ ужъ молвой,
Изъ уѣздныхъ городовъ Россіи
Ты слышишь *передовой*.
Славься, городъ нашъ Осташковъ,
Славься, городъ нашъ родной!..

Пѣсня звучная, но, надо сознаться, не безъ тщеславія!..

Не мѣшало бы сказать кой-что о нравахъ и обычаяхъ обитателей г. Осташкова; но эта задача не изъ легкихъ. Осташковъ, болѣе чѣмъ какой нибудь другой городъ, бѣденъ своеобычайностью, какъ по причинѣ своей сравнительной молодости, какъ города, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ равными сосѣдними мѣстностями, преимущественно Остзейскимъ краемъ, изгладившимъ почти все самобытное изъ нравовъ ошаней. Если-же что и осталось еще, оно весьма трудно поддается наблюденію завѣжаго наблюдателя.

Я даже не встрѣчалъ и характернаго осташевского костюма, на который указываетъ г. Р—въ. По его мнѣнію, оригинальнаго въ этомъ костюмѣ только и есть что головной уборъ, состоящій изъ жемчужнаго коношника, пьющаго видъ цилиндра, съ отгибомъ назадъ и съ подзоромъ надъ бровями. Но надо думать, что этотъ коношникъ мало краситъ и безъ тою далеко немилостивыя личики жителей Осташкова.

Въ Осташковѣ, какъ и вездѣ, сохранялись преданія объ оригинальныхъ свадебныхъ обрядахъ, впрочемъ, въ главныхъ чертахъ своихъ совершенно сходныхъ съ обрядами, которые лѣтъ 50 тому назадъ можно было наблюдать въ любомъ русскомъ городѣ. Понятно, изъ этихъ обрядовъ имѣй ничего почти не осталось, а что и осталось—соблюдается только мѣщанствомъ да маленькимъ купечествомъ; чуть-чуть покружишь торговцевъ—торопятся примкнуть въ интеллигенціи и не задумывается жертвовать для этого *стариной*.

Да и сама старина-то эта, настоящая старина, въ сущности похоронена еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ началѣ нынѣшняго еще свѣжо было преданіе о ней, а теперь и преданіе меркнетъ вмѣстѣ съ угасающей памятью старухъ.

Изъ осташевскихъ свадебныхъ обрядовъ могу указать только на сохранившійся и нынѣшній обычай даренія неврѣстѣ наговорѣ денегъ, да на присутствіе сваной головы на свадебномъ столѣ, впрочемъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Значенія этой послѣдней эмблемы мнѣ добиться не удалось.

II.

ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Г. Ярославль.—Его историческое прошлое.

Ярославль принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ, самыхъ красивыхъ и большихъ губернскихъ городовъ Россіи. Расположенный при слияніи Волги и Которости, почти на ровномъ мѣстѣ, онъ отстоитъ отъ Петербурга на 556 верстѣ, а отъ Москвы на 261 вер., и простирается въ длину верстѣ на 5, въ ширину версты на 4, а въ окружности занимаетъ верстѣ 20.

Въ «Исторіи губернскаго города Ярославля», составленной свѣдѣнникомомъ Демидовскаго лица въ 1853 г., объ основаніи Ярославля говорится такъ:

«Преданіе гласитъ, и гербъ Ярославля тоже доказываетъ, что мужественный Ярославъ (XI вѣка), поставивъ древній Ростовъ, пожелалъ обозрѣть берега знаменитой Волги, и здѣсь, именно, на этомъ пространствѣ, похожемъ на треугольникъ, гдѣ построенъ соборъ и красуется нашъ лицей, отсталъ отъ дружины своей, въ дремучемъ лѣсу, встрѣтился съ *медвѣдицею* и поразилъ ее *топоромъ*.

Тотъ ручей, который въ древности утекалъ либо въ Волгу, либо въ Которость и который на нашей памяти заваленъ землею, въ память этого событія, носилъ и носить донынѣ названіе *Медвѣдицы*.

«Прекрасная мѣстность на берегахъ двухъ рѣкъ, величественная Волга,—добрая кормилица нашей страны, обратила на себя вниманіе мудраго князя,—и сыныры воинственной дружины его заступали; дремучій лѣсъ палъ; и въ непродолжительное время, по маію Великаго Ярослава, сооруженъ *Рубленый городъ*, изъ деревьевъ срублен-

Очерки соврем. Россіи.

нихъ, т. е. построена деревянная крѣпость, что на языѣ нашихъ лѣтописей, значитъ — *срубить городъ*. Въ память сего, одинъ изъ храмовъ здѣсь и донынѣ называется *Николорубленскимъ*.

«Крѣпость сначала была невелика и, безъ сомнѣнія, ограничивалась крутыми берегами Волги и Которости и ручьямъ Медвѣдичей».

Ярославъ сталъ столичнымъ городомъ только съ 1218 г., когда великій князь Константинъ благословилъ имъ своего сына *Всеволода* и послалъ его сюда на княженіе. Къ Ярославскому княжеству тогда принадлежали Угличъ, Молога (нынѣ западные уѣзды этой губерніи) и заволжскія страны до озера Кубенскаго *).

Потрясающимъ событіемъ для ярославцевъ было нашествіе татаръ. Свирѣпый Батый, опустошивъ Разаль, грозно, путемъ, залитымъ кровью, шелъ къ престольному Владимиру. Великій князь Георгій, въ 1237 г., оставивъ свою столицу на жертву варварамъ, съ тремя своими племянниками, между прочимъ, и ярославскимъ Всеволодомъ, удалялся ожидать враговъ въ Ярославскую область, на берега рѣки Сити, впадающую въ Мологу. Въ февралѣ мѣсяцѣ, 1237 года, монголы сожгли 14 русскихъ городовъ, въ числѣ ихъ и Ярославль; жители отчасти погибли, отчасти разбѣжались.

Въ жестокомъ сраженіи 4 марта того же года на берегахъ Сити, в. кн. Георгій палъ обезглавленный; Василько, кн. Ростовскій, попалъ въ плѣнъ. Пораженіе его красотой и мужествомъ, враги предлагали ему промѣнять вѣрность христіанскому отечеству на дружбу Батыя. «Темное царство! — отвѣчалъ князь. Не разлучитъ тебѣ меня съ Христомъ моимъ, какъ ни тяжело бѣдствіе мое. Есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра злодѣяній твоихъ; взыщетъ Онъ съ тебя кровь вѣрныхъ Своихъ...». Монголы его свирѣпо умертвили и тѣло бросили въ Шеренскомъ лѣсу. На Ситскомъ же побойщѣ палъ и первый удѣльный князь Ярославскій Всеволодъ, послѣ двадцатилѣтняго управленія Ярославлемъ.

Во время управленія Ярославлемъ двумя св. братьями: Давидомъ и Константиномъ Федоровичами, новое событіе, на этотъ разъ радостное, посѣтило г. Ярославль. Въ 1314 году, Прохоръ, епископъ

ростовскій и ярославскій, обозрѣвая свою паству, остановился въ 8 верстахъ отъ Ярославля, вверхъ по Волгѣ; въ полночь на 8 число августа увидѣлъ онъ на другомъ берегу Волги, при рѣчкѣ Толгѣ, икону Божіей Матери въ лучезарномъ свѣтѣ. Съ нимъ была свита. На другой день онъ и спутники его нашли икону тамъ, гдѣ видѣлъ ее святитель. На томъ мѣстѣ тогда-же была построена *Толгская* обитель, существующая и понынѣ вмѣстѣ съ чудотворной иконой Божіей Матери.

Ярославское княжество, силою вещей, безъ вражды и сопротивленія, подчинилось вліянію Москвы. Оно уже и не представляло единого и цѣльнаго княжества, раздробленное между многочисленными потомками владѣтельныхъ князей.

Въ половинѣ XV вѣка, въ родѣ князей ярославскихъ считалось уже до 40 отраслей, и каждый членъ этого огромнаго семейства имѣлъ свой уголокъ, свой удѣлъ. Таковы были князья: Курбскіе, Шаховскіе, Львовы, Прозоровскіе, Сонцевы, Засѣяны, Вѣльскіе, Сицкіе и другія. Отношенія ихъ къ московскимъ вел. князьямъ состояли въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ ними одну политическую систему и, въ случаѣ войны, давать имъ войска. Затѣмъ, они считали себя весьма мало зависимыми отъ ярославскаго князя, охотно поступали на службу къ московскому вел. князю и часто продавали ему свои удѣлы. Да и самъ ярославскій князь во всемъ подчинялся московскому, видя въ этомъ залогъ мира и процвѣтанія своего княжества.

Такимъ путемъ, къ концу XV столѣтія готовилось паденіе самостоятельности ярославскаго княжества и присоединеніе его въ видѣ прекрасной провинціи къ единой и великой Руси.

Наступившій періодъ «единодержавія», вплоть до новыхъ смутъ эпохи «самозванцевъ», былъ, можно сказать, самой свѣтлой полосой въ жизни Ярославля. Это былъ періодъ расцвѣта его природныхъ силъ и подъема духа, вырвавшихся затѣмъ и развитіемъ его высшей торговли.

Зачатіе это послѣдовало собственно при царѣ Грозномъ. Царь Грозный, грозный для Москвы, Новгорода и другихъ городовъ, во время неизясненной еще тревожной его болѣзни, не былъ грозенъ для Ярославля; напротивъ, онъ нарѣдко посѣщалъ его и всегда съ любовью.

*) Карамзинъ. Т. III. гл. 5.

Здѣсь не слышно было ни о какихъ опадкахъ; городъ Ярославль вѣрно служилъ Грозному и спокойно разцвѣталъ среди обширныхъ торговыхъ оборотовъ.

Периодъ торговыхъ оборотовъ начинается собственно съ того времени, когда англичане, открывши входъ въ Бѣлаго моря въ Сѣверную Двину и оттуда, черезъ Вологу и Ярославль, проникнувъ въ Москву, у царя Іоанна IV испросили себѣ привилегію на торговлю во всѣхъ городахъ сѣверной Руси и когда вслѣдъ за ними явились и другіе европейскіе купцы. Это было вскорѣ послѣ 1553 г. и съ тѣхъ поръ Вологда и Ярославль долго служили главными складочными пунктами иностранныхъ товаровъ.

По вѣдучественной Волгѣ развѣжало тогда английское судно, какого дотоле не видали еще ярославцы. А въ самомъ Ярославлѣ завелась купеческія иностранныя конторы, которыхъ число впоследствии размножилось до 30-ти.

Предметами торговли были иностранныя и русскіе товары, преимущественно пушныя и произведенія Волги.

Такъ распрѣталъ и богатѣлъ мирный Ярославль въ царствованіи послѣднихъ отраслей племени св. Владимира.

Но не долготъ былъ этотъ покой. Опять грозныя тучи нависли надъ горловотою Россіи, грянулъ нежданный громъ, и стрѣлы литовскія и польскія, по вѣдѣнію дерзкаго самозванца, въ самое сердце поразилъ Русь и ватошили ее потоками крови.

Въ этотъ смутный періодъ Ярославль игралъ довольно важную роль. Онъ служилъ мѣстомъ заточенія Марии Мнишекъ вмѣстѣ съ ея отцомъ, послѣ убіенія перваго самозванца. Затѣмъ, когда несчастный Василій Шуйскій, на свою бѣду, спустилъ ее вмѣстѣ съ другими поляками въ Польшу, и Марья, не сдержавъ своего слова, явилась вскорѣ подъ Москвою съ другимъ самозванцемъ, Ярославль, по неопытной причинѣ, сдался полякамъ; обольщеніе ли то было, или страхъ, или недостатокъ вѣрности Царю — неизвѣстно. Ярославль призналъ права самозванца и призналъ отъ него воеводу, ижеда православной вѣры, Доренца Виттге; послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 руб. и обязался снарядить 1,000 всадниковъ.

Вскорѣ, однако Ярославль опомнился; съ одной стороны насилія и грабежи незваныхъ гостей, принятыхъ имъ такъ радушно, а съ другой — письменныя увѣщанія царя Василія Шуйскаго, скоро пшѣ-

нили рѣшеніе Ярославля, и въ мятежныхъ, онъ вдругъ сталъ однимъ изъ нервныхъ городовъ, мужественно пошедшихъ противъ враговъ. Прежде другихъ ополчились земледѣльцы, встрѣчали лаховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата — съ дреколемъ, большими сѣкспрами; убивали, топили въ рѣвахъ, приговаривая: «Вы опустошили наши житницы и хлѣва; теперь питайтесь рыбомъ». Воеводу своего, шмца Шмидта, присланнаго на мѣсто Виттге, ярославцы сперва пшчили, а потомъ сварили въ котлѣ за то, что онъ, подойдя къ городу, дерзнулъ склонять ихъ къ новой пшѣтѣ. Русскіе повалили тогда и жалость и человѣчество; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ — засѣки, губили, душили...

Въ такомъ ужасномъ состояніи находился Ярославль въ 1608 году *).

Окрестности его горѣли; кровь лилась рѣкою; онъ дрожалъ среди ужасовъ и свирѣствъ; за стѣнами, съ высокихъ башенъ своихъ, онъ видѣлъ однихъ враговъ и пшѣнниковъ, и цѣлѣлъ отъ ужаса, враги засѣли въ предметяхъ его и посылали отряды для новоренія Тушинскому самозванцу окрестныхъ городовъ и селеній.

Полплась царскія милости юнаго Царя на счастливый Спасскій монастырь, гдѣ новый Царь началъ царствовать. Три жалованныя грамоты, присланныя изъ Москвы благодарнымъ Государемъ въ томъ же 1613 году, возстановили благосостояніе монастыря, много пострадавшаго во время польскаго разгрома; еще 15 грамотъ, данныхъ въ разное время царствованія Михаила Феодоровича, свидѣлствуютъ о постоянномъ благоволеніи его къ этому монастырю.

Когда, въ 1620 году, былъ возвращенъ изъ плѣна митрополитъ Филаретъ и тотчасъ посвященъ въ патриарха, Ярославль ликовалъ болѣе другихъ городовъ Россіи. Дивный союзъ двухъ священныхъ лицъ — Царя-сына и отца-патриарха, во многомъ былъ родствененъ Ярославлю; смилъ началъ здѣсь царствовать, а отецъ былъ мѣстнымъ митрополитомъ...

Ярославль есть родоначальникъ нашего русскаго театра. Вотъ какъ описывается это интересное событіе въ «Исторіи губернскаго города Ярославля»:

*) Карамзинъ, I, 12.

«Жилъ-былъ въ Ярославѣ богатый купецъ *Полушкинъ*, имѣвшій большіе заводы. Овдовѣвъ, онъ женился на костромской купчихѣ Волковой, у которой отъ перваго брака были три сына. Добрый воячимъ, замѣтливъ отличными способностями старшаго сына, послалъ его въ Москву, въ Законоискусскую академію, учиться Закону Божию, нѣмецкому языку и математикѣ; послѣ отправилъ его въ Петербургъ, въ нѣмецкую контору, для навыка въ бухгалтерію и торговлѣ. Молодой *Волковъ* и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ просвѣщенный человѣкъ, любилъ посѣщать иногда иностранныя театры и появля драматическое искусство совершенно.

«Въ 1748 г., возвратясь въ Ярославль, онъ сталъ учить своихъ меньшихъ братьевъ живописи, музыкѣ и сценическому искусству, и приглашалъ къ себѣ для этой цѣли и другіе знакомыхъ сверстниковъ; а въ одномъ изъ амбаровъ своего вѣточина онъ устроилъ и театръ.

«Однажды, въ день пмяннвъ сего послѣдняго, собралось много гостей, между которыми находился ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ. Послѣ сытнаго обѣда и радушнаго угощанія, Волковъ попросилъ вѣточина своего и гостей на невѣданное въ Ярославль зрѣлище. Введши въ амбаръ, Полушкинъ и гости вскрикнули отъ удивленія. Волковъ съ товарищами представляли драму «Есѣвъ» и послѣ еще другую, переведенную самимъ Волковымъ съ нѣмецкаго. Старшій Полушкинъ и его гости были вѣ себя отъ удивленія и удовольствія.

«Такъ, на коженномъ заводѣ купца Полушкина родился *Русскій театръ*—первый во всей Россіи. Скоро вѣсѣтъ объ этомъ достигла и до Императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1751 году ярославскимъ актерамъ повелѣно было явиться въ С.-Петербургъ. Уже труппа ихъ состояла изъ 11 человѣкъ. Ихъ привезли прямо въ Царское Село, гдѣ тогда проживала Императрица, и на другой же день, въ ея присутствіи, они играли трагедію «Хоревъ». Императрица была совершенно довольна; Волкова и другіихъ отличавшихся актеромъ оставили въ Петербургѣ. Прочихъ, наградивши, отпустили обратно въ Ярославль, гдѣ и продолжали они увеселять публику...»

1. Еще два историческія событія дополняютъ этотъ очеркъ.

Ярославль былъ мѣстомъ ссылки знаменитаго Вирона, прожившаго здѣсь 19 лѣтъ въ каменномъ домѣ, на берегу Волги, изъ кирпичей котораго впоследствии была выстроена первая полицейская

часть; Виронъ здѣсь жилъ, пока Петръ III не возвратилъ ему свободу и герцогство Курляндское.

Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, въ 1681 году, Ярославль былъ свидѣтелемъ потрясающаго зрѣлища — смерти патріарха Никона.

Изнуренный страданіями, знаменитый Никонъ находился тогда въ Кирилловомъ Бѣловерскомъ монастырѣ. Въ тотъ самый день, когда должно было придти въ нему разрушеніе Царя возвратиться въ Новый Іерусалимъ, Никонъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и, къ общему изумленію, велѣлъ собраться и своей вѣлейной братіи. Съ трудомъ посадили въ санн изнемогшаго старца, чтобы довести до струга на р. Шекснѣ, по которой спустились въ Волгу.

Никонъ велѣлъ плыть въ Ярославлю, прежде ему знакомому; у Толгскаго монастыря онъ приказалъ остановиться. Здѣсь жилъ тогда бывшій архимандритъ Сергій, который, во время суда надъ Никономъ, содержалъ его подъ стражею и осмылалъ поруганіями. Сергій, до прибытія Никона, заснулъ въ трапезѣ. Въ это время явился ему во снѣ самъ Никонъ, говоря: «Врате Сергіе, возстани, сотвори мнѣ прошеніе». Тотчасъ встрепенулса Сергій и услышалъ, что Волгою шестуется патріархъ, и братья съ пугменомъ монастыря уже вышли ему на встрѣчу.

Вслѣдъ за ними устремился и Сергій и видя умирающаго старца, рыдая палъ въ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе.

Къ патріарху уже приближалась смерть; онъ приобщился запасными Дарами, и стругъ опять повдвѣлъ по водамъ.

Жители Ярославля, услышавъ о пришествіи патріарха, много собралось къ Волгѣ; тамъ, увидя великаго старца на смертномъ одрѣ, они съ плачемъ къ нему припадали, дѣлаи руки, одежду и проси благословенія; одни влекли стругъ вдоль берега; другіе, бросааясь въ воду, имъ помогали; такъ достигли до Спасскаго монастыря.

Изнемогавшій страдалецъ уже ничего не могъ говорить; онъ только давалъ всѣмъ руку. Дьякъ Царскій, тѣмъ временемъ, велѣлъ перевести стругъ на другой берегъ Которости, чтобы забавиться отъ народнои толпы.

Ударил въ колоколъ къ вечернѣ — Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, онъ самъ оправилъ себѣ волосы, бороду и одежду, какъ-бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ Спасскаго монастыря съ братіею прочитали отходнику; патриархъ, сложивъ крестообразно руки, вздохнулъ и предалъ духъ свой Господу. Это было 17-го августа.

Ярославль зарыдалъ. Царь Феодоръ, не зная еще о кончинѣ своего крестнаго отца, послалъ ему на встрѣчу свою карету со множествомъ воевъ; когда же узналъ грустную новость, Царь заплакалъ, какъ плакали и всѣ свидѣтели этой картины...

Царь Феодоръ сопровождалъ тѣло Никона до Новаго Іерусалима.

Прѣхавъ въ Ярославль раннимъ утромъ съ поѣздомъ московско-ярославской дороги, я прежде всего былъ пріятно пораженъ красивымъ зданіемъ вокзала. Вокзалъ расположенъ верстахъ въ 3-хъ отъ города; не вдалекѣ отъ него помѣщается городская застава, изображающая собой высокія каменные ворота съ гербомъ города — медвѣдицей. Отъ заставы путь идетъ ровной, какъ нитка, линіей, обставленной телеграфными столбами, спускаясь отлогимъ сватомъ внизъ. Съ внешней точки этого пути, т. е. вблизи заставы, открывается видъ красиваго города; преобладающимъ элементомъ здѣсь являются бѣлыя стѣны и взлетающія надъ ними въ равныхъ мѣстахъ группы самыхъ разнообразныхъ куполовъ. Купола и враты — вотъ что прежде всего останавливаетъ вашъ взоръ.

Восходящее зимнее солнце, яркими лучами играло на ихъ золоченой поверхности, придавая всей картинѣ особенно блестящій и какъ-бы праздничный видъ. Этому же впечатлѣнію способствовали и бѣлзана стѣны, бѣлзна снѣжнаго ландшафта и самая прозрачность утренняго, морознаго воздуха.

Отъ самаго вокзала уже начинается преддверье города — небольшие деревянные домики, которые, по мѣрѣ приближенія къ городу, становятся больше и часто сдѣланы каменными.

Проѣхавъ ворота Спасскаго монастыря, вы вступаете въ самый городъ.

Я приказалъ взять себя въ лучшую гостиницу.

— Кокуевку?.. обернулся ко мнѣ извозчикъ.

— Какую Кокуевку?.. удивился я при этомъ знакомомъ звуку.

— Въ Кокуевскую гостиницу прикажете?.. Лучше нѣтъ!

— Ну, въ Кокуевскую!

Черезъ нѣсколько минутъ мы прѣхали на небольшую площадь, повернули за уголъ направо и остановились у подъѣзда красиваго бѣлаго дома.

Заспанная прислуга лѣнливо повела меня наверхъ по желѣзной лѣстницѣ, и черезъ минуту я помѣстился уже въ небольшомъ, но крайне опрятномъ и уютномъ номерѣ, съ окнами на площадь. Прямо передъ моими окнами, на площади, красуется четырехъ-угольной формы бѣлое зданіе, съ лирой на верхушкѣ; это зданіе останавливаетъ взоръ своей архитектурой, чрезвычайно легкой и изящной. Наверху его смутно читается надпись: «Городской театр».

Я начиналъ себя чувствовать не совсѣмъ сѣверно. Города всего я еще не видалъ, но по нѣсколькимъ домамъ, видимымъ изъ моего окна, можно было не отчаиваться. Помѣщеніе для себя я нашелъ лучшее, чѣмъ ожидать, а тутъ напротивъ еще театръ, «храмъ развлеченія и искусствъ», да еще такой красивый, съ лирой на крышѣ...

«Значить, здѣсь любить и развлеченіе и искусство», подумалъ я, мысленно улыбаясь. «Вѣрно играютъ недурно, судя по зданію», увѣрялъ я себя, все болѣе оживляясь и даже переставъ зѣвать...

Однако, хотя спать ужъ не хотѣлось, пришлось лечь. Было часовъ 8 утра и городъ еще дремалъ. Такъ разсудилъ я, глядя на въ пустынные улицы, которыя косыми лучами красиво расходились въ равныя стороны отъ площади.

Лежа съ закрытыми глазами на мягкомъ пружинномъ матрацѣ безъ излишнихъ «неровностей», я сталъ рисовать себѣ картины моей будущей жизни въ семь градѣ, которой мнѣ предстояло нѣсколько мѣсяцевъ. Провинціальное, чисто русское общество представлялось мнѣ и милымъ и радушнымъ, словомъ, въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Простота и веселье безъ затѣй, безъ столичныхъ ухищреній, слалались въ моемъ умѣ въ какіе-то неясные, неопредѣленные, но тѣмъ не менѣе пріятные образы.

Не знаю, удобство-ли постели, сладость-ли дремоты такъ дѣйствовали на меня, только вдругъ я очутился въ совершенно противоположномъ настроеніи, чѣмъ то, съ которымъ я садился въ вагонъ еще вчера. Опытъ недавнихъ дней куда-то исчезъ, и мнѣ показалось что я впервые только вырвался изъ шумнаго, безъ толку толкающа-

госа Петербурга въ тихую и милую провинцію. Ни звонокъ, ни криковъ, ни грохоту. «Какъ хорошо», повторялъ я закрывая глаза. Я сталъ мечтать. Радужное семейство, маленькій домикъ, крылечко, самоваръ... вечеръ съ танцами... хорошенькія провинціалочка... «Гам-летъ»... «Преврасная Елена»... лара на верхушкѣ... Кокуевка... носились смутными образами въ моей утомленной головѣ, пока вдругъ не перелетѣлъ я каинъ-то чудомъ въ театръ и не сталъ глѣзть передъ залой, полной самыхъ симпатичныхъ мнѣ людей, какіе то фантастическіе мотивы...

Дебютъ на сценѣ, хохотъ, голоса, гамъ, фигуры, хаосъ, и... и ничего. Я съ усиліемъ поднял голову съ подушки; голова была тяжела, всё члены ломало, а по спинѣ пробѣгала предательская дрожь. «Послѣдствія вчерашняго, подумалъ я, вспоминая московскій «Эрмитажъ», обѣдъ съ друзьями, и шумные проводы на «смертельную скуку».

Сладкія мечты куда-то испарились. Только когда я, умный и одѣтый, сѣдился въ маленькія извозничьи сани, чтобы сдѣлать необходимые визиты и осмотрѣть городъ, бодрость вновь меня по-сѣтила.

«Власовская биржа» въ Ярославль славится своими извозчиками. Тамъ попадаются тысячные рисаки, могущіе конурировать съ нашими петербургскими лихачами. Только цѣна имъ не наша, петербургская. Они не запрашиваютъ въ конецъ «красенькой», или «синенькой», а скромно довольствуются положеннымъ по таксъ другивеннымъ.

Статный сѣрый конь понесъ меня мимо театра, вдоль бульвара, видима за собой облако мелкой сѣвжной пыли. Коня сѣвга гулко ударили въ переднюю часть саней, и удары эти становились все чаще.

Быстрая ѣзда, гладкая, какъ сквертетью выстланная сѣвгомъ уллица, морозный «ядренный» воздухъ, ослѣпляющіе лучи солнца, правшіе на кристаллахъ сѣвга, причудливо обліпившаго развѣссыя доревья бульвара, бѣлыя сѣвны домовъ, точно омтыя по правдивичному лучами этого солища и отраженіемъ сѣвжной глади... всюду ширина, просторъ, свидѣтельствующіе ярче всего о «русскомъ» происхожденіи этого города — все это влѣстѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ на мои утомленные нервы и наполняло

грудь особенно логичнымъ ощущеніемъ. Хотѣлось лѣгѣе все быстрой и быстрой. Мой кучеръ, красивый ярославецъ, съ черной окладистой бородой, точно понимая меня, нагавивалъ возжи, пригибался впередъ, и «сѣрый», напрасно вздырал голову, летѣлъ стрѣлой.

Черезъ нѣсколько минутъ такой, захватывающей духъ, ѣзды, мы пробѣжали уже весь бульваръ и медленно повернули на набережную. Мѣсто, гдѣ бульваръ упирается въ набережную Волги, называется «Стрѣлкой». Здѣсь рѣшетка набережной дѣлаетъ маленькое закругленіе, соединяясь съ рѣшеткой моста, перекинутого черезъ главный спускъ къ рѣкѣ. Отсюда удобнѣе всего любоваться Красицей-Волгой, и, какъ бы для этого, здѣсь, подъ сѣвню нѣсколькихъ деревьевъ, устроена длинная спамья. А любоваться есть чѣмъ. Волга у Ярослава будетъ пошире Невы. Тотъ берегъ, гдѣ я находилась, — нагорный. Онъ виситъ на нѣсколько десятковъ сажень и отсюда вся *Теоричка* часть, расположенная на противоположномъ низменномъ берегу, и самая Волга, убѣгающая широкой лентой въ безконечную даль, какъ на ладони.

Когда я впоследствии громко восхищалась передъ знакомымъ этимъ видомъ, мнѣ говорили: — «Это что! Вы прѣзжайте лѣтомъ! Вотъ тогда дѣйствительно стоитъ посмотреть»...

Своей набережной Ярославль можетъ гордиться. Это не набережная Невы съ ея гранитнымъ основаніемъ и широкими павелами, но для провинціального города она очень хороша. Основаніе набережной выложено дикимъ камнемъ, откосы обложены дерномъ, а наверху устроенъ бульваръ, обнесенный со стороны Волги чугунной рѣшеткой. Набережная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзана сѣвдами къ Волгѣ и къ паркоднымъ приставкамъ. Бульваръ, идущій по большей части небольшой набережной, представляетъ собой два ряда красиво подстриженныхъ деревьевъ. Маленькіе бѣлые домики, съ балконами и верандами, обнесенные съ передней стороны палисадниками, очень симпатичны.

Рѣзко выдѣляются изъ ряда этихъ, болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга домиковъ, два величественныя зданія, стоящія на разныхъ концахъ набережной: дуговая сенипарія — палѣо и домъ губернатора направо. Сенипарія, окрашенная темно-коричневою масляной краской, съ золотыми украшеніями по фасаду, составляетъ

предметъ вниманія всѣхъ, подъѣзжающихъ къ Ярославлю Волгой отъ Рыбинска.

Губернаторскій домъ, къ которому я теперь подъѣзжалъ, — большое трехъ-этажное зданіе, тоже темно-коричневого цвѣта, съ широкимъ балкономъ на Волгу и большимъ садомъ, обнесеннымъ каменной оградой, сада.

Спусти часа два, я опять садился въ маленькія саночки, на этотъ разъ специально чтобы осмотрѣть городъ. Проѣхавъ короткой улицей мимо губернаторскаго сада, мы выѣхали на большую площадь, установленную въ живописномъ безпорядкѣ большими домами и церквами.

Здѣсь расположены главныя присутственныя мѣста въ огромныхъ вѣданныхъ Екатерининской постройки, съ вогнутыми внутрь фасадами, на подобіе главнаго штаба въ Петербургѣ. Тутъ и губернскае правленіе, и казенная, и контрольная палаты, и полицейское управленіе, и таунтхахта — словомъ все.

Это Ильинская площадь — центръ города. Выѣхавши изъ полукруга, образуемаго этими зданіями, я очутился на большомъ полѣ, совершенно неопредѣленныхъ очертаній.

Вотъ, посреди него церковь, вдали другая, а рядомъ третья; гляжу вдоль себя, ѣду тоже мимо церковной ограды. Церкви попадаются весьма оригинальныя: впазенкія, раскрашенныя картинами изъ священнаго писанія, съ какими-то пирамидальными башенками и вепремѣнно окруженныя оградой и палисадникомъ. Такихъ церквей и такое множество ихъ и видѣлъ только въ Москвѣ. Довольно сказать, что, на 35—36 тысячное населеніе Ярославля, въ немъ имѣется церквей 56-ть, вмѣстѣ съ домовными, и 3 монастыря. А вѣнкій учитель риторикъ, г. Предтеченскій, еще 100 лѣтъ тому назадъ, сочинилъ слѣдующіе стихи, подъ названіемъ: «Благоустроенный Ярославль»:

«На славный Ярославль лишь взоръ я устремляю,

Не меньше въ немъ одномъ чудесъ я обрѣтаю;

Не храмъ Дианы здѣсь я вижу, не пирамидъ,

Но что чудесный мнѣ явится видѣть?

Огромности, множество храмовъ тѣхъ освещенныхъ,

Гдѣ отъ сердца, огнемъ любви въ Творцу возженныхъ,

Курится неслухомъ молитвы фимиамъ,

Всходящій съ свѣтлостью въ превъспренныя мѣстамъ;

Гдѣ Вышній благодать на вѣрныхъ изливаетъ,

Порокомъ убѣгать, жить свято научаетъ»..

Подъѣхавъ впередъ по площади, я замѣтилъ впереди мѣдный памятникъ, окруженный сверомъ. Это памятникъ Павлу Григорьевичу Демидову; а вонъ, недалеко отъ него, гордо высится большой, краснаго цвѣта домъ.

Это домъ городского головы г. Вахромѣева, знаменитый въ Ярославлѣ тѣмъ, что его строилъ Растрелли. Впрочемъ, если вѣрныя преданія, — ибо домъ ничего особеннаго по вышности своей не имѣетъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, и длетъ понятіе только о внушительности и прочности.

Лучшіе дома принадлежатъ богатымъ купцамъ. Таковы: домъ Пастухова, архимилліонера, торгущаго желѣзомъ; его жилище, въ видѣ нѣсколькихъ каменныхъ флигелей, обнесенныхъ обшпирной каменной оградой, представляетъ собой какъ бы вѣрность. Затѣмъ, громадный домъ, бывший купца Полтаева, по виду — дворецъ, съ массивными окнами и дверьми. Домъ купца Сорокина, хозяина бѣльильныхъ заводовъ, — маленькій паласо въ заграничномъ стилѣ, съ колоннами и зеркальными стеклами. Домъ Пастухова — снѣга и проч.

Всѣ лучшіе дворянскіе дома сосредоточены на Дворянской улицѣ. Эта улица, по моему, самая симпатичная въ Ярославлѣ, дѣйствительно сохранила еще въ себѣ остатки Ярославля дворянскаго. Тамъ вы не встрѣтите громадныхъ зданій, отъ которыхъ какъ бы пахнетъ деньгами и купечествомъ. Тамъ, съ обѣихъ сторонъ ея, тянется рядъ низкихъ домовъ, въ большинствѣ случаевъ — деревянныхъ, съ обширными дворами и пристройками сада. Это ужъ совсѣмъ помѣщичьи дома, хотя незатѣйливые, но легкіе и изящные.

Домъ г. Горянова, ярославскаго уѣзднаго предводителя дворянства, особенно останавливаетъ вниманіе своей простотой и изяществомъ.

На этой улицѣ, ровной, прямой и свѣтлой, чувствуется какъ-то особенно хорошо. Тутъ всегда тихо, тутъ ничто не поражаетъ и не останавливаетъ исключительнаго вниманія; но все имѣетъ какъ-то особенно гармонично и уютно, если такъ можно выразиться; гуляя впоследствии довольно часто по этой улицѣ, я всегда испытывалъ,

лишь только вступал на нее, сладостное обаяние провинции, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Городъ прекрасный.. сказалъ я себѣ, но люди гдѣ?

— Отчего у васъ такъ пусто? рѣшился я обратиться къ моему возницѣ.

— Хе! ухмыльнулся онъ. Видно не привыкли, баринъ. У васъ всегда такъ. Только сегодня еще люднѣй, потому на Духовской, значить, катавѣ!

— Это чтожь такое? Улица такая?..

— Точно-такъ-съ! Купечество катается..

— Да ты ступай туда!

— А вотъ мы сейчасъ и подѣдемъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту, насъ чуть не сшибъ на перекресткѣ лхой рысакъ, запраженный въ бѣговныя саночки; рысаконъ правилъ, весь красный отъ мороза и бѣлый отъ снѣжной пыли, молодой человекъ, весь въ туловищемъ легши на возжъ. Однако лошадь что-то плохо его слушалась; не сверни во-время въ улицу мой ловкій ярославецъ, намъ всѣмъ пришлось-бы плохо.

— Эхъ, лѣветы!.. процѣдилъ онъ сквозь зубы, косясь на бѣло-краснаго юношу, который, повидимому, мало обратилъ вниманія на этотъ случай.

Мы теперь ѣхали рядомъ съ нимъ, и онъ всѣ свои усилія сосредоточилъ на то, чтобы не дать намъ заѣхать впередъ. Но мой ярославецъ, разозленный такой неосторожностью, рѣшился наказать юношу. Его «воронкой» былъ бесспорно лучше нашего «сѣраго». Но онъ былъ совсѣмъ взмыленъ и ошеломленъ безтолковымъ дерганіемъ, то бросающъ въ стороны, то заспавкивалъ, то вдругъ осаживалъ. Мой же ярославецъ, пригнувшись впередъ, только натягивалъ возжъ, и черезъ секунду мы доблестно одержали побѣду, оставивъ позади и пылщаго юношу и гнѣвно-фыркнушаго, въ pendant ему, «воронка».

— Поттише, поттише... упранивалъ я кучера. Мнѣ хотѣлось внимательно осмотрѣться. Мимо меня то и дѣло мелькали то парниа, то одиночница, то бѣговныя саня. Уносили ихъ дорогіе рысакъ и правили ими толстые кучера. Не было возможности взглянуть въ лица сидящихъ, какъ за быстротой ѣзды, такъ и за снѣжной пылью, стол-

бомъ стоявшей въ воздухѣ. Часто по нѣскольку саней гнались между собой въ рядъ, рискуя столкнуться и разбиться въ щепки.

Но видная опасность ни мало не утрашала ѣздоковъ. Ихъ лица сіяли безпечнымъ счастьемъ и лоснились румянцемъ. Ихъ видимо осыпала эта бѣшенная гонка и въ этомъ ослѣпѣніи сказывалась чисто русская, здоровая, требующая простору, натура.

Духовская улица въ Ярославлѣ—это нашъ Невскій. Не слишкомъ широкая, но и не узкая, уставленная красивыми каменными зданіями въ два и три этажа, она болѣе другихъ улицъ представляется мнѣ благоустроенной. Для катающихся она представляетъ несомнѣнныя удобства своею длиной, прямою и ровностью. Поэтому, и спокойнѣйшью уже она въ праздничные дни является мѣстомъ ристалища ярославскаго купечества, отводящаго здѣсь душу отъ 6-ти дневнаго сидѣнія въ лавкахъ, на заводахъ, или въ конторахъ за счетами. Ихъ оживившія и уштанна тѣла бесспорно нуждаются въ этомъ модѣонѣ. Это съ одной стороны. А съ другой, также нуждается и ихъ самолюбіе въ этой бѣшеной свачкѣ, дающей имъ возможность похвалить *всему* городу: *свою* лошадь, *свою* запряжку, *своего* кучера.

Но это невинное удовольствіе допускается только разъ въ недѣлю, исключая масляницы, когда катаются ежедневно.

Доѣхавъ до конца улицы, мы повернули вслѣдъ за другими. Тутъ устала лошадь нѣкоторое время идуть шагомъ, и, благодаря этому, я могъ внимательнѣе разглядѣть катающуюся купеческую публику. Особеннаго я ничего не увидалъ, но, впрочемъ, видѣнная сторона этой публики была очень прилична. Раскраснѣвшіяся лица, заидѣвшіе усы и бороды, дѣлали ихъ всѣхъ похожими другъ на друга. Впрочемъ, опытнымъ глазомъ можно было различить два—три лица лучше прочихъ, то что называется «смазливенькихъ».

Вечеромъ, въ тихомъ настроеніи входилъ я въ залу ярославскаго театра, входилъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, памятуя значеніе этого театра въ исторіи Русскаго драматическаго искусства.

Зданіе театра, выстроенное въ 1820 году, было обновлено въ 1882 г.; внутри оно такъ же хорошо какъ и снаружи. Три яруса ложъ и галлерей, довольно обширный партеръ, широкіе корридоры и два небольшія, изящно меблированныя фойе, все это слишкомъ достаточно для провинціальной публики, особенно для ярославской...

Но если-бы *Волковъ* жилъ въ наши времена, онъ-бы навѣрно не основалъ своего перваго театра въ Ярославль. Это впечатлѣніе я вынесъ, посѣщая довольно часто ярославскій храмъ «Мальпомены». Мнѣ не случалось ни въ одномъ городѣ видѣть такого равнодушія, такой апатіи, даже такой враждебности, можно сказать, въ сценѣ, какъ въ ярославцахъ. Хотя, можетъ быть, они по своему и правы...

Входя съ благоговѣніемъ въ залу ярославскаго театра, я вышелъ оттуда съ страшной головной болью, да вдобавокъ и съ пустымъ желудкомъ. (За обѣдомъ меня наворонили прескверно). «Прекрасная Елена» оказалась дамой и некрасивой и безголосой, хрипѣвшей вмѣсто пѣнія и кривлявшейся вмѣсто игры...

Два зимніе мѣсяца, прожитые мною въ Ярославль, не оставили во мнѣ тяжелаго впечатлѣнія провинціальной скуки. Напротивъ, впечатлѣніе осталось скорѣе благоприятное, хотя не потому, чтобы Ярославль, въ смыслѣ общественной жизни, былъ веселѣе прочихъ провинціальныхъ городковъ нашей страны. Въ этомъ отношеніи, милый Ярославль вполне подчиняется тому общему правилу, или, вѣрнѣе, тому Року, который повисъ надъ нашей провинціей съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ; и деньги, и веселье, и одушевленіе, и весѣстия—все безъ оглядки укатило по гладкимъ рельсамъ въ шумныя столицы, чтобы тамъ, закружиться въ вихрь постоянного праздника, а за ними, въ ихъ родныхъ гнѣздахъ, остались постоянныя будни.

Ярославль, я говорю, не избѣгъ этой общей участи. Даже пожалуй болѣе другихъ своихъ собратьевъ, благодаря близкому сосѣдству Москвы. Но это не могло его умертвить, или повести до степени—глуши. Напротивъ, богатый и красивый русскій городъ остался имъ и понынѣ, и трудовая жизнь его только выиграла, только болѣе развилась насчетъ исчезнувшей общественной.

Ярославль остался вѣрнѣе своему исконному назначенію. Онъ никогда собственно и не былъ городомъ барскимъ—дворянскимъ. Ярославскіе князья и дворяне, потомки Ярославскихъ удѣльныхъ князей, какъ извѣстно, не дорожили своими вотчинами и удѣлами. Имъ было выгоднѣе продавать ихъ Московскому князю, и самимъ беззаботно жить на Москвѣ, чѣмъ заниматься государственными дѣлами въ своихъ крохотныхъ владѣніяхъ, рано или поздно все равно

отомеднившихъ бы въ державной Москвѣ. Такимъ образомъ, исчезновеніе боярскаго элемента изъ Ярославля началось уже давно и позднѣйшее сосредоточеніе всѣхъ лучшихъ силъ Россіи въ нѣсколькихъ большихъ ея центрахъ не отозвалось на Ярославль такъ тяжело, какъ на другихъ городахъ. Онъ не вымеръ, не обезлюдѣлъ, какъ тѣ другіе, не заснулъ, онъ только зажилъ своей собственной трудовой жизнью промышленнаго и торговаго пункта, каковыя онъ и былъ за 8 вѣковъ назадъ, каковыя онъ и долженъ быть по своему географическому положенію.

Есть что-то гордое и величественное въ томъ спокойствіи, въ той солидности, въ которой складываются всѣ вышнія проявленія жизни этого города, исключая, понятно, праздничныхъ катаній по «Духовской», на тройкахъ, и тому подобныхъ чисто-русскихъ, невпунныхъ удовольствій. Но за то молодежь здорова, помногорная купеческая молодежь, которая просто для «моціону» позволяетъ себѣ пошлать и то «при закрытыхъ дверяхъ». Случилось мнѣ разговариваться съ однимъ юнымъ ярославскимъ фабрикантомъ, недавно еще однимъ изъ самыхъ крупныхъ городскихъ повѣвъ, а нынѣ счастливымъ семьяниномъ, обладателемъ молоденькой, стройной и хорошенькой супруги.

Сидя въ его богатой гостиной, не лишеной даже вкуса, и всматриваясь въ его юныя, нѣсколько залывшія черты, въ его привлекательную и аппетитную фигуру, развалившуюся на мягкомъ креслѣ, становилось до очевидности яснымъ, что онъ счастливъ и счастливѣе послѣднее только возможно. Даже лосадно становилось за это откровенное счастье, точно лѣзшее въ глаза: «на вотъ, смотри, любуйся!».

— Такъ не скучаете?... спросилъ я его какъ-то невольно, вмѣсто: «скучаете?»

— Нѣтъ, за чѣмъ-же? Дѣло есть... пріятно ухмыльнулся онъ.

— Дѣло дѣломъ, а вотъ развлечения у васъ совсѣмъ нѣтъ въ городѣ!

— Это точно! Только мы привыкли. Дѣло привычки; опять-же, для кого...

— Что, какъ для кого?

— А вотъ эти самыя развлечения.

Очерки соврем. Россіи.

— Мы находили и развлеченія, когда нужно было, самодовольно хмыльнувшись опять.

— Вотъ это-то я-бы и хотѣлъ знать—какъ?... приятно улыбаюсь и я. Говорите, вы вдѣсь большой Донъ-Жуанъ, ну и... поучиваете.

— Это все было и будемъ поросло, прозвнѣетъ онъ увѣренно, принимая солидную осявку. Нынче не тѣ времена, да и не за чѣмъ... Жена есть, мы ею довольны... и отъ этихъ словъ его такъ пахнуло самодовольно счастьемъ.

— Вы говорите какъ старикъ, по крайней мѣрѣ, какъ пожилой человѣкъ. Извините за нескромность! Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ-съ?. 21-й пошелъ.

— Неужели? удивился я. На видъ ему было не менѣе 25—26-ти. И вы такъ рано женились, и уже такъ разсуждаете?

— Зачѣмъ-же мнѣ много разсуждать? всему свое время. Было время и я пошалывалъ. А теперь basta! Ня-ни.

— А пошалывали?

— Пошалывалъ!

— Въ какомъ видѣ?

— Въ обыкновенномъ-съ...

— Да гдѣ же у васъ?. Негдѣ, повидимому.

— Найдется, коли захочется. Понятно, не столица, ну а можно и тутъ... Да вотъ мы, бывало, подхватывалъ онъ, оживляясь. Насъ это компанія была человекъ 7—8. Все такіе же, какъ я. Придетъ это время, что нужно душѣ просторъ дать, соберемся, да въ уединенную гостиницу, въ номеръ, и двери на запоръ. Ну, и значить до утра... Просто, безъ затѣй. На утро кого доведутъ, а кто и самъ до дому доберется... И такъ до слѣдующаго разу. Съ насъ хватало. А если ужъ это больно надоѣсть, такъ и въ Москву можно. Всего ночь ѣзды. Побѣдѣ дняна это на 3—4, какъ-разъ освѣжишься. Да такъ, что потомъ и мѣсяцъ въ дому не потянешь. Это у насъ практикуется въ изобиліи между молодежью...

— Я думаю не между одной молодежью, подмигнувъ я.

— Бываетъ... бываетъ, только рѣдко. Нашъ городъ славится своей, такъ сказать, семейностью. У насъ домашній очагъ строго блюдегся, забывилъ онъ съ серьезностью, какъ-то не пущей къ его безусому лицу.

— Такъ-съ.. протанулъ я, берясь за шанку. Значить, или номеръ въ гостиницѣ, или Москва?

— Бываетъ... бываетъ... пробормоталъ онъ, нѣсколько сконфуженный. Онъ какъ-бы испугался за свою откровенность передъ мало-знакомымъ.

— Я подразумеваю, понятно, молодежь, т. е. колостыхъ, послѣднѣ я поправиться.

Юный миллионеръ, приятно улыбаясь, проводилъ меня съ чисто свѣтской любезностью.

— Извините, что жена не вышла, сказали онъ уже въ передней. Она въ церковь собирается...

— А вы?

— И я съ ней, какъ же-съ!

— Да вѣдь сегодня будни.

— Это ничего. У насъ ужъ такъ заведено...

Періодическія совѣщанія «при закрытыхъ дверяхъ» въ номерѣ гостиницы или внезапные наѣзды въ Москву «для освѣженія», относящіеся преимущественно, хотя и не цѣлкомъ, до юныхъ повѣсь Ярославля, нисколько не измѣняютъ повидимому того спокойнаго, солиднаго и религіознаго теченія жизни въ ея общихъ чертахъ и съ внѣшней стороны, которое гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ историческимъ прошлымъ этого города, съ чисто-русскимъ характеромъ его купеческаго населенія и даже съ самой внѣшностью его—просторнаго, привольнаго и свѣтлаго, съ рядомъ бѣлыхъ стѣнъ, съ его 40 церквями, блистающими золотомъ, и величавой гладью могучей Волги.

Вотъ это-то впечатлѣніе гордаго спокойствія, за которымъ чувствуется сила и нравственная и матеріальная, даетъ Ярославлю своеобразную красоту и интересъ, даже при полномъ застоѣ видимыхъ формъ жизни. Это впечатлѣніе, для новаго человѣка сначала мало-объяснимое, однако, наполняетъ его чѣмъ-то, что не даетъ испытывать ягучихъ приступовъ провинціальной скуки. Это что-то—тотъ покой, который царитъ здѣсь на всемъ и который невольно сообщается и вамъ. Это не апатія, не притупленіе всякой впечатлительности, которую навиваютъ «въ глуши». Это только сознательное спокойствіе людей занятыхъ дѣломъ, съ спокойной (по своему) совѣстью и сво-

бодной волей. Можеть быть я и ошибаюсь, но таково по крайней мѣрѣ было мое личное впечатлѣніе, которое и останется при мнѣ.

Нельзя сказать однако, чтобы общественная жизнь въ Ярославлѣ совершенно встала; напротивъ, она течетъ тамъ несравненно бойчѣй, чѣмъ въ сосѣднихъ городахъ этой полосы: Твери, Костромѣ, Вологдѣ и проч. Видны явственныя попытки ярославскаго общества бороться съ провинціальной скукой, разбить окружающій ледъ. Но, увы и ахъ! Попытки, въ большинствѣ случаевъ и остаются попытками, дѣлающими большую честь ихъ предпринимателямъ, а ярославское общество, en masse, не выглядываетъ изъ своей узкой семейной скорлупы. Благія начинанія разбиваются о несокрушимыя преграды, вѣчно и вездѣ витающія на этомъ пути. *Разложение* городского общества на свои составные элементы и затѣмъ на партіи, взаимный антагонизмъ между ними—вотъ эта несокрушимая стѣна. Въ подмогу ей, выступаетъ еще одна крутая черта ярославскаго населенія, свойственная вообще сѣверу; черта эта можеть быть названа холодностью темперамента. Она не только убиваетъ въ ярославцахъ способность къ увлеченію и къ личной предпримчивости (только въ томъ, понятно, что не касается личной наживы, гдѣ ярославецъ не ищетъ соперника), но и зарождаетъ въ нихъ враждебное недовѣріе къ предпримчивости чужой. Эта-то черта болѣе всего мѣшаетъ устройству чего бы то ни было для оживленія общества для спасенія его отъ скуки.

Напримѣръ, по инициативѣ городского головы, г. Вахромѣева, человека изъ ряду выходящаго своей полезной дѣятельностью для города, отдѣливается вновь городской театр. И снаружи и внутри онъ принимаетъ весьма приличныя, даже элегантныя видъ, воплотивъ достойныя названія «храма искусства». Денегъ на это ухлопано порядочно, но... деньги въ Ярославлѣ водятся, значить, дѣло не въ томъ. А «суть дѣла въ томъ», чтобы за эти деньги получилось соразмѣрное услажденіе эстетическихъ чувствъ ярославцевъ. Театръ сдается агтеннеру на нѣсколько лѣтъ. Первый годъ онъ собираетъ довольно порядочную труппу, которая при самомъ появленіи ея въ го-

родѣ однимъ своимъ вѣдшимъ видомъ производитъ извѣстную сенсацию среди ярославской публики.

— Все аталіе, знаете, красивые, стройные, элегантныя... оппесивала мнѣ эту труппу одна, скоро воспламеняющаяся особа.

— Какъ вышли эти первые сюжеты, любовники, значить, jeunepremier; пошла она мнѣ... на бульваръ, такъ, знаете, публика стала даже останавливаться. Всякій это въ цилиндрѣ, одѣтъ изящно, по модѣ, въ перчаткахъ, однимъ словомъ джентльмены. Сейчасъ видно было, что это не какіе-нибудь актершкен, а *настоящіе* актеры, которымъ хорошо платять. Да-съ! Такъ вотъ публика и оцѣнивала ихъ. Первые спектакли просто мѣста нельзя было добиться, да и потомъ театръ никогда не былъ пустой.

— А теперь всегда пустъ, грустно зашѣтляя я.

— Да что теперь! досадливо махнула она рукой. Пріѣхали какіе-то голыши, оборванцы, ни у кого даже виду приличнаго нѣтъ, не то что элегантности, или красоты. Развѣ публика можеть интересоваться такими? Да и притомъ игра ихъ кака? какъ бы въ свободныхъ добавила она.

Труппа настоящаго года, дѣйствительно, была плоха. И ярославцы нѣмѣли полное основаніе на это жаловаться.

Но, право, оперетки и драмы подчасъ шли ужъ не такъ безусловно плохо, чтобы дать зарокъ не заглядывать въ театръ. Плохая срепетовка пьесъ, вызываемая постоянными переиѣнами ихъ и малочисленностью труппы,—вотъ ея главный недостатокъ, присутцій, впрочемъ, всѣмъ провинціальнымъ труппамъ. Но ярославцы посмотрѣли на это иначе и обрекли свое, такъ дорого стоящее имъ дѣтище, на медленную смерть. Точно сговорившись (что отчасти и было), они упорно игнорировали самое существованіе театра, и онъ, бѣдный, ежедневно изображалъ пустыню, а его, еще болѣе бѣдный антрепренеръ—хмурую тучу, разлѣтами хотя и великую (благодаря толщанѣ), по лицомъ—трогательно безпомощною. Ужъ онъ бросался во всѣ стороны, ставилъ любимыя публикой пьесы, выписалъ на гастролы любимыхъ столичныхъ актеровъ изъ Императорскихъ театровъ, самъ игралъ (а онъ преталантливый актеръ),—все напрасно. Одна срамота только вышла. Даже дорога въ Ярославлѣ столичныхъ звѣздъ не ошачивалась. А самолюбіе ихъ—развѣ мало пострадало?

Еще до меня, говорят, приѣзжала въ Ярославль павѣстная московская Федотова. Театръ, несмотря на заблаговременные анонсы, былъ такъ трогательно пустъ, что наша отечественная звѣзда, ветеранъ нашей драмы, немедленно пригуждена была покинуть сей гостеприимный градъ; отряхая въ немъ прахъ отъ ногъ своихъ, она воскликнула на прощаніе: «больше моя нога здѣсь не будетъ».

Не сомнѣваюсь, что въ этомъ прискорбномъ инцидентѣ, incident facheux, какъ теперь объясняются наши дипломаты, кроется какое-либо недоразумѣніе, какая-нибудь случайность, помѣшавшая ярославцамъ поспѣшить привѣтствовать нашу знаменитость. Иначе ужъ это вышло бы больно некрасиво и какъ-то даже не въ духъ *русскаго* гостеприимства, не говоря ужъ о европейской вѣжливости. Была эта случайность или нѣтъ, но что, помню ея, въ ярославцахъ много упрямства и недовѣрчивости—это не подлежитъ сомнѣнію.

— Эвъ распеаталя!.. Такой-то, такал-то, такъ они и приѣдутъ, такъ и стануть играть. Надуеть опять, лишь бы деньги забрать.. говорить какой-нибудь аяга-театралъ, читая афиши.

Съ нынѣшняго года открылся, или, скорѣе, возобновился, когда-то существовавшій въ Ярославлѣ «музыкально-артистическій кружокъ». Возобновился онъ по почину одной дамы, представительницы мѣстной купеческой интеллигенціи. Дама эта, прекрасная артистка, неоднократно испытывавшая свои силы на любительскихъ спектакляхъ, принялась за дѣло съ жаромъ, и казалось всё обстоятельства сами шли на-встрѣчу успѣшному достиженію цѣли.

Прежде всего найдено было для кружка помѣщеніе, которое безъ преувеличенія можно назвать *идеальнымъ*. Это домъ—дворецъ купца П. Въ провинціи такой домъ долженъ составлять предметъ исключительнаго вниманія.

Выстроенъ онъ былъ не очень давно извѣстнымъ въ Ярославлѣ богатымъ комерсантомъ П., основавшимся въ немъ съ пышностью маленькаго князя. Домъ выходитъ фасадомъ на двѣ улицы и уже одна архитектура его, хотя нѣсколько тяжелая, но изящная и законченная, его громадные каменные зорота, высокая, сводчатая олка и легкая балюстрада, идущая по всему верхнему карнизу,—все это могло бы служить украшеніемъ любой изъ столичныхъ улицъ. Вы входите въ массивныя двери подъѣзда, подымаетесь по прямой лѣст-

ницѣ (впрочемъ, нѣсколько убогой сравнительно съ прочими) на площадку бель-этажа, отсюда двѣ двери направо—въ залы и дверь налѣво—въ гостинныя.

(Кстати кушанія приготавливаются прекрасно. Словомъ, въ отношеніи всякихъ удобствъ—это не провинціальное, а вполне столичное учрежденіе).

Взгляните теперь на эти высокіе потолки, на тяжелыя, полукруглыя двери изъ цѣльнаго, рѣзнаго, полированнаго дуба, на эти мозаичныя паркеты, представляющіе въ настоящее время даже нѣкоторую рѣдкость, и вы скажете, что такое помѣщеніе для любительскаго кружка—просто находка, которой слѣдуетъ пользоваться и наслаждаться. Казалось бы, что одно ужъ это комфортабельное помѣщеніе должно бы привлекать сюда засидѣвшихся по домамъ ярославцевъ, служить мѣстомъ ихъ общаго rendez-vous!.. Не тутъ-то было!.. Но я на минуту отвлекусь.

Не безынтересно, какъ досталось кружку эта находка. Старикъ П., водворившись въ своемъ palasso, зажалъ совсѣмъ по монастырски. Его дубовыхъ рѣзныхъ дверей, его мозаичныхъ паркетовъ и мраморныхъ стѣнъ никто почти и не видалъ и, вѣроятно, долго бы не увидѣлъ, если бы не услужливый племянничекъ старика—г. П. № 2-й. Этому знаетъ въ Ярославлѣ не только всякое живое существо, но кажется и всій уголь.

У дяди съ племянникомъ было очень большое состояніе, не раздѣльное. Все состояніе почти было въ дѣлѣ, если не ошибаюсь, хлѣбномъ. Обороты его давали тысячъ до 100 доходу. Жить, значить, можно было. Фирма П. пользовалась безупречною репутациею и существовала давно.

Въ одинъ прекрасный день, предприимчивый племянничекъ потребовалъ у своего дяди *ni plus, ni moins* какъ раздѣла—выдачи ему чистоганомъ его части, которая простаралась, какъ говорятъ, до полумилліона. Дядя ошатаѣлъ.

— Что ты?.. Почему?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь ты получаешь прекрасные проценты?

— Мало, мало! твердилъ юный предприниматель.

— Но вѣдь это разорь!.. опомнись! Вѣдь надо ликвидировать дѣло!.. Вѣдь денегъ у меня нѣтъ!.. Это, значитъ, все остановить, разориться..

— Хочу и хочу!.. твердил упрямец. Его хотѣние, впрочемъ, совершенно законное, было вскорѣ исполнено, но въ результатѣ оказалось обоюдное разочарѣние и дади и племянника. Оба они разошлись почти въ одно время и весьма скоростѣнно. Дади безъ денегъ не могъ продолжать дѣла и объявился несостоятельнымъ. Домъ и все имущество его пошло въ уплату долговъ. Между прочимъ его роскошный райсо, стоящій владѣтелю болѣе 100,000 р. недавно купленъ съ торговъ за 40,000 р., то, что онъ стоилъ бы только на сломъ. Племянникъ съ деньгами завелъ такое дѣло, что только дымъ пошелъ коромысломъ по благочестивому Ярославлю, и на вѣхъ дняхъ кончается, если уже и не кончился. Въ какойнибудь годъ-два прожито имъ около 400,000 руб., и теперь, кромѣ дорогихъ лошадей, экипажей, у него ничего нѣтъ. Перспектива сего юнца не завидная, ибо безъ денегъ, безъ образованія и вообще безъ какихъ бы то ни было научныхъ или практическихъ знаний, онъ о трудѣ и помышлять не можетъ. А богатое ярославское купечество, родственное ему и по связямъ и по прежнему хлѣбосольству, нынѣ отзывается о немъ такъ: «да куда-же онъ годится? Кто-жь его возьметъ даже въ прикащики?..»

Ужъ больно не по Ярославлю видно жилъ бѣдный П.

Но возвращаюсь къ артистическому кружку. И такъ, самое главное, т. е. помѣщеніе, нашлось. Кружокъ его началъ за 500 р. на сезонъ, и одни членскіе взносы окупили этотъ расходъ съ избыткомъ. Затѣмъ нашлось и второе, не менѣе важное—нашлись хорошіе любители-актеры и артисты. Одна г-жа П., исполнительница кружка, могла бы служить украшеніемъ всякой сценѣ, не говоря уже о любительской. Я выдалъ ее въ модной пьесѣ «Надо развѣдаться», и, признаюсь, очевидность превзошла мои ожиданія. Ея верная, полная огня игра имѣетъ много общаго съ игрой г. Савиной, а сценическая наружность и видная привычка къ сценѣ доставляютъ зрителю удовольствіе. Недостатокъ выдержки и отчужденности въ игрѣ—вотъ все, что можно поставить въ упрекъ талантливой г-жѣ П.

Нашлись и другіе таланты. Напр. молодой г. З., мѣстный Донъ-Жуанъ, сердцеѣдъ и проч., положительно одинъ изъ лучшихъ репертуарныхъ, какихъ нѣтъ случалось видѣть. Удивительная память и полное спокойствіе на сценѣ—заставляютъ забывать, что это только

любитель, а не заправскій актеръ. Словомъ, казалось бы дѣло въ шляпѣ. Нашлись и музыканты, и пѣвцы, не нашлось только одного—должнаго сочувствія мѣстнаго общества къ такому прекрасному дѣлу. Два-три порядочныхъ спектакля съ танцами—вотъ все, чѣмъ развѣшился пресловутый кружокъ во всю зиму. Собственно кружковскіе вечера—происходили по два раза въ недѣлю; но что это были за вечера?. Бывало, поднимаясь по лѣстницѣ, оркестръ гремѣть, пріятное оживленіе ускоряетъ шаги; проходишь рядъ элегантныхъ комнатъ, и съ каждымъ шагомъ все болѣе ежишься отъ холода и еще чего-то, что всегда предвѣщаетъ тоску. Въ «карточной» еще кое-какъ можно, впитать, а тамъ... дальше хоть шаромъ покати. Влестящая зала пуста; громъ трубъ раздается унылымъ эхомъ въ ея просторныхъ стѣнахъ, и увлекательный темпъ вальса, мало по малу, звенитъ въ вашихъ ушахъ похороннымъ маршемъ. Господи, кого же это хор.. подумаете вы, вздрагивая. Одна пара пытается танцовать, другая спокойно дремлетъ у стѣны, а черезъ секунду и первая присоединяется къ ней, и дремота становится общей.

Затѣмъ потрудитесь заглянуть въ другой храмъ мѣстныхъ развлеченій—въ ярославскій офицерскій клубъ. Тамъ не найдете вы ни дубовыхъ дверей, ни высокихъ потолковъ, ни мозаичныхъ половъ. Тамъ васъ жмутъ, тамъ тѣсно, сѣро и неказисто. Но тамъ лишь только очутитесь вы въ передней, васъ оглушаетъ шумъ шпоръ, говора, смѣха и увлекательный вальсъ звучитъ не похоровами. Офицеры, и старъ и младъ, умираетъ еще не собираются. Дамы одѣты за-просто, но за то въ лицѣ, въ глазахъ у нихъ настоящій праздникъ, оживленіе настоящаго бала. Общество простое, штатскихъ почти не бываетъ, дамы преимущественно «военныя»: или полковыя, или мѣстныя барышни, въ домахъ у которыхъ завсегдадетъ «офицерство». Это совсѣмъ отдѣльный кружокъ, маленький, но сплоченный и оживленный. Кружокъ этотъ, единственный въ Ярославлѣ, не случается. Офицеровъ бездна. Танцуютъ они, надо сознаться, до самозабвенія. Иной бы и не прочъ постоать, а то и въ карты, — по строгое начальство (дай Богъ ему долгаго существованія) зорко слѣдитъ за такой контрабандой.

«Что-бы дамы не сплѣли!»—девушка генераловъ и полковниковъ, а дамы тамъ дѣйствительно не сидятъ и не случаются.

Можно же, значить! Не замерзъ-же Ярославль, — но упрямый—гордый своей сужкой Ярославль хочет согнать и—баста!

То, что на первый взгляд казалось гладкимъ, безцвѣтнымъ, потому облеклось въ свои формы, полныя для меня жизни и интереса.

Разставаясь съ красивымъ Ярославлемъ, я желалъ только одного—поскорѣе съ нимъ свидѣться...

Выше я сказалъ, что Ярославль остался вѣренъ своему историческому назначенію; что въ немъ насчетъ отсутствующей общественной, другими словами — *праздной* жизни, развилась трудовая, въ смыслѣ торговли и промышленности.

И дѣйствительно, подъ покровомъ кажущагося застоя, затихнута, въ городѣ и окрестностяхъ его кипитъ лихорадочная дѣятельность, пылится и свистятъ паровики, изъ высокихъ трубъ клубится дымъ, десятки тысячъ человѣческихъ рукъ и днемъ и ночью вальцуютъ, прессуютъ, ткутъ, кропятъ и пр., дохода до одури, до изнеможения. Если скажемъ, что въ Ярославль, на его 30,000 коренное населеніе, приходится до 270 всѣхъ фабрикъ и заводовъ, читателю это станеть понятнѣе.

Особенно замѣчательныя: бумаго-прядильная фабрика *Корзинкина*, паровая вручатная мельница *Вахромьева* (городскаго головы), табачная фабрика *Думаева* и *Вахромьева*, колокольный заводъ *Оловяшниково* и бѣльные заводы *Сорокина*.

Мануфактура Корзинкина и К^о, видѣющаяся въ сыромъ видѣ ситцеъ, помѣщается на окраинѣ города, за которымъ ея обширные фасады видѣются издалека, и ночью, когда заблестятъ пять рядовъ ея безчисленныхъ оконъ и темная даль оказывается точно прорѣзанной огненными флюсами, — можно залюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Корзинкинская фабрика—шедевръ изящества, чистоты, порядка и всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій. Передъ ней блѣднѣютъ всѣ видѣнныя мною до сихъ поръ фабрики и, въ томъ числѣ, знаменитая Тверская мануфактура Морозовыхъ. Трудно повѣрить рассказамъ, какъ все хорошо устроено у Корзинкиныхъ. Нужно быть здѣсь самому, и хотя бѣглымъ взглядомъ обойти всю внутренность этихъ гигантскихъ фабричныхъ и рабочихъ корпусовъ, чтобы понять, что значить «благоустройство» на фабрикѣ.

Широкіе корридоры, высокие потолки, изобиліе свѣта, воздуха, лоснящіеся асфальтовые полы, блестящія желѣзные лѣстницы, купки съ чудовищными печамп, гдѣ сразу, въ полчаса, можетъ быть сварена пища на 300—400 челов., каждому въ отдѣльной посудѣ, совершенно новые душники для самоваровъ, въ видѣ множества трубъ, висящихъ съ потолка, подъ которыми только стоитъ приставить горлышко самовара, вентиляція помощью особаго устройства въ стѣнахъ цѣлой системы трубъ, дѣйствующихъ по законамъ движенія теплаго и холоднаго воздуха, словомъ, все вмѣстѣ представляетъ собой что-то не русское; русскаго заскоружала рабочаго, или его босаго, обстриженнаго въ скобку мальчишку, какъ-то даже странно видѣть въ этихъ странахъ, гдѣ наука и теплая заботливость, одинаково ему диковинныя, создали для него пріятные часы досуга, послѣ тяжелаго труда.

Войдя въ ново-устроенную на 80 кроватей больницу, я просто ахнулъ отъ изумленія. Это ужъ не удобство, это комфортъ, безъ преувеличенія. Полы и стѣны выкрашены масляной краской; большія залы въ два свѣта, корридоры, какъ залы, словомъ, все это обшлось фабрикъ только 100 т. руб. съ лишнимъ. Обученіе дѣтей въ школѣ идетъ образцово. Въ 12—13 лѣтъ дѣти кончаютъ полный курсъ начальныхъ училищъ, причемъ учатся и пѣнію. Обширныя бани для рабочихъ, богадѣльня для стариковъ, библиотека, читальня, маленький клубъ для всѣхъ служащихъ на фабрикѣ, гдѣ устраиваются вечерники и спектакли, надо думать болѣе посѣщаемыя, чѣмъ «кружковскія»,—все это дѣлаетъ фабрику Корзинкиныхъ совершенно особымъ міромъ, живущимъ своею жизнью, независимомъ отъ города, и, надо сознаться, несравненно болѣе оживленною.

Во главѣ фабрики стоитъ директоръ—англичанинъ. Личность, представляющая къ себѣ интересъ. Поднявшись изъ передней, по желѣзной лѣстницѣ, въ его апартаменты и войдя въ кабинетъ, я уже имѣлъ о немъ достаточное понятіе. Поразительная чистота, скореже лоскъ на всемъ окружающемъ, дорогое и въ то же время строго простое убранство комнатъ, уютность, печать жизни на всемъ—достаточно характеризовали уже хозяина. Онъ вошелъ не торопясь, съ достоинствомъ и привѣтливостью.

Я сразу почувствовалъ въ немъ симпатію и сразу свободно разговаривался. Много интереснаго поразсказалъ онъ мнѣ изъ своей 25-ти-

лѣтней прачки фабричнаго директора. Много наблюденій, много мѣткихъ взглядовъ, но... это ватагуло-бы слишкомъ пребываніе читателя на Коранинвской фабрикѣ. Директоръ Шокроссъ—человѣкъ недюжинный и по уму и дѣятельности. Его любить всѣ, отъ послѣдняго рабочаго до хозяина фабрики. Доказательства тому помѣщаются у него въ кабинетѣ, въ шкафу за стеклянными дверями. Оттуда выглядываютъ кубки, подсвѣчники, порсегары и проч. цѣнныя вещицы: все подарки рабочихъ въ 25-лѣтній юбилей директора. А попросите любезнаго хозяина показывать вамъ его часы, вы залюбуетесь чуднымъ хронометромъ, выбивающимъ часы, четверти и минуты. Этотъ хронометръ, заказанный въ Англии Корзиппингамъ за 1,500 р., поднесенъ ими былъ г. Шагроссу въ тотъ же день юбилея, вмѣстѣ съ чекомъ на 25,000 руб. Вотъ это называется любить и цѣнить! Привавимъ еще, что почти столько-же директоръ получаетъ ежегоднаго содержанія, не считая прибыли на своей пай по фабрикѣ.

Г. Шокроссъ въ правѣ предпочитать свой постъ любому изъ инистерскихъ.

Когда, сопутствуемый имъ, я сталъ обходить фабрику, мое вниманіе не менѣе было поглощено самимъ директоромъ, чѣмъ окружающимъ. Надо было только видѣть эту старческую фигуру, обходящую тихимъ, но ровнымъ, какъ часы, шагомъ, свои обширныя владѣнія, его прямую осанку и плавныя, чисто англійскія движенія, его едва замѣтные жесты, которые понимались рабочими скорѣе и лучше криковъ, самое выраженіе наконецъ лицъ рабочихъ, встрѣчавшихъ его, чтобы оцѣнить этого человѣка не дешевле того жалованья и тѣхъ подарковъ, которые дала ему любовь хозяина и рабочихъ.

Особенное вниманіе мое, не говоря о чистотѣ и проч., привлекло обиліе всевозможныхъ противопожарныхъ средствъ: куда ни взгляни сбоку, сверху, связу, вы видите трубы, насосы, уложенныя аккуратно въ ашекахъ, цѣлые ряды полныхъ ведеръ, или десятки душей, дѣйствующихъ при малѣйшемъ нажатіи пружины. Въ отдѣлѣ сортировки хлопчатой бумаги, гдѣ пожаръ можетъ случиться всякую минуту отъ загоранія попадающихъ въ сиромъ матеріалѣ спичекъ, мѣры противъ него достигаютъ предѣла возможности. Если сразу

пустить всю, вмѣщуюся подъ руками здѣсь воду, то можно этотъ громадный отдѣлъ буквально затопить въ нѣсколько минутъ.

— У васъ вѣрно никогда не было пожаровъ? спросилъ я.

— Да!.. У насъ этотъ частъ довольно хорошо... Фирчемъ пожаръ былъ..

— Давно?..

— Кода два навадъ!.. Я здѣсь 25 лѣтъ директоръ, такъ разъ только... И то безъ меня!..

— А вы были въ отпуску?..

— Нѣтъ! Я въ 25 лѣтъ ни одна ночь не почевалъ не на фабрикѣ. Разъ только случилось... Одна ночь въ 25 лѣтъ!.. Я ѣхалъ къ семейству на дачу... Тогда и загорѣлось!..

— И что-жь?..

— Послали за мной. Ничего, потушили!..

— И съ тѣхъ поръ ужъ вы не уѣзжаете?.. улыбнулся я.

— Съ тѣхъ поръ—нѣтъ! улыбнулся и онъ.

Мы подмались въ шестой этажъ по желѣзной лѣстницѣ и я, держась за перила, едва волочилъ ноги. Если бы не плавно и твердо двигающаяся предо мной фигура директора, я бы просто опустился на ступеньки. Наконецъ я не выдержалъ, любознательность и все куда-то исчезли.

— Не довольно-ли? Вы устали?.. спросилъ я.

— О! Ничего! Я сегодня уже не въ первый разъ я обхожу и еще придется!..

Я начиналъ ошалѣвать. Шумъ въ ушахъ, въ ногахъ, въ головѣ, всѣ члены точно чужіе.

— Уфъ! Усталъ!.. пробормоталъ я.

— Ужъ немного!.. Еще одинъ отдѣлъ!.. и опять мѣрно закачалось его туловище и также мѣрно сталъ объяснять онъ мнѣ новыя машины. Но я ровно ничего не понималъ. Наконецъ.. вотъ контора, и я сѣлъ, скорѣе упалъ, на стулъ, а мой англійчанинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ отдавать еще приказанія, и, вернувшись, не касаясь стула, повелъ мнѣ домой. «Вотъ такъ ноги!» думалъ и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, глядя вслѣдъ англійчанину.

Наконецъ, мы и въ кабинетѣ. Я бросился на мягкій диванъ и попыталъ «всемное блаженство».

Нѣсколько стакановъ ароматическаго чаю съ густыми сливками и нѣсколько рюмокъ чудной мадеры примирили меня окончательно съ безжалостнымъ директоромъ и съ его убійственными лѣстницами. (Вся фабрика, отъ перваго до послѣдняго камешка, выстроена г. Шокроссомъ).

Мы опять разговорились.

— А гдѣ же прежде были? спросилъ я его. Въ Англіи?

— Нѣтъ! Тоже въ Россіи. Я былъ директоръ въ Зуевѣ.

— На знаменитой Морозовской фабрикѣ?

— Да!

— И отчего же ушли?

— Съ нимъ нельзя! Онъ страшный человѣкъ. Ничего не подѣлаешь. Во все мѣшается самъ. Директоръ—ничего. Директоръ самъ ничего не можетъ призвать, или сдѣлать, а на него сердится, что мало доходу. У Морозова я бы ни за какія деньги не служилъ. Послѣ меня было 9 директоровъ и всѣ ушли гораздо скорѣе, чѣмъ я.

Это характерно, если вспомнишь недавно бывшія на Морозовскихъ фабрикахъ волненія. Между нѣсколькими мѣсяцами замѣчаниями г. Шокросса на положеніе рабочаго и на мѣры, принимаемыя правительствомъ къ улучшенію его быта, считаю великимъ привескомъ здѣсь мнѣніе его о новомъ правительственномъ законѣ по отношенію къ «малолѣтнимъ». Законъ этотъ обязываетъ фабрикантовъ ограничить число рабочихъ часовъ для дѣтей отъ 12—15 лѣтъ—8 часами въ сутки. При этомъ являются обязательными занятія дѣтей въ школѣ не менѣе 3 часовъ въ сутки.

Законъ этотъ, при всей его вѣдливой цѣлесообразности, породилъ много неудобствъ, имѣвшихъ за собой весьма плачевныя послѣдствія. Администрация фабрикъ, изыскивая лучше способы приуменьшенія его, вполнѣ образомъ не могла составить надлежащей программы занятія для малолѣтнихъ. Заставить ихъ работать 8 часовъ подрядъ на фабрикѣ и потомъ 3 часа въ школѣ—нельзя, да притомъ и законъ это воспрещаетъ. Установить періоды работъ на фабрикѣ и занятія въ школѣ, которые бы чередовались между собой и смѣнялись необходимымъ отдыхомъ, значило, съ одной стороны, затянуть работы малолѣтнихъ позже 9 часовъ вечера, что опять законъ воспрещаетъ, съ другой—школьныя занятія для разныхъ смѣнъ сдѣлать продолжающимся цѣлымъ днемъ, т. е. цѣлымъ днемъ держать въ

школѣ учителей и учительницъ,—это возможно только при двойномъ ихъ комплектѣ.

Размышляя такъ и иначе, администрація не пришла ни въ какихъ удовлетворительныхъ результатахъ, и сочла нужнымъ уволить съ фабрики почти всѣхъ малолѣтнихъ, въ количествѣ 150 чел. Для фабрики оказалось выгодно нанять на мѣсто ихъ взрослыхъ, которымъ хотя платится дороже, но за то и число ихъ рабочихъ часовъ въ сутки не ограничено такимъ *минимумомъ*. Въ результатѣ—150 дѣтей, способныхъ въ труду, оказались безъ хлѣба.

Между тѣмъ, для достиженія гуманитарныхъ и вполнѣ рациональныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ правительствомъ,—есть способъ болѣе простой и менѣе тягостный для фабрикантовъ. Стоитъ только обязать ихъ не принимать на фабрики малолѣтнихъ, не окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ,—и все упростица. Тѣ же дѣти фабричныхъ могли бы заниматься съ 9 или 10 лѣтъ въ фабричныхъ школахъ, проходить ихъ курсъ въ 2—3 года, и, имѣя 12, 13 лѣтъ, послѣ окончательныхъ экзаменовъ, поступать на работы. Этимъ достиглось бы гораздо больше. Дѣти, не отрываемыя отъ школы въ фабрикѣ и наоборотъ, не утомляемыя физическимъ трудомъ, лучше бы учились и скорѣе кончали бы курсъ. Затѣмъ, поступивъ на фабрику, они бы, согласно закону, могли и не работать болѣе 8 часовъ въ сутки, что администраціей признается вполнѣ достаточнымъ. Словомъ, тогда и «волкъ былъ бы сътъ и кова цѣла».

У директоровъ разныхъ фабрикъ правительство уже запрашиваетъ по этому поводу отдѣльныхъ мнѣній.

Я былъ очень удивленъ, узнавши, что на Корзанинской фабрикѣ недавно были безпорядки. Все, что я видѣлъ, нисколько не подавало въ нимъ повода.

Однако, безпорядки были, и только вліяніемъ директора они не приняли широкихъ размѣровъ. Причина въ томъ. За послѣдніе годы, благодаря *необъяснимому*, какъ называлъ мнѣ г. Шокроссъ, застою въ торговыхъ дѣлахъ и малому спросу ситцевъ, которые, по вѣданию, употребляются населеніемъ въ прежнихъ, если не большихъ размѣрахъ, во всѣхъ почти фабрикахъ накопились большіе запасы готовыхъ товаровъ. Въ складахъ Корзанинской фабрики ихъ лежатъ болѣе *двухъ милліоновъ* пудовъ. Что дѣлать?

Сокращать производство? Увольнять половину рабочихъ?... Оста-

вить тысячи человекъ безъ хлѣба?... Г. Корвякинъ человекъ, видно, сердечный и на такую жбру не склонился. Къ вышнему уху-риворивъ. Малѣйшія несправильности въ ткани — и браковались цѣ-лые куски. А когда и гдѣ ихъ не бываетъ?.. Въ бумажномъ проэк-те водствѣ, гдѣ одному человеку поручено слѣдить за сотнями убѣга-ющихъ нитей (жюльиыя машины), развѣ возможно коручиться, что-бы одна изъ нитъ не порвалась? Нитку связываютъ, она идетъ въ ткань и вотъ ужъ шереховатость на мѣстѣ узла. Это явленіе болѣе чѣмъ заурадное.

Но надо-же было принудить рабочихъ быть внимательнѣе. Для этого администрація издаетъ правила, кони за извѣстныя порчи то-вара рабочіе платятся извѣстными штрафамъ.

Это вызвало сразу ропотъ. Порчи въ натурѣ русскаго работника, къ нимъ такъ привыкли; и вотъ—съ того, съ другаго взскакали, и волненія начались. Забастовали почти всѣ ткачи и въ нимъ готовы были присоединиться прядильщицы и проч., но, убѣжденные крат-кой и тихой рѣчкой директора и личнымъ присутствіемъ г. губерна-тора, большинство успокоилось. Стачка не продолжалась долѣе двухъ дней. Последствіемъ ея было увольненіе 500 рабочихъ.

Но и теперь, добравъ 1,000 рабочихъ (всѣхъ—3,500 чел.) дер-жится на фабрикѣ ради состраданія, ибо фабрика работаетъ въ убытокъ. Ея ежемѣсячный расходъ на производство, кроме сырого матеріала, доходитъ до 120,000. Общій годовой оборотъ—5 миллио-новъ. Въ день производить до 1,200 пудовъ матеріалу. Пудъ сред-нимъ числомъ цѣнится въ 13 руб. Значить, запасы непроданнаго товара на Корвякинской фабрикѣ достигаютъ 25 миллионъ.

О другихъ фабрикахъ и заводахъ въ Ярославлѣ скажу всего нѣ-сколько словъ. Работаютъ они хорошо, барыши получаютъ крупнее, но выѣшность ихъ далеко не соответствуетъ такимъ барышамъ.

Табачная фабрика Дунаева помещается въ центрѣ города. Она изготовляетъ махровый и вухательный табакъ, которымъ снабжаетъ почти весь нашъ сѣверъ. Обороты ея миллионныя и, благодаря чисто счастливой судьбѣ (табакъ Дунаева не лучше прочихъ), благодаря калпрзую покупателя, Дунаевъ, въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, вдругъ сталъ миллионеромъ.

Пройдитесь по фабрикѣ! Загляните въ эти темные подвалы безъ намека на вентиляцію, гдѣ столбомъ стоитъ мелкая табачная пыль, бѣлая и проницательная, гдѣ копошатся грязныя тѣни людей съ въдвуглыми носами, ушами и даже ртами. Они работаютъ тамъ до 14 часовъ въ сутки. А чѣмъ дышать они?—Это ужъ совсѣмъ непо-стижимо. Я пяти минутъ не могъ пробыть въ этихъ подвалахъ, за-дыхаясь и чихая. А они, козявнѣ говорятъ, «привыкли».

Положимъ; но чего стоитъ имъ эта привычка? Худше, изнурен-ные, землянистаго цвѣта, вотъ они валяются на своихъ грязныхъ нарахъ, въ грязномъ до отвращенія, тѣсномъ и душномъ помѣще-ніи. Нѣтъ! Гадко даже и писать!.. Г. Дунаевъ мало благодаренъ своей счастливой звѣздѣ. А законъ—законъ, повидимому, не пред-усматриваетъ такой неблагодарности. Табачные фабриканты, поль-зуясь своимъ положеніемъ въ центрѣ города, дѣлаютъ немислю-мую жизнь въ ихъ сосѣдствѣ. Понятно, тѣмъ, кто не привыкъ чихать.

Отсюда является опустѣніе домовъ и квартиръ въ сосѣдствѣ съ ними, а затѣмъ... затѣмъ весьма выгодная покупка слѣхъ домовъ самими-же фабрикантами и расширеніе ихъ владѣній вслѣдъ до новыхъ домовъ, которые также должны раньше или позже слатся, и т. д. Словомъ, табачная пыль обращается мало-по-малу у нихъ въ деньги.

Зачѣмъ-же, спрашивается, разрѣшаютъ имъ строить фабрики въ центрѣ города? Затѣмъ... Да впрочемъ это бесполезно доказы-вать. На бѣднѣйшихъ заводахъ рабочіе положительно страдаютъ отъ убійственныхныхъ испареній металловъ. Имъ и часу не должно тамъ работать, а они работаютъ по 8 и болѣе часовъ въ сутки.

За то г. Сорочкинъ важнѣе миллионы и поселился въ роскош-ной виллѣ совсѣмъ заграничнаго фасона...

Далъ Ярославль богатъ и очень трудолюбивъ. Но самимъ *трут-нямъ* этого трудолюбія, простому люду, на потѣ котораго воздвиг-аются виллы и дворцы, рубль тамъ приходится таяко, очень и очень таяко...

Въ экононаческомъ отношенія и по способу веденія крестьян-скаго хозяйства, Ярославская губернія находится въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ. Хотя условія эти и присущи большин-ству нашихъ сѣверныхъ губерній, отчасти по ихъ маловемелью и Очерки соврем. Россіи.

главное — по их художественности, но здесь, в Ярославской губернии, они более концентрированы, проявляются с большей рельефностью.

Большинство крестьянского населения добывает средства к уплате податей и на пропитание семейств заработками в отхожих промыслах, между которыми главный — торговля в второстепенный — работы на фабриках и заводах, в большом количестве выходящих в предьялах губернии. Преимущественно пшаницы и малопредприимчивые, не способные к торговле крестьяне работают на фабриках и заводах, расположенных в близком расстоянии от их селений. Большинство же фабричных состоит из небольшого числа мещан и т.х. городов, где есть эти промышленные заведения и главное — из крестьян соседних губерний Костромской и Владимирской. Больше значительны по размаху и производству фабрики сосредоточены около Ярославля и в самом городе; выше я назвал главные из этих последних. Из тех же, которые расположены в губернии, слѣдует упомянуть слѣдующія.

В селѣ «Норскомъ», в 10 верстах от Ярославля, находится *Норская*, акционерного общества, бумагопрядильная фабрика, с 1,500 ч. рабочих. В «Великом селѣ», в 30 верстах от Ярославля, имеется обширная мануфактура купца *Докалова*, под фирмой «Гаврила Ямский», — полотняная фабрика с 2,500 рабочих. Эта фабрика выдѣлывает славные ярославскія полотна и замечательна своим внутренним устройством. *Докаловъ самъ* — крестьянин рабочий, устроившій первоначально небольшую фабрику на артельных основаниях. Благодаря замечательной смелости, умѣлому ведению дѣла и равнымъ больше или меньше безцередемоннымъ приемамъ его относительно своихъ компаньоновъ-рабочихъ, характеризующимъ исстаго ярославца, онъ в короткое время сталъ полнымъ хозяиномъ фабрики, расширилъ ее, завелъ всѣ повѣрши машины и замѣчательный порядокъ, сдѣлалъ изъ рѣдкого села маленькій благоустроенный городокъ и самъ сталъ его царькомъ. Теперь *Докаловъ* принимаетъ прїязель гостей изъ приготовленныхъ па то фабричныхъ аппаратахъ, съ любезностью и хлѣбосольствомъ русскаго барина, но съ видомъ и манерами простаго русскаго мужика. Вообще, это личность, выдающаяся своими чертами.

Въ 35 верстах от Ярославля, в Романово-Ворисоглѣбскомъ уѣздѣ, расположена фабрика купца *Клоссена*, с 600 ч. рабочихъ, выдѣлывающая грубый сортъ холста для мѣшковъ, и въ томъ-же уѣздѣ — заводъ минеральныхъ маселъ, выстроенный и недавно еще принадлежавшій неизвестному в свое время, з. *Рагозину*. Заводъ выстроенъ на берегу Волги и съ рѣки имеетъ очень красивый видъ. Вдоль высокого берега тянутся ряды громадныхъ котловъ и бассейновъ, предназначенныхъ для хранения нефти и маселъ; зрѣлище довольно оригинальное. На заводѣ работаетъ больше 500 рабочихъ.

Г. Рагозинъ — личность тоже выдающаяся. Это тотъ же *Докаловъ* по смелости, даже по гениальности в коммерческихъ предприятияхъ, исключаящихъ палачию щепетильности совѣсти и чести, но по манерамъ, воспитанію, вкусамъ, по самой вышности. — это чистовольный баринъ, напоминающій англійскаго лордовъ. Да кто не знаетъ г. Рагозина? Кто не читалъ громкихъ статей о его гениальныхъ открытияхъ и соображеніяхъ, объ этихъ чудовищныхъ комбинаціяхъ быстрой наживы, которыя доставляли ему, неизмѣющему гроша за душой, кресло директора богатѣйшаго общества съ 50 тыс. жалованья, всякимъ паямъ и проч.? Кто затѣялъ не удивился, опять по газетнымъ статьямъ, столь быстрому паденію этого общаго кумира, которому финансовыя тузы безконтрольно доверили миллионы, и даже когда они оказались безвозвратно потонувшими въ его нефтяныхъ соображеніяхъ, то не укорили его въ томъ, а только покорно и слезно просили быть осторожнѣе, моллали согласиться на установление надъ нимъ хоть какого вѣбду контроля? Красивый, элегантннй и гениальннй г. Рагозинъ не терпѣлъ надъ собой власти въ любой ея формѣ. «Или все, или ничего» — было его девизомъ. Во «всемъ» ему отказали, а отъ половины отказался онъ самъ. Такимъ образомъ, основавъ общество, устроивъ заводъ и поставивъ въ трубу миллионы, изъ которыхъ сотни тысячъ пошла на грандиозныя затѣи по его собственному мнѣнію, гдѣ ярче всего отразилась «барское» происхождение г. Рагозина и его благородные вкусы *), онъ добровольно оставилъ свое дѣтище, дѣль ему въ наслѣдство порядочный дефицитъ и свое имя. Благодарное общество», въ память

*) Имя г. Рагозина в 30 верстах от Ярославля по Волгѣ, — рѣдкое по своему богатству и вышнему устройству.

его заслугъ, положило и впредь именоваться «товариществом Рагозина и Компн.». Самъ основатель, забывъ въ-то-свое-гордость, пошелъ служить въ главные приказни къ одному богатому купцу, который, въ силу гордости отъ такою приващия и въ чялнн гениальныхъ оборотовъ своими капиталами, положилъ ему жалованія 20,000 руб. Такъ мыъ рассказывали люди, близко знавшие г. Рагозина. Исторія жизни, славы и паденія г. Рагозина поучительна и полна живаго интереса. Сама личность Рагозина, какъ типъ, представляетъ неисчерпаемый источникъ для писателя. Въ немъ ничего нѣтъ зауряднаго въ дурномъ и хорошемъ смыслѣ. Это личность созданная для первенства, для господства надъ массами, силой своего обаянія, силой авторитетнаго сужденія и мышленія и, главное, силой отрицанія.

Г. Рагозинъ отрицаетъ все, что прямо не касается его личнаго важнаго бытїя и связанныхъ съ тѣмъ благъ. Атеизмъ, нигилизмъ, социализмъ и много другихъ «ямовъ» соединяются въ немъ съ замѣчательной гармоніей и неподражаемой граціей; а даръ слова и быстрота соображенія облачаютъ все это во что-то талантливо-заманчивое, что тянетъ къ нему умы, сердца и главное... деньги. Старшій сынъ г. Рагозина, студентъ, въ цѣлѣ лѣтъ, охруженный росошью и всѣмъ, что можетъ дать жизнь, въ одинъ прекрасный день вострѣлялся. На клочкѣ бумаги, онъ первый проишетъ проговоръ своему отцу: «Я умираю», писалъ онъ, «потому что моя совѣсть и честь не могутъ жить въ этой обстановкѣ». Заводъ г. Рагозина, во время его личнаго управленія имъ, служилъ притомъ личностей съ весьма сомнительной политической репутаціей. Нынѣ, о существованіи тамъ ихъ ничего не слышать.

Еще одно большое промышленное заведеніе въ губерніи—большая механическая врупчатная, мукомольная мельница г. Вахромѣева, близъ Ростова. Она замѣчательна какъ размѣрами своими, такъ и образцовымъ устройствомъ въ техническомъ и другихъ отношеніяхъ. Заводская промышленность въ Ярославской губерніи особенно развита. О количествѣ заводовъ въ губерніи точныхъ свѣдѣній не имѣю; но оно должно быть очень значительно, судя по одному только числу уѣздовъ—Ростовскому, гдѣ состоявшаяся въ 1880 году сельскохозяйственная и промышленная выставка дала возможность опредѣлить въ ясныхъ размѣрахъ степень развитія въ немъ какъ фабрич-

ной, такъ и заводской промышленности. По этимъ даннымъ оказывается, что заводовъ всякаго рода въ Ростовскомъ уѣздѣ было 5 лѣтъ тому назадъ—1,299, а фабрикъ—7. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы цифра эта въ настоящее время значительно уменьшилась.

Изъ этого числа слѣдуетъ отмѣтить самое большое количество картофельно-герочныхъ заводовъ—733, затѣмъ мельницъ—188, картофельно-сушильныхъ—163 и маслобоенныхъ—59.

Ростовскій уѣздъ, благодаря своеобразному способу веденія сельскаго хозяйства, въ отношеніи заводской промышленности представляетъ нѣкоторыя особенности. Такъ, въ немъ мы находимъ рѣдкіе экземпляры заводовъ: саговыхъ, камеденныхъ, леокомныхъ и деоскриповыхъ (картофельный леокомъ и деоскрипъ), цикорныхъ и душистыхъ маселъ. Обороти этихъ заводовъ, почти исключительно принадлежащихъ крестьянамъ, простираются отъ 3—60 тыс. руб.

Вотъ напр., цикорный заводъ крестьянина *Лымова*, изъ села Порѣчья-Рыбнаго. Въ 1879 году имъ выработано цикория до 35 т. пудовъ, на сумму до 49,000 руб. Цыковъ за означенныя издѣлія имѣетъ награды: медаль за филладельфійскую выставку и почетный отзывъ—за вѣсекую. Кроме того, за Ростовскую выставку, онъ удостоенъ былъ признательности Ярославскаго общества сельскаго хозяйства. Затѣмъ, вотъ еще большой химическій крахмальный и паточный заводъ крестьянина *Мочалова*, изъ села Ильинскаго-Хованскаго. На немъ выработано въ 1879 году крахмалу, деоскрипа, леокома и патоки на сумму до 60,000 руб. Издѣлія этихъ заводовъ сбываются очень легко по близости. Такъ: крахмаль, деоскрипъ и леокомъ въ большомъ количествѣ требуются на ситцевыя фабрики въ Москву и Иваново-Вознесенскъ, а патока, цикорій, саго и душистыя масла—въ Москву и Петербургъ.—Почти всѣ сырые матеріалы, необходимые въ разныхъ производствахъ, суть мѣстныя, а потому и скупаются на мѣстѣ.

Спеціальное разведеніе травъ и сѣмянъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ростовскаго уѣзда даетъ возможность дешево и удобно приобретать матеріалы для заводовъ: саговыхъ, цикорныхъ, масляныхъ и проч., что и составляетъ исключительную особенность въ этой части заводской промышленности Ростовскаго уѣзда и его относительное богатство.

Нѣтъ основанія однако предполагать, чтобы только въ этомъ

уѣздъ заводская промышленность стояла на высокомъ уровнѣ. Напротивъ, въ другихъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, Ярославскомъ и Пошехонскомъ, она развита еще значительно. Въ первомъ, значительную роль играетъ полотняная промышленность и сосредоточены (возлѣ села Великаго) заводы полотняно-бѣлильные. Заводъ крестьянъ села Великаго братьевъ *Иродовыхъ* и *Морозина* вырабатываетъ ежегодно отъ 40—45 т. кусковъ разнаго товара при числѣ рабочихъ отъ 65—100 человекъ. Заводы такого рода работаютъ только надъ готовой уже тканью, которую получаютъ изъ рукъ крестьянъ окрестныхъ селеній, которые въ свою очередь, получаютъ для этого съ фабрикъ машинную и основанную пряжу, изъ которой ткуютъ холсты у себя на дому.

Не одна Россія только знаетъ достоинство ярославскихъ полатей, а потому этотъ промыселъ даетъ въ свою очередь исключительное значеніе Ярославскому уѣзду.

Въ Пошехонскомъ уѣздѣ, самомъ земледѣльческомъ, весьма развита заводская промышленность надъ обыкновенными продуктами сельскаго хозяйства: зерномъ, молокомъ, саломъ и проч. Тамъ вы встрѣтите безчисленное множество мельницъ, много прекрасныхъ винокуренныхъ заводовъ, маслобойныхъ, мыловаренныхъ и проч. Это тоже уѣздъ, могущій гордиться своей заводской промышленностью, основанной и идущей рука объ руку съ хорошимъ сельскимъ хозяйствомъ, — что опять составляетъ явленіе исключительное въ Ярославской губерніи.

Словомъ, ии фабриками, ии заводами Богъ не обидѣлъ Ярославскую губернію, что прямо вывѣситъ отъ характера населенія, всюду идущаго и всюду умѣющаго находить выгодный барышъ. Копаться въ землѣ—по его мнѣнію—и невыгодно и неутиительно, если продукты этого копанія, посредствомъ дальнѣйшей ихъ обработки, не получаютъ болѣе или менѣе значительной цѣнности.

На эту черту ярославскаго населенія еще болѣе указываетъ широкое развитіе въ губерніи кустарныхъ промысловъ. Изъ множества отраслей этого промысла слѣдуетъ отмѣтить, какъ болѣе распространенныя: льняная пряжа и ткань, пеньковыя издѣлія, окраска тканей, кузнечныя издѣлія и въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи, какъ, напримѣръ, въ Ростовскомъ уѣздѣ—пивоношья, золоченіе кютовъ и финифтяное производство.

Первые два рода промысловъ распространены почти повсемѣстно, такъ что въ любой крестьянской избѣ можно встрѣтить женщинъ, занимающихся имъ; окраска тканей болѣе сосредоточена въ Ярославскомъ уѣздѣ, близъ села Великаго. Кузнечныя издѣлія тоже практикуются повсемѣстно, но болѣе широкое развитіе они получили въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Тамъ въ разныхъ мѣстахъ разрослась «кусты» деревень съ населеніемъ, такъ называемыхъ «кузнцовъ-гвоздарей». Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ изъ пошехонскихъ самородковъ-писателей и ораторовъ, нѣкто крестьянинъ Деруновъ, пользующійся довольно громкой репутациею не только въ своемъ уѣздѣ, но и въ губерніи:

«На сѣверной окраинѣ Пошехонскаго уѣзда, близъ большой дороги, идущей отъ города Пошехонья къ городу Череповцу, расположился небольшой «кусты» деревень съ кустарно-кузнечнымъ промысломъ. Такіе «кусты» широко и пригодно раскинулись по нашей необъятной Россіи; но кто и когда населилъ и развелъ ихъ? Отечественныя дѣтисы не сказали намъ объ этомъ. Только въ послѣдніе годы стали кой-гдѣ описывать эти «кусты», которые выросли на родимой почвѣ, развиваясь и существуя съ старинкой-общинъ, ставшей также предметомъ любопытства и изученія. Намъ думается, что такіе «кусты»—родимыя дѣти общины. Только община и могла создать и вырастить своихъ любимыхъ дѣтей—кустарей. Не даромъ же поется:

Насадилъ жизнь свободная
Кустыки, любила,
Верела ихъ власть народная —
Община хранила...»

Такъ поэтически, хотя нѣсколько въ духѣ покойныхъ „Отечественныхъ Записокъ“, начинается свой краткій очеркъ „дѣти свободы“ и infant-tarrible Пошехонскаго уѣзда, г. Савва Деруновъ. Впрочемъ, очеркъ написанъ довольно обстоятельно; мѣткостью наблюдений, равно какъ и бойкостью пера дѣлаетъ честь пошехонскому „самородку“. Изъ него мы позволимъ себѣ воспользоваться болѣе любопытными данными.

Кустарный промыселъ кузнцовъ-гвоздарей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, по всей вѣроятности, сталъ развиваться съ конца прошлаго столѣтія и перешелъ туда изъ сосѣдняго Череповецкаго уѣзда, гдѣ и находится извѣстная мѣстность *Улома*—разсадникъ кузнцовъ-гвоз-

дарей; послѣдніе въ Пошехонскомъ уѣздѣ находятся въ Щетининской волости, въ приходѣ села Спасъ-Мякса.

Въ Уломѣ и ея окрестностяхъ вырабатывается до 800,000 пудовъ гвоздей разныхъ сортовъ. Вблизи Уломы, какъ говорятъ сторожники, въ давно-прошедшія времена было много желѣзной руды, хотя она встрѣчается и теперь, но уже въ значительно истощенномъ количествѣ. Не даромъ жители окрестныхъ селъ и деревень зовутъ Улому *железной*.

Отъ центра Уломы гвоздарный промыселъ разсѣдлся въ «кусты» по разнымъ мѣстностямъ сосѣднихъ уѣздовъ; но когда это случилось—неизвестно, и, при всемъ желаніи добыть точныя свѣдѣнія о началѣ гвоздарнаго дѣла, получается всегда одинъ отвѣтъ: «Истари, родименькій, этимъ дѣломъ займемся!»..

Торговля гвоздьми—неубыточное дѣло: Едва ли былъ случай, чтобы мелкіе торгошники-крестьяне и крупныя торговцы-кушцы терпѣли убытки. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что торговцы гвоздьми поставили себя въ такое положеніе къ рабочимъ—*ростовщикамъ гвоздей*, что всякій убытокъ, полученный на продажѣ гвоздей, всегда непременно упадетъ на рабочихъ. Порядки расчетовъ съ ними существуютъ изстари и укрѣпились въ слѣдующій обычай: торгующіе гвоздьми хозяева, для которыхъ рабочіе расковыряютъ гвозди, всегда оканчиваютъ расчеты послѣ продажи гвоздей на нижегородской, ростовской и всьегонской ярмаркахъ, гдѣ, если гвозди продадутся дорого, то и заработная плата повышается, и наоборотъ. Хотя этотъ порядокъ, убыточный для рабочаго люда, съ теченіемъ времени и ослабѣваетъ, но на смѣну ему выступили другіе порядки, еще болѣе убыточные для бѣдняковъ: самодурство богатѣй-торговцевъ и явное эксплуатированіе рабочаго, которому вслѣдствіе того приходится нынче работать въ убогой кузницѣ и впроголодь. Гвоздарное дѣло въ послѣднее время стало значительно падать: спросъ на ручныя гвозди сталъ меньше, къ тому же и гвозди вырабатываются хуже прежняго. Не малымъ конкурентомъ ручнаго гвоздя и опаснымъ соперникомъ кузнецовъ-гвоздарей явился на рынкахъ и ярмаркахъ машинный гвоздь, сильно развиваясь, наполняя наши большія ярмарки и важнѣйшіе рынки. Является невольно вопросъ: выдержатъ ли кустари-гвоздари конкуренцію съ сильными своими соперниками—заводами и ихъ дѣтскими—машинными?. Надо полагать

нѣтъ!. Въ самомъ центрѣ кустарнаго промысла, въ Уломѣ, стали появляться капиталисты по гвоздарному промыслу, склоняющіеся къ тому мнѣнію, чтобы, стаявъ кузнецовъ-гвоздарей къ центру производства, построить заводовъ съ паровыми машинами, для обработки и производства гвоздей. Они считаютъ крупное заводское дѣло болѣе выгоднымъ и полагаютъ, что товаръ долженъ выходить ровнѣе, чище, вообще удобнѣе для дѣла..

Спасъ-мяксинскіе гвоздари начинаютъ кузнечную работу послѣ окончанія полевыхъ работъ, т. е. съ 1 октября, и оканчиваютъ ихъ обыкновенно на Пасху. Калѣ только прекратилась полевая работа, наступили длинныя ночи,—и вотъ, съ перваго пѣтуха-полуночника, застучать молоты гвоздарей; изъ трубъ повалитъ дымъ, поднимаясь въ темно-сѣрое пространство неба; засверкаютъ въ темнотѣ искры словно фейерверкъ. Подъ шумомъ дующихся мѣховъ, подъ звукомъ стучащихъ молотковъ, кузнецы-гвоздари забываютъ все находящееся за кузницами; они видятъ только горячіе въ горнѣ уголья, да свержающія искры, брызжущія изъ-подъ молотковъ, слышать только монотонное звяканіе слованныхъ и падающихъ гвоздей. Трудяги не обращаютъ вниманія, какъ за стѣнами ихъ кузницъ дуютъ буйные вѣтры, какъ злятся лютилы матели, какъ трещитъ морозъ и падаютъ хлопьями снѣгъ..

Что за надобность гвоздарю до суровой природы, окружающей его убогую кузницу: ему нужно только побольше гвоздей, которые обращаются въ хлѣбъ и идутъ въ унлату податей.. Работаютъ кузнецы, бабына усталость, не чувствуя какъ глаза ихъ щурятся и слезятся, Не даромъ кузнецы при выходѣ изъ кузницъ зажимаютъ глаза и идутъ точно слѣпые, боясь дневнаго свѣта, а лицомъ—будто тѣни безжизненныя. Однако, при всей тяжести работы, кузнецы-гвоздари любятъ свое дѣло, свою кузницу, въ которой по временамъ слышится слѣдующая пѣсня, недавнаго происхожденія:

• У горна на свѣтъ родился,
Сталъ съ пеленокъ гвозди знать,
Лѣтъ двѣнадцати учился
Гвозди тонкіе ковать.

* *

*

Старики, отцы ковали—
Были также кузнецы,—

Наша гвозди продавали
И крестьяне и купцы.

* *

Ночи длинныя зимою
У горна стоишь, куешь...
Искры свѣтятся вѣзду,
Молоткомъ стучишь и бьешь.

* *

* *

Отъ истомы-жару очи
Заслезались, не глядять...
Ждешь, какъ счастья, темной ночи
Руки колютъ и болятъ.

* *

* *

Годъ за годомъ вѣкъ танулся,
Лѣтъ полсотни работаеь,
Отъ труда я весь согнулся,
Отъ него калѣйкой сталъ.

* *

* *

Мало стало мочи силы.
Забилетъ грудь, и холодь бьетъ...
Такъ-то, братцы, до могилы
Жизнь неладная пройдетъ...

* *

* *

Пѣсенка, если вѣрить г. Дерунову, безхитростная; единственно, ея достоинство—правдивость, потому что кузницы работаютъ до невѣроятности прилежно. Въ кузницу уходятъ съ первыхъ пѣтуконъ, т. е. въ 12 часовъ ночи, а чуть только забрезжитъ свѣтъ, идутъ домой завтракать, на что тратится отъ $\frac{1}{2}$ —1 час.; послѣ завтрака опять оправляются въ кузницу и работаютъ до полудня; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ; послѣ обѣда часъ или два отдыху, а въ 1 ч. или въ 2 ч. опять на работу, которая продолжается до 6 час. вечера. Такимъ образомъ, гвоздари находятся у горна около 15—18 час. въ сутки.

При всемъ незначительномъ заработкѣ отъ гвоздарнаго дѣла, кузницы остаются довольными этимъ промысломъ. Нерѣдко приходится слышать отъ гвоздарей: «Что дѣлать, милый человѣкъ!.. Хоша заработокъ и не казистъ, а все-таки не гульбѣ чета. Тутъ по край-

ности, хлѣбъ съѣлъ, а другой выработалъ—и слава тебѣ, Господи! Знаю, отъ нашего ремесла не построишь палаты каменныхъ»....

Кузницы гвоздарей плохи и неудобны для ковки гвоздей, къ тому же холодны, иногда съ продушинами для свознаго вѣтра. Здѣсь можетъ работать только нашъ терпѣливый мужикъ, которому не привыкать перевозить непривѣтливныя ласыя холоднаго сѣвера. Большинство кузницъ выстроены по одному типу.

Сказать что-нибудь о цѣнѣ гвоздей въ продажѣ—невозможно, потому что торговые обороты съ гвоздями ведутся, по крайнему свѣдѣнью обычаямъ, подѣ, такъ называемымъ, «секретомъ коммерческимъ». Выгоды этого «секрета» для покупателей весьма сомнительны..

Финифтинное производство развито, какъ я уже сказалъ, особенно въ Ростовскомъ уѣздѣ. На Ростовскую выставку 1880 г. были присланы издѣлія отъ шестерыхъ болѣе крупныхъ экспонентовъ, изъ которыхъ проанализировано двоякъ, какъ сдѣланныя въ весьма изящномъ и художественномъ видѣ, отнесены къ художественному отдѣлу.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ торговцевъ этого рода предметами, ростовскій купецъ *Яйцевъ*, скуная образа у мелкихъ кустарей и продавая ихъ почти по всѣмъ монастырямъ Россіи, производитъ обороту болѣе чѣмъ на 25 тыс. руб. ежегодно. Большой сбытъ товара этимъ экспонентомъ заиснить преимущественно отъ того, что, имѣя хорошія средства, всегда можетъ купить товаръ даже безъ требованія дешевете и отпущаетъ въ монастыри и другимъ торговцамъ въ кредитъ отъ 12—18 мѣсяцевъ.

Лучшіе предметы такого рода оказались у ростовскаго мѣщанина *Усачева*, который и удостоенъ отъ общества малой серебряной медалью.

Усачевъ занимается исключительно финифтиннымъ производствомъ и оправоу образовъ, 35 лѣтъ. Обороту всѣхъ сортовъ имѣеть до 2,500 р. въ годъ съ оправами.

Оправляетъ въ золото, серебро, бронзу.

Кромѣ его самого и дочери, на него работаютъ до 30 мастеровъ. Сбытъ финифтинныхъ образовъ производится на Афонскую гору, въ Геосиманскій святъ у Троицы и въ другіе монастыри.

Обращаясь опять къ ростовской выставкѣ, слѣдуетъ отмѣтить о существованіи на пей отдѣла, который именовался: музыкальный, искусстванный и художественный, что указываетъ на развитіе въ

уздѣ и этой стороны производства. Въ отдѣлѣ, на первомъ этажѣ стоятъ двѣ коллекціи камертоновъ, изготовленныхъ священникомъ ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, Архистархомъ *Израелевичемъ*. Эти коллекціи, нинѣ находящіяся въ Вѣлой Палатѣ ростовскихъ Княжыхъ Теремовъ, повстанъ пзунительны.

1-я коллекція состоитъ изъ 7-ми камертоновъ.

а) Четыре необыкновенно большихъ камертона, изъ коихъ каждый утвержденъ на особомъ резонансовомъ ящикѣ.

1-й	набѣтъ въ длину 9	вершк.
2-й	> > >	7 ³ / ₄ >
3-й	> > >	7 >
4-й	> > >	6 ¹ / ₂ >

Звукъ 1-го, самаго большаго камертона соотвѣтствуетъ нотѣ *ля*, съ ключемъ басовымъ; звукъ 2-го соотвѣтствуетъ нотѣ *до* съ *дизомъ*; звукъ 3-го—нотѣ *ми*; звукъ 4-го—нотѣ *ля*, съ тѣмъ же басовымъ ключемъ. Изъ этихъ звуковъ, издаваемыхъ четырьмя большими камертонами, образуется самаго чистаго строя мажорный аккордъ съ ближайшею верхнею октавою основнаго тона.

б) Три большихъ камертона, утвержденныхъ на одномъ ящикѣ, принадлежащихъ къ означеннымъ большимъ камертонамъ. Изъ звуковъ этихъ небольшихъ камертоновъ составляется тотъ же самый аккордъ, только въ предѣлахъ другой верхней октавы.

2-я коллекція состоитъ изъ 24-хъ камертоновъ разныхъ размѣровъ, помѣщенныхъ въ футлярѣ за стекломъ.

Первая коллекція (7 камертоновъ) изготовлена была экспонентомъ недавно и представлена имъ въ первый разъ на ростовскую выставку. Цѣль приготовления этихъ замѣчательныхъ камертоновъ у него была та, чтобы привести въ осуществленіе свою идею касающагося гармоническаго строя колоколовъ при сооруженіи въ Москвѣ Храма Спасителя. Поэтому онъ звукъ перваго наибольшаго камертона построилъ одинаково со звуками самаго большаго колокола храма, и къ этому звуку, какъ основному, присоедишилъ большую терцію, кварту и верхнюю октаву, а потому удвоилъ ихъ, и такимъ образомъ составилъ консонирующій аккордъ, который можетъ быть исполненъ и при стрѣй колоколовъ. Вторая коллекція камертоновъ въ 24 №№ была уже на московской политехнической выставкѣ 1872 года

и на трехъ всемирныхъ (мѣнской, парижской и филаделфійской), въ которые выданы экспоненту медали, а на московской политехнической выставкѣ онъ былъ награжденъ почетнымъ адресомъ, превъщающимъ большую золотую медаль. При камертонахъ, для пробыванія ихъ, находится: для большихъ—смывчикъ и деревянная, обложенная въ нѣсколько разъ сукномъ, колотушка, а для маленькихъ одна колотушка.

Искусство отца Архистарха Израелева и достоинство его, единственныхъ въ своемъ родѣ, камертоновъ, заслуживаютъ особаго вниманія. Эти камертоны получили всемирную пзвѣстность и на ростовской выставкѣ, согласно общему мнѣнію лицъ, хорошо знакомыхъ съ музыкой, заслужили ему признательность прославскаго общества сельскаго хозяйства.

Полгаю ограничиться этими общими, можетъ быть, даже слишкомъ общими штрихами о промышленности въ Ярославской губерніи. Серьезно изучить разныя отрасли фабричной, заводской и кустарной дѣятельности населенія, въ нѣсколько мѣсяцевъ невозможно; да для этого я и не специалистъ. Въ Ярославской губерніи есть нѣсколько лицъ, исчерпывающихъ этотъ вопросъ съ примѣрными стараніемъ и знаніемъ дѣла, а потому интересующагося читателя позволю себѣ обратиться къ ихъ печатнымъ произведеніямъ. Назову одного изъ нихъ, г. Титова, бывшаго председателя Ростовской земской управы, котораго труды обнимаютъ не только одинъ Ростовскій уездъ, но, въ большей или меньшей мѣрѣ, почти всю губернію.

Затѣмъ, перехожу къ вопросу о земледѣліи. Положеніе крестьянскаго хозяйства, относительно степени развитія земледѣлія, почти повсемѣстно въ Ярославской губерніи неудовлетворительно. Населеніе этой губерніи, за малымъ исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, не чувствуетъ никакаго призванія къ обработкѣ земли. Достаточно проѣхать лѣтомъ проселкомъ любаго изъ уѣздовъ, чтобы видѣть громадныя полосы земли, невсоздѣланной, залущенной и поросшей кустарникомъ. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что въ Ярославской губерніи нѣтъ даже посредственнаго хозяйства.

Изъ десяти уѣздовъ губерніи, нѣкоторое исключеніе въ этомъ смыслѣ составляютъ уѣзды: Пошехонскій, Мышкинскій и отчасти Ростовскій.

Въ первомъ изъ нихъ, самомъ обильномъ землею (482,174 деся-

тины), крестьянский надѣлъ достигаетъ среднимъ расчетомъ до 5 десятинъ на душу. Въ частныхъ случаяхъ бываетъ гораздо больше. Благодаря отдаленности этого уѣзда, составляющаго сѣверную окраину Ярославской губернии, граничащую съ непроходимыми тундрами Череповецкаго и Весьегонскаго уѣздовъ, крестьянское население его почти не идетъ въ отходъ и занимается преимущественно земледѣліемъ. У крестьянъ имѣется въ достаточномъ количествѣ скотъ, дающій имъ возможность вполне удовлетворительно удобрять землю, и, кромѣ того, успѣшно заниматься маслодѣліемъ и мыловареніемъ.

Пошехонскій уѣздъ—единственный въ губерніи, прокармливавшийся своими собственными средствами. Всѣ остальные уѣзды нуждаются всегда въ ввозѣ посторонняго хлѣба. Мало того: этотъ уѣздъ также и единственный въ губерніи вывозной пунктъ продуктовъ сельскаго хозяйства, главное—хлѣба; ежегодно вывозится изъ Пошехонскаго уѣзда разныхъ сортовъ хлѣба: ржи и овса не менѣе какъ на 1—1½ миллиона рублей.

Крестьяне Пошехонскаго уѣзда, кромѣ надѣльной земли, имѣютъ еще много собственной, и это послѣднее количество годъ отъ году возрастаетъ въ большей прогрессіи, такъ что силою и рядомъ въ этомъ уѣздѣ встрѣчаешь крестьянъ, владѣющихъ 100 и больше десятинами, а иногда и 1,000-ю (кулаки).

Причины нѣсколько лучшаго веденія сельскаго хозяйства въ Мышкинскомъ уѣздѣ—сравнительно хорошее качество земли (самая дорогая земля въ губерніи) и главное—та же усидчивость населенія; крестьяне Мышкинскаго уѣзда еще не успѣли вполне заразыться болѣзненною шатаіи на посторонніе заработки.

Вообще, въ этихъ обонхъ уѣздахъ причины лучшаго земельнаго хозяйства слѣдуетъ отнести именно къ этому послѣднему обстоятельству, а не къ преимуществамъ въ количествѣ и качествѣ земель; безспорно, что и эти послѣднія условія имѣютъ свое вліяніе; но не въ нихъ вся суть, какъ полагаютъ многіе земскіе люди Ярославской губерніи, ратующие за открытіе крестьянскаго банка въ губерніи, или установленіе долгосрочнаго дешеваго кредита (уже практиковавшагося) на закупку крестьянами помѣщичьихъ земель и усовершенствованія ихъ хозяйства. Можно сказать навѣрно, что и въ другихъ уѣздахъ Ярославской губерніи недостатка въ землѣ нѣтъ (средній душевой надѣлъ 2½—3 десятины) и она не послѣдняго качества,

сравнительно съ сосѣдними губерніями: Вологодскою, Тверскою; но населеніе ихъ, разъ познакомившись съ выгодами городского тунеладства и прелестями фабричной распущенности, привыкло къ нимъ, и стремленіе крестьянъ вонъ изъ дому, куда бы то ни было, какъ болѣзнь, передается кровью изъ поколѣнія въ поколѣніе. Десятками тысячъ долгосрочнаго кредита, раздаваемыхъ нуждающимся крестьянамъ (которыхъ ярославское земство отыскиваетъ съ большимъ тщаніемъ и, можно сказать, даже съ *трудою*), не помочь этой губельной для нашего сельскаго хозяйства болѣзни; можно помочь этимъ кулакамъ, все гуще и гуще заселяющимъ всѣ мѣстности Ярославской губерніи; можно помочь окончательному переходу помѣщичьихъ земель въ руки этихъ кулаковъ и вопаренію ихъ въ земствѣ на шѣсто дворянъ—это, имѣ кажется, даже неизбежнымъ, при широкое развитіи такого кредита въ ущербъ разореннымъ помѣщикамъ, но чего-нибудь другаго, результатовъ улучшенія сельскаго хозяйства, врядъ ли когда добьется ярославское земство. Есть и еще маленькія неудобства широкаго развитія такого кредита; но объ этомъ послѣ, когда коснемся специально дѣятельности земства. Въ названныхъ мною двухъ уѣздахъ, особенно въ Пошехонскомъ, въ лучшемъ противъ другихъ положеніи находятся и усадьбы помѣщичьихъ, почти повсемѣстно по губерніи представляющія одні рупни. Хорошее удобреніе земли и недостаточность рабочихъ рукъ даютъ еще возможность десятку, другому помѣщичьихъ не повидать на произволь судьбы своихъ родимыхъ гнѣздъ.

Ростовскій уѣздъ представляетъ нѣкоторое исключеніе по способу веденія сельскаго хозяйства. Тамъ часть населенія, живущая въ селахъ, близлежащихъ къ Ростовскому озеру, занимается огородничествомъ и въ особенности разведеніемъ сладкаго горошка. Ростовскіе огородники, ростовская зелень, ростовскіе консервы—славны въ Россіи. Огородниками отсюда снабжаются многія богатые помѣстья нашего юга, владѣтели которыхъ, за дорогую цѣну, вынашиваютъ къ себѣ этихъ мастеровъ своего дѣла.

Консервами и зеленою снабжаются всѣ лучшіе гастрономическіе магазины и лучшіе рестораны Москвы и Петербурга. Знаменитые „Милютинъ лавки“ на Пенскомъ, блестящіе Осетровы, Кузнецовы, Романовы и проч., принимающіе у себя fine-flour Петербургскаго об-

щества,—все это, по большей части, когда-то тѣ же „ростовцы-огородники“, а нынѣ—всѣми уважаемые боги высшей гастрономіи.

Ростовское огородничество—предметъ настолько интересный въ бытовомъ и экономическомъ отношеніи, что я позволю себѣ на нѣсколько остановиться, пользуясь необходимыми данными изъ отчета г. Титова о ростовской сельско-хозяйственной выставкѣ.

Разсадинками и главными центрами огородничества въ Ростовскомъ уѣздѣ служатъ два близлежащіа къ Ростову села: *Угодичи* и *Портное*.

Село Угодичи, исторически извѣстное, отстоитъ отъ г. Ростова, считая по лѣтному пути, около 15-ти верстъ. Лѣтомъ оно, равно какъ и прочія огородническія селенія, представляетъ весьма любопытное зрѣлище безконечныхъ грядъ и разныхъ огородническихъ приспособленій. Зимой оно не отличается отъ прочихъ, развѣ только развѣрами своими, нѣсколькими каменными домами, церквями да трактирами.

Въ селеніи Угодичахъ, крестьяне котораго принадлежатъ къ разряду свободныхъ хлѣбопашцевъ, жителей насчитывается до 2 тыс. человекъ обоюго полу. Земельный надѣлъ тамъ очень малъ, едва ли не самый малый въ губерніи—1 дес. 428 кв. саж. Пользованіе землей подворное. Всѣ крестьяне этого селенія занимаютъ исключительно огородничествомъ. Пространство земли въ селеніи, занимаемой огородами, равняется 270 дес., т. е. $\frac{2}{3}$ общаго количества надѣла; остальная земля считается подъ лугами, выгономъ, пастбищами и неудобная; послѣдней довольно много. Въ виду крайней ограниченности надѣла и ничтожнаго количества полосовъ и пастбищъ, крестьяне держатъ сравнительно небольшое количество скота. Но и для этого небольшого количества крестьянамъ не хватаетъ своего сѣна, которое они покупаютъ или въ Ростовѣ, или у окрестныхъ крестьянъ; имъ также не хватаетъ и удобренія своего на огородахъ, которое также приобретается въ Ростовѣ.

Въ селѣ Угодичахъ *выставляются и высаживаются* слѣдующіе сѣмена и плоды:

- 1) Сѣмена пикорія.
- 2) Сѣмена луку.
- 3) Сѣмя разсадное.
- 4) „ рѣдечное.

- 5) Сѣмя брѣжковное.
- 6) „ морковное.
- 7) „ свекольное.
- 8) „ огуречное.
- 9) „ шалфей.
- 10) Лукъ головной.
- 11) Разсада.
- 12) Чеснокъ.
- 13) Бобы.
- 14) Горохъ англійскій.
- 15) Горохъ сахарный.
- 16) Шарлотъ (приправа къ кушаньямъ).
- 17) Картофель.
- 18) Корни нѣмецкой мяты.
- 19) Корни англійской мяты.
- 20) Укровъ (вырастаетъ самъ).

Чтобы судить объ урожаѣ и торговлѣ этими продуктами, скажемъ что огурцовъ въ этомъ селѣ было собрано въ 1879 году—9 милліоновъ штукъ, капуста—400,000 штукъ кочней, нѣмецкой мяты 4,500 пудовъ и проч., а продано всѣхъ продуктовъ, за исключеніемъ количества, оставленнаго на сѣмена и для собственнаго употребленія, на 85,816 руб. Изъ этого числа крестьянами уплачивается рабочимъ, которыхъ въ селѣ насчитывается до 100 чел. постоянныхъ въ теченіи года и до 800 временныхъ, въ теченіи мѣсяцевъ апрѣля и мая—3,500 руб., и послѣднимъ по среднему расчету до 18,000 руб. Затѣмъ, оставшая сумма—67,816 руб., изъ коей причитается на домохозяйства около 217 руб., остается крестьянамъ на все: на покупку хлѣба, топлива, сѣна, корма для скота и проч. Но, надо сказать, что между ними есть и зарабатывающіе гораздо больше. Таки крестьянинъ *Костровъ*, приславшій свои произведенія на ростовскую выставку, по его объясненіямъ, продалъ въ 1879 году всего на 789 р. 90 к., при 4-хъ-душевомъ надѣлѣ.

Такая невысокая сравнительно цифра заработка, объясняется просто недостаткомъ земли въ этомъ селеніи.

Сбытъ предметовъ огородничества и травъ производится: пикорія въ Ростовѣ и на базарѣ въ с. Угодичахъ; лукъ отправляется въ Петербургъ и Москву, часть его промѣняется на хлѣбъ въ

смежных уездах и губерниях: огурцы в гг. Ростовъ, Ярославль и губерниях: Костромской, Владимирской и Тверской. Чеснокъ сбывается в Петербургъ и Вологду и частью прожливается на хлѣбъ по Владимирской губ. Зеленый горошекъ—въ Петербургъ, Москву и идетъ за границу. Остальные огородные овощи сбываются в Ростовъ, на ближайшихъ базарахъ и ростовской ярмаркѣ. Травы—оба сорта маты, шалфей и шалотъ—въ Петербургъ и Москву. Сбытъ в Москву, Петербургъ и за границу горошка производится черезъ скупщиковъ (оптовыхъ торговцевъ).

Урожай 1879 г. былъ посредственный, а огурцовъ—ниже средняго. Цѣны же въ этомъ году, не смотря на неудовлетворительный урожай, были ниже обыкновенныхъ.

Село *Порѣчье Рыбное*—первое въ уездѣ по огороднической производительности, отстоятъ от Ростова, по лѣтному пути на 15 верстъ, по зимнему—7 вер. Товары отправляются на ростовскую станцію московско-ярославской дороги.

Въ селѣ Порѣчьи, крестьяне котораго принадлежатъ къ временно-обязаннымъ, считается населенія обоюга пола 2,838 человекъ.

Надѣлы здѣсь очень велики, а именно—на каждого домохозяина приходится по 5 дес. 139 саж.

Но изъ всего этого количества земли, только 284 дес. составляютъ огороды; остальное—или выгонъ, или лѣсъ, или неудобная земля.

На каждого домохозяина приходится среднимъ числомъ около 1,500 саж. огородовъ.

Всѣ крестьяне закупаются только однимъ огородничествомъ. Главнымъ продуктомъ огородныхъ статей въ с. Порѣчьи является цикорій, за нимъ зеленый горошекъ и наконецъ душистыя травы.

Несмотря на видимую незначительность пространства огородовъ въ этомъ селѣ, воздѣлываніе въ немъ цикорія и зеленого горошка, а равно разведеніе душистыхъ травъ практикуется въ разбѣрахъ довольно широкихъ и превышаетъ даже разбѣры села Угодичъ, хотя въ послѣднемъ земли, занятой огородами, приходится на душу на 1^ю часть болѣе, чѣмъ въ Порѣчьи. И потому недаромъ село Порѣчье считается въ Ростовскомъ уездѣ главнымъ производителемъ этихъ растений и даже рассадникомъ ихъ, такъ какъ воздѣлываніе цикорія и зеленого горошка началось въ Ростовскомъ уездѣ впер-

вые—въ этомъ селеніи (около 165 лѣтъ назадъ) и, затѣмъ, изъ него уже распространилось по другимъ мѣстностямъ уезда.

Степень производительности огородныхъ овощей, сѣмянъ, и травъ въ селѣ Порѣчьи можетъ быть выражена суммой, которая выручается отъ продажи ихъ; въ 1879 году всѣхъ предметовъ было продано на 74,280 р. Обороты же отдѣльныхъ крестьянъ села достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ.

Такъ, волостной старшина села Порѣчьи, кр. Пягушинъ, скупаетъ равныхъ травъ и сѣмянъ, цикорія и порошка на сумму до 30,000 руб. въ годъ.

Между прочими предметами огородничества, въ Ростовскомъ уездѣ пробовали и разведеніе листового табаку—махорки; насколько оно правилось, свѣдѣній не имѣю.

Аптекарскіе травы и корни, послѣ цикорія и горошка, составляютъ самый обширный и прибыльный предметъ производства ростовскихъ огородниковъ. Имъ занимаются въ большихъ разбѣрахъ жители селъ Угодичъ и Порѣчьи и въ меньшемъ—еще двухъ селъ. Сбываются они исключительно въ Москву и С.-Петербургъ дрогистамъ: Брунсу, Келлеру и другимъ и въ «Русское общество аптекарскихъ товаровъ». Цѣны на эти предметы подвержены вообще сильными колебаніямъ.

Общихъ свѣдѣній о состояніи огородничества въ Ростовскомъ уездѣ, за неизмѣнимъ тамъ данныхъ въ земской управѣ, не имѣю, хотя они были бы и очень желательны.

Приходится ограничиться простымъ перечнемъ селеній, въ которыхъ практикуется тотъ или другой родъ огородническаго производства.

Разведеніемъ душистыхъ травъ, какъ я уже сказалъ, занимаются въ 4 селеніяхъ.

Воздѣлываніемъ цикорія, горошка и разведеніемъ всякихъ огородныхъ овощей, въ широкихъ разбѣрахъ, занимаются въ 13 селеніяхъ, считая въ томъ числѣ и 4-ре, только-что названныя.

Воздѣлываніемъ цикорія, зеленого горошка и разведеніемъ только отчасти огородныхъ овощей занимаются 16 селъ.

Воздѣлываніемъ однихъ цикорія и горошка занимаются въ 26 селаяхъ.

Затѣмъ одного цикорія и луку—въ 1 селеніи.

Всего, значить, 56 селений Ростовского уезда занимаются специально и исключительно огородничеством производительною. Разведение порошка и цикория существует и еще въ несколькихъ селеніяхъ, но въ малыхъ размѣрахъ.

Главный предметъ этой производительнои, какъ я уже сказалъ, цикорій и зеленый горошекъ. Изъ данныхъ, собранныхъ полицейскимъ управленіемъ о сборѣ и посѣвѣ этихъ предметовъ за 1879 годъ, оказывается, что:

	Посѣяно.	Собрано.
Цикорія	229 п. 10 ф.	148,230 п.
Зеленаго горошка	2,652 » — »	7,637 »

И по этимъ свѣдѣніямъ, хотя, какъ надо полагать, они и ниже дѣйствительности, такъ какъ про отмыкамъ скупищиковъ (оптовыхъ торговцевъ), въ Ростова, при посредственномъ даже урожаѣ отпращивается: цикорія — до 200,000 пуд., а зеленаго горошка — до 15,000 пуд., можно судить о положеніи этой главной отрасли огородничества въ Ростовскомъ уездѣ.

Ростовское огородничество важно не только потому, что оно питаетъ значительную часть населенія уезда и даетъ славу Ростовскому имени, крѣпко связанное съ интересами, бытомъ и традиціями преданіями страны, оно не падаетъ, не мельчаетъ, какъ многое другое изъ нашей отечественной производительнои, а все болѣе процвѣтаетъ, привязывая крестьянина къ родному дому, родной землѣ, удерживая его отъ искушенія столицъ, отъ болѣе легкой наживы и развудай трактирной жизни... Вотъ почему еще маленький уголокъ ростовскихъ огородниковъ, тѣсно славшихся вокругъ живописныхъ береговъ Ростовскаго озера, привлекаетъ исключительное вниманіе среди обширной площади Ярославской губ.

Возвращаясь опять къ общимъ вопросамъ земельного хозяйства въ этой губерніи, опять повторю, что на недостаточность крестьянскаго надѣла въ ней жаловаться нѣкими образомъ нельзя. Въ большинства уездовъ, много надѣльной земли остается даже необработанной, хотя, наряду съ этимъ, болѣе зажиточные крестьяне продолжаютъ скупать земли у помѣщиковъ. Причина тому ясна: тамъ, гдѣ гулаку-крестьянину выгодно вести большое хозяйство, тамъ не прибыльно заниматься своимъ надѣломъ простому мужику. А такъ какъ его отецъ и дѣдъ работали на фабрикѣ, торговали, или

служили въ столицѣ, и оны спѣшить туда-же, оставляя все свое хозяйство на рукахъ жены и дѣтей. Поэтому, съ ранней весны большинство мужскаго населенія собирается въ отходъ, и, проѣзжая дѣломъ нѣкоторыми деревнями, увидишь лишь стариковъ, женщинъ да ребятъ.

Они-то и занимаются полями и всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. а какъ справляются они это трудное дѣло—свидѣтельствуютъ о томъ плачевные результаты.

Мнѣ отвѣтить, можетъ быть, гг. земцы Ярославской губерніи, ратующіе за увеличеніе крестьянскаго надѣла, что если въ настоящее время и не обрабатывается крестьянами вся, принадлежащая имъ земля, то это потому, что она плоха, что ее нечѣмъ удобрить, что у мужика нѣтъ ни скота, ни порядочныхъ земледѣльческихъ орудій, ни...

— Согласенъ, прерываю я, хотя и эта мотивировка въ данномъ случаѣ невѣрна. Но развѣ отъ увеличенія надѣла, отъ покупки чужой смежной земли она станетъ лучше; развѣ у него заведутся отъ того скотъ и орудія; развѣ наконецъ у него явится вдругъ главное—любовь къ землѣ и умѣніе обращаться съ ней?..

Если даже и выдаются ссуды на необходимое хозяйское оборудование, на покупку скота-то пользы мало. Изъ десяти ярославскихъ крестьянъ, можно сказать навѣрное, 8 понесутъ деньги въ кабакъ... Нѣтъ! Горбатаго могилы исправить! А ярославскому земству, ни настоящими, ни будущими жбрами, будь онѣ даже лучше настоящихъ, не поднять у себя уровня сельскаго хозяйства...

Не безынтересно коснуться и вопроса о переходѣ помѣщичьихъ земель въ крестьянамъ.

Изъ доклада ярославской губ. земской управы губерискому собранію за 1879 годъ, объ учрежденіи земскаго банка, оказывается, по собраннымъ свѣдѣніямъ, что всей земли въ Ярославской губерніи имѣется около 2,950,000 десятинъ; изъ нихъ въ одномъ Пошехонскомъ уездѣ около 500,000 десятинъ. Изъ этого общаго количества земли, надѣльной крестьянской землѣ считается—1,844,003 десятины; затѣмъ, свободной отъ надѣла и принадлежащей дворянамъ, казѣ, церквямъ, крестьянамъ-собственникамъ и проч. сословіямъ, считается въ губерніи свыше 1,100,000 десятинъ, изъ коихъ на долю дворянскаго владѣнія приходится нынѣ только нѣсколько больше 700,000 десятинъ.

Весьма интересно было бы прослѣдить степень переходимости

дворянскихъ земель къ крестьянамъ по годамъ, начиная отъ Положенія 19 Февраля 1861 года. Но для этого нужны точныя свѣдѣнія изъ уѣздныхъ управъ, имѣющихъ полную возможность слѣдить за этими переходами, по окладнымъ листамъ, разсылаемымъ землевладельцамъ для сбора земскихъ повинностей.

Къ несчастію, большинство моихъ попытокъ въ этомъ смислѣ оказались тщетными; уѣзднымъ управамъ, или слишкомъ много дѣла, чтобы заниматься такими *пустяками*, или.. или онѣ и сами не могутъ разобраться въ своихъ окладныхъ листахъ, не зная хорошо—кому и когда ихъ посылали. Такимъ образомъ не удалось мнѣ узнать точнаго количества отошедшихъ отъ помѣщичьихъ земель не только по годамъ и уѣздамъ, но даже и общаго по губерніи, за время съ 1861 года. Есть, понятно, и другіе источники къ отысканію этихъ цифръ, которыми я и воспользовался; но неполнота ихъ, а иногда и голословность даютъ понятие о предметѣ лишь весьма приблизительное.

Какъ вурьякъ, не могу не вставить здѣсь, что одинъ мѣстный сторожилъ, когда я, бросаюсь туда и сюда въ погоню за дорогими свѣдѣніями, толкнулся прежде всего къ нему, какъ въ сумѣтшешему, по репутаціи, человеку, и лучше всѣхъ знающему губерніи, мнѣ рекомендовалъ обратиться за *самыми* точными свѣдѣніями въ губернскому нотаріусу.

— Какъ-же это?... удивился я.

— Да такъ! Вѣдь у него находятся всѣ купчія на продаваемыя въ губерніи земли. Изъ нихъ вы и узнаете.

— Дастъ-ли онъ мнѣ ихъ?..

— Уже этого не могу сказать. Если у васъ есть предписаніе, такъ дастъ вѣроятно.

— Но вѣдь мнѣ нужно за 24 года.

— Да... вотъ это только!.. Дѣйствительно брать къ себѣ на домъ неудобно. Пришлось-бы на ломовыхъ вонзить.

— Такъ какъ-же быть?... робко отозвался я, умоляюще всматриваясь въ тонкія черты «самаго умнаго» сторожила.

— Придется вамъ у него заниматься, въ архивѣ. Да только вы одни ничего не сдѣлаете!.. Нужно нѣсколько человекъ, да и то не на мѣсяць, и не на два тутъ работы. И съ полгода вы можете просидѣть.

Я вышелъ отъ него съ твердымъ намѣреніемъ потребовать изъ Петербурга высланы въ мое распоряженіе цѣлой канцеляріи, и про-

сить отсрочку моего пребыванія въ Ярославль—на годъ. Но... къ счастью, по дорогѣ это намѣреніе растерялъ; а то не миновать-бы мнѣ медцинскаго осмотра!..

Только предводитель дворянства Пошехонскаго уѣзда доставилъ мнѣ точныя свѣдѣнія о своемъ уѣздѣ, которыя отчасти извѣщаютъ меня отъ необходимости копаться въ архивахъ губернскаго нотаріуса. Собрать эти свѣдѣнія, по его словамъ, не составляло для него никакихъ затрудненій; я ихъ получилъ въ нѣсколько дней.

Пошеховскій уѣздъ, какъ самый обильный землей и самый «земледѣльческій», представляетъ, конечно, и самый большой интересъ относительно отчужденія помѣщичьихъ земель. Въ немъ всѣ условія болѣе другихъ уѣздовъ, благоприятны для успѣшнаго веденія помѣщичьяго хозяйства: и обиліе земли, и хорошая обработка ея, и сравнительная достаточность рабочихъ рукъ, и, наконецъ, зажиточность крестьянскаго населенія.

А между тѣмъ вотъ данныя:

Всѣхъ помѣщичьихъ земель въ уѣздѣ

было—въ 1866 г.	175,484½ дес.
осталось—въ 1885 г.	120,466 дес.

Значитъ убыль послѣдовала въ двадцати-лѣтній періодъ на 55,000 десятинъ слишкомъ.

Изъ таблицы, показывающей ежегодную убыль дворянскихъ земель, видно, что убыль эта происходила въ такомъ порядкѣ:

въ 1-й періодъ, отъ—	1866 г. } —на 3,000 дес.
	1870 » } —на 11,000 дес.
во 2-й періодъ, отъ—	1870 г. } —на 24,000 дес.
	1875 » } —на 17,000 дес.
въ 3-й періодъ, отъ—	1875 г. } —на 17,000 дес.
	1880 » } —на 17,000 дес.
и въ 4-й періодъ, отъ—	1880 г. } —на 17,000 дес.
	1885 » }

Мы видимъ рѣзкое увеличеніе цифры этой убыли въ 3-мъ періодѣ (24,000 дес.), но причины этого явленія чисто мѣстныя, *пошеховскія*, такъ сказать и о нихъ поговоримъ послѣ. Если-же представимъ два послѣдніе періода, получимъ равномерное почти увеличеніе цифры этой убыли, черезъ каждыя пять лѣтъ (3, 11, 17, 24),

что доказываетъ равномерное, плавное и могучее теченіе волны, поглощающей дворянскія владѣнія этого богатаго уѣзда.

Въ 20-тъ лѣтъ ихъ увезено ровно $\frac{1}{3}$ всѣхъ земель, значить—на поглощеніе остальныхъ $\frac{2}{3}$ потребно по теоріи вѣроятности—только 40 лѣтъ.

Сровъ ничтожный противъ вѣчности!..

Почему, отчего и какъ произошло это явленіе—трудно сказать *отчетливо*.

Условіи бездна. Разореніе помѣщиков—это главная причина, а причины этой причины—дѣньги не по средствамъ, бросаніе этихъ усадебъ на произволъ судьбы послѣдствіе тяжкихъ до невозможности условій жизни въ деревнѣ, произволъ, беззаконіе, пьянство въ народѣ и главное—земство, новѣйшія формы земства—вотъ что разорило массу дворян-помѣщиковъ.

Хотя по другимъ уѣздамъ Ярославской губерніи у меня свѣдѣній точныхъ нѣтъ, но слѣдуетъ полагать, что и въ нихъ убыль дворянскихъ земель идетъ тѣмъ-же порядкомъ, если еще не въ большихъ размѣрахъ. Тамъ и условія къ тому болѣе неблагоприятны, послѣдствіе запущенности земли и отсутствія рабочихъ рукъ. Только Мышкинскій уѣздъ вмѣщаетъ еще въ себѣ сравнительно большее количество дворянскихъ владѣній, но и то въ слѣдствіе дороговизны земли въ немъ, являющейся главнымъ препятствіемъ въ приобрѣтенію ея крестьянами. На долго ли хватитъ этого препятствія—сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, губернское земство ревностно заботится объ его устраненіи, предлагая крестьянамъ большія ссуды. Общая по губерніи цифра дворянскихъ земель, отошедшихъ къ крестьянамъ за 17-лѣтіе съ 1866—1883 годъ, прострается приблизительно до 355,000 десятинъ. Не ручаюсь за точность этой цифры, но ошибка на десять тысячъ болѣе или менѣе не можетъ измѣнить существенно предмета. Эта цифра указываетъ, что дворянскихъ земель въ Ярославской губерніи до настоящаго времени было приблизительно около $\frac{1}{3}$, что совершенно совпадаетъ съ вычисленіями по Пошеховскому уѣзду. А средняя ежегодная убыль по губерніи можетъ быть выражена приблизительно въ 21,000 десятинъ. Такъ что безошибочно будетъ предположить, что не далеко отъ будущаго, когда вся земля въ губерніи перейдетъ въ руки крестьянъ.

Въ началѣ крестьянской реформы, съ 1862 года, земли поку-

пались за бездѣвокъ; теперь же стоимость ихъ очень повысилась, какъ потому, что въ рукахъ у помѣщиковъ земель осталось очень мало, такъ и потому, что губернское земство все стѣсняетъ крестьянъ въ выдачѣ значительныхъ денежныхъ ссудъ съ разсрочкою на нѣсколько лѣтъ, до десяти. Такимъ образомъ, это земское благодѣаніе, заставляетъ еще крестьянина, который не нуждается въ немъ, платить за землю часто въ три-дорога.

Признавъ переходъ дворянскихъ владѣній въ крестьянскія руки за совершившійся фактъ, трудно согласиться съ мечтателями, полагающими въ этомъ фактѣ несомнѣнныя данныя къ улучшенію земледѣлія въ странѣ.

Едва-ли это предположеніе сбудется когда нибудь? Напротивъ. Приобрѣтъ показываетъ, что купившій въ большомъ размѣрѣ землю рѣдко увеличиваетъ пропорціонально тому обработку ея. Да это и невозможно. Рабочій, имѣющій силу обработать 5 десятинъ земли никакъ не можетъ обработать 10—20 десятинъ, потому только, что она у него есть. Обыкновенно обрабатывается десятина, другая, а остальное идетъ или подъ выгонъ, или, что случается чаще, просто забрасывается, порастаетъ кустарникомъ. Разсчитывать-же на наемный трудъ невозможно, потому что имѣющій съ избыткомъ своей земли врядъ-ли пойдетъ обрабатывать другого. А если по *необходимости* и идетъ, то забрасываетъ окончательно свою землю.

Хотя и теперь практикуется въ большинствѣ уѣздовъ Ярославской губерніи обработка крестьянской земли пришлыми людьми изъ другихъ губерній: Тверской и Новгородской; но разсчитывать на широкое примѣненіе этого факта нельзя, какъ по причинѣ небольшого количества свободныхъ рукъ и въ этихъ двухъ губерніяхъ, такъ и по дороговизнѣ ихъ, годъ отъ году возрастающей.

Можетъ показаться на первый взглядъ страннымъ, для чего же новупають землю, когда не имѣютъ, не хотятъ и не въ состояніи ея обработать?..

Но извѣстно, что крупныя покупки земли производятся преимущественно *кулаками* и рѣдко цѣлыми обществами, дѣйствительно нуждающимися въ землѣ. Общество можетъ нуждаться въ выгонѣ, въ дѣсѣ, въ дугахъ; кулакъ же покупаетъ все, ни въ чемъ въ сущности не нуждаясь.

Расчеты покупки бывають различны. Иногда земля продается

больно дешево — отчего не купить? Иногда продающаяся земля прилагает в общественному выгону, так что крестьянский скот ближайшим путем проходит через эту землю. Кулак дает больша деньги за этот драгоценный кусок и затѣм заграждает его, не пропуская скотъ. Крестьяне плачутъ, молятъ, — и в концѣ платятъ ему отъ шутки.

Иногда кулаку выгодно купить землю и подъ обработку, потому что онъ можетъ обработать ее почти даромъ.

Кулакъ — всегда хозяинъ трактора, кабака или лавочки. У него сосредоточиваются всѣ жизненные интересы окружающихъ крестьянъ, всегда, по русской натурѣ, задолживающихъ. А мужикъ-должникъ — это рабъ въ умѣльцъ рукахъ.

Руки у кулаковъ видно умѣлки, потому что всѣхъ своихъ должниковъ они обыкновенно обращаютъ себѣ въ рабочихъ. Тутъ-то и выгодно кулаку купить больша кусокъ земли, имѣя всегда массу рабочихъ. Онъ ихъ отрываетъ отъ своихъ собственныхъ работъ, рубить имъ лѣсъ и проч., вычитал поденную плату въ долгъ. А какъ великъ долгъ, рѣдко кто изъ мужиковъ хорошо что и знаетъ.

Такимъ путемъ приобрѣтенія и эксплуатаціи земель крестьянское хозяйство, надо думать, не только не улучшится, но придетъ вскорѣ въ окончательный упадокъ, чему, вѣроятно, несказанно удивится гл. земцы.

Не смотря на своеобразный способъ ведения крестьянскаго хозяйства и на неудовлетворительность въ общихъ чертахъ земледѣлія, население Ярославской губерніи никоимъ образомъ нельзя назвать бѣднымъ; государственна подати и выкупные платежи оно уплачиваетъ съ примѣрною аккуратностью, и въ этомъ отношеніи Ярославская губернія можетъ считаться образцовой. Къ концу каждаго года уѣзды остаются съ ничтожной недоимкой, а процессъ выкуповъ почти повсемѣстно оконченъ.

Не такъ аккуратно выплачиваются населеніемъ земскіе сборы; недоимки которыхъ по разнымъ уѣздамъ достигаютъ громадныхъ цифръ, иногда до 80 тысячъ. Но тутъ причины явятся не столько въ несостоятельности населенія, сколько въ несостоятельности мѣръ, принимаемыхъ къ тому земствами, въ несостоятельности и безтолковости, вообще, ихъ хозяйскаго управления уѣздами.

Есть и еще очень важная причина: это взысканіе съ крестьянъ

государственныхъ сборовъ въ ущербъ земскимъ. Происходить это такъ.

Подати, какъ извѣстно, собираются нѣмѣ уѣздной полиціей. Губернское казначейство, заинтересованное въ исправномъ поступленіи государственныхъ сборовъ, насколько не страдаетъ отъ неисправности поступления земскихъ.

Отсюда и рвеніе полиціи въ первомъ случаѣ и нѣкоторое равнодушіе во второмъ.

Но это только тенденціозная сторона факта. Самый же фактъ проявляется тѣмъ, что всѣ взыскиваемые съ крестьянъ деньги засчитываются губернскимъ казначействомъ безусловно въ государственныя повинности.

Полицейскій чиновникъ является въ волость или селеніе и читаетъ списовъ недоимокъ. Особенное вниманіе обращается нѣмѣ, понятно, на государственныхъ, и, уѣзжая, онъ строго объявляетъ старостѣ, или старшинѣ:

— Чтоби была! Ты будешь отвѣчать...

Староста собираетъ съ своихъ мужиковъ съ каждаго по мѣрѣ возможности. Мужички, платя, очевидно, не входятъ въ обсужденіе, какую подать они платятъ: государственную, или земскую. За нѣмѣ всего столько-то, онъ половину, а то и больше отсчитываетъ.

Собравъ деньги, староста высчитываетъ: столько-то въ государственныя внесу, остальныя въ земскія; больно ужъ много тѣхъ накопилось. Отправляется въ городъ, въ казначейство; тамъ ему первый вопросъ:

— Сколько собралъ всего?..

— Да собралъ то столько... говоритъ онъ верѣшительно. А только въ земскія надо-тъ внести...

— Давай всё! За твоимъ обществомъ и то еще останется недоимки...

Такимъ, приблизительно, путемъ достигается несправное поступленіе государственныхъ сборовъ, и отчасти (говоря *отчасти*, потому, что это все-таки только побочная причина) замедленіе въ земскихъ. Неволю поэтому думается, что было бы гораздо справедливѣе установить извѣстный процентъ, кототнй бы обязательно отчислялся при каждомъ поступленіи податей въ казначействѣ, на пополненіе земскихъ повинностей.

Заканчивая этот обзор экономического состояния Ярославской губернии, скажу, что в этом отношении она стоит в условиях, сравнительно более благоприятных, чем другие губернии нашей северной полосы, и в условиях громадного превосходства над нашими южными, так-называемыми, хлебородными губерниями. Обширная торговля, доходная служба в столицах и отчасти работы на фабриках дают населению средства, покрывающие его насущные нужды. Нѣтъ правды безъ исключенія. Понятно, и в Ярославской губернии есть мѣста, гдѣ населеніе бѣдствуетъ; но общій уровень благосостоянія, можно смѣло назвать выше среднего.

Возьму одинъ только фактъ, случайно мною встрѣченный: въ одной изъ сельскихъ почтовыхъ конторъ, снабжающихъ корреспонденціей три волости, оказалось по справкамъ, что въ теченіи полугода, или даже меньше, хоршо не помню, было прислано крестьянамъ денежной корреспонденціи на 500,000 рублей. Это, я полагаю, достаточно характеризуетъ зажиточность крестьянскаго населенія, въ некоторыхъ мѣстахъ губерній, престо даже богатаго.

Характеръ крестьянскаго населенія. — Крестьянское самоуправленіе. — Народное образованіе.

Типъ ярославскаго крестьянина, въ своихъ главныхъ чертахъ близко подходитъ къ типу москвича. Грубость, граничащая съ дивизмомъ, заносчивость, хвастливость, хитрость, жадность къ наживѣ и мелкій расчетъ, ради котораго онъ вынесетъ всякія униженія:— вотъ тѣ черты, которыя дѣлаютъ его весьма мало симпатичнымъ. О пьянствѣ и говорить нечего. Это черта повсемѣтная, но у ярославцевъ и она достигла сравнительно самаго широкаго развитія.

Русскаго добродушія, сознанія собственного достоинства, прямоты и проч., чѣмъ такъ богатъ характеръ нашего великорусса среднихъ губерній,—въ ярославцѣ и не пицте. Онъ будетъ ползать въ ногахъ, когда ему нужно вѣсть надуть, а не удастся—выругается и повернется спиной. Рѣдко встрѣтите по дорогамъ и проселкамъ Ярославской губерніи мужика, который бы сваялъ шапку передъ нами. Будъ вы даже и въ фуражѣ съ форменной кокардой.

Можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ, откуда взя-

лись въ ярославцахъ, населеніи одной изъ древнѣйшихъ русскихъ областей, исторія которой свидѣтельствуетъ намъ о многихъ подвигахъ его на защиту отечества, о безкорыстїи, о самопожертвованіи—эти не симпатичныя черты, не свойственныя, вообще, русской натурѣ.

Ярославецъ 18 вѣка и ярославецъ 19—два различные типа. Отвѣтъ проситъ. Оттапливающія черты послѣдняго есть продуктъ позднѣйшихъ временъ; развиваясь мало-по-малу съ развитіемъ благосостоянія населенія, эти черты получили широкій ростъ только съ освобожденія крестьянъ и съ дарованіи имъ самоуправленія; послѣдніе же толчки на пути этого развитія давы были повлеченіемъ на свѣтъ Божій безусловныхъ земствъ и уничтоженіемъ института мировыхъ посредниковъ.

Упадокъ земледѣлія, а съ нимъ и всего сельскаго хозяйства послѣдовалъ непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ. Населеніе Ярославской губерніи всегда въ замѣчательной мѣрѣ занималось торговлей и ходило на разные промыслы въ отходъ. Но тогда помещики, силой своей власти, удерживали необходимое число рабочихъ для успѣшной обработки земли, которая тогда и давала порядочные урожаи и не стояла поросшая вустарниковъ. Словомъ, сельское хозяйство, сообразно съ мѣстными условіями, стояло вполне удовлетворительно. Народъ, отъ природы смѣшленный, зарабатывалъ на сторонѣ достаточно, чтобы уплатить оброкъ и дать все необходимое семьѣ; но современной роскоши въ крестьянскомъ быту не встрѣчалось, равно какъ и современныхъ разгула и грубости.

Потерали власть помещики — и все сразу измѣнилось. Надѣлы оказались малы, земля плоха, работать нѣчто не заставляло, значить—сидѣть дома нечего. «Земляки, воля бабуть, въ Москвѣ хоршо, а то и въ Питерѣ недурно...», и молодой парезъ, съ котомкой за плечами, отправляется по «чугункѣ»...

Это первый актъ драмы. Второй—жизнь его въ городѣ. Кабакъ, трактиръ или ресторанъ—вотъ что тянетъ его болѣе всего. Возможность легкой получки гривенниковъ и пятиалтынныхъ дѣлаетъ его все болѣе жаднымъ къ нимъ. А близкое соприкосновеніе съ спиртными напитками, съ чужимъ разгуломъ и дивизмомъ, словомъ, со всѣмъ, чѣмъ дышать и живутъ большіе города, очень скоро вы-

тѣсняетъ изъ души его все «отцовское» и на мѣсто того посылаетъ новое «столичное».

Парень готовъ. И году не нужно, чтобы ему быть готовымъ. Но живетъ онъ такъ не годъ и не два, а часто десятки, пока солидный капиталецъ не позволитъ ему завести самостоятельную торговлю, или нищета и ужасная болѣзнь не сведетъ въ раннюю могилу.

Интересны бывають и возвращенія этихъ «мужичковъ» на родину. Родину они любятъ и вѣдаютъ туда часто. Вотъ является этапъ пареня къ себѣ «на дачу», какъ это у нихъ называется. Облеаается перво-на-перво въ городской костюмъ: панталоны на выпускъ, сюртукъ, манжика, галстухъ—«паструвъ», нѣрѣдко цилиндръ и перчатки. Въ этомъ костюмѣ дѣлають визиты сельскимъ властямъ и болѣе богатымъ односельчанамъ. Потомъ принимаетъ «у себя»—*попростительственно* урядника и волостнаго старшину, *пренебрежительно*—мужика-сосѣда, *радостно и почитательно*—мѣстнаго становаго и *подобострастно*—г. уѣзднаго исправника, когда тотъ «удостоиваетъ». Въ приемахъ этихъ, понатно, первенствующую роль играютъ угощеніе: вино и вода съ традиціоннымъ чаемъ, а затѣмъ любезные разговоры. Степень любезности ихъ, понатно, связана съ качествомъ гостя. Сосѣду-мужичку рассказываетъ сказка изъ Тысячи и одной ночи о столичной жизни; волостному и уряднику та же сказка, только съ нѣсколько меньшей фантазіей, за то съ подчеркнутіемъ мѣстъ, гдѣ упоминается на *близость* сказаннаго лица къ великимъ и сильнымъ міра сего, разнымъ графамъ и князьямъ, которые его такъ любятъ и «даже уважаютъ»-сь, можно сказать... Становому говорятъ о театрахъ, музыкѣ, искусствахъ, словомъ—о разныхъ «образованныхъ» предметахъ, равно какъ по высшей политикѣ, въ предѣлахъ самыхъ «свѣжихъ столичныхъ новостей»; впрочемъ, въ данномъ случаѣ, хозяинъ говорить не такъ увѣренно, оговаривается и выжидаетъ репликъ. Съ г. начальникомъ полиціи... тутъ ужъ какъ придется, т. е. каковъ этотъ начальникъ. Очень суровъ—тогда только выслушиваютъ ихъ высокоблагородіе и отвѣчаютъ на прямо задаваемые вопросы, придерживаясь при томъ «однозначности» и непримѣнно добавленія окончанія—*сѣ*.

Снисходительны, участливы, интересуются—отчего-жъ тогда и имъ не подѣляться «самыми этими новостями». Но только тутъ ужъ

они принимаютъ форму совершенно толковую и приблизительно вѣроятную.

Если-же «совсѣмъ запросто», веселы, любятъ *томо...* ну, тогда о чемъ тутъ говорить?.. Тогда усердно подливается, подкладывается, и равнообразный, вычурный разговоръ «порхаетъ», такъ сказать, съ предмета на предметъ. Причемъ правдоподобность и удобопонятность рассказываемаго идетъ, такъ сказать, «на убыль» по мѣрѣ возрастанія симпатіи г. начальнииа уѣзда къ радужному хозяину и его обильному угощенію...

Въ такихъ «приемахъ» и «выпадахъ» проходитъ все «дачное» время богатыхъ ярославцевъ, прѣзжающихъ домой на «побывку». О работѣ, о воздѣлываніи земли—и рѣчи не можетъ быть. Какъ-же это онъ, въ сюртукѣ, да въ цилиндрѣ, да за плугъ?

«Да и стоитъ-ли? Плевое дѣло! Что она дастъ, эта самая земля?».

И «эта самая земля», если не сдается въ аренду, что случается рѣдко, стоитъ себѣ необработанная, заросшая.

Кончился срывъ побывки, ярославецъ, пропивши все насущное и пустивши всѣмъ пылъ въ глаза, спѣшитъ въ свой трактиръ или кабакъ, чтобы тамъ, въ грязной рубахѣ и съ грязной салфеткой подъ мышкой летать съ чайниками, подносами, графинами, бутылками, закусками и проч., низко кланяться за брошенный ему двугривенный, кивать головой за гривенникъ и нагло ухмыляться, отворачиваться спиной, когда отъ сдачи не оставляютъ ничего...

Такими приблизительно послѣдствіями отразилось 19 февраля на «отхожемъ людѣ» Ярославской губерніи.

Теперь взглянемъ и на осѣдлое населеніе, не бросившее плугъ, впрочемъ по причинамъ отъ него независящимъ. Такое населеніе живетъ, какъ я сказалъ, въ Помехонскомъ уѣздѣ.

Этотъ уѣздъ въ старину былъ житницей не только Ярославской губерніи, но всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Тамъ располагалась громадная помѣсть старинныхъ ярославскихъ дворянъ, изъ которыхъ одно маюратное—имѣніе Лихачева, обнимающее нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, давало огромный доходъ. Крестьянский людъ, которому жилось и привольно и сыто, отличался трудолюбіемъ, трезвостью и первобытной простотой. Что-же случилось?

Случалось то, что можно называть *embarras de richesse*. Полу-

чить по уставной грамотѣ громадныя надѣлы, въ 5, 6 и больше десятихъ, крестьяне на первое время ошалѣли, не знали куда ихъ имъ дѣть. Иной и обработать всего не могъ. Стали кусочками продавать, отдавать въ аренду, или нанимать рабочихъ. Завелась у крестьянъ денежка отъ этихъ спекуляцій, равно какъ и отъ выгоднаго земельнаго хозяйства, — денежка, которыхъ до того времени въ нихъ заскоруляхъ рукахъ не бывало; денежки, которыми они не знали еще ни цѣны, ни сбыта, всегда досыта кормленные в тепло одвѣваемые ихъ помѣщиками.

Простота нравовъ пошехонцевъ велика, но какъ не быть и между ними ловкихъ и хитрыхъ проходимцевъ! Въ короткое время ихъ стало больше, чѣмъ нужно.

Эти господа стали искушать своихъ сосѣдей прелестями культуры, которой до сихъ поръ и въ глаза не видали пошехонскіе мужички.

Явились въ каждомъ селѣ мелочныя лавочки, въ которыхъ заманчиво блестяли самовары, лампы, стеклянная посуда, пестрыя ситцы, шерстяныя матеріи, шелковые платочки, бусы, четки и даже башмаки и зонтики.

Первое время все это возбуждало только удивленіе простаковъ, потомъ восторгъ, потомъ неудержимое желаніе «купить», а разъ куплено—явилась и привычка, и пошло чаепитіе, куреніе папиросъ, щегольство, пошла гулять по темнымъ набамъ блестящая роскошь, а деньги изъ нихъ поплыли въ широкіе карманы проходимцевъ, которыхъ тутъ-же народъ и окрестилъ въ «чулаковъ». А эти могучіе и безжалостные «чулаки» все выше и грознѣе подымались надъ народной массой, все ярнѣе и властнѣе зажимали въ себѣ всѣ интересы этой массы, и не только настоящіе, но и будущіе.

Когда вывелось изъ мужицкихъ сундуковъ все, что дѣло имъ 19 февраля, они стали закладывать свое будущее, свой урожай, свою родную хату и свой трудъ. И созаваетъ мужикъ свою безтолковую живню, свою гибель, да не въ силахъ ужъ остановиться. Вѣдь она всегда былъ ребенкомъ, ребенкомъ и остался.

Только кричатъ да ахаютъ, вспоминаютъ, какъ прежде, молъ, жалось—и безъ денегъ, и безъ заботъ...

Явился на свѣтъ Божій другой бычъ, горше перваго. Роскоши

отняла у крестьянина только деньги, а кабакъ—и деньги, и здоровье и нравственность, и расудокъ.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ завелось множество винокуренъ. Условія къ тому были самыя выгодныя: обиліе скота, хлѣба, рабочихъ рукъ и свободныхъ денегъ; и пошли впростатъ, какъ грибы, заводы, а при нихъ кабаки, другъ съ другомъ конкурируя и каждый наперекоръ другому облегчая до возможнаго предѣловъ пріобрѣтеніе крестьянами своихъ продуктовъ.

Многіе заводы не выдержали конкуренціи, рухнули; за то тѣ, которые остались, уже властно захватили монополію, залили водкой уѣздъ, спихли буквально населеніе и послужили основой миллионнымъ состояніемъ мѣстныхъ тузовъ-чулаковъ.

Кто не знаетъ этихъ длиннополыхъ senior'овъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ? Кто ихъ не поймать простыми лапотниками, а нынѣ распоряжающимися, посредствомъ земскаго и городского самоуправления, судьбами города и уѣзда? Кто не испытывалъ ихъ грубаго, чисто чулачнаго насилія; кто не былъ свидѣтелемъ ихъ грязныхъ продажъ на широкомъ поприщѣ «самоуправленія»; кого, наконецъ, не разило ихъ беззавѣтное нахальство и безъ обиняковъ высказываемое сознаніе той денежной «сивушной» силы, коей они справедливо считаютъ себя представителями?..

Вотъ чѣмъ отразилось 19-ое февраля на земледѣльческомъ и осѣдломъ населеніи Ярославской губерніи; вотъ кто замѣнилъ для нихъ дореформенныхъ помѣщиковъ, и вотъ какого рода «свобода» наступила для нихъ послѣ варварскаго «рабства»...

Какъ видимо, влостчастныя обстоятельства, хотя далеко не случайныя, вывели бѣдное и простодушное населеніе Пошехонскаго уѣзда на узкій и кривой путь. На этомъ пути оно уже приняло побѣйшее просвѣщеніе, и, надо думать, дальшее просвѣщаться не захочетъ, да и не на что... Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ этомъ обезличеніи и обдѣиваніи населенія виновата не одна сила обстоятельствъ. Добрую часть эту вини должны принять на себя и дворяне-помѣщики.

Было время сейчасъ послѣ реформы, когда они, сильныя еще вѣковыми авторитетомъ въ населеніи, сильныя и матеріальными средствами, кои не только не иссякли у нихъ за освобожденіемъ

крестьянъ, но, во многихъ случаяхъ, даже улучшились, ибо земля обратилась въ деньги, тогда было именно то время, когда дворяннѣ-помѣшники могъ бороться съ растлѣвающимъ духомъ времени, съ зарождающимся кулачествомъ, могъ сосредоточить у себя интересы его бывшихъ крестьянъ, а не бросать ихъ всецѣло въ объятія хищныхъ кулаковъ. Онъ могъ стать тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ кулакъ, только въ лучшемъ смыслѣ этого слова. И пути къ этому были довольно просты. Бороться съ кулаками можно было ихъ средствами—конкуренціей. То, что доставляло народу кулакъ, могъ доставить и помѣшникъ, если ужъ въ народѣ сильно укоренилась въ тому потребность. Но способы, приемы этой доставки могли быть, и, вѣроятно, были бы, нѣсколько иные. Тогда бы народъ бросился къ ихъ исконнымъ покровителямъ, не обиравшимъ, не закабалавшимъ ихъ, и ужъ отъ доброй воли этихъ покровителей зависѣло бы повести это стадо дѣтей къ стрелевию, къ старымъ традиціямъ..

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется намъ по нашему крайнему разумію. Въ этомъ еще больше убѣдился я, когда случай доставилъ мнѣ удовольствіе погостить въ селѣ Васильевскомъ у г. В., котораго остроумныя корреспонденціи приходилось мнѣ еще раньше читать на столбахъ «Гражданина».

Г. В. получилъ усадьбу сильно запущенную, почти разоренную. Много денегъ, труда и крови стоило почтенному хозяину Васильевскому, чтобы добиться настоящихъ результатовъ. А результаты эти завядли, если сравнить ихъ съ результатами повсемѣстнаго дворянскаго хозяйства.

Среди большинства разрушающихся, полныямыхъ и обветшалыхъ усадебъ Помехонскаго уѣзда, гордо висится его щегольской домъ, въ которомъ вы найдете все удобства и даже комфортъ городскихъ помѣщій.

Среди крупныхъ окрестныхъ владѣній помѣшниковъ, не приносящихъ или никакого, или самый ничтожный доходъ (имѣніе г. Дячачева, въ которомъ числятся до 20,000 десятинъ, почти ничего не даетъ доходу), 1,700 десятинъ г. В., изъ которыхъ удобной и запаханной земли только сотня-другая десятинъ, приноситъ ему въ короткий годъ до 5 и больше тысячъ рублей доходу, и доходъ этотъ съ каждымъ годомъ все увеличивается. А лѣтъ десять назадъ—это запущенное имѣніе не давало тоже почти ничего.

Среди повсемѣстныхъ громкихъ жалобъ помѣшниковъ на невозможность хозяйничать за неизвѣстнѣ рабочаго, который, благодаря безнаказанности послѣднихъ лѣтъ, сталъ, что называется, възрѣмъ: грубъ, пьянъ, воръ и проч., у г. В. всегда поля во время вспашки, засѣяны, мушкетъ его не подкапываютъ, и если обираютъ, то незначительно. Мало того: во время ежегодной армарки, которая происходитъ въ самомъ селѣ, масса пьянаго окрестнаго населенія никогда еще не производила въ его имѣніи никакихъ беспорядковъ, въ край.

А почему все это?—потому, что г. В. заслужилъ репутацію дѣльнаго хозяина, строгаго, но и добраго хозяина, потому что не ѣздитъ «осмѣжаться» по столицамъ, а сѣлся и сроднился совершенно съ глушью, съ мужикомъ, не утративъ при этомъ качествъ хороша воспитаннаго и образованнаго человѣка. Этотъ единственный примѣръ доказывается по моему, что еще можно, что еще не окончательно поздно потрудиться дворянству хоть самую малость на пользу населенія, на свою собственную пользу.

Разбѣжавшись изъ своихъ вочинъ потому, что у нихъ отняли власть, что сократили у нихъ штаты «дворянскихъ», что урѣзали ихъ привычки, что какой нибудь Ванька казачекъ за данный ему подательный обѣжалъ жаловаться къ мировому, который вызываетъ къ себѣ его, помѣшника... и ставитъ рядомъ... съ кѣмъ же? со ценщикомъ Ванькой, который такъ недавно еще барактался въ дукѣ возлѣ чернаго ырыльца, обонимъ имъ говорить *мостодина*, предлагаетъ мириться (Господи! мириться, просить прощенія у этого... Умора!) и затѣмъ, вдоволь надругавшись надъ ними, еще штрафуетъ, а то тюрьмой грохочетъ... разбѣжавшись, и говорю, отъ этихъ уколовъ самолюбія, хотя впрочемъ и очень чувствительныхъ, гг. дворяне-помѣшники не знали, или не хотѣли знать, что этимъ они губягъ населеніе и край.

Когда же общипанные столичной жизнью, разочарованные, больные, они заглянули въ родныя гнѣзда и спохватились,—было уже поздно. Кулакъ, вода и беззаконіе пустыли уже слишкомъ глубокие корни. Вырвать ихъ было нельзя, но бороться съ послѣдствіями—можно и казалось бы *должно*.

Чего однако и понять не дѣлается, хоть, по общимъ отзывамъ, жить становится день ото дня хуже. Но, mettons le points sur les i.

Ужь подлинно ли помѣщики тѣ невинныя жертвы, которыя нынѣ несутъ искупленіе за ошибки великихъ реформъ? Они жертвы—въ этомъ нѣчто не сомнѣвается; но совѣстѣ ли невинныя?... въ этомъ я позволю себѣ усомниться.

Въ разговорѣ съ г. В., когда онъ рисовалъ картину безотраднато положенія своего уѣзда «великаго и обширнаго всѣмъ, кромѣ порядка», между прочимъ, сообщилъ онъ мнѣ и слѣдующее.

— Возьмите хоть Д—а! Да будь я на его мѣстѣ, я бы въ два-три года забралъ весь уѣздъ, въ свои руки. Я бы убилъ всѣхъ кулаковъ, какъ пшть дать. Убилъ ихъ собственнымъ оружіемъ, водкой. Въѣдъ у него 20 тысячъ десятинъ земли, да, говорятъ, до милліона денегъ. Въѣдъ это сила, силаща, съ которой можно перевернуть весь уѣздъ вверхъ ногами.

— Что-жъ бы вы сдѣлали? полюбопытствовалъ я.

— Что? Да я бы открылъ винокуренный заводъ, да не одинъ, а десять. Ухлопалъ бы на это 200—300 тысячъ, благо деньги есть, и разомъ убилъ бы двухъ зайцевъ.

Поднялъ бы сельское хозяйство, которое бы мнѣ дало одно десятка тысячъ лишнихъ, пустилъ бы водку гривенникомъ, двумя, тремя дешевле—и тѣмъ убилъ бы всякую конкуренцію. Ну, а когда всѣ эти господа протянули бы ножи, я бы имъ не далъ больше ожить. Я бы весь уѣздъ держалъ въ своихъ рукахъ. И пообчистилъ бы же и его отъ всякихъ проходимцевъ... Да бодливой воровъ Богъ рогу не даетъ, закончилъ онъ энергично.

— Неужто Д—ау это въ голову не приходитъ?..

— Видно нѣтъ! Воиъ онъ выстроилъ у себя среди болотъ и лѣсовъ дворецъ. Мраморныя лѣстницы, зеркальныя стекла, все тамъ есть. А въ комнатахъ такая холодина, что жить нельзя. Теперь даже говорятъ...

— Пріѣзжаетъ онъ сюда?

— Какъ же, бываетъ! Охота у него тутъ громадная, собака гибель. Оркестръ свой держалъ, теперь вахетса распустилъ. Только въ дѣлахъ онъ ровно начего не смыслитъ. Вотъ поѣхать въ Пошеховъ съ своимъ оркестромъ, балъ тамъ устроить, оглушить всѣхъ, огуманить—на это онъ мастеръ...

Это ли еще требуетъ комментарий?..

Расшатывающіеся организмы сельской жизни еще кое-какъ под-

держивала дѣятельность мировыхъ посредниковъ. Такъ говорятъ многие.

Не заинтересованный въ выборахъ, а слѣдовательно не обязаный ни передъ кѣмъ записывать, отвѣтственный передъ начальствомъ и облеченный *дѣйствительною* активною властью въ предѣлахъ своего участка, онъ былъ единственной опорой, за которую хватался сбѣгше съ толгу, обрабавные и одурчаиваемые крестьяне. Они знали его, знали дорогу къ нему и ни къ кому больше. Являлись выборные, являлся напредѣнный членъ, и хотя крестьянинъ хорошо почувствовалъ, какъ записываются, какъ потворствуютъ ему эти господа, надъ которыми онъ имѣлъ власть *чернаго шара*, но отъ потворства и безвластия ему не стало легче. Выиграли только тѣ же кулаки и выиграли насчетъ всего остальнаго населенія, которое все больше и больше деморализовалось, потерявъ совѣстѣ ясность сознанія окружающаго.

Что начало освобожденіе крестьянъ, то съ успѣхомъ кончается теперь земство.

Сбѣгата съ толгу, необразованнаго, несчастнаго «мужичка» оно ввало подъ свою опеку, подъ свое теплое крылышко, обѣщая ему всѣ блага, которыхъ онъ не имѣетъ. Мужичекъ подумалъ: что за штука? Спросилъ у него денегъ.—Далъ! Спросилъ еще и еще, и все въ большихъ размѣрахъ. «Пестой, говорить, за что же? Допрежь не брали!»..

— Экій ты простофиля! Мы тебѣ дороги строимъ, больницы, школы, а ты еще... Экъ!

— Да мнѣ не надо-тъ.. Мнѣ деньги нужны!..

— Деньги?.. Сдѣлай милость, бери!.. На покупку надо? Мало земли?—Бери! На посѣвъ?.. Бери!.. На пшан... впрочемъ, этого оффициально не говорится.

Мужичекъ обрадовался, пошелъ и взялъ. Только когда пришло время отдавать, съ него требуютъ гораздо больше.

— Зачѣмъ же?.. удивляется онъ.

— А затѣмъ, болванъ, что *порука*... понимаешь! Порука круговая. Иванъ не платитъ, Федоръ не платитъ, Гома тоже (слѣдуетъ перечисленіе), такъ, значить, съ другихъ надо. Разложить, значить, надо-тъ. Ну? Взяли въ толгу?..

Взять-то взял въ толкъ мужичекъ, только все въ ватидѣй чешеть.

— Несправедливо! говорятъ онъ. За что-же мнѣ платить столько? У Ивана деньги у самого есть. У него больше чѣмъ у меня. Федоръ пропаялъ все; Ома ничего не дѣлаетъ... (слѣдуетъ перечисленіе), а мнѣ за нихъ платитъ! Не вѣрно это!..

— Вѣрно, говорятъ тебѣ! Ужъ ты не разсуждай, плати, а то опишутъ...

Платить мужичекъ, разорвется, но ужъ больше земскихъ денегъ не хочетъ. За то кулакъ Иванъ, пьяница Федоръ, лѣвтяй Ома и множество другихъ... у-ухъ! какъ падеи до земскихъ денегъ.

— Вѣдь даромъ дадутъ!.. Чего лучше!.. Славное это самое учрежденіе, земство... говорятъ они, облизываясь. Ничего не дѣлаешь, а живешь, ничего... поманеньку! Дай Богъ ему здоровья...

И, опасаемые пѣвнкой рукой земства, кулаки, пьяницы и дармовѣи размножаются и тучѣютъ насчетъ худѣющихъ и выбывающихъ изъ силъ своихъ одосельчанъ, которые смотрятъ, удивляются, завидуютъ, да близки сами къ «забастовкѣ»...

Вотъ каковы преобладающія черты характера крестьянскаго населения Ярославской губерніи вотъ и причины, ихъ вызвавшія.

— Неутѣшительная картинка, скажутъ мнѣ.— Чѣмъ богаты, тѣмъ рады не взыщете! Но есть много и утѣшительнаго. Есть нѣсколько и свѣтлыхъ сторонъ въ характерѣ ярославца, которыя заставляютъ мириться съ его недостатками.

Ярославцы—народъ въ высшей степени религіозный и беззаветно преданный своему Царю. Ярославецъ уважаетъ своего попа и всегда радъ помочь ему въ нуждѣ; онъ аккуратно посѣщаетъ храмъ и жертвуетъ, что можетъ, на постройку и украшеніе его. Поэтому рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое обиліе и такое благоглѣіе церквей, какъ въ Ярославской губерніи.

Чѣмъ жаднѣе ярославцы въ наживѣ, чѣмъ богаче онъ,—тѣмъ, наоборотъ, тѣмъ усерднѣе дѣлится своимъ добромъ съ Богомъ, видя только въ Немъ причину своего настоящаго благополучія и залогъ будущаго.

Пропагандисты и пропаганда еще не появились среди ярославскаго народа. А если бы и явились, то не нашли бы тамъ ровно никакой почвы для себя. Они встрѣтили бы неотразимый отпоръ въ энтузіазмѣ любви ярославцевъ къ своему Монарху, Престолу и исходящей отъ Него власти съ одной стороны, а съ другой — въ его

дѣловитости, материализмѣ, въ предпочтеніи дѣйствительности идеѣ, въ его равнодушій къ химерному будущему, передъ осязаемымъ настоящимъ.

Обыкновенный пріемъ гг. пропагандистовъ—общаніе прірѣзовъ земли и вообще вся *земельная* сторона пропаганды — ни коимъ образомъ не приѣвнимы къ крестьянамъ-ярославцамъ. Неприѣвнимы потому, что они народъ не земледѣлческій, что главы средства къ жизни почерпаютъ не изъ земли. Аграрный вопросъ, нашедшій столь удобную почву для себя въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, здѣсь не мыслимъ.

Чтобы охарактеризовать полную стойкость понятій ярославскаго крестьянства относительно правительственныхъ мѣропріятій и спокойное настроеніе ихъ умовъ, достаточно сказать, что когда въ 1879 году стали распространяться въ народѣ ложные слухи о прірѣвѣ земли, достаточно было опубликованія среди крестьянъ одного циркулара г. министра внутреннихъ дѣлъ о ложности этихъ слуховъ, чтобы они тотчасъ и безвозвратно исчезли.

Однако и въ этой мирной губерніи, отъ времени до времени, случаются обстоятельства, волнующія общество и возбуждающія во многихъ подозрѣніе чисто политическаго характера.

Такъ, въ одномъ изъ уѣздовъ, стали беспокоить населеніе и особенно помѣщиковъ упорные поджоги. Жгли и въ самомъ городѣ и въ уѣздѣ. Жгли всегда усадьбы, или хозяйскія постройки: гумна, рига, скотные дворы, конюшни и проч. Упорность этихъ поджоговъ, при упорномъ сокрытіи виновныхъ, породила слухи о подстрекателяхъ съ политическимъ оттѣнкомъ, которые будто бы убѣждали крестьянъ, что единственное средство *выжить* помѣщика и заставить его продать крестьянамъ за безцѣновъ землю—жечь его. Но вскорѣ обнаружилось, что поджигатели-крестьяне дѣйствовали только изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, или просто такъ, наобумъ, отъ безшабашности. По мнѣнію жителей, слѣдовало только одного, или двухъ изъ нихъ схватить и выслать за предѣлы губерніи, чтобы навсегда прекратить поджоги. Полагаю, что мѣры эти въ настоящее время и приняты.

Въ томъ же уѣздѣ, въ сѣверныхъ окраинахъ его, заселенныхъ полудикимъ населеніемъ, былъ случай и насильнаго захвата крестьянами чужой земли, въ неразмеженной казенной дачѣ. Опять за-

завоцновалась, опять пошла слухи, но дѣйствительность указала только на непониманіе крестьянами правъ своей собственности.

Необходимо отмѣтить еще одну нравственную черту ярославскаго населенія—привязанность его къ родной землѣ и къ родному дому, живущую въ немъ наряду со страстью къ шатаваньямъ и въ исцѣлительству приключеній. Доказательствомъ тому можетъ служить постоянная забота ярославца о своемъ домѣ. Онъ приспосабливаетъ деньги на поправку его; на красивую отдѣлку, а нерѣдко строитъ и каменные дома, хотя самъ въ нихъ не живетъ. Въ каждомъ ярославцѣ первенствуетъ страсть къ наживѣ, но никогда не заглушаетъ она любви его къ семьѣ и къ родинѣ. Сколько бѣдняковъ ярославцевъ, вышедшихъ изъ родныхъ селъ съ котомками за плечами на поиски счастья, возвращаются туда миллионерами, убѣленные сѣдиной, украшенные орденами поверхъ тучныхъ тѣлъ,—и ни одинъ изъ нихъ еще не отрехся отъ своего убогаго селенія: то школу; то церковь, то пріютъ строить онъ тамъ въ воспоминаніе былыхъ годовъ дѣтства, помогать односельчанамъ, дарить ихъ и проч. Побѣждайте любими селеніемъ и вы непременно увидите, среди убогихъ хатъ, хорошенкій деревянный домикъ, съ рѣзбой, съ садикомъ, затѣливо раскрашенный, обвитый дикимъ растеніемъ лѣтомъ, и тщательно обложенный соломой на зиму. Гдѣ есть одинъ-два такихъ привѣтливыхъ домика,—то селеніе бѣдно. А въ большинствѣ—цѣлыя улицы сплошь уставлены такого рода домами. Въ нихъ рѣдко живутъ зимой. Это тѣ «дачи», куда ярославецъ-половой, трактирщикъ или торговецъ, ѣздитъ провести лѣтомъ мѣсяць-другой въ «выѣздахъ» и «пріемахъ». Они придадутъ селеніямъ особенно нарядный и оригинальный видъ, но радомъ съ ними убогая, черная, повсювшаяся хата бѣднаго-земледѣльца, *мѣстнаго* жителя, кажется еще убоже, чернѣй, и этотъ контрастъ весьма портитъ общее хорошее впечатлѣніе.

Переселенія цѣлыми селами въ Ярославской губ. не существуютъ. Хотя случаи перехода изъ крестьянскаго сословія въ мѣщанское и не рѣдки, но всегда почти выкупающій свой душевой надѣлъ оставляетъ на немъ свою семью, самъ отправляясь куда глаза глядятъ.

Считаю не лишнимъ, связать тутъ вѣсти нѣсколько словъ и о мѣщанскомъ сословіи, живущемъ среди крестьянъ. Въ средѣ сельскаго населенія Ярославской губерніи есть много крестьянъ, восла-

щихъ названіе—мѣщанъ. Они живутъ или цѣлыми деревнями, или разбросаны между крестьянскимъ населеніемъ; бываютъ деревни, состоящія на половину изъ крестьянъ, на половину изъ мѣщанъ. Своими выѣзными видами, образомъ жизни и занятій они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, выполняя одинаково съ ними всѣ повинности и государственныя, и земскія. Но они не принадлежатъ къ обществу, среди которыхъ живутъ, и не подчиняются органамъ крестьянскаго самоуправленія, какъ-то: волостному старшинѣ, сельскому старостѣ и выше непремѣнному члену и уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Они не пользуются всѣми выгодами этого самоуправленія и, одновременно съ тѣмъ, всѣми благами, даруемыми населенію уѣздовъ посредствомъ земства, такъ: они не получаютъ ссудъ на покупку земли, на обѣзменіе полей. Земства праваны охранять, а не стѣснять, уже по самому смыслу своего существованія и по тѣмъ идеаламъ, которые оно преслѣдуетъ. Да и что этия достигнута?

Развѣ можно заставить заниматься своимъ надѣломъ, когда онъ плохъ, когда хозяинъ пьяница, или лѣнтяй?. Развѣ запретивъ ему продажу, можно рассчитывать, что онъ не уйдетъ, не заброситъ землю?..

Думаю, что нѣтъ, и основываясь на данныхъ, уже высказанныхъ мною по вопросу о земельномъ хозяйствѣ и характерѣ населенія Ярославской губерніи. Скажу даже болѣе. Мнѣ кажется, что настоящій порядокъ даже болѣе освобождаетъ край отъ пролетаріата, чѣмъ тотъ, который практикуетъ губернская управа. И вотъ почему: свобода продажи выкупленныхъ надѣловъ даетъ возможность желающимъ выходить изъ общества и тѣмъ избавляетъ эти послѣднія часто отъ пьяницъ и туесядцевъ. Тогда какъ прикрѣпленіе ихъ къ надѣлу, а слѣдовательно и къ обществу, обременяетъ послѣднее вѣчной обузой.

Но можетъ быть управа подразумеваетъ только крестьянъ собственниковъ, владѣющихъ землей не на общинномъ основаніи?—тогда мой послѣдній доводъ, понятно, мѣста не имѣетъ.

Какъ-бы тамъ ни было, а сельскій пролетарій, по моему, можетъ исчезнуть только съ видоизмѣненіемъ основныхъ началъ крестьянскаго самоуправленія, а не посредствомъ экономическихъ, стѣснительныхъ и всякихъ другихъ мѣръ.

Еще одно зло, свѣдающее крестьянъ, — это произвольное обложение самихъ себя мирскими сборами. Въ Ярославской губ. слышны и рядомъ встрѣчаются села, гдѣ крестьяне этихъ сборовъ платятъ гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ налоговъ вмѣстѣ — государственныхъ и земскихъ. Мирскіе сборы идутъ на жалованье служащимъ въ сельскихъ общественныхъ должностяхъ: волостному старшинѣ, старостѣ и волостному писарю. Старшины повсемѣстно получаютъ жалованья вдвое, втрое и болѣе противъ того, что они сами, оставаясь простыми крестьянами, могли-бы заработать.

Есть волости, гдѣ старшины получаютъ жалованья до 1000 руб. въ годъ, а жалованье въ 500 рублей — вещь весьма обыкновенная.

Отсюда ясно, что быть волостнымъ старшиной весьма выгодно, и разъ попавши на эту должность старается удержать ее за собой посредствомъ всевозможныхъ происловъ и интригъ, между которыми всегда первенствуютъ: угощеніе избирателей виномъ и суды ихъ деньгами; передъ выборами же практикуется широкое потворствованіе интересамъ сильнѣйшихъ членовъ волости, т. е. кулаковъ, на счетъ всѣхъ другихъ.

Такии образы, искусившіся въ провесахъ и побратавшіся съ кулаками, старшина самъ дѣлается кулакомъ и баринкомъ, бросаетъ земледѣльство и заводитъ торговлю; а торговать ему весьма прибыльно, потому что лавочка волостного старшины всегда привлекаетъ къ себѣ больше покупателей, чѣмъ всѣ другія.

— Оятъ — старшина, власть, нельзя... разсуждаетъ мужичекъ, почесываясь, когда его спрашиваешь, почему именно тотъ покупаетъ муку у старшины въ лавкѣ, когда у Спиридонова, по сосѣдству, мука и дешевле и лучше.

При настоящемъ порядкѣ вещей, т. е. при настоящемъ порядкѣ выборовъ и существованіи волостныхъ старшинъ, безъ старшинъ-кулаковъ обойтись невозможно; а старшина-кулакъ, худшій изъ всѣхъ кулаковъ, самое тяжкое изъ всѣхъ бѣдствій населенія.

Поэтому представляется крайней необходимостью ограничить закономъ извѣстный максимумъ цифры сборовъ съ крестьянъ на мирскія потребности и, параллельно съ тѣмъ, такимъ-же максимумомъ ограничить цифру содержанія волостныхъ старшинъ, чтобы эта должность не представлялась одной лишь матеріальной выгодой, а была почетной службой, соединяющей съ собой только обезпеченіе

насуущихъ нуждъ крестьянина, оторванного его отъ занятія по собственному хозяйству.

Таковы существенныя черты и недостатки крестьянскаго самоуправления въ Ярославской губерніи. Самоуправленіе это по всей матушкѣ-Руси одинаково, а свѣдательно и недостатки его въ большинствѣ случаевъ тоже одинаковы. Описываемая мною губернія принадлежитъ, однако, къ тѣмъ, въ которыхъ они проявляются съ болѣе рѣзкостью, и болѣе заставляють о себѣ думать и говорить.

Ужъ очень страдаютъ отъ нихъ интересы и самая жизнь частныхъ лицъ. И хотя эти частныя лица преимущественно мужички, но вѣдь и они люди и у нихъ терпѣніе имѣть свой предѣлъ...

Большая рѣзкость, безапабашность, необузданность въ проявленіяхъ «самоуправства» на крестьянскихъ сходахъ въ Ярославской губерніи зависятъ прямо отъ характеристики населенія; всѣ его черты отразились и на его «самоуправленіи»; весьма смншлечо по природѣ, оно развилось, на пагубу себѣ, развитіемъ столичныхъ трактировъ, вабаковъ и фабрикъ. Это развитіе выдвинуло на первый планъ для него — рубль и имъ задавило всѣ традиции старины и голосъ совѣсти...

Миропныхъ посредниковъ, державшихъ палецъ надъ этими стадомъ равношерстныхъ вѣрковъ, смѣнило вѣжливое уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и не менѣе вѣжливые — непрѣмный членъ и мировой судья. Они вѣжливы до того... что ихъ какъ-то и не примѣчаешь. По крайней мѣрѣ, въ Ярославской губерніи я знаю только меньшинство уѣздовъ, гдѣ видѣлъ непрѣмныхъ членовъ, живущихъ на мѣстѣ и вѣрѣдѣа выѣзжающихъ въ уѣздъ, а также и крестьянскія присутствія, собирающіяся довольно аккуратно. Въ большинствѣ же — непрѣмные члены подолгу не живутъ у себя въ уѣздахъ, а если живутъ, то потому, что за дряхлостью нигуда выѣзжать не способны. Крестьянскія присутствія собираются разъ въ мѣсяцъ и рѣшаютъ сотни запутанныхъ дѣлъ съ быстротой, достойной лучшаго прикѣвенія. О предварительномъ разслѣдованіи дѣлъ и тяжбъ, о командированіи для справокъ на мѣстѣ непрѣмныхъ членовъ — я помню нѣтъ. Эти господа, получающіе по 2,000 руб. въ годъ, служатъ нерѣдко, можно сказать, только для чести урарать собой уѣзды. Теперь, когда уже опончены выкупныя

операци, — они оказываются положительно стипендиатами дворянства. Развѣжать по ужаснымъ проселкамъ, по порученію убѣдичныхъ присутствій — они для этого не годятся — ils vont plus haut que ça. Для этого существуютъ чины полиціи, у которыхъ и кожа толста, и нервы крѣпки. А затѣмъ... затѣмъ они ровно ничего не дѣлаютъ, въ чемъ они и сами простодушно сознаются.

Неудобность непрѣмныхъ членовъ въ принципѣ давно была уже сознана ярославскимъ земствомъ, когда только эти господа носили названіе *мировыхъ посредниковъ* и были назначаемы отъ правительства. Если же потомъ оно само ихъ просило и теперь еще слабо отстаиваетъ ихъ пользу, то ясно, что просили тѣ, кому нужны были земскіе 2,000 руб. содержанія, а отстаиваютъ тѣ, кому стыдно соваться въ своей грубой ошибкѣ. Если бы вдругъ случилось, что правительство *рѣшилось бы* само выбирать и назначать на эту должность, а безусловно увѣренъ, земство въ одинъ голосъ провѣрило бы: «Не надо, не надо! Совѣмъ они намъ не нужны и бесполезны!..» А между тѣмъ, только тогда они и могли бы быть полемичными (а нужны они и теперь), дѣйствуя подъ строгимъ контролемъ губернскаго начальства и подъ страхомъ потерять мѣсто. Тогда они не жили бы въ *чужихъ* имъ убѣдахъ, не отказывались бы, подъ предлогомъ преклонныхъ лѣтъ, отъ поѣздокъ въ убѣдъ, тогда бы, вѣроятно, и не назначались на такія мѣста лица 70—80 лѣтъ, только для *выслуши* пенсіона... Тогда бы также гг. непрѣмные члены не завсѣли отъ своихъ избирателей и не должны бы были передъ ними заискивать; тогда бы не пришлось имъ играть въ руку волостныхъ старшинъ, своихъ ближайшихъ подчиненныхъ, и, вообще, крестьянъ, насчетъ дворянъ и особенно полиціи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣ практикуется особенно широко. Тогда бы они и не играли того вреднаго вліянія на выборахъ, какъ крестьянскихъ, такъ и земскихъ, вліянія, которое нынѣ имъ дается силой власти, силой уступокъ и соглашеній съ избирателями. Тогда бы... ахъ, это вѣчное тогда бы! Тогда бы они не даромъ стоили губерніи 20,000 руб. ежегодно...

Непрѣмный членъ и волостной старшина — вотъ два лица, могущія, по своему вліянію на населеніе, приносить большую пользу на выборахъ, или большой вредъ. Въ большинствѣ случаевъ, силой естественнаго порядка вещей, они приносятъ вредъ, и потому не

лишь бы подуматъ объ устраненіи этихъ двухъ лицъ отъ участія въ земскихъ собраніяхъ. Тамъ они имѣютъ громадное значеніе, руководимые предводителемъ дворянства или другимъ вліятельнымъ гласнымъ, и потому могутъ *звучать* все по своему.

Иногда приходится слышать, что непрѣмный членъ *принудилъ* волостнаго старшину подать мнѣніе за то-то, или того-то, а волостной старшина — простого крестьянина. Не сомнѣваюсь, что въ этихъ случаяхъ мало правды, ну ужъ для того, чтобы не подавать къ нимъ повода, слѣдовало бы провести вышеозначенную мѣру.

Крестьянское населеніе Ярославской губерніи, вполнѣ сознавая необходимость распространенія образованія между молодымъ поколѣніемъ, охотно даетъ большія средства на постройку первоначальныхъ школъ и на обзаведеніе ихъ учебными пособиями. Потому всѣ земскія школы въ губерніи построены на иждивеніе сельскихъ обществъ, или на счетъ избранныхъ отъ нихъ почителей. Земства же выдаютъ только содержаніе учащему персоналу, отъ 15—20 руб. въ мѣсяцъ.

Дѣти поступаютъ въ школы отъ 9—12-лѣтняго возраста и кончаютъ ихъ черезъ два-три года, въ строго-религіозномъ направленіи. Большинство учителей въ этихъ школахъ принадлежитъ къ окончившимъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и весьма незначительное число изъ окончившихъ учительскія семинаріи. Первые поступаютъ въ эту должность съ единственною цѣлью — избѣжанія воинской повинности и болѣе потерять мѣсто, а слѣдовательно и попасть въ наборъ, относяся къ своимъ обязанностямъ вполнѣ добросовѣстно.

Весьма значительный контингентъ обучающихся въ народныхъ школахъ Ярославской губерніи принадлежитъ женскому персоналу; учительницы выбираются изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ женскихъ училищахъ или въ гимназіяхъ; желающихъ поступить въ учительницы всегда очень много, такъ что выборъ дирекціи представляется весьма широкій и существуетъ полная возможность избирать лицъ только съ исключительно хорошими аттестатами, удостоенныхъ наградами.

Женскій персоналъ въ начальныхъ школахъ Ярославской губерніи приноситъ серьезную пользу дѣду народнаго образованія и справедливо можетъ считаться болѣе желательнымъ, нежели муж-

свой. Женщины-учительницы занимаются дѣломъ для самаго дѣла, всю душу вкладываютъ въ это занятіе, мужчины — въ большинствѣ случаевъ только *притеняютъ* себя къ народной школѣ, какъ къ спасенію отъ ненавистной имъ «солдатчины»; съ этой спокойной позиціи имъ удобно выжидать «лучшихъ временъ и лучшихъ обстоятельствъ».

Не смотря на широкое развитіе дѣла образованія въ Ярославской губерніи, не смотря на большое количество всвозможныхъ народныхъ школъ: земскихъ, частныхъ, казенныхъ и церковно-приходскихъ, спросъ на учителей и учительницъ далеко не соответствуетъ предложенію его; въ настоящемъ году выжили въ предложеніи выразился въ 500 кандидатахъ на учительскія мѣста, записанныхъ въ дирекціи народныхъ училищъ, и цифра эта годъ отъ году возрастаетъ, что, страннымъ образомъ, свидѣтельствуеъ о выгодности этого занятія, или, по крайней мѣрѣ, о предпочтеніи его передъ массой другихъ. Я говорю «страннымъ образомъ» потому, что по общему отзывамъ представлялъ себѣ до сихъ поръ положеніе учителя особенно бѣдственнымъ, почти крайнимъ.

Правительственный надзоръ за училищами ввѣренъ 4-мъ лицамъ: директору и 3-мъ инспекторамъ.

При самомъ добросовѣстномъ даже отношеніи къ своимъ обязанностямъ, все свободное время, переѣзжая отъ уѣзду къ уѣзду, отъ школы къ школѣ, для наблюденія за направленіемъ обученія въ нихъ, четыре сказанныхъ лица далеко не могутъ исполнить своего назначенія, если же замѣтить, что одно изъ нихъ, г. директоръ, обремененный годовыми отчетами и всякими канцелярскими занятіями, можетъ выѣзжать рѣдко, то остается три инспектора; а *десять* уѣздовъ, обнимающіе собой 31,294 кв. верстъ, на которыхъ разсѣяно 427 всякаго рода училищъ, подлежащихъ надзору дирекціи, весьма трудно объѣздить имъ даже по разу въ годъ. Значитъ, наблюденіе правительства сводится къ пустой формальности, къ годичнымъ визитамъ гг. инспекторовъ школы, стоящимъ, однако, казны около 10 тыс. ежегодно на губернію.

Близайшій и болѣе тщательный надзоръ за дѣятельностью учебнаго персонала въ сельскихъ школахъ возможенъ только со стороны уѣздной полиціи, или уѣздныхъ управъ, члены которыхъ ходятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ крестьянскимъ насе-

леніемъ, живущимъ въ мѣстахъ расположенія школъ. Надзоръ этотъ возможенъ, но, увы! его все-таки не существуетъ, ибо какъ полиція, такъ и земство справедливо считаютъ себя заваденными дѣлами, прямо до нихъ касающимися, чтобы заниматься дѣломъ чужимъ. Поэтому, если кой-когда, кой-что и замѣтится *предосудительно* въ поведеніи учителя или учительницы, оно оставляется про себя. А то пойдетъ «смѣшеніе языцевъ»... Серьезныхъ случаевъ быль, впрочемъ, только одинъ въ губерніи, и властями тотчасъ были приняты самыя энергическія мѣры.

Въ Ярославской губерніи всѣхъ сельскихъ и городскихъ училищъ: начальныхъ, двухклассныхъ и трехклассныхъ вмѣстѣ 425 съ количествомъ учащихся въ 300,344 человека. Прибавивъ къ этому количеству цифру учащихся въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, Демидовскомъ лицей и въ проч. учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ въ Ярославской губерніи считается еще 27, получится общая цифра учащихся въ губерніи — 35,351 челов., что составляетъ при населеніи въ 1.087,037 челов. (свѣд. статист. комитета за 1853 годъ) около 3,75% всего населенія.

Въ эту цифру не входятъ еще крестьянскія дѣти, обучающіяся въ частныхъ сельскихъ школахъ, подъ руководствомъ отставныхъ солдатъ, дьячковъ и вообще лицъ, знающихъ грамоту, а также и въ церковно-приходскихъ школахъ. Домашнія школы, гдѣ за ничтожную плату грамотный крестьянинъ, или кто другой, собираетъ у себя на дому 5—6 среднихъ числомъ дѣтей и обучаетъ ихъ чтенію и письму, весьма распространены въ Ярославской губерніи. Причины тому — прежде всего любовь къ образованію среди населенія, затѣмъ — неудобство посыланія дѣтей въ земскія школы, часто далеко отстоящія отъ селенія, а иногда и недовѣріе, нелюбовь къ этимъ школамъ, къ несчастію, довольно распространенная между крестьянами. Вслѣдствіе сего, развитіе такого рода частныхъ сельскихъ школъ въ Ярославской губерніи росло вмѣстѣ съ развитіемъ земскихъ школъ, ярче всего указывая тѣмъ на безуспѣшность образовательной миссіи земства. Это являло себѣ близко стоящія къ крестьянскому населенію, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ развитіи, равно какъ и надзора за обученіемъ въ этихъ школахъ, не было. Только съ прошлаго года, когда случайно обнаружилось нѣсколько прихворь распространенія раскола посредствомъ этихъ школъ, право-

славное братство Ярославской губернии, по почину г. ярославскаго губернатора, самаго дѣятельнаго его сотрудника, приняло ихъ всёю собою завѣдываніе, наравнѣ съ церковно-приходскими. Духовное начальство вибрило въ обязанность благочиннымъ сообщать въ братство о всѣхъ лицахъ, занимающихся въ ихъ приходахъ частнымъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, приобщая въ этихъ свѣдѣніяхъ враткую характеристику такихъ лицъ относительно ихъ благонадежности и числа обучаемыхъ у каждаго дѣтей.

На основаніи этихъ свѣдѣній, впрочемъ далеко еще не полныхъ, я имѣю возможность сообщить, что домашнихъ школокъ грамотности въ губерніи насчитываютъ уже 217, хотя вовсе не получены еще свѣдѣнія изъ 17 благочиній. Считаю теперь среднимъ числомъ по 5 обучающихся въ такой школкѣ, получимъ цифру 1085 чел., которая, къ концу этого года, за полученіемъ новыхъ свѣдѣній, вѣроятно значительно возмнется.

Всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ епархіи считается 94. Изъ нихъ самое большое количество приходится на Ростовскій уѣздъ—37. Свѣдѣнія о количествѣ учащихся въ нихъ получены только изъ 86 школъ и по этимъ свѣдѣніямъ ихъ оказывается 1,451 человекъ.

Всѣ означенныя школы содержатся на средства самаго духовенства, частныхъ лицъ, а также братства святителя Дмитрія, безъ всякаго пособия отъ казны, или земства. Вознагражденіе за труды учителя получаютъ отъ 2—10 руб. за вычку; въ нѣкоторыхъ школахъ духовенство обучаетъ безъ всякаго вознагражденія, и лишь только въ двухъ школахъ есть спеціальныя учителя, получающіе до 200 руб. жалованья въ годъ изъ средствъ частныхъ учредителей этихъ школъ.

Всѣхъ заявленій объ открытіи церковно-приходскихъ школъ поступило въ 1884 и 1885 г. г. (по февраль мѣсяць) 30-ть. Насколько успѣшно идутъ занятія въ этихъ школахъ, сказать трудно. Тѣ, которыя мнѣ случалось видѣть, по моему заслуживаютъ всякаго одобренія. Но люди земства, для которыхъ церковно-приходская школа есть просто бѣльмо въ глазу, такъ какъ она посягаетъ на ихъ исконное право—учить народъ, и своимъ успѣхомъ значительно подрываетъ въ народѣ ихъ авторитетъ,—отъ этихъ зачастую приходилось мнѣ слышать отзывы самыя презрительныя о такихъ шко-

лахъ. Когда имъ говоришь: а какъ бы тамъ ни было, а церковно-приходскія школы видимо равножаются, значить въ нихъ есть потребность, они съ усмѣшкой отвѣчаютъ—«вырѣте вы такъ этому разномыслию! Большинство школъ существуетъ фактивно. Слышавшигъ заявляетъ о желаніи своемъ открыть школу, потому что надѣется этимъ обратить на себя вниманіе начальства, награду получить. А школы въ сущности никакой нѣтъ»...

Сколько въ этихъ отзывахъ правды,—не беру на себя отвѣтственности судить, потому что провѣрить ихъ, объѣхавъ всѣ церковно-приходскія школы губерніи, неможно трудно.

Но какъ бы тамъ ни было, допуская даже, что половина церковно-приходскихъ школъ существуетъ и фактивно, нельзя отрицать сильнаго тяготѣнія народа именно къ нимъ, предпочтительно передъ всякими другими. Нельзя отрицать вообще стремленія крестьянъ Ярославской губерніи только къ *начальному* образованію самому простому, дешевому и удобному. А церковно-приходская школа именно представляетъ собой эти удобства.

Общая цифра крестьянскихъ дѣтей, по губерніи, обучающихся во всѣхъ сельскихъ училищахъ: земскихъ, министерства народнаго просвѣщенія, церковно-приходскихъ и домашнихъ достигаетъ въ настоящее время до 29,000 человекъ, что составляетъ почти 3,4 % всего крестьянскаго населенія губерніи. Если же взять, нѣсколько предшествовавшихъ годовъ, мы увидимъ, что процентъ учащихся крестьянъ все увеличивается. Такъ, въ 1882 году ихъ было около 25,000 человекъ, черезъ два же года послѣдовало увеличеніе на 4,000 человекъ. Такое исключительное положеніе Ярославской губерніи относительно народнаго образованія слѣдуетъ отнести цѣлымъ комъ къ экономическимъ и бытовымъ условіямъ жизни крестьянскаго населенія этой губерніи, выработавшимъ въ нихъ сознаніе пользы науки, а слѣдовательно и любовь къ ней.

Ярославецъ, уходя изъ роднаго села на промыселъ съ гривенникомъ въ карманѣ, возвращается туда съ тысячами, а верѣдко и миллионами. И хотя въ этомъ случаѣ болѣе всего помогаетъ ему природная смысленость, ловкость, но безъ грамоты, по мнѣнію ярославца, «не суешься нигуда».

Разбогатѣвшій мужикъ Ярославской губерніи, гдѣ бы онъ ни былъ, не забываетъ своей родины. Испытавъ на себѣ пользу науки.

онъ прежде всего пропагандируетъ ее у себя въ деревнѣ, и жертвуетъ значительныя суммы на постройку и содержание школы. Такимъ образомъ, въ разныхъ уѣздахъ Ярославской губерніи, выросли красивые зданія, нѣрѣдко каменные, съ надписями: «народное училище, такого-то, такого то», а въ дирекція народныхъ училищъ создавался частный капиталъ въ 150,000 руб., обезпечивающій содержание этихъ училищъ. Капиталъ этотъ почти ежегодно возрастаетъ новыми пожертвованіями, а большія села украшаются новыми зданіями новыхъ частныхъ народныхъ училищъ.

Самыя большія изъ нихъ: въ Рыбинскомъ уѣздѣ — спб. купца *Воденкова* и другое — статскаго совѣтника (бывшаго купца) *Комарова*; въ Давыдовскомъ уѣздѣ — спб. купца *Володина* и второе — купца *Цыткова*; въ Романово-Борисоглебскомъ уѣздѣ вновь открыто самое большое церковно-приходское училище купца... фамилію котораго къ несчастью позабылъ.

Во всѣхъ этихъ училищахъ учение ведется образцово, помѣщеніе иногда даже роскошное, съ устройствомъ пріюта для приходящихъ изъ далека, столовой и кухни.

Упомянувъ объ этой выдающейся чертѣ ярославцевъ, нельзя обойти молчаніемъ и другую, менѣе утѣшительную. Ярославцевъ любить науку только въ предѣлахъ, на сколько она способствуетъ его матеріальнымъ расчетамъ. Онъ охотно отдаетъ сына въ школу, но нисколько не заботится объ успѣшномъ окончаніи имъ курса.

Г. директоръ и гг. инспектора народныхъ училищъ сообщали мнѣ, что имъ нѣрѣдко случалось пріѣзжать на экзамены въ сельскія школы и вставать тамъ только 5—6 экзаменующихся, вмѣсто 15—20, являющихся по списку. Всѣхъ остальныхъ родители передъ самыми экзаменомъ отправляютъ на работы въ Петербургъ, или Москву, заранѣе условившись въ томъ съ хозяевами разныхъ артелей и заведеній. Такимъ образомъ, окончившихъ курсъ во всѣхъ сельскихъ училищахъ Ярославской губерніи за 1883 г. было — 2,825 чел., за 1884 г. — 3,001 человекъ, что составляетъ приблизительно только отъ 10—12 проц. всѣхъ обучающихся. Считая же по трехгодичному курсу сельскихъ училищъ, что весь наличный контингентъ обучающихся въ этихъ школахъ долженъ переимѣняться черезъ каждые три года, мы видимъ, что въ этотъ промежутокъ времени, т. е. въ три года, ковчатъ курсъ 33—36 проц. изъ всего

контингента, остальные же 64—67 проц. ранѣе, или позже изъ школы уходятъ и экзамена не держатъ.

Этотъ простой расчетъ, наглядно показываетъ насколько далеко стремленія крестьянъ въ образованіи. Имъ нужно только основательное знаніе грамоты, а всѣмъ дальнѣйшимъ образованіемъ и даже связанными съ тѣмъ весьма немаловажными преимуществами (льготы при отбываніи воинской повинности) они пренебрегаютъ для своихъ денежныхъ расчетовъ. Въ этомъ также и разгадка большому распространенію въ народѣ самыхъ первобытныхъ способовъ обученія, посредствомъ хромоногихъ солдатъ, дьячковъ, бабъ и проч. Это совпадаютъ уже почти всѣ здравомыслящіе люди въ губерніи, за исключеніемъ самыхъ рьяныхъ гг. земцевъ.

Всѣ десять уѣздныхъ земствъ Ярославской губерніи затрачиваютъ на народное образованіе около 100 т. руб. въ годъ. Уѣзды: Ярославскій, Ростовскій и Рыбинскій, расходуютъ на школы по 20 тис. руб., иногда и больше. На долю же остальныхъ 7 уѣздовъ приходится, значить, около 40 тис. руб. ежегодно.

Между тѣмъ эти послѣдніе 7 уѣздовъ гораздо менѣе культивируются въ смыслѣ нравственнаго уровня народной массы, благодаря своему географическому положенію — окранный губерніи; значить, они нуждаются въ образованіи *болѣе* другихъ. Населеніе ихъ платитъ въ земскую кассу, сравнительно гораздо больше трехъ первыхъ уѣздовъ, значить, оно имѣетъ и больше правъ на земскія школы. Но никто этого въ расчетъ не принимаетъ, ибо ярославскому уѣздному земству нѣтъ никакого дѣла что творится въ собѣднемъ, угличскомъ, а рыбинскому — что творится въ пошехонскомъ. Если говорить, что земство есть «государство въ государствѣ», то можно смѣло сказать, что въ каждомъ такомъ «губернскомъ государствѣ» существуютъ, живутъ и самостоятельно развиваются десятки «уѣздныхъ государствъ».

Благодаря разнообразности условий жизни и способовъ развитія этихъ различныхъ членовъ одного организма, правяннаго жить и дѣйствовать на пользу *обще-народныхъ* интересовъ, вѣчала изъ этого организма, самое главное — душа, которая бы руководила всѣми отдѣльными членами. Отсюда и получались многія несообразности въ проявленіяхъ жизни этого организма, между которыми видное мѣсто занимаетъ отсутствіе всякихъ справедливыхъ осно-

вані въ распространеніи по губерніи земскихъ школъ. Гдѣ ихъ надо—пѣтъ, гдѣ довольно—вырастаютъ все новыя.

Но опять-таки никто изъ гг. земцевъ въ этомъ не сознается, также какъ и не признаетъ неудовлетворительности (относительной) результатовъ обученія въ ихъ школахъ, не признаетъ, можетъ быть, и цифръ, приведенныхъ мною. Но тогда ужъ рекомендую обратиться къ статистикѣ, только не земской, потому что ея совсѣмъ не существуетъ въ Ярославской губерніи.

II.

ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Никола-Бабаевскій монастырь. Посадъ Большая Сели.

Никола-Бабаевскій монастырь, костромской епархіи, основанъ на мѣстѣ явленія чудотворной иконы св. Николая, при устьи рѣки Сохоницы, впадающей въ Волгу, на самой границѣ Костромской губерніи съ Ярославской, въ разстояніи почти равномъ отъ обояхъ губерскихъ городовъ и не превышающемъ 35-ти верстъ. Монастырь съ Волги имѣетъ очень красивый видъ, а главный куполъ собора своими размѣрами и оригинальностью формы придаетъ картинѣ отгѣнокъ грандіозности.

Время основанія монастыря относятъ къ глубокой древности: о томъ свидѣлствуютъ нѣкоторые, еще сохранившіеся документы. По средствамъ, Бабаевскій монастырь слѣдуетъ отнести къ разряду бѣдныхъ. Неприкосновенный капиталъ монастыря, процентами коего пользуется монашеская братія, весьма и весьма ограниченъ. Также ограничено и хозяйство монастыря. Нѣсколько сотъ десятинъ земель, изъ которой удобной не наберется и сотни, тощій лѣсокъ и тощіе луга даютъ доходъ весьма скудный, едва хватящій только на поддержаніе монастырскихъ еданій и на содержаніе братіи. Ни эта братія, ни даже настоятель монастыря не получаютъ никакихъ денежныхъ доходовъ, живутъ, одѣваются и питаются весьма просто, чтобы не сказать бѣдно. Принимая во вниманіе, что монастырь кормить еще безплатно, по встаря введенному обычаю общежитія, приходящихъ бѣдныхъ бочомольцевъ, понятнымъ становится его затруднительное, иногда даже критическое положеніе; въ

этомъ послѣднемъ положеніи онъ находился до 1862 года. Такимъ засталъ его почившій святитель Игнатій (Вранчаниновъ), бывшій епископъ кавказскій и черноморскій, избравшій себѣ мѣстомъ покоя, заданна известныи ему, Николо-Бабаевскій монастырь.

Личность епископа Игнатія въ памяти всѣхъ знавшихъ его окружена ореоломъ святости, безпредѣльной доброты и подвиговъ вѣры. Монастырь обязанъ только ему своимъ спасеніемъ отъ окончателнаго распаденія.

Вмѣстѣ съ нимъ, прибыль и духовный ученикъ его, нынѣ настоятель монастыря, игуменъ Іустинъ. Прибывъ въ 1861 году, они нашли обитель въ такомъ видѣ: а) наданныхъ денегъ 67 рублей, б) долгу 2,000 руб., в) полное отсутствіе хлѣба, дровъ, сѣна и проч., г) ветхія азіація, д) грозящій разрушеніемъ корпусъ братскихъ и настоятельскихъ келій и наконецъ е) соборный храмъ тѣсный и равваливающийся, въ которомъ, за опасностью, прекращено уже было богослуженіе.

Нужна была крѣпкая вѣра, желѣзная воля, чтобы, при полномъ отсутствіи средствъ, приняться за переустройство и созданіе новаго. Первую жертву, положенную на алтарь любви къ Богу, сдѣлалъ самъ епископъ Игнатій. Не имѣя гроша въ карманѣ, онъ рѣшился разстаться съ драгоценнымъ даромъ—съ панагіей, полученной имъ отъ Императрицы. Черезъ посредство брата своего, ставропольскаго губернатора Петра Александровича Вранчанинова, находившагося тогда въ Петербургѣ, онъ передалъ панагію въ Кабинетъ и получилъ взаменъ 3,500 руб. Но предметы первой необходимости скоро поглотили эти деньги, и въ монастырской кассѣ опять ни гроша—нечѣмъ содержать братію, не на что строить новый соборъ. Постройка новаго собора не давала покоя Игнатію. Строить его во чтобы то ни стало—вошло въ плоть и кровь епископа.

Первый толчекъ дѣлу далъ нынѣ ярославскій мѣщанинъ Федотовъ, занимавшійся подрядами въ С-Петербургѣ. Онъ предложилъ епископу проанвестивъ всю кирпичную кладку церкви подъ своимъ наблюденіемъ и своими рабочими, только изъ монастырскаго матеріала и на монастырскихъ хлѣбахъ. На первое обаведеніе онъ пожертвовалъ 1,000 руб. Такимъ образомъ начата постройка вышнанаго великолѣпнаго храма въ честь Иверской Божіей Матери, кото-

рымъ посѣтителю монастыря и даже проезжающіе по Волгѣ не могутъ налюбоваться.

Храмъ началъ строиться по плану известнаго профессора архитектуры въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, И. И. Горностаева, и цодъ его личнымъ наблюденіемъ. Смѣта составлена была въ 200,000 руб.

Легко составить планъ и смѣту, легко написать цифру, но гдѣ взять эти громадыи деньги?—вотъ что предстояло еще просвѣщенному Игнатію. Не буду описывать всѣхъ затрудненій, всѣхъ подводныхъ камней, всѣхъ терній, которые выпали на долю неутомимаго Игнатія. Не буду описывать и тѣхъ отрадныхъ явленій людскаго участія, доброты, неоднократнаго и чудеснаго проявленія Божьяго промисла, что вели усердныхъ строителей храма на ихъ трудномъ пути и, послѣ долгихъ годовъ, привели наконецъ къ блестящему окончанію предпріяятаго. Ихъ слѣшкомъ много было—и горькихъ неудачъ, разочарованій и этихъ яркихъ лучей земной и небесной благодати.

Храмъ строился около 12 лѣтъ и, наконецъ, 8 сентября 1877 г., послѣдовало торжественное освященіе его, согласно предсмертному завѣщанію епископа ярославскаго Леониды и настоятельной волѣ покойнаго епископа востромскаго Платона. Чтобы судить о затрудненіяхъ, предшествовавшихъ этому торжеству, не лишнимъ считаю привести здѣсь письмо архимандрита монастыря, отца Іустина, къ преосвященному Платону, написанное сейчасъ послѣ возвращенія перваго изъ Костромы. «Духъ Божій, пишетъ отецъ Іустинъ, изрекъ устами вашего высокопреосвященства повелѣніе окончить церковь къ осени сего 1877 года. Повелѣніе это принято мною именно какъ Божіе, съ вѣрою. Сегодня объявляю я братіи о нашемъ желаніи освятить храмъ 8 сентября, и братія охотно согласилась потерпѣть нѣкоторыя лишенія въ содержаніи, чтобы скончить нѣчто для церкви. Послѣ вечера, сегодня же, отслужили мы соборный молебенъ Царницѣ Небесной и святителю Николаю о благопослѣшенія въ предпріятомъ дѣлѣ. Съ вѣрою приступаемъ, при 40 руб. наличныхъ денегъ, изъ коихъ въ задатокъ на покупку кирпича выдано уже 30 руб. Нечего и говорить, что своимъ средствами мы не можемъ окончить предпріяятаго, такъ какъ для того, чтобы приготовить церковь къ освященію, по самымъ скромнымъ расчетамъ, необхо-

димо еще 10 тыс. руб. Подверните, владыко святей, вашии святительскими молитвами, наше послушаніе и усердіе...

Съ 10 руб. малолѣтнихъ отправился игумень, въ сопровожденіи лучшаго друга своего и помощника въ Москву, а тамъ Промыслъ Божій указалъ имъ и жертвователей, благодаря которымъ освященіе храма къ назначенному дню могло состояться.

Не привелъ, однако, Господь видѣть это торжество главному пивовнику его. Не даль Господь пресвященному Игнатію узрѣть во всеи великолѣпіи дѣло рукъ его. Почти неожиданно для всѣхъ онъ скончался во время самаго разгара постройки, въ самыя тяжкія для монастыря минуты, когда начатое дѣло готово было остановиться и замереть на неизлѣимомъ средствѣ. Ударъ этотъ для всѣхъ знавшихъ и любившихъ святаго, для дѣлага монастыря, былъ горше всѣхъ неудачъ. Одинъ Богъ только спасъ его отъ отчаянія, унинія, отъ намѣренія все бросить...

Чѣмъ ближе вы подходите къ храму Бабаевского монастыря, тѣмъ болѣе поражаетесь его размѣрамъ, архитектурой и величіемъ. Вы задаете себѣ вопросъ: гдѣмъ занесенъ сюда, въ эту глушь, на эти сѣрые и малолюдные берега такой памятникъ искусства — нашего роднаго, древле-русскаго, православнаго и родственнаго востоку искусства? Вы поражаетесь прежде всего выдержанностью стиля, соразмѣрностью въ частяхъ и въ цѣломъ.

По внѣшнему виду своему, храмъ очень подходит къ храму Воскресенія въ Иерусалимѣ, а подвальная часть, гдѣ теперь строится еще теплая церковь, напоминаетъ погребальную пещеру Богоматери въ Гессиманіи и другіе подобныя храмы православнаго Востока. Архитектура зданія чисто русская, съ отбѣнками византійскаго стиля; ничего не взято ни изъ готы, ни изъ итальянской церковной архитектуры, куда вкралось многое изъ архитектуры азычскихъ храмовъ.

Въ художественномъ отношеніи, соборный храмъ Бабаевского монастыря можно назвать успѣхомъ въ отечественной церковной архитектурѣ; по идеѣ и духу, онъ — возвращеніе къ самому древнему православному церковному характеру; въ техническомъ отношеніи — онъ современность, и современность новѣйшая. Все величественно и все изящно. Такой формы храма мы не приходимъ еще видѣть, да и врядъ-ли и есть гдѣ-нибудь еще у насъ.

Общій видъ храма походитъ на широко-раскинутую палатку. Въ полномъ смыслѣ — это скннй. Такимъ образомъ, зданіе оживлено мыслью, что воинствующая Церковь странствуетъ на землѣ.

Глава, увѣнчивающая куполъ, значительнаго объема, изображаетъ собой и архіерейскую митру и царскую корону. Въ этомъ опять идея принадлежности этихъ обихъ коронъ Главѣ нашей Церкви — Христу.

Куполомъ Бабаевского соборнаго храма нельзя вдоволь налюбоваться. Онъ господствуетъ на много верстъ сосѣдней мѣстности и издалека, своей оригинальной, слегка нестрой разрисовкой, своей поволокой и яркими красками, даетъ полную иллюзію висящей въ воздухѣ громадной короны.

Внутренность храма, къ сожалѣнію, далеко уступаетъ его внѣшности. Стилъ, положимъ, и здѣсь совершенно выдержанъ: формы сводовъ, толщина поддерживающихъ колоннъ, серьезность общаго впечатлѣнія, напоминаетъ очень тѣ вертепы, въ которыхъ устраивались церкви въ первые вѣка христіанства, а середина, высоко поднимающаяся соотвѣтственно главному куполу и обильно освѣщенная сверху, напоминаетъ о небѣ. Туда, въ эту ярко освѣщенную и просторную высь, невольно поднимаются глаза, и стремятся все существо изъ сжатаго и мрачнаго простора остальнаго храма, какъ стремится душа къ небу изъ тѣсной земной юдоли. Словомъ, и здѣсь строгая идея закончена вполне; святая мысль, руководившая строителями, олицетворена такъ старательно, что невольно сообщается она всѣмъ; не нужно быть художникомъ или знатокомъ, чтобы понять чудный смыслъ, которымъ живетъ, дышетъ внѣшность и внутренность Бабаевского соборнаго храма. Но если ничего не осталось незаконченнымъ въ архитектурѣ храма, многое и очень многое остается еще потрудиться для внутренней отдѣлки его. Этой отдѣлки, пока еще, положительно не существуетъ. Толстая стѣны, своды и колонны, выбѣленные очень чисто, но... и только. Совсѣмъ нигдѣ бываетъ въ маленькихъ досчатыхъ деревенскихъ перевахъ. А между тѣмъ здѣсь, при этихъ размѣрахъ, при этой грандіозности, законченности, бѣлыя стѣны видѣть очень странно. Онѣ оставляютъ впечатлѣніе казармъ, или старинныхъ присутственныхъ мѣстъ. Ни одного образа, ни одной стѣнной картины въ церкви не имѣется. И тѣмъ страннѣе еще и потеряннѣе здѣсь кажется длинный, свѣтло-

желтый иконостасъ, весьма тонкой рѣзбы изъ дерева, но на разстояніи 10—15 шаговъ, она совсѣмъ терается, сливается во что-то общее, пестрое. А изъ глубины отъ входа въ храмъ видѣется только темный фонъ, да отдѣльныя, выдающіяся части, опять-таки слишкомъ мелкія для крупныхъ размѣровъ всего окружающаго. Словомъ, внутренняя отдѣлка храма уже пострадала и, надо полагать, еще болѣе пострадаетъ, насчетъ стѣлъ его. Трудно, понятно, строго примѣниться въ такому строгому стилю; но это очень жалко. А если-бы удалось,—вышло-бы кое-что совершенно изъ ряду выходящее.

На стѣнную живопись и вообще на внутреннюю отдѣлку своего великолѣпнаго храма у монастыря нѣтъ пока никакихъ средствъ. И будутъ ли когда—неизвѣстно. Не одна только вѣнность Бабаевского монастыря и великолѣпіе его храма тянули меня взглянуть сюда. Меня тянуло еще интересъ знакомства съ двумя лицами, рассказы о которыхъ, полные самыхъ симпатичныхъ отгѣнковъ, привелось мнѣ слышать еще въ Петербургѣ. Эти два лица — отецъ игуменъ Іустинъ и проживающій постоянно въ монастырѣ на правахъ богомольца — Петръ Александровичъ Брянчаниновъ, родной братъ покойнаго святителя Игнатія. Ихъ обоимъ, въ несчастіе, я въ монастырѣ не засталъ, а потому, при всемъ желаніи нарушить скромность и подѣлится съ читателями интересными отрывками бесѣды съ этими симпатичнѣйшими людьми, — не могу. Съ отцомъ Іустиномъ, хотя я и увидѣлся на другой день утромъ, послѣ его прѣзда, но разговоръ нашъ не продолжился болѣе получаса, въ ожиданіи парохода. Достаточно было, понятно, нѣсколькихъ словъ, чтобы убѣдиться въ правдѣ рассказовъ о немъ, въ обаятельности его личности, но поговорить съ нимъ по душѣ мнѣ не удалось. Не удалось также и услышать его чуднаго пѣнія, его бархатнаго тенора, которымъ отецъ Іустинъ славится далеко за предѣлами своего монастыря.

Петръ Александровичъ Брянчаниновъ справедливо можетъ считать себя членомъ семьи монастыря. Не говоря о родственной и духовной связи, связи глубокой любви и преданности съ главнымъ сподвижникомъ монастыря, свитителемъ, г. Брянчаниновъ связанъ еще съ монастыремъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ по его обновленію и по сооружецію храма. Съ 1862 года онъ уже поселился тамъ вблизи своего любимаго брата и съ тѣхъ поръ дѣло монастыря —

было его дѣломъ, интересы и жизнь брата — его жизнью и интересами. Онъ хлопоталъ сначала въ Синодѣ о разрѣшеніи построить храмъ, потомъ о средствахъ для этого, ѣздилъ въ разные города за сборомъ и разъ, когда истощились всѣ ресурсы монастыря и постройка храма должна была остановиться, — отдалъ монастырю послѣдніи 5 тыс. руб. изъ своего состоянія, чѣмъ спасъ обитель. Этотъ, всесторонне образованный и свѣтскій человѣкъ, пользовавшийся когда-то виднымъ служебнымъ положеніемъ и властью, теперь живетъ тихой молитвой, монастырскимъ послушаніемъ и памятью о своемъ незабвенномъ братѣ—учителѣ. Изъ 2 т. своего пенсіона, онъ удѣляетъ монастырю ежегодно значительную часть за право въ немъ жить и молиться, хотя это право давно уже имъ заслужено. Понятнѣе изумителей Промыслъ Божій, соединившій на далекой окраинѣ Россіи двухъ братьевъ, пошедшихъ въ началѣ жизни столь различными путями; на одной высотѣ сошлись они съ разныхъ сторонъ, одно стадо управляли выѣсъ и одинъ и тотъ же подвигъ смиренія и труда. Богъ послалъ совершить имъ на склонѣ ихъ свѣтлой жизни. Да будетъ вѣчный миръ святому праху одного изъ нихъ и да подастъ Господь еще долгую жизнь и многія радости другому.

Посадъ Большія Соли находится въ двухъ верстахъ отъ Бабаевского монастыря. Это родина маслѣтаго купца Погова, родоначальника нашей чайной торговли, родина, обладательствованиянная имъ, и съ этой точки зрѣнія маленькій посадъ имѣетъ довольно крупный интересъ.

Большія Соли когда-то были большимъ городомъ; онъ тянулся длинной лентой; верста, какъ говорятъ, на 15-ть, по берегу Волги, хотя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Верста за 5—6 отъ Большихъ Солей находится теперь село Малыя Соли; въ оное время онѣ составляли одинъ городъ подъ однимъ общимъ названіемъ *Устольска*. Названіе это прямо указываетъ на присутствіе въ этихъ мѣстахъ соли. И дѣйствительно, произведенными расслѣдованіями обнаружены въ окрестностяхъ обширныя соляныя грязи; въ старину онѣ, вѣроятно, и эксплуатировались, нынѣ же грязи эти значительно истощены, запущены, а потому разработкой ихъ нѣкто заняться не

хочетъ. Только одинъ врачъ, завѣдующій Большо-Сольскою больницей, попробовалъ-было недавно специально заняться ими, съ дѣлю добыванія йода. Но йода, при всемъ желаніи, не нашлось.

— Будь здѣсь йодъ, говорили онъ мнѣ, наши грязн были бы столько же цѣлебны, какъ Старорусскія и многія другія заграничныя. Всѣ остальные составныя части тождественны, нѣтъ только одного йода...

За малымъ дѣло стало. Будь йодъ въ Вольшохъ Соляхъ, онъ бы вѣроятно, превратился въ веселія и оживленныя «воды», куда стекалось бы все Поволжье. Красивая мѣстность и замѣчательно здоровый воздухъ перетянули бы сюда, по всемъ вѣроятіямъ, многіхъ старорусцевъ, и оживился бы весь край, поднялась бы торговля и промышленность, замтрающая теперь, за отсутствіемъ сбыта.

Усть-Сольскъ уничтоженъ былъ первоначально татарами. Затѣмъ постепенный упадокъ солянаго дѣла, упадокъ вообще торговли, за перенесеніемъ центровъ ея въ другіе города, лежащіе по Волгѣ, привелъ его до степени запустѣлаго города, посада и, наконецъ, глуши.

Посадъ Большія Соли имѣетъ всего одну улицу, тянущуюся болѣе чѣмъ на версту. Она уставлена ветхими деревянными домами, дѣлающими похожимъ весь посадъ на предмѣстье убогаго города. Только падали, по количеству куполовъ и колоколенъ, вы ошибочно составляете себѣ понятіе о городѣ. При въѣздѣ въ посадъ со стороны монастыря, вась интересуетъ сначала обиліе вѣтряныхъ мельницъ; приближаясь, вы узнаете, что это вѣтряныя лѣсопилки; вправо отъ дороги, по берегу узенькой рѣчки, тянутся длинныя каменные корпуса; надъ ними нѣсколько трубъ, — это паточные заводы; ихъ здѣсь нѣсколько. Затѣмъ, когда вы окончите общій взглядомъ сѣрую, непривѣтливую картинку посада, ваше вниманіе остановятъ два щегольскія зданія изъ некрашеннаго кирпича, лежащія ноодаль другъ отъ друга и визави. Они слишкомъ рѣзко выдѣляются отъ всего остальнаго, чтобы ихъ не замѣтить. Большія Соли раскинуты террасообразно, спускаясь съ значительной высоты къ рѣкѣ Соловицѣ. Спускаются онъ не вдалѣ, а въ поперекъ, такъ что главная улица посада идетъ ровно, а расклевувшіеся отъ нея подалѣе доняки одни лежатъ выше ея, другіе — ниже. Въ такомъ

же порядкѣ расположены и эти два щегольскія зданія: одно врасуется наверху, другое прячется ближе къ рѣчкѣ. Какъ они затесались сюда?— можете вы спросить себя. Ужъ больно не гармонируетъ съ ними все окружающее.

Вы угадываете, что это-то и есть заведенія Попова.

Я наугадъ направился къ тому, которое было влѣво отъ меня.

Хорошенькій домикъ гордо и весело глядѣлъ двумя рядами блестящихъ оконъ на растиравшуюся подъ нимъ пыльную улицу, на жалкихъ своихъ сосѣдей—деревянныя лачужки. На фронтонѣ его золотыми буквами по черному фону, блестяла надпись: «Ремесленное училище К. А. Попова».

Поднявшись по крутому подъему, я остановился передъ самымъ зданіемъ. Чистенькое и новенькое, съ желѣзной оградой и такими же воротами по обѣимъ сторонамъ, вблизи оно было еще красивѣе и не казалось малымъ. Сквозь рѣшетку ограды виднѣлся чистый дворъ съ хозяйскими пристройками, а дальше—огородъ.

Все это, что называется, съ иголочки; все симпатично, но... все чего-то недостаетъ. Ни сада, ни тѣнистыхъ деревьевъ вокругъ зданія нѣтъ, и это значительно портитъ общее впечатлѣніе. Чувствуешь себя какъ-то слишкомъ на юру, къ услугамъ всѣхъ вѣтровъ.

Ворота открыли, распахнулись широкія двери подъѣзда и я поднялся въ 1-й этажъ; здѣсь я остановился въ ожиданіи завѣдывающаго училищемъ. Наконецъ, онъ появился наверху, на лѣстницѣ, шагая медленно и лѣниво. Г. директоръ былъ, что называется, со сна; его только-что разбудили.

Я отрекомендовался. Лицо г. директора изображало еще впечатлѣнія прогулки въ царствѣ Морфея, и эти впечатлѣнія были очень неприятны, или, наоборотъ, неприятенъ былъ переходъ отъ нихъ къ земной дѣйствительности въ образѣ запыленнаго прѣзжаго; только выраженіе глазъ, губъ, даже бороды г. директора были далеко не дружелюбны и не давали надежды на общительность. Я улыбнулся про себя и пошелъ вслѣдъ за нимъ въ обширный, залитый свѣтомъ, фаянсовый кабинетъ училища.

Тутъ было прохладно, чисто и вообще очень хорошо. Шкафы съ инструментами и приборами сверкали полированной жѣдью, сталью, лакомъ и стекломъ. Колбы, реторты, электрическая машина,

образцы всѣхъ родовъ ремеслъ, проходившихъ въ училищѣ, наполнили эту комнату, не загромождая ее. Длинный висюмный столъ стоялъ передъ диваномъ. Рядъ черныхъ, лакированныхъ стульевъ, замѣчательно изящной работы, тянулся вдоль стѣны. Между ними было два-три стула сѣладныхъ, довольно оригинальной работы; по-видимому, это были модели. Физическій кабинетъ Больше-Сольскаго ремесленнаго училища сдѣлалъ бы честь любому изъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній, если не разнообразіемъ физическихъ инструментовъ, то ихъ аккуратнымъ вышнимъ видомъ.

Г. директоръ училища опустился на диванъ, указавъ мнѣ стулъ, и на мое заявленіе о желаніи ознакомиться съ училищемъ, небрежно и неохотно заявляя, что показать мнѣ ничего не можетъ по причинѣ какиндарнаго времени. Мое ожиданіе меня не обмануло. Съ г. директоромъ говорить оказалось трудно. Съ прозвонкомъ-ли, по характеру-ли, только онъ давалъ отвѣты, что называется, «удостоивая», слышова; сообразно имъ были его манеры и тонъ.

Нужно было порядочно терпѣнія и самолюбія, чтобы дать ему заговорить по-человѣчески. А когда онъ наконецъ такъ заговорилъ, онъ оказался собесѣдникомъ довольно интереснымъ. Свое дѣло, свою специальность онъ видимо знаетъ превосходно, и — что главное — любить ихъ. Кроме того, онъ болѣе практикъ, чѣмъ теоретикъ, болѣе заботится о практическомъ примѣненіи мастерства, чѣмъ объ элементарномъ его изученіи, и въ этомъ отношеніи весьма полезенъ училищу, которое, по мѣстнымъ условіямъ, иначе и существовать не можетъ, какъ на подкладкѣ чисто-практической.

Вотъ что сообщалъ онъ мнѣ изъ прошлаго, настоящаго и будущаго этого интереснаго заведенія.

Больше-Сольское ремесленное училище выстроено было уже послѣ смерти Константина Абрамовича Попова, согласно его завѣщанію. Мысль о постройкѣ такого заведенія зародилась у него еще задолго при жизни, а именно, въ 1868 году, когда шли переговоры между нимъ и завѣдующимъ его начальнымъ училищемъ въ Большихъ-Сояхъ, г. Соколовымъ, о мѣрахъ къ развитію разнаго мастерства между способными учениками. Тогда уже К. А. Поповъ заботился о прискажаніи особаго помѣщенія, въ случаѣ если бы это ремесло хорошо привилось, обѣщавъ купить инструменты и, вообще, все необходимое для ремесла.

Но дѣла, а вѣтъмъ болѣзнь не дали Попову при жизни осуществить этой мысли. За то по смерти имъ оставлено было 100 т. руб. для устройства въ родномъ селѣ элементарной школы, которой уставъ и правила отчасти были выработаны имъ еще при жизни.

Наслѣдники Попова, болѣе чѣмъ добросовѣстно, выполняли волю завѣщателя. Сто тысячъ оказалось мало для постройки и опекаченія училища. Стараніями вышшняго г. директора школы, наслѣдники Попова положили на постройку и обзаведеніе зданія болѣе 66-ти тысячъ своихъ денегъ, а завѣщанныя 100 тыс. обратили на неприкосновенный фондъ училища. При такихъ условіяхъ, въ 1878 г. (если не ошибаюсь) послѣдовало наконецъ открытіе больше-Сольской ремесленной школы. Своимъ блестящимъ вышнимъ видомъ, обезпеченностью въ средствахъ и, главное, — ясно поставленной въ основѣ задачею, оно обѣщало въ будущемъ славу родной странѣ, указывая широкій путь къ подъему ея благосостоянія. Но, увы и ахъ! На дѣлѣ оказалось далеко не такъ. Уставъ школы, весьма разумный съ точки зрѣнія теоріи, на практикѣ оказался не годнымъ. Вся ошибка заключалась въ томъ, что составители его не примѣнили въ условіямъ мѣстными. Преслѣдуя высокую цѣль просвѣщенія роднаго края, желая обезпечить и выдвинуть, такъ сказать, своихъ односельчанъ, изъ ряда простыхъ смертныхъ, сдѣлавъ ихъ поставниками ремеслъ для будущихъ поколѣній Россіи, К. А. Поповъ совершенно упустилъ изъ виду главное — обезпечить учащихся во время длиннаго періода ихъ обученія. Отсюда получались такіе результаты: съ самаго основанія школы, еще *ни одинъ* не получилъ званія мастера, *ни одинъ* еще не осуществилъ завѣтной мысли основателя школы.

Явленіе это весьма просто объяснимо.

Полный элементарный и праттический курсъ школы — 5-ть лѣтъ. Въ это время ученіе должно еженежно (за исключ. праздниковъ) посѣщать школу и заниматься въ ней по росписанію около 7 час. въ сутки. Ученики преимущественно мѣстные мѣщане и крестьяне, но принимаются и посторонніе. Спрашивается: кто же изъ родителей этихъ мальчиковъ, если они и живутъ тутъ-же, близъ школы, позволитъ своему сыну «бить баклуши» пять лѣтъ?

А что такого рода ученіе, по понятіямъ больше-Сольцевъ, въ самомъ дѣлѣ значитъ «бить баклуши» — это пойметъ всякій, кто знаетъ

русского человека. Разъ у него есть сынъ, подростокъ, разъ онъ здоровъ и силенъ: онъ обязанъ помогать семьѣ. Противъ ученія нѣтъ ничего не имѣеть, но оно должно быть кратко и просто. «Грамоту знаетъ, ремесло понимаетъ, такъ за работу, и помогай семьѣ... такъ уметвенный кругозоръ большесольцевъ, да и всѣхъ напикъ простолудниковъ, и объ этомъ-то совсѣмъ позабылъ землякъ и про свѣтителя ихъ, добрыйшій К. А. Поновъ. Видно далеко онъ отъ нихъ шагнулъ...

Возьмемъ и рѣзвачаго. Онъ поступаетъ въ школу безъ всякаго затрудненія; но ему надо-же ѣсть, пить, надо пріютъ. А гдѣ ихъ достать? На что? Положимъ, родители и помогаютъ, но опять-таки помощь эта никогда не продолжается дольше 2—3-хъ лѣтъ. Надо, значить, достать работу въ Большихъ-Соляхъ. А тамъ и своихъ работниковъ съ излишкомъ, стороннему не дадутъ. Да и времени для работы не много, если правильно посѣщать школу.

Выходятъ такъ, что, какъ ни кинь, все влѣзъ. Есть прекрасная школа съ полной обстановкой на 110 человекъ, есть дорогие инструменты, есть специалисты наставники, есть все, что можетъ требовать самый строгій глазъ, вѣтъ только одного—желающихъ воспользоваться всѣмъ этимъ.

Въ продолженіи всего существованія большесольской ремесленной школы, т. е. въ продолженіи 7 лѣтъ, было выпущено изъ нея учениковъ всего только 68 человекъ, т. е. ровно вдвое меньше противъ того, что должно было быть выпущено по первоначальному расчету. Изъ нихъ, какъ я уже говорилъ, не кончили полного курса ни одинъ. Только 2—3 человекъ пробыли въ школѣ около 3-хъ лѣтъ, оданъ 3¹/₂ года, а всѣ остальные выходили отсюда по истеченіи года или двухъ.

Проводить это такъ: мальчиги, поступающіе въ школу, въ большинствѣ случаевъ сыновья ремесленниковъ. Сынъ кузнеца или слесаря поступаетъ непременно въ слесарное отдѣленіе школы, сынъ отолара—въ столярное, сынъ рѣзчика—въ токарное.

Какъ только кузнецъ умѣетъ ковать гвозди и вообще выправлять желѣзо, онъ уже больше не учится. Онъ бѣжитъ домой, въ кузницу отца. Тамъ онъ дѣльный помощникъ. А если не къ отцу, то на сторону. Ему всякій дастъ 5—8 р. въ мѣсяцъ, а то и больше. Слесарямъ еще лучше. Ихъ ремесло едва-ли не самое доходное. Маль-

чигъ, поучившійся 3 года въ ремесленной школѣ, можетъ смѣло рассчитывать на 15 руб. жалованія, а хорошему дадутъ въ мастерской и 300 руб. въ годъ.

Сынъ рѣзчика поступаетъ въ токарное отдѣленіе, лишь-бы только умѣть правильно выточить конусъ, цилиндръ. Ему рѣзачѣ учиться нечего! У него отецъ, братъ рѣзачъ, ему нужно помогать только имъ; тѣ товарища дѣла не знаютъ, а безъ точенія и рѣзбы невозможно. Вотъ я сижу мальчигъ въ школѣ, пока не навострится на сколько ему нужно, а тамъ его и далачемъ не заманишь.

Есть въ школѣ и живописное отдѣленіе. Большая зала со всѣми приспособленіями къ тому, обиліе моделей, а наконецъ хорошій учитель—дѣдаютъ этотъ отдѣлъ лучшимъ изъ всѣхъ. А между тѣмъ, не смотря на распространеніе иконописанія между населеніемъ, охотниковъ посѣщать этотъ отдѣлъ нашлось мало. Поступаютъ лишь бы только выучиться наносить контуры, а затѣмъ уходятъ. Отдѣла обрза—это дѣло ихъ отцовъ. Имъ-же учиться нечего. Благодаря этимъ свойствамъ чисто русской натуры, правильное обученіе при настоящихъ условіяхъ въ Большесольской ремесленной школѣ—*немислимо*

Досадно и жалко смотрѣть на эти обширныя стѣны заведенія, окутанныя угрюмой молчаливостью, на эти просторныя свѣтлыя, чистыя, по... увы! пустыя мастерскія, на новенькіе инструменты, у которыхъ свободно могутъ работать десятки мальчиговъ, а работаютъ 1, 2, 3; на всѣ эти затраты, которыя не разрѣшаютъ себѣ даже самые богатые изъ нашихъ городовъ, между тѣмъ какъ только тамъ, въ людныхъ центрахъ, и мыслишь успѣхъ такого рода заведеній; досадно все это видѣть именно здѣсь, въ этомъ медвѣжьемъ углу, гдѣ люди равнодушны ко всему, что не касается ихъ будничныхъ грошовыхъ интересовъ. Въ прошломъ учебномъ году во всей школѣ учалось только 23 человекъ, ровно, значить, ¹/₃ часть того, что должно бы учиться. И надо подгадать, что въ будущемъ году ихъ будетъ еще меньше, такъ какъ многіе уйдутъ по домамъ, или на частныя работы.

Необходны мѣры, и мѣры радикальныя, чтобы исправить это зло, чтобы не дать окончательно заглохнуть этому прекрасному заведенію. Мѣры эти должны быть и вѣшнія и внутреннія. Къ первымъ должно относиться обезпеченіе учащихся въ школѣ во все

время обучения, во вторых—выбывения въ основныхъ правилахъ обучения.

Для того, чтобы дать возможность оказывать полный курсъ въ школѣ, нужно, прежде всего, дать возможность учащимся *прожить* этотъ срокъ. Нужно устроить для нихъ пріютъ, пансіонъ, или общежитіе, назовите какъ хотите, лишь бы они имѣли тамъ квартиру и столъ. Тогда, можно навѣрно сказать, школа будетъ переполнена. Затѣмъ, если и это не въ достаточной степени пріохотитъ родителей отдавать туда дѣтей, если ихъ будетъ удерживать паталігная безплодность для семьи жизнь сына, тогда можно прибѣгнуть и къ другому средству. Слѣдуетъ выработать новый уставъ школы, по которому кончающіе ее пользовались бы вѣстными правами льготы по воинской повинности. Можно бы приравнять такихъ учениковъ къ кончающимъ учительскіе институты, со всѣми правами послѣднихъ. Это было бы и вполне справедливо и вполне дѣлсообразно. Справедливо потому, что курсъ ремесленной школы, по сроку, одинаковъ съ курсомъ учительскихъ институтовъ; много научные предметы въ школѣ, какъ напр., физика, химія, начертательная геометрія, проходятся въ одинаковыхъ и даже въ большихъ размѣрахъ, тѣмъ въ институтахъ, и, наконецъ; поступающіе въ ремесленную школу, такъ же какъ и въ институты, имѣютъ свидѣтельства начальныхъ училищъ. Чтобы болѣе приравнять эти два заведенія, можно въ ремесленной школѣ завести болѣе широкое преподаваніе научныхъ предметовъ, можно расширить программу ихъ по нѣкоторымъ частямъ до программы учительскихъ институтовъ, и тогда былъ бы смыслъ, была бы цѣль, было бы стремленіе пройти *полный* курсъ ремесленной школы. Тогда такой ученикъ считалъ бы себя вполне обеспеченнымъ. Онъ, съ одной стороны, могъ бы смѣло рассчитывать на получение мѣста учителя ремесла въ нашихъ городскихъ училищахъ; а если бы, ище чаянія, такого мѣста не нашлось, онъ, какъ хорошій мастеръ, никогда не остался бы безъ работы. Съ другой стороны, если бы и работы не нашлось, онъ могъ бы получить мѣсто сельскаго учителя, съ жалованіемъ въ 200—300 р., и тѣмъ избѣгнуть окончательно воинской повинности. Что же можетъ быть лучше? Тогда ученіе мальчика не оказалось бы *безплоднымъ* для самыхъ взыскательныхъ родителей, и онъ навѣрно потерялъ бы нѣсколько лѣтъ, чтобы видѣть сына совсемъ *человѣкомъ*.

Названные мѣры весьма просты. Для устройства пріюта нужны средства; для дарованія правъ кончающимъ школу—нужно согласіе министерства народнаго просвѣщенія. Средства нужны не Богъ вѣсть какія. Если бы ихъ не нашлось въ министерствѣ, найдется онъ у тѣхъ же наследниковъ Попова, если только умѣючи взяться за дѣло. Поповы на благотворительности не скупы. Да, по моему, ихъ же прямой долгъ додѣлать то, что, по недоразумѣнію, было упущено ихъ завѣщателемъ. Надо надѣяться, что они это поймутъ. Доброе сердце К. А. Попова должно же было, хотя отчасти, передѣля вѣстѣ съ милліонами къ его племянникамъ.

Министерство народнаго просвѣщенія уже обратило серьезное вниманіе на Больше-Сольскую ремесленную школу. Съ 1-го іюля сего года школа переходитъ дѣлакомъ въ завѣдываніе министерства. Обеспечивающій капиталъ изъ банка передается въ министерство. Вырабатываются новыя правила обученія въ школѣ, новый уставъ ея и, сообразно съ тѣмъ, новыя штаты. Каковы будутъ эти новыя правила и новый уставъ—подробно не знаю. Г. директоръ школы объ этомъ предметѣ говоритъ съ особенной неохотой и съ видимымъ раздраженіемъ. Это раздраженіе весьма понятно и потому обижаться на него особенно не слѣдуетъ.

Когда свободнаго чловѣка начинаютъ опутывать веревками, хотя бы и шелковыми, когда надъ смѣло поднятой головой его по является, откуда не возмись, твердая стѣна, о которую можно при невольномъ движеніи и лобъ расшибить, тогда трудно ожидать отъ него веселья и добродушія. Въ такомъ положеніи очутился теперь и г. директоръ Больше-Сольской ремесленной школы.

Вудучи въ теченія 7 лѣтъ полновластнымъ распорядителемъ школы, съ окладомъ въ 1,800 руб., квартирой, отопленіемъ и проч., теперь приходится стать въ крѣпкую зависимость отъ дирекціи, подъ непосредственное начальство инспектора народныхъ училищъ, чловѣка совершенно *не компетентнаго* въ спеціальному предмету школы, выслушивать его указанія, замѣчанія и проч.; да еще, при установленіи новыхъ штатовъ, пожалуй лишиться частицы содержания, лишиться, можетъ быть, и мѣста. Все это не понравилось бы хоть кому, и оно совсѣмъ понятно.

Въ замѣчаніяхъ г. директора ремесленной школы по поводу «министерской опеки» надъ этой послѣдней есть много освавателей—

наго, есть и утрировка. Главный недостаток такой «опеки», по его мнению, формализм. Чиновничий формализм непременно ударится вслѣд за передачей школы въ министерство, в этот формализм уберет дѣло. Начиная съ способов преподаванія и кончая материальной стороной — все будет парализовано отъ этого формализма и все пострадаетъ.

Напримѣръ: министерство присылаетъ въ школу свою программу преподаванія, свои рисунки, свои объясненія по всемъ отраслямъ ремесла. Эта программа выработана разъ навсегда, для всехъ техническихъ школъ. Въ ней преслѣдуется правильный переходъ въ изученія высшаго ремесла отъ предмета къ предмету, отъ рисунка къ рисунку, словомъ — весь элементарный ходъ занятій.

Нельзя не согласиться съ г. директоромъ, что буквальное исполненіе такой программы повлечетъ за собой много неудобствъ. Ремесло, также какъ и искусство, не уміщается въ строгихъ рамкахъ. Нельзя встать мальчишка проработать въ первый годъ обученія непрерывно то-то, во второй — то-то. Одинъ, болѣе способный, въ первый же годъ продѣлаетъ все рисунки, другой — въ два года хорошо не кончитъ первыхъ. Это не вызоветъ урочъ, отвѣтитъ его на переходный балъ и переташится въ слѣдующій классъ. Тутъ ни случай, ни счастье вывести не могутъ. Тутъ надо знать дѣло, и это знаніе или незнаніе ни комъ образомъ скрыто быть не можетъ. Оно обнаруживается наглядно и степень его зависитъ отъ способности, таланта и даже, ученика.

Поэтому, строгая программа въ прохожденіи по периодамъ в годѣмъ курса ремесленныхъ училищъ, казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, неудобна. Гораздо удобнѣе и полезнѣе, давъ программу *по плану* курса школы, предоставить самому директору выполнять ее по своему усмотрѣнію, лишь бы только кончающій школу зналъ-бы то в то. Какъ спеціальность своего дѣла, г. директоръ и впрямь *комитетники* тутъ, чѣмъ инспекторъ народныхъ училищъ и даже вся дирекція выѣдетъ. Звѣститъ формалистична въ дѣлѣ спеціального обученія ведетъ за собой и другіе неудобства. Для Больше-Сольскаго ремесленного училища, напримѣръ, она просто *не по средствамъ*. Программа министерства предписываетъ ученику исполнить изъ стали, или желѣза, или дерева, смотря по ремеслу, цилиндръ, конусъ,

шаръ и проч. Моделей есть сотни. Для выполненія этого прежде всего нуженъ матеріалъ. Нужно, значитъ, много желѣза, стали, дерева. Все это превращается въ хорошенькія фигуры и... и гниетъ, или ржавѣетъ. Пропастъ денегъ, пропасть труда уходятъ, значитъ, непроизводительно, для удовлетворенія только *элементарнымъ* требованіямъ мертвой программы.

Г. директоръ Больше-Сольскаго ремесленного училища до сихъ поръ насколько возможно старался оживить эту программу. Жалко ему стало бросаемыхъ на матеріалъ денегъ, жалко стало и хорошенькихъ вещицъ, наполняющихъ шкафы, и вотъ задумалъ онъ каждой изъ нихъ дать живень, дать практическое названіе. «Ты вотъ точишь желѣзный цилиндрикъ. Кончилъ? Такъ вотъ: здѣсь надрѣжь, здѣсь сними, продолби — и получишь молотокъ. А у тебя конусъ. Ты мнѣ обдѣлай его такъ! А ты выточи мнѣ изъ дерева вѣшалку! Ты изъ своего шара выдолби мнѣ чашку и проч...»

Десятки и сотни вещицъ, которыя были предназначены для *элементарнаго* лежанія въ шкафу, стали превращаться въ хорошенькіе молоточки, ручки, подсвѣчники, вѣшалки и массы другихъ предметовъ обиходнаго употребленія. Работа учениковъ была такъ хороша, что немедленно нашлись покупатели, и теперь ужъ ни одна элементарная вещица, ни одинъ кусокъ матеріалу не пропадаютъ даромъ. Съ продажъ вещей школа имѣетъ солидный доходъ, который составляетъ весьма существенную помощь средствамъ заведенія. Не будь этого дохода, директоръ говорить, не зналъ бы какъ обернуться.

Казалось бы, что содержаніе заведенія изъ 23 челоѣвъ приходящихъ не можетъ обойтись особенно дорого. Пять тысячъ ежегодно довольно бы за-глава. Но дѣло въ томъ, что расходъ производится не на 23, а на 110 челоѣвъ; вѣду отопляется и освѣщается все зданіе, комплектъ служащихъ держится полный, комплектъ инструментовъ тоже; значитъ, число воспитанниковъ не играетъ роли въ общемъ бюджетѣ. А если играетъ, то обратную: когда учениковъ больше, — больше вещей готовится изъ продажу, и, значитъ, увеличивается доходъ. Въ материальномъ отношеніи выгода школы получается теперь отъ *прибыли* воспитанниковъ, а не отъ убыли ихъ.

Чтобы оно осталось такъ и впредь, реформа министерства не должна касаться этой стороны дѣла, т. е. не обвязывать директора школы *буквально* слѣдовать своей программѣ. Хотя Больше-Сольская ремесленная школа и есть *элементарная*, но, по мѣстнымъ условіямъ, безъ практическаго приобщенія приобретаемыхъ элементарныхъ познаній и безъ извлеченія себѣ отъ того матеріальной помощи — она обойдется не можетъ.

Г. директоръ школы въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, совершенно правъ и въ правѣ ожидать, чтобы не было разрушено то, что съ такимъ трудомъ разъ вмѣ достигнуто. Въ этомъ смыслѣ онъ представилъ свои соображенія въ министерство; чѣмъ они увѣнчаются — еще не извѣстно; но надо полагать, что такъ внемлютъ голосу опытнаго человѣка, принесшаго уже не малую пользу дѣлу.

Сильно не нравятся г. директору и опека министерства надъ матеріальной жизнью школы. Онъ въ этомъ точно также видитъ «отраву» всякому живому начинанію.

— Нужна мнѣ какая-нибудь сотня, другая, позвольте тутъ спроситься, просить, писать, бумагу изводить. А когда разрѣшать? — одашь Богъ вѣдаетъ. Можетъ тогда мнѣ и не нужно будетъ этихъ денегъ... Вонъ, въ этомъ году, я купилъ дерева на 500 руб. По случаю купилъ и дешево. А пиши я передъ тѣмъ въ министерство — годъ бы прошелъ и дрова бы сгнили...

— Но вѣдь есть же смѣта, возвращай я. Въ ней означены расходы на всѣ предметы; вамъ деньги будутъ высылать, такъ въ чемъ же задержка?

— А въ томъ и задержка, что деньги будутъ высылать по этой самой смѣтѣ. Мнѣ, вонъ, сегодня нужны, а они черезъ мѣсяцъ вышлютъ. Случается покупать матеріалъ большими партиями. Такъ и дешевле, и лучше. Прежде это отъ меня зависѣло. Напишу въ Москву — и деньги здѣсь, а теперь жди! «Извольте, молъ, изъ годового бюджета не выходить! Просимыи вами деньги на закупку того-то тратятъ не разрѣшаемъ, ибо онѣ предназначены на такую-то статью, а вовсе не на эту...» Вотъ тутъ и думай какъ извернуться... И поди списывайся! заключилъ онъ энергично.

Много въ тутъ правды. Но г. директоръ опять-таки нѣсколько увлекается. Я полагаю, что министерство никогда не откажетъ раз-

рѣшить трату сверхъ бюджета, когда она принесетъ въ будущемъ экономію — это разъ; а второе, трудно представить себѣ въ Большой Соляхъ такая «случайная продажа», которая бы требовала мгновенной уплаты денегъ. Всякій, продающій на казенное заведеніе или учрежденіе, охотно ждетъ денегъ. Да и матеріалъ для школы нуженъ такой, который не испортится, хотя бы ему и годъ пришлось продавать употребленія.

Какъ ни уважительны приводимые г. директоромъ мотивы, очевидно, не въ нихъ кроется причина его раздраженія. Не легко подчиняться, когда считаешь себя хозяиномъ въ домѣ: вотъ настоящая причина. Она уважительна, бесспорно, но г. директору слѣдовало бы подумать, что вѣдь не наслѣдственна же занимаемая имъ должность. Сегодня — онъ, завтра можетъ быть — другой. Онъ поставилъ школу на прекрасную дорогу, насколько могъ. Онъ чловѣкъ дѣльный и честный. А если его замѣститель не будетъ блистать такими качествами? Если безконтрольное распоряженіе пятидесятичнымъ бюджетомъ, да выручкой съ продажи произведеній школы, да взаимобранно отпускаемыми суммами — искушать его подалливую совѣсть? Въ нашъ вѣкъ, это не диковинка! Честное пользование «остатками» — практикуется сплошь и рядомъ. По этому, естественной мнѣ кажется забота министерства народнаго просвѣщенія обезпечить отъ такихъ «случайностей» прекрасное созданіе К. А. Попова, упорчить, узаконить, такъ сказать, его существованіе, хотя бы на первыхъ порахъ пришлось пожертвовать для этого нѣкоторыми «удобствами» заведенія вообще, и г. директора его — въ частности. Такъ, мнѣ кажется, и слѣдуетъ относиться къ новому распоряженію министерства. Во всякомъ случаѣ, лучше подождать результатовъ, чѣмъ хаать дѣло напередъ, да еще дѣло такое молодое, живое, съ будущимъ впереди. — Предполагаемая министерствомъ измѣненія во внутреннемъ устройствѣ школы, заключаются: 1) въ измѣненіи штатовъ и 2) въ расширеніи *научной* программы школы. Предполагается ввести новые предметы наукъ и расширить курсъ старыхъ, главное — начертательной геометріи. Обученіе этимъ предметамъ должно производиться при «Николаевскомъ» Больше-Сольскомъ начальномъ училищѣ, имени К. А. Попова, которое, вслѣдствіе того, получитъ естественную связь съ ремесленной школой. Связь эта и естественна и необходима; оба заведенія — суть дѣти

одного отпа, созданы съ одной цѣлью, должны служить одной идеѣ и одной странѣ. И если эта связь не закрѣплена была самимъ учредителемъ при жизни—не его тутъ вина. Мысль объ устройствѣ ремесленной школы рисовалась въ умѣ К. А. Попова весьма смутно. Больше-Сольская элементарная школа—типъ новый въ Россіи. Покажется она единственная. Поэтому и предусмотрѣть всѣ случайности нововведенія было трудно. Теперь же, когда они выяснились, когда надрѣли, необходимо ихъ наладить, установить общую гармонию, и за успѣхъ будущаго можно ручаться, какъ бы мрачно ни смотрѣлъ г. директоръ въ это будущее.

Если не для пользы дѣла, то хоть ради памяти, ради уваженія къ свѣтлой личности покойнаго Попова, слѣдовало бы подумать объ этомъ и правительству и наследникамъ Поповскихъ миллионѣвъ.

Почти въ центрѣ Большихъ Солей, на высокомъ берегу рѣки Соловцы, среди зелени и бѣлыхъ деревянныхъ хижинъ, притихли бѣлый домикъ, небольшой, но опрятный. Двое деревянныхъ воротъ по сторонамъ его ведутъ на обширный и частый дворъ дома.

По фасаду красуется опять длинная, черная вывѣска и золотыми буквами надпись: «Николаевское двухклассное училище К. А. Попова».

Мѣстность, на которой стоитъ училищный домъ, лучшая въ городѣ. По скату горы, отдѣленному отъ дома улицей, такъ называемой «набережной», разбитъ четырьмя террасами роскошный садъ. Красивый палисадникъ кругомъ него устроенъ по пасмои, въ виду предохраненія сада отъ весенняго разлива журчащей внизу рѣчки, а противъ дома палисадникъ смѣняется рѣшеткой, съ каменными, часто выбѣленными столбами. Въ саду акаціи, спренъ, липы, тополи обрамляютъ темныя аллеи и бесѣдки, даютъ прохладу и прекрасное зрѣлище, деревянная лѣстница посреди сада соединяетъ между собой всѣ четыре угла ската, пожалуй напоминающіе собой висячіе сады Семирамиды.

Училищный домъ, какъ бы утопающій въ зелени (сады тоже разбиты садъ—фруктовый), съ своимъ дворомъ и пристройками, со всѣмъ напоминаетъ собой хорошенькую помѣщичью усадьбу.

Съ особенно легкимъ и приятнымъ чувствомъ входилъ я въ сѣня училища. Прямо изъ нихъ широкая желѣзная лѣстница ведетъ наверхъ, а направо дверь въ квартиру завѣдующаго училищемъ.

— Мужъ нездоровъ, лежить.. простите ему пожалуйста, завягла жена завѣдующаго, выходя въ вамъ.

— Ничего, не безпокойтесь! Мы и безъ него посмотримъ..

Я обошелъ все помѣщеніе училища, всѣ классы, бібліотеку и просто надвинуться не могъ образцовой чистотѣ, уютности во всемъ, при отсутствіи того внѣшняго лоска, который въ большинствѣ нашихъ учебныхъ заведеній часто замѣняетъ опрятность, пахнетъ казенщиной и даетъ отпечатокъ чего-то нежалога. Тутъ напротивъ: ничего не блеститъ, но все, начиная отъ классныхъ стѣнокъ, свободно разставленныхъ, и кончая массой цѣвтовъ въ горшкахъ, украшающихъ окна и обвивающихъ стѣны, — все живеть, дышетъ и должно разгонять тяжелую классную скуку.

Бібліотека училища украсила бы любую гимназію. Выборъ сочиненій указываетъ на особенную заботливость завѣдующаго училищемъ. Тутъ есть все, что дала наша литература для ребенка и для подростка. Благоговѣнно равняются ряды нашихъ апостоловъ поэзій и прозы. Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Толстой — впереди всѣхъ, а за ними чинно выстроены и прочіе, наполняя обширные шкафы бібліотеки. Всѣ выдающіяся журналы за послѣднія 20 лѣтъ, всѣ лучшія духовныя сочиненія и многія серьезно-научныя тутъ на лицо. А уютная прохладная комната бібліотеки, круглый столъ посреди нея, тишина, свѣжесть — такъ и манитъ здѣсь въ чтенію.

Налюбовавшись вдоволь всѣмъ, я почувствовалъ непреодолимое желаніе увидать и поговорить съ тѣмъ, кому все это обязано. Войдя опять въ квартиру завѣдующаго, я спросилъ чѣмъ онъ боленъ. Оказался ревматизмъ.

Это былъ старикъ, на видъ лѣтъ за 50; лицо полное, круглое, сразу къ себѣ располагающее; въ глазахъ столько добродушія и ласки, что даже страданія не въ силахъ были ихъ омрачить. Я сѣлъ возлѣ и сталъ разспрашивать. Старикъ тотчасъ оживился и заговорилъ горячо, съ увлеченіемъ. Его добрые глаза, сначала нѣсколько испуганные, теперь все мягче и мягче смотрѣли на меня; молодое пламя все ярче загоралось въ нихъ, разливалось ярской по блѣдымъ щекамъ, по толстой открытой шеѣ и орошало вдумными каплями пота его умный, высокий лобъ.

Онъ торопился передать мнѣ повѣсть о своемъ дѣтищѣ, о спо-

емъ дорогомъ училищѣ, которое вотъ ужъ 25 лѣтъ онъ нянчить и лелѣетъ. Всѣ мельчайшія подробности изъ жизни училища, день за днемъ его существованія, хотѣлъ бы онъ передать мнѣ. Онъ, вѣроятно, читалъ участіе, интересъ въ глазахъ моихъ и, вѣроятно, нечасто приходилось ему ихъ встрѣчать. И голосъ и силы положительно измѣняла старикъ. Черезъ полчаса нашей бесѣды онъ ужъ не въ силахъ былъ подняться на лопотъ и только прерывистый и хриплый шепотъ вылеталъ изъ его широкой груди.

— Ты бы далъ гостю твою книжку объ училищѣ тамъ все есть... прочтуть! ваявила старушка.

— Сейчасъ, сейчасъ... Возьми тамъ, съ полца, налѣво... Вотъ она! Такъ! Позвольте вамъ предложить... Мой трудъ... Слабый, но добросовѣстный... Тутъ все найдете!

Я собрался проститься, но старикъ еще кое о чемъ заговорилъ. Это кое-что было вопросомъ жизни для него.

— Видите, сказали онъ, наше училище теперь преобразовываютъ. Хотятъ сдѣлать министерскимъ двухъ-класснымъ. Это прекрасно и вполне справедливо, потому что у насъ всегда было два класса, только кончающимъ 2-й классъ не давали аттестата на право льготы 3-го разряда. Теперь вотъ хотятъ давать. Для учениковъ это большое благоданіе, это вѣрно, но... но для насъ, для учителей... намъ никакой привилегіи отъ этого нѣтъ.

— А какую же привилегію вы бы хотѣли?..

— Мы, видите, не на государственной службѣ теперь. Значитъ, полнымъ пенсіономъ пользоваться не можемъ. А вотъ, если бы наше училище сдѣлали трехъ-класснымъ городскимъ, тогда мы перешли на права государственно-служащихъ.

— Но, у насъ всего два класса...

— Мы бы сейчасъ устроили третій. Мѣста у насъ найдется. Расходъ потребуетъ пустой, а учениковъ всегда найдется вдоволь. Для Большихъ Солей такое училище было бы весьма полезно. Это былъ бы шагъ впередъ на пути, указанномъ больше-солыцамъ незабвеннымъ Константиномъ Абрамовичемъ... Это его проектъ. И для насъ, служащихъ, это была бы награда за наши нисильные труды.

— Понятно, понятно! Это вполне справедливо было бы... Только развѣ вы теперь пенсіономъ не пользуетесь?

— Ничтожнымъ. На пропитаніе не хватаетъ. А вѣрно скоро

придется оставить мѣсто. Старъ, болѣзненъ... не могу ужъ по-прежнему...

Слезы заблестѣли въ глазахъ старика. Онъ на минуту отвернулся чтобы совладать съ волненіями.

— Сколько же вы жалованія получаете?

— 300 рублей и квартиру.

— Никакихъ наградъ за 25-ти-лѣтнее веденіе училища?

— Нѣтъ! Ничакихъ! Да зачѣмъ награды? Не надо ихъ. Только бы умереть не нищимъ... Кусокъ хлѣба на старость...

Невыразимо жалко стало мнѣ добраго старика, не много такихъ по бѣду-свѣту и эти немногіе обречены на участь нищихъ.

Я вышелъ изъ бѣлаго домика далеко не такъ бодро, какъ входилъ. Вдали, съ выси заблестѣли окна ремесленной школы; сотни искръ, мигая, забѣгали по стекламъ ихъ, все зданіе—стройное, новое, купалось въ лучахъ заходящаго солнца. Теперь оно мнѣ показалось еще горделивѣе, еще красивѣе; теперь все оно точно улыбалось, глядя съ высоты своего величія на убогій посады; но улыбка эта не нравилась мнѣ; въ ней чуялась иронія, состраданіе.

Я оглянулся назадъ. Бѣлый домикъ Николаевского училища съ каменными воротами и чугуннымъ балкономъ, темными верхушки деревьевъ, прятующіися за нимъ и впереди свободно обѣгающій къ рѣкѣ садъ—были въ тѣни; скромностью вѣяло отъ нихъ. Я вспомнилъ разговоръ съ г. директоромъ ремесленной школы, его безучастное, сонное лицо, его проницательный токъ, рѣжущую ухо компетентность на каждомъ словѣ, раздраженіе оскорбленнаго самолюбія... А рядомъ съ его сильной фигурой, въ постели лежить больной старикъ; страданіе въ его лицѣ и ласки въ глазахъ; два человѣка, призванные въ этотъ уголокъ для служенія одному Богу, такъ близки и такъ далеко въ то же время отъ себя, какъ близки и далеки по виду эти два зданія: одно—ярко освѣщенное, вверху,—другое—въ тѣни и внизу.

Одинъ еще молодъ и вѣрновъ, другой старъ и безсиленъ; тотъ и другой любятъ свое дѣло, но одинъ любить его умомъ, другой сердцемъ. Въ молодомъ и сильномъ организмѣ сквозятъ лѣтъ, скука апатія, въ старомъ и больномъ—горитъ молодое пламя, живетъ, молодая душа. Однѣ занимается своимъ заведеніемъ только нѣсколько лѣтъ и жалованіе въ 1800 руб. находитъ уже малымъ; дру-

гой трудится четверть вѣка, сотни людей научилъ, выпустилъ въ свѣтъ — и теперь молить объ одномъ, не дать ему умереть съ голоду! Одинъ возмущается при мысли о надворѣ, о связывающей его власти, другой мечтаетъ только о томъ, чтобы эта власть приняла его подъ свою опеку и на служение ей готовъ посвятить свои послѣдніе годы. Одинъ... Да что перечислять? Конца не будетъ, если сравнивать всё черты того и другого. Проще сказать: одинъ — человекъ новаго поколѣнія со всеми его *достоинствами* ума, другой — осколокъ старины, со всеми *недостатками* сердца.

Въ Большихъ Соляхъ находится еще одинъ памятникъ благодѣяній К. А. Попова — богадѣльня и больница. Онѣ помѣщаются въ одномъ зданіи, вышшимъ видомъ своимъ весьма напоминающемъ ремесленную школу. Порядокъ и чистота тамъ тоже образцовы. Докторъ при больницѣ — милѣйшая и прекраснѣйшая личность. Лѣтъ около десяти назадъ, онъ пріѣхалъ сюда только окончивъ курсъ академіи, на временную практику, правляяе почитать бо лѣе себя чѣмъ другихъ. Здѣшняя мѣстность такъ понравилась ему, а воздухъ оказался такимъ здоровымъ, что молодой докторъ рѣшился остаться. Изъ болѣзненнаго и слабого юноши, онъ въ эти 10 лѣтъ сталъ сильнымъ, породнымъ мужчиной, хотя... въ борьбѣ съ болѣзнью потерялъ волосы. Этотъ недостатокъ, однако нисколько не уменьшаетъ симпатичности его лица, открытаго и веселаго, насколько только могутъ сдѣлать его такимъ полезный члудъ и сповойная совѣсть...

По словамъ г. доктора, работать тутъ очень пріятно. Съ одной стороны, населеніе края уже вполне основалось и доврѣлось его заботамъ и массаи приходитъ за совѣтомъ и лекарствами, которые раздаются даромъ. Съ другой — гг. Поповы такъ участливо относятся къ своей больницѣ, что никогда еще ни одна просьба доктора, ни одно указаніе его не были манкированы. Поэтому никогда не ощущается ни въ чемъ недостатка, и все, что наука дала и даетъ постепенно новаго, усовершенствованнаго, почти все это имеется подъ рукой. Чтобы удостовѣриться въ опрѣтности больницы, стоитъ только взглянуть на дворъ ея. Здѣсь положительно убрано и чисто какъ въ комнатѣ. Всѣ лужи, выгребная ямы, собачьи будки даже, тщателью вымазаны дегтемъ. Въ ямы наливается дезинфекціонная жидкость.

— Пускай къ намъ идетъ холера, мы ея не боимся! Малости упрости, весело приговаривалъ докторъ, обходя дворникъ.

Холера не разжигалась бы адсь! Нѣтъ сомнѣнія.

Было уже сумрачно, когда изъ больницы направилсь мы въ мастерскую извѣстнаго рѣзчика по дереву — Трубниковъ, гѣрибе, братьевъ Трубниковыхъ. Рѣзба по дереву и иконопись — два мастерства, самыя распространенныя въ Большихъ Соляхъ. А братья Трубниковы — самыя выдающіеся изъ рѣзчиковъ.

Въ мастерской, когда мы вошли, работало человекъ 10 народу. Комната, въ три свѣта, была завалена стружками, досками, столами и инструментами. Пробирясь сквозь нихъ, мы подошли къ козину, который былъ углубленъ въ работу. Старшій изъ Трубниковыхъ штегъ на видѣ лѣтъ около 55-ти. Низенькій, приземистый, съ кожной полусѣднѣкъ волосъ на головѣ да безпорядочно растрепанной, густой и длинной бородой, съ темными, вдумчивыми глазами, всегда слегка сощуренными, а сѣроматовымъ цвѣтомъ лица, онъ производитъ впечатлѣніе настоящаго артиста, художника, извѣстнаго своимъ искусствомъ. Одѣтъ онъ въ блузу, каль и асѣ другие, и работаетъ также прилежно. Когда его обливнули, онъ медленно поднялъ голову, не смѣла поднялся съ мѣста и съ достоинствомъ протянулъ мнѣ руку. Затѣмъ когда я просилъ позволенія ознакомиться съ его работами, онъ съ любезной и доброй улыбкой повелъ меня по мастерской.

Тамъ работали преимущественно молодые люди. Низко пригнувшись къ столамъ, они по рисункамъ воспроизводили на деревѣ цвѣты и всевозможные, самыя затѣливые узоры; работа была удивительно чистая. Громадныя рамы, иконостасы, чаши, кубки и проч. составлялись здѣсь изъ мелникъ частей, которыя одновременно работались нѣсколькими мастерами. Подъ остріями долотъ, нажимаемыхъ искусными пальцами, дерево лущилось какъ воскъ и, быстро, незамѣтно почти, гладкая доска превращалась въ гирлянду цвѣтовъ, подучались самыя вѣжныя очертанія, самыя миниатюрныя углубленія и вышуклости. Нельзя было вдоволь налюбоваться на ловкость рѣзчиковъ; трудно понять, какъ выслѣиваютъ они здѣсь цѣлые дни, въ этой изнурительной позѣ, какъ хватаетъ ихъ глазъ, все время напряженныхъ надъ мельчайшими узорами. А между тѣмъ, эти труженики долбятъ свое дѣло и занимаются имъ съ увлеченіемъ, запоемъ, такъ

сказать. Они предпочитают его другому, болѣе выгодному, и вотъ объясненіе, почему никому пзъ нихъ нѣтъ охоты воспользоваться обученіемъ въ ремесленной школѣ Попова. Тамъ ихъ выучатъ ремеслу, а здѣсь—здѣсь они служатъ искусству, служатъ, ему безсознательно, безвозмездно почти, не зная цѣны своему труду, не зная и часто не желая отдыха...

Братья Трубииковы работаютъ на многіе окрестные монастыри и церкви. Фирма? Трубииковыхъ известна въ этомъ краѣ уже давно. Отцы и дѣти ихъ занимались рѣзбой, славились ею, а дѣти и внуки достойно поддерживаютъ эту славу. И, можно сказать, только ради ея, ради привычки и дилетантства, они продолжаютъ свою трудную и неприбыльную работу. Заказовъ у нихъ такъ много, что на первый взглядъ оно можетъ и показаться прибыльной. А между тѣмъ, это не вымыселъ.

Прежде всего, рѣзчиковъ въ этомъ краѣ очень много. Всѣ они работаютъ болѣе или менѣе хорошо, но, понятно, не достигаютъ совершенства Трубииковыхъ.

Естественно, что на рѣзбу являлась сильная конкуренція и цѣны сильно упали. Церкви и монастыри, давая заказы, болѣе примѣняются къ цѣнѣ, чѣмъ къ работѣ; наши настоятели и верховные старосты еще не прониклись художественными стремленіями, лишь бы работа была *ладная*, да не дорогая,—вотъ и все. Поэтому Трубииковы не могли оцѣнить свои работы дороже прочихъ; у нихъ тогда *вообще* не было бы заказовъ. Но, съ другой стороны, они не могутъ и работать такъ скоро, какъ другіе; имъ слышномъ дорого родное искусство, слава имени, чтобы промѣнять его на лишній рубль. Отсюда и затяжка времени, необходимость держать больше работниковъ, невозможность брать на себя много заказовъ.

Трубииковы, напримеръ, работали иконостасъ Бабаевского соборнаго храма, о которомъ я упомянулъ выше. Это работа гигантская. Больше года производилась она въ ихъ мастерской. А что получили за нее? Если не ошибаюсь, только 4 тыс. руб.

Такъ платятъ и всѣ остальные. А между тѣмъ, готовый заказъ долженъ быть доставленъ на мѣсто на счетъ мастера, на его счетъ и удовлетворенъ. Привезти же да установить громадный иконостасъ—тоже не малаго стоитъ. Затѣмъ: матеріалъ, инструменты, плата рабочимъ, содержаніе ихъ—что же остается? Насущный кусокъ

хлѣба, не больше. Оплачивается, значить, только физическій трудъ, но не искусство; да и этотъ трудъ-то стоилъ бы большого. Вѣдь тутъ спину кривяшь себя, зрѣніе теряешь. Старшій братъ Трубииковъ, о которомъ я упоминалъ, имѣетъ всего лѣтъ 40 отъ роду. А на видъ—старикъ старикомъ. Да и всѣ остальные его братья тоже гораздо старше своихъ лѣтъ. И все это ради одного искусства, изъ любви, изъ привычки къ нему. Хозяинъ мастерской предложилъ мнѣ пройти къ нему на домъ, чтобы взглянуть на готовые предметы. Я съ удовольствіемъ согласился.

Трубииковы живутъ не только опратно, но даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Въ ихъ домикѣ съ удивленіемъ видишь окна изъ цѣльныхъ стеколъ, чуть-чуть не зеркальничъ, за которыми красуются горшки богатой зелени и цвѣтовъ. Съ улицы это имѣетъ видъ далеко не мѣщанскій. Въ гостиной, весьма мило мебелированной, и остановился, бывавно пораженный большой круглой рамой на стѣнѣ, въ которую вѣшанъ былъ портретъ Государя. Я принялъ ее сначала за восковую, благодаря странному матовому цвѣту. Приблизившись, я тутъ только призналъ дерево, обращенное волшебнымъ рѣзцомъ въ самое тонкое кружево. Изящество, законченность, рисунокъ этой удивительной работы—передать нельзя. Нужно самому видѣть ее, чтобы оцѣнить.

И видѣть не мимолетно, не пздаалека; работа выигрываетъ, чѣмъ ближе и долѣе вы въ нее всматриваетесь, чѣмъ полѣе схватываете весь смыслъ ея. Сколько таланта и адскаго терпѣнія нужно имѣть художнику? Вся рама точно выгнана; нигдѣ, среди тысячи углубленій и возвышеній, невозможно уловить одного рѣзкаго штриха.

— Чья это работа?. Вѣдь это совершенство! обратился я къ хозяину.

— Это мой маленькій братъ дѣлалъ, свисходительно улыбуясь Трубииковъ. У насъ были еще лучше вещи, на выставкѣ продали.

— Ну, ужъ извините, милѣйшій, но я вамъ не вѣрю. Лучше этого сдѣлать невозможно.

— Дѣлаемъ, дѣлаемъ... улыбулся старикъ, какъ найдетъ стихъ. Вотъ этотъ самый братъ нашъ получше вещи дѣлаетъ. Онъ у насъ художникъ. Мы вотъ заказы работаемъ, а онъ—такъ-себѣ, для удовольствія. Дни и ночи сидать, оторвать нельзя. Придетъ это ему

въ голову какой узоръ, сейчасъ хватается дерево, инструментъ и не оставляетъ, пока не кончитъ. Просто до болѣзни себя довела.

— Такъ это онъ эту раму дѣлалъ?

— Онъ, онъ!

— И долго?

— Да Богъ его знаетъ. Почитай больше мѣсяца не вставала отъ нея... Да онъ сдѣлалъ такихъ три къ выставкѣ. Еще лучше этой были...

— Ни, в что-жъ? Фуроръ произволи?..

— Какой фуроръ?! умихнулся презрительно старикъ. Никто и взглянуть. Мѣсяцъ онъ стоялъ тамъ, назадъ ужъ вести хотѣли, да нашелся покупатель. Проходилъ это мимо господинъ какой-то изъ Петербурга, посмотрѣлъ, ахнулъ, вотъ какъ вы. да и сейчасъ сторговалъ всѣ три. Говорятъ, онъ какой-то начальникъ по приотамъ что-ли. Такъ для этихъ самыхъ приотовъ купилъ...

— И дорого продалъ?..

— Да... почему мы продали? А?.. обратился старикъ къ своему брату. Почитай рублевъ по 125 за раму... не дороже.

— Такъ дешево?.. не удержался я.

— Да какъ дешево! умихнулись оба брата. Дешево-то оно дешево по нашей работѣ, потому что здѣсь одной работы на двѣ сотни рублевъ. А какъ по нуждѣ, да по необходимости, такъ не дешево. Кто же дастъ больше?.. Покупателей богатыхъ у насъ нѣтъ, цѣнить это самое искусство—никто не цѣнитъ, а даютъ за величину. Побольше шещь—дороже, поменьше—дешевле.

Почему же въ Москву, въ Петербургъ не посылаете? Вѣдь у васъ на-расхватъ раскупать.

— Эхъ, баринъ! Кому-отъ послать? Наугадъ, да на счастье. Вотъ въ Москву послали на выставку, а чуть домой не привезли. Эхъ! Срамъ одинъ!.. Лучше ужъ пускай висятъ отъ насъ эти рамы, самимъ приятно смотреть. Вѣдь времена, здоровья, души сколько въ нихъ вложено... Это, поди, никто не цѣнитъ... горько заключилъ старикъ.

Я спросилъ цѣну замѣчательной рамы.

— Да за ту же продадимъ. Рублевъ за 125 можно отдать. Улжанъ, отравимъ,—цѣла будетъ... А то есть и подешевле, если эта дорога.

Трубиновы стали показывать мнѣ рамы всѣхъ возможныхъ узоръ. Ихъ много у нихъ. Все такая же художественная работа, даже въ общемъ, эффектнѣе первой, потому что болѣе крупная, болѣе видная. Цѣны ничтожныя: 50, 60, 70 и т. д. рублей за вещи, которыми въ городѣ стоили бы сотни.

Произведения такого рода еще совершенно не популярны у насъ. А между тѣмъ, они такъ оригинально-хороши, что ни одинъ иностранецъ, ни одинъ даже нашъ петербуржецъ, изъ болѣе любознательныхъ, я увѣренъ, не замедлилъ бы обратиться съ заказомъ къ братьямъ Трубиновымъ, если бы видѣли одинъ хоть пустой образчикъ ихъ роднаго искусства.

Отъ всей души желаю принести пользу правдѣ—нашей родной, часто забытой, заброшенной въ глуши, никѣмъ не чтимой и не цѣнимой отечественной правдѣ, въ какомъ бы образѣ она ни являлась, беру на себя смѣлость обратить особенное вниманіе читателя на семью скромныхъ тружениковъ-художниковъ посада Большихъ Солей, братьевъ Трубиновыхъ.

Много поколѣній ихъ уже служило родному искусству, много десятковъ лѣтъ уже сгибаются спины Трубиновыхъ, а до сихъ поръ вѣдь ли кто и слышалъ ихъ имя, кто не живетъ въ этомъ краѣ!..

Въ началѣ очерка я сказалъ, что имя Константина Абрамовича Попова неразрывно связано съ именемъ его родни. Три заведенія, возведенныя имъ тамъ: ремесленная школа, начальное училище и больница, хотяже сами по себѣ составляютъ крупный памятникъ его имени, доказательство любви къ роднѣй, но этимъ не исчерпываются еще всѣ благодѣянія, оказанныя имъ Большимъ Солямъ.

Поповъ мечталъ о возстановленіи и возрожденіи Большихъ Солей въ ихъ прежнемъ величій, хотѣлъ этотъ захолустный посадъ обратить опять въ городъ, насадить тамъ полезный трудъ, торговлю, искусство и просвѣщеніе. Все, сдѣланное имъ, имѣетъ именно это назначеніе. Кромѣ учебныхъ заведеній и больницы, К. А. Поповъ основалъ еще въ Большихъ Соляхъ и общественный банкъ, положивъ въ него основнаго капитала своихъ 17 тыс. рублей. Банкъ вначалѣ процвѣталъ благодаря честности и толковости людей, поставленныхъ стараніями Попова, во главѣ его управленія. Въ нѣсколько лѣтъ операциі его значительно расширились, и доходъ, предназначенный учредителемъ для помощи бѣднымъ жителямъ посада, для приданаго

бѣднѣмъ невѣстамъ, а также подарковъ лучшимъ ученицамъ изъ начальнаго училища, сталъ очень солиднымъ, сталъ вѣрной опорой для жителей, обезпеченныхъ теперь отъ нужды и всякихъ случайностей. Торговля и промышленность Большихъ Солей, съ поддержкой банка, почувствовавши себя на твердой почвѣ, готовы были расцвѣсть, посадъ благоденствовалъ, какъ вдругъ!.. случилось то, что случается всюду. Банкъ попалъ въ руки мошенника, который его обворовалъ и пустилъ по міру бѣдныхъ невѣстъ, ученицъ и всѣхъ свѣтлымъ надежды больше-солецевъ. Слава Богу, что этотъ крахъ случился не при жизни Попова. Горько ему было бы видѣть его.

Кромѣ учрежденія банка, школы и больницы, Поповъ еще являлся благотѣлемъ больше-солецкихъ церквей. Ихъ 5 тамъ на населеніе въ 2 тыс. человекъ. Понятно, что пришлось бы половину упразднить; нѣкому было содержать причтъ. Поповъ жертвуетъ капиталъ въ 61 т. руб.,—по 10 т. руб. на каждую изъ 4-хъ церквей и 11 т. руб. на церковь, гдѣ онъ состоялъ прихожаниномъ, для содержанія пѣхъ процентовъ церковнаго причта, кромѣ того, что ремонтируетъ и обновляетъ ихъ.

Опять-таки дѣлаетъ онъ это нѣтъ въ виду расширеніе Большихъ Солей, увеличеніе населенія и, слѣдовательно, будущую надобность въ храмахъ.

Это все крупныя факты его благотворительности на родинѣ. А сколько было мелкихъ?.. Сколькимъ родичамъ своимъ Поповъ помогалъ, сколько добрыхъ совѣтовъ, денегъ родалъ, сколько вывелъ въ люди, сколькимъ составилъ благосостояніе и даже богатство, того не перечесть и сами больше-солецы. Только крѣпка въ нихъ память о добромъ Поповѣ, и видно не скоро угаснетъ.

— Эхъ! Пожить бы ему еще маленько! Потрудиться еще, помочь, можетъ и увидѣть бы онъ у насъ порядокъ и богатство. Можетъ и на наши Вольщія Соли городомъ хорошимъ стала бы. А то померъ благотѣтель нашъ и все пошло на разладъ... Куда намъ самимъ управиться?.. Поддержки нѣту, умнаго совѣта, а то и помощи въ бѣдѣ...

Такъ говорятъ больше-солецы, вспоминая о Поповѣ, объ ихъ благотѣлѣхъ и нянькѣ, тужать по немъ, свято чтить память, но... и только. Не хватаетъ у нихъ силенія, чтобы перешагнуть то темное, что раздѣляетъ ихъ отъ свѣтлаго пути, указаннаго благотѣ-

телемъ; нянька водила, да не довела! Застряли, ждуть твердой руки, да не откуда ей взять. Другой няньки не дастъ Богъ Большику Соляку, другого Попова не родитъ уже соннымъ и лѣнивымъ женамъ больше-солецевъ...

О характерѣ Попова, жизни его въ Большихъ Соляхъ и отношеніяхъ къ своимъ землякамъ много интереснаго слышалъ я отъ самихъ больше-солецевъ, особенно отъ Трубиневыхъ, которые даже и сродни Попову приходятся; ихъ отцы жили когда-то «сосѣдами» вмѣстѣ коротали длинные вечера, вмѣстѣ встрѣчали и горе и радость; только Трубинковы тогда были и богаче и вліятельнѣе Поповыхъ.

Константины Абрамовичъ родился въ 1814 году и до 15 лѣтъ то пасъ коровъ въ Большихъ Соляхъ, то служилъ въ харчевнѣ, то былъ въ услуженіи у знакомыхъ и родственниковъ въ магазинѣхъ. Вездѣ ему не нравилось, стовсѣду онъ убѣгалъ, и только все просился прикащикомъ въ чайный магазинъ. Инстинктъ ли ему подсказывалъ его назначеніе, любилъ ли онъ такъ чай, только къ «китайскому зелью» его тануло съ самыхъ малыхъ лѣтъ.

Наконецъ 15-ти лѣтъ отъ роду, ему удается-таки попасть прикащикомъ въ магазинъ купца Алексина, а черезъ 12 лѣтъ прикащикъ Поповъ, при помощи крупныхъ чайныхъ торговцевъ, ссудившихъ его товарами въ кредитъ, отырываетъ свой собственный магазинъ. Тогда у Попова было накоплено изъ его жалованья около 10,000 руб. и съ этими деньгами онъ сѣло пустился въ бурное море коммерческихъ предпріятій.

Прошло 30 лѣтъ, пробила часъ кончины этого замѣчательнаго человѣка, — и десять тысячъ его превратились во столько же миллионовъ.

Если вѣрять слухамъ, К. А. Поповъ оставилъ послѣ себя около 100чайныхъ магазиновъ въ Россіи и столько-же за границей; кромѣ того, обширныя чайныя склады и большія чайныя плантаціи въ самомъ Китаѣ.

Что помогло ему въ такому необыкновенному обогащеніи? Въ чемъ загадка?.. Загадка давно разгадана. Честность, умъ, знаніе своего дѣла—прежде всего, а затѣмъ уже и счастливая звѣзда, вотъ помощники Попова. Тѣхъ обыкновенныхъ приемовъ скорого обогащенія, которыми такъ богата скандальная хроника нашихъ кресовъ-вискочекъ, въ жизни Попова не ищите. О мошенничествахъ, наш-

тажахъ, влостныхъ банкротствахъ и проч. никто не говоритъ, вспомниа его скорое обогащеніе. Говорятъ только, что онъ былъ гений чайнаго дѣла, что никто въ Россіи лучше его не могъ сортировать чая и никто не предлагалъ публикѣ такого хорошаго.

— Въ руки только возьметъ, взглянетъ и ужъ скажетъ, что этого чай какъ бы тамъ ни было, но репутація К. А. Попова осталась не запятанной. У Попова служили сотни людей вь всё относилась къ нему какъ къ отцу. То было доброе старое время, когда и дѣти, и юноши, и взрослые подчиненные держались въ почтеніи, «въ страхъ Божіемъ» относительно своихъ родителей, наставниковъ и начальства. Тогда можно было хозяину магазина держать своихъ приващниковъ какъ гимназистовъ, устранивать для нихъ общежитіа, слѣдить за нравственностью, не пускать со двора позже 9-ти часовъ вечера, словомъ — быть ихъ отцомъ. Тогда они благоговѣли передъ хозяиномъ и о кражѣ не могло быть и мысли. Вотъ почему тогда и могли важнѣться миллионы честнымъ путемъ, тогда какъ теперь... и прожить-то ихъ такъ не каждый умѣетъ.

Пріѣзды Константина Абрамовича въ Большія Соли и теперь еще памяти тамъ: это были мѣстные праздники для жителей.

Каждый почти оставлялъ тогда свои занятія и свѣшивъ на плечу лугай увидѣть, поговорить съ Поповымъ. Попойный никакъ не вступался и ко всякому готовъ былъ идти въ домъ, если время позволяло. Торговецъ получалъ отъ него совѣтъ опытнаго дѣльца, счастливецъ встрѣчалъ въ немъ неподдѣльную радость своему благополучію, а несчастный — утѣшеніе и помощь. Въ обществѣ взрослыхъ онъ былъ зрѣлый мужъ, интересный собесѣдникъ, съ дѣтьми былъ какъ дятло: бѣгалъ, рѣввился, ходилъ въ лѣсъ за орѣхами и грибами. Цѣлыя аравы больше-сольскихъ ребятъ окружали Константина Абрамовича при его появленіи, завлаживали имъ, и никогда такъ весело не шалали, какъ въ обществѣ «дѣдушки Абрамича».

Любовь къ дѣтямъ — одна изъ самыхъ прекрасныхъ чертъ въ Поповѣ. Она рисуется ярче всего изъ его витивной переписки съ завѣдующимъ Николаевскимъ большесольскимъ училищемъ, г. Соколовымъ.

Прекрасно сдѣлалъ г. Соколовъ, вложивъ письма Попова въ свой промный и добросовѣстный трудъ. Эти письма — драгоценный матеріалъ къ характеристикѣ Попова. Въ нихъ горитъ вся его простая, сип-

ренная, безъискусственная душа; въ нихъ свѣтится глубокой практической умъ; въ нихъ, наконецъ, сияетъ чуднымъ свѣтомъ его горячая любовь къ родицѣ, къ бѣднымъ и главное — къ дѣтямъ. Изъ воспитаніемъ, ихъ будущимъ онъ болѣе всего дорожитъ и не жалѣетъ ничего, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Онъ, напримѣръ, заваленный собственными дѣлами, не пропускаетъ года, чтобы лично не подписать, не выписать и не выслать въ свою школу массу разныхъ журналовъ и книгъ. Онъ самъ прочитываетъ баллы всѣхъ 110 воспитанниковъ и воспитанницъ школы, самъ подписываетъ аттестаты, самъ высылаетъ награды. Онъ ежегодно посылаетъ въ школу на свои именины кучу разныхъ сладостей, чай, сахаръ, чтобы дѣти веселились. Онъ составляетъ разные комбинаціи о введеніи обученія при школѣ полезныхъ ремеслъ. Онъ не перестаетъ думать объ ней ни одного дня, и это когда же? Когда самъ сноситея непосредственно съ Китаемъ и всѣми странами свѣта; когда участвуетъ въ десяткахъ комиссій, акціонерныхъ и всевозможныхъ обществъ; когда знакомъ со всей Москвою, со всѣми министрами и савоиваками; когда ѣздитъ къ нимъ «запросомъ»; когда дорожатъ каждымъ его мнѣніемъ; когда, наконецъ, Константинъ Абрамовичъ Поповъ одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ Россіи.

Не имѣя возможности передать здѣсь содержаніе нѣсколько десятковъ его писемъ къ г. Соколову, характеризующихъ, кромѣ всего связаннаго, еще довѣріе, любовь Попова къ этому послѣднему, чисто дружескія отношенія между бѣднымъ сельскимъ учителемъ и столичнымъ миллионеромъ туземъ, позволю себѣ привести здѣсь только двѣ выписки изъ его первыхъ писемъ.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ г. Соколову въ 1862 г.

«Письмо ваше я получалъ, изъ котораго замѣтилъ, что вы не можете сойтись съ больше-сольцами. Объ этомъ вы не безпокойтесь и дѣйствуйте, какъ велитъ долгъ, самостоятельно, какъ хозяинъ порученнаго вамъ училища; лицепріятія не должно ни къ кому имѣть и только справедливыя просьбы уважать. Что же касается до навѣтовъ, то мнѣ хорошо извѣстно, какъ мой земляки умѣютъ судить да радить чужія дѣла, а о своихъ и ума не приложить».

Вотъ и еще:

«Сердце мое постоянно радуется при мысли о моемъ дѣтищѣ, тѣмъ болѣе, что я слышу о немъ только одно хорошее, а также и о

моих добрых сподвижниках, которые сумели своим усердием заслужить полное доверие моих земляков; за все это мы несказанно приятно благодарить насъ. Не подумайте, чтобы я забылъ свое дѣтяще, — нѣтъ: оно у меня всегда на памяти и сердце мое вретса взглянуть на все то, что было оставлено мною 8 сентября 1861 года. Но торговля моя дѣла, служба моя городская, а больше всего — постройка въ домѣ — отнимаютъ всякую возможность сѣздить на мою родину. Если Богъ поможетъ кончить все это до сентября, то всѣ силы употреблю прїѣхать на актъ 8-го сентября...

Константинъ Абрамовичъ не говорилъ и не писалъ фразъ. Онъ дѣломъ доказывалъ любовь свою къ *отчизну*; онъ входилъ въ мельчайшія подробности его жизни и доходилъ въ этихъ подробностяхъ до смѣшного даже. Всякая новая доска, всякій кусокъ, всякій гвоздь, появляющійся вновь въ его утильнѣ, интересовали его какъ событіе, и обо *все*жъ *то*му ему подробно писалось...

Безъ сомнѣнія, много интереснаго, много поучительнаго было въ жизни этого человѣка, который въ сѣднанаго торговаго мальчика, въ какія-нибудь 15—20 лѣтъ, становится основателемъ одной изъ первыхъ торговыхъ фирмъ Россіи, арендуетъ плантаціи въ Катаѣ и свосится съ цѣлымъ міромъ.

Въ отношеніи благотворительности, Поповъ почти не имѣетъ себѣ соперника. Не говоря уже о родинѣ о Болшихъ Соликахъ, куда имъ уложено до 1/2 милліона денегъ, не говоря о значительныхъ его пожертвованіяхъ въ пользу церквей и благотворительныхъ заведеній въ Москвѣ и внѣ Москвы, не говоря о благодѣяніяхъ шпорою рублю расточаемыхъ частнымъ лицамъ, можно сказать, не было при немъ ни одного благотворительнаго дѣла, въ которомъ бы покойный Поповъ не принималъ участія.

Но не однимъ значеніемъ въ торговомъ мірѣ, ни богатствомъ, ни почетомъ, ни даже благотворительностью пріобрѣлъ себѣ Константинъ Абрамовичъ симпатіи всѣхъ. Тайна общаго сочувствія къ нему, какъ нельзя болѣе выразившагося надъ его могилкой, заглаживаются въ рѣдкой, неподдѣльной добротѣ сердца, составляющей самую характернѣйшую черту въ нравственномъ образѣ покойнаго. Онъ удостоивался многихъ наградъ и отличій за благотворительность; онъ не отказывался отъ нихъ, не выставялъ на показъ лицемѣрнаго равнодушія; онъ радовался ордену, почетному званію

такъ же просто и безыскусственно, какъ просто и безъ искусственно было все въ его жизни. Онъ дѣлился этою радостью съ своими дѣтьми-питомцами, съ сподвижниками своими на родинѣ, и находилъ вполнѣ естественнымъ, что эта радость — есть праздникъ и для нихъ. Объ этомъ враспорѣчиво свидѣтельствуютъ опять-таки его письма.

Онъ умеръ въ страданіяхъ, но съ глубокимъ смиреніемъ и съ глубокой вѣрой въ Того, Кто судитъ добрыхъ дѣла людей не по наружному ихъ виду, не въ мѣру ихъ вещественной цѣны.

Да будетъ ему по вѣрѣ его!

А мы должны надѣяться, что исторія русскаго торговаго сословія, исторія нашей благотворительности, исторія, наконецъ, Болшихъ Солей, не забудутъ К. А. Попова, какъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые выхода изъ болѣе чѣмъ скромной среды, способностями, энергіей, добрымъ и вѣрнымъ сердцемъ, пролагаютъ сами себѣ путь къ богатству и заслуженной славѣ...

По случаю кончины К. А. Попова, нѣсколько болше-сольскихъ поэтовъ сочинили приличные случаю агостихи. Если они и грѣшати талантомъ, то заслуживаютъ вниманія своею трогательностью.

Вотъ нѣсколько отрывковъ:

.....
 „Абрамовичемъ Константиномъ
 Большая здѣсь учреждена,
 Рукой его-жь, рукой въ порядкѣ дивномъ,
 Аптека въ ней наведена,
 Милліоны ближнимъ раздѣля.
 Онъ богачдѣлю здѣсь создалъ:
 Въ ней всакъ педужный увидалъ
 И свѣтъ и жизнь земнаго рая.
 Чего не жертвовалъ себѣ мужъ
 Убѣждаемъ всѣхъ скорбныхъ душь?!

.....
 Но вотъ утѣха всѣхъ страдальцевъ
 Абрамовичъ — отецъ отцевъ —
 Главу склонилъ и наконецъ,
 Оставилъ насъ какъ пастырѣ агицевъ...

.....
 За что-жъ тамалъ намъ судьбина?!
 На то мудрецъ вѣдаеть намъ:

Душа свѣтла у Константина,—
Угодна горнымъ небесамъ...

Потомкамъ предадимъ завѣтъ
О немъ всегда, вездѣ молиться,
Да благодѣтель тамъ вселится,
Гдѣ царства славы вѣчный свѣтъ...

Какъ ангелъ хранитель на свѣтъ ты явился,
Отцовъ, матерей намъ собой замѣнилъ,
Насушимъ добромъ ты со всѣми дѣлился,
Сердца всѣхъ согражданъ добротой плѣнилъ
Ты школу построилъ намъ съ библиотекой,
А бѣднымъ страдальцамъ—болыницу съ аллеей;
Недужнымъ же дать въ богадѣльнѣ приютъ,—
Ты банкъ учредилъ, притамъ жертвы привнесъ
И всѣмъ учрежденіямъ... За то все поютъ
Надъробной тебѣ гимнъ, съ потоками слезъ,—
„Утѣсь нашъ свѣтильникъ“, съ хвалою вопиютъ!

И просить тебѣ дать небесный вѣнецъ!
Красуйся-же въ немъ такъ, во вѣки вѣновъ!
О томъ Бога молимъ мы съ гласомъ пѣвцовъ,
Въ твоихъ учрежденіяхъ, вашъ общій отцевъ!

Въ отношеніи фабричной промышленности Костромская губернія занимаетъ весьма видное мѣсто. Промышленность эта, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, на обработкѣ волокнистыхъ веществъ—льна и хлопчатой бумаги, получила начало свое одновременно съ промышленностью, смежной съ Костромской, — Владимирской губерніи. Самый большой фабричный районъ Костромской губерніи—Вичугскій—составляетъ какъ бы естественное продолженіе Иваново-Вознесенска, и уже отъ этихъ двухъ главныхъ фабричныхъ пунктовъ тянется въ ту и другую сторону рядъ второстепенныхъ, болѣе или менѣе важныхъ. Поэтому Костромскую губернію можно справедливо поставить вслѣдъ за Владимирской, по степени всѣхъ видовъ обработки волокнистыхъ веществъ.

Интересно бросить хотя бѣглый взглядъ на развитіе и главные черты этого рода промышленности, дающей особенное эконоическое значеніе всему этому краю. Мнѣ удалось лично побывать на многихъ фабрикахъ, но далеко не на всѣхъ. Районы Вичугскій и Кане-

шевскій мною исследованы, если не подробно, то относительно самыхъ большихъ фабрикъ. О нихъ я могу говорить болѣе или менѣе самостоятельно; но за то о другихъ центрахъ и районахъ, и главное—относительно *общихъ* чертъ фабричной промышленности Костромской губерніи, могу сообщить только краткія свѣдѣнія, взятая мною изъ «Статистическаго Сборника» по Костромской губерніи за 1884 годъ. Половина этого «Сборника» посвящена «Очерку фабрикъ», и этотъ очеркъ, по своей полнотѣ, по системѣ изложенія, заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ разныхъ углахъ нашего необъятнаго отечества вырастаютъ прודה люди, которыхъ удѣлъ—скромный, не кричащій, по выходящій изъ ряду по своей пользѣ, трудъ. Эти труженики «ради идеи» носятъ на плечахъ своихъ гигантскую тяжесть, изъ сотни частей составляютъ одно громадное цѣлое, и все-таки про нихъ никто почти не знаетъ, никто не говоритъ: Они работники—муравьи, пчелы—трутни. Они скромны и застѣчивы; они готовы преклониться предъ каждымъ авторитетомъ, свое я ступевать предъ чужимъ см, готовы и даже рады признать свою ошибку, дабы вновь взвалить на себя гигантскую ношу, вернуться съ ней назадъ и опять прдти съ новой.

Они такъ скротлически и такъ безозно относятся къ своей работѣ, что невольно и въ другихъ вселяютъ къ ней недоувріе. Поэтому, ни шумнаго одобренія, ни громкой славы, ни какихъ бы то ни было выгодъ, они никогда не получаютъ, да и получить не могутъ. Надъ ними всегда возвышаются головы смѣльчаковъ, которые не боятся и не стѣсняются встать на ходули, чтобы показать свой добъ всему честному міру. На ходуляхъ можно только встрѣтиться, да *показывать видъ* работы, но и этого имъ достаточно. Честный міръ рукоплещетъ, а копошашіеся внизу и обливающіеся потомъ одинокіе трутни—знай только таскаютъ свои гигантскія ноши, да прохода мимо танцующихъ на иалкахъ скомороховъ, впраютъ на нихъ, удивляются, вздыхаютъ и идутъ дальше. Удивляются они не тому, что міръ бьетъ въ ладоши скоморохамъ. Нѣтъ! Они слишкомъ скромны, чтобы притяивать «общественное мнѣніе». Удивляются они только той ловкости и привычѣй, съ которой двигаются и кривляются эти господа «на деревяшкахъ»; свой трудъ имъ кажется ничтожнымъ. въ сравненіи съ этой ловкостью, но, въ то же время, они бы не про-

мѣняли его за эту ловкость вмѣстѣ съ приложениями публички и «приличными вознагражденіями».

Словомъ, это люди, которыхъ не мало живетъ въ глуши и очень, очень мало въ нашихъ столицахъ, въ центрахъ просвѣщенія и науки.

Къ такимъ скромнымъ и безъвѣстнымъ труженикамъ слѣдуетъ отнести и составителя «Статистическаго Сборника» по Костромской губерніи, секретаря и дѣйствительнаго члена статистическаго комитета г. Пирогова.

Я имѣлъ случай ставленъ со многими гг. секретарями статистическихъ комитетовъ и встрѣтилъ до сихъ поръ слишкомъ мало честно и добросовѣстно исполняющихъ свои трудныя обязанности. Одна часть ихъ ровно ничего не дѣлаетъ, другая дѣлаетъ очень мало, третья много, но безтолково, и наконецъ четвертая—это тѣ скроморохи «на деревняхъ», которымъ рукоплещутъ за ихъ дѣловитый видъ, за громкія фразы, за пѣлые тоны вымышленно-тенденціозныхъ высканій, за громадные столбы цифръ, «самыхъ точныхъ и самыхъ подробныхъ» цифръ съ точностью до $\frac{1}{10000}$, по которымъ становятся яснымъ до очевидности сколько цыплятъ, сколько куръ, поросятъ, сколько зеренъ ржи и овса находится въ такомъ-то и такомъ уѣздахъ, гдѣ народъ «бѣдный» и гдѣ «богатый», кому можно простить недоимку, а съ кого слѣдуетъ взыскать, какой уѣздъ обложить больше, а какой меньше.

Эти послѣдніе герон—это, такъ называемые, земскіе статисты. Кричатъ о нихъ много, потому что они суть *нигильное* проявленіе заботливости земства, которое поэтому само всегда ихъ и рекламируетъ. Да и стоятъ они не дешево земству (иногда до 15,000 въ годъ), но пользы отъ нихъ... Объ этомъ послѣднемъ лучше всего справиться у казанскаго, да еще у черниговскаго земства, которое само постановило *сжечь* труды своихъ статистовъ.

Многое можно было-бы написать объ этомъ предметѣ, но на этотъ разъ вернусь къ фабрикамъ Костромской губерніи. Очеркъ этихъ фабрикъ, составленный г. Пироговымъ, по моему—превосходенъ. Это образецъ краткаго и въ то же время совершенно полнаго очерка по предмету, который до сихъ поръ еще совсѣмъ не изслѣдовался въ печати. Цифровыя данныя о громадномъ фабричномъ производствѣ Костромской губ. получались до сихъ поръ только оф-

фиціальнымъ путемъ,—а этотъ путь, какъ извѣстно, болѣе чѣмъ скользокъ. Что-же касается до описательныхъ свѣдѣній относительно положенія и быта рабочаго, такія свѣдѣнія по Костромской губ., сколько вѣбудь систематизированныя,—я совсѣмъ не повидялся въ печати. Эти два обстоятельства и послужили поводомъ къ *личному* послѣдованію г. Пироговымъ большинства фабрикъ Костромской губ. и къ изданію его «Очерка», «не смотря на *неполноту и лишь приблизительную правильность заключающихся въ нихъ данныхъ и выводовъ*», какъ оговаривается скромный авторъ въ предисловіи къ своему труду.

Пользуясь трудами г. Пирогова, я постараюсь бросить бѣглый взглядъ на фабричное дѣло въ Костромской губерніи, который мнѣ кажется здѣсь уместенъ, прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному описанію собственно Вичугскаго края.

Фабрики Костромской губерніи, обрабатывающія воловнистыя вещества, сосредоточены въ районахъ: Вичугскомъ, Яковлевско-Середскомъ, Кланшемскомъ и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ центрахъ,—каковы села: Родники и Писцово, города—Кострома, Нерелта, Юрьевецъ и посадь Пучежъ.

Обработка эта подраздѣляется, какъ я сказала, на два главные отдѣла: обработку льна и хлопчатой бумаги. Соответственно этимъ подраздѣленіямъ, и вся фабричная дѣятельность надъ воловнистыми веществами получила нѣсколько отраслей, изъ которыхъ первоначальныя—льнопряденіе и бумагопряденіе; на нима слѣдуетъ уже пѣлая серия разныхъ видовъ обработки льняной и бумажной пряжи какъ-то: *ткацкя, сновальня, отбѣлка, окраска, ситце-печатаніе* и вообще окончателная *отдѣлка* полотняныхъ, миткалевыхъ и бумажныхъ произведеній.

Каждая изъ фабрикъ имѣетъ свою спеціальную отрасль производства и, сообразно тому, получаетъ названіе: льнопрядильня, бумагопрядильня, ткацкая, сновальная, отбѣлочная, отдѣлочная, красильная и пр. Большія фабрики, занимающія нѣсколькими отраслями разомъ, получаютъ соответствующія названія; такъ, существуютъ фабрики: *бумажно-сновальныя, бѣлизно-красильныя и отдѣлочныя, фабрики бумаго и льно-ткацкія и красильно-отдѣлочныя* и много другихъ.

Полотняное и бумажное производства сосредоточиваются, болѣе

или менше, каждое въ своемъ районѣ или своемъ центрѣ. Такъ, бумажное производство составляетъ почти исключительную отрасль промышленности Вичугскаго района, Кинешемскаго и двухъ центровъ—села Родники и села Писцова, Полотняное же имѣетъ своимъ центромъ село Яковлевское,—Яковлевско-Середскаго района; этотъ послѣдній районъ занимаетъ восточную полосу Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи; здѣсь, въ мѣстныхъ селахъ—Яковлевскаго и Середы-Упниной, развито исключительно ткачество, первое служитъ центромъ полотнянаго, второе—нитялеваго производства. Кромѣ этого центра, полотняное производство идетъ часто въ связи съ бумажнымъ, хотя составляя второстепенную отрасль; такимъ образомъ оно существуетъ и въ Вичугскомъ районѣ и въ Кинешемскомъ.

Первоначальная обработка льна производится на фабрикахъ *льнопрядильныхъ*. Льнопрядильни Костромской губерніи (съ открытими при нихъ ткацкими и бланками), по своей величинѣ и устройству лучшія, и, пожалуй, единственныя въ Россіи. Не составляя особаго района, онѣ расположены въ 4 отдѣльныхъ городскихъ поселеніяхъ: въ городахъ Нерехтѣ, Юрьевцѣ, Костромѣ и посадѣ Пучежѣ. На всѣхъ 5-ти механическихъ льнопрядильныхъ и одной ткацкой фабрикѣ при нихъ работаетъ 6,433 рабочихъ обоего пола, изъ которыхъ на долю женщинъ, подростковъ и дѣтей приходится около 67 проц. всей цифры. Въ этомъ отношеніи льнопрядильное производство и имѣетъ свою особенность; это трудъ преимущественно женскій и дѣтскій.

Общая сумма производства льнопрядильнень Костромской губерніи превышаетъ 5.195,000 руб.

Льнопряденіе и выдѣлка полотень была первой формой здѣсь обработки волокнистыхъ веществъ. Полотняное производство по Костромскому Поволожью началось уже 1½ вѣка тому назадъ, и въ срединахъ прошлаго столѣтія получало особую известность. Послѣ войны 1812 г., впервые возникла въ Вичугскомъ краѣ выдѣлка бумажныхъ матерій, и, съ упадкомъ въ 20-хъ годахъ полотняныхъ фабрикъ, заняла первенствующее положеніе. Но вотъ настала Крымская война и полотняное производство вновь оживилось. Ручное льнопряденіе и ручная выдѣлка полотень оказались отжившими свой бытъ. Потребовалось такое количество полотна, что ручнымъ способомъ готовить его не успѣвали. Тогда-то и возникли впер-

вые тѣ *механическія* льнопрядильни и *механическія* ткацкія фабрики, которыя нынѣ составляютъ богатство и украшеніе края.

Вотъ какъ описывается въ «Историко-статистическомъ обзорѣ промышленности Россіи» (1883 г. Изданіе департамента торговли и мануфактуры) о постепенномъ развитіи въ Костромской губерніи механическаго льнопряденія:

«Крымская война, вызванная усиленное требованіе на полотняныя издѣлія для арміи, подѣйствовала оживляющимъ образомъ на полотняную промышленность. Были сдѣланы новыя попытки подворенія у насъ механическаго льнопряденія, и нужно замѣтить, что попытки эти увѣнчались большимъ успѣхомъ, чѣмъ прежнія. Первымъ выступилъ на поприще устройства механическихъ льнопрядильнень нерехтскій полотняный фабрикантъ А. В. Брюхановъ. Ближе изучившій торговлю льняными издѣліями и достоинства пражн, онъ зналъ гдѣ и на что существуетъ спросъ. Полагаясь на свою опытность, онъ рѣшился открыть въ 1854 году льнопрядильню въ Костромѣ..

«Отсутствие конкуренціи, дешевизна льна и возможность получать необходимые механизмы на мѣстѣ (тогда существовало въ Костромѣ механическое заведеніе г. Шапова) вселили надежду на успѣхъ дѣла. Пригласивъ въ компаньоны г. Зотова, Брюхановъ устроилъ первоначально льнопрядильню на 1,500 веретенъ. Съ самаго начала фабрика пошла успѣшно. Требованіе полотна для арміи во время войны доставило сбытъ пражѣ и притомъ довольно низкія цѣны по хорошимъ цѣнамъ.

«Въ 1857 году примѣръ Брюханова уже напелъ многихъ подражателей, и въ началу 60-хъ годовъ, съ легкой его руки, появились въ томъ же районѣ еще нѣсколько льнопрядильнень *). Это отразилось съ одной стороны на увеличеніи цѣны льна, которая дошла до 4 р за пудъ, съ другой—въ затрудненіи сбыта пражн, такъ какъ требованіе полотень для арміи прекратилось. Въ 1861—1862 г. положеніе нашихъ льнопрядильщиковъ сдѣлалось весьма критическимъ. Цѣны на ленъ все повышались и въ зиму 1861—62 году дошли до 4 руб. 60 коп. за пудъ и даже дороже, а на пражу требованій не

*) Между прочими и въ другихъ губерніяхъ: «Норская»—подъ Ярославлемъ, Демидова—въ селѣ Ирцовѣ, Вяземскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

было. Чтобы дать сбыть послѣдней, фабриканты стали отпускать ее въ кредит крестьянамъ, съ рискомъ потерять на своихъ должникахъ значительную часть ссуды. Крестьянамъ, которымъ прежде фабриканты не открыли бы кредита и на 100 руб., они начали отпускать прижи на тысячи. Отражаясь невыгодно на интересахъ самихъ фабрикантовъ, операція эта, однако же, имѣла полезное влияние на производство полотенецъ между крестьянами Костромской и Ярославской губерній. Оставивъ ручное прядение, они увеличили качество и занялись бѣленіемъ и отдѣлкою полотенецъ.

Наступленіе американо-русской войны и польскаго возстанія вывело льнопрядильни изъ критическаго положенія, въ которомъ онѣ находились. Американская война повысила цѣну на хлопковъ и выдѣлила изъ него и вызвала усиленіе выдѣлки полотенецъ. На послѣднее не осталось безъ влияния и польское возстаніе, потребовавшее усиленныхъ поставокъ для арміи. Благодаря всему этому наши льнопрядильни получили возможность увеличивать производство. Это движеніе впередъ не остановилось и по окончаніи войны въ Соединенныхъ Штатахъ и по усмиреніи возстанія въ Польшѣ. Стали возникать новыя льнопрядильни, между которыми выросла и громадная «Новокостромская льняная мануфактура», основанная въ 1866 году въ городѣ Костромѣ. (По размѣрамъ и производству, она самая большая изъ имѣй существующихъ.)

Съ окончаніемъ послѣдней турецкой войны, увеличившей спросъ на полотна, и съ застоємъ, смѣнившимся послѣдовавшимъ за войной оживленіемъ въ нашемъ промышленномъ мѣрѣ, льнопрядильни снова попали въ критическое положеніе.

Послѣднее стало особенно замѣтнымъ въ Костромской губ. въ 1880—81 годахъ, когда значительно ослабѣлъ спросъ на низшіе сорта льняныхъ выдѣлокъ, вследствие замѣны ихъ въ войскахъ бумажными тканями и появленія на рынкѣ джугы. Приготовленіе прижи на мѣстныхъ льнопрядильныхъ сооразженіяхъ; цифра рабочихъ сократилась и часть ватеровъ работала только днемъ. На одной изъ фабрикъ и вовсе были прекращены работы...

Такъ развилось въ Костромской губерніи механическое льнопряденіе, и въ такомъ положеніи находится оно нынѣ. Причина упадка его въ настоящее время, какъ видимъ, — причина общая для всѣхъ родовъ промышленности у насъ — застой, послѣ искусственнаго ожн-

вленія войны. Но, кромѣ того, льнопряденіе пострадало еще и отъ другой причины; его вытѣснило механическое бумагопряденіе, послѣ того, какъ съ 1881 года стали строиться новыя велновольныя бумагопрядильныя фабрики. Бумажныя выдѣлки достигли такого совершенства, что съ успѣхомъ замѣнили полотняныя, уступая ничъ въ то же время значительно въ цѣнѣ. Не только войска, но и народъ, даже сама интеллигенція, стали привыкать въ бумажнымъ рубашкамъ, къ бумажному бѣлью, и нынѣ, какъ извѣстно, хорошее полотно на бѣльѣ считается уже роскошью...

Въ настоящее время всѣхъ фабрикъ въ Костромской губерніи и обрабатывающихъ волокнистыя вещества, 45. Производство на нихъ простирается до 23,525,243 р., — составляя приблизительно 73% общей суммы выдѣлокъ всѣхъ мѣстныхъ заводовъ и фабрикъ.

Цифра работающихъ на этихъ фабрикахъ простирается до 21,611 человекъ; если же прибавить къ ней еще крестьянъ, вустарей, работающихъ по заказамъ фабрикъ у себя на домахъ, которыхъ насчитываютъ болѣе 12-ти тысячъ, то общая сумма лицъ, участвующихъ въ производствѣ, выразится 34 тыс. человекъ.

На 33-ти фабрикахъ (изъ 45-ти) имѣются 54 паровыхъ двигателя въ 1746 силъ. На 2 фабрикахъ существуютъ 2 водяные двигателя, а на 8 фабрикахъ 14 конскихъ приводовъ. Первое мѣсто по суммѣ производства занимаютъ бумаготкацкія и мѣталевыя фабрики (7,730,188 р.), далѣе слѣдуютъ льнопрядильни съ имѣющимися при нихъ ткацкими и бѣлильнями (5,195,757 р.), затѣмъ фабрики бумажныхъ и льняныхъ выдѣлокъ (3,140,663 руб.), типографія съ бумаготкацкими (3,133,880 руб.), бумагопрядильни (1,600,000 руб.) собственно полотняныхъ выдѣлокъ (1,529,080 руб.) и бумагоиспальни, бѣлильно-красильныя и отдѣлочныя (1,195,675 руб.).

Распределенія на два естественныхъ отдѣла выработку фабрикъ со сѣмьшаннымъ производствомъ, находимъ, что виды наслѣдуемой промышленности распределяются такимъ образомъ:

На долю всѣхъ видовъ бумажнаго производства приходится выработки	на 15,917,366 руб.
На долю же льнянаго	> 7,607,877 >
Всего	на 23,525,243 руб.

Эти цифры наглядно показываютъ, насколько страдаетъ у насъ

обработка льна насчетъ бумаги; сопоставляя ихъ, мы видимъ, что льняное производство по Костромской губернии ровно *вдвое* слабѣе бумажнаго, хотя эта губернія и стоитъ въ ряду первыхъ по обработкѣ льна.

Положеніе и бытъ рабочаго люда въ Костромской губернии, при такомъ количествѣ фабрикъ, при разнообразіи производства, при суровыхъ, наконецъ, климатическихъ условіяхъ страны, должны обратить на себя особое вниманіе. Говоря объ этомъ предметѣ, я возьму только болѣе существенные выходы изъ наблюденія г. Пирогова, ибо эти послѣднія, обнимая каждую фабрику въ отдѣльности, касаются фактической стороны положенія рабочаго. Начну съ отрывковъ изъ одной «Корреспонденціи изъ селъ», помѣщенной въ «Очеркѣ» г. Пирогова, для охарактеризованія вліянія мѣстныхъ фабрикъ на земледѣліе, бюджетъ крестьянскихъ семействъ и привы населенія.

«Съ появленіемъ фабрикъ въ селахъ Середѣ и Яковлевскомъ, — замѣчаетъ одинъ изъ корреспондентовъ, крестьяне увидѣли возможность въ болѣе легкой наживѣ, и лучшія силы направлены на фабрику; земледѣліе же отошло на задній планъ. Оттого стало случаться, что полоса поздно взорана, не во-время взборонена, пропущенъ день посева, — и въ результатъ получился скудный урожай. Для остающихся дома стариковъ и женщинъ сдѣлался невозможнымъ и надлежащій уходъ за такимъ количествомъ скота, какое нужно для удобренія полей. Съ уменьшеніемъ же скотоводства стала еще замѣтнѣе сокращаться производительность почвы *)

Невыгодно вліяя на земледѣліе, работы на фабрикахъ въ то же время обезпечиваютъ рабочихъ меньше, чѣмъ трудъ *кустарный*, доставляющій ткачамъ относительно большія выгоды. Доказать это могутъ слѣдующія соображенія. Если въ прежнее время домохозяйинъ имѣлъ въ семьѣ 3 стана — въ мѣсяцъ на нихъ сработывалось 6 оновъ и, по средней цѣнѣ, получалось за нихъ отъ 10—12 руб.

*) Нѣкоторыя фабричныя работы могутъ быть производимы безразлично мужчинами и женщинами. Поэтому желательно, чтобы на такія работы принимались исключительно женщины, въ которыхъ недостатка не будетъ. Эта ибра могла бы удерживать при домахъ много лучшихъ силъ и привлечь ихъ съ болѣею пользою къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ.

Деньги получались и расходовались черезъ руки одного домохозяйина; лишннихъ расходовъ на квартиру, верхнее платье и обувь — не было. Пища семьи — хлѣбъ и приварокъ, были общіе и притомъ полученные отъ собственнаго хозяйства; изъ заработанныхъ денегъ оставалось купить соли, уплатить повинности и, смотря по остатку, завести одежду и обувь, или въ концѣ зимы валатись хлѣбомъ на случай недостатка. Кроме того, при занятіи промысловъ на дому, каждый членъ семьи имѣлъ возможность отдѣлять часъ или два времени для ухода за домашнимъ скотомъ; оттого и скота было больше, онъ содержался лучше и земледѣліе шло успѣшнѣе. При распоряженіи же хозяйствомъ одного лица, объ оброчныхъ недоимкахъ не было и помину. Не то въ настоящее время: каждый членъ семьи, перешедшій на фабрику, зарабатываетъ нѣсколько даже болѣе, чѣмъ зарабатывали дома всѣ 3 лица при 3-хъ станкахъ, именно, по среднему выводу, отъ 10—13 руб. въ мѣсяцъ.

Деньги каждый рабочій получаетъ на руки и расходуетъ самъ; причеиъ необходимыя расходы его могутъ быть приняты слѣдующіе: за квартиру платитъ каждый — 1 руб. за хлѣбъ и съѣстные припасы — 3 руб., на верхнее платье, рубахи и обувь — 3 руб., на чай и сахаръ — 1 руб., на мелочи — около 1 рубля; итого — *9 рублей*. Остатокъ отъ заработка (1—4 руб.) легко уходитъ на прогулку въ питейныхъ домахъ и трактирахъ — во время дачи или правдниковъ *). При строгомъ же воздержаніи отъ мотовства, свободные отъ расходовъ рубли употребляются всего чаще на наряды.

Отсюда видно, сколько получить хозяйинъ дома отъ своихъ промысловниковъ для поддержанія хозяйства и уплаты повинностей. Несравненно болѣе помогаютъ дѣти и подростки — отъ 14 до 18 лѣтъ, еще не выбившіеся изъ-подъ отцовской власти и доставляющие въ домъ отъ 3—5 руб. въ мѣсяцъ.

При названныхъ условіяхъ, жизнь фабричныхъ вообще привольная; въ ней замѣчается шегольство, страсть въ нарядамъ, склонность къ разгулу, но вмѣстѣ и охлажденіе къ тому тяжелому труду, который только и можетъ держатися земледѣльческое хозяйство.

*) На рисмату съ кабанамъ идетъ часто $\frac{1}{3}$, а иногда и $\frac{1}{2}$ всего заработка. На платье и обувь расходуются въ 6 мѣсяцевъ отъ 15—20 руб.

Поэтому, въ некоторыхъ селеніяхъ крестьянъ похожи на разоренныя гнѣзда,—стоятъ безъ двора, или безъ задней пристройки, отломанныхъ и проданныхъ на покрытие недоимки. Количество свота далеко недостаточно для удобренія земли; пища крестьянъ скудная; денежные повинности никогда не выплачиваются вполнѣ и выбираются въ большей части случаи съ трудомъ.

Кабаки и трактиры, съ названіемъ: то «Новый Свѣтъ», то «Ирславская гостиница»—въ изобиліи окружаютъ фабрики, и въ этихъ притонахъ пьянства рабочіе прогуливаютъ не только нужныя деньги, но и рабочее время, подвергаясь значительнымъ вычетамъ и причиняя убытки фабрикантамъ.

Оттого и для послѣднихъ представляется желательнымъ уменьшеніе числа питейныхъ заведеній вблизи фабрикъ, — какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ. Пьянство такъ распространено въ средѣ рабочихъ, по словамъ одного изъ владельцевъ фабрикъ, что 10-ти-рублевый заработокъ, полученный въ субботу, часто пропадаетъ въ несколько копѣекъ къ понедѣльнику: часть денегъ пропадаетъ въ одиночку и въ компаніи съ фабричными дамами, или другими гуляками; другая часть теряется и выграбывается у пьяныхъ изъ кармана *)...

Въ частности, по словамъ «Корреспонденціи», фабрики служатъ тормазомъ грамотности и источникомъ порчи нравовъ.

Чтобы не потерять заработковъ, получаемыхъ подростками и дѣтьми на фабрикахъ и дома, крестьяне неохотно отдають ихъ въ училища. Съ другой стороны, при совмѣстныхъ работахъ мужчинъ и женщинъ на многихъ фабрикахъ, молодежь привыкаетъ безаворно относиться другъ къ другу...

*) Рабочіе, поступающіе на фабрики, вѣсто всякихъ условій, — получаютъ между, на одной сторонѣ которой пишется заработокъ, а на другой—плата наличныи деньгами, харчами, штрафами и проч. Съ этой-то книжкой рабочіе и разгуливаютъ по трактирамъ, кабакамъ и лавкамъ, гдѣ, смотря по заработку, и полученной уже платѣ, пользуются кредитомъ. Нередко при этомъ случается, что чистый денежный остатокъ по вынѣжъ слѣдующій въ полученію рабочими, равняется нулю, такъ какъ одна четверть заработка осталась въ трактирахъ и кабакахъ, на другую—взяты разныя приписки изъ фабричной завки и часть пошла въ штрафы.

Не яркую картину рисуетъ намъ авторъ «Корреспонденціи», хотя далеко и не новую. Плоды фабричной цивилизаціи слишкомъ хорошо вѣдѣны, чтобы о нихъ распространяться. Расдѣляющее влияние фабрикъ на нравственность населенія—не подлежитъ уже сомнѣнію. Гораздо новѣе и интереснѣе взглядъ автора на экономическую сторону быта фабричнаго, по сравненію ея съ бытомъ вустаря и даже простаго земледѣльца. Въ виду явнаго запустѣнія земли и всего сельскаго хозяйства въ мѣстностяхъ расположенія фабрикъ, авторъ рекомендуетъ принимать на фабрикахъ преимущественно женщинъ и подростковъ тамъ, гдѣ они могутъ съ успѣхомъ замѣнить взрослыхъ, дабы этимъ послѣднимъ дать возможность заниматься хозяйствомъ.

Мысль оригинальная и важная именно въ настоящую минуту, когда реформы правительства влчются совершенно въ противоположную сторону. Недавній законъ объ ограниченіи работъ малолѣтнихъ, объ обязательномъ 12-ти-лѣтнемъ возрастѣ ихъ для пріятія на фабрикахъ, наконецъ, послѣдній законъ, на-дѣлять только вышедшіи, о воспрещеніи ночной работы для женщинъ и для подростковъ до 17 лѣтъ—очевидно имѣютъ цѣлью уменьшеніе на фабрикахъ контингента рабочихъ изъ женщинъ и несовершеннолѣтнихъ.

Цѣль правительства высоко-гуманна, свята даже. Ниже мы увидимъ, какое зло преслѣдуетъ правительство этими двумя распоряженіями, какихъ ужасныхъ бѣдствій избѣгнуть все населеніе съ дѣйствіемъ новыхъ законовъ.

Но, какъ ни очевидно благо заботъ правительства, нельзя не призадуматься и надъ выводомъ, сдѣланнымъ авторомъ «Корреспонденціи». Этотъ выводъ прямо истекаетъ изъ фактовъ, очевидность которыхъ тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Поднять сельское хозяйство между фабричнымъ населеніемъ, такъ, или иначе, необходимо. Фабричный заработокъ, при существующемъ способѣ его израсходования, никакимъ образомъ не можетъ обезпечить вполнѣ рабочаго, не можетъ даже быть сравнимымъ съ заработкомъ его какъ земледѣльца. Это подспорье домашнему хозяйству, а не основа его. Цифрами же «Корреспонденціи», которыя мнѣ удалось провѣрять не разъ на мѣстѣ, и въ которыхъ потому я лично сомнѣваться не могу,—положительно доказывается, что женщины, подростокъ, и даже ребенокъ, болѣе приносятъ этого подспорья домой, чѣмъ взрослый.

А следовательно... следовательно, законы правительства идут в разрыв с интересами населения, не говоря уж об интересах фабрикантов. Эти последние не на шутку призадумались. На всех фабриках половина всех рабочих — составляют женщины и дѣти. Есть же фабрики, как например, льнопрядильни, гдѣ работа почти исключительно женская и дѣтская. Следуя новому закону, нужно совсѣм прекратить ночную работу. А чтобы наверстать время днем, нужно расширить фабрику, завести больше машин и удвоить количество работающих. Первое, поглотивъ много денег у фабрикантовъ, отразится на цѣнѣ товара; последнее — на заработной платѣ, которая, при уменьшеніи на половину рабочихъ часовъ, очевидно будетъ на столько же понижена. Отсюда — явный убытокъ п фабрикантамъ и рабочимъ.

Все это очень ясно, но именно потому-то и нельзя предположить, чтобы правительство всего этого не имѣло въ виду. А если имѣло, значить, цѣль его стоитъ гораздо выше, намѣренія простираются дальше, чѣмъ временный кризисъ въ дѣлахъ фабрикантовъ и въ насущныхъ интересахъ населенія. Я говорю, повторяю и подчеркиваю слова временный потому, что въ этомъ вся суть. Когда фабрики расширятся, когда застой въ нашей торговлѣ пройдетъ, расширится и производство, а съ ними выѣдетъ и плата рабочимъ. Если же на первое время женщина, или подростокъ и будутъ зарабатывать меньше прежняго, то отъ этого ни имъ, ни странѣ убытка въ результатѣ не будетъ. Они выиграютъ на свободномъ времени, которое посвятятъ семьѣ и собственному хозяйству, на здоровье, которое подарятъ имъ много лишняго лѣтъ труда, а значить и заработка; страна же получитъ правильное нравственное и физическое воспитаніе своихъ сыновъ, благодаря правильному строю семейной жизни, формы которой примутъ болѣе естественное теченіе. Мать, не истощенная ночнымъ трудомъ, будетъ заботливѣе относиться къ своему ребенку; жена, проводящая ночь въ мирномъ снѣ подлѣ своего мужа, дастъ ему здоровое дитя, въ происхожденіи котораго тотъ сомнѣваться не будетъ, и, наконецъ, это дитя, когда оно не праскодуется преждевременнаго всего валаса будущаго силъ, вырастетъ въ крѣпкого, полезнаго члена государства.

Значить, нельзя останавливаться на первыхъ выводахъ. Заботы государства о своихъ сынахъ должны идти дальше расчетовъ рубля,

дальше завтрашняго дня. Охранять семью, нравственность, оберегать молодые побѣги, *регулировать*, такъ сказать, расходъ физическихъ силъ тамъ, гдѣ онъ безразумно тратится, для будущихъ поколѣній — вотъ, мнѣ кажется, задачи благоустроеннаго государства. А временной убытокъ въ карманахъ нашихъ богатыхъ и жарныхъ фабрикантовъ, убыль въ карманѣ и въ желудкѣ даже нашего нищаго и тощаго крестьянина, — что все это значить въ сравненіи съ этими задачами?..

Фабрикантъ на сотню тысячъ обѣднѣтъ — рабочій на десяткахъ, другой рублемъ. Какъ тотъ, такъ и другой сократятъ свои расходы, уменьшатъ «выпивку», скоро привыкнутъ къ тому, и, когда вновь придутъ къ прежней норѣ заработка, научатся только быть экономнѣе и расцѣпнѣе. Нужда вѣдь лучшій учитель, а нашему «фабричному» учителя-таки очень и очень еще нужны..

Все это я говорю здѣсь потому, что отъ нѣсколькихъ фабрикантовъ Костромской губерніи привелось мнѣ слышать нареканія на «стѣснительныя мѣры», которые въ послѣднее время правительство почему-то ставитъ русскимъ фабрикантамъ, тормозя этимъ, и безъ того уже заторможенное общими застоємъ, производство фабрикъ *).

Слѣдуетъ быть дальновиднѣе, гг. коммерсанты. Слѣдуетъ смотреть дальше своего носа и своего кармана, — и тогда многое непонятное снелетъ вамъ понятнымъ..

Изъ общаго числа фабричныхъ рабочихъ Костромской губерніи взрослыхъ работниковъ насчитывается 47,6% работницъ — 25,8% и подростковъ обоего пола — 26,4%. Другими словами, взрослые рабочие составляютъ только около 1/3 всего числа рабочихъ, женщины 1/4 и подростки — болѣе 1/4.

Въ частности же, по отдѣльнымъ производствамъ, число работницъ колеблется отъ 11—16,5% на фабрикахъ полотняныхъ и бумажно-льняныхъ издѣлій, до 36,7% на льняно-прядильныхъ, а число дѣтей и подростковъ обоего пола — отъ 22,1% на фабрикахъ бумажно-льняныхъ и до 30,2% на льняно-прядильныхъ и полотняныхъ. Женщины-работницы нѣтъ вовсе на бумаго-сновальныхъ, бѣлильно-

* Большинство же изъ фабрикантовъ, наоборотъ, хотя и признаютъ себя стѣсненными, однако, громко задащаютъ пользу правительственнымъ мѣропріятій.

расильных и отдѣлочныхъ, а также на мелкихъ полотняныхъ и ситцевыхъ фабрикахъ.

Этотъ расчетъ, изъ котораго ми видимъ, что только менѣе $\frac{1}{2}$ рабочихъ на фабрикахъ были взрослые мужчины, даетъ ясное понятие о томъ переломѣ, который вызвалъ между фабрикантами и населеніемъ новый законъ о женщинахъ, подросткахъ и дѣтихъ-работникахъ (ихъ въ Костромской губерніи около 12,000 чел.). А переломъ этотъ, въ свою очередь, ясно указываетъ намъ на новый фазисъ, въ который неминуемо должна вступить наша фабричная промышленность, какъ бы тамъ ни старались многіе удержать ее въ старыхъ, грязныхъ и заржавѣлыхъ рамкахъ.

За русскими пьяными и темными рабочими правительство признало права человека; права эти, волей-неволей, должны быть признаны и фабрикантами.

Тѣмъ въ нихъ, кто до сихъ поръ находилъ себѣ источникъ богатства и могущества въ безчеловѣчномъ *непримиреніи* сихъ правъ, тѣмъ—настала минута задуматься надъ присвоеніемъ себѣ другихъ источниковъ. Безъ сомнѣнія они ихъ найдутъ; но въ чемъ, какъ—отразятся она на общемъ строѣ нашей промышленности — покажетъ будущее.

Въ бытѣ же рабочаго, хотя еще онъ и не изслѣдовалъ какъ слѣдуетъ и потому не можетъ быть опекаемъ закономъ во всѣхъ его проявленіяхъ, надо надѣяться однако, что улучшенія въ немъ пойдутъ уже неустанно и crescendo. За первыми мѣрами, вѣроятно, послѣдуютъ и другія, и если не путемъ насилія, то естественнымъ порядкомъ развитія культуры въ средѣ молодого поколѣнія нашихъ длиннополыхъ и коренастыхъ «свѣточей» отечественной промышленности, усвоеніемъ ими *разумнаго* пониманія личной пользы — привьются и эти ожидаемыя мѣры.

Уже и теперь, многіе изъ молодыхъ и даже нѣсколько «осколковъ» старины, изъ расчета-ли, или просто тѣ, кто поумнѣй, да подобрѣй, сами пошли на встрѣчу заботамъ правительства и даже забѣжали въ этомъ отношеніи нѣсколько впередъ. Миѣ приводилось убѣдить въ этомъ на фабрикахъ добрѣйшаго и уважаемаго А. П. Коновалова—ветерана мануфактурной промышленности въ графѣ, гг. Мивдовскаго и Баканина—молодыхъ фабрикантовъ новѣйшаго типа. Эти единичные случаи вознаграждали меня за всю тяжесть предъ-

дущихъ и послѣдующихъ впечатлѣній, потому что въ нихъ я узрѣлъ новую зарю новыхъ людскихъ отношеній..

Объ этихъ людяхъ стоитъ поговорить; пока же перейду къ очерку *нынешняго* быта фабричнаго люда въ Костромской губерніи, какъ о немъ можно судить по нѣкоторымъ внѣшнимъ проявленіямъ жизни.

Рабочія помѣщенія, лица, больницы, школы, заработокъ, фабричный режимъ и проч.—вотъ эти проявленія, и ихъ я вкратцѣ постараюсь описать, какъ видѣлъ и какъ о нихъ слышалъ.

Помѣщенія для рабочихъ существуютъ въ видѣ: *казармъ*, домовъ съ номерами (или коморками), домовъ съ *квартирами* и особыхъ *лѣтнихъ помѣщеній*, устриваемыхъ самими рабочими.

Казарны имѣются при 6 фабрикахъ. Одна изъ нихъ, а именно на фабрикѣ Александра Петровича Коновалова, въ Вичугѣ, заслуживаетъ особаго вниманія по своему устройству; но и здѣсь, въ спальняхъ «семейныхъ» рабочихъ, одна семья отдѣляется отъ другой лишь поперечными перегородками дивановъ, вслѣдствіе чего жизнь каждой семьи терзаетъ обычный характеръ и становится во всѣхъ проявленіяхъ своихъ *открытой*.

Дома «съ номерами» открыты при трехъ фабрикахъ въ Канешемскомъ районѣ и при двухъ въ г. Костромѣ; дома «съ квартирами» при одной «Волжской мануфактурѣ».

Дома эти отличаются прекраснымъ устройствомъ и оставляютъ, по своимъ удобствамъ, далеко позади себя всѣ подобныя учрежденія прочихъ фабрикъ Костромской губерніи. Лучшіе изъ такихъ домовъ находятся при бумаго-прядильной фабрикѣ бр. Разореновыхъ, подѣ городомъ Костромой, и при «Волжской мануфактурѣ». Лѣтнія помѣщенія, устриваемыя обыкновенно изъ товарныхъ ящиковъ, встрѣчаются на новыхъ приволжскихъ мануфактурахъ и при квартирахъ рабочихъ въ гор. Костромѣ. Всѣ названныя помѣщенія существуютъ для извѣстной лишь части рабочихъ и только одна «Томенская мануфактура», если не ошибаюсь, помѣщаетъ почти всѣхъ своихъ рабочихъ въ открытой ею для того колоніи.

Большинство рабочихъ, послѣ каждой снѣны, уходитъ на *дома* и *квартиры*—иногда за двѣ и болѣе версты. Безъ различія пола и возраста, въ темную ночь и глубокую осень, бредутъ они толпами съ фабрикъ. Послѣ усиленаго труда, они торопятся оставить свои

душны, рабочія мастерскія, чтобы найти краткій отдых въ избахъ, биткомъ набитыхъ жильцами. Надо самому видѣть эти густыя, грязныя толпы, сѣшшіяся протолкаться сквозь фабричныя ворота и калитки на улицы, гдѣ они уже свободны отъ строгаго фабричнаго режима; надо видѣть этихъ ребятишекъ, этихъ матерей ихъ, молодыхъ и невзрослыхъ дѣвушекъ, смѣшивающихся въ одну сплошную массу съ грязными, испитыми и истощенными развратомъ парнями; надо прислушаться къ этому беспорядочному гулу, напоминающему шумъ запруженной и потомъ выпущенной на волю тинистой воды болота, къ безшабашной руготнѣ, къ «откровеннымъ» выраженіямъ; надо видѣть движенія, хватки этой толпы, гдѣ дѣвушки идутъ въ диничныхъ объятіяхъ мултины, — чтобы проникнуться настоящимъ отвращеніемъ, ужасомъ за будущее этой массы, этихъ молодыхъ сыновъ и дочерей нашего отечества. Глубокія разстройства здоровья, развратъ, цинизмъ, Драки, даже убійства — обычные плоды ночныхъ похожденій и бродячаго образа жизни этой толпы. Тотъ, кто видѣлъ такія картины, кто сердцемъ прочувствовалъ ихъ — не удивится, почему правительство признало необходимымъ прекратить ночную работу женщинъ и дѣтей; этимъ оно охраняетъ ихъ отъ всѣхъ послѣдствій общенія въ ночное время съ взрослыми и испорченными уже до мозга костей фабричными; этимъ оно ихъ спасаетъ...

На среднихъ и мелкихъ фабрикахъ, гдѣ существуетъ почти исключительно *денная* работа, одна часть рабочихъ уходитъ почевать и обѣдать на дома, или квартиры; другіе же (изъ дальнихъ селеній и не имѣющіе квартиръ) оставляютъ фабрику только на воскресенье и праздниці, помѣщаясь для ночлега въ разныхъ углахъ и комнатахъ фабричныхъ зданій. Кормятся эти послѣдніе рабочіе — въ сумолатку, принесенными изъ дома припасами (печенымъ картофелемъ, лукомъ, хлѣбомъ), или же въ артеляхъ (отъ двухъ до пяти человѣкъ), готовятъ кашу, кисель, горохъ, квасъ. Любимой и почти ежедневной пищей рабочихъ служатъ горохъ, съѣдаемый и мужчинами и женщинами, и дѣтьми въ громадномъ количествѣ. На сколько это полезно для здоровья — не могу судить, только по внѣшности такое «горохоядь» выражается чрезмѣрнымъ вздутіемъ у всѣхъ жнготовятъ.

Живущіе при большихъ фабрикахъ семейные рабочіе имѣютъ

обыкновенно столь каждый въ своей семьѣ; холостые же образуютъ болѣе или менѣе значительныя артели (въ 12, 25, иногда и 40 человѣкъ). Пища артельщиковъ за обѣдомъ и ужинномъ одинакова. Кромѣ гороха, ѣдятъ всляны щи, пьютъ квасъ, иногда же, въ праздники, на столѣ появляется гречневая или пшеничная каша; у нѣкоторыхъ готовятъ и дешевую рыбу, а рѣже всего — мясныя щи; въ одной изъ артелей — разъ въ день дается чай.

Хозяйствомъ артелей завѣдуютъ выборные старосты, или фабричныя приващики; въ домахъ же съ квартирами — тѣ семьи, которыя держатъ нахлѣбниковъ. Содержаніе каждаго обходится въ мѣсяцъ отъ 3—5 руб.; съ чаемъ же и до 6 руб. Расходъ этотъ былъ бы менѣе, если бы припасы, забираемые изъ фабричныхъ лавокъ, не обывались часто за полціны и не шли на покупку водки.

Фабричныя лавки — это la question du jour въ настоящее время, это одно изъ самыхъ ягучихъ мѣстъ въ фабричномъ вопросѣ. Много довелось мнѣ слышать толковъ и за и противъ ихъ существованія. Одни увѣряютъ, что фабричныя лавки — предметъ дохода фабрикъ, средство эксплуатаци рабочихъ; что, уродавая припасы на тысячу человѣкъ, даже по обыкновеннымъ цѣнамъ, фабриканты имѣютъ большой доходъ; что цѣны припасамъ часто бывають выше городскихскихъ; что сами припасы бывають плохого качества; что, наконецъ, давая пшъ на покупку, въ счетъ заработка, фабрика разоряетъ большинство рабочихъ, которые пользуются таковымъ кредитомъ въ дни безденежья, чтобы, перепродавъ за полціны полученное изъ лавки, пропить это въ кабацѣ.

Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что лавочники при фабрикахъ держатся только по необходимости, чтобы доставить удобную и дешевую покупку провиніи рабочимъ, чтобы спасти ихъ отъ эксплуатации лавочниковъ-кулаковъ, которые неизбежно завелись по близости фабрикъ, если бы тѣ не нѣгли своихъ лавокъ; что доходъ съ такого рода заведеній — ничтожный, что онъ составляетъ только 5—6 проц. съ затрачиваемаго капитала, не считая хлопотъ и расходовъ по содержанію лавочки и пр., и пр.

Сколько тутъ правды, сколько вымысла — трудно сказать. Правы, по моему, и тѣ и другіе; нельзя говорить объ этомъ предметѣ *вообще*. Характеръ фабричной лавочки зависитъ вполне отъ администраціи фабрики. Она можетъ быть предметомъ грубой эксплуатации

рабочаго, точно также как может стать и важнейшимъ подспорьемъ этого послѣдняго. Качество провизіи, дѣны ея, способъ выдачи — все зависитъ отъ фабриканта. Следовательно ругать и влать всѣ фабричныя лавки, заразъ, значитъ, ругать поголовно всѣхъ нашихъ фабрикантовъ. А это ужъ будетъ—схватать черезъ край.

Мнѣ случалось побывать въ нѣсколькихъ лавкахъ такого рода и звездъ я находилъ провизію совершенно свѣжую и достаточно дешевую; случалось говорить и съ рабочими по этому поводу — они весьма довольны своими лавками. Стучалось много говорить и съ фабрикантами — они всѣ возмущены нападеями на свои лавки, и были бы рады-радехоньки съ ними *развязаться*.

— Помилуйте, какой тутъ барыш! говорилъ мнѣ старѣйшій изъ нихъ А. П. Коноваловъ. Вотъ у меня въ этомъ году 200—300 руб. всего доходу — то будетъ съ лавки. По книгамъ можете справиться. А затрачена не одна тысяча. Такъ что же мнѣ съ этихъ денегъ, когда у меня миллионное производство на фабрикѣ?. Доходъ! Смигнуть вѣдь и говорить...

А вотъ и молодые какъ отъзываются; г. Миндовскій и Бакакинъ компаніи «Волжской» и другихъ мануфактуръ, — оба молоды, богаты и образованны, послѣдній даже съ высшимъ образованіемъ.

Что это у васъ въ газетахъ нападаютъ на наши лабазы?. Кому они мѣшаютъ, скажите! обратился ко мнѣ почти съ первыхъ словъ молодой Бакакинъ. Вѣдь за что позорятъ насъ, за что ругаютъ? горячо подхватилъ онъ. Мы народъ обечитываемъ, мы наживаемся, мы и Богъ знаетъ что творимъ!.. А не подумаютъ тамъ, какой же намъ расчесть обечитывать, надувать рабочаго, когда мы сами отъ него зависимъ?. Какая такая можетъ быть нажива съ кула мучи, или даже съ сотни пудовъ гороху?. И намъ ли о ней думать, когда заботъ по горло на самой фабрикѣ; когда намъ дни приносить тысячные барыши или убытки. Вѣдь можно обечитывать рабочаго на рубль, а онъ вамъ напорхнетъ на сотню... Что же за расчесть?. Какой смыслъ?. Не понимаю, положительно не понимаю, гдѣ все это практикуется въ чемъ насъ упрекаютъ?. Мы, вотъ, съ нами воспитаны.. указалъ онъ на г. Миндовскаго, такъ, поверните ли, у насъ эта лавка ужъ вотъ какъ на шеѣ сидитъ. Хлопотъ, затратъ, а тутъ еще ругаютъ, позорятъ... Думалъ это мы и совѣтъ закрыть ее, рѣ-

шили даже, да жалко стало рабочихъ... Вѣдь кулаку въ руки попадутся, — хуже будетъ... Оставили вотъ на время... А прижамутъ закрятъ, такъ спасибо скажемъ. Намъ же благодѣніе оказать...

Можетъ быть эти фабриканты составляютъ исключеніе въ фабричномъ мірѣ, можетъ и осмотрѣнными мною лавки — исключительны, только мое личное впечатлѣніе говорить болѣе въ пользу ихъ, чѣмъ въ укоръ.

Не такого мнѣнія держится въ своемъ «Очеркѣ» г. Прооровъ. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу:

«Лавки для продажи рабочими разныхъ товаровъ показаны при 10 крупныхъ и 2 среднихъ фабрикахъ. Въ нихъ продается не только чай, сахаръ, свѣчи и пр., но и предметы роскоши (наряды и лакокраска), невольно примагнивающіе рабочихъ. Выдача производится большею частью по книжкамъ, чтобы не оплачивать заработковъ различными деньгами, и расчеты ведутся не въ пользу рабочихъ. При томъ же рабочіе забираютъ товаръ не для дѣйствительной потребности (какъ сейчасъ замѣчено), но для того, чтобы обмануть на водку. Оттого, въ концѣ-концовъ, лавка эта служитъ (за немногими исключеніями) не столько интересамъ рабочихъ, сколько кабатчиковъ и самихъ фабрикантовъ, являясь въ рукахъ послѣднихъ особымъ коммерческимъ предпріятіемъ.

«Изъ нѣкоторыхъ лавокъ товаръ отпускается по цѣнамъ настолько возвышеннымъ, что забирающіе изъ нихъ рабочіе получаютъ, вмѣсто рубля задѣльной платы, только 80—85 коп., прочія же 15—20 коп. остаются барышнемъ хозяина...»

Выводы г. Проорова такъ положительны, что мнѣ остается только согласиться на онемногія исключенія въ пользу Алекс. П. Коновалова, П. Г. Миндовскаго и его молодого друга г. Бакакина.

Въ концѣ «Корреспонденціи изъ селъ», авторъ ея говоритъ, что фабрики тормозятъ развитіе въ народѣ грамотности. Такого рода рода также обвиненіе принять голословно нельзя. Фабриканты могутъ быть виновны въ *недостаточномъ*, своеобразно своимъ средствамъ распространеніи образованія, но тормозятъ это послѣднее ни сознательно, ни бессознательно, имъ нѣтъ никакой причины. Въ Костромской губерніи, при самыхъ большихъ фабрикахъ, существуетъ уже до 6-ти учебныхъ заведеній съ 700 человекъ учащихся. Сравнительно съ количествомъ фабрикъ и богатствомъ ихъ, это не-

много; но количественный недостаток вознаграждается здесь бачественными достоинствами. Всѣ школы отличаются прекрасными, вполне правильными устройством, снабжены въ изобилии учебными пособиями и ведутъ обученіе дѣтей съ такимъ успѣхомъ, которому позавидовали бы не одни наши злосчастныя землія «порожденія». А. П. Коноваловъ опередилъ въ школьномъ дѣлѣ всѣхъ своихъ сотоварищей. При главной его фабрикѣ въ селѣцѣ Бонячкахъ, имѣются двѣ школы, изъ которыхъ одна, на 200 человѣкъ, имѣетъ при себѣ прекрасный пріютъ для дѣтей съ полнымъ ихъ содержаніемъ. Это цѣлый пансіонъ, съ правильными устройствами нашихъ среднихъ закрытыхъ заведеній. Существующія фабричныя школы можно бы было упрекнуть только въ одномъ: онѣ даютъ образованіе исключительно дѣтямъ служащихъ на фабрикахъ, не занятымъ фабричными работами. Малолѣтніе же рабочіе, такимъ образомъ, обученія лишаются. Но законъ послѣдняго времени «о введеніи обязательнаго обученія малолѣтнихъ», нынѣ и это обвиненіе разрушается. Законъ этотъ обязалъ фабрикантовъ не только къ разумному распредѣленію часовъ обученія въ школѣ съ работами на фабрикахъ, но и заставить тѣхъ изъ нихъ, кто пользуется работами дѣтей, имѣть у себя начальныя школы. Такимъ образомъ, если отъ того и острадаютъ на первое время малолѣтки, увольняемые съ фабрикъ за *неудобствомъ* ихъ, то ужъ никакъ нельзя будетъ говорить болѣе о «ормазахъ» къ распространенію въ народѣ грамотности и проч.

Въ одномъ изъ прежнихъ моихъ очерковъ, а именно при описаніи «Корвинкинской мануфактуры» въ Ярославлѣ, я имѣлъ случай остановиться подробнѣе на новомъ законѣ «о малолѣтнихъ», на его неудобствахъ въ примѣненіи къ практической жизни и на тѣхъ полезныхъ видоизмѣненіяхъ въ деталяхъ, которыя прямо истекаютъ изъ практики людей, всю жизнь свою отдавшихъ фабричному дѣлу. Объ этомъ предметѣ вполне уместно было бы поговорить и въ данномъ случаѣ, но пришлось бы повторять то же самое, а потому интересующагося читателя попрошу обратиться къ сказанному очерку. Говоря вообще о положеніи народнаго образованія среди фабрикъ Костромской губ., его можно назвать удивительно высокимъ. Молодежь-хозяева, получающіе сами первѣе высшее образованіе, начинаютъ слѣдить за этимъ дѣломъ несправно ревностнѣе, чѣмъ ихъ простоватые родители, выкупившіеся на мѣдные гроши, и, мнѣ ка-

жется, что помимо всякихъ правительственныхъ мѣръ, эти, пока единичныя явленія—лучшій залогъ свѣтлой будущности нашей фабричной школы.

На всѣ фабричныя школы тратится въ Костромской губ. свыше 10,000 руб. въ годъ. Гроши, но и они принесли уже несомнѣнную пользу.

При двухъ фабрикахъ, а именно при «Новой льняной мануфактурѣ» и при фабрикѣ братьевъ Зотовыхъ, въ Костромѣ, существуютъ «воскресные классы», которые въ немалой мѣрѣ служатъ къ обученію взрослыхъ и частью подростковъ; на послѣдней же фабрикѣ введено и обученіе ремесламъ.

Медицинская часть, если говорить о вѣншей ея сторонѣ, поставлена на фабрикахъ Костромской губ. очень хорошо. Изъ 45 фабрикъ этой губерніи медицинская помощь оказывается такъ или иначе организованною при 30-ти фабрикахъ. Остался 15, гдѣ не принято мѣръ къ леченію рабочихъ, принадлежать къ мелкимъ, и отчасти среднимъ фабрикамъ; изъ нихъ, на 2-хъ число рабочихъ равно 100 челов. и на 4-хъ превышаетъ эту цифру.

Всѣ фабричныя больницы и пріемныя покои—по наружности, по опрятности и по вентиляціи — не оставляютъ желать лучшаго. Въходите и выходите изъ такихъ помѣщеній не чувствуете на себѣ гнетущей тяжести больничной атмосферы. Чистыя кровати, чистый воздухъ, чистый полъ и стѣны, аптечка и все прочее; одного только вы не видите здѣсь, и въ этомъ, вѣроятно, главная причина хорошаго впечатлѣнія,—это больныя. На 10—15 кроватей всегда бываетъ не больше трехъ чел. больныя; въ нѣкоторыхъ больницахъ и не выдалъ ни *одного* больного.

— Что за благодать такая?.. спрашиваю я у фельдшеровъ и фабрикантовъ.

— Да такъ, знаете... время лѣтнее, меньше заболѣваній, да и на работы по домамъ много расходуется. Зимой такъ полно бываетъ... отвѣчалъ мнѣ съ маленькой заманкой.

Я вѣрилъ, ибо пріятнѣе было вѣрить, да и правдоподобно оно какъ будто выходило. Но вотъ что читаю въ «Обзорѣ Вичугскаго района» того же г. Пирогова: «Въ общемъ, насколько недостаточна и фиктивна медицинская помощь для 5¹/₂ тис. чел. рабочихъ на мѣстныхъ фабрикахъ, доказательствомъ можетъ служить брошюра

д-ра Невского «О фабриках Вичугского края в гигиеническом отношении». Изъ нея видно, что при одной изъ фабрикъ болыне *воспаленіемъ* даже *мозговыхъ оболочекъ, легкиа, плевры* и пр. не принимаются въ больницу, а лечатся амбулаторно; при другой (съ 500 рабочихъ), по отчету за 1881 годъ, только одна больная (съ переломомъ плеча, пользовалась въ больницѣ. Врачъ посѣщаетъ фабрику одинъ или два раза въ мѣсяцъ; въ большинствѣ же случаевъ приемъ и пользованіе больныхъ производится фельдшерами. Нерѣдко въ больницахъ большая часть кроватей остаются пустыми, такъ какъ фабриканты рассчитываютъ обыкновенно тѣхъ рабочихъ, которыхъ пришлось бы долго лечить въ больницахъ»..

Ларчикъ просто открывался!.. Помощь, подаваемая фабричными больницами, является во многихъ случаяхъ *недостаточною*, или просто *фиктивною*. Если внимательнѣе приглядѣться къ устройству больничнаго надзора, оно будетъ и понятно. Постояннымъ наблюдениемъ *врачей* (или, по крайней мѣрѣ, возмозжностью такого наблюдѣнія) пользуются только *восемь* фабричныхъ больницъ въ губерніи, расположенныхъ въ городахъ и въ селеніяхъ, гдѣ есть врачъ отъ земства; затѣмъ 9 больницъ посѣщаются врачами разъ или два въ недѣлю, а иногда и разъ въ мѣсяцъ. При остальныхъ же больницахъ и приемныхъ поварихъ состоятъ постоянно фельдшера, которые и подаютъ первую помощь во всѣхъ важныхъ и неважныхъ случаяхъ заболѣванія. Компетентность фельдшеровъ тутъ никакъ не оцѣнивается, откуда ясны и результаты такого леченія. Но если большая часть больницъ и не даетъ въ дѣйствительности существеннаго пособия больнымъ, то, по крайней мѣрѣ, онѣ *могутъ* давать пособіе въ такихъ случаяхъ, какъ; напримѣръ, несчастія съ рабочими (ушибы, поврежденія и пр.) или появленіе и развитіе эпидеміи.

Вполнѣ «*бесплатнымъ*» леченіе въ больницахъ назвать нельзя, хотя объ этомъ и заявляется въ фабричныхъ отчетахъ. Если не всѣ, то многие фабриканты берутъ на больницы *по котынкѣ* съ рубля изъ платы, слѣдующей рабочимъ за послѣдній мѣсяцъ передъ Пасхой и за первый послѣ Пасхи (когда рабочіе рассчитываются и затѣмъ какъ бы вновь поступаютъ на фабрику) Другими словами: удерживается 1 проц. изъ заработка 2 мѣсяцевъ въ году. Какъ бы умѣренна ни была собираемая такимъ образомъ сумма, во всякомъ случаѣ она должна покрывать часть больничнаго расхода..

Цифра рабочихъ дней въ году на разныхъ фабрикахъ Костромской губ. видоизмѣняется отъ 286 до 220 дней, причѣмъ менѣе 260 дней бываетъ на фабрикахъ, гдѣ работы лѣтомъ приостанавливаются; чаще же всего рабочей періодъ продолжается 280, 270 и 260 дней. Показанное число дней въ дѣйствительности иногда на много сокращается; въ выработкѣ, т. е. сообразно получаемой платѣ за выработанные дни, или матеріалъ, обыкновенно пропадаютъ по два или по нѣсколько часовъ послѣ каждой «дачки» (полученія платы) и послѣ праздниковъ. Пропадаютъ эти драгоценныя часы и дая, пьянство, или на отрезваніе послѣ онаго; въ общей сложности ихъ набирается—таки порядочно. Такъ, по замѣчанію одного фабриканта, 286 рабочихъ дней на его фабрикѣ сокращаются до 251: послѣ «дачекъ» въ общей сложности пропадаетъ до 10 дней и послѣ праздниковъ по $\frac{1}{4}$ дня, или въ годъ 25 дней. Всего—35 дней, или болѣе $\frac{1}{8}$ части всей годичной работы. Если же сравнить теперь число дней въ году *дѣйствительно* рабочихъ, съ 365 днями года, оказывается, что рабочій, занимающійся на фабрику съ самимъ *высокимъ* числомъ рабочихъ дней (въ Костромской губ. только на *одной* фабрикѣ работаютъ 286 дней, на остальныхъ—все меньше), работаетъ всего только около $\frac{2}{3}$ года, проводя остальную $\frac{1}{3}$ въ пьянствѣ, разгулѣ или отдыхѣ. Въ эту третью года онъ не только не рнеть крупную цифру денегъ, которая бы могъ заработать, но и большую часть уже заработанныхъ, оставшая на пропитаніе только жалкіе гроши, чтобы не умереть съ голоду. Эти три-четыре мѣсяца въ году, когда рабочій не знаетъ, что съ собой дѣлать (о востоящемъ отдыхѣ никто не думаетъ),—вотъ, по моему мнѣнію, причина всѣхъ бѣдствій нашего фабричнаго. Вотъ гдѣ источникъ пьянства, разврата, лѣни, болѣзни и проч.

О сокращеніи числа празднуемыхъ дней въ году нынѣ горячо хлопочутъ фабриканты...

Работа на фабрикахъ бываетъ «сѣбная» и «денная». «Сѣбная»—на большихъ фабрикахъ, «денная» — на большей части среднихъ и всѣхъ малыхъ.

Сѣбны бываютъ: *шести* и *восьмичасовая* и *сѣмичасовая*. Первые существуютъ на 16 фабрикахъ Костромской губ. Рабочая недѣля при 6-ти часовыхъ сѣбныхъ начинается обыкновенно съ полночи понедѣльника и продолжается до полночи воскресенья; исключеніе нѣтъ

этого правила представляют только двѣ бумагопрядильни и двѣ ткацкія фабрики, гдѣ работа начинается съ вечера въ воскресенье и продолжается до вечера субботы, или съ утра понедѣльника и до утра воскресенья. Обычное число смѣвъ при такомъ порядкѣ бываетъ въ недѣлю 24 (по 12 для каждой половины рабочихъ), считая, что каждая смѣна работаетъ въ сутки два раза.

Отбывая эти смѣны понедѣльно, рабочіе чередуются обыкновенно такъ, что половина ихъ, стоящая одну недѣлю на ночныхъ смѣнахъ (съ 12 ч. ночи до 6 час. утра), въ слѣдующую недѣлю работаютъ уже въ другія смѣны (съ 6 ч. утра до полудня и съ 4 ч. вечера до полуночи). Дѣлается это, впрочемъ, не въ интересахъ здоровья рабочихъ, а единственно потому, что по субботамъ послѣднихъ смѣвъ зачастую не бываетъ и, слѣдовательно, при отсутствіи такой очереди, однимъ рабочимъ приходилось бы постоянно работать и получать плату, вмѣсто 12 смѣвъ, только за 11.

Время послѣдней смѣны въ субботу назначается для чистки машинъ и разныхъ поправокъ на фабрикѣ, банн для рабочихъ и возврата тѣхъ изъ нихъ, которые уходятъ на воскресенье домой. Затѣмъ, первая смѣна слѣдующей недѣли начинается за то обыкновенно часомъ раньше, т. е. въ 11 час. вечера въ воскресенье, причемъ первый свистокъ дается въ 10¹/₂ час., чтобы рабочіе могли во время сойтись на фабрику.

О 6-ти часовыхъ смѣнахъ вообще, можно сказать,—это самая неудобная форма распредѣленія работъ.

Очевидно, 6 свободныхъ часовъ—слишкомъ мало для удовлетворенія естественныхъ потребностей: пріянія пищи, сна, отдыха, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ приходится страдать на дома и квартиры, за пересту и болѣе отъ фабрикъ.

Болѣе удобны въ этомъ отношеніи *восьмичасовыя смѣны*. Онѣ введены на 5 фабрикахъ. Тутъ рабочіе мѣняются черезъ каждые 8 часовъ, слѣдовательно въ сутки могутъ переимѣниться всего 3 раза; дѣлается это такъ, что каждая половина рабочихъ одиѣ сутки работаетъ 16 часовъ, другая—8 ч., встанная такимъ образомъ въ теченіи недѣли по 9 смѣвъ, или 72 часа. Сообразно тому, общее число смѣвъ въ недѣлю, т. е. въ 6 сутокъ, будетъ 18 (на Волжской мануфактурѣ 17). Болѣе продолжительный отдыхъ тутъ смѣняетъ болѣе продолжительную работу. Это было бы почти цѣлесообразно,

если бы правильно раздѣлить смѣны. Но на нѣкоторыхъ фабрикахъ, невѣроятно почему, ночь дѣлится такъ, что въ 4 часа одна смѣна оканчивается, а другая начинаетъ работу, что въ гигиеническомъ отношеніи едва ли не хуже распредѣленія дня и ночи какъ при шестичасовыхъ смѣнахъ.

На двухъ фабрикахъ с. Дювлевскаго 8-ми час. смѣны превращаются въ *смѣшанныя*, такъ какъ въ началѣ и въ концѣ недѣли здѣсь бываютъ три неполныхъ 6-ти-часовыхъ смѣны.

Дневная работа, очевидно, самый удобный въ гигиеническомъ отношеніи видъ работы для рабочаго. Не говоря о среднихъ и мелкихъ фабрикахъ, на которыхъ, какъ я упоминалъ, она практикуется почти повсемѣстно, дневная работа начинается распространяться теперь и на большихъ фабрикахъ въ виду сокращенія ихъ производства, а на нѣкоторыхъ (льнопрядильни), въ виду новаго закона о подросткахъ и женщинахъ; на этихъ послѣднихъ теперь оказалось некому работать по ночамъ. При дневной работѣ, рабочихъ часовъ бываетъ отъ 12—14 въ сутки. Работа начинается обыкновенно въ 4—6 час. утра и продолжается до 8 ч. вечера. Отъ 2—4 ч. дается на завтракъ, обѣдъ и чай.

Самая продолжительность смѣны, въ началѣ и въ концѣ недѣли, зачастую *удлиняется*, по усмотрѣнію фабрикъ. Такъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ Вичугскаго края, какъ я уже сказалъ, первая смѣна начинаетъ работу въ 11 ч. вечера, вмѣсто полночи; на многихъ фабрикахъ останавливаютъ машину значительно позднѣе срока,—напр., вмѣсто 12 час. ночи въ субботу, между 2 и 4 часами утра въ воскресенье (смотря по количеству работы), такъ что послѣдняя смѣна работаетъ не 6 часовъ, а 8 и до 10 час.; затѣмъ, если прибавить къ этому 1—1¹/₂ часа, употребляемые на чистку машинъ, получится сплошной періодъ работы отъ 9¹/₂ до 11 часовъ, безъ перерыва.

На льнопрядильныхъ, такъ называемыхъ *мотальщицъ*, остаются въ воскресенье послѣ ухода прочихъ рабочихъ до 6 и до 8 часовъ утра,—«подрабатывала», или сматывала изготовленную въ теченіи послѣдней смѣны пряжу. Ихъ заключительная работа, такимъ образомъ, въ концѣ недѣли длится отъ 12 до 14 час. Когда же онѣ хотятъ заработать лишнее, то работаютъ за невывиншихъ своихъ товарищей—гулявъ (плата мотальщицамъ слѣдющая), и тогда ихъ трудъ безъ перерывовъ продолжается иногда 2 дня сразу.

На сколько это полезно отзывается на здоровье этих бедных женщин, и без того уже истощенномъ, предоставляю судить читателямъ.

Вообще, удлинненіе смѣны практикуется фабрикантами довольно такъ безцеремонно. За этимъ никто не слѣдитъ, а рабочіе—не ставятъ же онъ протестовать, рискуя потерять работу, изъ-за нѣсколькихъ лишнихъ часовъ тяжелаго, по привычному ему труда. Это, по-видимому, вошло уже въ обычай, въ неотъемлемыя права фабрикантовъ.

А между тѣмъ, этотъ обычай слѣдовало бы поскорѣй, ибо, не говоря уже о вредномъ вліяніи на здоровье рабочихъ, онъ нѣсколько не гарантируетъ какого-нибудь предѣла продолжительности работы. Сегодня вставать 3 часа лишнихъ проработать, завтра могутъ 4 п. 5. На одной фабригѣ призываютъ удобнымъ чистить машины тѣми же рабочими, кои непрерывно гули спина 10 часовъ, на другой—предлагаютъ за лишній рубль сматывать пряжу тѣмъ женщинамъ, кои не отрывались отъ нея уже 14 часовъ. Что можетъ случиться на третьей—не знаемъ, но можетъ быть хуже.

Если ищѣтъ законъ и ограждать ночной отдыхъ для женщинъ и дѣтей, то на ихъ счетъ тѣмъ болѣе могутъ проиграть взрослые рабочіе, если ихъ не оградятъ какой-либо твердой законной мѣрой. Впрочемъ... слѣдуетъ сознаться, что одніи мѣры мало помогутъ. Слѣдуетъ за правильнымъ исполненіемъ ихъ—пѣтъ никакой возможности. Нужно бы было на каждой фабригѣ приставить надсмотрщиковъ; д. къ тому еще—не *подкупныхъ*. По вынѣшнимъ временамъ это труднѣе. Останется, слѣдовательно, уповать только на добросовѣстность, на добросердечность самихъ фабрикантовъ...

Мѣсячный заработокъ на разныхъ фабрикахъ Костромской губерніи составляетъ, считая плату «мѣсячную» и «сдѣльную»: взрослыхъ рабочихъ—низшій отъ 5—13 р., высшій—отъ 15—26 р., работницамъ—отъ 6—9 руб. и отъ 12—16 и 18 р.; подросткамъ и дѣтямъ—отъ 3—7 руб. и отъ 7—10 и 12 руб. «Дачка», или выдача жалованья, производится въ субботу, передъ 15 числомъ каждаго мѣсяца, по такъ-называемымъ «рабочимъ», или «расчетнымъ» книжкамъ. Въ первыхъ записывается для состоящихъ на сдѣльной платѣ вся выполненная работа; на нѣкоторыхъ фабрикахъ онѣ называются также и «товарными», онѣ выдаются на двухъ рабочихъ, смѣняю-

щихъ другъ друга на станкѣ, или другомъ механическомъ аппаратѣ Вторныя, т. е. «расчетныя» книжки, выдаются каждому рабочему отдѣльно и служатъ для записи слѣдующаго къ получению (на основаніи «рабочихъ» книжекъ) и дѣйствительно выданнаго жалованья. Здѣсь же записывается заборъ рабочими товаровъ изъ фабричной лавки и штрафы.

Заработокъ 2-хъ послѣднихъ недѣль, на случай несправности рабочихъ, обыкновенно удерживается администраціей фабрики и только на Пасху производится окончательный расчетъ съ рабочими. Правило это, впрочемъ, не всегда исполняется, и рабочіе, заслужившіе удовлетворительную репутацію, въ случаѣкъ нужды, получаютъ жалованье впередъ.

За лишнюю смѣну, за лишніе часы въ смѣнѣ, за «чистку машинъ»—добавочной платы не полагается; во болѣе исправные рабочіе, не подвергавшіеся за послѣднее время штрафамъ, при расчетѣ, т. е. при выдачѣ на Пасху всего причитающагося жалованья, получаютъ болѣе или менѣе «цѣнные подарки». Дарятъ, прѣмѣрно женщинамъ и дѣвушкамъ (зарабатывающимъ жалованье въ мѣсяцъ 10—12 р.) 25 аршинъ ситцу на два платья, цѣной отъ 10—12 коп. за аршинъ; дѣтямъ, получающимъ въ мѣсяцъ 4 руб.,—10 арш. ситцу той же цѣны; взрослымъ мужчинамъ—20 арш. ситцу на рубаху. Подмастерья получаютъ коломенку, или дешовое трико на костюмъ.

Не трудно сказать, въ какомъ отношеніи наскальные подарки находятъ къ тѣмъ лишнимъ смѣнамъ и часамъ, которые выставляются рабочими. На льнопрядильныхъ фабрикахъ, напримѣръ, въ зимніе мѣсяцы (съ октября по апрѣль) порядокъ смѣны мѣняется настолько, что на каждую недѣлю прибавляется одна лишняя 6-ти часовая смѣна. Въмѣсто того, чтобы начинать рабочую недѣлю съ 12 часовъ ночи въ воскресенье, все это время начинаютъ ее въ 6 час. вечера. Такимъ образомъ, всѣхъ рабочихъ смѣнъ въ недѣлю бываетъ не 24, а 25, причемъ каждая половина рабочихъ чередуется по недѣльнѣ и работаетъ то 13, то 12 смѣнъ. За 6½ мѣсяцевъ зимняго времени получается по точному расчету 26 лишнихъ смѣнъ, которыми фабрики пользуются безвозмездно. Если эти 26 смѣнъ перевести на деньги, т. е. по расчету получаемой рабочими платы, окажется, что для каждаго рабочаго онѣ стоятъ ровно половину

всего месячного заработка (въ месяц рабочий выставляет до 50 смѣн).

И въ замѣнъ этихъ, теряемыхъ 8—12 руб. заработка, недрых фабрикантъ *дари́тъ* ему на 2, на 3 руб. ситцу или коломенца, которые въ сущности фабригѣ не стоятъ *ничего*. Да и то не всякому, а только тѣмъ, кто не былъ штрафовать. Штрафованный, поэтому, долженъ терять вдвое. Поистинѣ, «на бѣднаго Макара...»

• Если вспомнимъ, что на льнопрядильныхъ фабрикахъ работаютъ тысяча, двѣ и больше рабочихъ, то, на самый худой конецъ, экономія отъ такой скромной аферы достигнетъ десятка тысяченовъ-рублей...

И тихо, и благодѣтельно, и выгодно!

Относительно штрафовъ, назначаемыхъ за прогуль, порчу материала, битые стекла и газовыхъ фонарей, курение табаку, приносъ спичекъ и проч., различныя фабрики держатся разныхъ порядковъ. На однихъ—штрафы строго преслѣдуются, и, назначаясь въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, точно таксированы въ «правилахъ», изложенныхъ въ «расчетной» книгѣ; сверхъ штрафа, преступный рабочий никогда удалется съ фабрики, но черезъ двѣ недѣли, мѣсяца его верѣдло берутъ назадъ. На другихъ фабрикахъ назначеніе и размѣръ штрафовъ зависятъ отъ *усмотрѣнія* гг. директоровъ. Наконецъ, третьи фабрики берутъ и вовсе мало штрафовъ, но, въ случаѣ негодности рабочаго, даютъ ему расчетъ и больше на фабрику не принимаютъ.

Штрафы съ рабочихъ, безспорно, одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ нашей фабричной и заводской промышленности. Больныхъ не потому, что они существуютъ, практикуются, а потому, что въ нихъ нѣтъ системы, послѣдовательности, что они оружіе въ рукахъ фабрикантовъ, которое, по ихъ усмотрѣнію, можетъ служить имъ или къ матеріальной выгодѣ, или къ нравственному вліянію на рабочаго, или къ обезпеченію только своихъ насущныхъ интересовъ. Безъ штрафовъ, безъ этой палки, грозно висящей надъ рабочимъ,—обойтись, повидимому, нельзя. Русскій человекъ, да еще фабричный къ тому же, безспорно требуетъ палки. Но, по моему, нельзя предоставлять людямъ еще столь низкой культуры, какъ наши фабриканты, выборъ этой палки по своему усмотрѣнію. Беря жердь, беря хворо-

стину, бери и тросточку—что по душѣ; да и хлещи ими какъ знаешь: до смерти, до дурмана, или только до свияковъ...

Такова у насъ теперь смѣшанная система взыманія штрафовъ. Одинъ, двое изъ самыхъ «заматерѣлыхъ», что называется, хватили по громадной жерди, и ну ея дубасить народъ Божій. Тѣ возопили, вселопились: «Бьютъ, рѣжутъ, караулы!» да и давай сами бить, крошить, истреблять все, что было «хозяйскаго». Вышло событіе. Волнения между рабочими, бунтъ, войска, прокуроры, слѣдствія, телеграммы, газетныя статьи, и, въ заключеніе, общественное мнѣніе, грозное для всѣхъ фабрикантовъ.

— Это не люди, это изверга. . заговорили радѣтели народныхъ интересовъ. Они высосутъ всю кровь у бѣднаго рабочаго... Они на этихъ штрафахъ миллионы себѣ навиваютъ... и проч., и проч.

Правы ли эти крикуны?—очевидно, нѣтъ. Высосать всю кровь у рабочаго штрафами нельзя, да это и не выгодно для самихъ фабрикантовъ. Милліоны навить—тоже нельзя. Тѣ, кто шли такосе намѣреніе, очень скоро поплатились и повали свою ошибку. Поумнѣе и поосторожнѣй,—сменяли, что выгоднѣ вести дѣло тихо, безъ лишняго шума, не озлобля рабочаго, и, въ то же время, не забывая себя. Поэтому-то такихъ людей, которые хватились за «хворостинку», а не за «дубину», наберется больше всего между фабрикантами; хворостинку эту они научились держать такъ, чтобы никому она особенно не тыкала въ глаза, а дѣло свое дѣлала.

И пошла она хлестать по согнутымъ спинамъ рабочихъ, хлестать безъ шума, да и не такъ уже больно, чтобы «спина» орада. Остаются рубцы, опухоль, но до крови не доходитъ...

По огульнымъ отзывамъ хозяевъ фабрикъ, штрафы не составляютъ для нихъ доходной статьи и далеко не покрываютъ убытковъ, наносимыхъ прогулами и неисправной работой; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ (буйства, кражи, приносъ спичекъ, курение табаку) они принѣмаются только какъ средство самозащиты со стороны фабричной администраціи.

А въ «Очеркѣ» г. Пирогова находимъ слѣдующее:

«По сообщенію лицъ, близко знакомыхъ съ одной фабрикой, преслѣдующей штрафы и имѣющей до 1,880 рабочихъ, ежемѣсячно штрафуется до половины рабочихъ, въ размѣрѣ отъ 25 к. до 1 руб.,

такъ что общая сумма штрафовъ составляетъ въ мѣсяцъ до 500 р., а въ годъ до 6,000 руб.».

Въ сообщеніи г. Пирогова сомнѣваться трудно. Безпристрастность и бестенденціозность сквозитъ въ каждой страницѣ его изслѣдованія. Но и отзывы фабрикантовъ нельзя оставить втүгѣ. По крайней мѣрѣ лично я, безъ всякихъ колебаній, вѣрю въ отзывы двухъ-трехъ крупныхъ фабрикантовъ, которые при томъ мнѣ удалось тутъ же и проверить.

Эти господа принадлежатъ къ тѣмъ, въ рукахъ которыхъ штрафы — только легкая трость, ограждающая ихъ безопасность. Она грозна для рабочихъ, эта трость клещетъ больно, но клещетъ не въ рукъ фабрикантовъ, а въ рукъ самихъ же рабочихъ. У А. П. Ковалова, напримеръ, взимаются небольшіе штрафы въ пользу фабрики только за порчу товара, машинъ и вообще за вещественный убытокъ. За булства же, прогулъ или, вообще, поведеніе, не соответствующее фабричнымъ правиламъ, виновные уплачиваютъ извѣстный по таксѣ штрафъ въ пользу такъ называемаго «рабочаго фонда». Такую систему штрафовъ слѣдуетъ признать самой естественной по духу, самой идеальной по формѣ.

Рабочій слѣдитъ другъ за другомъ, и ужъ никакія поблажки, ни, наоборотъ, придирки надсмотрщиковъ не измѣняютъ дѣла.

При мнѣ приходится къ А. П. Ковалову провинившіеся рабочіи.

— Александръ Петровичъ, простите?..

— А что, другъ?..

— Вечоръ, вотъ, малость, выпилили былъ...

— А! не хорошо, братъ, не хорошо... съ отеческой лаской говорить добродушный старикъ.

— Не хорошо оно, самъ понимаю... Да случай вышелъ.

— Такъ что-жь я-то помогу?

— Насчетъ этого самаго штрафа. Нельзя ли простить?.. Уважьте ужъ, Александръ Петровичъ! И въ жизнь не буду... молить грязный паренъ, алаяясь ховалпу.

— И радъ бы, кой милый, не могу! У артели проси!

— Просилъ ужъ! Смиѣнется...

— Ихъ дѣло, ихъ дѣло! Я не вмешиваюсь.

— Да хоть на этотъ разъ...

— Ахъ, какой ты, право! Не могу же я отнимать у тебя твой заработокъ; точно также и у артели не могу отнимать твой штрафъ. Ты напился — они и заработали; другой напиется — ты заработаешь. Нѣтъ, братецъ, ступай съ Богомъ! Лучше самъ не пей, да и за другими слѣди. Напроешь кого — твоя выгода будетъ...

— На этотъ разъ только...

— Говорять же тебѣ, бестолковый, я не мѣю права! Понялъ? загорячился старикъ.

— Понялъ, батюшко... понялъ... торопливо поклонился рабочій. Такъ я ужъ пить не буду, да и другимъ того... замѣчать буду!

— Это вотъ дѣло!.. штрафъ-то пожалуй и наверстаешь...

— Постараюсь, Александръ Петровичъ!.. Постараюсь... прощенія просимъ... весело проговорилъ паренъ, отретировываясь черезъ садовую калитку.

Глядя на этого парня, на его веселый видъ, когда ему отказали въ просьбѣ, я понялъ, что штрафъ его не разорилъ и не обидѣлъ. Въ лицѣ его и въ тонѣ рѣчи прямо говорило сознание своей виновности, сознание справедливости наказанія. Видно было, что отказъ хозяина его не удивилъ и не огорчилъ. Овъ къ нему былъ приготовленъ, вѣроятно даже увѣренъ былъ въ немъ.

— Зачѣмъ же они приходять къ вамъ, когда знаютъ правила, знаютъ, что вы простить не можете?.. спросилъ я старика.

— Знаютъ все это, и хорошо знаютъ. Не первый день у меня такъ заведено. А вотъ, подите, каждый приходитъ и кланяется! Натюра видно такая. На авось идутъ! А главное, побесѣдовать съ хозяиномъ хочется. Русскій человекъ любитъ пошалывать. Ко мнѣ входило открытъ всякому, самъ здѣсь вѣкъ живу... и идутъ, больше отъ нечего дѣлать, добродушно улыбнулся старикъ. Горячо и съ возмущеніемъ говорилъ онъ мнѣ потому о несправедливости нападокъ общества на фабричные порядки, на штрафы.

— Какая, наконецъ, мнѣ польза душить ихъ штрафами?.. заглянулъ онъ. Народъ только отобью, больше напортать! Однѣмъ убытокъ будетъ, а не миллионы...

Добрый старикъ, какъ все добрые люди, имѣетъ свойство судить по себѣ о другихъ.

Далъ бы Богъ, чтобы оно было такъ, но пока... фабричные штрафы

далеко еще не *отожилось* обаяние фабрикантов и провозовъ въ нихъ — далеко не такая пустая вещь, чтобы о немъ не говорить. Горькія послѣдствія недавняго возмущенія рабочихъ Морозова свѣдѣтельствуютъ о томъ яснѣе словъ.

На этомъ полѣ правительству предстоитъ еще широкій и благодѣтельный трудъ. Собрать всѣ практикуемыя на тысячахъ фабрикъ и заводахъ «правила», рассмотреть ихъ при помощи экспертовъ изъ тѣхъ же фабрикантовъ и заводчиковъ и, въ концѣ-концовъ, установить одинъ общій, для всякаго рода промышленности, а если нужно для каждаго района, — «правила» и уставы. Въ нихъ не должно быть, прежде всего, — по усмотрѣнію директора, какъ нынѣ практикуется въ большинствѣ фабрикъ. Законъ долженъ — усматривать, а не директоръ, который служитъ частнымъ интересамъ и, по точному смыслу, олицетворяетъ собой не болѣе, ни менѣе, какъ *примачика* своего хозяина, еще болѣе служащаго часто своимъ личнымъ интересамъ. Форма «правилъ» для рабочаго, вниманіе штрафовъ и, главное, устройство изъ этихъ послѣднихъ «рабочаго фонда» могутъ быть во многомъ скопированы у А. П. Коновалова, котораго голосъ по этому предмету, какъ одного изъ первыхъ пионеровъ фабричной промышленности въ краѣ, и пионера, единственнаго въ своемъ родѣ, по *обстановкѣ* этой промышленности, по созданію въ ней прочныхъ человѣческихъ отношеній между хозяйскою администраціей и рабочими, какъ, наконецъ, одного изъ умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ людей въ своемъ дѣлѣ, голосъ котораго долженъ имѣть мѣсто въ предполагаемомъ обсужденіи вопроса. А съ нимъ вмѣстѣ не должны быть забыты и тѣ молодые побѣги нашихъ старыхъ фабричныхъ отраслей, которые смѣло, хотя еще неопытно, поднимаютъ также свои голоса за права человѣчества, права гражданства нашего испугаго, развращеннаго, полудикаго, но еще далеко не погнѣбшаго, фабричнаго...

Вичугскій край.

Вичугскій край, или такъ-называемый Вичугскій фабричный районъ, — это главный центръ фабричной промышленности въ краѣ, важнѣйшій изъ трехъ районовъ Костромской губерніи. Какъ уже сказано выше, этотъ центръ, послѣ Иваново-Вознесенска, Владимирской губерніи, можетъ считаться вторымъ по многоотрасленности ва-

довъ обработаніи волокнастихъ веществъ и по оборотамъ съ готовыми произведеніями. Поэтому, справедливо было бы на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Извѣстный среди мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «Вичуга» *), онъ занимаетъ юго-западную часть Кинешемскаго уѣзда, — вокругъ станціи «Вичуга» шуйско-ивановской желѣзной дороги, и заключаетъ въ себѣ волости: Вичугскую, Тезинскую и Углецкую, гдѣ и находятся сами фабрики. Если же принять во вниманіе, что въ фабричныхъ работахъ участвуютъ и до половины жителей ближайшихъ трехъ волостей Юрьевскаго уѣзда: Философской, Макотовской и Семеновской, — то все населеніе района можетъ быть исчислено, судя по послѣднимъ спискамъ населенныхъ мѣстъ, — въ 27,650 человѣкъ обоего пола.

Основаніе фабричнаго дѣла въ этомъ краѣ относятъ къ 1812 году, когда, тотчасъ послѣ отечественной войны и запретительнаго тарифа 1810 года, нѣкій грѣшностой (если не ошибаюсь — князь Львовыхъ) *Петръ Коноваловъ*, основалъ въ селѣ *Вонячмахъ* первую маленькую ручную ткацкую. Коноваловъ этотъ былъ замѣчательный мужикъ. Снявъ деревенскаго коновала, откуда и получила его фамилія, онъ съ необыкновеннымъ чутьемъ предугадалъ широкую будущность своего дѣла именно въ этомъ мѣстѣ, — между Низинимъ и Москвой, въ сосѣдствѣ съ краемъ, богатымъ льномъ, въ сосѣдствѣ съ Волгой. Также удачно выбранъ имъ былъ и моментъ основанія своего дѣла, когда, вслѣдствіе паденія нашего курса и сокращенія ввоза заграничныхъ надѣлій, усилился спросъ на мѣстный мануфактурный товаръ. Вся протекавшая до сего времени исторія мѣстной промышленности, однимъ характернымъ фактомъ, подтверждающаго сообразительность Коновалова: никогда вичугское производство не переживало такихъ счастливыхъ дней, какъ послѣ большихъ войнъ. Послѣ войнъ: восточной 1853—1856 года и турецкой 1877 года, Вичуга въ огромныхъ размѣрахъ расширила свое производство и каждый разъ называла миллионы. Миллионы эти приобрѣтались, понятно, фабрикантами; рабочій людъ въ нихъ не причастенъ, и вся выгода его заключалась во временномъ усиленіи спроса и временномъ поднятій задѣльной платы.

*) Отъ села „Вичуга“.

Съ легкой руки Коновалова, фабрики въ томъ краѣ стали впродолженіи, какъ грибы. Уже въ первый же 13-тилѣтній періодъ (1812—1825 годы) основано было 6 самыхъ крупныхъ фабрикъ съ производствомъ нитѣ почти въ 4 милліона и съ числомъ рабочихъ въ $3\frac{1}{2}$ тысячи человѣкъ.

Въ слѣдующій затѣмъ (25-тилѣтній періодъ 1826—1850 годъ) основано тоже 6 фабрикъ, но уже гораздо меньшихъ; между ними нѣтъ ни одной механической. Общее производство ихъ не достигаетъ 1 милліона, а число рабочихъ всего 660 человѣкъ.

Затѣмъ въ слѣдующій и послѣдній 25-тилѣтній періодъ (1856—1881 годъ), послѣ восточной войны, хотя новыхъ фабрикъ было построено только 5, но уже гораздо большихъ размѣровъ. Такъ, общее производство ихъ простирается до $1\frac{1}{2}$ милліоновъ, а число рабочихъ до 1,400 человѣкъ. Последняя изъ фабрикъ въ томъ краѣ, Ник. Коновалова, основана въ 1881 году.

Всѣхъ-же фабрикъ Вичугскаго района насчитывается 17, съ производствомъ почти въ 6.300,000 руб. и числомъ рабочихъ въ $5\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ. Изъ этого послѣдняго количества на долю мужчинъ приходится около 76%, на долю женщинъ — около 24%. Кроме постоянного состава рабочихъ, существуютъ еще такъ-называемые *кустари*, которымъ даютъ работу на домъ. Ихъ работаетъ на вичугскій фабрику около $7\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ, такъ что вся сумма лицъ, участвующихъ въ фабричномъ производствѣ того края, составляетъ почти 13 тысячъ человѣкъ.

Относительно суммы фабричнаго производства слѣдуетъ замѣтить, что она не составляетъ еще всей суммы оборотовъ мѣстныхъ производителей. По отзывамъ лицъ, близко знакомыхъ съ промышленнымъ положеніемъ Вичугскаго края, сумма этихъ оборотовъ далеко превышаетъ 10 милліоновъ рублей. Причина такой большой разницы заключается въ томъ, что нѣкоторыми изъ фабрикантовъ товары приобретаются погуппой изъ Москвы и Иваново-Вознесенска и отсылаются прямо въ мѣста сбыта — преимущественно на ярмарки. Такъ, наприм., производство одной изъ фабрикъ исчислено владѣльцами менѣе 1 милліона, между тѣмъ какъ торговые обороты ея на разныхъ ярмаркахъ и въ Москвѣ достигаютъ до 1.750,000 руб.

Преобладающій видъ промышленности Вичугскаго края — *бумаготкацкое и отдѣлочное производство* въ разныхъ сочетаніяхъ и фор-

махъ; ткачество же *льняныхъ издѣлій* служитъ нынѣ спеціальностью только на трехъ небольшихъ фабрикахъ и превосходитъ составной частью въ производствѣ двухъ крупныхъ.

Когда-то, однако, въ вѣткѣмъ столѣтій, а можетъ быть и раньше, существовало здѣсь только ткачество *льняныхъ издѣлій*. Тогда с. Вичуга съ его окрестностями служило центромъ и сложилось своимъ камчатнымъ производствомъ и салфеточными матеріями.

Зачатія же бумажнаго производства относятся къ 1812 году, когда русскіе бѣглецы изъ-подъ Москвы привезли сюда бумагу вмѣстѣ со способомъ ея обработки. Тогда завелся впервые *клеяны* (производившія заклею бумагу), съ раздачей бумажныхъ основъ на дома; суровый товаръ вывозился въ Москву и Иваново-Вознесенскъ, гдѣ вѣдѣлся уже красильни и набивныя фабрики.

Существованіе этихъ клеяевъ не мѣшало, однако, *льняному* ткачеству; и только съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, не выдержавъ соперничества машиннаго производства въ Англіи, фабрикація равентуховъ, полотенецъ и салфетокъ пала во всей Костромской губ. Огромныя полотняныя фабрики, извѣстныя всей Россіи, какъ я уже упоминалъ выше, стали закрываться, а населеніе и фабриканты бросились разомъ на другую отрасль фабричной производительности, еще тогда новую — *бумаготкацкую*.

По наибольшему количеству выдѣлки бумажныхъ издѣлій въ Костромской губ. занялъ первенствующее мѣсто Кинешемскій уѣздъ, а въ немъ — Вичугскій край.

Съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, новые производители бумажныхъ издѣлій въ краѣ перестали уже отдавать свое сырье для работки въ Москву и Иваново, а одинъ за другимъ сами стали устранивать у себя *красильни* и *отдѣлочны* наряду съ *клеянями*, потому что вскорѣ ручныя ткацкія и наконецъ, въ послѣднее время — *механическія*.

Первый прамѣръ такому развитію бумажнаго ткачества въ Вичугѣ подавалъ, какъ я уже говорилъ, Петръ Коноваловъ. Устроивъ свою крошечную фабричку еще въ 1812 году, онъ постепенно ее расширялъ, вводилъ новые отдѣлки, вдовѣмъ бралъ старое сообразно требованіямъ времени и успѣхамъ науки; сынъ его продолжалъ дѣло отца, и вотъ, спустя 73 года, маленькая ткацкая Коновалова обрѣтается въ громадную фабрику изъ множества корпусовъ, съ 2,200

чал. рабочих *постоянных* и столько же *кустарей*, съ 2.100,000 руб. годовой производительности и съ ¹/₂-миллиономъ чистаго годоваго дохода. Фабрика эта, не говоря уже, что она самая обширная въ край, представляетъ собой еще не малый интересъ, какъ живая иллюстрація промышленности Вичугскаго края, во всёхъ ея фазисахъ. Въ производствѣ ея сохранились всё формы бумажнаго ткачества:—самыя старыя наряду съ самыми усовершенствованными, а въ складахъ навалены всё виды и сорта произведеній—льняныхъ и бумажныхъ. Здѣсь можно купить и кусокъ грубаго поленагора, и самый изящный канифасъ или ситецъ, льняныя и полульняныя скатерти и салфетки художественныхъ рисунковъ, вязаныя пушистыя полотенца и простыни для купанія, рогожку, суровыя полотна на костюмъ, бриллиантинъ и много другаго; здѣсь мирно соединились всё ступени и формы мѣстнаго производства, начиная отъ раздачи основъ на дома крестьянамъ и ручнаго тканія скатертей и полотенецъ, до окончательной механической выдѣлки и отбѣлки равнообразнѣйшихъ бумажныхъ и льняныхъ матерій.

Кромѣ главной фабрики въ селѣ Боничахъ, у А. П. Коновалова нѣются еще вспомогательныя отдѣленія въ нѣкоторомъ разстояніи; такъ, въ верстахъ 5-ти, за рѣчкой Пезухой, нѣется у него *ручная ткацкая*, а верстахъ въ 20-ти въ поселѣ Каменка—*бумажно-красильная*, занимающаяся одной отбѣлкой и окраской всего сырья, изготовляемаго въ Боничахъ.

Рабочихъ, какъ я уже сказалъ, бываетъ свыше двухъ тысячъ человекѣ, и общая цифра жалованія, выданнаго имъ за послѣдній годъ, простиралась до 200 тыс. руб. Кустарямъ, за это же время, выдано было свыше 40 т. рублей. «Дачка» производится въ субботу передъ 15 числомъ каждаго мѣсяца.

Работа на фабрикѣ въ разныхъ отдѣлахъ бываетъ:—или 6-ти часовая *сменная*, или *денная*, или наконецъ, *сменная*. О достоинствахъ и недостаткахъ этихъ способовъ работы—мы говорили выше, здѣсь, однако, преобладаетъ способъ 6-ти часовыхъ сменъ, а потому, въ общемъ, этотъ предметъ устройства фабрики слѣдуетъ считать неудачнымъ.

Сырье и полуобработанные матеріалы употребляютъ фабрикою на слѣдующія суммы:

Пряжи русской: бумажной . . .	на	810,000 руб.
„ „ льняной . . .	„	345,000 „
Красильныхъ матеріаловъ . . .	„	75,000 „
Бумажныхъ „ . . .	„	25,000 „
Всего . . .	на	1.255,000 руб.

Издѣлій же готовится и продается:

Бумажныхъ	на	1.500,000 руб.
Льняныхъ	„	600,000 „
Итого . . .	на	2.100,000 руб.

Сбытъ издѣлій производится въ Москвѣ, Харьковѣ, на Нижегородской, Ирбитской и Украинской ярмаркахъ.

Съ 1881 года Вичугская фабричная промышленность вступила въ *новый фазисъ* своего развитія, признаками котораго являются: а) устройство первыхъ въ губерніи бумагопрядильныхъ и б) перенесеніе фабричнаго производства на берега Волги.

До тѣхъ поръ, какъ сказано выше, промышленность этого края заключалась лишь въ *ткачество*, причѣмъ необходимымъ для того пряжа закупалась на сторонѣ: въ Москвѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ 1881 году устроены были на берегу Волги, подъ г. Княешмой, первыя двѣ обширныя бумаго-прядильныя братьевъ Раззоровыхъ. Эти фабрики, по своему устройству, представляютъ новѣйшій типъ такого рода заведеній, со всеми новѣйшими приспособленіями. По внѣшнему виду—онѣ лучшія въ губерніи. Чистота, элегантность, просторъ, какъ собственно въ фабричномъ помѣщеніи, такъ и въ помѣщеніи не оставляютъ требовать ничего лучшаго. По обширности же производства, эти двѣ фабрики смѣло могутъ снабжать бумажной пряжей всё остальные фабрики края, давать имъ болѣе дешевый матеріалъ и тѣмъ служить въ оживленію всего бумаго-ткацкаго производства Вичуги. А въ оживленіи этомъ, хотя бы и *rouge le moment*, Вичугскій край очень-таки нуждается. Уже одинъ тотъ фактъ, что фабричное производство начинаетъ явственно тяготѣть къ Волгѣ*), указываетъ на какія-то мѣстныя условія, неблагоприятяую-

*) Кромѣ двухъ фабрикъ бр. Раззоровыхъ, на Волгѣ еще вновь встроена громадная «Волжская мануфактура бумажныхъ и льняныхъ издѣлій», въ 12-ти верстахъ отъ Княешмы.

ція ей въ родномъ край. Условій этихъ порядочно, но главныхъ два: 1) недостатокъ воды, который съ развитіемъ фабрикъ начинается чувствоваться въ край все сильнѣй и сильнѣй, и 2) неудовлетворительность подвозныхъ путей отъ фабричныхъ центровъ къ мѣстной станціи желѣзной дороги.

Когда все производство было только ручное, когда не было еще въ край усовершенствованныхъ *бумленъ*, *красленъ* и проч., требованіе воды было самое ничтожное. Маленькая рѣчка Пезуха, орошающая этотъ край, доставляла ей вдолѣ. Но когда, ватѣмъ, фабрики тѣсно стали лѣпиться по берегу этой рѣченки, а бѣленіе и крашеніе надѣлѣй потребовало сразу громаднаго количества постоянно свѣжей и частой воды, рѣченка быстро стала истощаться, а ее прозрачны струи, разбѣшанныя обильными отбросамъ отъ фабричныхъ трубъ, приняли видъ грязной, зловонной, вредной не только для живаго существа, но и для мертвой тѣли—жидкости.

Фабриканты, наконецъ, ахнули, исполохались; но было уже поздно. Они ясно поняли, что, вмѣстѣ съ остатками чистой воды, Пезуха уноситъ съ собой и ихъ „лучшее“ время, розовія надежды, беззаботность; тѣмъ темнѣе и мутнѣе становилась рѣчка, тѣмъ мрачнѣе рисовалась имъ собственная будущность. Всякая лишняя фабрика на берегу рѣчки могла окончателно истощить ее воды и привести къ ужасной необходимости закрыть всё. Это истинно чувствовали старые фабриканты, хотя и не высказывались громко. Русское «авось» и на этотъ разъ было ихъ надеждою и надеждою не напрасной. Новые молодые фабриканты Вичуги, еще яепіе своихъ отцовъ и дѣдей, поняли свою будущность у отравленныхъ водъ Пезухи. Не долго думая, они убралась по добру—по здоровью отъ тошей рѣченки и прильнули къ могучей Волгѣ. Развѣ истощимъ ее широкое русло, развѣ замутишь ее быстрыя воды? думали юные фабриканты, какъ думаютъ и многіе. А между тѣмъ, годъ отъ году и могучая Волга мелѣетъ, годъ отъ году и ее воды теряютъ свой природный вкусъ, воспринимая ароматы нефти, красокъ и всякой гнили.

Фабрики-ли тутъ виной?. Не знаемъ! Но фактъ несомнѣненъ. Несомнѣнно и то, что перенесеніе фабрикъ изъ Вичуги къ Волгѣ если и заразило частіцу волжскихъ водъ, то спасло, вѣроятно, Вичугу отъ грозныхъ послѣдствій *безводья*. Вторая причина, задерживающая промышленное развитіе Вичугскаго края,—недостатокъ *зо-*

ромныхъ подвозныхъ путей, въ своемъ родѣ составляетъ фактъ замѣчательный. Этотъ край, столь богатый капиталами и смѣшленными предпринимателями, остался безъ дорогъ. Въ одномъ изъ фабричныхъ селъ, какъ намъ передавали, три фабриканта платятъ въ бездорожницу каждую весну и осень лишніи деньги за доставку товара къ станціи желѣзной дороги, и все не могутъ согласиться между собой проспировать путь до этой станціи. Расходъ на это составлялъ бы для нихъ не болѣе 15—20 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ ежегодно переплачиваются ими тысячи.

По истинѣ, русскій край и русскіе люди!.. Еще страннѣе покажется такое обстоятельство, если вспомнимъ, какихъ трудовъ и денегъ стоило этимъ же фабрикантамъ проведеніе мѣстной линіи желѣзной дороги. Чугунку устроили, а подвоза къ ней пѣтъ и врадѣ ли когда будетъ... Характерно! Изъ второстепенныхъ условій, неблагопріятствующихъ фабричной промышленности Вичугскаго края, слѣдуетъ отмѣтить:

а) Недостатокъ *рабочихъ рукъ*, особенно замѣтный лѣтомъ, когда часть рабочихъ уходитъ на полевья работы. По словамъ одного фабриканта, въ послѣднія пять лѣтъ рабочая плата здѣсь значительно, вслѣдствіе того, повышена; за что платилось ранѣе 5 р. 40 коп. въ мѣсяць, теперь платится 8—8 р. 50 коп. Не смотря на то, съ расширеніемъ потребности въ рабочихъ, послѣдніе стали крайне неспираны, замѣчатель и штрафовъ не принимаютъ, при удобномъ случаѣ требуютъ надбавки платы.

Слѣдуетъ сказать, въ интересахъ истины, что замѣчаніе фабрикантовъ относится лишь къ періоду 1875—1882 года, когда, послѣ турецкой войны, производство края расширилось и плата рабочимъ, вслѣдствіе того, повысилась. Съ 1882 же года послѣдовало явленіе, совершенно обратное; общій промышленный кризисъ, обусловливавшійся уменьшеніемъ спроса на товары внутренняго производства отразился и на промышленности Вичугскаго края. Вслѣдствіе того, владѣльцы фабрикъ снова понизили задѣльную плату и сократили производство; въ особенности уменьшена была въ послѣднее время такъ называемая „раздача“ основъ на дома, для тканья бумажныхъ и льняныхъ издѣлій.

Такое явленіе, однако, не повлияло на вторую часть жалобъ фа-

бригантовъ, а именно — на недостатокъ рабочихъ рукъ въ лѣтнее время.

б) Оби́е *натуральныхъ заведений*, трагичная жизнь, разгулъ — вотъ еще одна изъ важнѣйшихъ причинъ, тормозящихъ правильное развитіе здѣсь фабричной промышленности. Кто страдаетъ отъ этого больше — рабочіе или фабриканты — трудно сказать.

Неисправность первыхъ доходитъ до того, что многіе прогуливаютъ всѣ понедѣльники и работа иногда стоитъ по нѣскольку дней; штрафы же за неавку, по словамъ фабрикантовъ, далеко не покрываютъ наносимыхъ отъ того убытковъ. Вѣрять ли въ этомъ послѣднемъ фабрикантамъ — опять-таки трудно отвѣтить. Выше мы видѣли такихъ, которые съ лихвой вознаграждаютъ себя за убытки, видѣли и другихъ, для которыхъ штрафы существуютъ только какъ печальная необходимость.

Но какъ бы тамъ ни было, убытки отъ разгула рабочихъ видны́мъ образомъ такъ чувствительны для фабрикантовъ, что вызвали огульное ходатайство ихъ о необходимости сокращенія числа питейныхъ заведеній въблизи фабрикъ, предъявленное еще въ 1881 году. Ходатайство это было удовлетворено только на половину. Правительство разрѣшило фабрикантамъ закрывать ближайшіе отъ фабрикъ кабаки только въ такомъ случаѣ, когда на фабрикѣ работаетъ свыше 500 (если не ошибаюсь) человекъ.

Мѣра непонятная, нелогичная, подтверждающая только еще разъ общее убѣжденіе, что у насъ «все дѣлается на половину».

Въ Вичугскомъ краѣ, изъ 17 фабрикъ, только три имѣютъ рабочихъ свыше 500 человекъ. Да и вообще, такихъ фабрикъ громадное меньшинство у насъ. Какая же польза отъ закрытія *трехъ* кабаковъ тамъ, гдѣ ихъ существуетъ еще 14 и гдѣ ничего не стоитъ рабочему сдѣлать нѣсколько лишнихъ шаговъ, чтобы зайти въ *чуждой* кабакъ?!

Недостаточность и странность этой новой мѣры правительства настолько ясно была сознана фабрикантами, что тѣ, въ настоящую Нижегородскую ярмарку, въ бытность на ней великаго князя Владиміра Александровича, обратились къ нему, въ числѣ разныхъ ходатайствъ, съ просьбой объ отменѣ и этого новаго распоряженія министерства финансовъ. Дай Богъ, чтобы это министерство хотя здѣсь поступалось своими *натуральными* интересами на пользу нашей про-

мышленности, нашего многочисленнаго фабричнаго люда, а то, право, и смѣшно, и грустно...

По словамъ одного сельскаго корреспондента, разгулъ и пьянство среди фабричныхъ рабочихъ столь велики, что въ одной деревушкѣ (близъ деревни Старой Гольчихи) сидѣлецъ выручаетъ въ первые пять дней Пасхи до 2,000 руб. (11), продавая за эти дни весь наличный запасъ вина.

Нужно ли еще что добавлять въ защиту благихъ желаній фабрикантовъ и въ объясненіе вѣботъ нашихъ финансистовъ?..

И такъ, четыре исчисленныя причины влияют, главнымъ образомъ, на упадокъ, или, вѣрнѣе, на остановку развитія промышленности Вичугскаго края, развитія, которое продолжалось неустанно съ 1812 года:

- 1) недостатокъ воды;
- 2) недостатокъ хорошихъ путей сообщенія;
- 3) недостатокъ въ лѣтніе мѣсяцы рабочихъ и
- 4) пьянство между ними — вотъ что виситъ надъ богатымъ Вичугскимъ краемъ, виситъ какъ грозная туча, все сгущаясь и все ниже опускаясь надъ гордо глядящими въ небо темными отверстиями дымящихся фабричныхъ трубъ.

Хозяева этихъ великановъ, если и замѣчаютъ ее, то пока не очень тревожатся. У нихъ всегда имѣется въ запасѣ одно оружіе, которымъ легко устранить не только тучу, но и громы и молніи; оружіе это — *деньги*. Все производство Вичугскаго края ведется преимущественно на *собственные* капиталы фабрикантовъ; торговля несостоятельность — дѣло здѣсь рѣдкое; займы, векселя, разсрочки — тоже случаются не часто.

За то, въ просторныхъ свѣтелкахъ, подъ желѣзными запорами покоятся десятки и сотни всякихъ серій, акцій и облигацій, покоятся втайнѣ для всѣхъ, нарастаютъ, замѣняются новыми, пока нежданное обстоятельство не извлекаетъ ихъ на свѣтъ Божій.

Въ этомъ вся сила Вичуги; и эту силу не сломали ни конкуренція сосѣдняго Иваново-Вознесенска, ни общій кризисъ въ торговыхъ дѣлахъ, — не сломали ее по тѣмъ причинамъ, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, оказались бы, вѣроятно, пагубными.

Независимо отъ оборотныхъ капиталовъ, фабриканты владѣютъ значительными недвижимыми имуществами; имъ принадлежатъ те-
Очерка соврем. Россіи. 26

перь большая часть частных хлбсовъ и земель южной половины Кинешемскаго уѣзда. Цѣбля нѣбнія въ тысячи десятинъ земли покупаются ими отъ мѣстныхъ дворянъ, покупаются дешево и охотно, — «между прочимъ», какъ они говорятъ. Покупки эти въ послѣднѣе годы особенно участились, и рѣдко ужъ какой помѣщикъ не моровитъ теперь всучить свое родное гнѣздо «въ руки купеческія».

Приобрѣтаемыя нѣбнія тотчасъ начинаются эксплуатироваться купцами съ полной заботливостью и умѣньемъ. Полевое хозяйство у нихъ ведѣть ведется превосходно и даетъ результаты *вдвое* лучшіе, противъ сосѣдняго крестьянина. Хлбса, въ большинствѣ случаевъ, беругутся *про черныи день*. Фабриканты сознають ихъ возрастающую цѣбность и потому предпочитаютъ покупать дрова, — при существующей низкой цѣбѣ за сажень въ 5½ руб. Десятки тысячъ десятинъ лучшаго хлбсу принадлежать уже фабрикантамъ, а въ этомъ ихъ гордость, ихъ возрастающее могущество.

Но если земля, попадающія въ руки фабрикантовъ, не пропадаютъ втунѣ, а оживаютъ, наоборотъ, составила годъ отъ году вѣбпущій оплотъ этихъ лицъ отъ случайностей фабричнаго дѣла, отъ всѣхъ неблагопріятствующихъ ему условій, то земля крестьянскія, сосѣбнія съ ними, именно въ силу этого сосѣбства, все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ.

Не говоря ужъ о *невыгодности* крестьянскаго землевладѣнія въ конкуренціи съ купеческимъ, дающимъ несравненно лучшіе результаты, оно и невыгодно и даже немислимо здѣсь, главнымъ образомъ, потому, что фабричный трудъ убилъ земледѣльческій. Такая участь постигаетъ обыкновенно всѣ мѣстности, сосѣбнія съ фабриками и заводами; но здѣсь, въ Вичугскомъ краѣ, она провалилась съ наибольшей силой, съ наихудшими послѣдствіями для населенія.

Болѣе половины мужчинъ и много женщинъ этого края живутъ круглый годъ внѣ дома, занимаясь на фабрикахъ.

Полезна и значеніе земедѣлія съ каждымъ днемъ все болѣе ускользаетъ изъ мысли фабричнаго люда, предпочитающаго ежемѣсячный *тнрмнн* заработокъ годичному, *колеблющемуся* доходу отъ земли; между тѣмъ, большая часть этого люда съ января уже начинаетъ питаться купленнымъ хлббомъ, поглощающимъ почти весь остающійся отъ пьянства заработокъ.

Многіе изъ молодыхъ крестьянъ той мѣстности уже не умѣють ни пахать, ни косить, ни жать, ни молотить, и если исполняютъ эти работы, то черезъ пень-колоду, таготаясь ими. Ухода хлбтъ 10-ти на фабрику, она, естественно, не могутъ ни умѣть быть хозяевами, ни любить этотъ трудъ; въ инвентарѣ крестьянскихъ дворовъ на ихъ долю хлбтъ уже ни земледѣльческихъ орудій, ни скота. Словомъ, эти крестьяне, въ большомъ смыслѣ слова, уже не полевые работники.

Нельзя не замѣтить, однако, что на «страдную пору» земледѣльческихъ работъ часть рабочихъ оставляетъ фабрики и отправляется въ помощь своимъ домашнимъ.

Но какова эта помощь? — вотъ вопросъ.

По словамъ самихъ фабрикантовъ, этимъ временемъ рабочіе пользуются какъ «дачнымъ», употребляя его на отдыхъ, лечение «свѣжимъ воздухомъ», ухаживаніе за дѣвчатами и главное опить — на пьянство. Къ занятіямъ же полевымъ относятся съ *оторашеніемъ* и болѣе поргятъ дѣло, тѣмъ помогаютъ ему.

При свѣшной и плохой обработкѣ земли и недостаткѣ скота, урожай ржи на крестьянскихъ поляхъ бываетъ самъ — 3 (рѣдко самъ — 4), ячмень и овесъ — самъ — 3 и 2. На смежныхъ же «купеческихъ» поляхъ въ то же время урожаемъ достается самъ — 6, 7 и болѣе.

По конской переписи 1882 г. домохозяевъ, у которыхъ нѣтъ лошадей, сосчитано:

въ Кинешемскомъ уѣздѣ 19,1 проц. всѣхъ домохозяевъ.

» Юрьевецкомъ » 21,6 » » »

Если разбить Кинешемскій уѣздъ на двѣ половины — южную, въ которой сосредоточена фабричная промышленность, и сѣверную, гдѣ существуетъ только одна крупная фабрика, то разница въ числѣ безлошадныхъ крестьянъ, не ведущихъ въ большинствѣ случаевъ и хозяйства, — обнаружится весьма значительная; процентъ безлошадныхъ въ сѣверной половинѣ уѣзда, по даннымъ переписи, достигаетъ до 15,8, а въ южной — почти до 23 проц. Разница въ 7 проц., для мѣстности, столь бѣдной земледѣліемъ, ощущается весьма чувствительно.

Подъѣзжая къ фабрикѣ на разстояніи 10 — 15 верстъ, вы уже видите и чувствуете ея присутствіе здѣсь. Любая деревня, село въ этомъ районѣ явно свидѣтельствуютъ вамъ о томъ: заколоченныя,

стившіа, унівні наводящіа вѣбн; двори, похожіа на шалаши, нѣ жердей, альнику и гнѣлой соломы, на улицѣ только чумазые ребѣ-тиска, да тощія собаки и свиньи, за околицей — жидкіи выгонѣ, еле-тронутая сверху вапашка и безконечные пустыри съ чернѣю-щими на нихъ кущами кустарника, — вотъ обыкновенный и общій ландшафтъ такой деревни.

И горестно и тяжело... декламировалъ я себѣ каждый разъ, про-ѣзжая такими мѣстами.

Такъ называемый кустарный трудъ, или *домашнее ткачество*, не смотря на значительное число занятыхъ имъ по деревнямъ рукъ, не спасаетъ ни осѣдлости крестьянъ, ни ихъ домашнего хозяйства. Съ каждымъ годомъ домашнее ткачество все замѣтнѣе падаетъ. Только нѣкоторыя специальности остаются еще на рукахъ кустарей, и именно — задѣлая болѣе толстая и разнообразная по цвѣту (разно-челночная); всѣ же, болѣе тонкія и одноцвѣтныя ткани, становятся, и стали уже достояніемъ механическаго производства. Какъ бы вна-мѣнъ упадка домашнего производства, фабричная промышленность вызвала въ Вицугскомъ краѣ нѣкоторыя *ремесла*, удовлетворяющія потребностямъ какъ самихъ фабрикъ, такъ и работающаго на нихъ люда. Таковы мастерства: кузнечное, слесарное, столярное, сапож-ное, а также плотничное и портняжное.

Это стремленіе къ ремесламъ, вразвѣнъ умиравшаго кустарнаго труда, несомнѣнно имѣетъ въ себѣ инстинктивную жажду къ спа-сенію, къ выходу изъ заколдованнаго круга фабричныхъ корпусовъ. Пойми и отвлечись на это земство устройствомъ особахъ ремеслен-ныхъ классовъ при народныхъ училищахъ, — дѣло могло бы получить скорое и естественное развитіе, и народъ достигъ бы того уровня экономического благосостоянія, изъ котораго было исторгнуть за-чатіемъ фабрикъ и котораго достигъ — его естественная потреб-ность.

Но Кинешемское земство... предметъ слишкомъ интересный и об-ширный, чтобы его здѣсь касаться. Можно сказать только, что оно не *откликнулось* на такую потребность.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и объ отно-шеніяхъ вицугскихъ фабрикантовъ къ рабочимъ и наоборотъ.

Отношенія эти, въ общемъ, могутъ быть формулированы такъ: фабриканты внимательно относятся къ потребностямъ рабочаго...

когда на это предъявляется требованіе правительственной власти. Въ доказательство возьмемъ хоть слѣдующее: кромѣ фабрика А. П. Коновалова, при вицугскихъ фабрикахъ не было больше до 1871 года — когда, съ появленіемъ холеры, мѣстной администраціей сдѣ-лано было, въ силу закона, настойчивое заявленіе объ организаціи при фабрикахъ медицинской помощи. На этихъ же фабрикахъ нѣтъ и до сихъ поръ школы, хотя съ послѣднимъ закономъ о «малолѣт-нихъ» онѣ, вѣроятно, въ скоромъ времени и устроятся. Нѣтъ въ большинствѣ случаевъ хорошаго помѣщенія для рабочихъ, хорошей пищи, пенсіонныхъ кассъ, богадѣленъ, дѣтскихъ обществъ и про-чихъ признаковъ внимательности хозяина къ рабочему, — нѣтъ и не скоро будетъ, ибо правительство пока этого не требуетъ. А. П. Ко-новаловъ представляетъ въ этомъ смыслѣ *единичное* исключеніе, а прочіе только начинаютъ ему слѣдовать.

Нельзя не сказать также, чтобы владѣльцы фабрикъ не пользо-вались случаемъ получить задѣльную плату; а рабочіе, въ свою оче-редь, — предъявить требованіе на высшую, если видятъ особенную нужду въ рабочихъ силахъ.

Въ послѣднемъ случаѣ дѣлается стачка, часть рабочихъ иногда оставляетъ фабрику, но затѣмъ, при настойчивомъ отказѣ, спокойно возвращается снова, чтобы работать на прежнихъ условіяхъ. Изъ этой борьбы побѣдителями всегда выходятъ фабриканты. Съ гото-выми всегда капиталами они могутъ спокойно наредать какой угодно крависъ; съ пустыми же желудками, какъ бы они привычны къ тому и ни были, дольше двухъ-трехъ дней не просидишь. По-этому попытки къ «забастовкѣ» въ Вицугскомъ краѣ очень рѣдки и къ серьезнымъ по слѣдствіямъ еще не приводили.

Вотъ все, что я могу предложить читателю объ особенностяхъ Костромской губерніи и Вицугскаго края въ промышленно-экономи-ческомъ отношеніи. Если эти особенности не представляютъ для него достаточнаго интереса, не полны, не красивы — *шае сипра*. Пред-метъ сухой, скажу въ свое оправданіе, а въ утѣшеніе — онъ уже кон-ченъ.

Отбросивъ случайные вопросы политической экономіи, вычисления, заключенія и прочіе атрибуты всякаго статистическаго изслѣдованія, въ недалекомъ будущемъ перейдемъ къ «другимъ мѣстамъ, новымъ людямъ». А воезъ они будутъ живѣй, интереснѣй...

По дороге в с. Павлово. — Русский Шеффилд и Варыпаевщина.

Въ одинъ изъ холодныхъ и ненастныхъ дней конца августа, надумался я, наконецъ, отправиться въ знаменитое село Павлово, сарѣвъ «Русскій Шеффилдъ», какъ громко прозвеновалъ его г. Боборичкинъ въ своемъ описательно-статистическомъ очеркѣ, изданномъ, кажется, лѣтъ 5—6 тому назадъ. Отчасти этотъ очеркъ, отчасти и много другихъ, составленныхъ болѣе серьезно и съ болѣе специальнымъ характеромъ, отчасти рассказы людей, побывавшихъ тамъ, побудили меня съѣздить въ это село-городъ, въ этотъ рассадникъ громаднаго русскаго производства, гдѣ нищета и богатство свили одно гнѣздо, чтобы сопережить въ самыхъ яркихъ краскахъ, гдѣ наглядно отразились всѣ формы и послѣдствія чисто русскаго склада ума, характера, старыхъ и позднѣйшихъ условій мѣстной жизни...

По грязнымъ и соннымъ еще улицамъ ярмарки спустился я въ далекой пристани на Олѣ, расположенной въ концѣ той песчаной отмели, которая лѣтомъ, во время ярмарки, кишитъ жизнью, торговлей, гнется подъ миллионами пудовъ нашего родного русскаго жѣлѣза, стекающагося сюда со всего Урала, а весной сплошь залита водой, пожирющей широкимъ моремъ и всю ярмарку. Одинъ изъ самыхъ худшихъ пароходовъ одного изъ мерзвѣйшихъ пароходныхъ обществъ шипѣлъ и дымилъ у пристани. Народу навалило масса. Вся верхняя и нижняя палубы были усыяны сѣрымъ ладомъ съ котомками, узлами и всякой всячиной. Рупка первого класса, куда я вошелъ, была крошечная. На диванахъ кругомъ стѣнъ сидѣло уже столько пассажировъ, что и думать нечего было здѣсь помѣститься. Въ передней части ея, между перилами лѣстницы, ведущей внизъ, и носовой стѣнкой, примостился картонный столъ, у котораго съ азартомъ винтили уже: два военныя, рабой господинъ въ поддевтѣ и блѣдный, характерный блондинъ въ фуражкѣ телеграфнаго вѣдомства. Они дымили папиросами и основались здѣсь совершенно какъ дома, занимая собой добрую половину рупки. Въ воздухѣ пахло водкой, было душно, дымно, партнеры другъ друга перекиривали, укоряли, усмищивали, ругались и отгрызались. Остальная публика —

нѣсколько женщинъ, одна плотнѣй другой укутанная, обвязанная, съ ребятами и узлами на рукахъ, занимали собой остальные два дивана; онѣ пыхтѣли, котѣли и тупо смотрѣли передъ собой. Двѣ хорошенькя дѣвочки прижались другъ къ другу возлѣ толстаго военнаго, оглашавшаго изъ-за картоннаго стола всю рупку своимъ безперервнымъ басомъ; ихъ мордочки, выглядывая изъ-подъ бѣлыхъ шерстяныхъ платковъ, низко надвинутыхъ на брови, были восхитительно хороши; темно-голубые громадные глаза съ любопытствомъ и восторгомъ слѣдили за игрой, то разгораясь какъ звѣздочки, когда бась военнаго господина принималъ радостный отбѣнокъ, то темнѣя и служиваясь отъ испуга, когда онъ перекачивался грозой. Партнеромъ у этого военнаго былъ блѣдный блондинъ съ высокими, умнымъ лбомъ и греческой профилюю. Темная борода его, расчесанная на двѣ стороны, и такіе же тонкіе усы, весьма эффектно отбѣняли лицо. Старшая изъ двухъ дѣвочекъ, лѣтъ 12—13 на видѣ, то и дѣло взмахивала своими великолѣпными глазами отъ картоннаго стола къ блѣдному красавцу и тогда въ глазахъ ея появлялся ягучій огонекъ, далеко не присущій ея возрасту; когда же, порой, взглядъ блондина, сколько поверхъ карты, останавливался на ней и глаза ихъ встрѣчались, тогда крошечная губка дѣвочки чуть замѣтно вздрагивала въ веселую и плутоватую улыбку; блондинъ спѣшилъ отвести свой взоръ на партнера, а дѣвочка еще нѣкоторое время не спускала съ него искрившихся глазъ, и все ея крошечное, матовое личико, съ нѣжнымъ, совсѣмъ дѣтскимъ оваломъ, принимало тогда дерзко-настойчивое, почти повелительное выраженіе. Она видимо ждала еще взгляда визави; но тотъ углублялся въ карты, называлъ масти, пазовалъ, словомъ — не замѣчалъ ея, и она съ легкой гримаской усталаясь опять въ карты толстаго военнаго.

Всю эту несложную картинку успѣлъ я разглядѣть въ тѣ нѣсколько минутъ, когда стоялъ посреди рупки, оглядывая для себя хоть кусочекъ мѣста. Но закутанная баба сидѣла апатично, также мало обращая на меня вниманія, какъ ихъ пуватые узлы. Слушать хоть одинъ изъ нихъ съ дивана, чтобы описать мнѣ мѣсто, — никому и въ голову не приходило. А потребовать этого, чтобы оцутиться втиснутымъ между двумя такого рода пыхтящими, хотя бы и прекраснаго пола созданиями, — мнѣ тоже не приходило на мысль. Поэтому, за благо счелъ я по лѣстницѣ сойти въ нижнія каюты. На-

право довольно обширная, низкая комната изображала мужскую каюту, налѣво, такая же поменьше — женскую. Въ мужской было почти такъ же тѣсно, какъ наверху. Съ трудомъ урвалъ я себѣ уголокъ дивана. Вокругъ стола и на диванахъ сидѣло беззащитное и шумное русское купечество. У стола раскивали чай, пиво, водку; на диванахъ только отдувались. Тутъ было такъ же душно и дымно, какъ наверху; только добавилъ еще темно, потому что узенькія оконца заслонялись съ правой стороны стѣной пристани, а съ лѣвой — какой-то рядомъ стоящей баржей.

Ну, погалъ, съ досадою подумалъ я, оглядывая и пассажировъ и помещеніе. А когда блеснула перспектива дѣлаго дня вѣды въ этой обстановкѣ, въ этомъ обществѣ, просто ужасъ овладѣлъ мною. «Ужъ не вернуться ли?» Я поднялся и вышелъ на палубу.

— Скажите, у васъ всегда такъ набито?.. спросилъ я капитана.

— Съ примарки ѣдутъ съ многіе. Купечество все... любезно улѣбнулись онъ мнѣ.

— Вѣдь въ 1-мъ классѣ совсѣмъ мѣсть нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ? должны быть!

— Извольте сами полюбозытствовать!.. Какъ сельди напиханы.

— Это должно быть второклассные понасила. Потому пересажаемъ.

— Т. е. какъ же это второклассные?.. Значить, безъ билетовъ?..

— По билетамъ 2-го класса. Да мы тамъ ужъ... Не далеко ѣдутъ. Вспитъ хочется, поспать.

— Но вѣдь и мнѣ хочется того же. Я заллѣтилъ за 1-й классъ а должень за нихъ сѣсть во 2-й, что ли?.. ободился я.

— Не извольте беспокоиться, очистимъ, очистимъ, вотъ только пароходъ тронется.

— Да когда же, наконецъ, онъ тронется? уже часъ лишній простоялъ.

— Пассажировъ еще поджидаемъ... Еще часинъ...

— Какъ, что?! Пассажировъ еще?.. Да вѣдь мы потонемъ тогда.

— Не извольте беспокоиться, успокоительно улѣбнулся капитанъ.

— Нѣтъ, я ужоу, позвольте мнѣ деньги! рѣшительно повернулся я.

— Сейчасъ, сейчасъ, трогается, — бросился за мной капитанъ. Дрова только кончатъ носить... Четверть часина, десять минутъ! Ужъ вы не извольте беспокоиться.

Я, однако, далеко еще не успокоился и, скода въ каюту, все не рѣшался остаться или уйти. Маленькая спѣшка привлекла тамъ мое вниманіе и рѣшила мою участь.

Рядомъ съ моимъ чемоданчикомъ на диванѣ помѣстился субъектъ въ небрежномъ костюмѣ торговаго приказчика, съ разстегнутымъ жилетомъ, съ шапкой на затылкѣ, съ пьяными, блуждающими глазами и слюнявыми, вислыми губами. Онъ былъ, что называется, готовъ. Дальше, рядомъ съ нимъ, на томъ же диванѣ, сидѣла сторбленная старушка, и къ колѣнямъ ея прислонился мальчуганъ лѣтъ 7—8.

Возлѣ нихъ масса узелковъ и въ беспорядкѣ наваленные пальто, платки и платья. Старушка уставилась передъ собой валымъ, безжизненнымъ взоромъ: мальчуганъ со страхомъ косился на пьянаго мужчину, а этотъ послѣдній виталъ въ такъ называемомъ царствѣ «зеленаго змія». Безовязные звуки и слова вылетали изъ его отвисшихъ устъ, руки подымались и дѣлали жестъ; туловище то подавалось впередъ, то бессильно отпадалось. Словомъ, это была весьма обыкновенная, сто разъ наблюдаемая всякимъ, картина пьяницы. Я бы и не обратилъ вниманія, можетъ быть, на нее, если бы не фигура старушки съ мальчонкомъ. Мой взоръ остановили эти два лица, этотъ чудный контрастъ между ними. Одна — олицетвореніе дряхлаго равнодушія, 80-ти лѣтняго опыта и привычки, другой — только что вробуждающагося сознанія, любозытства, за которымъ, однако, успѣлъ уже притаяться страхъ и тревожное выжиданіе гора.

— Мишка... водка!.. внезапно вскрикнулъ пьяный, вытягивая руку къ мальчуну.

— Довольно, Митрій, бу-детъ, нарастѣвъ протинула старушка, безучасно смотря передъ собой.

— Мать... не препятствуй!.. гровно проденеталъ пьяный, хватая за голову мальчугана.

Тотъ ловко увернулся, потомъ закопошился въ узелкѣ и досталъ изъ него бутылку съ водкой. Пьяный дрожащими руками приложилъ къ устамъ горлышко и потянулъ жавительную влагу.

— Закусить... Мишка!..

Мальчишъ живо поднесъ ему кусокъ булки. Въ это время въ каюту вошелъ еще толстый купчина съ добродушнѣйшимъ, лоснящимся отъ поту лицомъ. Пьяный, увидавъ его, выбросилъ изъ руки булку и, не дожидаясь куска, ринулся ему на встрѣчу.

— Алексѣюшка... милый... здравствуй, другъ!

Купчина, увидавъ его, слегка поморщился, потомъ отступилъ и съ улыбкой отстранять его объята.

— Здравствуй, здравствуй, Дмитрій, ты, я вижу, уже того...

— Выпилъ, другъ, выпилъ малую толпу.

— Спозаранку, значить.

— То есть съ самаго раннего, значить, времени нахожусь здѣсь...

И пьемъ, значить, потому при деньгахъ. Средства въ этомъ выьемъ...

— Хорошо, хорошо, голубчикъ. Только ты прилягъ. Ловчѣй будетъ.

— Я прилягу. А только ты со мной должокъ выпить.

— Что ты, что ты! Съ утра-то, катощая, почитай!

— Ничего отъ этого не станется... Самое, можно сказать, здоровое... Гляди я, чѣмъ не молодецъ къ пришѣру?..

— Молодецъ, только ты ступай садъ и купчина за локоть повелъ его въ дивану.

— Алексѣюшка, другъ... выьемъ! жалобно говорилъ пьяный.

— Потому, погода, мнѣ еще наверхъ сходить надо.

Усадивъ пьянаго, онъ быстро исчезъ. Пьяный пытался подняться за нимъ, но ноги ужъ ему не повиновались и онъ грохнулся на диванъ.

— Мишка.. водки! заоралъ онъ на всю каюту.

— Бу-удеть, Митрій!.. опять безучастно протянула старушка.

— Мать.. не замая! Будь довольна своимъ положеніемъ, къ пришѣру сказать... Потому при деньгахъ мы. Тысячи веземъ.. Въ первомъ классѣ ѣдемъ.. А ты все свое. Въ первомъ классѣ, значить, и жизнь намъ соразмѣрную надо вести.. Выпить надо!.. Мишка, болванъ... Тутъ посыпался градъ площадныхъ ругательствъ, покрываемый сдавленными дѣтскими рыданіями. Ладонь пьянаго ухватилась теперь за голову мальчугана и пальцы его судорожно впивались и рвали его волосы. Мальчуганъ качался подъ этой тяжелой рукой и съ безпомощнымъ отчаяніемъ ухватился рученьями за платье старушки.

Та, все также безучастно смотря передъ собой, повторила только: Бу-удеть, Митрій!.. бу-удеть!.. ложись!..

Пассажиры, сначала равнодушные ко всей этой сценѣ, теперь, когда воздухъ огласили площадныя слова, стали съ неудовольствіемъ оглядываться на пьянаго. Одинъ изъ нихъ поднялся съ мѣста и вышелъ изъ каюты. Пьяный, между тѣмъ, бросивъ голову мальчугана, загнувъ ноги на диванъ и, положивъ голову на колѣни старухи, раскинулся въ безобразной позѣ, обнажившей всю его грудь. Мой чемоданъ отъ движенія ногъ его повалился на полъ. И съ негодованіемъ собрался уже-было выйти на верхъ, когда въ дверяхъ появился капитанъ съ двумя матросами. Они подошли къ пьяному. и капитанъ сталъ уговаривать его выйти. Но пьяный былъ уже въ положеніи безчувственности, а потому даже парни, ухвативъ его подъ мышки, поволокли какъ мѣшокъ черезъ каюту по лѣстницѣ и, выволокши на притавъ, преспокойно бросили. Пока проходила эта безобразная сцена и пассажиры столпились, глаза на обнаженное безчувственное тѣло, старуха продолжала сидѣть все также безучастно и бровью не моргнувъ, когда волокли ее Митрія. Она точно и не видѣла этого. Только мальчуганъ еще испуганнѣе къ ней прижался и недоумѣвающимъ, колеблющимися, какъ будто, глазами, провожалъ тѣло отца. Въ это время по лѣстницѣ раздался быстрый шагъ и въ каюту слѣшно вошла молодая женщина, прилично, даже съ претензіей одѣтая, съ головой, повязанной шелковымъ платкомъ. Я съ изумленіемъ установился въ ее лицо. Это было лицо въ полномъ смыслѣ русской красавицы: чернобровое, румяное и бѣлое, съ пушистыми губами и кариными бархатными глазами. Правильными черты его и нѣжный овалъ напоминали портреты мажоросѣйскихъ красавицъ.

Въ настоящую минуту лицо это было пасмурно и злобно.

— Гдѣ Митрій? отрывочно бросила она.

— Тама.. наверхъ снесла.. равнодушно отвѣтила старуха.

— Господа! Чтожь это? отчаянно проговорила красавица.— Какъ же это мы... куда же его бросили?.. Вещи.. деньги при немъ...

— Пьянъ очень!..

Мальчуганъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, жалобно всхлипнулъ.

— Опять Мишку бил? съ злобнымъ испугомъ уставилась она на мальчика.

Мишка только сильнѣй вскрикнулъ, а старуха молчала. Красавица скользнула своими огненными глазами по мнѣ, по другимъ пассажирамъ, также любовавшимся ею и, ярко вспыхнувъ, нагнулась къ вещамъ. Черезъ нѣсколько секундъ она вытащила изъ кучи плащъ и измятую шапку и съ ними рванулась къ дверямъ.

Раздался пронзительный свистокъ. Я машинально поднялся и поспѣдовалъ за ней. Она торопливо пробралась между густой толпой, завалившей палубу, и сошла на мостки. Тамъ, нѣсколько поодаль, собралась кучка сѣраго лѣду и бессмысленно смотрѣла на безчувственное тѣло пьяницы. Красавица растолкала и ихъ, и живо нагнулась къ нему.

— Дмитрій, опомнись!.. Дмитрій, толкала она его. Но спнее лицо его не подавало признаковъ сознанія:— Господи, что же дѣлать-то глупо выговорила она себѣ, стискивая и оскалывая, какъ разъяренный звѣрь, радъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ.

— Да о чемъ вы беспокоитесь? нагнулся я къ ней.

— Какъ о чемъ?.. Что же съ нимъ-то теперь дѣлать?..

— Оставьте его здѣсь, или сами останьтесь съ нимъ.

— Да какъ оставить одного?.. Деньги съ нимъ!

— Тогда останьтесь сами.

— А тѣ-то что же?.. Ребенка со старухой однакъ пустить?

— Тогда и ихъ выведите.

— Да вѣдь билеты взяты, вещи, багажъ сдавъ... Господи, Господи!..

Въ это время засвистѣлъ второй свистокъ. Красавица вздрогнула и дико оглавулась.

— Теперь ужъ не поспѣете. Мой совѣтъ—оставьте его. Ничего не станется среди бѣлаго дня. Выситесь и съ слѣдующимъ пароходомъ прійдетъ.

— Но деньги...

— Да что же деньги; утратятъ ихъ, что-ли? раздалась голоса зѣвака. Чай народъ врсенный... Чего испугались?..

— Возьмите вы деньги съ собой, а оставте ему только на проѣздъ. Я вотъ скажу полицейскому, чтобы распорядились въ гостиницу свести его.

Красавица, не долго думая, вынула изъ бокового кармана мужа тугой бумажникъ, одну десятирублевку изъ него запахнула туда обратно, а бумажникъ опустила къ себѣ въ карманъ. Я же подо-звалъ угрюмаго полицейскаго и строго-настрою выѣнилъ ему въ обязанность доставить пьянаго въ гостиницу, обѣщая черезъ нѣсколько дней навѣдаться о немъ у полиціймейстера. Когда все это было улажено, пьяница былъ накрытъ плащомъ, а на голову его надвинута шапка, засвистѣлъ и третій свистокъ. Мы съ красавицей едва успѣли вбѣжать на палубу. Пароходъ отвалилъ медленно, описывая кругъ.

Войдя опять вслѣдъ за красавицей въ нижнюю каюту, я не отрывалъ уже отъ нея глазъ, пока она релась въ вешахъ и перебрасывалась отрывочными словами со старухой.

— Деньги отобрала... десять рублейъ оставила... дождеть. По крайности на дѣянство не хватитъ... сраму этого не будетъ; Господи, что за жизнь!.. Съ утра раняго... при людяхъ... точно погодать не можете! До дому не доберется. Этакая вѣдь дрянъ... скотъ! вдругъ вырвалось неудержимо злобнымъ порывомъ сивовъ ея ярко заалѣвшія губы и, наклонивъ пылающее лицо къ безчисленнымъ узелкамъ, она судорожно стала перебрасывать платъ. Поднявъ головку, она встрѣтилась глазами со мной, вспыхнула еще ярче и еще наже наклонилась къ дивану.

Старуха продолжала сидѣть, какъ мумія, мальчуганъ пресмарѣлъ и уже начиналъ бросать утраткой, сивовъ слезы, любовитные взоры по сторонамъ. Мамы онъ, повидному, не боялся и за свою измятую шевелюру билъ уже совершенно покоемъ.

Отобразъ кой-какія вещи, красавица стремительно отошла, бросивъ мальчугану:

— Ты, Мишка, сиди тутъ!.. за бабушкой присмотри!

Она скрылась за дверьми дамской каюты.

Я удобно расположился на выпроставшемся мѣстѣ и размышлялъ о случившемся. Красавица сильно задѣла мое воображеніе. Я рѣшился дожидаться ее здѣсь и завести разговоръ. Въ ожиданіи этой минуты я развернулъ захваченныя газеты. По немногу столачины новости завладѣли моимъ вниманіемъ, и малевкій эпизодъ сталъ забываться. Я прочелъ все, даже объявленія, бросилъ газеты, зѣвнулъ, оглянулся, а ея все не было. «Спать видно», подумалъ я, и поэти-

ческій образъ красавицы отъ этого предположенія замѣтно поблѣднѣлъ.

Толстый купецъ, котораго пьяный Митрій называлъ Алексѣеушкой, предобродушно на меня поглядывалъ, сиди не въ далеки и тоже въ позѣ скучающаго туриста. Его широкое румяное лицо, обрамленное русой, вьющейся бородкой, голубые глаза и лоснящаяся плешь — весьма располагали въ себѣ. Я сочувственно отозвался на его вопрошающій взглядъ. Тогда онъ придвинулся ко мнѣ и завелъ разговоръ.

— Далеко-ли изволите ѣхать?

— Въ Павлово.

— А? Къ намъ, значитъ?

— Вы тоже оттуда?

— 25 лѣтъ тамъ живемъ. Торговлю винную держу.

— Вотъ встали. Значитъ, вы мнѣ можете кой-какія свѣдѣнія дать о нашемъ Павловѣ?

— Какія угодно-съ! Знаемъ, въ подробности можно сказать.

— Я бы хотѣлъ у васъ кой-что поразспросить о знаменитомъ Варыпаевѣ, павловскомъ волостномъ старшинѣ.

— То есть бывшемъ. Его недавно отрѣшили отъ должности.

— Да? Это послѣ слѣдствія?

— Уже съ мѣсяца два отрѣшили. Надо полагать сначала еще.

— Ну-съ, такъ вотъ объ немъ. Вы его хорошо знаете?..

— Еще бы не знать! Двадцать пять годовъ вмѣстѣ живемъ. Да что вамъ сказать?.. Воръ, мошенникъ, плутъ, обобралъ село..

— Значитъ, это правда?..

— То есть что?.. что онъ мошенникъ?

— Да!

— Еще бы не правда. Спросите любого у насъ. Только не изъ сродственниковъ, а то еще не изъ «пожарныхъ».

— Какіхъ такихъ пожарныхъ?

— Варыпаевская гвардія, баша-бузуки. Пожарную команду у насъ составляютъ!.. Гольгѣба самая, нищѣ, пьяницы, оборванцы. Они всѣ въ содержаніи у Варыпаева, горой стоятъ за него... А сродственники, тѣ и подавно. Вонъ, въ примѣру, этотъ пьяный Митрій, позволили видѣть, чай, — илеманичекъ родной. Оборванцемъ мальчишкой бѣгалъ по селу, а теперь подите, фабрику свою имѣетъ,

тысячи вонъ, свазывалъ, везетъ. И вѣрно везетъ. На армаркѣ весь товаръ продалъ... Супругу какую раздобылъ, разводѣлъ какъ!.. Все это дядюшкины рублики. Какъ же онъ станетъ ругать его? А такіхъ, какъ онъ, порядочно наберется въ Павловѣ. Но большинство все-таки скажутъ правду... Только осторожно надо спрашивать, потому что запуганы. Уже очень имъ Варыпаевъ памятенъ, страшенъ. Не вѣрять еще, что могутъ судить его, что отберутъ должность. Многие такъ просто увѣрены, что не сегодня-завтра Варыпаевщина опять воцарится и согнетъ всѣхъ въ бараній рогъ; по прошлымъ примѣрамъ, значитъ, судятъ. Вѣдь не въ-первой ему быть похъ слѣдствіемъ. Каждый годъ, чай, слѣдствіе велось, и всегда онъ сухъ изъ воды выходилъ. Да и какъ же иначе быть? Въ Петербургѣ часто бываетъ, съ министрами знакомъ, кафтанъ золотой носить — сила, значитъ. Вонъ и сейчасъ въ народѣ ходитъ молва, что Варыпаевъ самому Государю похвалъ жаловаться на слѣдователя, значитъ, прокурора, на самаго губернатора. Говорили, что и слѣдователя за него убрали, и губернатору, значитъ, конецъ пришелъ... Государь больно любить нашего дѣдушку, насмѣшливо улыбулся мой собесѣдникъ.

— Что за вздоръ такой?.. Кто этому можетъ вѣрить?..

— Вѣрять, вѣрять, потому обстоятельства такъ складываются. Если этакій воръ, въ примѣру, тринадцать лѣтъ править селомъ, состояніе громадное составилъ, дома, вотъ теперь себѣ строитъ, одинъ—такъ дворецъ просто—съ рѣвѣбой, съ колоннами тамъ, балконами, чортъ знаетъ чѣмъ, тысячъ въ 30 обойдется, чай, такъ ужъ если на все это начальство сивозъ пальцы смотрѣло тринадцать лѣтъ, значитъ такъ и слѣдуетъ, такъ и дальше будетъ. Вѣдь на всѣ жалобы, доносы, просьбы, а имъ и числа нѣсть — каждый годно подавали, ему только награды шли: нафтаны съ позументомъ, медали вѣшали, въ примѣръ всей губерніи, всей Россіи, можно сказать, ставили. Какъ же не вѣрять? Значитъ, сила могучая и впрямь съ министрами знакомъ, къ Царю вхожъ!..

— Какой вздоръ, какой вздоръ!

— Ну, вотъ, подите!.. Вздоръ-отъ вздоръ, а и правды много есть. Что бываетъ Варыпаевъ въ Петербургѣ—это вѣрно. Что вхожъ къ министрамъ—тоже вѣрно, потому онъ хлопоталъ тамъ о судѣ для нашихъ артелей и выхлопоталъ. Что хорошаго объ немъ тамъ мнѣ-

ни — тоже верно, потому не даром же пожаловали кафтанъ, медали. А что онъ сила у насъ — и того еще повятнѣй. Деньги есть. А съ деньгами чего не сдѣлаешь?.. Онъ и адвокатовъ при себѣ постоянныхъ держитъ и репортеровъ и агентовъ всякихъ. Какъ замечается это что противъ него, сейчасъ адвокаты-то эти самые скачутъ въ Нижній, въ тому, другому сунутся, того ублажать, того умаслять, в такія фортепіи воздвигаютъ, что никакимъ лбомъ не прошибешь. Корреспонденты въ это самое время строчатъ въ газеты статьи, гимны, значить, хвалебные ему составляютъ, благодѣтелямъ села, а то и всего рода человѣческаго прозываютъ, объ интригахъ гнусныхъ туда же вставать, — и выходить ладно. Со стороны протѣшь, гевій — подумаешь. Святой старецъ. А въ самомъ Павловѣ пожарные да племяннички изъ дому въ домъ ходять, народъ подговариваютъ, на угощеніе къ старшинѣ зовутъ. Кому водки, кому денегъ, кому обшачаніе, кому и тичка въ зубы, кого и по міру пустить пригрозять — такъ дѣло и оборудуютъ! И съ верку, значить, и съ низу, и съ боковъ, разомъ атаку ведутъ. И выходитъ чисто. Ни сучка, ни задоринки. А на всякій случай, дѣдушка и самъ не вѣваетъ. Отрадилъ онъ себя такой стѣной, такими батареями, можно сказать, что и чортъ ногу сломасть, пока доберется. Вы можете себѣ представить, что изъ 18-ти лѣтъ, какъ онъ у насъ старшиной, покладу, ну... можетъ быть мѣсяца три, въ общей, значить, сложности, при должности онъ находился. Все остальное время его не было. Не онъ, значить, и отвѣтчикъ.

— Вотъ это мудроно! Какъ же это?

— А такъ-съ. Все въ отпускахъ; въ году можетъ недѣли двѣ-три при должности. А за него править кандидатъ. Парень глушій, бѣдный. Варыпаевъ такого нарочно себѣ подбираетъ, чтобы вертѣть можно было по надобности. Какъ нужно совершить какую мажуу, Варыпаевъ и уѣзжаетъ, будто въ отпускъ, а кандидата своего и надолбитъ въ надлежащемъ направленіи. Отпускъ-то онъ возьметъ на три мѣсяца, а уѣдетъ на три недѣли, остальное время считается въ отпуску, а живеть дома и вертеть всѣмъ. Такимъ манеромъ онъ и здѣсь, и нѣтъ его. Къ дѣлу непричастенъ. Подлогъ тамъ подмахнуть, цифры дугія подставить, стибрить что, все это за подписью кандидата. Самъ-отъ голова всему, думаетъ, а работаютъ чужія руки.

Руки, значить, и въ отвѣтъ будутъ, коли напасть какая стрясется. А онъ — чистъ и сухъ.

— Да онъ совѣсьмъ умница у васъ! воскликнулъ я.

— Не глушъ, не глушъ! Голова съ мозгами. Другой бы ужъ давно не «въ столь отдаленныя» улетѣлъ. А онъ вотъ и теперь, подите, — отъ должности уволили, улики важныя собрали, не сегодня, завтра судить будутъ, унегутъ чего добраго, — и въ усъ себѣ не дуется. Черезъ агентовъ своихъ все знаетъ, всѣмъ ворочаетъ. Грозить, что скоро вернется, да задасть тогда супостатамъ своимъ, тѣмъ, значить, что на слѣдствіи показывала противъ него. И можетъ статья. Коли изъ дѣла-то настоящаго ничего не выйдетъ, какъ изъ всѣхъ допрежнихъ, да захочетъ онъ опять быть старшиною — выберутъ, навѣрное, выберутъ! Вотъ только самъ появится да поведетъ атаку.

— Гдѣ же онъ теперь?

— А Богъ его знаетъ. Кто говорить: у Царя гостить въ Петербѣ, кто — за границей, кто — на Кавказѣ, водами лечится. Последнее, впрочемъ, вѣрнѣе. Онъ и зимой собрался туда. Починиться хочется. Отъ трудовъ да подвиговъ земныхъ больно слабъ сталъ.

— Какъ же ведутъ слѣдствіе безъ него?

— Да онъ нарочно и не приѣзжаетъ. Ему зачѣмъ? Бумаги подписаны не имъ, значить и допрашивать его не зачѣмъ. А потребуется, тогда и явится, если только еще отыщутъ. Все равно, вѣдь онъ и оттуда руководить всѣмъ. Вотъ, наприимѣръ, последнее дѣло. Ужъ я и не знаю, какъ назвать его! Просто глазамъ, ушамъ не вѣрнись!

— А что?..

— Да какъ же! Надо вамъ сказать, что Варыпаевъ въ большой дружбѣ съ однимъ вивоторговцемъ нашимъ, павловскимъ. По желанію Варыпаева, общество и отдавало ему свои кабаки въ аренду, за 18 тысячъ въ годъ. Тысячени двѣ-три, понатно перепали отъ этой операціи въ карманъ Варыпаева. Вотъ я и предлагаю скоду, въ прошломъ году еще это было, да въ двадцать тысячъ за эти же кабаки. Скодъ, однако, постановляетъ: отдать кабаки старому арендатору, въ убытокъ, значить, себѣ. Какъ постановляетъ — объ этомъ и распространяться нечего. Спросите любого, какія тутъ штуки дѣдушка выкидываетъ! Только, когда его въ последнее время-то устра-

нили, и сходь избралъ уже новаго старшину, вопросъ этотъ и возбуждался вновь. Говорятъ, нельзя же намъ убытка терпѣть изъ-за каприза Варыпаева. Прѣжній приговоръ составленъ посредствомъ насилія, подложно даже, можно сказать, слѣдовательно нужно составить новый. Составили такой приговоръ и громаднымъ большинствомъ подписали. Постановленіе такое, что если старый арендаторъ не согласится надбавить 2 т. р. аренды, значитъ, отдать кабаки мѣѣ. Хорошо. Увѣдное присутствіе утвердило, на томъ и покончили. Дали знать старому арендатору. Требуишь добавки. Тотъ молчитъ. Требуишь хоть платы за истекшую треть—молчитъ и не платитъ. Тогда уполномоченные отъ общества въ судъ: такъ и такъ, просимъ наложить арестъ. Судъ уважилъ, наложили арестъ на заведенія на 5 тыс. руб. Только тогда старый арендаторъ и объявился: крикъ подыалъ, гамъ. «Я, говоритъ, впередъ уплатилъ». — «Когда»? — «Въ прошломъ году!» — «Кому»? — «Варыпаеву!» Глядь въ книги, и впрямь записано на приходѣ 3 т. р. «Куда ушли»?.. «На уплату податей», говоритъ волостной писарь, тоже Варыпаевское отродье. А податей и посейчасъ въ недоимкѣ тысячъ 15 съ села наберется. Такъ эти денежки и ухнули. Потужили мужички и рѣшили хотя остальные три тысячи за третъ стребовать. Тотъ, въ концѣ-концовъ, и общалъ, общалъ даже надбавить двѣ, и срокъ назначилъ когда все уплатить, чуть ли не сегодня и срокъ. Теперь представте себѣ, что сейчасъ-то узнаю.. Вижу на пристани вертится эта юла, Рыжикъ, варыпаевскій аблакаатъ, Блевакой прозывается у насъ. Думаю, не проста; не безъ дѣла пошалъ въ Нижній этотъ дѣлецъ. «Ты за чѣмъ здѣсь?» спрашиваю. Онъ какъ будто опѣшилъ сначала, а потомъ фертомъ этакимъ и говоритъ мѣѣ: «по дѣламъ въ судъ являлся». — «По какимъ дѣламъ?» — «Все на счетъ иштейныхъ заведеній, говоритъ, протестъ подалъ отъ общества». — «Отъ какаго общества?» — «Вѣстимо отъ нашего, говоритъ бестя». — «Да какой протестъ? Противъ чего? Каверзу олятъ затѣля?» — «Нѣтъ-съ, говоритъ, протестъ законный, подписанъ большинствомъ. Противъ ареста на кабаки». — «Ахъ ты такой, сикой! Да какъ же ты смѣлъ такую подлость подводить? Вѣдь общество тебя суду предать за подлогъ!» — «Никакого, говоритъ, я подлога не совершалъ и на подлости вообще не способенъ». Это онъ-то, Блевака нашъ, не способенъ... вставилъ купецъ, съ величайшимъ поражениемъ. Потомъ говоритъ:

«А въ доказательство этого знай вотъ, что судъ уважилъ мои ходатайства, призналъ протестъ законнымъ и, на основаніи какой-то тамъ статьи, запретъ велѣлъ снять. Уже распоряженіе по этому предмету сдѣлано...» Ну, каково намъ это покажется?.. А?.. вслѣдствіе даже съ мѣста негодующій купецъ. Да онъ наверху, на палубѣ, съ нами ѣдетъ! Хотите, покажу вамъ это диво? Плохъ и кровъ отъ Варыпаева. Всѣ подлости съ нимъ творить... Хотите повоу?..

— Нѣтъ, нѣтъ, потомъ! Наверху какъ нибудь познакоимся... Еще до вечера успѣемъ.

— Ну, какъ хотите! А субъекта посмотрѣть слѣдуетъ... Онъ усѣлся на мѣсто и, послѣ короткаго молчанія, продолжалъ:

— Вотъ, подите теперь. Хлопотали, бились, всѣхъ подыали на ноги, думали—ну, свободны, наконецъ, а выходитъ, извините за выраженіе,—шиш! Варыпаевъ, видно, и въ грязяхъ-то кавказскихъ купаючися, за тысячу верстъ отъ Павлова, все сильнѣй насъ вотъ дѣлать, что не вылезимъ изъ павловской грязи... Т. е. я воображаю себѣ, кака каша опять заварится!.. Мнѣ что? Я свободный человѣкъ коммерсантъ. До дѣловъ общества мнѣ дѣла никакого нѣтъ... Ну, а вотъ голь-то наша общественная, когда придется ей вытаскать изъ дырявыхъ кармановъ еще три тысячи, своихъ кровныхъ, что подарили кабатчику,—что запоить тогда? Увидимъ!

— Какъ же это все такъ просто, удобно творится?.. Никому дѣла нѣтъ до этого?..

— Да то-ли у насъ творится?.. Я многихъ подробностей и самъ не знаю, потому не тѣмъ дѣломъ занятъ. А если бы хоть то, что знаю, сталъ рассказывать, до Павлова, куда, до Орла хватало-бы. Помалуйте-съ!.. Тринадцать лѣтъ, сударь, живемъ и любимся этой картинной. Вѣдь это жизнь, можно сказать, цѣлая. Съ самаго-отъ пожара нашего, какъ забралъ онъ власть въ руки, такъ и царитъ съ тѣхъ поръ. А до чего довелъ село?.. Въ и будете, увидите сами. Заранѣе хаять не стану. Сама убѣдитесь!.. Да что долго токовать? Возьмите самый простой расчетъ. Павлово даетъ чистаго ежегоднаго дохода съ разныхъ доходныхъ статей свыше 35 тысячъ рублей, можно связать, даже до 40 тысячъ. Ну-съ, а къ настоящему году на Павловѣ числится разныхъ долговъ до 100 рублей и въ массѣ ни гроша, ни единой запасной копѣйки. Вотъ намъ и вся недогаля... При семъ, замѣтите, въ селѣ нѣтъ ни мостовыхъ, ни овѣщени, ни

больницы, не школы порядочной, ни даже приличного волостного правления. Сами увидите...

— Алексий Петрович! отозвался кто-то из противоположного угла каюты.

— Что там?.. Сейчас!.. И вамъйте еще, прибавилъ онъ, вставая и нагибаясь ко мнѣ, что въ Павловѣ до 20 тысячъ жителей, изъ которыхъ только около *двухъ* тысячъ принадлежатъ собственно къ павловскому обществу и располагаютъ, следовательно, этимъ доходомъ. А между тѣмъ, взгляните на нихъ! Это-то и есть самая шваль, самая голя, нищета наша. На нихъ-то и считается теперь сто тысячъ долгу...

— Алексѣйшна!.. Въ тринку будешь, чтоль?.. отозвался опять полуханный голосъ.

— Сейчасъ, иду!.. За 18-то лѣтъ по 40 тысячъ и сосчитайте что выйдетъ, убѣдительно улыбуясь купецъ, уже отступая отъ меня. Что можно сотворить на этотъ капиталъ и что слѣдано. Увидите! сами, убѣдитесь... А почему?.. Потому что у дѣдушки карманы широкіе, да ручья цѣпки, совсѣмъ уже весело прокрячалъ онъ мнѣ изъ противоположнаго угла, показывая при этомъ выразительной мимикой на свои оттопыренные карманы. Въ тринку не прикажете-ли?..

— Благодарю, не имѣю понятія!

— Выучимъ!

— Благодарю, я вообще не играю.

Десятокъ развеселыхъ поддевокъ, пиджаковъ и длиннополыхъ кафтановъ усадили за картоннымъ столомъ, вокругъ котораго зрѣлыми собралась и вся остальная компанія каюты. Старуха сидѣла также прямо и неподвижно, какъ полчаса тому назадъ, устремивъ свой безжизненный взглядъ въ ту же точку. Мальченокъ растянулся на мѣстѣ отсутствующаго папеньки и, положивъ, какъ и тотъ, голову свою на волѣнн старухи, безмятежно спалъ. Я поглядѣлъ на нихъ, издали на группу играющихъ, — и ничего умнѣе не придумалъ, какъ завалиться самому. Однообразный плескъ волны о бортъ, однообразное вздрагиваніе и позачиваніе парохода, однообразный звонъ мелкой монеты и щелканіе картъ о столъ, однообразныя: «луплю», «пасъ», «одну», «двѣ», «три», «свѣнья», «мошенникъ» и прочіе невыразимые звуки, гарпировавшіе купеческую тринку, — все это

звѣстѣ довольно скоро убавляло мое усталое отъ бессонной ночи тѣло. Я сладко проспалъ до самаго обѣда, т. е. до 5 часовъ вечера и не почувствовалъ, какъ въ это время нашъ маленький пароходикъ бархатся и пыхтѣлъ, чтобы не погрязнуть въ рыхлыхъ пескахъ обмелѣвшей Озы, на позоръ ея широкому руслу, на сибѣхъ крутихъ и живописнымъ берегамъ...

Когда я поднялся въ рунду, тамъ было уже престошно. Винтеры все еще сидѣли у картоннаго стола, но ни закутаныхъ бабъ, ни ихъ пуватныхъ узелковъ уже не было.

Хорошенькія дѣвочки взмостались теперь на диванъ и, стоя на коленкахъ, любовались рѣвой черезъ окно. Ихъ бѣлые шерстяные платки были откинута на плечи, обнаруживая двѣ русыя, какъ двѣ капли воды похожія на себя головки. Партнеры, за исключеніемъ эlegantнаго телеграфиста, были растегнута. Лаца у нихъ потныя, усталыя, точно бурой дымкой подернутыя, глаза слегка масляные. Волѣ стола, на диванѣ, красовался подносъ съ водкой и закусками. Отъ него распространился весьма ѣдкій спеціальныи запахъ; въ комнатахъ было все также дымно и душно.

Я закавалъ обѣдъ, и, въ ожиданіи его, вышелъ на палубу. Холоднымъ и сырымъ воздухомъ шагнуло мнѣ въ лицо. Силошныя тучи на небѣ разорвались и, въ безпорядкѣ нагромозденными другъ на друга, неслись къ югу. Горизонтъ на западѣ очистился и отсюда сверкало уже яркое, но холодное августовское солнце. Широкая рѣка купалась теперь въ этихъ косихъ лучахъ, какъ бы награждая себя за долгую безпробѣдную хмурь, за назойливо хлеставшій ее, вотъ уже нѣсколько дней, мелкій дождь. Теперь поверхность ея весело рябилась, зашпривая съ ясными лучами солнца.

Палуба была вся мокрая, какъ и толпа пассажировъ, расположившихся кто на свамейкахъ, кто прямо на полу. Носовая часть парохода, за рункой 1-го класса, была вся завалена багажемъ, прикрытымъ брезентомъ. Въ неуклюжихъ складкахъ этого брезента образовались лужи воды; тамъ и сямъ изъ подъ него торчали мужицкія ноги въ чудовищныхъ сапожникахъ. Изрѣдка ноги эти шевелились, и тогда распускавшіеся складки брезента проливали потоки воды, которая стекала на палубу, или задерживалась новой складкой, чтобы образовать новую живописную лужицу. Солнце очень красиво озоло-

тило эти прощечныя озера, вдрагивающія и переливающіяся подъ его лучами, какъ вдрагивалъ и весь корпусъ парохода.

Толпа была молчалива. Кто спалъ, кто дремалъ, кто безцѣльно уставился въ воду, кто неторопливо закусывалъ изъ забранныхъ пожитковъ. Только однообразный окликъ лоцмана, съ присущей ему характерной интонаціей, прерывалъ общую тишину.

— Шесть.. пять.. пять съ половиной.. шесть.. табакъ.. *) шесть.. пять.. четыре съ половиной.. четыре.. три съ половиной.. три..

Съ выкрики раздается глухой приказъ капитана и однообразныя чиванія машины внезапно умолкаютъ; остается только сухой, короткій стукъ вакого-то неостановленного еще колеса.

— Три... три... два съ половиной... продолжаетъ выкрикивать лоцманъ,— в голосъ его теперь звучитъ рѣзко, почти повелительно. Съ выкрики опять глухой приказъ и короткій стукъ тоже умолкаетъ. Въ наступающей затѣмъ торжественной тишинѣ, только плескъ разсымаемой волны, да веселыя яриа брызги, заягрывающія съ гордыми носомъ парохода, не поддаются еще общему настроенію. Но скоро и они умолкаютъ, по мѣрѣ того, какъ все осторожнѣе и медленнѣе пробирается пароходъ; точно унизательно для нихъ играть съ такимъ трусливымъ и лѣнивымъ товарищемъ.

— Два съ половиной... два съ половиной... громно окликаетъ лоцманъ, и непривычный путникъ чувствуетъ себя нѣсколько жутико.

— Два... гремитъ съ носа, но этого оклика уже никто не слышитъ. Зловѣщій шорохъ подъ ногами внезапно разражается трескомъ.. пароходъ ударился объ дно..

Вы летите впередъ, тыкаетесь въ стѣну, въ пустоту, въ сосѣда пассажира.

Всѣ колеса машины начинаютъ яростно дѣйствовать, вода бурлить, пѣвится, пароходъ весь дрожитъ, точно испуганный козь передъ препятствіемъ, то и дѣло слышится трескъ, чувствуются какъ бы подземныя толчки, еще нѣсколько разъ спинаетъ васъ съ ногъ, и наконецъ, или прорѣзавъ мель, пароходъ опять гордо и ровно несется

*) Окликъ лоцмана употребляютъ это выраженіе, когда уровень воды выше дѣленія мѣста.

впередъ, или, самъ врѣзавшись въ нее, умолкаетъ, останавливается, чтобы, собравшись съ силами, двинуться хоть назадъ.

Въ описываемую минуту мы прошли мель благополучно, храбро прорвавшись на проломъ. Я держался за стѣнку рупки, сонные мужички стукались другъ объ дружку лбами, локтями и чѣмъ понамо, а живописныя лужицы на брезентѣ, ярида въ неописанное волненіе, зазѣбались между складками, какъ молніи, сдвываясь, разливаясь и стечая цѣлыми потоками на барахтающіяся подъ ними ноги.

Нельзя было безъ улыбки смотрѣть на этотъ маленькій переполюхъ на галубѣ, болѣе, впрочемъ, пассивный, чѣмъ активный. Когда нашъ пароходъ вновь побѣжалъ по гладкимъ струямъ рѣки, а лоцманъ, повторивъ нѣсколько разъ „табакъ“, по свисту капитана, сложилъ шесть у борта, все пришло въ прежній спокойно-апатичный видъ, только нѣсколькихъ лужицъ на брезентѣ не доставало.

Вдрагивая отъ холода и сырости, я поспѣшилъ вернуться въ рупку. Тамъ уже дышлась моя уха, янтарная и ароматная..

У карточнаго стола произошла какая-то размолвка. Партнеръ сидѣлъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я ихъ увидѣлъ въ первый разъ, т. е. толстый военный игралъ съ блѣднымъ телеграфистомъ, тощій— съ рабымъ господиномъ въ поддевкѣ. Телеграфистъ сидѣлъ лицомъ въ окну, такъ что каждая черта его лица была мнѣ хорошо видна. Дѣвочки уместились на диванѣ возлѣ отца (такъ мысленно называлъ я толстаго военнаго) и смотрѣли на игру уже далеко не съ тѣмъ восторгомъ и любопытствомъ какъ утромъ. Скука и усталость потушили блескъ ихъ прекрасныхъ глазъ, особенно у старшей, которая и не взглядывала уже на интереснаго телеграфиста. Уголки ея розовыхъ губокъ преуморительно опустились, точно она плакать собиралась; блѣдныя щеки стали еще блѣднѣй.

«Вѣротно ѣсть хочеть», разсудилъ я, поймавъ нѣсколько жадныхъ и завистливыхъ ея взглядовъ въ мою сторону.

— Да-съ! Не хорошо-съ! Не хорошо-съ, Филиппъ Филипповичъ, укоривленнымъ басомъ тянулъ толстый военный.

— Т. е., что же не хорошо?. спросилъ блѣдный телеграфистъ нервно, взглядывая на партнера.

— А надувать-то. Не были вѣдь!..

— Да былъ же, говорю вамъ. Васъ дома не было.

— Прислуга сказала бы, кабы были!

— Ну ужь этого-то я не знаю.

— А я вот знаю, что не были. Во-первых, мои дѣвочки оставались въ номерѣ; значитъ, не могли вамъ сказать, что никого нѣтъ. Во-вторыхъ, я еще нарочно, уходя, сказала корридорному, что можетъ кто будетъ, такъ чтобы подождали. Ключъ нарочно оставила. Какъ же могло случиться, что вамъ этого не сказали?... Сочинять изволите.

Телеграфистъ только пожалъ плечами и сердито уставился въ карты.

— А мы изъ-за васъ-то, почтай, и прѣехали на армарку. Дѣвченокъ, думалъ, поведете гулять, въ паркъ, въ театръ сходите... Лена, та все только и поджидала васъ. Правда вѣдь, Леночка?

— Ждала, потому что обѣщали прийти, отвѣчала старшая дѣвочка равнодушнымъ голосомъ и съ равнодушнымъ лицомъ. Она все чаще взглядывала теперь на меня, или, вѣрнѣе, на мою уху; щечки и глаза ея разгорѣлись.

— Вотъ видите!.. А мы три дня и прослушали такъ. Дѣвочки почти изъ номера не выходили. Это, я вамъ доложу, не хорошо-съ, Филиппъ Филипповичъ! Не честно даже...

— Оставьте пожалуйста этотъ разговоръ, блѣднѣя и кусая губы, выговорилъ телеграфистъ.

— Можно и оставить!.. Только вѣдь отъ этого по вашему не выйдетъ. Надули, надули-съ...

— Господа, Михаилъ Петровичъ, бросьте же наконецъ, право надоѣло, вмѣшались рабой господивъ, замѣчая раздраженіе телеграфиста. Что вы скажете? Валъ говорить, Михаилъ Петровичъ.

— Я? Мнѣ развѣ говорить?... Да я насъ.

Игра продолжалась. Къ слѣдующей сдѣлкѣ, однако, толстый военный вновь забавлялся.

— Такъ-то такъ!.. Даромъ насъ въ расходы только влинули. Нашли тамъ вѣрно какую мамзель изъ прѣезжихъ, а старыхъ-то знакомыхъ по боу. Не ожидалъ отъ васъ!..

— Михаилъ Петровичъ! слегка дрожащимъ голосомъ прервала его телеграфистъ. Послѣ того, что вы меня прямо назвали лгуномъ, послѣ того какъ я васъ просилъ превратить этотъ разговоръ, я право не понимаю чего вамъ еще угодно? Я не желаю васъ слушать, по-

нимаете-ли, не желаю, и прошу превратить ваши шутки. Иначе я сейчасъ уѣду!

Толстый военный, все время грунзившій въ самомъ добродушномъ тонѣ, теперь съ удивленіемъ воззрился на своего блѣднаго партнера, у котораго даже зубы подергивало. Онъ, въ свою очередь, теперь слегка поблѣднѣлъ и уже готовился возразить что-то гнѣвное, когда остальные партнеры разомъ вмѣшались.

— Господа, да оставьте же!.. Вѣдь срамъ просто изъ такихъ пустяковъ. Филиппъ Филипповичъ, ну, будетъ, не сердитесь!.. Помутитъ вѣдь майоръ!..

— Я не понимаю такого рода шутокъ, когда меня лгуномъ называютъ публично!..

— Потому такъ и есть!.. пробасилъ, смотря себѣ въ карты, майоръ.

— Милостивый гос.. Телеграфистъ поднялся отъ стола и, назавось, готовъ былъ швырнуть картами въ лицо майора.

Оба другіе партнера съ испуганными лицами ухватились за его руки; въ то же время обѣ дѣвочки подскочили и прижалась къ отцу. Телеграфистъ страшными глазами пожиралъ майора, а тотъ равнодушно перебиралъ свои карты. Только легкое дрожаніе пальцевъ, да учащенное дыханіе выдавали его волненіе. Лена, припавъ къ рукѣ отца, пожирала, въ свою очередь, глазами телеграфиста; въ ея взорѣ вспыхнулъ дѣлкій пожаръ: и негодованіе, и страхъ, и мольба, и любовь, и приказъ.

Секунды двѣ продолжалась эта безмолвная и характерная сценка. Будь тутъ художникъ, онъ бы навѣрно воспроизвелъ ее на полотнѣ. Но, кромѣ меня и участниковъ драмы, никого въ рублѣ не было. Наконецъ, телеграфистъ встрѣтился взоромъ съ Леной и, мгновенно опустивъ свои глаза, самъ опустился на стулъ.

— Господа, да что же это такое, наконецъ?.. рассердился уже остальные партнеры. Играть мы съѣли, или скандалничать?.. Вѣдь знай я, ей-богу, не съѣлъ бы!..

— И я бы не съѣлъ.

— Дайте хоть роверъ кончатъ!.. Вѣдь намъ одну партію осталось взять!.. Въ кой-то вѣки повезетъ, и тутъ хотеть полутать, жалобно пищалъ тощій военный. Ну, что-жъ, будемъ играть, или бросимъ?.. Филиппъ Филипповичъ!

— Я докончу... отрывочко вымолвилъ тотъ.

— Ну и прекрасно, говорите масты!

Игра опять продолжалась. Своро рабой господинъ съ тощимъ военнымъ написали себѣ партю и роберъ. Телеграфистъ, подчитавъ свои записи, всталъ и досталъ бумажникъ.

— Филиппъ Филипповичъ, отговался маіоръ совсѣмъ мигтеямъ басомъ. Ну, не сердитесь! Давайте руку, я виновать!

— Я не сержусь, только такъ вельва... Онъ пожалъ протянутую ему руку. Вы знаете мой характеръ, а все пристааете. Нарочно развѣ...

— Ну, не буду, не буду!.. Только на этотъ разъ ты не совсѣмъ правъ... Не былъ вѣдь у меня, шельма.

— Опять?.. Господи!

— Не былъ, не былъ! А теперь давай водки выпьемъ на мирво-ву. Давай рожму!

Они чокнулись и выпили. Игра продолжалась мирво и чинно. Только блѣдность телеграфиста, да рѣдкое подергиваніе его губъ выдавали еще недавнюю бурю.

Черезъ полчаса общество сѣдѣло у большаго обѣденнаго стола; я примостился за опустѣвшимъ карточнымъ. Я взглядывалъ то въ окно, — на живописный правый, нагорный берегъ Оки, то на двухъ хорошенякихъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ прямо противъ меня. Онѣ ѣли съ самымъ завиднымъ аппетитомъ. Старшая, Леночка, поводила своими лучистыми глазами отъ одного къ другому и особенно радостно останавливала ихъ на своемъ визави—телеграфистѣ; она шло-ловинно, какъ маленький ребенокъ, держала ложку обѣими руками и выдѣлывала съ ней всякія эволюціи. Губки ея блестяли отъ жиру, подбородочекъ лоснился свѣжими щами. Вообще она дурчалась. Голодъ свой она повидимому утолила съ нѣсколькихъ ложекъ и теперь ѣла только для формы. Младшая, та была гораздо сдержаннѣе и ровнѣй.

Маіоръ уплеталъ сельяну съ часто военнымъ азартомъ, дѣлалъ одной порціей съ телеграфистомъ. Дѣлежъ былъ не совсѣмъ ровный, но телеграфистъ и не думалъ обижаться. Онъ теперь держалъ себя совсѣмъ просто, смѣялся и болталъ. На Леночку онъ взглядывалъ съ видимымъ удовольствіемъ, взглядывалъ продолжительно и выразительно. Она-же выдерживала его взгляды не смущаясь, играла и

улыбкой и глазами. Вообще-же между ними какъ-будто установились прочныя и таинственныя отношенія. Недосказанное читалось во взглядахъ и улыбкахъ.

— Хотите шей... протягивала она ему свою тарелку?

— Хочу, давайте!

Онъ начиналъ ѣсть.

— Теперь давайте, я буду! И такимъ образомъ продѣлывали они съ каждымъ блюдомъ.

Послышался свистокъ. Вся компанія встрепенулась.

— Папа, папа, закричали дѣвочки. Подъѣзжаемъ!..

Въ золотистой дали, тамъ, гдѣ спряталось усталое солнце, обрисовалась громада высокой горы, а на ней неясно заестрѣли очертанія домиковъ. То былъ одинъ изъ мельчайшихъ и живописнѣйшихъ городковъ Нижегородской губерніи. Мы приближались къ нему очень быстро; скоро я явственно различалъ уже ряды, точно прилѣпленные къ кручи, домовъ. Величественные контуры зеленой горы рельефно вырѣзывались на фонѣ чистаго, золотомъ подернутаго неба.

Городокъ раскинутъ былъ террасами, весь купался въ зелени густыхъ садовъ. Между однообразными деревянными постройками, такъ и самъ весело и ярво глядѣли бѣлыя каменныя стѣны нарядныхъ домовъ. Два-три изъ нихъ были совсѣмъ хороши...

— Это дома богачей-купцовъ, пояснилъ мнѣ рабой господинъ, умѣстившійся теперь рядомъ со мной.

— Развѣ таковыя здѣсь есть?.. улыбнулся я.

— Какже, миллионеры!.. хлѣбомъ торгуютъ.

— А городъ-то и весь здѣсь?

— На верху еще одна улица есть. Соборъ и присутственныя мѣста. Но вообще крошечный городишко. Павлово несравненно больше.

— Чѣмъ же существуютъ обитатели этихъ хорошенякихъ жилищъ?.. Кромѣ здороваго воздуха да красиваго мѣстоположенія!..

— А сады! Посмотрите вѣки сады! Лучшіе во всей мѣстности. И все вишневы. Вѣдь отсюда вишень столько вывозятъ, что парокорды ломаются. Въ хорошій годъ, пудовъ сто въ одинъ транспортъ. Эти же вотъ богачи и скупаютъ ихъ. Большія деньги на этомъ зарабатываютъ.. Тутъ вишнями только и живутъ; и платятъ, и получаютъ. Какъ выскать съ кого,—сейчасъ арестъ на вишни. По векселю, по

исполнительному листу, все вишия. Вотъ, исправникъ-то адъипшій этотъ военный, указалъ онъ глазами на тощаго старичка. Такъ онъ только вишнями и собираетъ подати. Какъ приходитъ пароходъ, сейчасъ чиновника командируетъ, списокъ даетъ недоимщиковъ, тотъ и гуляетъ между корзинами. Это чья? Такого-то! А эта? Моя! Тащи ее на пристань. Мужикъ въ ноги. Не разоряйте, запроданы уже. «Ага, такъ давай деньги!» Тотъ, понятно, и раскошелавается. А у кого нѣтъ, такъ вишни прямо и тащатъ къ исправнику. Тамъ съ публичнаго торга и продаютъ... Городъ вишневый совсѣмъ. И не бѣдный, можно сказать, потому доходъ подучается впрядный. Только вотъ когда неурожай на этотъ фруктъ—бѣда. Ныпѣшній вотъ годъ совсѣмъ плохъ. Совсѣмъ ягоды нѣтъ. Населеніе обнищало. Ни вѣтъ, ни платитъ нечѣмъ.

— А вы тоже здѣсь живете?

— Нѣтъ, я дальше, за Павловымъ. Но жить здѣсь прежде годовъ шесть подрядъ.

— А эта вотъ компанія? указалъ я глазами на суетившихся съ вещами майора, телеграфиста и дѣвочекъ.

— Эти здѣшніе. Майоръ—военскій начальникъ, этотъ вотъ—начальникъ телеграфа, а тотъ—исправникъ. Самая что-ни-на-есть аристократія Г—ая, улыбнулся онъ.

Пароходъ между тѣмъ плавно подошелъ къ пристани и масса народа толпой бросилась къ мосткамъ. Тамъ стояла шеренга разношпоровъ и разнощицъ съ печенгой, ящиками, булками и всякой снѣдью. Все это бралось претупомъ, кофійки и всякая мѣдная монета надала въ корзины, а голодные путники тутъ же и пристунали къ потребленію благопріобрѣтеннаго. Картина была весьма оживленная. И любовался ею изъ открытаго окна, вдыхая холодный и ароматный воздухъ тѣхдаго осенняго вечера.

Городокъ лежалъ покойный и мирный, окутанный зеленью и все болѣе сгущавшимися тѣнями. Ни улицъ, ни движенія, ни людей въ немъ не было видно. Только отъ пристани зѣвилась въ гору черная, болотистая дорога, тутъ же, впрочемъ, у начала горы за мопоротомъ и гераючаяся. Но ней лѣтнво подвигалось теперь нѣсколько телѣжекъ, въ одной изъ которыхъ и разглядѣлъ майора съ двумя его хорошенькими дѣвочками.

Пароходъ свиснулъ—и толпа пассажировъ, какъ стая спугнутыхъ

нечерныхъ птицъ, бросилась опрометью на мостки, немилосердно толкая другъ друга. За ними бросились и коммерсанты туцкой снѣди, по дорогѣ кончая расчеты. Когда мостки уже сняли и пароходъ отчалывалъ, неустрашимые коммерсанты (исключительно женскаго пола) умудрились еще бросать въ вытянутыя руки мужиковъ послѣдніе куски снѣдобнаго, ловно ловя взамиѣтъ ихъ мѣдные алтыны.

Пароходъ медленно подвигался вдоль высокаго берега, и засыпающій городокъ съ его вишневыми садами, съ его меланхоличными домиками, такъ уютно и любовно прильнувшими къ зеленой горѣ, безмятежно и картинно плылъ мимо насъ. Вонъ на самомъ концѣ его большой бѣлый домъ съ колоннами и длиннымъ крытымъ балкономъ на рѣку. Два ряда оконъ увѣнчаны поднятыми маршазами, кругомъ желѣзная ограда съ бѣлыми каменными устоями. Издали и въ сумеркахъ онъ кажется гигантомъ. Точно росовшая вилла поплава въ бѣдную деревушу.

— Чей это домъ? спросилъ и сосѣда.

— А это, вотъ, я есть резиденція самаго богача здѣшняго, купца Кулакова. Милліона два съ лишнимъ, говорятъ, имѣеть...

Красивый домъ милліонера заанчивалъ собой городокъ Г. Я долго еще любовался имъ, размышляя объ ироніи судьбы, поставившей резиденцію милліонера у входа въ этотъ нищій заолустный городокъ, который и весь-то не стоилъ четверти его состоянія.

Одинокая гора и живописный городокъ скрылись наконецъ въ сгущающнхся сумеркахъ; опять берегъ потонулъ невысокими и неровными холмами, отражавшимися какъ въ зеркалѣ въ гладкой стали воды. Воздухъ становился все холоднѣй и сырѣй. Я закрылъ окно и поудобнѣе усѣлся въ углу дивана. Въ рукахъ уже зажгли лампы, стояла тишина, прерываемая только дребезжаніемъ оконныхъ рамъ, да глухими толчками машины; рябой господниъ въ поддевкѣ сладко подремывалъ. Я чуть-было не послѣдовалъ его заравительному примѣру, какъ снизу раздались тяжелые шаги и въ комнату поднялся мой утренній собесѣдникъ. Онъ ласково, какъ стараго знакомаго, привѣтствовалъ меня.

— Извоили отдохнуть?.. Понушали?.. А мы все дулись. До сельскаго поту, можно сказать.

— И выиграли? судилъ я по его сияющему лицу.
— Малость, самую малость. Дорогу развѣ окупилъ, себѣ да женѣ.

— А вы съ женой?

— Какъ же-съ! Спать видно. А надо бы разбудить, закусить не мѣшаешь.

Онъ оглянулся на столъ, потомъ тронулся опять къ лѣстницѣ. Но тутъ, легкая на помянѣ, появилась и дразнящая половина добродушнаго купца, еще молодой и довольно красивая женщина, въ черномъ платкѣ, съ нестрымъ платкомъ на плечахъ, въ массивныхъ золотыхъ серьгахъ и такой же брошкѣ, стягивающей платокъ. Она была очень худа, съ чертами лица почти интеллигентными, съ глазами, окваченными поэтической сиверой, вообще не шла какъ-то въ пару къ своему массивному Алексѣюшкѣ. Тѣмъ не менѣе, супружество это, казалось, жило душа въ душу, насколько, понятно, можно судить о такихъ дустягахъ по внѣшнимъ признакамъ.

Супружество успѣлось закусывать, а Алексѣюшка поддерживать весьма оживленный и остроумный разговоръ. Онъ продолжалъ разсказывать о своемъ Павлоѣ, о разныхъ «штучкахъ» и продѣлкахъ «дѣдушки» Варыпаева. Выходило все это очень забавно, потому что разсказчикъ умѣлъ и голосомъ и особенно своей подвижной, отъ природы уже настроенной на комическій ладъ, физиономіей, придать «штучкамъ» самый яркій оттѣнокъ, подчеркнуть все смѣшное. Его выразительная скороговорка на чисто великорусскомъ жаргонѣ съ прибаутками, подчасъ очень удачными остротами, лилась неуловимымъ потокомъ изъ могучей глотки; широкое и румяное лицо оставалось серьезнымъ при самыхъ комическихъ эпизодахъ, когда мы неудержимо хохотали, а свѣтло-голубые глаза на выкатъ преуморительно моргали. Супруга его подчасъ перебывала.

— Ну, полно, Алексѣюшка, врать-то!.. Такъ ли было?. Прибавляешь...

— Когда Алексѣюшка забирался въ область сердечныхъ «штучекъ» дѣдушки, другими словами—понесъ сальности, она краснѣла, отворачивалась и затыкала уши. Это, однако, только болѣе еще подзадоривало Алексѣюшку, хлопавшаго намъ глазами на свою стыдливую подругу.

Усталый, потный, онъ, наконецъ, приостановился.

— Эхъ! вздохнулъ я. Все это было бы еще смѣшнѣе, если бы не было такъ грустно.

— Чего грустно?

— Да того, что ужъ больно мерзко. Варыпаевщина, кажись, не у однихъ у васъ, на всей Руси царствуетъ...

— Чего тамъ грустить?. Не онъ, такъ другой, все едино. Связались, слюбились. Связью вони изъ лужи не выгонили, потому животное неразумное, да и не чистоплотное потому... Отъ природы это дается. О чемъ же жалѣть?. Эхъ, бросьте печалиться-то! Я вотъ вамъ приведу сейчасъ этого самаго мошенника Ризика, такъ вы и посмѣетесь. Грусть какъ рукой сниметъ... Онъ живо поднялся и выбѣжалъ изъ рупи. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ ея появилась оригинальная фигура маленькаго, сухого и юрваго человѣка въ пальто и шапкѣ неопредѣленнаго цвѣта. Онъ какъ-то бокомъ, нерѣшительно остановился въ дверяхъ.

— Чего застрялъ? Иди, не бойся! Не побьютъ на сей разъ. И развеселый Алексѣюшка безцеремонно втолкнулъ его своими могучими ладонями.

Маленькій человѣчекъ влетѣлъ на середину комнаты, какъ отломанный конецъ корявой жерди; придержавшись, однако, за рукавъ Алексѣя, онъ постарался придать своей особѣ самый солидный видъ.

— Экій шутникъ, право... неловко улыбался онъ.

— Вотъ, господа, позвольте представить! Федоръ Степановъ Рижинъ, нашъ яблочать, дровочать, сутяга и проч. и проч. Находится въ дальнемъ родствѣ съ московскимъ адвокатомъ Плевакой, въ отлчіе отъ котораго и получилъ прозвище Блевако... Прону любить да жаловать! Ну, садись ты, да сними картузь. Алексѣй за плечи усадилъ его и сорвалъ съ головы шапку.

— Шутникъ, шутникъ... все дурачиться бы только, бормоталъ Блевако. Его китрая физиономія приняла самый добродушный и безобидный видъ.

— Знаемъ ужъ, что повторять! Ты вотъ расскажи-ка лучше, зачѣмъ ѣздилъ, какую-такую еще пакость учинилъ?

Маленькій человѣчекъ съ важностью погладилъ свою сѣдую, длинную, бороду.

— За дѣломъ ѣздилъ, говорилъ же тебѣ!

— Ты говори толкомъ, не вяли!

— А ты бы хоть водки предложил сначала.

— Ишь его! Даже говорить даромъ не можетъ. Все ему везтику подавай... Ну, на, пей! Алексѣй налилъ ему рюмку изъ стоящаго на столѣ графина съ водкой. — Только больше не получай! Пей по-немножку!

Блевако ухмыльнулся,

— Скупи ты какъ стала!

— Не для васъ ли еще разорваться?.. Только и дам, чтобы отошелъ. А то поди замерзъ на вышней своей?

— Холодно, холодно, пожимался тотъ въ своемъ жидкомъ пальтишкѣ.

— Ну, пей, чего размышляешь?

— Да какъ же понемножку-то? И такъ рюмка съ наперсточекъ

— Это твое дѣло. Пей варазъ, только больше не дамъ.

— Шутникъ, шутникъ, право, ухмыльнулся Блевако, жадно опирающаяся рюмку. — А закусить дашь?

— Чего еще? И такъ ладно. Закуси вонъ салфеткой. Рыжикъ однако досталъ валавшійся на скатерти кусокъ булки и съѣлъ его.

— Ну, говори, какъ ты оборудовалъ эту самую пакость.

— Да вѣдь я тебѣ сказывалъ. И орудовать нечего было, дѣло ясное... Рыжикъ теперь отвѣчалъ протяжно и важно, даже съ отвѣномъ неохоты.

— Ясное-то для тебя, потому ты, какъ котъ, въ потемкахъ видишь. А мы народъ простой, намъ осѣйти.

— И осѣщать нечего. Дѣло совсѣмъ обыкновенное. Судь напелъ, что арестъ неправильно былъ наложенъ и постановилъ снять воть и все.

— Нѣтъ, ты говори, что *ты то самъ* подстроилъ. Что судъ постановилъ, — это мы и безъ тебя узнаемъ.

— Что а?! Представилъ встоящій приговоръ общества. Вотъ и все мое участіе.

— Настоящій... Ишь его!.. А тотъ-то, что ужъ былъ, не настоящій развѣ?..

— Неправильно составленъ былъ. Не по закону. Елова не имѣли права уполномоченнымъ выбирать.

— А тебѣ что Еловъ? Колотилъ онъ тебя, что-ль?

— Ну, вотъ. Ты все свое, снисходительно улыбулся Рыжикъ. Еловъ по закону не можетъ одинъ отъ общества хлопотать.

— А ты какъ, можешь одинъ?

— Я не хлопоталъ. Я только представлялъ въ судъ подлинный приговоръ.

— Да какъ ты его раздобылъ, дьяволь? Когда? Вѣдь сходъ не собирался въ послѣднее время. Поди, чай, поддогъ опять смастерилъ?

— Коли судъ призналъ дѣйствительнымъ, значитъ не подложный.

— Что же ты, по домамъ ходилъ подиися собирать?.. Варыпаевскими другивенными угощалъ?..

— Шутникъ ты, право, Алексѣй, съ замѣтнымъ уже смущеніемъ улыбулся Рыжикъ.

— Признайся, ходилъ? Таскался вѣдь?..

— Ну ходилъ, ну что тебѣ до этого?..

— Вотъ, господа! Рекомендую! Ну, не мошенникъ ли? Не Блевако развѣ самымъ убѣдительнымъ жестомъ показала намъ Алексѣй на сторбленнаго въ жалкой повѣ Рыжика. Вѣдь другого такого сутяги во всей губерніи не найдешь. Право, не найдешь. Ну, кто бы это придумалъ? Въ тихомолку, какъ лиса ваяла, таскается по дворахъ, да голоса поддуваетъ. Думаютъ, дѣло уже кончено, деньги въ карманѣ; а эготъ ввѣрь и цапъ ляжку. Какъ собака голодная! Говори по совѣсти, сколько получилъ?

— Да ничто не получилъ. Съ кого мнѣ получать?

— Не получилъ, такъ получишь. Сколько?.. Поди, чай, сотни три?

— Гдѣ тамъ? свои издержки бы оправдать, проговорилъ сутяга

— А много пораздавалъ?

— Чего это? спохватился тотъ.

— Двугривенникъ.

— Полно тебѣ, шутникъ! Чего вздоръ жалеешь!

— Ахъ, ты мошенникъ, ахъ, прохвостъ, ахъ, Блевака ты поганый!.. разразился Алексѣй.

Цѣлѣе нотоки брани полились теперь на голову несчастнаго адвоката. Глядя на него съ высоты своего могучаго роста, Алексѣй, годъ такъ ругательствъ, жалостно качалъ головой и выдыхалъ. Говорилъ онъ серьезно, не улыбаясь, ничуть не возвышая голоса. Онъ какъ бы оплакивалъ въ этой брани подлость своего друга.

Рыжикъ довольно удачно разыгралъ роль добродушнаго малаго «bon-enfant».

Поглаживая свою патриархальную бороду и потягивая самими равнодушными образомъ, онъ то и дѣло улыбался или, по крайней мѣрѣ, старался улыбаться. Enfant terrible его оскорбить не могъ. Его выходки — только вѣдь выходки. За то онъ!.. Весь его юридически-дѣловой аллобъ, всѣ взвурбренныя тысячи статей, своды законовъ, постановленія и распоряженія, такъ и выплыли теперь изъ сдавлен-ной головы Павловскаго законовѣда и расплылись въ небрежныя движенія его жалкой фигурки, замерзли грязнымъ осадкомъ въ глубокихъ морщинахъ его взрытаго лица. Этотъ *ученый* мужъ удостоивалъ Алексѣя только самыми короткими звуками, не считая его, вѣроятно, способнымъ на серьезный разговоръ. При послѣднихъ, однако, его словахъ, онъ слегка поморщился, но, впрочемъ, тотчасъ же опять улынулся.

— Со стороны кто посмотритъ, подумаетъ какой ни на есть ты грубый человекъ. А на самомъ-то дѣлѣ—душа человекъ! Онъ обернула ко мнѣ.

— Все напускное! Шутки все на умѣ. На другого наналъ бы, обидѣлъ бы пожалуй,—а я его хорошо знаю. Ругается, вотъ, а другъ онъ мнѣ настоящій. Мелеть зри и самъ не вѣрить чему мелеть. Лучше вотъ, дай, выпью за твое здоровье.

— Нѣтъ, ужъ, это шалишь! отрѣзалъ Алексѣй, отодвигая графинъ.

— Хе, хе, хе! Да неужто второй не дашь? Гривенничка жаль?..

— Не стойшь ты, братъ, и пятака.

— Ладно, ладно! А все-таки подлей, милый, страсть холодно.

— Подливай себѣ самъ, только самъ и платять будешь.

— Ладно, давай!

Рыжикъ налилъ себѣ рюмку и жадно проглотилъ.

— Поскряжничалъ себѣ небось на второй власъ. Подѣломъ.

— Денеть, братъ, пѣть.

— Ври побольше! Варыпаевъ, чай, платять.

— Коли дѣло есть, отчего не заплатить. И Варыпаевъ, и всякій заплатить.

— А скоро-ль его судить будутъ?

— Это кто знаетъ! Надо врьде, чтобы было за что. А его дѣло чисто. Слѣдствіе ничего не обнаружло.

— Вотъ какъ! Полюбуйтесь-ка! обратился къ намъ Алексѣй.

— Чего любоваться! Законъ есть. Законъ судить, а не мы. А ябедѣ всякой если придавать вѣру, такъ никто изъ насъ чистъ не останется.

— Ты-то и подавну!

— И я, и ты, и всякій, резонно говорилъ Рыжикъ.

— Меня-то ужъ съ собою уволь. Не сравнивай!.

Чтобы прекратить, наконецъ, этотъ щекотливый разговоръ, я обратился къ Рыжикъ съ вопросомъ:

— А у васъ тоже фабрика есть?

— Есть, небольшая. Когда сыновья были, такъ и широко дѣло велось, а теперь я одинъ. Въ самыхъ малыхъ разбѣрахъ.

— Какая у него тамъ фабрика? Развѣ фальшивыхъ ассигнацій да подложныхъ документовъ, выѣшался Алексѣй.

— А вотъ, какая ни на есть, а медаль на выставѣ получили.

— На какой это?

— На Московской, въ 1882 году. Мы послали тогда свою витрину.

— Витрину... Ха, ха, ха, фирманулъ во всю глотку Алексѣй. Тоже вѣдь и слово выдумаетъ. Полтора ножа да 2½ замка—витрина. Ухъ, братъ, не смѣши!.. Вредно послѣ ужина...

— Тысячи три тогда стояла намъ эта витрина, говорилъ серьезно Рыжикъ, не обращая уже вниманія на выходки Алексѣя. Онъ видимо обрадовался новому предмету разговора и, приподнявшись на локтѣ, повернулся совсѣмъ ко мнѣ.

— Эвъ врьте-то, эвъ мелеть! вскрикнулъ Алексѣй. Три тысячи! Куда хватилъ! Да всл его фабрика, съ нимъ самимъ въ придачу, да съ его аблокаторскими мозгами, тысячи одной не стоитъ. А онъ на выставу витрину какую-то въ три тысячи послалъ! Ну, какъ тебѣ не совѣстно хоть при людяхъ-то?..

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, зарядилъ одно? Надоѣло, чай, и другимъ шутовство-то твое. Рыжикъ уже начиналъ злиться.

— Шутовство?! Ахъ, ты сутяга!.. Дрянч!.. Ну, такъ давай считать коли такъ! Что послать?..

— Что послать, то и послать. Не для тебѣ же помнить...*

— Врешь, помнишь! Если три тысячи стоило, такъ должнъ помнить. Какія такія вещи были?

— Вещи обыкновенныя. Ножи, бритвы, ножницы, замки...

— Сколько ножей?

— Право, не упомяну.

— Сотня была?

— Ну, сотни, пожалуй, и не было, а много.

— Скажемъ для примѣру по сотнѣ всего. Для круглаго счета назначимъ цѣну по рублю каждой вещи. И то всего только 400 рублей выйдетъ. А?..

— Сосчитай! улыбнулся Рыжикъ. Да какъ же можно такъ? Были чай и дороже рубля предметы. Кинжалы однѣ, да сабли по 50 рублей стоили самому.

— Экъ врешь-то какъ, Господи! всплеснулъ даже руками возмущенный Алексѣй. У тебя-то кинжалы да сабли дѣлаютъ?? Да ты опомнись, абловаты! Чай въ Нижнемъ память оставилъ. Онъ безцеремонно ступнулъ по плѣзивому лбу сосѣда.

— Я тебѣ не говорю, что сейчасъ дѣлаютъ, а прежде дѣлали, огрызнулся Рыжикъ.

— Прежде?.. Одну какую сабелку смастерили, да и то чай старую купили на базарѣ, отдѣляли только.

— Шутникъ...

— Нѣтъ, братъ, я въ сурьезъ теперь говорю. На чистую воду выведу. Какіе такіе предметы на три тысячи послалъ?

— Какіе да какіе?! Считай, коли охота! Одна витрина чего стоила.

— Опять ты свою витрину суешь! Чай печку потомъ исполнилъ ей? Ну, положимъ, на эту твою витрину сто рублей,—за эти деньги и тебя можно купить. Положимъ на твою сабелку да кинжалчикъ еще сто рублей; примемъ еще по рублю на каждую вещь! И то одна тысяча всего выйдетъ.—А двѣ еще гдѣ?

— Экій чудакъ, право. Не могу же я тебѣ перечестъ всего. Не три, такъ около того. Точной цифры не упомяну.

— А я вотъ помню. Видѣлъ я вѣдь твою витрину, твои сабли да кинжалы. Красная цѣна всему 100 рублей. Ей-Богу такъ, обратился ко мнѣ Алексѣй. Въ сурьезъ!.. А ты, вотъ думалъ, люди по-сторонне сидятъ—такъ цѣхъ и морочить можно. А ты знаешь ли, что

стоила витрина Завьялова на выставкѣ? Не тебѣ вѣдь чета!.. А? Знаешь, что стоила?

— Тысячъ пять, говорятъ.

— Говорятъ... Такой же вралъ и мошенникъ говорилъ, какъ ты! Восемьсотъ рублей всего-на-всего. Вотъ тебѣ!..

— Подп-ка, купи ее за эти деньги, улыбнулся Рыжикъ.

— Это другой предметъ, за что ее купить можно. Я тебѣ говорю, что она стоила по вывѣщеннымъ цѣнамъ. А она ее и совсѣмъ не продать можетъ быть, потому для выставокъ берегутъ. Такъ какъ же твоя-то стоила три тысячи? А?.. Вралъ ты этакій, мошенникъ, даже въ такой глупости и то наровнишь надуть народъ Божій. Фу! Срамникъ!..

Негодующія изліянія Алексѣя были прерваны появленіемъ на лѣстницѣ моей утренней красавицы. Я встрепенулся. Она вошла въ рубку и остановилась, слегка сконфуженная. Алексѣй при видѣ ея пріятно ослабилса, а жена его подвинулась на диванѣ. Рыжикъ вскопчилъ съ мѣста и почтительно раскланялся.

— Присядьте, Алена Дмитривна! Составьте компанію, ласково обратилса къ ней супруга Алексѣя.

— Выспались, чай? спросилъ я мужъ.

Алена нерѣшительно сѣла и обвела насъ робкимъ взглядомъ. При свѣтѣ лампы ея розовое, полное личико, съ нѣжными, почти дѣтскими опаломъ, было еще привлекательнѣе, а темные глаза сверкали двумя агатами.

— Да я не спала. Читала отъ скуки, протянула она.

— А скучно, чай, безъ муженька? хитро улыбнулся Алексѣй.

Алена вспынула, встрѣтивъ мой взглядъ. Ей видно припомнилса ояъ всю неприглядную утреннюю сцену.

— Вообще скучно... Ъхать долго... пробормотала она, оправляя оборки платья.

— А вы завтра къ намъ обѣдать пожелаете! пригласила супруга Алексѣя. — Мужъ раньше вечера не прійдетъ, чай. Вотъ и развлекайтесь немножко.

— Покорно благодарю..

— И Мишку тащите, прибавилъ Алексѣй.

— Да ояъ ужъ при бабушкѣ лучше.

— Что при бабушкѣ? Прислуга, чай, дома есть! И накажите наблюдать.

— Право, теще и Мишку, молвила жена Алексѣя. Все же вамъ покойнѣй, да и ему веселѣй съ вашими-то. Такъ на цѣлый день и приходите...

— Покорно благодарю... Алена посидѣла еще съ минуту и потомъ порывисто встала. А я пойду на воздухъ немножко. Душно что-то. Она скрылась за дверьми.

Алексѣй мигнулъ на нее глазами.

— Какова бабенка?. А?. Много у васъ такпхъ въ Петербѣ?

— Нѣтъ, такпхъ не видывахъ, улыбулся я.

— Ну, вотъ вамъ и Павлово!.. Не все, чай, Блевани да Варыпавы!.. Онъ покосился на Рыжика. А дроводать-то намъ, глядите, все еще облизывается. Опомнитесь не можете... Вотъ бы тебѣ такую краля!.. И что бы ты съ ней дѣлалъ? Чай тоже на выставку въ витринѣ отправилъ бы? Статья доходная... Почтище вѣдь сабелекъ да вишаловъ, почтище и двугривенныхъ Варыпавенскихъ, чай? А?. Какъ ты на этоъ счетъ?..

Рыжикъ только съ достоинствомъ отвернулся, не удостоивая даже отвѣтомъ на такіа неуразумія рѣчи. А неугомонный Алексѣюшка опять накиннулся на него со всѣмъ запасомъ своихъ острогъ и насмѣшекъ. Возвращаясь къ дѣлу о кабакахъ и о 3-хъ тысячной витринѣ, онъ опять по косточкамъ разобралъ «черную и мерзкую душу» несчастнаго Блевани, иллюстрируя свои обличенія, для вѣщей убѣдительности, вѣроятно, массой всякихъ воспоминаній о жизни и дѣятельности этого почтеннаго старца. Но я ужъ не вслушивался въ его болтовню. Я все думалъ объ одномъ: какъ бы такъ половчѣй встать и, не возбуждая подозрѣній, улизнуть вслѣдъ за красавицей. Полчаса времени для этого показалось мнѣ достаточнымъ. Отговариваясь головною болью, я закутался въ плащъ и покинулъ общество.

На палубѣ теперь было гораздо просторнѣй. Черная, звѣздная ночь окутала непроглядной тьмой и пароходъ, и рѣку, и берега. Только едва замѣтной лентой тянулся ближайшій къ пароходу холмистый берегъ Ови. Яркіе огоньки на самой водѣ и по берегу указывали пароходу фарватерь. Не смотря на это, онъ шелъ медленно, что называется, ощупью. Мы уже часа на 3 опоздали въ Павлово, и теперь съ минуты на минуту слѣдовало ожидать свиста, возвѣ-

щающаго о его приближеніи. Въ виду такихъ обстоятельствъ, медлить и раздумывать значило бы терять драгоценное время, а съ нимъ и возможность познакомиться съ моей красавицей...

Я храбро направился къ закутанной въ платокъ фигурѣ, очертанія которой, благодаря темнотѣ, я распозналъ не тотчасъ. Она сидѣла на скамьѣ, почти у самаго носа парохода; возлѣ нея никого больше не было.

— Можно присѣсть около васъ?..

Она ведрогнула, повернула ко мнѣ голову и взглядѣлась. Если не по лицу, то по голосу она должна была меня узнать.

— Садитесь!.. Она отодвинулась.

— Вы что-жъ такъ на холоду сидите? спросилъ я для начала.

— Мнѣ по холоду! законически отвѣчала она.

Разговоръ оборвался.

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, читали цѣлый день? спросилъ я, самъ не зная зачѣмъ.

— Читала...

— И что-жъ, интересное что нибудь?

— Не особенно! Романъ.

— А вы не любите романовъ?

— Какъ вамъ?

— А можно спросить заглавіе того, который вы читали?

— «Ракамболь».

— Ого!.. Это даже убійственно, улыбулся я.

— Не знаемъ... какъ для кого! сухо отвѣтила она.

Разговоръ опять оборвался.

— Скажите пожалуйста!.. Вы... извините за вопросъ! Вы все еще беспокоитесь за вашего мужа?

Она слегка повернула ко мнѣ голову.

— Нѣтъ, не беспокоюсь, послѣ маленькой паузы, выговорила она.

— Такъ можетъ быть... грустите, или... какъ это сказать, впечатлѣніе неприятное осталось.

— Грустить не грущу, а пріятнаго особенно мало.

— Но вѣдь это самый обыкновенный случай! Со всякимъ бываетъ...

Она промолчала.

— На радостяхъ онъ, вѣроятно, что ли?

— Радости-то эти довольно часто у насъ случаются. Мнѣ слышалась въ ея голосѣ злобная нотка.

— И каждый разъ онъ до этого.. до такой степени напивается?

— И до большей бываетъ.. отбивала она уже совсѣмъ злобно и отвернулась.

Опять пауза. Темнота что-то не особенно меня ободряла. Я начинала волноваться.

— Скажите, вы давно замужемъ? придумалъ я, наконецъ?

— Восемь лѣтъ!

— Однако, глядя на васъ, этого не скажешь.

Она помолчала, потомъ какъ-то нерѣшительно и мягко выговорила:

— Совсѣмъ дѣвочкой вышла. Пятнадцать лѣтъ всего имѣла..

— Здѣсь это было, въ Павловѣ?..

— Я о Павловѣ тогда и не слыхала. Я дальняя, изъ Малороссіи подъ Полтавою жила..

— Ну вотъ, я такъ и думала, радостно воскликнулъ я. Какъ увидалъ васъ, сейчасъ подумалъ не здѣшня. Здѣсь такихъ типовъ не водятся. У васъ красота южная совсѣмъ.. Теплою такъ и вѣетъ. Знаете что, вы меня просто поразили своимъ появленіемъ. Ужасно, ужасно странно васъ водѣтъ въ этой обстановкѣ!

Я одушевился, почувствовать, наконецъ, подъ собой почву.

— Отчего же странно?.. также нерѣшительно спросила она.

— Оттого, что отъ васъ весной пахнетъ, вишнями, галушками.. Извините за сравненіе! А тутъ холодъ, слякоть, еще это неприятная исторія..

Я вдругъ замѣтилъ въ темнотѣ, какъ нервно ея пальцы теребила бахрому платка.

— Вы на меня не сердитесь, что я опять про то!.. Но вѣдь я только изъ участія одного. Вѣсьмъ сердцемъ хотѣлось бы помочь вамъ, разсѣять вашу грусть, госу. Вы говорите, что нѣтъ ихъ, а я... извините, не вѣрю, не могу повѣрить.. Вотъ и теперь, я, можетъ быть, надобѣду вамъ, мѣшаю.. Но у меня изъ головы не выходятъ ваши потерянные, полные отчаянія, глаза, какими тамъ, помните, вы пристали вы смотрѣли кругомъ. Въ нихъ я ясно прочелъ, какъ не красна ваша молодая жизнь. Вы—едва распустившійся цвѣтокъ

и этотъ испитой, истасканный мужъ.. Извините за откровенность, но тутъ это не возмутится!..

Я остановился сдерживать порывистое дыханіе. Робость прошла, ледъ былъ разбитъ и какое-то нервное возбужденіе неудержимо толкало меня впередъ.

— Вамъ кажется страннымъ, обиднымъ, можетъ быть, что незнакомый человѣкъ такъ говорить съ вами?

— Нѣтъ, ничего.. Только къ чему это затрогивать?

— Къ чему?.. А къ чему вамъ это спрашивать?.. Зачѣмъ вамъ это знать?.. Скажете себѣ—вотъ нахаль, пенѣжа, который ко мнѣ присталъ. Съ участіемъ непрощеннымъ суется.. А потомъ и подумайте: потеряете ли вы чтонибудь, кромѣ пяти минутъ времени, если удовлетворите его дикому любопытству. Сегодня мы съ вами встрѣтились, сегодня и расстанемся. То, что вы мнѣ скажете, я унесу съ собою въ неизвестные вамъ края, къ незнакомымъ людямъ; что я вамъ говорю, останется для васъ случайнымъ воспоминаніемъ можетъ быть, даже и не неприятнымъ, если захотите моей искренности повѣрить. А нѣтъ, такъ забудете завтра же. Слѣдовательно, ни я, ни вы, ничѣмъ не рискуемъ! А между тѣмъ, откровенность для васъ, въ минуту горя, можетъ только облегчить его; для меня же.. не знаю почему, но въ эту минуту я бы Богъ знаетъ что отдалъ за нее.

— Какая же откровенность? Мнѣ нечего и говорить, отвѣтила она уже безъ прежней строгости и раздраженія.

— Какъ нечего?.. А исторія вашего замужества, вашей жизни теперь!..

— Ну, это было очень просто, какъ всегда бываетъ! Мнѣ показалось, что она даже улыбнулась при этомъ.

— А мнѣ кажется, почему-то, что нѣтъ.. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Я хочу слышать вашъ голосъ, вашъ рассказъ.

— Да право нечего и разсказывать. Самая обыкновенная исторія..

— Я ничего необыкновеннаго и не жду.. Такъ вы говорите, что родились возлѣ Полтавы? А отецъ?

— Отецъ былъ школьнымъ учителемъ..

— Ну, а дальше?..

— Дальше?.. Школа была при хуторѣ, тамъ и жили.. Бѣдно жили, по-дню въ день. Кромѣ меня, еще четверо ребятъ было..

— Вы старшая?

— Старшая.

Она опять приюмкла.

— Трудно, значить, было?

— И очень. Съ такой-то семьей, да 200 руб! Матушка къ тому же хворала, на лекарства, доктора, много выходило... Не весело было время.

— А вы что-жь, не занимались ничѣмъ, не помогали?..

— Помогала по силамъ... Учиться-то хотя я и училась, а все какое же ученіе въ сельской школѣ. Только и могла что съ ребятами замѣсто отца иногда заниматься. Потомъ шла немножко, на барскій дворъ поставляла... Голосъ ея вдругъ упалъ, вся она зашевелилась на мѣстѣ. Я насторожился, старался всмотрѣться въ ея лицо, но за темнотой не могъ.

— А потомъ прѣхали женихъ, сдѣлалъ предложеніе, — и обвинчалъ. Вотъ и все! громкой сироговоркой кончила она.

Я помолчалъ съ минутку, потомъ заглядывая ей въ лицо, спросилъ:

— А на барскомъ дворѣ?..

Она живо обернулась ко мнѣ:

— Что на барскомъ дворѣ?

— Я у васъ сирашпваю—что?

— А я вамъ отвѣчаю—ничего! отрѣзала она.

— Вотъ опять рассердился, мягко замѣтилъ я. — Начали-было такъ хорошо... Вѣдь вы же не мнѣ говорите, вы говорите этой черной ночи. Она все спрячетъ...

— Да что прятать-то?.. Я людей не убивала...

— Помолчите, что вы! Развѣ я сомнѣваюсь... Только вѣдь и кромѣ преступленій бывають въ жизни событія, нѣкоторыя чувства переживаются такія, что прачешь ихъ потомъ въ самую глубину души. Не открываешь всѣмъ...

— Бывають, бывають... послышался ея вдумчивый отвѣтъ...

— Вотъ о нихъ-то я и говорю. Имъ-то и легче подѣлиться съ незнакомымъ человѣкомъ, да въ такую ночь, чѣмъ въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ. Я для васъ—начего; а темное пятно въ этой тѣлѣ. Вы и лица моего не разглядѣли... Но, въ то же время, я вамъ другъ случайный, невзвѣстный, съ неба свалившійся

другъ... Такіе друзья рѣдки, но они цѣннѣе другихъ. Имъ руководить истиннѣе, и оны рѣдко ихъ обманываютъ.

— Скоро больно что-то, отвѣтила она, стараясь всмотрѣться въ мое лицо.

— Потому и прочю, что скоро. Значить безъ разсужденій, а какъ Богъ послалъ. Куда влечетъ, туда идешь. Понимаеетъ.. Я взялъ ее за руку.

— Понимаю, понимаю... медленно выговорила она, отводя отъ меня голову и задумываясь.

— А если понимаете, значить разскажете? осторожно спросилъ я.

— Глупости все, ребячество одно! Стоптъ-ли и вспоминать.

— Стоптъ, стоптъ, милая Алена Дмитриевна. Въ быломъ вся прелесть жизни.

— Далеко это былое, своимъ кажется теперь. Да и тогда былъ сепъ... задумчиво молвила она.

— Поэтому-то и не опасно его вспоминать. У кого въ жизни не было свѣтлыхъ дней? Кто-жь и стыдиться ихъ станетъ? Вамъ и подавно печего, потому что вы созданы для нихъ. А не сбидись— не ваша вина. Клясть ихъ не за что, гордятся ими скорѣй!.. Ну съ, такъ я продолжаю: вы работали на барскій дворъ. А тамъ жили или жплъ...

Алена встряхнулась, точно отгоняя темную мысль. Сжавъ руки на колѣняхъ и устремивъ взоръ передъ собой, она заговорила вдругъ спокойнымъ и плавнымъ голосомъ:

— Если ужъ вы такъ хотите, жить безъ этого не можете, хорошо! Я раскажу... что вспомню. Только потомъ не ослабѣте!

— Что вы, что вы?..

— Ну ладно! Слушайте коли интересно...

Вогатне помѣщивъ жила тамъ... Маліонеры... Старуха съ дѣтми, да съ гувернантками и гувернерами. Старшему сыну было лѣтъ 20-ть тогда. Въ кievскомъ университетѣ обучался. Красивый такой былъ, статный и умяцца... Сердце золотое имѣлъ... Она пріостановилась. Пальцы сильнѣй забѣгали по бахромѣ платца, голосъ сталъ глубже, волнистѣй.

— И вы...

— Ну, я и ходила къ нимъ въ домъ. Старуха была гордая, спѣсивая, но добрая. Меня она ласкала съ самыхъ малыхъ годовъ, по-

тому крестной мнѣ доводилась. Бывало, когда мнѣ еще пять лѣтъ было, какъ въ домѣ гости, обѣдъ тамъ большой, или вечеринка, сейчасъ за мной и присылаютъ. Велишь одѣтъ, — платье на этотъ случай подарилъ, вымытъ, выгладитъ и вестъ въ залъ. А тамъ показываютъ гостямъ какъ диво какое. Такъ изъ руки въ руки и передаютъ. Галушкой прозывали всё!.. Вотъ и вамъ кажется, что отъ меня галушкой пахнетъ, улыбулась она. Да я и въ самомъ дѣлѣ тогда была вся въ галушку. Круглая, крошечная, ровная. Никогда не болѣла. Ни горести, ни думушки, ни тучки, ничего этого и не знала еще. День—деньской съ мальчишками бѣгала, вишнями обѣдалась. Отъ того и щеки у меня тогда были атласныя, и глаза какъ звѣздочки. Меня всё величали урановской звѣдой, барскіе гости какъ грушкой любовались. И за столъ сажали, и на столѣ ставили.. Виномъ запаивали, сластями закармливали.. Танцовать, пѣть, играть, наперамъ великимъ учили. Барышню хотѣли изъ меня старуха-то крестная сдѣлать, да замужъ выдать прилично.. И бытъбы мнѣ барышней, кабы не отецъ. Сначала, пока маконьная была, пускалъ къ барышнѣ, позволялъ дурачиться. А какъ подросла, да мать заболѣла — «сиди», говорить дома. «Непристойно тебѣ», говорить, куклой барской быть, да скоморошничать, да лизсблюдничать. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Гордъ былъ очень, даромъ что сынъ дьячака. Ну, потомъ и боялся онъ за меня немного. Молодежь ужъ больно заглядывалась, шутки всякія позволяли себѣ.. Однимъ словомъ, съ 13 лѣтъ моя полоса кончилась. Началась жизнь скучная, однообразная, при большой матери, да въ классной комнатѣ съ ребятишками. Старуха помѣщица обидѣлась тоже на отца и перестала ему помогать. Прежде, бывало, и къ праздникамъ, и въ иманьямъ, и такъ часто дарила всякой провизіей, деньгами, матеріей на платье. А тогда перестала. Съ годъ, чай, я и не показывалась на барскомъ дворѣ. Только ужъ къ смерти матери, когда очень туго стало, гроша въ домѣ не было, отецъ и послалъ меня къ старухѣ работы какой просить. Та сначала приврянула, отца выругала, меня тутъ-же прозвала неблагодарницей, однако работу дала. А какъ кончила и ее, другую третью дала и ужъ заказамъ не было конца. Пришлось по полдня просиживать въ барскомъ домѣ, обшивать всёхъ, штопать. Вспомъ да сластями меня ужъ не кормили, гостямъ не показывали, но впрочемъ обходились очень ласково. Я зарабатывала порядочно,

и все отцу отдавала, такъ что тотъ ужъ не препятствовалъ мнѣ ходить на барскій дворъ. Такъ прошла почти годъ. Мнѣ исполнилось 15 лѣтъ; я была уже совсѣмъ большая дѣвушка.. Раннимъ лѣтомъ прѣехали къ намъ на вакаціи старшій сынъ моей крестной. Я съ нимъ дружила еще дѣвчонкой; ласкалъ онъ меня часто, конфетами дарилъ. Но тутъ я его и не узнала. За два года онъ выросъ и возмужалъ, совсѣмъ взрослымъ сталъ. Да и на меня онъ удивился. «Оставилъ, говоритъ, дѣвчурной, а теперь невѣста». Говорилъ, что и выросла я, и выровнялась, и много всякихъ комплиментовъ.. Вотъ и началась для меня тогда опять радужная полоса, совъ счастливый. Дни текли какъ минутки, тихо, однообразно и радостно. Полдня я работала, другую половину гуляла съ нимъ, на лѣдѣ катались, книги вмѣстѣ читали.. И не упомянешъ всего.. Рай былъ, а не жизнь, еще разъ выговорила Алена дрогнувшимъ голосомъ. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала сдвоенно и тихо:

— За эти три мѣсяца я узнала и выучилась большому, чѣмъ во всю мою жизнь.. Я нигуда не выѣзжала дальше двара при хutorѣ, а тутъ цѣлый міръ, цѣлыя государства и миллионы всякихъ людей открылись мнѣ. Я тогда въ первой поняла, что не всё на свѣтѣ такъ живутъ, какъ на нашемъ хutorѣ. Что есть большіе города и громадные зданія, гдѣ тысячи людей слушаютъ одного, гдѣ вѣшаютъ и учатся, и поютъ, и играютъ, и все это для какого-то искусства, да и идеи.. Во мнѣ забились всё жилия, когда я почувствовала, что на свѣтѣ есть предметъ гораздо выше и сладостнѣ моего штопанія да вышиванія, монхъ вишенъ и галушекъ. Мнѣ страстно захотѣлось испытать ихъ, пережить хоть минуту той жизни.. Визиторъ Петровичъ къ концу вакаціи сталъ замѣтно грустнѣть и чуждаться меня. Я испугалась! Я подумала, что надобла ему, что мать ему запретила гулять со мной. Я рѣшилась сама помочь ему и нѣсколько дней не показывалась въ домѣ. Много слезъ и мученій стоило мнѣ это, но самолюбіе заговорило сильнѣе горя. Я сказала большой. Я заперлась въ своей комнатѣ и не выходила даже къ обѣду. Отецъ былъ въ ту пору занятъ по хозяйству, матери стало легче немного, потому меня и не тревожили. Я перечитывала въ десятый разъ забранныя у него книги, плакала, мечтала, терзалась.. Двѣ ночи подрядъ не сомкнула глазъ, и въ самомъ дѣлѣ

готова была заболѣть... Къ вечеру третьяго дня меня билъ ознобъ и бросало въ жаръ.

Я распахнула окошечко и стала дышать прохладнымъ ночнымъ ночнымъ воздухомъ. Окошко-то мое выходило въ поле; за нимъ чертѣла роща, а въ за деревень въ видѣлась крыша барскаго дома. Ночь надвигалась темная, звѣздная. Съ поля пахло необруненнымъ еще хлѣбомъ, доносилась и лѣсная жниць... Я заглядѣлась въ темные сумерки на барскую рощу... Я все ожидала, не блеснетъ-ли гдѣ сквозь деревья, огонекъ. Я старалась угадать, въ какомъ мѣстѣ придется окошко *ею* комнаты и что тамъ теперь дѣдается. Долго стояла я такъ, дрожала и плакала. Уже ноги подкосились, лечь собиралась, какъ вдругъ отъ этой рощи отдѣлилось черное пятно и быстро-быстро подвигалось черезъ скатое поле прямо на нашу доникъ. Скоро я разглядѣла человека, а еще немного погода, сердце мнѣ забило тревогу. Я не могла различить еще лица, но что-то кричало мнѣ: «онъ, онъ!» Я хватилась за подошвицы, чтобы не упасть. Минуть пять погода, онъ, т. е. Викторъ Петровичъ, стоялъ подъ коныемъ ознома... Что было потомъ — помню слабо... Вредъ-то былъ, или дѣйствительность — Богъ его знаетъ. Помнится, я плакала мы, и смѣялись, и влялся въ вѣчной любви и... Обезумѣли однимъ словомъ. Невѣстой онъ меня звалъ своей, женой, своей царицей, своей Алевой... Вредъ, сонъ!.. Опомнилась я отъ этого сна только на слѣдующій день, когда рванулась дверь и на порогѣ показался мой отецъ. Блѣдный онъ былъ, грозный, страшный... Въ рукѣ скомканное письмо, кулаки скаты, волосы, борода втрещаны. Какъ зѣбрь на меня ринулся. Ударить хотѣлъ, но видно сжалился на мой видъ и только бросилъ письмомъ въ лицо. Я какъ полумертвая подняла его, прочла... и дальше ничего не помню. Алена договорила послѣднія слова совсѣмъ шопотомъ. Она вся дрожала, пальцы уже рвали платокъ. Я испуганно ухватила ея руки.

— Успокойтесь, Елена Дмитриевна, ради Бога. Простите, что я вызвалъ воспоминавія...

Она скоро пришла въ себя и отняла у меня руки.

— Оставьте... ничего... отрывочно выговорила она.

Я послушно отодвинулась. Въ наступившемъ молчаніи слышно было только ея неровное дыханіе, да глухой звукъ точно проглатываемыхъ слезъ. Въ груди у меня тревожно заняло; ѣдая жалость

охватывала всего меня. Пока я собирался сказать ей что-то, она заговорила сама.

— Старуха помѣщица писала моему отцу, что знаетъ, гдѣ проводить ночи ея сынъ Викторъ, что я могу больше не являться къ ней за *работой*, — это слово было подчеркнуто въ письмѣ, и чтобы я не ждала больше къ себѣ ея Викторъ, такъ какъ онъ сегодня уже отправленъ въ Кіевъ... Моя мать не выдержала такого позора. Больные усилилась и черезъ недѣлю ея не стало. Отецъ едва не погибъ. Послѣдъ весь, опустился, одрахла... Со школой заниматься ему стало совсѣмъ не въ мочь. Приѣхало начальство, посмотрѣло на него и уволило за старостью... Мы остались безъ куска хлѣба... Ея голосъ на этомъ мѣстѣ прервался. Но черезъ минуту она опять заговорила.

— Считаю себя виновницей смерти матери, нищеты отца, всему... Хотя, одинъ Богъ знаетъ, въ чемъ была тутъ моя вина. Но совѣсть всетаки упрекала, и я дала себѣ клятву, во что-бы то ни стало, найти средства къ жизни. Мы переселились въ село, я стала усердно шить, занималась съ деревенскими ребятами. Дни и ночи просаживала за работой, но денегъ все-таки добывала мало... Въ ту осень приѣхалъ въ наше село мой мужъ. Онъ приѣхалъ съ разными вещами изъ Павлова, прикащикомъ отъ дяди своего. Къ намъ часто приѣзжали тогда такіе прикащики. По всей Малороссіи ѣдили, лапки закладывали, на ярмарки являлись, счета сводили... Дмитрій былъ паренъ молодой, ловкій деньгами сорилъ, за богача считался. На все село пылъ пустилъ. Увидѣлъ онъ меня, понравилась — и въ недѣлю посватался. Женитьхъ былъ совсѣмъ подходящій, рѣдкостный даже можно сказать, при моемъ положеніи... Въ голосѣ Алены послышалась иронія. Моя исторія на барскомъ дворѣ давно ужъ по селу огласилась. Всѣ знали, что меня выгнали оттуда, знали и за что выгнали... Кумушки разсказывали и такія подробности, про которыя и самой старухѣ-помѣщицѣ не слыхосъ...

Ну, да такъ или иначе, а партія была блестящая. Завидывали всѣ, уронить всячески въ глазахъ жениха хотѣли, исторію мою, со всеми прибавками и прикрасами, расписали, пугали, срамили его, смѣялись надъ нимъ и чего ни выдумывали! А все ничего непомогло. Я сама ему расказала какъ было, ну и... влюбленъ-ли былъ очень, аль что другое, а погѣрилъ онъ мнѣ, а не имъ... Черезъ мѣсяцъ

сыграли свадьбу и в тот-же день мы уехали. Отца я взяла с собой; братьев разместила по селу. Съ тѣхъ поръ и не видѣла больше роднаго хутора.

— Живъ еще вашъ отецъ?

— Померъ давно.

— Викторъ? спросилъ я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю... живеть видно! отрывочно отвѣчала она.

— И мать его?

— Та померла уже года два.

— А вы не получали вѣстія отъ него?..

— Нѣтъ не получала! Въ голосѣ ея опять прозвучала рѣзкая нота.

— А вы... того... извините за нескромность! Счастливы вы теперь?... Кромѣ воть того, что петь оя... ничего?... Не ошибаюсь вы въ вашемъ выборѣ?..

— Ничего!... Живется хорошо!.. И сито и, привольно.. отвѣчала она, какъ показалась мнѣ, съ легкой улыбкой въ голосѣ. У мужа дѣла большія, доходы хороши... Дядюшка любитъ очень, порученія всякія даетъ. И прежде помогалъ ему, а послѣ женитьбы и совѣтъ принималъ участіе. Большое уваженіе ко мнѣ имѣеть...

На этотъ разъ явной усмѣшкой и горечью прозвучали ея послѣднія слова.

Я больше не спрашивалъ. Ея исторія была уже понятна мнѣ. Инстинктъ меня не обманулъ, когда, бросивъ первый взглядъ на это красивое, выразительное лицо, я почувалъ подъ нимъ натуру страстную, пережившую уже ураганы и бури. Настоячивостью ли, искренней-ли нотой въ голосѣ, или участіемъ, которое проявилъ я надъ тѣломъ ея безчувственнаго Дмитрія, я сумѣлъ вызвать ея откровенность. Теперь я сдѣлалъ поумерившись и горькое чувство какой-то обиды правозаможало во мнѣ невольное тщеславіе такого успѣха. Оригинальность и прелесть моего знакомства не дала мѣста тѣмъ обыкновеннымъ побужденіямъ, какія въ другое время нѣкого бы не удвигали. Молодой человекъ и возлѣ него молодая красавица, до-вѣряющая ему тайну своей первой любви, непроглядная ночь я уединенное мѣстечко, скрытое отъ любопытныхъ взоровъ, — что-жъ было бы естественнѣе вслѣдъ затѣмъ признанія въ любви, нѣжнаго пожатія и даме... хотя бы даже и поцѣлуя?!

На этотъ разъ, однако, ничего подобнаго не приходило мнѣ на умъ; я весь еще жила въ ея прошломъ, ея восторгамъ и ея мученіямъ. Я представляла себѣ ее 15-лѣтней ураганкой, высокой, статной... Темная коса свѣтится по плечамъ, каріе глаза сверкають какъ исконки, роскошная грудь выдыхается страстью, станъ гибкій и тонкій нервно вздрагиваетъ; точно молодой тростникъ отъ перваго дуновенія вѣтра... А рядомъ, — стройнаго юношу съ едва пробивающимися черными усомъ, орлинымъ носомъ и черными, вдохновляющими глазами.

Извилистая рѣчка, осыпанная ласковымъ наклономъ ивъ, лѣниво катитъ свои воды въ просторъ сожженныхъ степей; густой вишне-вый садъ съ одной стороны ея, желтое поле—съ другой.

Связовъ чащу сада и между наклоненными стволами ивъ мелькають очертанія бѣлаго барскаго дома. Все залито косыми лучами заходящаго свѣтла, на всемъ лежитъ толубоватый, или розоватый отблескъ. Подъ нами прохладно и тихо. Не слышно даже журчанія воды. Только неугомонный кузнечикъ трещитъ во все горло, благо его никто не замѣчаетъ въ высокой прибрежной травѣ. По гладкимъ водамъ скользятъ углый челнокъ. Въ немъ, другъ противъ друга, Алена и Викторъ, оспаривающе у роскошной природы блескъ красокъ, ивгу очертанія, стройность и гармонию въ каждомъ движеніи, въ каждомъ звучемъ взглядѣ... Весла брошены, челнокъ подвигается все медленнѣе, предоставленный самому себѣ. А они, точно очарованные другъ другомъ, не въ силахъ болѣе сдержаться, сближаются, вытягиваютъ дрожація объятія... Но воть одно неосторожное движеніе—и челнокъ опрокидывается... Не коснувшіяся еще объятія исчезаютъ подъ синей пеленой воды, вадрагивающихъ отъ берега къ берегу, и поглощающихъ свои жертвы съ кажимъ-то недовольно-удивленными роботаніемъ. Скоро однако воды умякають и только радужные круги быстро несутся внизъ по теченію... Все опять тихо, замерло, даже кузнечикъ примолкъ. А кругомъ ложатся черныя тѣни, ивы все ниже клонятся въ водѣ, верхушки ихъ сошлись уже тамъ на днѣ и теперь подъ ними таинственная и страшная бездна... Куда дѣвались радужныя тѣни, свѣтъ, теплота?.. Они исчезли вмѣстѣ съ поглѣвшими Аленой и Дмитріемъ!

Такъ дѣя яркія звѣзды сходятся порой съ разныхъ сторонъ небеснаго свода, чтобы слиться и заблестѣть вдвое ярче—уже рядомъ,

Отечери современ. Россіи.

касаются друг друга, как вдруг, отброшенные непонятной силой, стремглав катятся по небосклону, и в миг исчезают, оставляя последний яркий следъ. Вотъ что представлялось моему наэлектризованному воображенію въ эти мгновенія почнаго безмолвія. Я невольно поднялъ глаза и въ голубоватой чащѣ неба, освѣщенной лишь холоднымъ блескомъ алмазныхъ точекъ, ясно увидѣлъ я блеснувшій следъ двухъ упавшихъ звездъ. Можетъ-быть то былъ плодъ разстроеннаго воображенія, но мнѣ помнится эта случайность довольно ясно. Я перевелъ взглядъ на свою сосѣдку, невольнымъ порывомъ желая передать ей мое впечатлѣніе, всмотрѣлся въ ея темный обликъ и удержался. Опять ѣдкое чувство жалости охватило всего меня, сдавило горло. Она сидѣла сгорбленная, жалкая какъ-то, точно помертвѣвшая; полуотвернувшись отъ меня корпусомъ, она опиралась локтемъ на бортъ. Другая, свободная ея рука безпомощно лежала на коблякахъ, а складки теплаго платка распахнулись, свѣсившись. Я не видѣлъ ея лица, но угадывалъ его выраженіе: я точно на себѣ чувствовалъ взоръ ея карихъ глазъ, безпомощно и безъ мысли устремленныхъ въ непроглядную даль, въ эту осеннюю ночь, освѣщенную снизу только рѣдкими тусклыми огоньками, а сверху сказочно-прекраснымъ небомъ, гдѣ далекія и холодныя звезды точно перемигивались между собой, глядя съ насмѣшкой на мрачную и жалкую землю.

«То сонъ, мечта, а вотъ она жизнь, дѣйствительность», подумалъ я, сравнивая алмазное небо съ жалкими огоньками на рѣкѣ.

Вотъ ея фарватеръ!.. Вездѣ черно, вездѣ опасность; пробрайся какъ знаешь отъ огонька къ огоньку. Мгновеніе свѣта и часъ тьмы... Событійся—погибъ, не доплыть и до этого жалкаго фонаря...

Оглушительный и безобразно-хриплый звукъ пароконнаго свистка заставилъ насъ обоихъ сорваться въ своихъ мѣсть. Моя собесѣдница даже покачнулась отъ испуга. Понявъ, однако, въ чемъ дѣло, она засуетилась, запахнула платокъ.

— Ну... вотъ вамъ и весь сказъ мой!... Занятнаго мало, не знаю чего ради я разболталась... Видно и съ самою дѣлѣй темнота языкъ развязывается... Прощайте, не осудите и не... употребите во зло мой глупости!... усмѣхнулась она. Надо мамашу собрать...

Я хотѣлъ ей сказать что-то особенное, выразить всё разнород-

но-возновавшія меня чувства, но именно потому и не сказалъ ничего, кромѣ обычнаго:

— Прощайте!... Спасибо!...

Только когда она взялась уже за ручку двери, я сумѣлъ выговорить ей вслѣдъ:

— Будь счастлива и покойна, Алена Дмитриевна. Вамъ сонъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ и вамъ...

Она приостановилась, обернулась, въ первый разъ протянула мнѣ руку, крѣпко, по-мужски, схватила мою и затымъ, стремительно распахнувъ дверь исчезла на лѣстницѣ внизъ. А я долго еще стоялъ на носу парохода, наблюдая за приближеніемъ огоньковъ Павловской пристани.

Прежде чѣмъ говорить о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, перечитыхъ въ с. Павловѣ, считаю умѣстнымъ познакомить читателя съ той общей картиной, которую являетъ собой это село, какъ одна изъ самыхъ крупныхъ кустарно-промышленныхъ центровъ Россіи. Свѣдѣнія, здѣсь излагаемыя, добыты мною официальнымъ путемъ, а слѣдовательно въ подлинности ихъ сомнѣваться нѣтъ основанія. Сузія официальная данная я постараюсь оживить, осветить и дополнить частью собственныхъ наблюденій, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ строго-историческаго и экономическаго послѣдованія.

Постараюсь быть краткимъ и убѣдительнымъ.

Павловская волость состоитъ изъ одного села Павлова, съ 10 тысячами, приблизительно, жителей, изъ которыхъ правомъ на надѣлъ пользуются только $2\frac{1}{2}$ тысячи человекъ. Населеніе — почти все исключительно крестьянское; только около двухъ тысячъ человекъ принадлежатъ къ разночінцамъ, считая въ томъ числѣ купцовъ и мѣщанъ, которые перешли въ это сословіе недавно изъ крестьянъ. И село, и крестьяне когда-то принадлежали графу Дмитрію Николевичу Шереметеву, отсюда и категория павловскихъ крестьянъ — бывшіе временно-обязанные грнфовъ Шереметевыхъ.

Земельный надѣлъ этихъ крестьянъ весьма и весьма ограниченъ — по 1893 сажени на ревзскую душу, считая въ томъ числѣ и усѣдебную, и сѣнокосную, и пахотную, и выгонную, и кустарники-

Такой ничтожный надѣлъ, очевидно, никогда не могъ служить обезпеченіемъ насущныхъ потребностей жителей; необходимо было отыскать сторонній источникъ заработка, и таковой выразился развитіемъ въ селѣ стально-слесарнаго промысла, зачатіе котораго отнести здѣсь еще къ концу XVII вѣка.

Павловскій кустарный промыселъ, какъ и много другихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, зародился и выросъ не на почвѣ естественныхъ, природныхъ, такъ сказать, условій, какъ-то: избытка мѣстнаго сырого матеріала, рабочихъ рукъ, мѣстнаго спроса на издѣлія, призванія, наконецъ, у населенія къ такому рода труду, а только изъ одной единственной причины—изъ малоземелья. Россія, тысячу квадратныхъ верстъ пустынь и малоземелья!.. Немножко странно звучитъ, но это такъ!.. Будь у павловцевъ больше земли, будь она лучшаго качества, не вѣдать бы намъ павловскихъ замочковъ, ножей, похвильцъ и проч., не гремѣлъ бы міръ *русскими* кустарями, *русскими* издѣліями, и не голодали бы, не протягивали бы въ эту минуту руку за подаваніемъ виновники этого торжества, когда-то наша гордость, а теперь нашъ поворотъ, наша мучительная и неотвязная забота... Такъ или иначе, а павловскій промыселъ зародился, выросъ, и въ короткое время далъ роскошные плоды. Почва для зерна случайно оказалась благоприятной.

Располагаясь на одной изъ лучшихъ нашихъ судоходныхъ рѣкъ, въ 80 верстахъ отъ слиянія ея съ Волгой и въ такомъ же разстояніи отъ Нижняго-Новгорода, гдѣ ежегодная ярмарка обезпечиваетъ, съ одной стороны, сбытъ готовыхъ произведеній, а съ другой—дешевую и удобную покупку сырья,—Павлово находится въ самыхъ лучшихъ географическихъ условіяхъ для развитія всякаго рода промысла. И если его настоящій промыселъ переживаетъ теперь тяжкія, если не предсмертныя свои дни, то виноваты въ томъ не географически, не исторически, не естественныя, какія либо причины, а только чисто мѣстные, вѣрнѣе—чисто *русскія*.

Выгодное положеніе Павлова, какъ колыбели сталеслесарнаго промысла, выразилось прежде всего распространеніемъ этого послѣдняго далеко за предѣлы села. Всѣ окрестныя селенія Горбатовскаго и частью Муромскаго уѣздовъ весьма скоро переняли отъ павловцевъ ихъ искусство. А что именно Павлово, а не Ворса, и не ка-

кое другое изъ окрестныхъ селъ было этой колыбелью, что павловцы *пероме* въ Россіи занялись издѣлкой стальныхъ и желѣзныхъ предметовъ—въ этомъ трудно сомнѣваться. Всѣ болѣе крупныя фабричныя фирмы стально-слесарнаго производства имѣютъ представителей своихъ тамъ, или иначе происходящихъ изъ Павлова. Отецъ нинѣ одного изъ крупнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ фабрикантовъ этого рода, — «Кондратовъ въ Вацѣ», дѣтъ 60 тому назадъ жилъ работникомъ у павловскаго кустаря Молохина и, обучившись ремеслу, самъ завелъ свое дѣло. Про Завьялова тоже говорятъ, что онъ началъ свою дѣятельность въ Павловѣ, также и про многихъ другихъ. За Павловымъ поэтому слѣдуетъ признать пальму первенства сталеслесарнаго производства въ Россіи и инициативу распространенія его по всему обширному району Нижегородской и Владимирской губерній.

Если успѣшное распространеніе этого промысла далеко за предѣлы села послужило къ чести с. Павлова, то ужъ никакъ не къ выгодѣ его. Первый толчекъ къ упадку дѣвъ на павловскія издѣлія данъ былъ именно успѣхомъ этого распространенія, — вызвавшейся конкуренціей—между павловцами и кустарями окрестныхъ деревень. Конкуренція эта елоплась не къ выгодѣ первыхъ, и вотъ почему, еще въ крѣпостномъ правѣ, павловцы отделили своему ремеслу всецѣло, всею душой, черная изъ него всё, до послѣдняго средства къ существованію: пищу, кровъ, одежду, плату повинностей и проч. Жители-же окрестныхъ селеній, поставленные въ лучшія, сравнительно, земельныя условія, переиная отъ павловцевъ ихъ ремесло, занялись имъ какъ роскошью, какъ выгоднымъ источникомъ благосостоянія, а не существованія, въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ занятій время. Обязанные хлѣбомъ на всю зиму, они работаютъ не торопясь, не торопясь и продаютъ свои издѣлія. Какъ это условіе, такъ равно и то, что деревенскій кустарь вырабатываетъ свои издѣлія изъ худшаго матеріала, — даютъ ему возможность продавать свои издѣлія дешевле павловскихъ мастеровъ; а такъ какъ сбытъ всѣхъ сталеслесарныхъ издѣлій производится исключительно на павловскомъ рынкѣ, то ясно, что такая близкая конкуренція должна была отозваться на павловскихъ кустаряхъ не легко.

Не легко отозвалась она и на крупных фабрикантах этой местности, хотя и по другой совсем причине.

Фабрикантъ не может бояться кустари ни за качество издѣлій, ни за цѣну ихъ. Но за то кустарь зачастую маскируется именемъ фабриканта, дабы легче сбыть свои произведенія. По деревнямъ не мало однофамильцевъ, не мало и схожихъ фамилій; пользуясь этимъ, деревенскіе кустари силою и рязомъ штампуютъ свои произведенія именами извѣстныхъ фабрикантовъ, даже когда они и мало схожи съ ихъ собственными. Наладить любой штемпель и тиснать его на всякую дрянн—это въ модѣ между крестьянами, это и за грѣхъ не считается. Нужно быть специалистомъ или опытнымъ «скупцикомъ», чтобы различить по вѣншему виду плохое произведеніе кустаря отъ издѣлій извѣстныхъ фабрикантовъ. Только употребивъ ихъ въ дѣло, весьма скоро разочаровываешься въ любовь Завьяловъ, Калакичъ, Кондратовъ, смотря какая подишь поставлена, и въ слѣдующій разъ ужъ не спросишь ихъ.

Вотъ почему конкуренція мелкихъ деревенскихъ кустарей-дилетантовъ оказалась тяжелымъ испытаніемъ не только для павловскихъ кустарей, но и для крупныхъ фабрикантовъ, въ родѣ вышепоименованныхъ. Это былъ первый, бичъ, повисшій надъ павловскимъ производствомъ и впервые его пошатнувшій.

При всемъ этомъ павловскіе кустари до 1878 года сбывали свои произведенія легко и сравнительно выгодно, оплачивая всё повинности и обезпечивая себя и своимъ семьямъ безбѣдное существованіе. Но съ 1878 года вещи вмѣнились. Съ этого года ощутилось внезапное паденіе цѣнъ на издѣлія, которое затѣмъ продолжалось прогрессивно и ежегодно. Последніе 2—3 года цѣны упали на 40—50 проц., а въ некоторыхъ произведенія и совсѣмъ не покупалась; почему упали—объ этомъ ниже; а пока слѣдуетъ сказать, что въ это время бѣдные павловцы пережили много горя, испытаній, слезъ. Они жили какъ въ потемкахъ, болѣе по привычкѣ, чѣмъ по желанію; потемки все сгустились, и, наконецъ, теперь перешли въ глубокую и безвыходную тьму.

Только-что истекшій годъ пронесся надъ Павловомъ тяжелымъ кошмаромъ. Спросъ на издѣлія, вслѣдствіе громаднаго дривоза podobныхъ же издѣлій изъ-за границы, наблюдавшагося уже и въ прежніе годы, дошелъ до минимума; скупщики или вовсе не брали

товара, или предлагали за него такую цѣну, которая едва равнялась расходу, затраченному на сырой матеріалъ. А такъ какъ павловскій кустарь, за неизмѣнимъ запасныхъ средствъ, въ силахъ покупать сырье только на одну недѣлю впередъ и даже меньше—на нѣсколько дней, то непроданный издѣльный урочъ *) ставить его въ весьма критическое, чтобы не сказать болѣе, положеніе. Не на что купить желѣза, значитъ нельзя работать, значитъ—до слѣдующаго понедѣльника голодать. Вотъ почему я рѣшаюсь назвать вторымъ и рѣшительнымъ поводомъ, повергнувшимъ павловское производство въ пучину терзаній,—появленіе на нашихъ рынкахъ заграничнаго стали-слесарнаго товару. Если павловцы еще могли конкурировать съ своими сосѣдями—деревенскими кустарями, потому что въ этой конкуренціи не играло никакой роли усовершенствованіе производства, а только побочныя условія, то теперь, ни они, ни ихъ счастливые когда-то соперники, не могутъ бороться съ заграничнымъ соперникомъ.

Всякая заграничная вещьца, будь то самый простой ножикъ, замочекъ и проч., все это и лучше, и прочій, и, главное, дешевле нашихъ русскихъ. Тамъ работаютъ громадные фабрики, тамъ съ каждымъ днемъ примѣняются новыя усовершенствованія, тамъ достигнута minimum въ расходованіи топлива и сыраго матеріала, и maximum скорости производства; наши же павловцы застыли, замерли, на чемъ сидѣли 20, 50, 100 лѣтъ тому назадъ.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о техникахъ и о существующихъ нынѣ приспособленіяхъ фабричнаго производства, павловскій кустарь до сихъ поръ работаетъ только тѣ издѣлія, которыя дѣлали его дѣды и прадеды, придерживаясь въ выработкѣ тѣхъ же способонъ, тѣхъ же наружныхъ даже формъ. Поэтому, какъ только спросъ на тотъ или другой сортъ издѣлій уменьшается, работающій этотъ сортъ кустарь уже становится въ безвыходное положеніе, лишается куска хлѣба; къ другому сорту работъ онъ долженъ приступить какъ ученикъ, а къ отхожему промыслу онъ не привыкъ...

*) Урочкомъ называется то количество издѣлій, которое кустарь, запасаясь въ понедѣльникъ утромъ матеріаломъ, работаетъ до утра слѣдующаго понедѣльника. Продажа издѣлій и покупка сырья производится разъ въ недѣлю по понедѣльникамъ, утромъ.

Самыя же надѣля, начиная отъ какой-нибудь мелкой части наприѣръ—ялота и до самаго замка, дѣлаются имъ безъ всякихъ машинныхъ приспособленій, а только отъ руки; если же принять во вниманіе, что ялочь и замокъ составляются изъ 28 отдѣльныхъ частей, что каждую изъ этихъ частей нужно сковать, верхнія доски обрѣзать, корпусъ собрать, спаять, отгнать, отполировать, пригнать ялочь и проч.,—выходитъ, что онъ на все истратитъ вдвое, и дороже, а потомъ времени и здоровья, которыя какъ нельзя болѣе необходимы для такой адской работы и, въ концѣ-концовъ, еще продаетъ этотъ замокъ за 5—20 коп., виѣсто 15—40 коп.

У заграничнаго замка дуга и ялочь отлиты изъ чугуна, а корпусъ слѣланъ посредствомъ штампа; тамъ одновременно отливаютъ массу замочныхъ корпусовъ и вѣтки уже въ минуту ихъ собираютъ; трудъ строго раздѣленъ по разрядамъ, отчего каждая отдѣльная часть изъ-подъ руки спеціалиста выходитъ и прочтѣй, и чище; работникъ не отрывается отъ одного дѣла къ другому, его приемы увѣренны, точны, почти автоматичны; готовыя надѣля выходятъ изъ послѣднихъ рукъ съ быстротой и плавностью широкой рѣки, сливающейся изъ массы мелкихъ ручейковъ. Куда же обогнать ее тѣмъ извѣстнѣмъ и изсохшимъ струйкамъ, которыя являютъ собой нашъ кустарный промыселъ, струйкамъ, то и дѣло еще обращающимся всплать?

Павловскіе кустари, въ минуты перваго отчаянія, бросились изъ роднаго села на волю, въ міръ широкій, въ погоню за кускомъ насущнаго хлѣба. Въ прошломъ году, въ продолженіи 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ, изъ павловскаго волостнаго правленія выдано было 540 письменныхъ видовъ на отлучку; но не прошло еще и лѣта какъ несчастные павловцы, общипанные, голодные, тощіе, безъ копѣйки въ дырчавыхъ карманахъ, возвращались на родину. Во широкомъ міру имъ мѣста видно не нашлось; только послѣдніе кровные гроши, добытые продажей родной хаты, роднаго тулупа, мелкими лямешками канули въ необъятный житейскій океанъ. Павловцы, какъ уже сказано, къ отхожимъ промысламъ, положительно непригодны.

Такова общая картина положенія павловскихъ кустарей-ремесленниковъ. Положеніе это до того бѣдственно и распатано, что даже трудно указать настоящіе размѣры его.

Для наглядности достаточно указать, что тѣ сорта замковъ, которые до 1878 года продавались за 3 р. 20 к. десяткомъ, упали къ 1882 году до 2-хъ руб., а въ настоящее время за нихъ платятъ уже 1 р. 40 к. и менѣе.

Съ наступленіемъ Нижегородской ярмарки ремесленники, по приѣзду прошлыхъ лѣтъ, ожидали повышенія спроса на надѣля. Но ярмарка пришла, прошла, а между тѣмъ ожиданія не сбывались.

Спросъ въ настоящую ярмарку былъ еще ничтожѣе прошлогодняго. Только нѣсколько счастливычковъ изъ фабрикантовъ, въ родѣ пьянаго Митрія, успѣли продать свои запасы. Остальные привезли ихъ обратно, выжидавъ ярмарокъ въ Малороссіи, куда все это и отправится. А между тѣмъ кустари все работаютъ да работаютъ, а скупишки, у которыхъ склады уже ломятся отъ дешеваго товара, приобфативъ его теперь уже чуть-ли не задаромъ. Они покупаютъ только тотъ товаръ и по такой цѣнѣ, который имъ въ какомъ случаѣ не можетъ принести имъ убытка,—хоть бы годъ пролежалъ онъ у нихъ въ складахъ, хоть бы на край свѣта пришлось его везти. Въ убыткѣ, въ отчаяніи, въ самомъ мрачно-драматическомъ положеніи остался только бѣдный кустарь-ремесленникъ, самый жалкій изъ трутней обширнаго и по-своему богатаго села Павлова.

Горбатовское земство, въ уѣздѣ котораго находится сей улей, неоднократно обращало на него свои милостыивыя очи. Обращало впрочемъ не изъ любопытства, любознательности, или состраданія, въ каковыхъ сильно нуждается это рѣдкое село, а просто изъ своихъ личныхъ, корыстныхъ, чисто земскихъ цѣлей. Павлово обширно; Павлово даетъ до 40 т. ежегоднаго дохода, слѣдовательно Павлово для земства драгоценно, какъ тучная дойная корова. Исходя изъ этой точки зрѣнія, горбатовское земство обложило промышленныя заведенія Павлова несоразмѣрно высокой оцѣнкой, и когда село не заплатило, земство возмутилось, вознегодовало, а управа, докладывая о семъ чрезвычайному уѣздному земскому собранію, обоввало Павлово «центромъ экономическаго благосостоянія всего уѣзда.»

Насколько таковое опредѣленіе лестно для павловцевъ въ неопредѣленномъ смыслѣ, настолько же оно невыгодно и несправедливо въ смыслѣ опредѣленномъ, въ смыслѣ дѣйствительности платежныхъ силъ.

Село Павлово ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать въ сферѣ экономическаго благосостоянія ни съ селомъ Богородскимъ этого же уѣзда, ни даже съ селеніями южной части Горбатовскаго уѣзда, гдѣ промыселъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, служитъ только подспорьемъ сельскому хозяйству, а не основой и не ослотомъ существования.

Село Богородское настолько же славится въ Россіи своими кожевными надѣльями, насколько Павлово—стально-слесарными. Только зачатіе и развитіе тамъ кожевеннаго промысла находится въ совершенно иныхъ съ Павловомъ условіяхъ. Тамъ нѣтъ мелкихъ кустарей-ремесленниковъ; тамъ весь промыселъ сосредоточенъ въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ заводчиковъ, дающихъ бѣдному населенію годовой заработокъ; а если кто и работаетъ на свой страхъ, у того есть средства концентрировать, переждать тяжелую годину. Значитъ, населеніе богѣе, или менѣе обезпечено, по крайней мѣрѣ настолько, насколько прочно держится самъ заводчикъ.

А эти послѣдніе въ Богородскѣ держатся еще куда какъ прочно. Предметъ ихъ производства (кожа), составляя необходимѣйшую потребность ежедневнаго крестьянскаго обихода, имѣетъ всегда ровный и всегда обезпеченный сбытъ на мѣстѣ, не прибѣгая къ посредству чужихъ скупщиковъ, вывоза на ярмарки, отдачи на комиссію и прочихъ приемовъ павловскихъ производителей. Оправляется въ дальнія мѣста товаръ большею частью по заказу, или съ вѣрнымъ сбытомъ. Поэтому богородскіе заводчики не зарывающа и не прибѣгаютъ къ вневашнымъ сокращеніямъ производства, влекущимъ за собой свращеніе и рабочихъ рукъ.

Заграничный кожевенный товаръ, хотя онъ и гораздо лучше нашего, не произвелъ однако никакого перелома въ нашей кожевеной промышленности. За нашимъ осталось одно огромное и главное преимущество—онъ дешевле. Поэтому для высшихъ и даже среднихъ классовъ заграничная кожа не существуетъ, а богородская всегда и вездѣ сбывается съ достаточнымъ успѣхомъ.

Все это выхъстъ даетъ нинѣ с. Богородску такія преимущества надъ Павловомъ, что и рѣчи быть не можетъ о сосредоточеніи въ этомъ послѣднемъ экономическихъ интересовъ уѣзда.

Южный районъ уѣзда занимается всего на всего лѣсными промыслами; но и онъ гораздо болѣе выхъщаетъ въ себя экономическа-

го благосостоянія, чѣмъ Павловскій. Скромное населеніе того района имѣетъ порядочные надѣлы, скотъ, хозяйство, а въ свободное отъ хозяйства время занимается рубкой лѣса и выжиганіемъ угля, который потому въ Павловѣ очень выгодно и сбывается. Вырученные деньги идутъ ему въ капиталъ, между тѣмъ какъ бѣдный павловецъ эти же деньги платитъ ему въ насущныхъ грошей, отрывая ихъ отъ семьи, отъ обѣденнаго стола съ чайной пустышкой и мутныхъ щей.

Весь ужасъ, весь драматизмъ павловскаго промысла и заключается именно въ этомъ послѣднемъ положеніи:—онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ его сбытомъ.

Нѣтъ сбыта—нѣтъ материала для дальнѣйшей работы, нѣтъ возможности честно продолжать трудиться, нѣтъ хлѣба, одежды, крова. Слишкомъ много несчастій отъ одной случайности, слишкомъ неровны шансы успѣха и неудачи; слишкомъ шатка основа цѣлаго зданія, слишкомъ тонки нити, на которыхъ повѣшены въ немъ благосостояніе и жизнь тысячи и тысячи людей...

При такомъ положеніи, можно-ли позавидовать павловскому ремеслу, можно-ли безъ горькой провѣи называть его центромъ экономическаго благосостоянія, или еще болѣе того—русскимъ Шеффальдомъ и Бирмингамомъ?..

Чтобы пмѣнить горькую дѣйствительность, я не говорю ужъ объ обращеніи ся въ сладкую, а просто, чтобы только смягчить слишкомъ рѣзкія краски въ ней,—необходими, по общему мнѣнію, быстра и энергическія мѣры. Каковы это мѣры—на этомъ далеко не все сходится. Укажу прежде на тѣ, которыя указало мнѣ павловское сельское общество. Оно подавало свой голосъ и на земскихъ собраніяхъ, и на сѣздахъ, и даже въ приемныхъ министровъ, слѣдовательно голосъ этотъ долженъ имѣть нѣкоторый интересъ. Прежде всего, какъ только начался еще павловскій кризисъ, Павловское общество, въ лицѣ своего представителя «дѣдушки Варыпаева», стало хлопотать о правительственной ссудѣ, для основанія артелей. Мысль была блестящая, схвачена «дѣдушкой» на лету у какого-то инженера-техника, прибѣжавшаго въ Павлово знакомиться съ техническою и финансовою стороною его производства. Съ ней Варыпаевъ носился, какъ беременная женщина, о ней печатали чрезъ своихъ корреспондентовъ въ либеральныхъ журналахъ, о ней упи

прожужжала всей Нижегородской губернии, начиная от г. начальной ея, кончая своим адвокатом Блеховой-Рыжкомъ, съ ней наконецъ понесся въ Петербургъ, заматывая по сенаторамъ, директорамъ департаментовъ, министрамъ и великимъ государственнымъ и полугосударственнымъ людямъ, пока въ концѣ концовъ его идея не потержествовала, его заботы о родномъ и миломъ ему Павловѣ, о родной ему пастырь, которая избрала его своимъ пастыремъ, — не были оценены по заслугамъ, не послужили предметомъ удивления и разговора въ кабинетахъ ихъ высокопр—ствъ, не принесли ему давно желаннаго ижданнаго золотого кафтана съ золотыми висточками...

Студа была разрѣшена въ размѣрѣ, если не ошибаюсь, 75 тыс. руб. Вылъ посланъ отъ м-ва финансовъ единый чьявничекъ, который долженъ былъ научить Павловцевъ уму-равуму, — пагъ воспользоваться увавшими съ неба деньгами.

Какъ однако ни былъ уменъ и опытенъ финансовый чьявничекъ, «дѣдушку» однако онъ не провелъ и скоро долженъ былъ скрыться съ павловскаго горизонта, оставшись, что называется, при печальномъ интересѣ. Артели пошла работать сами по себѣ, работать во всю пропадую...

Завѣдующихъ разными складами, запасами, покупками и продажами выбрало изъ себя Павловское общество и выбрало, разумеется, по указаніямъ «дѣдушки». Племяннички и «ожарники» торжествовали. На ихъ долю выпали историческія роли. Двое, наиримѣрь, приставлены были къ артельной лавкѣ въ Нижнемъ на ярмаркѣ, куда собраны были отъ кустарей всѣ ихъ надѣлія. Лавки торговали плохо, по ихъ словамъ, но еще хуже была выручка. По окончаніи ярмарки, эти молодцы не привозили въ Павлово ни товару, ни денегъ... Общество потужило, покричало, но, по совѣту опять-таки «дѣдушки», — поворилось такой волѣ Провадѣнія.

Еще двое приставлены были къ артельнымъ запасамъ сырья, т. е. жалѣва и стали, благопріобрѣтенныхъ еще блаженной памяти министерскимъ чьявничкомъ, на сумму свыше 15 т. руб. Товаръ и лначалъ былъ пріобрѣтенъ не ахтительнаго качества, брагананый, какъ говорятъ злые языки, а тутъ, подѣ мудрыми попеченіями «дѣдушкиныхъ» ставленниковъ, искорѣ и совсѣмъ оказался негоднымъ. Впрочемъ, кустари съ грѣхомъ пополамъ его брали, благо даромъ

давали, а ужъ насчетъ возраста, или тамъ зачета въ счетъ будущей выручки—это ужъ совсѣмъ слабо было. Разъ выручки не было, значить и возвращать не изъ чего было. Логичнѣе этого и придумать что-либо трудно.

Еще нѣсколько молодцовъ приставлены были къ общей кассѣ и вели артельную бухгалтерію.

Въ кассѣ, за расходами на сырой товаръ, наемъ лавки, жалованіе ставленникамъ и проч., оставалось въ началѣ операціи добрыхъ 55 т. руб.

Изъ этого капитала покупали новый товаръ, когда старый, гвнлой оказался ужъ вкяуда негоднымъ, выдавали ссуды кустарямъ и вообще, вершили крупное коммерческое дѣло. Вершили такъ, что черезъ два года не осталось ни гроша. Въ сундукѣ лежали только бессловесныя росписочки позанимствовавшихся кустарей и некустарей, вообще, счастливицковъ, близкихъ къ «дѣду» и къ «дѣдушкѣ». На эти росписочки, понятно, никто сломанной подковы больше не давалъ, и склады запасовъ поэтому быстро опустѣли. Пришла и вторая ярмарка, опять навезли замочковъ, ножичковъ и проч., за дѣлный годъ работы навезли, да еще проплогодній непроданный товаръ притащили, за лавку—тысячу рублей отдали, ставленничковъ вслѣски обезначили: «везите только побольше денегъ и по меньше товару», — говорить. А тѣ, или не дослышали, или перепутали, только вторую часть поставлений исполнили въ точности, а первую совсѣмъ наоборотъ. Такъ что, по возвращеніи домой, опять, какъ и въ прошломъ году, ни товару, ни денегъ при нихъ не оказалось.

На этомъ блестящая артель и лопнула. Изъ 75 т., въ два года остались для павловцевъ только пріятныя воспоминанія и то для немногихъ избранныхъ. Масса же настоящихъ бѣдняковъ-тружениковъ, чаѣ, и не помнить совсѣмъ, были у нихъ артели какия, али что другое. Слышали, что казна денегъ отвалила Павлову, что ихъ «дѣдушка» выхлопотала у Царя, а теперь по заслугамъ и раздаетъ. Видѣли и счастливицковъ, маханшихъ подѣ носъ имъ радужными. Только отъ всего этого шуму и нестроги до нихъ доходили рѣдкіе засаленные рублевки, да и то въ видѣ подаенія. Видно не заслужили они у «дѣдушки» и у Царя...

Изъ всего этого явствуетъ только одно, — что артелями не подержать гибнущаго Павлова; все, что носитъ характеръ иля запаха

банка, все это у нас на Руси привило уже лопаться; нечего удивляться слѣдовательно и павловскимъ артелямъ. Но нельзя точно также и задумываться надъ возобновленіемъ ихъ, надъ прискаченіемъ средства близкаго къ нимъ. Фіаско было слишкомъ очевидно.

Фіаско это такъ памятно еще общественнымъ заправителямъ Павлова, что и они даже, при всемъ ихъ вахальствѣ, беззазорности, жадности, какъ-то совѣтятся, глаза потупляютъ, когда имъ впопыхишь объ артеляхъ. А на вопросъ—«не устроить-ли вновь?» отиѣчаютъ: „Хорошо-бы было... хорошо... кабы денегъ дали! Только... не дадутъ казись... Не прививаются что-то... не пошли у насъ... эти самыя артели“.

За то тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ съ большимъ апломбомъ и авторитетомъ предъявляютъ эти заправители другія требованія къ правительству, которое, будто-бы совсѣмъ позабыло ихъ въ бѣдѣ. Прокъ спасенія Павлова и павловскаго промысла сводятся у нихъ къ двумъ главнымъ положеніямъ:

1) Возвышеніе пошлины на ввозимыя изъ-за границы замочныя, ножевыя и другія стально-слесарныя издѣлья и соответствующее пониженіе пошлины на заграничную сталь, необходимую при такого рода производствѣ.

2) Устройство на счетъ правительства въ с. Павловѣ технической ремесленной школы, гдѣ бы могли приобретать первоначальныя технические познанія дѣти кустарей-ремесленниковъ.

О достоинствѣхъ того и другаго положенія распространяться здѣсь не буду. Объ атомъ вѣселоко словъ скажемъ ниже. Но нельзя не отиѣтить здѣсь же, что если первое требованіе заключаетъ въ себѣ чисто эгоистическіе, недалновидные и даже неблаговидные расчеты, второе указываетъ на зародышъ пробуждающагося наконецъ въ павловцахъ сознанія дѣйствительности, сознанія своихъ ошибокъ и желанія побѣдить ихъ путемъ разумной и осмысленной борьбы. Зародышъ этотъ, къ сожалѣнію, еще на столько слабъ, что о немъ можно только завкаться, но не говорить. За то въ немъ залогъ успѣха, просвѣтленія, которому и хочется и отраднѣо вѣрять.

Первое положеніе, т. е. необходимость возвышенія пошлины, признано въ Павловѣ открыто, слѣдо, и въ этомъ духѣ поступали уже отъ павловцевъ оффиціальныя ходатайства. Такъ, въ отиѣтъ на запросъ Горбатовской уѣздной управы о существующихъ цѣнахъ на

павловскія издѣлья, Павловское волостное правленіе, препроводило еще въ прошломъ году къ управу доклада земскому собранію цѣлый докладъ о современномъ экономическомъ состояніи села Павлова, гдѣ въ заключеніе, въ видѣ мѣри для улучшенія его, приведено это ходатайство. Докладъ волостнаго правленія кончается слѣдующими словами: «... конечно земство не повѣритъ, что многіе бѣдныя ремесленники прибѣгаютъ къ тому, чтобы выпросить кусокъ хлѣба подлѣ окномъ у своего собрата—нищаго, а между тѣмъ это фактъ!».

Преобладающее кустарное производство въ Павловѣ—замочное. Имъ занято до 900 семействъ съ числомъ душъ свыше 3 тыс. чел. Кромѣ нихъ, 300 семействъ выдѣлываютъ разныхъ сортовъ ножи, вилы, ножницы, бритвы, топорики для колки сахара, свистки, штопоры, казачьи палки и проч. Въ числѣ ихъ есть ковалы, литейщики и уборщики товара. Всего занято кустарнымъ стале-слесарнымъ промысломъ въ с. Павловѣ 1200 семействъ съ 4 тыс. душъ. Кромѣ этихъ семействъ, занятыхъ исключительно однимъ названнымъ промысломъ въ Павловѣ наберется до 200 домовъ, добывающихъ средства къ жизни и другими разнородными занятіями, какъ напр.: портныхъ, сапожниковъ, сундучниковъ, рыболововъ и проч.

Вся остальная часть населенія относится къ такъ-называемому—*торговому сословію*.

Павловскій кустарный промыселъ въ частности дѣлится на слѣдующія категоріи:

1) *Кустари замочники*.

Этимъ производствомъ, какъ сказано выше, занимается 75 проц. всѣхъ павловскихъ кустарей; вырабатываемые ими замки подраздѣляются на слѣдующіе сорта:

а) Такъ называемые шведскіе замки. Кому не знакомы эти маленькіе, желтенькіе замочки, столь распространенные во всѣхъ классахъ нашего общества? Конструкция ихъ весьма проста, матеріалъ—мѣдь, желѣзная дуга и стальная пружинка. Надъ этимъ сортомъ

замковъ трудится почти половина всѣхъ павловскихъ замочниковъ, т. е. до 480 семействъ съ 1,300 душъ, изъ числа которыхъ работаютъ до 850 чел. взрослыхъ и до 450 чел. женщинъ и дѣтей отъ 12 до 16-лѣтняго возраста.

б) Винтовые замки. Эти нѣсколько сложнѣй, съ ключемъ въ видѣ винта. ими занимается до 150 семействъ, состоящихъ изъ 750 душъ.—280 чел. взрослыхъ, остальные женщины и дѣтя.

в) Рѣпчатые замки; ими занимается до 100 семействъ, изъ 500 душъ,—170 взрослыхъ, остальные женщины и дѣтя.

г) Складные—25 семействъ, 150 душъ.

д) Большіе конные винтовые—5 семействъ, 27 душъ.

е) Шведскіе балагурскіе—5 семействъ, 20 душъ.

ж) Секретные—7 семействъ, 40 душъ.

з) Цѣнные, чемоданные, ошейные, сумочные, коробчатые и трехъ обручные—10 семействъ, 50 душъ.

и) Мѣдно-литейные—15 семействъ, 85 душъ.

і) Отдѣлывальщики и покрывальщики замковъ—100 семействъ, 325 душъ. Этотъ классъ кустарей беретъ у замочниковъ собранные, но не отдѣланные замки и отдѣлываетъ ихъ у себя на дому.

к) Ключи къ замкамъ; специально этимъ промысломъ занимается до 15 домовъ, при 28 взрослыхъ взрослыхъ рабочихъ и 20 женщинъ и дѣтяхъ.

2) Кустари ножовщики.

а) Хлѣборѣзные ножи—40 семействъ, 105 душъ.

б) Складные карманные—18 семействъ, 54 души.

в) Перочинные—16 семействъ, 34 души.

г) Складные штопорные—15 семействъ, 36 душъ.

д) Столовые—13 семействъ, 75 душъ.

е) Бритвы. Это производство нынѣ въ Павловѣ совсемъ исчезаетъ. Когда-то имъ занимались весьма многіе, теперь только—три семейства при 23 рабочихъ.

ж) Ножницы всѣхъ сортовъ—23 семейства, 180 работающихъ.

Къ разряду павловскихъ кустарей слѣдуетъ причислить еще слѣдующія отрасли занятій:

а) До 90 семействъ, при 250 рабочихъ, работаютъ специально

надъ ковкой дугъ къ замкамъ, лезвій ножей и ножицъ и коромыселъ.

б) До 18 семействъ, при 55 рабочихъ,—надъ производствомъ въ-совыхъ коромыселъ.

в) До 20 рабочихъ занимается въ кузницахъ надъ выдѣлкой инструментовъ и хозяйственныхъ вещей.

г) До 60 семействъ, при 282 рабочихъ, занимается надъ личной калкой и направкою ножевыхъ выдѣлій.

д) До 22 семействъ, при 45 рабочихъ, специально занимается уборкою товара, т. е. завертываютъ его въ бумагу и въ этикетки.

е) До 5 семействъ, при 20 рабочихъ, занимается починкою старыхъ замковъ.

ж) Два семейства, при 11 рабочихъ, дѣлаютъ полицейскіе свистки.

з) Два семейства, при 6 рабочихъ, рѣжутъ клейма.

и) Одно семейство, при 4 рабочихъ, готовитъ гайки на ножи.

і) До 28 человекъ занимается глячаниемъ столовыхъ ножей.

к) Три семейства, при 25 рабочихъ, дѣлаютъ штопора.

Одно семейство известнаго въ Павловѣ крестьянина Пахомова, при 4 рабочихъ, уже 56 лѣтъ занимается выработкою кавачихъ пилъ, которыя у него покупаютъ торговцы изъ Оренбургской губерніи. Выработывается ихъ до 3,000 штукъ въ годъ.

Сопоставляя теперь цифры трудящихся взрослыхъ мужчинъ, съ женщинами и дѣтями, слѣдуетъ сказать, что, изъ общаго числа 4 тыс. вустарей, на долю взрослыхъ приходится около 2,600 чел., женщинъ и дѣтей—1,400 чел., значить, немного болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа. Этотъ расчетъ показываетъ наглядно на сколько не лѣнливо и привычно къ своему тяжелому труду население с. Павлова; вся его прекрасная половина и дѣтя уже съ 11-ти лѣтняго возраста принимаютъ равный удѣлъ въ общей борьбѣ за существованіе..

Такъ называемый *торговый* классъ с. Павлова состоитъ изъ болѣе, или менѣе богатыхъ фабрикантовъ и скупщиковъ. Богатыхъ фабрикантовъ тамъ не много—всего три четыре человека наберется за то скупщиковъ—пропастъ. Лицъ-же, вообще ведущихъ болѣе обширное производство, можно насчитать въ Павловѣ до 50-ти.

Очерки совр. Россіи.

Фабрикантамъ живется въ Павловѣ не дурно. Хотя общій застой въ дѣлахъ, паденіе цѣнъ и проч. и на ихъ дѣлахъ отразились неблагоприятно, однако они далеки еще отъ отчаянія, отъ той бездны, въ которую летать теперь кустаря. Они имѣютъ своихъ постоянныхъ покупателей и каждый—свой постоянный районъ сбыта. Одинъ—напримѣръ, Западный край, другой—Малороссію, третій—Бессарабію и т. д. Другъ другу они не мѣшаютъ, цѣнъ не сбиваютъ и этики достигли постоянства, привычки, такъ сказать, къ своему товару, у покупателя. Иной и знаетъ что заграничный замочекъ, или ножъ, лучше русскаго, а беретъ все-таки послѣдній: очень ужъ привыкъ въ знакомому клею. На этой вѣковой привычѣ русскаго человѣка къ однообразію вѣшнихъ формъ жизни держится весь складъ нашей провинціальной жизни, наша торговля и промышленность. Эти черта помогла и павловскимъ фабрикантамъ укрѣпиться на извѣстныхъ рынкахъ, если не качествомъ своихъ издѣлій, то по крайней мѣрѣ количествомъ и дешевизной ихъ. Фабрикантъ многія вещи дѣлаетъ лучше кустаря, но далеко не всё. Малое усовершенствованіе технической стороны такого рода нашихъ фабрикъ и торопливость производства, имѣющаго одинъ девизъ себѣ,—какъ-бы побольше сдѣлать и поменьше заплатить рабочимъ, сжечь дровъ—эти два качества отражаются естественно и на издѣліяхъ фабрикантовъ, придавая имъ лоснящійся вѣшній видъ и далеко несоотвѣтствующую тому доброту. Кустарь трудится монотонно, иногда съ любовью и тщаніемъ,—и тогда издѣлія его, по многимъ отраслямъ, въ своемъ родѣ совершенство. Но фабрикантъ пускаетъ свои пяткомъ дешевле,—и народъ беретъ ихъ,—благо они красивѣе и дешевле. Беретъ разъ, два, а тамъ привыкъ,—и вотъ Варшава, Завьяловы, Калякины, Щеткины уже нераздѣльные спутники его домашняго обихода. Такимъ порядкомъ складывается благосостояніе крупныхъ павловскихъ фабрикантовъ на счетъ кустарей; поэтому не боится они даже грозной заграничной конкуренціи.

Самый распространенный въ Павловѣ родъ занятій между торговнымъ классомъ—купля и продажа павловскихъ кустарныхъ издѣлій. Скупщикъ!—Сколько знаменательнаго, сколько грознаго и ненавистнаго заключается для павловскаго кустаря въ одномъ этомъ словѣ! Сколько надеждъ, упований и сильно горькихъ минутъ разочарованія, отчаянія, злобы пережито имъ въ долгіе часы его не-

дѣльной работы, въ мечтѣ о покладистомъ или упрямомъ скупщикѣ! Какъ сильно бьется его сердце, когда темнымъ и холоднымъ утромъ понедѣльника спѣшитъ онъ на базарную площадь къ знакомой лавочкѣ, къ знакомому скупщику!.. Съ какой силой отчаянія проталкивается онъ сквозь густую толпу, шаркаетъ на прѣлавокѣ свои товары!.. Какъ равнодушно по виду выслушиваетъ онъ отвѣтъ скупщика: «тривенничекъ», «пятиалтанный», «не надо», и какъ уныло потомъ несетъ свой скарбъ дальше, къ другому, чтобы, въ концѣ концовъ, все-таки сбыть его не дороже! Съ какимъ мрачнымъ и сосредоточеннымъ лицомъ спѣшитъ онъ тогда въ родной вабакъ, чтобы потопить въ водѣ свои несбывшіяся мечты, и на днѣ грязнаго опорожненнаго стакана—найти новыя, еще радужнѣе и неопыточнѣйшія!.

Скупщикъ въ Павловѣ,—все одно что шука въ оверѣ;—но эта шука, наводя ужасъ на карасей, въ то же время совмѣщаетъ въ себѣ и всё ихъ надежды, весь смыслъ ихъ существованія.

Павловскіе кустаря, въ своемъ отчаяніи, нравственно отупѣлые отъ неудачъ и голода, дѣльными толпами кричатъ: «Все скупщики виноваты! Все они кровопийцы! Совсѣмъ цѣну сбьли, послѣдній кусокъ хлѣба отняли!».

Трудно оставаться равнодушнымъ къ этимъ грознымъ и въ то же время безпомощнымъ крикамъ голоднаго и оборваннаго, дрожащаго на холодѣ, люда. Трудно въ первую минуту не отдаться естественному чувству жалости, а затѣмъ и негодованія противъ виновниковъ такого бѣдствія. Но проходить эти первыя минуты, являются на смѣну имъ размышленія, является потребность логическихъ выводовъ, болѣе основательнаго знакомства съ предметомъ, и если жалость еще остается, то негодованіе и злоба почти исчезаютъ. Поставаясь объясняется.

Скупщикъ страшенъ для павловскаго кустаря потому, что, вромѣ его, никому больше купить у кустаря его издѣлій. Монополія покупки утвердила за нимъ естественныя преимущества сильнаго надъ слабымъ. Добродушный и апатичный павловецъ покорился этимъ преимуществамъ уже давно, еще тогда, когда скупщикъ давалъ ему денегъ вволю, слишкомъ достаточно и на хлѣбъ и на водку. Скупщикъ избавилъ павловца отъ необходимости шевелить мозгами, думаться, выглядывать въ своей норки. Дальше краевъ равнины

улитка не глядеть, дальше родного Павлова павловский кустарь в знать ничего не хочет. Зачѣмъ скупщикъ покупаетъ его произведенія, кому продаетъ ихъ потомъ, по какой цѣнѣ, въ какихъ краяхъ — онъ этимъ никогда не интересовался. Продавъ, получилъ деньги, сходилъ въ кабакъ, потомъ въ лавку, купилъ все что нужно на недѣлю, заперся опять въ своей норкѣ и работаетъ до слѣдующаго понедѣльника. Такъ текла его жизнь годы, десятии и сотни лѣтъ.

Кустарь никогда не любилъ скупщика; правильнѣй, онъ относился къ нему всегда съ извѣстными добродушными ругательствами. Ему всегда казалось, что его обчитываютъ и надуютъ; точѣ въ точѣ, какъ привѣзій мужичекъ продаетъ на базарѣ возъ сѣна, дровъ; сколько ни заплати ему, онъ всегда жалостно крахтитъ, да сомнительно почесывается.

Но лѣтний утѣ павловскаго кустаря не шелъ дальше этого добродушнаго крахтѣнія, пока желудокъ его былъ еще полонъ и печь горяча.

Когда же впервые скупщикъ предложилъ ему вмѣсто 2 р. 1¹/₂, а потомъ и 1 р., когда — по выходѣ изъ кабака, не оказалось въ карманѣ лишней копѣйки на покупку муки, дровъ, — кустарь сталъ въ полный тупикъ. Зачѣмъ, отчего, почему? — смутно зашевелилось въ его огуманенномъ мозгу. А на утро, проснувшись въ холодной хатѣ и съ пустымъ желудкомъ, эти вопросы приняли уже размѣры тупой и болѣзненной злобы.

Онъ помнилъ только рожу скупщика, равнодушную къ его просьбамъ и причитавшимъ, его враскорячные пальцы, отсчитывающіе ему злополучный рубль вмѣсто двухъ.

Онъ помнилъ только, что не разгибалъ спины всю прошлую недѣлю, что работалъ не хуже, если не лучше прежняго, что у него жена, дѣти, что скоро однимъ членомъ еще больше въ семьѣ станетъ, что... За что же? шевелится все тожѣ же тупой и горькій вопросъ. Онъ помнилъ отялочно, что проспалъ не больше, какъ всегда, какъ положено, и вдругъ — пусто, ни копѣйки. За что же, тѣмъ жить теперь?..

И вотъ, въ уединеніи темной мастерской, нагнувшись надъ своимъ станкомъ и подзабориваемый спазмами въ желудкѣ, онъ вдыхаетъ все глубже и жалобнѣй; тупая злоба растетъ, и растетъ, при-

нимаемая наконецъ размѣры одной гигантской, все омрачающей и все подавляющей въ немъ и вокругъ него, идеи.

— Кровопизца!.. Вампиръ!.. Кровь высосалъ всю... шенчуть его саниа губы, и, мало-по-малу, кровѣ этой мысли, этихъ глухихъ звуковъ, ничего ужъ не состояни онъ думать и говоритъ.

Вотъ почему любой павловскій кустарь, спросите его только о причинахъ его бѣдности, безъ запинки отвѣтитъ вамъ, что всему вина и причина — скупщикъ. Онъ его разорилъ; онъ на согнутыхъ трудомъ спинахъ бѣдняковъ выстроилъ себѣ хоромы; онъ держитъ въ рукахъ тысячи тревожныхъ и голодныхъ существованій. Кромѣ него, для павловскаго кустаря нѣтъ другихъ бѣдъ. Заграничная конкуренція, усовершенствованія техники, вопросы общезакономическаго востая — все это недоступно, не существуетъ для простаго кустаря-ремесленника. Объ этомъ толкуютъ фабриканты, скупщики, да павловскіе аристократы, въ родѣ Блеваки, волостнаго писаря и друг. Но сколько они на убѣждай темныя и грязныя массы кустарей, — все напрасно. Всѣ убѣжденія какъ волны разбиваются о гигантскую скалу одной мысли, одного убѣжденія: — всему виноваты скупщики.

Но не одни только темные павловскіе кустари такъ думаютъ. Ихъ дружный голосъ, какъ ревъ далекаго избаламученнаго моря, находитъ себѣ точные отголоски и на берегу, на твердой, культивированной почвѣ.

И г. Воборыкинъ въ своемъ очеркѣ и многие другіе, писавшіе и говорившіе о Павловѣ, — все свои доводы, рассужденія и обвиненія сгруппировали на одномъ фокусѣ — на скупщикѣ. По ихъ мнѣнію, это главная язва павловской промышленности, это паразитъ, прильнувшій къ роскошному растенію, сосущій его соки, послѣдніе дорогіе соки. Растеніе сохнетъ, гнется, — и скоро, скоро его не станетъ.

Такого рода мнѣніе лицъ образованныхъ и специально знакомившихся на мѣстѣ съ Павловомъ — не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Въ свою бытность въ Павловѣ, я особенно усердно занялся изслѣдованіемъ этого вопроса и пришелъ къ заключеніямъ нѣсколько инымъ, чѣмъ мои предшественники. Заключенія эти прежде всего своеобразны тѣмъ, что въ нихъ строгаго мнѣнія нѣтъ. Я вслушивался въ морской и грандіозный ревъ взволнованнаго моря

моря павловских кустарей, пробовал исследовать в отдельности каждую волну его, со вниманием выслушивал и беднейших кустарей и богатейших фабрикантов и кулаков-скупщиков и вырпаевцев, слышал рвчи и умныя и неумныя, и простыя и хитрыя, и кроткия и злобныя, и тупое молчаніе, и площадное ругательство, читалъ, думалъ смотрѣлъ,—и пришелъ къ тому убѣжденію, никакого прочаго убѣжденія въ этомъ вопросѣ быть не можетъ.

Скупщики бесспорно наживаются на счетъ кустарей; но они необходимы для Павлова не только какъ шука въ оверѣ, но просто — какъ вода, воздухъ, потому что ихъ родило это же Павлово, это же бунтующее теперь противъ нихъ море голодныхъ кустарей; родила ихъ русская безпечность, сонливость и добродушіе павловскихъ кустарей и не побѣдить ихъ теперь ни силъ русскихъ доводовъ, ни крѣпости русскихъ кулаковъ, ни грубости и дикости русского негодования. Два года артельного періода въ Павловѣ лучше всего доказали эту послѣднюю истину. Павловскій кустарь, уже оалобленный тогда противъ скупщика, когда ему даромъ давали матеріалъ и обѣщали выдѣля изъ него продать съ большимъ барышомъ выдѣ Павлова, только бы онъ несъ ихъ въ артельную лавку, — этотъ же кустарь, когда выдѣля его были готовы, тащилъ ихъ все-таки уградкой, подъ полой, къ знакомому скупщику, безъ торгу совалъ ихъ ему въ корзину и пропращивался, вполне довольный, сколько бы ему за нихъ онъ далъ, въ сабагъ.

Лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ: вотъ принципъ всѣхъ павловцевъ, да я думаю и вообще всѣхъ.

Исходя изъ этого принципа, нельзя винить павловскихъ скупщиковъ за ихъ существованіе тамъ, ибо безъ нихъ павловскимъ кустарямъ пришлось бы ждать журавля въ небѣ; нельзя винить и этихъ послѣднихъ за опрочечное желаніе продать свой товаръ непрестанно скупщику, и сегодня, а не прождавъ день, два, сообщая съ другими, повезти его въ городъ, ибо на то нѣтъ у кустара ни запасныхъ средствъ, ни природнаго терпѣнія, ибо ждать — не въ натурѣ русскаго простолюдина: «вынь да положи, а что будетъ — того еще не знаемъ».

Нельзя точно также винить скупщиковъ, что они за безцѣнокъ приобретаютъ теперь павловскія выдѣля, потому что и на то есть масса причинъ. Кромѣ главной — обще-экономической — застоя въ на-

шихъ торговыхъ дѣлахъ, обидѣнія инашихъ классовъ, которые потому довольствуются теперь вдвое скромнѣе чѣмъ прежде — есть еще причина внутренняя, мѣстная, павловская. Эта причина — разнвоженіе съ одной стороны скупщиковъ, а съ другой — прогрессивное ухудшеніе въ качествахъ кустарныхъ павловскихъ выдѣляй.

Первое обстоятельство, казалось бы наоборотъ, должно повысить предлагаемыя кустарямъ цѣны, вслѣдствіе конкуренціи; но выходитъ не такъ. Когда скупщиковъ было всего нѣсколько человѣкъ на все Павлово, они торговали очень большими партиями и, отправляя ихъ въ свои районы сбыта, не боялись тамъ, на мѣстѣ, конкуренціи мелкихъ торговцевъ. Теперь же, когда въ базарные дни цѣлыми рядами стоятъ прѣзжіе скупщики: еврей, коробочники и проч., крупные скупщики уже не могутъ давать прежней цѣны по той простой причинѣ, что весь купленный другими товаръ будетъ конкуррировать имъ на мѣстахъ сбыта. Надо купить по возможности дешево, чтобы дешевле и предложить его покупателю.

Второе обстоятельство едва-ли не важнѣе еще перваго. Выдѣля павловскихъ кустарей съ каждымъ мѣсяцемъ, недѣлей, днемъ даже становятся все хуже, небрежнѣе. Старыхъ, извѣстныхъ своей добротностью, семей осталось въ Павловѣ на перечесть; ими скупщики чень дорожатъ; ихъ товаръ покупается за высокія цѣны и имъ дѣлать всевозможныя одолженія. За то масса работаетъ такъ, лишь бы только побольше сработать къ понедѣльнику.

Кто прежде работалъ 60 замковъ въ недѣлю, норовитъ теперь смастерить сотенку — надо же ему выручать тѣ 3—4 рубля, которые необходимы для пропитанія. Не мытѣмъ, такъ катаемъ. И чѣмъ дешевле даетъ скупщикъ за товаръ, тѣмъ хуже онъ приносится на рынокъ въ слѣдующій разъ. А чѣмъ хуже товаръ, тѣмъ дешевле даетъ скупщикъ. И т. д. безъ конца, какъ безвѣчный винтъ, который долбитъ, да долбитъ жизнь и благосостояніе бѣдныхъ павловцевъ.

Кто-жъ тутъ виноватъ?.. Виноватъ, по здравой логикѣ, тотъ, кто первый далъ толчекъ этому винту. Или кустарь сталъ первый хуже работать, или скупщикъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ платить ему дешевле. Допустимъ второе. Допустимъ что скупщикъ стоворчался и разомъ, безъ всякой видимой причины, понизилъ плату.

Но на это я скажу — нѣтъ дѣйствія безъ причины. Скупщикъ

слишком уметь, чтобы ослобить противъ себя кустаря, слишком дальновиденъ, чтобы не предвидѣть, что чѣмъ ниже будутъ предлагаемыя имъ цѣны, тѣмъ хуже будутъ предлагаемыя ему надѣлы; въ итогѣ вышелъ бы одинъ флягивный барышъ. Скупщики не могли выдумать этой комбинаціи уже и потому, что между ними ставка не мыслима. Многие изъ нихъ прѣзжаютъ въ Павлово только по базарнымъ днямъ для закупки товара и тотчасъ уѣзжаютъ; другъ друга они не знаютъ тѣмъ болѣе, что одни смѣняются постоянно другими. А коренные, павловскіе, — ихъ такъ не много уже теперь, что всякая ставка между ними повлекла-бы только къ выгодѣ прѣзжающихъ и къ разоренію ихъ самихъ. Значитъ, если не могло быть одновременно уговора между скупщиками, не могло случиться и *бестричинно* внезапнаго пониженія или предлагаемыхъ цѣнъ.

Скупщикъ чутокъ во всемъ вышшимъ измѣненіемъ въ мѣрѣ его операций. Онъ, какъ барометръ, отражаетъ на себѣ колебаніе воздуха и если даетъ за вещь гривенничкомъ меньше, значитъ тамъ, гдѣ нибудь на Украинѣ, въ Западномъ краѣ, или въ другомъ мѣстѣ замочковъ набралось слишкомъ много, народъ сталъ ихъ покупать меньше.

А затѣмъ ужъ понятно, что чѣмъ предлагаемый товаръ имѣетъ меньше спросу, тѣмъ онъ долженъ быть дешевле. Поэтому и скупщики должны были сдѣлать свой товаръ дешевле, а для этого и сами приобретаютъ его дешевле. Вотъ и вся комбинація...

Кто же все-таки первый далъ толчекъ роковому винту?..

Ни кустарь, ни скупщикъ; такъ значить никто?..

Некто, но *что-то*, отвѣчу я. Тѣ отдаленныя, сложныя и туманныя причины общегосударственнаго свойства, которыя составляютъ специальность политической эволюціи и до которыхъ докопаться нѣтъ у меня ни времени, ни охоты, ни умѣнья... Причины эти одинаково повліяли на разореніе Павлова, какъ и на разореніе десятковъ и сотенъ нашихъ богатѣйшихъ фабрикъ, промышленныхъ и торговыхъ обществъ, банковъ и проч. и проч.

Немудрено поэтому, что темный павловскій кустарь не можетъ и не хочетъ ихъ понять.

Возвращаясь еще разъ къ скупщику, слѣдуетъ сказать нѣсколько последнихъ словъ о его личности и о его качествахъ.

Скупщикъ, какъ субъектъ, есть продуктъ народной массы, на-

родныхъ интересахъ; грубы и низменны эти интересы, низменны и приемы скупщика въ достиженію личнаго благосостоянія. Онъ концентрируетъ въ себѣ всѣ свойства базарной толпы, проникается ея живностью, духомъ, и все это для того, чтобы быть сильнѣе ея, чтобы надуть, или только поприжать ее. Часто это кулакъ въ полномъ смыслѣ слова, часто онъ ушлый и честный по своему человѣкъ, но всегда онъ выше массы, онъ ея свѣтъ, ея страхъ, угроза. Оно не всегда симпатично — это вѣрно; но онъ безусловно необходимъ для массы при настоящихъ ея нравахъ, необходимъ какъ бичъ для лѣнливой и упрямой лошади — это тоже не подлежитъ сомнѣнію.

Къ числу вареканій на скупщиковъ и на ихъ грубую эксплуатацію населенія относятся, между прочимъ, и слѣдующія жалобы: говорятъ, что они платятъ кустарямъ взамѣнъ издѣлій сырыхъ товаровъ, залежалымъ, попорченнымъ, но тѣмъ не менѣе идущимъ по очень высокой цѣнѣ; сбывая это старье, которое сами покупаютъ за безцѣнокъ, они приплачиваютъ къ нему деньгами очень значительную сумму. При самыхъ денежныхъ расчетахъ, многими изъ нихъ практикуется, будто бы, слѣдующая операція: они или выдаютъ плату въ одной крупной ассигнаціи на нѣсколько человекъ, или на эту же сумму даютъ росписку, по которой продавцы получаютъ деньги съ казого-либо другаго лица по указанію скупщика. Въ обоихъ случаяхъ они получаютъ одну бумажку, которую надо раздѣлить между многими. Тутъ вотъ и начинается для нихъ пытка. Расчеты путаются, начинаются ссоры и завершаются они просьбой раздѣлить деньги. Если скупщикъ самъ платилъ, онъ посылаетъ ихъ въ своему знакомому; если далъ росписку на кого нибудь другаго, то этотъ другой посылаетъ ихъ брать ассигнацію къ скупщику. Въ обоихъ случаяхъ за промѣнъ выскивается 1—3 к. за рубль и деньги, по заранѣе составленному уговору между скупщиками, поступаютъ въ пользу того изъ нихъ, кто покупалъ товаръ. Обмѣнивался такими взаимными услугами, скупщики будто-бы на этомъ одномъ дѣлѣ нажили цѣлыя состоянія — она промѣнѣ денегъ да на платяжѣ сырыхъ матеріалахъ, какъ отзываются ихъ ненавистники.

Говорять, была и почище дѣла. Въ доброе старое время скупщики держали лавки, гдѣ, кромѣ запасовъ сырья для производства, можно было найти всякую съѣстную провизію и даже водку. Тогда кустарь за свои издѣлья ничего не получалъ деньгами, — все нату-

рой. Гнилой муки, подмоченного хлѣба, сушеной рыбы, да горькаго сала—всего этого суютъ ему хочешь-не хочешь; денегъ не полага-лось. Бустарь ругался, но бралъ, чтобы перепродать всю эту дрянъ въ кабакиъ и полиціи. Половину этой половины пропивалъ, а на остальное жалъ—понятно виноголодь. Зачѣмъ-же онъ несъ издѣлья къ такому кулаку? спросить читатель. Затѣмъ, что тогда, въ оное доброе время, скушниковъ было еще очень мало въ селѣ; несъ волод-неволой потому, что некуда было больше нести.

На сколько все это частая правда—не берусь судить. Нѣтъ дыма безъ огня... Могу сказать только одно, что въ настоящее время та-кихъ скушниковъ, которые бы платили за товаръ сырьемъ, осталось на селѣ не много. Эту манеру вывели привакие скушники, кото-рые рассчитываются на чистоганъ. Еще меньше осталось и таковыхъ, которые бы практиковали съ «пробѣнкомъ»; но что они еще оста-лись—это безспорный фактъ.

Могу засвидѣтельствовать также и фактъ уплаты бустарямъ купонами, которые обмѣниваются ими потомъ съ большими поте-рями. Могъ бы я привести здѣсь и еще нѣсколько кунштюковъ дов-гихъ павловскихъ коммерсантовъ съ неуклюжими кустарями, да длинно ужъ больно выйдетъ. Но лавка, которая бы рассчитывалась съ ремесленниками гнилой свѣтлой провизіей, нигдѣ положительно нѣтъ. Говорить, что она существовала еще въ прошломъ году. Мо-жетъ быть...

Таково въ общихъ чертахъ современное положеніе павловскаго сталя-слесарнаго промысла и степень экономическаго благосостоянія его производителей. Картинка не изъ отрадныхъ, скажутъ мнѣ. По-бывайте на мѣстѣ, убѣдитесь, испытайте сами, отвѣчу я, и мои краски покажутся еще, можетъ быть, слишкомъ свѣтлыми, общія черты—слишкомъ сдержанными и сухими...

Первый день, который я встрѣтилъ въ Павловѣ,—сѣрый, ходод-ный, ненастный—былъ воскресенье. Я проснулся, къ стыду своему, довольно поздно, часовъ около десяти, когда торжественный благо-вѣстъ возвѣщалъ уже окончаніе обѣда. Это меня порядочно-таки опечалило; накануне я наснажалъ съ самымъ твердымъ намѣреніемъ встать пораньше и попасть къ обѣдѣ, чтобы тамъ присмотрѣться первоначально къ павловцамъ.

— У насъ раненько начинается, въ 8 часовъ, — объявила мнѣ

вчера хозяйка квартиры, женщина, что называется, изъ самыхъ ра-душныхъ и сообщительныхъ.

— Надѣюсь встать! Непремѣнно даже встану, увѣрялъ я ее, принимая геройскую осанку и страшнымъ усилиемъ мускуловъ по-давая широкую зѣвоту.

— Такъ ужъ я будить не велю... Сами авось проснетесь.

— Да, да, важже! Самъ проснусь! Непремѣнно.. А если того.. просплю и малость, такъ и разбудить можно. Даже непремѣнно раз-будите!..

Но геройство уступило мѣсто усталости и давней привычкѣ, а милая хозяйка видно пожалѣла дорогаго гостя. Какъ бы тамъ ни было, но обѣдню я проспалъ, а слѣдовательно торопиться было не-куда; разстаться же съ теплой кроваткой было такъ трудно. Приходя мало по малу въ себя, я съ любопытствомъ оглядывать свою спальню и гостиную, которая теперь вся почти была видна сквозь настежь растворенныя двери. Мнѣ показалось въ перныя минуты пробужде-нія, что я гошу гдѣ-нибудь въ деревнѣ, у хорошихъ знакомыхъ. Вся обстановка дышала широтъ и чинностью дельныхъ, глухихъ угол-ковъ. Ярко навощенныя поля, мягкая мебель въ опрятныхъ ча-лахъ, два старинныхъ трюмо въ гостиной, передній уголъ, несъ сверкающій дорогими образами, узорчатый коверъ подъ *établissement* и цыновка черезъ обѣ комнаты—все это придавало этимъ по-слѣднимъ видъ уютной квартиры, которая нѣрѣдка встрѣчается на окраинахъ столицы, у чиновницъ средняго разряда, а чаще гораздо въ деревняхъ, у домохозянокъ-помѣщицъ. Цветы на окнахъ, неизбеж-ный гераниумъ и ярко-бѣлыя занавѣски дополняли эту иллюзію.

Хотя мглстое и сырое утро выглядывало пѣ-за спущенныхъ шторъ моей спальни далеко не весело, здѣсь, однако, въ этихъ двухъ комнатахъ, не чувствовалось отъ этого хуже. Напротивъ: одно-образно-матовый свѣтъ ложился такъ ровно и покойно, точно хо-тѣлъ залечатлѣть чинность и гармонию всей незатѣливой обста-новки; у меня же на душѣ, послѣ прекрасно проведенной ночи, было само по себѣ весело и гармонично.

— Однако, у кого же это я? подумалъ я, достаточно насла-дившись и сладкими потягиваніями и созерцаніемъ своихъ аппара-ментовъ.

Неуклюжіи мужичекъ въ сѣромъ подпоясанномъ кафтанѣ, ва

которомъ спереди болталась криво приколота медалька, косматый, лохматый и грязный, вскорѣ разрѣшилъ мои недоумѣнія. То былъ „сотскій“, приставленный для услуги въ моей особѣ. Онъ появился на мой зовъ не тотчасъ. Сначала за дверью послышался шопотъ и шелестъ, потомъ, съвзвѣсивъ узкую щель осторожно открываемой двери, почтительно всунулась его всклопоченная голова, затѣмъ одно за другимъ втасовались и широкія плечи, а наконецъ, послѣ короткаго раздумья, и тяжелыя ноги, точно изъ мѣшка. Верхомъ почтительности ему, повидимому, казалось влѣзть въ невозможное узкое отверстіе. Поэтому онъ тщательно придерживалъ руками дверь, все время пока лѣзъ въ нее, не рѣшаясь расширить щель ни для громадныхъ плечъ, ни для толстыхъ ногъ.

Втиснувшись наконецъ весь, онъ остановился, переминаясь и глядя вопросительно на меня.

— Да подойди-же ты! позналъ я его, улыбаясь.

Онъ тронулся ко мнѣ, переступая навѣ медвѣдь на горячихъ угольяхъ.

— Чей это домъ?..

— Домъ-отъ?..

— Да, домъ!

— Домъ Лысковыхъ, спроткамъ, значить, Лысковымъ принадлежить, что апосля Никола Лыскова остались.

— Кто-же онъ такой былъ?..

— Это это!.. Лысковъ?..

— Ну да, Лысковъ.

— А Лысковъ фабрикантъ, значить, былъ... фабрику тутъ не-поддалече держалъ.

— А вотъ эта старуха вчерашняя, она кто-же?..

— Старуха-то?.. Да она нѣтъ бабка приходится, спроткамъ, значить, этимъ. Покойнаго Никола мать.. А таперече, значить, опекунашей состоить, присмотрѣвъ занимается.

Послѣ короткаго молчанія онъ почтительнымъ голосомъ доложилъ мнѣ.

— Тамъ, ваше висо-діе, г. становой приставъ дожидается... Прикажете что свазать, али какъ?..

— Ахъ ты! Отчего-же давно не сказаль?.. спохватился я, вспо-миная съ постеля.

— Не велѣлъ будеть.. Подожду, али опосла забѣду, говорить.

— Ну хорошо, хорошо! Дай, братъ, умыться скорѣй.

— Слушаю-сь, ваше висо-діе.

Сотскій опять, точно по горячимъ угольямъ, высочилъ за дверь.

Черезъ 10 минутъ я былъ уже совсѣмъ готовъ и извѣщался передъ приставомъ. Еще черезъ четверть часа, мы сходили съ нимъ по лѣстницѣ на дворъ, гдѣ дожидала насъ «волокотная» линейка. Умогавшись на ней кое-какъ, спинами другъ къ другу, мы тронулись въ путь.

— Сегодня, къ сожалѣнію, вамъ нельзя будетъ присмотрѣться къ работѣ кустарей! Праздникъ! И фабрики закрыты. А если угодно, мы съѣздимъ къ кому нибудь изъ кружныхъ фабрикантовъ. Подолкуете, спросите, можетъ, что.

— Отдаюся совершенно въ ваше распоряженіе. Везите куда хотите.

— Тогда лучше всего къ Ш—ву. Онъ самый умный, самый милый, да и самый богатый, пожалуй, здѣсь. Будеть очень радъ. Я ужъ предупредилъ его вчера.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А по дорогѣ можемъ къ Варыпаеву. Его-то хоть нѣтъ, да братъ дома, племянники тоже. При словѣ „племянника“ я встрепенулся.

— Я съ однимъ изъ нихъ, кажется, ѣхалъ сюда, т. е. чуть-было не ѣхалъ. Онъ въ Нижнемѣ еще такъ напился, что его должны были оставить. Дмитриемъ, кажется, зовуть. Жена еще красавица.

— Да, этого знаю!.. улыбнулся приставъ. Кто его не знаетъ?.. Извѣстенъ здѣсь пьянствомъ. Только онъ отдѣльно жавегъ отъ дяди. Богато живетъ, не то что Варыпаевъ.

— А тотъ развѣ бѣдно?

— Не важно! совсѣмъ, можно свазать, по свински. Не по средствамъ.

— Почему-же такъ?

— Да Богъ его знаетъ! Видно показать хочеть народу, что бѣденъ. Слухи тутъ про него мерскіе ходять.

— Но я слыхалъ, что у него фабрика великолѣпная. Дворцы какие-то строятъ себѣ.

— Фабрика такъ себя. А насчетъ дворцовъ — это какъ на чай вкусъ. Дома впрочемъ хороши, каменные. Одинъ ужъ готовъ, другой вовчашъ. Если угодно, мы вотъ зайдёмъ, сами посмотрите.

Я еще разъ выразилъ полную готовность, и затѣмъ сталъ разспрашивать своего спутника о томъ и о семъ, что попадалось на дорогѣ.

Мы подвигались тихо, почти шагоя, то и дѣло съѣзжали и вскарабкиваясь съ горы на гору, заворачивая въ закоулки и дребезжа по мосткамъ черезъ глубокіе овраги. Узкія и кривыя улицы Павлова въ эту осеннюю пору были очень не пусты. Въмѣсто мостовой, онѣ уложены по спускамъ и подъемамъ, подчасъ очень крутымъ, деревянными досками, покрытыми теперь сплошь липкой грязью. Доски эти уложены не ровно и не плотно, такъ что ѣзда по нимъ проваддитъ невообразимую тряску. Размытыя дождемъ и раздвинутыя ѣздой, онѣ образуютъ между собой на каждомъ шагу впающія ямы, а неровные края ихъ неуложно и безобразно торчатъ по обѣ стороны пути. Но какова-бы ни была эта импровизированная мостовая, она приноситъ здѣсь существенную пользу. Безъ нея положительно немислимо было-бы варабаться по горамъ Павлова, по глинисто-песчаному грунту ихъ, круглый годъ почти размытому въ невыдающую яму.

Дома и домики самыхъ разнообразныхъ архитектуръ и отдѣлокъ лѣнятся по скатамъ, придвинутые вплотную другъ къ другу. Ни садовъ между ними, ни огородовъ, ни пустырей почти не видать. Глазъ поражается прежде всего общимъ сѣрымъ тономъ этихъ улицъ, не похожихъ ни на привольное русское село, ни на жалкую беспорядочно раскинутую деревню, ни на благоустроенный мало-мальски городъ. Скорѣе всего это предмѣстье какого-нибудь большого и люднаго центра.

Между зданиями, покосившимися хижинами въ одинъ и въ два этажа, съ импровизированными окнами изъ масляной бумаги, а то и просто грязной тряпки, съ балочниками и крыльцами, когда-то вѣроятно благообразными, а теперь вынутыми, вломанными, точно безобразные наросты на тѣлѣ больного, порою мелькаютъ опрятные деревянные дома, съ цѣлыми блестящими стеклами и ярко-сверкающими жѣдными скобами на оконныхъ рамахъ. Скобки такого рода — это отличительная черта благосостоянія хорошаго тона и

вкуса павловцевъ. Я ихъ видалъ во многихъ провинціальныхъ городахъ, но нигдѣ такъ обратно не выглядаютъ онѣ, нигдѣ такъ ярко не бросаются въ глаза, какъ здѣсь, въ Павловѣ, на общемъ сѣромъ и грязномъ фонѣ. Павловская «интеллигенція» особенно дорожитъ аншинкамъ отличіемъ своимъ отъ «голытьбы», и потому наружности жалко своихъ придаетъ самый яркій, кричащій почта характеръ.

Эта черта, или, вѣрнѣе, эта особенность павловскихъ богатей придаетъ селу крайне своеобразный видъ. Точно маленькая Америка, точно крошечный Лондонъ воплотилась здѣсь, въ этомъ закоулку. Вы ѣдете кривымъ переулкомъ, какъ бы по грязному корридору, гдѣ свѣтъ и воздухъ проникаютъ только сверху; морщитесь отъ вида сѣнъ этого корридора, съ наростами и дырами, затканными всякими тряпьемъ; вы съ отвращеніемъ заглядываете въ впающія отверстія воротъ, сквозъ которыхъ чернѣютъ тѣсныя дворники, не имѣющіе въ себѣ ничего общаго съ тѣми «хозяйскими» дворами, которыхъ кто изъ васъ не видѣлъ на Руси: — съ унылой лошадкой подъ навѣсомъ, глухой мордой коровы, барана, козы, или даже задумчивымъ хрюканіемъ свиньи въ загородкѣ, навесомъ поставленной телѣгой съ оглоблями, задранными къ небу и подпертыми дугой, съ хомуткомъ и упряжью, брошенными воалѣ, словомъ — тѣхъ дворниковъ, которые симпатичны русскому сердцу даже своей традиціонной грязью и неизбѣжнымъ запахомъ навоза, дегтя, кожи, и прочаго, — вы отворачиваетесь здѣсь отъ этихъ тѣсныхъ дворовъ, покрытыхъ только липкой грязью да черной сажей, въ глубинѣ которыхъ виднѣется подчасъ совсѣмъ покосившійся флягелекъ, черныи и жалкій, точно скелетъ, какъ вдругъ, на перекресткѣ, вы натываетесь на ослѣпительно-бѣлыя стѣпы барскаго двухъ-этажнаго каменнаго здания, непремѣнно съ зеленой крышей и такими же сточными трубами, увѣтяванными на верхушкахъ самыми замысловатыми рѣзными воронками. Воалѣ такого дома непремѣнно каменные ворота, на-глухо запертыя и тоже ярко-зеленыя, а если надѣта пріотворена, если вы любопытны, вы увидите сквозъ щелку обширный дворъ, свѣтлый и чистый, обставленный всякими пристройками, тоже каменными, по большей части изъ небѣлаго кирпича; васъ поразитъ рядъ воротъ и дверей въ этихъ пристройкахъ, плотно запертыхъ тяжелыми засовами и болтами, а гдѣ-нибудь въ сторонѣ примѣтите и зеленую

будку, изъ круглаго отверстія которой злобѣще торчатъ заспанная морда громаднаго дворникаша.

Таіе дома въ Павловѣ рѣдко попадаются въ одиночку; большею частью ихъ нѣсколько въ-рядѣ, или по обѣимъ сторонамъ улицы. Крошечный, аристократическій кварталъ, образуемый такого рода «дворцами», тянется пока улица не сползаетъ внизъ, не суживается, или не заворачиваетъ, гдѣ уже опять сплошными, пестрыми и безобразными стѣнами тянутся лачуги павловской демократіи, голытьбы—павловскихъ вустарей.

Дворцы павловской аристократіи глядятъ хотя нарядно, но строго и уныло. Живни и движенія въ нихъ съ улицы незамѣтно. Большею частью верхній рядъ оконъ завѣшенъ гладкими бѣлыми шторами, увѣчанными снизу однообразными зубчиками. То «парадные» покои. Въ нихъ живутъ только нѣсколько разъ въ году: въ мясные, въ рожденіе, на Свѣтлый праздникъ. Нижний же этажъ состоитъ изъ множества маленькихъ комнатъ, плохо меблированныхъ и грязно со-держимыхъ. Тамъ сосредоточена будничная жизнь богача-скушника или фабриканта, живнѣ въ немногомъ различная отъ жизни простаго крестьянина-кустара, изъ среды коихъ и образовались хозяева сихъ великолѣпныхъ хоромъ. Для нихъ «верхъ»—антипатиченъ и чуждъ; они въ немъ такъ же гости, какъ и тѣ, кого они тамъ принимаютъ. Но не имѣть его, не чувствовать надъ собой, сиди въ тѣсныхъ и низкихъ вѣдштушкахъ, среди традиціонной русской грязи, этихъ просторныхъ, высокихъ и богато, хотя бы и безвкусно, разукрашенныхъ комнатъ—это свыше силъ всякаго богатаго павловца, будь онъ хоть скупѣе «Скунаго рыцаря».

Вѣкъ квадратна, обнимающаго дворъ и домъ такого богача,— для него, можно сказать, ничего не существуетъ. Каждое утро онъ сподать съ веселаго крылечка по чисто-вымытымъ ступенямъ. Онъ съ наслажденіемъ оглядываетъ крошечную площадку своего двора, точно внутренность крѣпости, обставленную высокими каменными стѣнами. Онъ ступаетъ по твердо убитой землѣ, посыпанной желтымъ песочкомъ, гладкой, чистой и всегда сухой, точно полъ комнаты. Онъ пытливо оглядываетъ каждый уголъ *своего* царства, — пѣть-ли гдѣ соринки, лужица, пятнышка, все-ли заперто, вымощено, выскоблено? Онъ приказываетъ открыть себѣ одни изъ толстыхъ зеленыхъ воротъ, ведущихъ или въ каретный сарай, или въ владо-

вья, или въ конюшни. Тамъ его зоркій глазъ тоже заглядываетъ въ каждый уголокъ: и на дно брччкы, и по упряжи скользнетъ, и по полкамъ, заваленнымъ товаромъ, и даже въ ротъ откормленному коню.

Но вотъ онъ осматрѣлъ, онъ доволенъ, онъ спѣшитъ «по дѣлу». Хлопнула тяжелая задвижка, съ визгомъ растворилась ухая щель калитки, и въ нее торопливо пролѣзаетъ жирный хозяинъ дома.

Взгляните въ эту минуту на него, и вы удивитесь, вы увидите, какъ самодовольствіе и покой разомъ покидаютъ его лицо. Съ перваго движенія, которымъ онъ водружаетъ громадную ялошу свою въ глубокую грязь, ожидающую его тутъ же, сейчасъ за порогомъ калитки, какъ скользнетъ его взоръ по пустынной дали переулка, съ наростами и дырами въ стѣнахъ, безпомощно повисшихся на сторону, другъ о друга опирающихся, какъ—тотчасъ же тревожная морщинава ложится между его глазъ, губы сжимаются сурово и вдумчиво, а глаза начинаютъ недовѣрчиво оглядывать по сторонамъ.

Онъ коспѣшно шлепаетъ по грязи мимо своихъ оконъ, шлепаетъ, не замѣчая ее совсѣмъ, а минутою назадъ онъ ругательски изругалъ дворника Ивана: — «Зачѣмъ воалъ будни «Жучка» песочекъ какъ будто рыхлѣе сталъ?..» Онъ карабкается съ горы на гору, отгибаетъ десятки переулковъ, проходитъ по однимъ дребезжащій мостикамъ, нытитъ и потъ съ лица утираетъ, а въ то же время у него на конюшнѣ ржетъ и бьетъ желѣзнымъ копьемъ о земь нетерпѣливый конь, котораго, полчаса тому назадъ, хозяинъ велѣлъ вучеру Егору «шажкомъ по двору поводить, только бы не заморить!..»

— Чего заморить! Двѣ недѣли, чай, изъ стойла не выводилъ. Ходить разучитесь...—недовольно пробурчалъ Егоръ.

— Не по этой же грязи запрагать его! Вотъ погода, уже подсохнетъ...

— А подсохнетъ и ѣдять не вачѣмъ будетъ... Завсегда такъ! не унимался Егоръ.

— Ну, ну, помалчивай! И безъ тебя знаютъ, когда нужно, когда нѣтъ. Смотри же, осторожно, шажкомъ!..

И дворникъ Иванъ, и вучеръ Егоръ берегутъ достоиніе ихъ строгаго хозяина, но ни одному изъ нихъ и въ голову не прихо-

дальше калитка воротъ, убрать кучи мусора, прилпнишаго большимъ валомъ къ вѣшной сторонѣ этихъ воротъ, бросить горсть песка на улицу, хотя бы только подъ окномъ дома.

Вотъ почему аристократическія кварталы Павлова, по опрятности, ни чѣмъ не отличаются отъ самыхъ демократическихъ, а роскошныя хоромы, выростая изъ грязи, производятъ впечатлѣніе почти тяжелое, какаго-то рѣжущаго ухо диссонанса...

Взобравшись на одну изъ самыхъ высокихъ горокъ, мы остановились, наконецъ, у воротъ деревяннаго стараго дома въ два этажа, сѣраго и подгниващаго. Домъ стоялъ на перекрестіи двухъ улицъ, на холмикѣ, и отсюда открывался роскошный видъ на все Павлово. Улица съ правой стороны зѣбилась гораздо ниже уровня дома, и вскорѣ исчезала за крутымъ спускомъ. Поэтому съ этой стороны ничто не мѣшало глазу и большая часть села была отсюда какъ на ладони. Сѣрый домикъ не отличался бы пожалуй наружностью отъ своихъ сосѣдей, если бы не грандіозный, золоченный гербъ, прикрѣпленный на перилахъ балкона, и подъ нимъ золотыми буквами вывѣска: «Придворный фабрикантъ позовыхъ издѣлій Варыпаевъ».

Эти два атрибута и особенно громадныхъ размѣровъ государственной гербъ сдѣлали бы честь любому изъ нашихъ столичныхъ магазиновъ на Морской; тутъ же, на этомъ скромномъ холмикѣ, на фонѣ сѣрыхъ стѣнъ, на виду у всего беспорядочно раскинутаго, грязнаго села, они имѣли странный, чтобы не сказать болѣе, видъ. Орелъ, властно сжимающій въ своихъ лапахъ державу и скипетръ глядѣлъ своей правой головой на расстлавшееся подъ нимъ село и точно насмѣшка, жалость читались въ его глазахъ и раскрытомъ клювѣ. Золотая надпись вывѣски гласила о блескѣ двора, о какомъ-то громадномъ производствѣ, а между тѣмъ что могло быть общаго между сплывшими перилами балкона, на которыхъ она болталась, и всѣмъ характеромъ этого мирнаго деревенскаго коттеджа съ тѣмъ бы то ни было придворнымъ, блестящимъ?.. Шумъ и внятъ фабрики здѣсь были бы диссонансомъ, да и самой фабрики не было видно.

Мы вошли во дворъ. Только тамъ, въ самой глубинѣ, открылся видъ небольшого каменнаго зданія фабрики.

На дворѣ встрѣтилъ насъ мой вчерашній знакомый — Рыжикъ, направлявшійся къ калиткѣ на улицу. «При видѣ меня и, главное,

становаго пристава онъ приостановился, и легкое удивленіе, выстѣлъ съ смущеніемъ, разлился по его прытому морщинами лицу.

— Здравствуйте! привѣтствовалъ я его съ самой любезной улыбой.

— Мое почтеніе-съ! Онъ протянулъ мнѣ руку. Я постарался ее не замѣтить.

— Есть кто дома? спросилъ его становой.

— Павелъ Степановичъ дома.

— Ну вотъ, мы къ нему на минутку.

Рыжикъ побѣждалъ впередъ предупредить.

По скрипучей и грязной лѣстницѣ поднялись мы во второй этажъ.

Въ гостиной, убранный довольно опратно, встрѣтилъ насъ человекъ лѣтъ 60-ти, сѣдой, сгорбленный, въ засаленномъ халатѣ. Это былъ братъ «дѣдушки», очень похожий на него лицомъ. Съ самымъ смиреннымъ видомъ онъ поздоровался съ нами и объявилъ, что если мы хотимъ на фабрику, то лучше отложить до завтра, когда будутъ работать. Онъ выглядѣлъ какіе-то особенно забытымъ, слабымъ. Пока я обвинялся съ нимъ нѣсколькими фразами, Рыжикъ въ сторонѣ шептался съ становымъ. Черезъ минуту онъ подспочалъ ко мнѣ и подобострастно предложилъ «выпить, перекусить».

— Вчера, знаете, такъ неловко было.. бормоталъ онъ, слегка усмѣхаясь. Этотъ Алексѣй предобрый человекъ, но, знаете, болтушка такой, что удержи нѣтъ. Приврать особенно любитъ... Я, знаете извините меня, не зналъ, что того... имѣю удовольствіе съ вами ѣхать; можете, вамъ и непріятно было слушать...

— Помилуйте, за что глупости!

— Нѣтъ, я собственно хочу вамъ доложить... какъ пріѣзжаемъ лицу, знаете, официальному, можно сказать.. чтобы этапъ, не подумали чего-нибудь.. хочу вамъ доложить, что этотъ Алексѣй совсѣмъ дѣлъ нашихъ не знаетъ. Мелетъ, знаете, всякій вздоръ.. людей потѣшасть.. Да и потомъ, въ этомъ дѣлѣ, что вчерась онъ такъ корилъ меня, о вабакахъ, значить, такъ онъ, знаете, самъ заинтересованъ, можно сказать... Потому самъ хотѣлъ держать вабаны, а отдала другому. Вотъ онъ и злится... А что онъ на счетъ меня да Варыпаева, — такъ это вздоръ одинъ чистѣйшій, могу васъ заверить. Какъ

постоянный житель здѣшній, я знакомъ со всѣмъ. Отъ пустоты одной умственной болтаетъ... Считаю долгомъ доложить вамъ это, именно, чтобы не подумали чего тамъ.. Незнакомый, знаете, человекъ въсегда...

— Начега я не думаю, милѣйшія! Все это меня мало интересуетъ. Я прѣхалъ знакомиться съ паловскими производствомъ, а не со слетнями...

— Именно слетни! Однѣ слетни... обрадовался Рыжикъ.

— И отлично! Значитъ, нечего и говорить объ этомъ!... Это кто-же будетъ, самъ Варыпаевъ?— подошелъ я къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ большой портретъ въ золотой рамѣ.

Они, они самые... подтвердилъ, подлетал ко мнѣ съ подобострастной мной, Рыжикъ,

Портретъ изображалъ сѣдаго какъ лунь старца, осащистаго и бодрата. Лицо его съ крупными чертами и глубокими морщинами, оладастая борода, подстриженная кружкомъ, волосы расчесанные пробормъ по срединѣ, узкіе глаза, прщуренные куда-то вдаль задумчиво и кротко, все это съ перваго взгляда поразало своимъ величественнымъ и въ то же время болѣзненно-страдальческимъ характеромъ. Это лицо само по себѣ крупный типъ. Оно очень напоминаетъ и чертами и своимъ умнымъ меланхолическимъ выраженіемъ лицо Тургенева, какииъ его изображали портретисты послѣдняго времени. Глаза глядятъ такъ-же вдумчиво, лобъ такъ-же открытъ, весь складъ его и широкая борода, и прямые волосы, и бѣлизна ихъ все напоминаетъ о крупной чисто-русской натурѣ, съ собственными ея добродушіемъ, простотой и грустью.

Только присмотрѣвшись пристальнѣй къ портрету Варыпаева, я замѣтилъ въ немъ что-то такое, чего нѣтъ въ лицѣ Тургенева, а именно—рѣзкой складки губъ, сжатыхъ въ непреклонномъ и суровомъ желаніи. Такая складка видится только у людей съ желѣзнымъ характеромъ, скрытыхъ и жестокихъ. Я видалъ ихъ на своемъ вѣку не много, но никогда предательская складка меня не обманывала. Въ лицѣ Варыпаева, когда въ него подольше взглядишь эта складка бросается въ глаза рѣзкимъ диссонансомъ со всѣми остальными чертами, точно среди гармоничнаго аккорда вдругъ зазвучида и завивжала какая-нибудь нальная нота. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ испыталъ я, внезапно отсыкаясь се на симпатич-

номъ и широко-открытомъ лицѣ паловскаго старшины. Когда-же отъ нея я перенесъ свой взоръ на глаза старика мнѣ также внезапно показалось, будто, сквозь пелену кроткой задумчивости, сверкнутъ вдругъ лучъ холодной насмѣшки—насмѣшки надъ собой, надъ своими величавыми и святыми сѣдинами.

Варыпаевъ на портретѣ изображенъ сидящимъ въ мягкомъ креслѣ, одной рукой подперши голову, другою—держа расшитую подушентомъ пляпу в бѣлыя перчатки. Длинный кафтанъ, весь спереди и на рукавахъ залпты галунами съ золотыми кѣлочками, широкій поясъ, на шеѣ нѣсколько медалей на красныхъ и синихъ лентахъ, а на груди большая медаль волостнаго старшины, все это вышѣсь съ поной и наружностью придаютъ портрету характеръ не совсѣмъ обыкновенный. Точно видишь важнаго государственнаго сановника или по крайней мѣрѣ придворнаго чина старика временъ, но ужъ никакъ не волостнаго старшину и не придворнаго поставщика ножей и вилокъ. Портретъ сдѣланъ съ очевиднымъ расчетомъ на эффектъ, и расчетъ исполнѣ достигался. Не только Рыжикъ, почтительно сжимавшійся подъ взглядомъ задумчиво-добрыхъ глазъ расшитаго старика, но и братья его, и становой, подошедшіе вслѣдъ за мной къ портрету, и я самъ даже, ощущали теперь какую-то почтительную неловкость; по крайней мѣрѣ мы всѣ вдругъ замолчали и долгое время не отводили глазъ отъ портрета. Только у меня какъ-то невольнo сорвалось:

— Видный старикъ!.. на что всѣ остальные посмотрѣли сначала на меня, потомъ опять молча и почтительно уставились на портретъ.

Вокругъ этого большого портрета, точно мелкія птички кругомъ ястреба, разбросаны были маленькія картинки этого же Варыпаева въ разныхъ позахъ, но всегда въ полномъ своемъ расшитомъ парадѣ. Вся стѣна между двухъ оконъ увѣшана была этими портретами, и приходящій въ комнату первымъ долгомъ натѣкался глазами на нихъ, потому что стѣна приходилась какъ-разъ противъ двери.

Не желая выказывать лишняго вниманія къ осащистой особѣ дѣдушки, первый отошелъ отъ стѣны. Рыжикъ и братья Варыпаева, вздыхая, съ трудомъ оторвались отъ роскошнаго зрѣлища... Спины ихъ долгое время еще были согнуты, въ мучныхъ и хитрыхъ глазахъ свѣтлосъ неподдѣльное очарованіе.

Мнѣ стало противно, душно даже, въ тѣсной гостиной Павловскаго дѣрка. Я подошелъ въ балкону, открылъ его и вышелъ на воздухъ.

Направо отъ меня открылся пестрый ландшафтъ громаднаго села. Дома, домики и лачуги точно навалены въ одну кучу. Ни улицъ, ни кварталовъ не видно. Только нѣсколько церквей, строгихъ и нарядныхъ, выростаютъ изъ этой кучи, точно сторонясь ея, каждая посреди площади, или площадки, чернѣющихъ даже издали непролазною грязью. На всю громаду домовъ, которую и глазомъ-то во все стороны не обнять, такихъ церквей всего 10.

Тамъ я сямъ строгими каменные дома видѣются изъ общей громады. Точно по ошибкѣ попали они сюда.

— Однако и мѣсто себѣ выбрать дѣдушка, думаль я, любуясь этой панорамой. Все царство у ногъ; всѣхъ видать, всѣмъ править съ птачьего полета...

Въ свромномъ сѣромъ домикѣ павловскаго волостнаго старшины, что такъ задумчиво-мерно глядитъ идале, какъ и глаза его хозяина, сосредоточены интересы одного изъ главнѣйшихъ нашихъ народно-производительныхъ центровъ.

Въ этой гостиной, которая дышетъ такою незатѣйливой простотой, гнутся сѣрны спины, раздаются слезныя мольбы и въ отвѣтъ имъ—короткіе, сухіе приказы; съ подгнившихъ досокъ балкона посылаются внизъ громы и молніи, а оттуда, изъ щелей этого многоголоватаго чудовища, беспорядочно раскинувагоса по холмамъ и впадинамъ, летать сюда злобныя стоны, провалы, грохотъ судорожно сжатые кулаки...

Читатель пожалуй скажетъ, откуда я ввѣлъ такую мрачную картину, подстать древнему Риму въ Нероновскія времена?

Терпѣніе, дорогой читатель. И въ маленькихъ уголкахъ, какъ и въ большихъ государствахъ, могутъ жить мрачныя событія, могутъ дѣйствовать великіе своей злобой и подлостью народные дѣтели.

Съ балкона Варипавскаго 'домика я оглядывалъ въ неравномъ волненіи бѣдное Павлово.

Благовѣсть еще кое-гдѣ гудѣла, и на площадкахъ, вокругъ церквей, копошлася толпой черныи народъ. Крошѣ благовѣста, никакого другаго шума въ воздухъ не было. Черныя точки людей двига-

лись беззвучно, голоса ихъ совсѣмъ не достигали до меня. Сѣрая пелена дна окутала все однообразнымъ отгѣнкомъ, и отъ села вѣяло только холодомъ, пустотой и уныньемъ.

— Видомъ изволите любоваться?.. раздалось сзади меня. То былъ Рыжикъ.

— Да, отсюда, чай, все село видно?

— Большая и лучшая часть, но не все. Часть вотъ тамъ, влѣво на горѣ, отсюда не видать.

— А та развѣ хуже этой?

— Какъ-же! Тамъ одиѣ деревянныя постройки. А здѣсь, возьмите сколько каменныхъ! Домовъ, я думаю, около сотни каменныхъ наберется

— Кузеческіе все?

— Такъ точно-съ!.. А вотъ, доложу я вамъ, вѣдь все это вновь выстроено. Послѣ пожара-то того, большого. Лѣтъ 18 будетъ ужъ тому. Такъ повѣрите-ли, все, что изволите видѣть, вотъ вся эта часть, все это было въ пламени. И все сгорѣло.

— Что вы говорите?.. изумился я, содрогаясь отъ одного представленія себѣ такой ужасной картины.

— Могу васъ увѣрить. Да это официально извѣстно. Вѣдь тогда и говорили, что все Павлово сгорѣло. И правду, потому все Павлово здѣсь и заключается. Тамъ что?—Тамъ, можно сказать, предмѣстье. А здѣсь вся жизнь...

— И вы помните этотъ пожаръ?

— Какъ-же-съ! Съ этого самаго балкона смотрѣлъ. Картина была, можно сказать, превосходная. Все огонь, огонь, какъ вода, море.. Отъ одного дома къ другому, такъ и бѣжитъ, такъ и ползетъ, лпзеть... Очень интересно было смотрѣть. Да вотъ Павелъ Степановичъ тоже, чай, помнить?

— Помню, какъ-же!.. Очень красиво было...

Я взглянулъ назадъ, на брата старшины, запакивавагоса въ халатъ. Онъ смотрѣлъ на село, и въ лицѣ его, такъ-же какъ и у брата, отразилась вдумчивая протость; только вмѣсто мысли и волн въ отвисшихъ складкахъ губъ его, рисовалась совсѣмъ дѣтская наивность и глупость.

— А вашъ домъ не горѣлъ?

— Славу Богу! Не дошло до насъ... Онъ набожно перекрестился. А не прикажете-ли водочки?

Я отъезжая и, вмѣсто этого, попросилъ позволенія осмотрѣть строящійся для Варыпаева домъ. Рыжикъ изъвался насъ проводить; но я отклонилъ такую честь. Проводилъ насъ чрезъ дворъ племянникъ Варыпаева, мальчишкѣ лѣтъ 19-ти, съ умнымъ и хитрымъ лицомъ. Онъ отперъ ворота сада и, впустивъ насъ туда, скавалъ, что выйти мы можемъ съ другой улицы, куда намъ подадутъ и лошадь.

Садъ былъ очень тѣсный, но густой. Ни дорожекъ, ни цвѣтничковъ не было и слѣда. Когда я спросилъ племянника, почему такъ запущенъ садъ и почему его дядя строитъ себѣ домъ въ такой гуницѣ, гдѣ и свѣту не отсюда будетъ входить, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Петръ Степановичъ очень любитъ эту темноту. Нарочно и садъ запустилъ, и домъ здѣсь именно только потому и строить. Тихо и сумрачно. Это для нихъ первѣйшее удовольствіе, можно сказать...» кончилъ племянникъ, не совсѣмъ искренно улыбаясь.

Въ саду Варыпаева стоятъ три дома. Одинъ деревянный, старый, такъ называемый павильонъ. Другой большой, каменный, двухэтажный, примыкающій къ саду только заднимъ своимъ фасадомъ, а переднимъ выходящій на смежную улицу. Третій — почти посрединѣ сада, только еще строящійся.

Павильонъ имѣетъ весьма таинственный видъ. Онъ весь окутанъ сучьями деревь. Окна его блестятъ сквозь эти сучья, какъ глаза спрятаннаго въ чащѣ звѣря. Внутри ведутъ лѣстнички и маленькое крыльцо. Дверь наглухо заколочена, крыльцо и гнѣзды ступени лѣстницы поросли въ щеляхъ влажнымъ мхомъ.

— Что это за вѣдальщице такое? полюбопытствовала я у становаго. Тотъ улыбнулся.

— Павильонъ, а народъ называетъ «храмъ любви и услады».

— Но вѣдъ онъ заколоченъ. Видно, дѣдушка пересталъ?..

— Не совсѣмъ, не совсѣмъ, улыбнулся становой. По крайней мѣрѣ говорятъ... Вогъ его тамъ знаетъ. А павильонъ заколотили тогда, когда выстроили вонъ тотъ, первый домъ. Туда будто и перешли жильцы сего тѣснаго храма.

Я взглянулъ по направленію большаго дома.

— Нивъ только занять, а верхъ наваченъ для племянниковъ. Больно скоро растутъ, такъ онъ ихъ и хочетъ подворить подлѣ себя.

— Хорошее помѣщеніе тамъ?

— Приличное и очень даже приличное! Полы паркетные..

Дѣйствительно, сквозь окна нижняго этажа, зашпанныя шторами и занавѣсками, виднѣлись глубокія и высокія комнаты, обитыя прекрасными обоями, съ росписными потолками и мягкой мебелью.

Строящійся домъ былъ возведенъ уже до крыши. Башенки, колонны и балконы придавали ему видъ легкой виллы. Въ черныя отверстія оконъ влѣвали голые сучья деревь, окхватившихъ густымъ кольцомъ весь домъ. Тутъ, въ самую зрѣлую погоду должны были царствовать полумракъ, прохлада и сырость.

Если бы перенести этотъ домъ на открытое мѣсто, окружить цвѣтничкомъ, сади разбить садъ, — онъ бы выглядѣлъ прелестной дачей. Здѣсь же, вдавленный въ тѣсный квадратъ, густо поросшія стволами деревь, онъ терялъ всю легкость и грацію архитектуры, производилъ впечатлѣніе тяжелое, почти мрачное.

Весь характеръ Варыпаева отражался здѣсь, въ этомъ темномъ садикѣ, на этихъ воздвигнутыхъ имъ домахъ. Тамъ, съ улицы, въ пріятно изумленн видомъ простаго сѣраго дома, весело и просто глядящаго на раскинутое у ногъ его село, на зеленые дуга и желтыя нивы. Вы входите по сарнищатымъ ступенямъ, открываете грязную односторончатую дверь, — передъ вами скромное, почти бѣдное жилище простаго и честнаго крестьянина. Если вы увидите и его самого тамъ, въ этой обстановкѣ, съ его красивыми сѣднами и задумчиво-вроткимъ взоромъ, вы почувствуете себя еще лучше.

«Вотъ настоящій русскій мужикъ патриархъ», — скажете вы себѣ, и повянете домику съ самымъ легкимъ сердцемъ.

Но если вы проникнете черезъ дворъ и тяжелыя ворота въ этотъ таинственный садъ, если проникнете смыслъ и значеніе его, — вы проникли въ душу этого патриарха. Какъ и тамъ, здѣсь темно, сыро, страшно даже. Все грязное, порочное, влоды его золотѣвшихъ трудовъ, спрятаны отъ людскаго взора здѣсь, подъ сѣнью угрюмыхъ, молчаливыхъ сучьевъ. Здѣсь глазъ не хватаетъ дальше высокихъ стѣнъ, за которыми притаились пороки и порочныя наслажденія, купленная цѣной людскихъ слезъ и несчастій.

Здѣсь добродушныя черты патриарха должны принимать хищное, животное выраженіе, задумчивые глаза должны метать пламя злобы, насмѣшки, или желанія, а гладкія сѣдны — ерошиться нервными, распутными данженіями.

Здѣсь ведется *настоящая* жизнь, а тамъ, въ скромномъ сѣромъ домикѣ, подъ золоченой вывѣской, — тамъ играется ежедневная комедія, дающая ему богатія средства въ этой жизни. Комедія хотя старая, однообразная, но гениальной игрой актера всегда новая и интересная, привлекающая тысячи одураченныхъ, одурманенныхъ зрителей.

Мой спутникъ точно угадалъ мои мысли.

— Забудьте только, какой контрастъ здѣсь и тамъ, выговорить онъ съ усмѣшкой. Извольте забыть лѣстницу, гостиную его?.. Какая бѣдность! А тутъ посмотрите! Видъ въ этомъ вотъ домѣ, я думаю, и губернаторъ нашъ съ удовольствіемъ бы жилъ.

— Я полагаю...

— Все это для виду у него тамъ. Народъ ходитъ. А сюда ужъ никого не пускаютъ... Говорятъ, вотъ, фабрику разжилъ, продажалъ онъ послѣ явнотораго молчанія. А я вотъ совсѣмъ не понимаю этого. Какъ можно съ одной фабрики такіе дома махнуть?.. Во-первыхъ фабрика-то у него недавно. Нѣсколько годовъ всего. А потому что она?.. Колесъ десятковъ всего. Да и то самъ не работаетъ на всѣхъ. Въ-наймы отдастъ больше половины. Какое же это производство?..

— А развѣ онъ не скупаетъ готовя вещи?

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ. Этимъ онъ и славу такую заслужилъ. Скупщиковъ всѣхъ влечетъ на чьемъ-свѣтѣ стоитъ, кричить, что они народъ разворали... Въ этомъ-то и вся политика въдѣ его... Нѣтъ ужъ, куплей-то, да продажей онъ ни копѣйки не выжилъ. Поэтому я и говорю, что странно! Вотъ ужъ я здѣсь второй годъ, всѣхъ знаю, а право не встрѣчалъ еще случая чтобы одной фабричной работой можно бы было разбогатѣть. Такіе фирмы, какъ Завьяловъ, Калашникъ, — и тѣ, говорятъ, уже разорятся. А Варыпаевъ всего безъ года недѣлю какъ фабрикантъ и ужъ дома вотъ какіе воздвигнулъ. Не безъ грѣха тутъ, не можетъ быть иначе...

— Нида! И я полагаю, не безъ большого даже грѣха!.. Однако пойдёмъ! Здѣсь жметъ словно что-то. Воздухъ плохъ...

Мы покинули садъ и поѣхали внивъ, въ центральную-аристократическій кварталъ села, вондѣ торговой площади.

Мы остановились у воротъ одного изъ тѣхъ богатыхъ каменныхъ домовъ, про которые я упоминалъ выше.

Черезъ калитку вошли мы на обширный, свѣтлый, *лоснящійся* чистотой дворъ, и позвонили на крыльцѣ. Намъ отворили немедленно.

Въ просторныхъ сѣняхъ нахло такъ, какъ пахнетъ всегда у помѣщиковъ: свѣже-печенымъ хлѣбомъ, квасомъ, мукой, вообще кладовой.

Деревянная, ярко напощенная лѣстница, устланная по срединѣ ковромъ, была очень красива; на средней площадкѣ, въ углу, разставлены были цвѣты.

Тамъ встрѣтилъ насъ человѣкъ небольшого роста, на видъ еще молодой, съ едва замѣтными усами, скромно, но прилично одѣтый. Онъ низко поклонился.

Это былъ Ц—овъ—капиталистъ, фабрикантъ и скупщикъ села Павлова.

— Милости просимъ... очень радъ...

Обиженный привѣтствіями, взаимными извиненіями и любезностями, мы вошли въ комнаты. Изъ передней дверь вела въ задъ. Я съ удовольствіемъ оглядѣлся по сторонамъ. Безупречная чистота, отсутствие всякой вычурности и богатой безвкусицы поражали здѣсь съ перваго взгляда. Длинная и высокая комната въ два свѣта имѣла видъ тѣхъ залъ, какія массами встрѣчаются въ богатыхъ городскихъ домахъ. Только позолоты и бархата здѣсь не было. Тяжелыя гардины на окнахъ и дверяхъ спадали простыми темными складками, безъ всякихъ граціозныхъ подхватовъ и кистей.

Мебель изъ той-же матеріи въ довольно ограниченномъ количествѣ была разставлена вдоль стѣнъ. Мягкіе стулья мѣшались съ вѣскими.

У стѣнъ простой столъ, накрытый бѣлой скатертью. Подоконники, рамы, стекла и жѣдные ручки на дверяхъ и окнахъ блестяи новизной. Все имѣло видъ прочности, довольства, но не пестроты.

Послѣ Варыпаевского домика, послѣ грязныхъ до тошноты улицъ Павлова и зловонной торговой площади, послѣ пронизывающаго осенняго вѣтра, здѣсь я почувствовалъ себя точно въ другомъ мірѣ. Сладостное ощущеніе теплоты и комфорта сразу разлилось по тѣлу. Напряженные нервы распустились. Я не могъ удержатъ восклицанія:

— Какъ хорошо у васъ!.. Совсѣмъ не по павловски.

Хозяинъ скромно улыбнулся и пригласилъ насъ въ гостиную.

— Тамъ удобнѣе, — можетъ быть, будетъ.

Дѣйствительно, въ маленькой гостиной было еще удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ залѣ. Мягкія кресла и круглый столъ подъ бархатной скатертью такъ и манили въ себя. Здѣсь было не такъ просто, какъ въ залѣ, но ни богатія зеркала, ни темноснѣій бархатъ мебели не заключали въ себя ничего кричащаго, вульгарнаго. Напротивъ, чувствовался вкусъ и мѣра въ рунѣ, устранявшей это гнѣздышко.

Мы усѣлись. Начался обыкновенный разговоръ: это, какъ, куда, зачѣмъ и проч.

Я съ любопытствомъ всматривался въ лицо ховаянна. Оно какъ нельзя болѣе гармонировало съ моимъ первымъ впечатлѣніемъ; Щ—ову на первый взглядъ можно дать не болѣе 25—26 лѣтъ. Такую молодость его лицу придаетъ отсутствіе растительности и свѣжій, бодрый видъ. На самомъ-же дѣлѣ ему далеко за тридцать. Небольшой ростъ, коренастое сложеніе, желѣзныя мышцы, смуглый цвѣтъ кожи и крупныя, неправильныя черты лица изобличаютъ въ немъ съ разу *мисіую* расу, сына народа.

Во взглядѣ его узкихъ сѣрыхъ глазъ блестятъ много энергіи и юмора, а когда тонкія губы расщеляются въ улыбку, — отъ этихъ глазъ лучами бѣгутъ морщинки, придавая всему лицу видъ особеннаго добродушія и искренности.

Только тогда и можно опредѣлить его настоящій возрастъ. Тогда видно, что передъ вами не юноша, а человѣкъ, много на своемъ вѣку видѣвшій и испытывшій.

Словомъ, съ перваго взгляда, я почувствовалъ необъяснимую симпатію къ этому человѣку. — Скупившій каменъ я его себя представлялъ и какимъ я его видѣлъ теперь, въ лицѣ Щ—ова, не имѣли между собой ничего общаго.

Я рассчитывалъ встрѣтить неуловимую вѣжливость, пошлость, грубую лесть и грубое доволство, а видѣлъ и чувствовалъ только простоту, недолжный умъ и неподдѣльную искренность.

Самое пріятное впечатлѣніе Щ—овъ производитъ своими спокойными, увѣренными движеніями и мягкимъ голосомъ. Ни тѣни заискиванія, ни малѣйшей суетни не замѣчается въ немъ. Онъ умѣетъ вѣжливо принять гостя, умѣетъ слушать его и, главное—умѣетъ самъ говорить. Онъ схватываетъ самую суть предмета и излагаетъ его до нельзя просто и последовательно; говорить не спѣша, но и

не дѣлая паузы, не сбиваясь съ темы и не возвращаясь вспять, какъ будто заранее приготовилъ свою рѣчь.

— Вы вѣроятно хотите ознакомиться съ нашимъ производствомъ? началъ онъ, тотчасъ какъ мы усѣлись за круглымъ столомъ.

— Съ производствомъ и съ бытомъ.

— Такъ-съ... Могу быть вамъ немножко полезнымъ въ этомъ. И родился и умру вѣроятно здѣсь.

— За этимъ собственно я васъ и обезпечилъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно будетъ удовлетворить вашему любопытству, что... врядъ ли кому здѣсь, по всемъ селѣ, такъ дороги и близки интересы нашей промышленности, какъ мнѣ.

Я самъ—простой крестьянинъ, я сынъ павловскаго кустара. Я самъ мастерялъ замочки и ножки, слѣдовательно знакомъ достаточно и съ производствомъ и съ жизнью кустара. Потому я люблю это дѣло больше всего, можно сказать, на свѣтѣ... Его будущность—моя будущность. Тутъ дѣло не въ моей наживѣ!.. Я наживу во всякомъ случаѣ. Плохо-ли работаютъ, хорошо-ли работаютъ, сътъ кустари, или голодець,—я свою прибыль возьму, какъ и всякій другой скупщикъ. Для меня поврайней мѣрѣ, если вы только захотите мнѣ вѣрить, улыбнулся онъ, вопросъ поставленъ гораздо глубже и важнѣе. Вопросъ этотъ — вопросъ національный, смѣю такъ выразиться. Вопросъ моего русскаго самолюбія... Битъ нашему родному промыслу — или не битъ, славиться—или заглухнуть. Вотъ съ какой точки зрѣнія я смотрю на этотъ предметъ и съ какой хочу вамъ говорить; только для этого нужно, чтобы вы ни минуточку забыли, что я скупщикъ, кулакъ, улыбнулся онъ еще разъ.

— Если-бы я не цѣнилъ вашей откровенности и вашего опыта, л-бы никоимъ образомъ не отпымалъ у васъ дорогого времени.

— Если такъ, я въ вашия услуги!.. Такого рода бесѣда я не считаю потерей времени. Напротивъ. Я бы съ величайшимъ удовольствіемъ говорилъ объ этомъ со всякимъ, кто поинтересовался-бы нашей глупью, хоть каждый день... Вы вотъ заѣхали, другой заѣдетъ, увидите, услышите, взгляните, другимъ, можетъ, потомъ растолкуете, начальству вашему доложите, можетъ и польза какая выйдетъ. А не выйдетъ, такъ хоть на душѣ легче станеть... Отведеть

хоть душу. Про родину свою всякъ, я думаю, радъ говорить, даже когда не просятъ объ этомъ, улыбуясь онь.

— А я васъ къ тому и убѣдительно прошу.

— Тѣмъ лучше. Спасибо вамъ на томъ.. Такъ вотъ, если позволите, я вамъ систематически, такъ сказать, шагъ за шагомъ изложу ходъ нашего родного дѣла. Васъ вѣроятно болѣе всего интересуетъ эконоическая его сторона? Условія развитія, паденія?

— Вѣрнѣе, одного паденія. Насколько я уже знаютъ съ Павловымъ, я вижу, что о процвѣтаніи его производства и говорить нечего. Все кричить объ упадкѣ, о быстро приближающемся народномъ бѣдствіи. Поэтому, интересно и важно знать, что собственно толкаетъ его въ эту бѣдну и какъ удержаться надъ ней.

— Вы правы, совершенно правы. Въ настоящую минуту слѣдуетъ говорить только объ упадкѣ. Совершенно вѣрно, что наше бѣдное село, какъ и вообще весь нашъ районъ, быстрымъ шагомъ приближается къ бѣзднѣ, къ полному разоренію. Я-бы можетъ самъ и не употребилъ такого сильнаго выраженія. Постороннему человеку трудно вникнуть въ нашу смуту, трудно повѣрить намъ. Да еще когда, говорятъ, скупщикъ, по общему мнѣнію,—одна изъ главныхъ причинъ такого бѣдствія... Вамъ вѣроятно неоднократно приходилось слышать, что кустарей разоряютъ скупщики? Вѣдь да?

— Признаюсь, да!

— Ну вотъ, на эту тему мы и побесѣдуемъ, если позволите. Я не своихъ буду защищать; почти всѣ скупщики здѣсь нѣзвіе, чужіе я чуть ли не одинъ Павловскій, настоящій сынъ нашего села. Мнѣ нѣтъ расчета вступаться за нихъ; наоборотъ, слѣдовало-бы ругать, потому что они намъ цѣлѣмъпортятъ конкуренцію составляютъ. Я буду говорить такъ, какъ подсказываетъ мнѣ 20-лѣтній опытъ, цѣлая жизнь, которую я провелъ здѣсь... Я помню, годовъ 15 — 20 тому назадъ, когда еще мой отецъ былъ простымъ работникомъ, а мы ему помогали, у насъ на селѣ было всего на всего 3—4 скупщика. Тогда они были настоящими царями здѣсь. Тогда кустарь былъ впоиднѣ, что называется, въ рукахъ ихъ. За издѣлья платили сырымъ матеріаломъ, провіантомъ даже. Цѣны устанавливали, какія хотѣли, выбирали издѣлья самыя лучшія; какъ что не понравится—бракъ, не нужно! Выборъ былъ громадный; къ нимъ несли товаръ цѣлыя тысячи человекъ, горы цѣлыя наносили; значить, было гдѣ

разгуляться. И что же?.. Развѣ жаловались тогда на нихъ?.. Развѣ называли кровопійцами?.. Развѣ кустарей, сидѣлъ безъ хлѣба?.. Нѣтъ. Это я самъ скажу съ полной увѣренностью, потому я хорошо помню то время. Я самъ таскалъ въ базарные дни свои замочки къ скупщикамъ. Самъ получалъ и желѣзо и сталь, и муку, и крупу изъ этихъ лавокъ. Но получалъ и деньги. Какъ тамъ ни обсчитывали они насъ, а денегъ всегда давали. Меньше давали тѣмъ теперь, по тогда деньги были дороже. Жизнь велась простая, скромная, пляска этого, разгула, было поменьше. Отецъ былъ хорошій кустарь, какихъ уже теперь немного осталось на селѣ, по счету. Мы тоже ему помогали,—дѣло у насъ ладилось. Скупщики всегда рады хорошей вещи. И дороже дадутъ, и впередъ еще зважутъ. Такъ у насъ дѣло и шло. Недѣльный заработокъ приносили мы домой, а сырой матеріалъ, да провіантъ всегда имѣлись въ достаткѣ. Отецъ откладывалъ, откладывалъ, пока не спонилъ на фабричку. Фабричка пошла, пошли и новые заработки, и вскорѣ у насъ былъ и домъ и капиталъ. Все это я вамъ говорю только для примѣра, чтобы показать, какъ вотъ мы, простые рабочіе, разживались.

Наше состояніе основалось и развивалось именно въ ту пору, когда можно было сказать про скупщиковъ то, что говорятъ про нихъ теперь. Всякій хорошій, честный и непыющій мастеръ разживался такимъ же манеромъ, и вскорѣ дѣлался фабрикантомъ. Таковы и Коляпини и Ежовы, и проч., и проч. Но большинство жило, не думая объ завтрашнемъ днѣ, безработно и весело. Все что оставалось отъ недѣльнаго заработка, несли въ кабакъ, а работа по утру, съ похмѣльемъ, валилась съ рукъ. Такимъ порядкомъ и нравы кустарей портились, и производство ихъ съ каждымъ годомъ становилось хуже и хуже.

— Дожилъ мы до конца 70-хъ годовъ. Большой спросъ на Павловскія издѣлья привлекъ сюда мало-по-малу стороннихъ скупщиковъ. Одинъ за другимъ потянулись они сюда изъ Украины, царства Польскаго, Западнаго края и другихъ мѣстъ. Цѣны на издѣлья тогда достигли высшаго размѣра. Брали все, всякую хрень и платили за все чистоганомъ. Кустарь тогда какъ смръ въ маслѣ катался. Старые скупщики, наживъ себѣ громадныя состоянія, одинъ за другимъ исчезали, не считая уже выгоднымъ конкурировать съ пріѣзжими. А новые—все распложался, да распложались,

скупали всякую гадость и везли ее въ народъ, пока у народа были деньги на покупку ее, пока онъ оставался слѣпъ къ качеству производста. Но вотъ, съ 1880 года замѣчается грутой поворотъ въ такомъ порядкѣ вещей. Съ одной стороны, общій экономическій кризисъ, обнищаніе народа; съ другой—такое количество изготовленныхъ вещей, которое далеко превышаетъ надобность въ нихъ, спросъ населенія, съ третьей, наконецъ—появленіе на нашихъ рынкахъ заграничныхъ издѣлій, несравненно лучшихъ по качеству и болѣе доступныхъ по цѣнѣ. Этихъ трехъ причинъ было слишкомъ достаточно, чтобы разомъ уронить торговлю нашими издѣліями. Въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, гдѣ всегда сбывались громадные партіи нашего товара, въ этотъ годъ, впервые, пришлось вести большую половину его обратно; а въ слѣдующіе—все больше и больше. Нижний сталъ торговать почти исключительно заграничными товарами.

И вотъ, когда мы, скушники, наткнулись на такое явленіе, когда намъ не стало болѣе доступу въ центръ нашей отечественной торговли, гдѣ искони привыкли мы находить поддержку, куда, при самыхъ тяжелыхъ торговыхъ условіяхъ, мы всегда смотрѣли съ надеждой и упованіемъ, какъ на вѣрный и крѣпкій акоръ, державшій насъ всѣмъ у пристани,—что же оставалось намъ дѣлать?.. Бросить дѣло, разориться, или повести его по новому? Мы, понятно выбрали второе. Вернувшись въ село съ непроданнымъ запасомъ товару, мы прежде всего задумали пообходять съ покупкой новаго. Мы сообщили кустарямъ о результатахъ ярмарки и объявили, что скупать болѣе въ такихъ размѣрахъ не будемъ. Но кустарь насъ не понялъ, или понять не хотѣлъ. Онъ приходилъ къ намъ съ тѣми же ворохами издѣлій и сваливалъ ихъ въ намъ на привалки. Мы отказывались, онъ плакалъ и стоналъ, говоря, что «тапериче, значить, съ голоду помирать». Онъ былъ правъ по своему, мы по своему. Не дать же ему, въ самомъ дѣлѣ, умереть!.. Надо было найти компромиссъ, такъ сказать, въ нашей обоюдной бѣдѣ, и этотъ компромиссъ естественно выразился пониженіемъ платы. Мы покупали товаръ въ запасъ, для того, чтобы онъ годы лежалъ въ сараяхъ, деньги, слѣдовательно, обрцали въ мертвый капиталъ, значить, надо было заручиться процентами впередъ. Понятно по этому, что за вещь, стоящую прежде 1 руб., мы могли давать только семь, восемь гривенъ. Кустарь же, привыкшій къ своему прежнему съладу

жизни, не могъ удовлетвориться этими семью гривнами и таскалъ къ намъ издѣлія еще больше прежняго, чтобы выручить хоть количество, если не качествомъ. Онъ спѣшилъ, работалъ на живую нитку—и издѣлія его становились все хуже и хуже. Что же должно было произойти отъ этого?.. Съ одной стороны, скопленіе въ нашихъ рукахъ товара, который не находилъ себѣ сбыту, съ другой—прогрессивное пониженіе качества этого товара, которое влезло за собой дальнѣйшее и дальнѣйшее уменьшеніе спроса на него. Мы употребили всѣ средства для подъема нашей торговли: понизили до minimum'a на мѣстахъ сбыта цѣну на товаръ, дешевле даже заграничной се сдѣлали, хотя при этомъ торговала въ убытокъ, отпустили товаръ въ долгъ, съ расрочками, со всевозможными уступками, но было уже поздно. Народъ разъ поиробовалъ заграничнаго издѣлія, испыталъ его прочность и дешевизну, привыкъ къ нему также, какъ прежде къ нашему, и уже не зарился болѣе на нашъ дешевый хламъ. Совсѣмъ обгтме съ толку, мы возвращались домой съ товаромъ и безъ денегъ; понятно мы должны были понизить еще плату кустарямъ; а тѣ, чтобы вернуть побольше, должны были понатно, увеличить еще и еще количество изготовляемыхъ вещей. Отсюда получился такой результатъ:

Панесутъ это въ базарный день цѣлыя горы всякой дряни, все на-скоро сколочено, едва отдѣлано, все держится однимъ наружнымъ видомъ: «бери, молъ, за что хочешь, только бери!.. Не дай се голоду умереть!.. Вотъ такая картина!.. Какъ сѣянница отъ дуновенія вѣтра сползаетъ съ вершины горы и постепенно, обростая снѣгомъ, катится все быстрѣй и все больше въ размѣрахъ, сама себѣ давая ростъ и быстроту, такъ и мы, такъ и наше бѣдное производство. Сначала одно легкое дуновение, но и его было достаточно. Слишкомъ много на нашей горѣ валялось снѣгу, чтобы дать этой сѣянницѣ въ мигъ вырости въ глыбу. А теперь—мы уже не катимся, мы летимъ стрѣлой по кручѣ, воздвигнутой нашими-же руками нашими руками. Что ни шагъ — то глубже снѣгъ, глубже наша русская закоренѣлость, упорство, тяжеломые!.. Они пристають толстами слоями къ глыбѣ нашего несчастья, а она, выростая въ геометрической прогрессіи, шагъ за шагомъ катится быстрѣй, увлекая за собой ошалѣлое, ничего не понимающее стадо нашихъ барановъ!..

Щ—оувъ остановился, сильно взволнованный. Его матовыя щеки

покрылись красными пятнами, узкие глаза метали пламя, тонкія губы подергивались въ насильственно-болѣзненную улыбку. Вообще, его лицо въ эти минуты помолодѣло и даже похорошѣло, гармонизируя какъ нельзя болѣе съ смысломъ его словъ; ужась картины, которую онъ такъ живо рисовалъ, отразился въ его подвижныхъ чертахъ и застылъ въ горящихъ, какъ уголья, глазахъ. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ и только безпокойно поворачивался въ преслѣ.

— Вотъ что я вамъ хотѣлъ собственно сказать о нашемъ краѣ, выговаривалъ онъ наконецъ, улыбаясь и стараясь подавить свое волненіе. Судите сами, мы-ли одни въ немъ виноваты? Мы-ли, скушники, высосали все благосостояніе у кустаря?.. Мы-ли отучили его отъ хорошей работы, отъ трезвости, умеренности, отъ образа жизни его отцовъ?.. Мы-ли отучили покупателя отъ нашихъ родныхъ, русскихъ надѣлій!.. Мы-ли вразумили англичанъ, вѣдущихъ отплавить и штамповать на машинѣ вещи, которыя у насъ дѣлаются отъ руки?.. Мы-ли наконецъ не просили, не учили, не умоляли нашихъ лавловцевъ поучиться на заграничномъ зачетѣ, чтобы дѣлать его не хуже англичанъ, чтобы онъ обходился нѣмъ дешевле, чтобы его скорѣе дѣлать?.. А что въ результатѣ? Тупое упрямство и звѣрское рычаніе. Точно голодный звѣрь ластится къ человѣку, пока въ рукѣ его видятъ кусокъ хлѣба, ластится, пока ему его не дали. А бросьте, онъ жадно проглотитъ и съ злобыи рычаніемъ готовъ укусыть руку, накормившую его. Такъ и наша толпа. Посмотрите сами въ баварный день, что это за люди и за что они способны. Попробуйте—поговорите съ ними. Заладили одно, какъ стадо барановъ, и твердятъ. Изучите этотъ народъ—и тогда сами поймете, можетъ быть, гдѣ кроется причина причинъ. Въ нихъ самихъ, вотъ гдѣ!.. А то, говорятъ еще, пошливу повысить на заграничный товаръ!.. Ну, повысить, ну, что изъ этого дальше? Изъ этого выйдетъ одно потакательство лѣнн и ваией и непредпринимчивости. И теперь кустарь ни за что новое не хочетъ приняться, мозгами пошевелить боится, а какъ увидитъ, что его одобряютъ—и того хуже становится. Повысить пошлину, за границей сейчасъ придумаютъ новое усовершенствованіе и понизятъ цѣну своихъ надѣлій; выйдетъ что, и при высокой пошлинѣ, они будутъ дешевле нашихъ. А нашъ кустарь, какъ съѣлъ за свой станокъ, какъ сталъ руками рѣзать желѣзо. такъ его и обухомъ не сдвинешь оттуда. Нѣтъ, не въ томъ совсѣмъ

дѣло! За-граница тутъ столько-же виновата, сколько и мы — скушники. Совсѣмъ даже напротивъ. Не будь заграничной конкуренціи, наши лавловскія надѣлья были-бы еще во сто разъ хуже. За это я могу тѣмъ угодно поручиться. А не будь насъ, скушниковъ, адѣсь кустарь померъ-бы съ голоду. Это доказали уже артели. Какъ мало мы ни даемъ за надѣлья, все-таки платимъ, покупаемъ. Все-таки въ баварный день кустарь безъ копѣйки домой не возвращается. А отыщите то и другое — увидите что будетъ. Отъ Павлова осталась бы жалкая деревня. Вотъ что я вамъ доложу! И повѣрьте, изъ опыта, нѣтъ убѣжденія, а не по какому либо расчету говорю!..

— Вѣрно, вѣрно, подхватывалъ я, любясь оживленіемъ моего собесѣдника.

— Не знаю какъ кто, но я душой страдаю за свое родное село, за родной промыселъ. И чего-бы ни сдѣлалъ, чего-бы ни далъ, только бы спасти его!.. Но одного желанія видно мало, улыбнулся онъ своею полунасильливой, полугрустной улыбкой

— Да развѣ ужъ ничего нельзя сдѣлать?

— Какъ ничего?.. Много еще можно сдѣлать, многое и сдѣлано уже, да видно, не такъ все дѣлалось!.. Вотъ, къ примѣру, я себя возьму! Уже давно пришло мнѣ въ голову обучить лавловцевъ заграничному способу работъ. Думалъ, разница въ пустякахъ, правятся скоро, а тамъ можно будетъ и далѣе усовершенствоваться. Работали не хуже заграничнаго. И вписалъ это я въ за-границы машину штамповальную; первоначально, думаю, выучу штамповать корпусъ замка, чтобы проще выходилъ. Самая главная это часть. Если корпусъ хорошъ, остальное пустяки. Ну, вписалъ, залагалъ не дешево, поставилъ, повзвалъ кустарей, что иорасторопнѣе. Вотъ, говорю, такъ и такъ! Объяснилъ все какъ дѣлать надо, какъ вляться, какъ повернуть. «Поняли?» спрашиваю. «Поняли!»—отвѣчаютъ. Начали и вышло не то совсѣмъ. Еще разъ объяснилъ, самъ при нихъ сдѣлалъ замокъ, опять говорятъ: «Поняли! Дѣло не мудреное, какъ не понять!» Опять попробовали и опять испортили. Такъ повѣрьте-ли, мѣсяцы цѣлые бился, пока двухъ человѣкъ выучилъ толкомъ дѣлать. А дѣло-то это на машинѣ куда легче ручнаго производствъ. Вся сила заключалась въ одной дужкѣ. Никакъ не хотѣли они наладить ее на заграничный ладъ; все гнуть по своему. А въ дужкѣ этой все отличіе. Если нашъ замокъ пустить съ такой дужкой, такъ

можно и клеимо заграничное приложить. Никакой разницы не будет. Вот я и учу их и убѣждаю. Говорю, что даромъ позволяю работать на своей машинѣ, лишь-бы они мнѣ доставляли записи съ такими дужками, общалъ даже вдвое платить за тѣ записи. Что-же?..

Два человѣка какъ выучились работать, такъ и работали. А всѣ остальные—пришли, посмотрѣли, покачали головами, поохали, да и разошлись. «Не ладится, говорятъ. Пальцы не гнутся на этотъ манеръ, привыкли уже больно къ старому». Вотъ вамъ и подите. Машина такъ и по сію пору стоитъ безъ дѣйствія, а кустарь предпочитаетъ получать полтинники, вмѣсто рублей, лишь бы только не гнуть пальцы въ другую сторону.

— Однако, это характерно, признаюсь!

— Да это-ли одно! Вѣдь я все перепробовалъ... Я, надо вамъ сказать, изучилъ заграничный замокъ до тонкостей, вслѣду мелочъ вслѣдовалъ и вслѣду пробовалъ привить къ нашимъ кустарямъ. Машинъ однихъ что выписывалъ!.. Звалъ компаниями къ себѣ по вечерамъ, лекціи цѣлыя читалъ и читалъ ужъ кажется такъ, что понять меня можно было. Профессора изъ себя не корчилъ, потому и они знали, кто я такой, и я зналъ, съ кѣмъ дѣло имѣю. Говорилъ ихъ языкомъ, въ предѣлахъ ихъ пониманія, въ предѣлахъ практической пользы, — ну и что-жь? Слушали они меня съ удовольствіемъ, на словахъ все понимали, благодарилъ, благодарителямъ называли, а какъ пришлось пальцы повернуть на заграничный манеръ — «не могли!» Затвердѣли больно!.. Такъ и бился я подъ-рядъ нѣсколько годовъ. И ярови много испортилъ, и денегъ порядочно пострагнулъ, а толку никакого не вышло. Одинъ опытъ остался, одно горькое убѣжденіе, что на этомъ пути Павлову не помочь. Плетью обука не перешибешь!..

— Значить, что же остается?

— Что остается?.. Остается еще молодое, новое поколѣніе, у котораго и руки, и мозги не очень еще затвердѣли. Съ нимъ-то и можно, и должно еще повозиться. Въ немъ вся надежда, все будущее. Правительству многое уже сдѣлало для нашего села, я, я думаю, еще одно благодѣяніе не составитъ для него ущерба. А между тѣмъ этимъ благодѣіемъ оно можетъ вознаградить и себя, и насъ за тѣ промахи, какіе сдѣланы были прежними... Я говорю объ устройствѣ технической школы. На первый взглядъ она можетъ показатъ-

ся и страннымъ и несбыточнымъ. Для одного села устраивать специальное заведеніе!.. А между тѣмъ, дѣло и просто, и крайне необходимо. Нѣсколько десятковъ тысячъ на основаніе такого училища, программа и права всѣхъ вообще ремесленныхъ училищъ, — вотъ и все, что потребуется отъ правительства. Школа затѣйтъ можетъ содержаться на счетъ самаго села, изъ доходовъ его. Можетъ и въ земство перейти, хотя... это ужъ въ крайнемъ случай. Я полагаю, что павловцы, какъ они ни безалаберны, справятся съ своимъ училищемъ и сами; польза его несомнѣнна, несомнѣнна до такой степени, что даже затвердѣлые мозги моихъ односельчанъ сочувствуютъ почти всѣ этой мысли. Такая школа дастъ намъ черезъ 10—15 лѣтъ новый типъ кустаря, — кустаря ученаго, работника со знаніемъ, а не по привычкѣ, и съ нимъ-то тогда смѣло можно идти въ борьбу съ заграницей. Какія тамъ фабрики и машинъ они ни устраивай, мы отъ нихъ не отстанемъ. У насъ фабрикъ такихъ не будетъ, но за то будутъ вѣрныя, выносливыя руки русскаго кустаря, работающія не хуже любой машины; будетъ знаніе дѣла и готовность примѣниться ко всякимъ условіямъ. Чего нельзя будетъ сдѣлать руками, вышнемъ машины, будемъ штамповать, отливать!..

Тогда вотъ только, когда наши вѣдѣлія вновь станутъ славиться по всей матушкѣ Россіи, когда онѣ ни въ чемъ не будутъ хуже заграничныхъ, тогда и возвышай пошлину, тогда и артели устраивай и ссуду опять можно дать. Тогда мы будемъ ужъ достаточно воспитаны на новомъ пути, приучимся цѣнить и свое искусство и заботы правительства объ насъ. Тогда и само правительство, наученное старымъ опытомъ, приметъ другія мѣры, чтобы деньги его не пропали втунѣ. Тогда не грѣхъ и не срамъ будетъ ему *поощрить* родное производствѣ, повышеніемъ-ли пошлину, ссудой-ли, все-равно чѣмъ,—тогда это будетъ достойная награда достойнымъ сынамъ отечества. А теперь... сдѣлай оно это теперь, я бы первый, хотя я и сынъ моего отца—кустаря, хотя и выгоды имѣлъ бы отъ этого большія, я бы первый сказалъ, что это грѣхъ и непростительная оплошность!.. энергически заключить III—съѣ.

Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ слегка уже насмѣшливымъ голосомъ.

— Вотъ, новычѣ лѣтомъ выставу въ Назнемѣ устроили. Видѣлъ-чай на армякѣ?

— Какъ же, осматривала.

— Ну и что-жь, какое заключеніе вынесли?

— Да ничего, на видъ оно красиво!

— На видъ... А вотъ на дѣлѣ-то что выходитъ, вывкли?... Выставка-то навава *кустарно-промышленной*. Значитъ, подрагуиваешь, что выставлены дѣла кустарей. А много ли вы ихъ видѣли тамъ?

— Не особенно, признаться.

— Ну вотъ!.. Вотъ какъ у насъ поощряютъ отечественную промышленность!.. На кустарную выставку поватакали машинъ, паровозовъ... Для глаза-то оно ладно выходитъ, а для кустарей, для дѣла—какая отъ нихъ польза?.. Видѣ тамъ заводчикамъ отданы лучшія мѣста, ихъ дѣла выставлены въ самомъ лучшемъ видѣ, цѣлыя горы воздвигнуты ими, зритель, значить, и останавливается подлѣ ихъ. А нашимъ кустарямъ, что?.. Угли темные отдали. И тутъ даже, кто побѣдѣй, заиртала въ самый задъ; кто побогаче—впередъ. Завьяловъ вотъ, напришибъ, впереди всѣхъ красуется, цѣлымъ отдѣломъ занялъ; за нимъ Колманъ, Кондратовъ и проч. Витрины у нихъ красавы, нарочно для выставокъ и устроены, а спросите—какой смыслъ въ нихъ?.. Развѣ это тѣ именно вещи, какія готовятся у нихъ на фабрикахъ?.. Развѣ такія цѣны имъ, какъ вывѣшена?.. Сунитесь-ка купить любую вещьцу, вамъ отвѣтатъ: продана! Все у нихъ продано, потому что они *ничего* не могутъ продать. Всякая вещьца имъ самимъ стоитъ втрое, противъ показанной цѣны, потому что сдѣлана только для образца, для выставокъ. Тамъ и таскаютъ ихъ съ одной на другую. Теперь наступаетъ раздача наградъ. Что же выходитъ?.. Выходитъ вопиющая несправедливость!.. Завьялову даютъ золотую медаль за добротачественность и *дешизину* дѣлѣй, а какому-нибудь бѣдному и темному кустарю, котораго замокъ торчитъ въ тѣни, въ самомъ углу, надъ которымъ ояъ синю не разгибалъ цѣлыя ночи,—самое большое — почетный отамъ. Да и это, впрочемъ, въ конъ гѣбен случится. Дадутъ тому, кто побогаче, кто умѣлъ впередъ выставиться.. Спрашивается теперь, что за смыслъ такихъ выставокъ?.. Богатые фабриканты и заводчики и такъ увѣшаны ужъ медалями и такъ достаточно ужъ вѣстны понувателямъ, популярны, такъ-сказать, бѣдныхъ кустарей никто не замѣчаетъ, потому что ихъ едва только *допускаютъ* на выставку — зачѣмъ же, спрашивается, называть такую выставку *кустарной*!.. Зачѣмъ кричать о пользѣ ей, о справедливо-

сти?.. Такимъ путемъ не поощряшь нашего гибнущаго кустаря, а только озлобишь его, работу изъ рукъ выбьешь...

На топкихъ губахъ Щ—она задрожала горькая, почти злобная улыбка. Я не могъ сомнѣваться въ искренности его словъ, вида эту улыбку, не могъ и потому еще, что самъ былъ свидѣтелемъ описанныхъ имъ сценъ.

Зайдя въ первый разъ на кустарно-промышленную выставку въ Пльземъ, я залюбовался красивыми глыбами мыла, украшавшими витрину какого-то мыловареннаго завода. Мыло на видъ было необыкновенно хорошо, а привѣшанный тутъ же ярлычекъ указывалъ на крайне дешую цѣну его. Спрашиваю, нельзя ли купить кусокъ? Отвѣчаютъ: «здѣсь все продано, а можно купить въ лавѣ, на армаркѣ». Отправляюсь на другой день по адресу, спрашиваю, и получаю отвѣтъ: «такого мыла больше нѣтъ въ продажѣ; оно очень дорого самимъ стоитъ и потому его болѣе не дѣлаемъ».

— Зачѣмъ же выставлено? спрашиваю.

— А это потому, чтобы видѣли какъ у насъ дѣлаютъ, т. е... дѣлали, поправляется пригазничь.

Въ другой разъ, на той же выставкѣ, подхожу въ изыщному порированному шкафику, въ видѣ алтаря, установленному цѣлой батареей красивыхъ стеклянныхъ цилиндровъ съ разноцвѣтными въ нихъ жидкостями. Это витрина одного изъ заводовъ минеральныхъ маселъ. Тутъ же лежитъ и преисъ-курантъ, съ обозначеніемъ безчисленныхъ сортовъ маселъ, керосиновъ, нефтей и маселъ, но цѣнамъ самымъ доступнымъ. Подлюбовавшись, отхожу къ другой, еще болѣе грандіозной витринѣ завода Рагозинъ и Коми. Опять цилиндры, стляники и преисъ-курантъ. И такихъ витринъ нѣсколько. Потомъ спрашиваю у особы женскаго пола, дремавшей тутъ же въ углу этого отдѣла: «Гдѣ можно достать этихъ прекрасныхъ маселъ и маселъ?» — «Вамъ какихъ собственно?» — «Да вотъ, хотя бы этого завода», указываю и на витрину-алтарь. Особа сонно улыбнулась. «Обратитесь въ контору, тамъ-то! Только врядъ-ли, что достанете. Кромѣ керосину нынче кажется такъ ничего не выдѣлаютъ». — «Какъ такъ?.. А эти масла?» — «Эти у насъ куплены для выставки». — «Т. е. какъ же это у васъ? У кого?» — «Въ заводѣ Рагозина.» — «Зачѣмъ же? спрашиваю я полонъ недоумѣнія — «Для выставки. Чтобы дѣла свои замаскиро-

вать, награду получить, покупателя привлечь», отвечает сонная особа съ прощеской улыбкой.

— А у насъ? спрашиваю я ее уже не рѣшительно.

— У насъ-то все есть, какъ значитъ по прейсъ-куранту, уверенно отвѣчаетъ она.

На другой день узнаю отъ одного свѣдущаго въ смазляномъ дѣлѣ, человѣка, что и у Рагозина далеко не все то готовится, что выставлено на выставкѣ.

— Дѣла этихъ заводчиковъ понѣче совѣмъ плохи, пояснилъ мнѣ свѣдущій человѣкъ. Эта выставка для нихъ вопросъ, можно сказать, существованія. Поговариваютъ, что для нихъ собственно и придумали ее. *Кустарно-промышленная* — одна клчка. Кустарей и не выдать. А вотъ заводчинамъ — тутъ дѣйствительно лафа. Великій князь придетъ, самъ награды будетъ раздавать, тутъ его и попросить о поощреніи отечественной промышленности въ видѣ такой *суденки* маленькой. А то безъ нея допнуть. Какъ пить дать — допнуть. Ни одинъ не достигнетъ и году... Тамъ вотъ, на этой выставкѣ и покоятся всѣ ихъ надежды, не даромъ начальство хлопочетъ... Хотятъ и на заводъ одинъ свозить его высочество, чтобы полюбовался, значитъ, самъ грандіозными сооруженіями, которымъ суждено допнуть...

Все это и многое другое еще, что не совѣмъ умѣстно передавать здѣсь, припомнилось мнѣ, когда Щ — овъ, стараясь подавить негодование, въ шутиномъ тонѣ велъ свой рассказъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ, возьмемъ хоть эти выставкѣ.. Сколько отъ нихъ имѣло бы пользы наше производство, какъ и всякое другое вообще, если бы устраивали ихъ умѣло, честно, справедливо. Если бы кустарь былъ увѣренъ, что цѣнить вещь будутъ по достоинству, а не по богатству фирмы, если бы ему объявили, что издѣлія принимаются всякія и у всякаго, — кто-жъ бы отказался послать свое?.. Кто бы не постарался сдѣлать лучшее, что въ его силахъ, лишь бы только заслужить награду?.. У кого не повернулись бы пальцы, будь они хоть самыя затвердѣлые, преладить свой замокъ, ножъ, или что другое такъ, чтобы не хуже они были нѣмецкихъ, английскихъ...

Такия выставкѣ докончили-бы то, что начало-бы у насъ техническое училище. Одно дало-бы знаніе, другое — ршеніе показать его,

примѣнять къ дѣлу. Вотъ когда наше бѣдное село могло-бы назваться счастливымъ, спасеннымъ. А теперь...

Онъ махнулъ рукой и опять горько улыбнулся.

Послѣ нѣвотораго молчанія онъ продолжалъ.

— Есть еще одно средство спасенія, только... оно, можетъ, покажется вамъ страннымъ. Оно какъ-то расходится съ общественнымъ мнѣніемъ...

— То-есть?

— Съ мнѣніемъ о свободѣ труда, о пользѣ кустарной промышленности вообще!.. Говорятъ, вотъ, многіе, что кустарный трудъ увеличиваетъ благосостояніе населенія, развиваетъ его. А я такъ держусь нѣсколько иного мнѣнія. Я люблю этотъ трудъ, потому-что на немъ воспитался; я не спорю, что онъ можетъ развивать, иногда даже можетъ обогатить людей, но все это, въ сожальнію, только *иниода* и даже очень рѣдко!.. Я на себѣ нѣко примѣръ. Я вижу какъ мало людей нослѣдовали моему примѣру и какими ненавистными исключеніями сдѣлались мы, люди побогаче, у нашихъ собратьевъ-кустарей.

Поэтому, съ общимъ правиломъ согласиться не могу.

Дѣйствительность указываетъ, на оборотъ, на обнищаніе, на отупѣніе массъ, занятыхъ исключительно кустарнымъ трудомъ...

А съ другой стороны на подъемъ уровня развитія и благосостоянія при фабричномъ и заводскомъ производствѣхъ, гдѣ населеніе имѣетъ всегда вѣрный и всегда ровный заработокъ. Я не говорю о правотенности, о пьянствѣ; оно, можетъ, и болѣе развито между фабричнымъ и заводскимъ людямъ, чѣмъ между кустарями, но, надо сказать, что и у насъ на недостатокъ этого предмета жаловаться нельзя... Безобразій и у насъ не мало. Но тамъ у него готовый кровъ, часто и пища, а здѣсь — онъ вполнѣ зависитъ отъ прихоти судьбы, отъ каприза покупателя, который живетъ за тысячи верстъ отъ него, отъ заграничныхъ мудростей и машинъ, которыхъ онъ и въ глаза никогда-то не видалъ. Вотъ почему, мнѣ кажется... можетъ быть, я и ошибаюсь... но я думаю, что съ развитіемъ фабричнаго производства у насъ, т. е. въ нашемъ сталѣ-слесарномъ дѣлѣ, слѣдуетъ ожидать поворота къ лучшему въ бытѣ рабочаго населенія. Фабрика убьетъ кустаря — это вѣрно! Но она въ то-же время гостеприимно откроетъ ему свои ворота, гдѣ онъ найдетъ готовый кусокъ хлѣба,

безъ патанія, униженія, безъ вѣчнаго страха за завтрашній день, за осложненіе непонятныхъ ему обстоятельствъ. А если даже эготъ кустарь и не пойдетъ цѣлкою на фабрику, а только помирится съ ней, уступить часть своего производства, измѣнить своимъ вѣковымъ преданіямъ и возьмется за ту часть дѣла, которая-бы не конбуррировала, а помогала ходу фабрики, — а такихъ побочныхъ отраслей въ нашемъ производствѣ нашлось-бы не мало, — тогда, рука объ руку, фабрикантъ и кустарь не боялись-бы никакого соперничества, никакихъ экономическихъ кризисовъ. Вотъ вамъ мое мнѣніе!.. Это послѣднее средство, какое я знаю!.. Можетъ, и не современно, но за то отъ опыта, отъ души говорю, заключалъ онъ съ своей доброй улыбкой на взволнованномъ лицѣ.

Я не беру на себя смѣлости ручаться за подлинность каждаго выраженія, нѣзъ здѣсь приводимыхъ, но, покрайней мѣрѣ, ручаюсь за смыслъ, за послѣдовательную группировку всего того матеріала, который мнѣ сообщалъ мой словоохотливый собесѣдникъ. Много подробностей, понятно, при этомъ приходится упускать — многое, что не можетъ быть передано здѣсь съ достаточной живостью и вратостью.

Послѣ часовъ двухъ нашей бесѣды, когда интересовавшіе меня главнымъ образомъ вопросы были уже достаточно исчерпаны, я осторожно перешелъ на другую тему разговора, — на тему о Варыпаевѣ. Чуть только я коснулся его имени, какъ выразительное лицо Щ—ова передернулось насмѣшливо-злобной улыбкой и узкіе глаза его метнули въ сторону молнія. Но такъ-же мгновенно почти ему удалось подавить въ себѣ эту вспышку злобы, и, когда онъ отвѣчалъ мнѣ, его голосъ звенѣлъ попрежнему мягко и тихо; улыбка выражала обычную иронию и добродушіе.

— Это штука интересная, а вамъ скажу. Пожалуй, поинтереснѣй еще будетъ, чѣмъ наше производство... Имя Варыпаева, надо полагать, займетъ видное мѣсто въ исторіи Павлова. По крайней мѣрѣ въ періодъ его паденія, нищеты, позора...

— Вы его должно быть хорошо знаете...

— Я?? Неизможно-таки знаю, улыбнулся Щ—овъ. — Чуть ли не съ рожденія самого знакомы.

— Тогда не откажите мнѣ поразсказать кой-что о его личности

и дѣятельности. Я многое уже знаю, но все болѣе отрывками. Хотѣлось бы пообстоятельнѣе.

— Извольте!.. Постараюсь дать вамъ самыя вѣрныя и послѣдовательныя свѣдѣнія...

Равсказъ Щ—ова о личности и дѣятельности Варыпаева былъ дѣйствительно такъ обстоятеленъ и подробенъ, что передать его здѣсь въ разговорной формѣ я затрудняюсь. Считаю, однако, предметъ слишкомъ важнымъ, чтобы его обойти молчаніемъ, я попытаюсь передавать его своими словами; при этомъ долгомъ считаю предвѣрять, что все нижеизлагаемое было подтверждено мнѣ впоследствии судебнымъ слѣдователемъ, производившимъ тогда слѣдствіе, и помѣщено въ официальномъ донесеніи его по начальству.

Основныя силы и значенія Варыпаева были положены въ 1872 году, непосредственно послѣ пожара, истребившаго большую и лучшую половину Павлова. Тогда же опредѣляла и система дѣйствій его, равно какъ и средства, въ которыхъ онъ прибѣгалъ для достиженія своихъ цѣлей. Непосредственно послѣ пожара, для распредѣленія между погорѣльцами пожертвованій составилась комитетъ, въ которомъ, кромѣ Варыпаева и болѣе вѣзачточныхъ и надежныхъ крестьянъ, приняли еще участіе: мѣстныя слѣдователь, товарищъ прокурора и становой приставъ. Варыпаевъ въ то время только что начиналъ свою службу волостнаго старшины. Онъ былъ избранъ въ эту должность всего за нѣсколько мѣсяцевъ до пожара, и ничѣмъ особеннымъ еще себя не проявилъ. Мужикъ онъ небогатый, занимался кустарничествомъ, слылъ за умницу и ловкаго малаго. Варыпаеву во что бы то ни стало нужно было себя *проявить*, вставить заговорить о себѣ, в такой случай, самый блестящій изъ блестящихъ, представлялъ именно послѣ опустошительнаго павловскаго пожара. Злѣйшіе враги Варыпаева въ своихъ обвиненіяхъ доходятъ до того, что и самыя пожары объясняютъ слишкомъ низкой каждой его извѣстности. Говорятъ о какомъ-то сторожѣ волостнаго правленія, который будто бы поджегъ первый домъ и послѣ пожара безслѣдно исчезъ. Говорятъ о домѣ Варыпаева, оставшемся въ числѣ немногихъ цѣлыхъ отъ огня, говорить... да мало ли о чемъ говорить. Слѣдствіе не подтвердило ничего этого *официально* (а слѣдствіе, вѣжета, было) и мы не желаемъ ни малѣйшимъ подозрѣніемъ клеветать и безъ того ужъ заклейменнаго «дѣдушку Варыпаева». А потому вернемся къ коми-

тету. При его составѣ — наполовину изъ крестьянъ, наполовину изъ интеллигентныхъ лицъ, Варыпаевъ очевидно, играть замѣтной роли не могъ; онъ былъ связанъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. Поэтому, не долго думая, онъ созываетъ все село на сходъ, говорить тамъ горячую и убедительную рѣчь о правахъ, дарованныхъ крестьянамъ «самоуправленіемъ», о насильственномъ авторитетѣ интеллигентныхъ лицъ, вторгающихся въ личныя дѣла крестьянъ только затѣмъ, чтобы «командовать», а то и «руки нагрѣть», переходить затѣмъ къ главному вопросу дня — къ пожарному комитету, обзываетъ его «везаконорожденнымъ», критикуетъ его дѣятельность, его скуность, его малое участіе въ бѣдѣ несчастныхъ павлопцевъ и, въ концѣ этой ловкой, по всемъ правиламъ риторики, составленной рѣчи, предлагаетъ избрать новый комитетъ изъ однихъ крестьянъ, да и то такихъ, которые были бы болѣе сердечны и отзывчивы къ чужому горю. Эта первая его ораторская попытка на сколькомъ пути исцелителя заключеній имѣла полный успѣхъ. Павлопцамъ не приходилось еще слышать подобнаго краснорѣчія. Они размякли, развѣсили уши.. Только пожилые да посажиточные изъ нихъ отнеслись скептически къ затѣѣ старшины, находя осторожность и умѣренность въ выдачѣ судъ лучшей гарантіей всеобщаго обезпеченія, а интеллигентныхъ членовъ комитета — лучшими и справедливейшими судьями въ бѣдѣ каждаго. Но этихъ было громадное меньшинство. Вся масса сѣраго люда, и до пожара еще считавшаяся голышами, а теперь и совсѣмъ нищихъ, однимъ общимъ крикомъ поддержала рѣчь Варыпаева, превръвъ ее аллюдиентами и даже «ура».

Кровожадные инстинкты этихъ оборванцевъ какъ-то разомъ почували въ словахъ Варыпаева общаеми богатый коритъ, а въ немъ самомъ — сильнаго вождя, готоваго стать на ихъ сторону, въ защиту ихъ грубыхъ интересовъ, ихъ безшабашныхъ головъ, ихъ волчьихъ аппетитовъ...

Сходъ постановилъ избрать новый *крестьянский* комитетъ съ Варыпаевымъ во главѣ и съ членами — по улаванію Варыпаева; очевидно, въ эти члены попалъ одинъ только другъ да родственникъ его.

Благоразумные люди посидѣвши удалиться съ этого знаменательнаго схода; осталась одна сильная масса сорванцовъ-голышей, рѣшившая въ какія-нибудь полчаса участь цѣлаго громаднаго села и положившая здѣсь прочный фундаментъ славной будущности дѣ-

душки Варыпаева». Этотъ первымъ актомъ началась дѣятельность павловскаго узурпатора; дѣятельность не робкая и не постепенная. а сразу, съ перваго взмаху, обнаружившая свои цѣли, свой характеръ и свою силу.

Опираясь на безгласный комитетъ изъ своихъ единомышленниковъ и почитателей, Варыпаевъ, не скрывая даже нисколько своего стремленія къ единовластію, сталъ совершенно произвольно распределять между погорѣльцами и деньги, выданныя правительствомъ, и суммы отъ земства за обязательное страхованіе.

Также произвольно сталъ онъ распределять и мѣста подъ постройку домовъ: кто имѣлъ до пожара домъ въ центрѣ села и кто не былъ изъ его сторонниковъ, тому отводилъ участокъ на окраинѣ и, наоборотъ, переселялъ въ центръ тѣхъ, кто былъ ему преданъ и послушенъ, хотя бы тотъ былъ отчаянный пьяница, валавшійся всегда въ землянкѣ на краю села.

Огромная, страшная сила сосредоточилась такимъ образомъ въ его кулачныхъ рукахъ. Мечъ о двухъ лезвіяхъ занесенъ былъ надъ челюворными, и за кого онъ опускался, того крошилъ, уничтожалъ. На покорныхъ же лилась цѣлая рѣка благодати, сыпалась сотни и тысячи рублей, о которыхъ они никогда и во снѣ не слышали. И встрѣчалъ въ Павловѣ лица, основавшихъ все свое богатство отъ этого пожара. И видѣлъ также и людей, когда-то зажиточныхъ, а теперь жалкихъ, почти нищихъ; одни получали громадныя суммы за разрушенныя лачуги, другіе — и въ 10-й долѣ не были вознаграждены за все свое погибшее въ огнѣ богатое имущество; первые, при этомъ, получали еще обширныя мѣста въ центрѣ села, которыя тутъ же и перепродавались имъ, а вторые — тѣ разумные труженники и отцы многочисленныхъ семействъ, на пепелищахъ которыхъ водворялся пьяные оборванцы, этихъ вторыхъ глави въ ватен, на задворки села, къ «огородамъ», по мѣстному выраженію.

Такъ распорядился неутомимый «дѣдушка», такіе дѣла вершились въ этомъ огромномъ селѣ, въ сердцѣ Россіи, на глазахъ у земства, у власти, у всѣхъ людей, кто могъ и долженъ былъ остановить въ корнѣ выростающее безобразіе; тутъ имѣть мѣста вымысламъ и фактажи, тутъ говорить сами за себя изумительные факты, памятные еще до боли, до бѣшенства, несчастнымъ жертвамъ безпримѣрнаго Варыпаевскаго произвола...

Разгуляться было гдѣ. Правительство отпустило на погорѣльцевъ болѣе 60 тыс. р., земство—болѣе 70 т. руб., не говоря уже о частных пожертвованіяхъ, которыя были очень обильны и которымъ зналъ счетъ одинъ только «дѣдушка»; эти послѣднія деньги прямо шли въ его карманъ, ибо въ отчетности по выдачѣ ссудъ нигдѣ даже не упомянуто о нихъ. Ссуды выдавались безвозвратно тѣмъ, кто и не горѣлъ и, наоборотъ, отказывались дѣйствительнымъ погорѣльцамъ; а если случалось, что этимъ послѣднимъ и давали бездѣлницу, съ нихъ требовали потомъ вдвое и втрое.

Одинъ изъ членовъ этого преступнаго комитета, кажется, единственный *не родственникъ* Варыпаева, такъ разспрашивалъ мнѣ о его дѣйствіяхъ:

— Сидимъ это мы въ этомъ комитетѣ, иногда всѣ, а иногда половина только членовъ; сидимъ и сами не знаемъ, зачѣмъ мы тутъ. Говорить одинъ Варыпаевъ, мы молчимъ и только подписываемъ, что подсунутъ. Варыпаевъ всегда начиналъ съ того, что старшія деньги израсходованы, а новыхъ потребуется столько-то; а куда, зачѣмъ — намъ этого не объяснялось. Вотъ однажды такъ является онъ въ комитетъ и говоритъ прямо, что нужно еще взять изъ банка 10 тыс. руб., чтобы мы подписали требованіе. По обыкновенію, всѣ молчатъ—хоть 20 тыс. требуй, подпишемъ. Я поднимаюсь и заявляю такъ очень осторожно, что ничего не имѣю противъ потребованныхъ 10 т. руб., но хотѣлъ бы прежде знать, на что израсходованы прежнія 60 т. р. Кому дано по сколько?.. «Не потому, говорю, чтобы я такъ усомнился въ правильности, честности и пр., а единственно потому, что мы, члены комитета, выбраны для оцѣнки, такъ сказать, нуждъ каждаго, слѣдовательно, мы и отвѣчаемъ за всякую могущую случиться ошибку. А до сихъ поръ мы только подписывали одни требованія въ банкъ, совсѣмъ не принимая участія въ распредѣленіи денегъ между погорѣльцами. Случись, не дай Богъ, бѣда какая, отвѣтить-то придется намъ всѣмъ. Такъ лучше ужъ знать, по крайней мѣрѣ, заранѣе, за что отвѣчать-то будемъ»... Варыпаевъ, смотря, багровѣетъ и блѣднѣетъ. Въ глаза не смотреть, но я хорошо понимаю, что въ немъ тамъ дѣлается. Убилъ бы, кажется, если бы съ глазу на глазъ. Молчать. Всѣ другіе тоже молчатъ. Общій конфузъ. Только черезъ минуту Варыпаевъ, ничего не говоря, точно и не слышавъ онъ меня, обращается къ первому члену: «Угодно всѣмъ под-

писать?». А глаза такъ и мечутъ огонь, такъ и пронизываютъ того. Испугался бѣднякъ, задрожалъ даже весь. Что-жъ бы вы думали? Одинъ за другимъ такъ всѣ и подписали требованіе. Такъ, ни слова не говоря, и подписали. Я будто и не говорилъ».

— И вы подписали?

— Нѣтъ!.. Я отказался, при особомъ мнѣніи остался. Только не надолго. Въ слѣдующія засѣданія ко мнѣ ужъ Варыпаевъ и не обращался, а черезъ недѣлю меня и совсѣмъ исключили изъ комитета. За эту штуку мнѣ ссуды не дали, да еще обложили тройнымъ окладомъ мірскихъ сборовъ. Такъ и кончилась моя оппозиція. Самъ не радъ былъ потому»...

Нѣкоторые сибѣльчакъ изъ пострадавшихъ подали по начальству жалобу на дѣйствія старшины. Приѣхала изъ Нижняго комиссія, посидѣла, потолжовала и, очарованная любовью и умомъ Варыпаева, ни съ чѣмъ такъ и уѣхала. А положеніе жалобщиковъ послѣ нея стало и того хуже.

Съ громадной суммой денегъ въ полномъ своемъ распоряженіи (свыше 150 т. руб. съ пожертвованіями) и при той власти, которой онъ пользовался какъ старшина, влѣчаніе Варыпаева въ Павловѣ со-здалось на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Раздача пожарныхъ денегъ заняла не мало времени. Варыпаевъ нарочно оттягивалъ время окончательнаго устройства наваловцевъ, чтобы за этотъ срокъ упрочить за собой верховныя права надъ ними. Его дѣйствія въ сферѣ общественной управленія за это время вклонились въ ось одной цѣли— къ воспитанію въ обществѣ убѣжденія, что воля Варыпаева есть законъ — для всѣхъ вмѣстѣ и для каждаго въ отдѣльности. И онъ этого вполне достигъ. Сходы потеряли всякій смыслъ. На нихъ практиковался такой порядокъ, при которомъ никакія возраженія, никакіе протесты противъ господствующей влѣки не имѣли и не могли имѣть ни малѣйшаго значенія. Приговоры по вопросамъ, подлежащимъ разрѣшенію схода, писались заранѣе и писались подъ диктовку Варыпаева; число участниковъ сходовъ никогда не протѣрялось въ натурѣ; впереди эстрады, на которой вѣсѣдало волостное начальство, становились пожарные «золотая рота», по мѣстному выраженію, и преданные слуги Варыпаева; эти передніе всякій прочитанный съ эстрады приговоръ одобряли оглушительнымъ крикомъ и тѣмъ же способомъ покрывали и заглушали всякія возраженія; при-

говоръ послѣ этого считался утвержденнымъ и получалъ законную силу. За неграмотныхъ расписывался всегда кто-нибудь одинъ, избранный для этого тѣмъ же крикомъ и непременно изъ ряньныхъ приверженцевъ Варыпаева. Грамотные же подписывали приговоръ въ волостномъ правленіи и въ одиночку, въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ схода. Утомля такимъ способомъ членовъ схода, прежде на самомъ сходѣ, гдѣ открытія его часто приходилось ждать 5 — 6 и больше часовъ, смотря по количеству собравшихся друзей и враговъ старшины, а потомъ собираемъ подписей, при чемъ, смотря по капризу Варыпаева, можно было ходить въ волостное правленіе нѣсколько дней подрядъ и все-таки не быть допущеннымъ къ подписи, „дѣдушка“ добился очень скоро того, что сходы стали состояться на $\frac{2}{3}$, изъ его ряньныхъ приверженцевъ. Лучшие люди общества, самые умные и самостоятельные, вовсе перестали посѣщать сходы. Ходили только не смѣлые и запуганные, которые не могли имѣть никакого рѣшающаго голоса вслѣдствіе того правила, что рѣшеніе схода утверждается большинствомъ $\frac{2}{3}$. Эти законы $\frac{2}{3}$, если ихъ не было, на самомъ дѣлѣ, всегда находились на бумагѣ, вслѣдствіе подложныхъ подписей, подтасовки именъ и вымышленной цифры общаго количества явившихся на сходѣ. Впрочемъ, и самое ярое враги Варыпаева, въ душѣ ненавидя его, на дѣлѣ часто присоединялись къ его мнѣнію. Спорить было опасно. Варыпаевъ никому, ни когда въ жизни, ничего не прощала. Его месть преслѣдовала врага черезъ дѣланіе годы, десятки лѣтъ и ударила всегда вѣрнымъ и мѣткимъ ударомъ. Смѣльчаки, несогласные подписать тотъ или другой приговоръ, смырялись или требованіемъ недопымки всей заравъ или увеличеніемъ мѣрскихъ налоговъ въ 10 или болѣе разъ. Просматривая книги волостной раскладки за прошлые годы, я самъ видѣлъ какъ иногда цифры мѣрскаго сбора, назначаемаго по раскладѣ, прыгали внезапно съ 2-хъ—3-хъ рублей—до 30-ти, 40, а разъ даже и до 70-ти рублей. Это обозначало, что „дѣдушка“ осерчалъ на строптивата парня и въ отместку прибавилъ ему нуль. Въ этомъ власти его была безгранична; самъ губернаторъ не можетъ помѣшать волостному старшинѣ обложить Сидора 1 рублемъ, а Ивана 70-ю. Чтобы всегда знать въ лицо своихъ враговъ, свою оппозицію, Варыпаевъ не допускалъ на сходкахъ закрытой баллотировки. Даже себя онъ позволялъ выбирать только открытой подачей голосовъ.

Если не помогала денежная *штрафъ*, имѣлось всегда въ запасѣ и другое, болѣе вѣрное средство. Строптивата просто-на-просто устранили отъ участія въ сходахъ; тотъ же сходъ собирался, „золотая рота“ кричала, и несчастнаго вычеркивали изъ списковъ общества на срокъ до 3-хъ лѣтъ. Такимъ способомъ, въ одномъ 1875 г., запрещено было участвовать въ сходѣ 27 лицамъ изъ наиболѣе самостоятельныхъ: послѣдствіемъ этой мѣры былъ немедленный переходъ ихъ изъ крестьянскаго сословія въ купеческое. Вообще, разъ устранинныя изъ общества лица уже болѣе не возвращались въ него, или перехода въ другое сословіе, или оставаясь въ сторонѣ отъ всѣхъ общественныхъ интересовъ.

Дѣйствуя такимъ путемъ, нужно ли имѣть слишкомъ большое количество приверженцевъ, нужно ли даже простое *большинство* на сходкахъ. Каждая мѣра Варыпаева получала савицію вопреки явному *большинству* противниковъ ея, и громко и тихо заявлявшихъ. Если же эта крики, паче чаянія, были слишкомъ громки, Варыпаевъ отлагалъ обсужденіе даннаго вопроса до другаго схода, назначая его въ неудобное для всѣхъ время, а если и этотъ былъ неудаченъ, еще отлагалъ, и такъ до безконечности, пока не измучивалъ своихъ враговъ полудневными сидѣніями въ душной комнатѣ схода, многократными требованіями въ волесть для подписей, словомъ, такъ или иначе, пока не достигалъ своей цѣли. И онъ ея достигалъ всегда, во всѣ 13 лѣтъ своего самодержавія, ни разу не уступилъ ни на волесть своимъ врагамъ, не измѣнилъ ни разу начертанному плану.

Такой разнузданный произволъ, такое нарушеніе на каждомъ шагѣ правилъ, признанныхъ закономъ, вызвали массу жалобъ, порождали ежегодно все новыя дѣла, какъ въ уѣздномъ и губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Сенатъ заваленъ ими, и шутники говорятъ, что въ немъ учредилось цѣлое *Варыпаевское* отдѣленіе. Но ни жалобы, ни слѣдственныя дѣла не только не уменьшились, а скорѣе увеличили авторитетъ Варыпаева. Въ силу какихъ причинъ?—и сказать трудно! Но жалобы всегда вели въ неприятностямъ для жалобщиковъ не только со стороны Варыпаева, но — страннѣ всего, со стороны даже ближайшаго мѣстнаго начальства (!) — гг. исправника и непримѣннаго члена. Тѣ неизвѣстно стояли за умнаго „дѣдушку“, распекали

жалобщиковъ, и всё дѣла, такимъ образомъ, кончались ничѣмъ *).

Сторонники Варыпаева, твердо вѣрующіе въ его неуязвимость во всемъ направленіяхъ, объясняютъ, впрочемъ, послѣднее явленіе довольно просто: „стоятъ, говорятъ они, стѣздить ему въ Пляній, а то и въ Петербургъ, чтобы и дѣла и жалобы не причинили ему никакого вреда“.

И надо сознаться, что факты говорятъ именно за это вѣрваніе...

Все это вмѣстѣ, въ связи съ безконтрольнымъ и безънаказнымъ господствомъ Варыпаева, создало ему среди большинства мѣстнаго населенія престижъ чуть-ли не всемогущества. Если прибавить къ тому же вѣру въ сношенія его, дѣйствительныя, или мнимыя — не знаю, съ высшими правительственными сферами, то понятно будетъ, что собраніе всякаго рода фактовъ о дѣйствительномъ положеніи вещей въ общественной жизни села Павлова было совершенно бесполезнымъ и даже вреднымъ, въ смыслѣ послѣдствія такого лжеизученія, пока во главѣ управленія стоялъ Варыпаевъ. Справедливость этого мнѣнія подтвердилась не разъ и не два; изученіе ли Павлова диллетантами, въ родѣ г. Боборыкина, или инженерными специалистами, въ родѣ... забылъ фамилію, или чиновниками особыхъ порученій отъ губернатора, послышавшимся неоднократно для распутанія Гордиева узла Варыпаевскихъ дѣлъ, или исправниками и непремѣнными членами, ѣздившими мирить жалобщиковъ съ цѣдыми и гостеприимнымъ Варыпаевымъ, или, наконецъ, слѣдователемъ и товарищами прокуроровъ, ежегодно посылавшимся въ Павлово отъ храма нижегородской Фемиды, — всё эти изученія и изслѣдованія принесли съ собой въ результатъ или красивые въ литературномъ смыслѣ, но не вѣрные по сути журнальные очерки, или, въ видѣ сочувствія, подарки въ вѣсколко десятковъ тысячъ казенныхъ денегъ для «поднятія и оживленія» павловскаго кустарнаго промысла, или наконецъ, въ случаѣ издлиннаго рвенія *лицъ*

* Этихъ гг. исправника и неироничнаго члена теперь уже нѣтъ. Они замѣнились въ послѣднее время лицами, гораздо менѣе сочувствующими продолжанію Павловскаго старшинства, — энергичными и честными.

изучившихъ, влезли въ соборъ для нихъ опалу и неприятности. Такъ, я лично знаю одного бывшего чиновника для особыхъ порученій, при одпомъ пзъ бывшихъ нижегородскихъ губернаторовъ, знаю и одного судебного слѣдователя, уволенныхъ отъ должностей вслѣдъ за болѣе или менѣе добросовѣстнымъ изученіемъ общественной жизни въ Павловѣ, изученіемъ не въ пользу Варыпаева. Послѣдній, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

— Приѣзжаю я первый разъ въ Павлово. Останавливаюсь въ приготовленной квартирѣ. Визываю свидѣтелей, допрашиваю и друзей и враговъ Варыпаева. Первые, понятно, рассказываютъ его въ самомъ лучшемъ видѣ; вторые мнутъ, заикаются, отвѣкиваются и въ концѣ концовъ ничего не говорятъ. Что за притча? — думаю. Тѣ же обмѣнники, которые недавно жаловались, теперь почти отказываются отъ своихъ прежнихъ словъ. Начинаю думать, всматриваясь кругомъ и вижу, что всё допрашиваемое какъ-то особенно тревожно оглядывается на одну стѣну. Подхожу туда, и что же? Въ двухъ-трехъ мѣстахъ нахожу отверстія, ловко замаскированныя. А за ними уши и глаза!.. Можете себѣ представить, что пзъ соедѣнной комнаты насъ подслушивали Варыпаевскіе клеветы, которые и доносили ему потомъ, кто и что противъ него говорилъ!.. Я сейчасъ, понятно переѣхалъ на другую квартиру, принявъ самыя тщательныя предосторожности и только тогда кой-чего добился отъ допрашиваемыхъ. Но и то весьма мало; едва-едва только хватить за конецъ нити; а начало ея положено 13 лѣтъ назадъ. До этого начала надо годы копаться и то только при томъ условіи, чтобы ни Варыпаева, ни его клеветовъ и зауху здѣсь не было. А иначе и въ десятки лѣтъ ничего не добьешься!..

Этотъ почтенный судебный слѣдователь, взявшійся за Варыпаевское дѣло съ жаромъ совѣтъ не чиновничьимъ, желалъ обойти сквал формальностей, объ которую до сихъ поръ разбивались всё усилія администраціи и судебной власти.

— Въ этомъ дѣлѣ нельзя дѣйствовать обыкновенными приемами, говорилъ онъ мнѣ. Официально — Варыпаевъ почти не уязвимъ. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы оставить за собой концы, или, по крайней мѣрѣ, чтобы давать ихъ въ руки врагу. 13 лѣтъ постоянной борьбы съ закономъ и правдой дали ему такую практику, которой ни, чиновники съ высшимъ образованіемъ и призваніемъ, далеко еще не

вибѣмъ. Поэтому мы всегда будемъ побиты, какъ это до сихъ поръ в случалося. Слѣдствія и начинались и превращались за недостаткомъ уликъ. Наша компетенція распространялась только на письменные оправдательные документы — а они или въ порядкѣ, или такъ залуганы, что самъ чортъ въ нихъ ногу сломаетъ. Да вотъ вамъ примѣръ. Враги Варыпаева добились-таки разъ, чтобы былъ произведенъ учетъ денежныхъ операцій волостнаго правленія. Варыпаевъ, приматый къ стѣнѣ, согласился, но и тутъ съумѣлъ такъ устроить, что учетъ разрѣшили сдѣлать только за *однимъ* 1888 годъ. Понимаете что это за штука? Сдѣлалъ учетъ и не досчитались 11 тысячъ рублей. Спрашиваютъ — гдѣ? Варыпаевцы говорятъ — въ прошлогоднихъ книгахъ отмѣчены. — Подайте ихъ! Агъ вѣтъ! Эго ужъ, ахъ оставьте! Учетъ разрѣшенъ только за *однимъ* годъ. Что было дѣлать? Учетчики отиссчитали брошюрку о своемъ учетѣ, представили вамъ и просятъ слѣдствія. Вотъ на этомъ основаніи и предписали имѣ привести дознаніе. Что же имѣ теперь дѣлать? Всѣ книги просматрѣть за 13 лѣтъ. Но вы представьте себѣ, что ихъ болѣе *полу-тысячи*, цѣлый архивъ. Загѣмъ, скажите откровенно, не навивно-ли думать, чтобы такой Варыпаевъ, имѣя постоянно при себѣ двухъ-трехъ юрисконсультовъ изъ настоящихъ, *патентованныхъ*, адвокатовъ, не то, что Рыжикъ, — чтобы онъ въ своихъ же книгахъ далъ матеріалъ для прямого или косвеннаго обвиненія себя? Мыслимо-ли это дѣло?. И не ясно-ли, что для слѣдствія необходимо плустирировать добытыя изъ книгъ цифры допросами и другими частными дѣйствіями?. Но допустимъ даже, что — книги все разъяснятъ. Развѣ мы можемъ ревизовать тѣ изъ нихъ, которыя прямо не относятся къ возбужденному дѣлу? Наши права вѣдь тоже ограничены. Мы не вибѣмъ права самолично выходить изъ предѣловъ времени и мѣста возбужденнаго дѣла. Нужно спрашивать разрѣшенія. А дадутъ разрѣшенія, развѣ кто возьметъ на себя добросовѣстно выполнить такой адскій трудъ, какъ провѣрка шагъ за шагомъ, цифра за цифрой 13-ти лѣтъ жизни цѣлаго села, сотенъ объѣханныхъ книгъ?. Врядъ-ли, сильно сомнѣваюсь. Имѣю опытъ на себѣ. Я первый попробовалъ-было тамъ покопаться, кой-что уже раскрылъ, но.. но это отаи доля истины. Я созналъ вполнѣ, что для *цѣлой* истины у меня не хватить ни терпѣнія, ни силъ, просто. Теперь я передалъ это дѣло и всѣ книги моему преемнику и, насколько могъ понять, вижу,

что дѣло это вновь постигнуть старая участь, т. е. забвеніе. Новый слѣдователь хочетъ дѣйствовать на строго официальной почвѣ, слѣдить по приговорамъ общества. Ну, а эти приговоры, какъ я вамъ сказалъ, почти всѣ въ порядкѣ.. А между тѣмъ, подхатыжки оживляясь мой собесѣдникъ, тутъ выходъ такой ясный, простой. Тутъ можно обойтись всѣ формальности и все-таки поддѣлать Варыпаева. Слѣдуетъ только поставить вопросъ нѣсколько иначе: правильно-ли и законно-ли составлялись сходы и какъ на нихъ обсуждался вопросъ?. Вотъ настоящая канва для слѣдственной работы. И на ней можно такіе узоры вывести, что в книги не понадобится. Если имѣть, если будетъ дознано, что всѣ сходы собирались незаконно, что старшина употреблялъ *маски* при подписаніи приговоровъ: тогда, естественно, эти приговоры сами собой рушатся. Тогда и все то, что теперь защищено документами, подписями, все это получить характеръ произвола, преступления, и ужъ отъ слѣдователя будетъ зависеть за любое изъ нихъ, хоть за одно какое для примѣра, расквѣдовать его до основанія, и этого одного, повѣрьте достаточно будетъ, чтобы почтеннаго «дѣдушку» учечь въ не столь отдаленныя..

— Отчего же вы всего этого не сдѣлали?

— Я?. Во-первыхъ, я это и началъ дѣлать, и сдѣлалъ бы, если бы могъ вести слѣдствіе, какъ я хотѣлъ. Но я же вамъ говорилъ, что пова въ Павловѣ существуетъ только запахъ Варыпаева — это немислимо. Да позвольте, я вамъ лучше въ трехъ словахъ расскажу, что я встрѣтилъ тамъ: черезъ нѣсколько же дней по прѣѣздѣ, я ясно различилъ среди Павловскаго населенія три равныя партіи: *первая* — состоятъ изъ беззавѣтныхъ приверженцевъ Варыпаева, пользующихся вѣрою общественнаго пирога, надающихъ отъ его стола; *вторая* — можетъ и разумѣть всю непривлекательность его дѣйствій и не сочувствуетъ ему, но, страха ради іудейскл, подчиняется, не желая навлечь на себя разныя невгоды и извѣрившись въ возможность избавиться отъ такого положенія вещей, наконецъ, третья, сравнительно незначительная по числу, не перестаетъ жаловаться и протестовать противъ нежелательнаго и ненормальнаго порядка. *Первая* группа состоятъ исключительно изъ людей маловмущихъ или даже совсѣмъ не имущихъ, которые мало заинтересованы въ благо-состояніи сельскаго общества. Члены ея, не имѣя никакой цѣны, ни авторитета въ средѣ населенія, черпаютъ свое значеніе отъ Вари-

наева и дѣйствуютъ по его предназначеніямъ, какъ слѣсныя и безотвѣтныя орудія въ его рукахъ. Не будь Варыпаева, они, какъ люди неимущіе, недалекие и малограмотные, оставались бы по необходимости въ тѣни, въ заднихъ рядахъ общества; теперь же, волею его, попадаютъ вдругъ въ составъ высшаго сельскаго управленія, въ качествѣ его кандидатовъ, помощниковъ, уполномоченныхъ, доверенныхъ, пожарныхъ, писарей, адвокатовъ, «писателей» и проч. и проч.

Получая отъ Варыпаева значеніе, дѣлу и хлѣбъ насущный и не имѣя возможности удержаться въ этомъ положеніи безъ его поддержки, они, очевидно, будутъ при всякихъ условіяхъ, при всякихъ обстоятельствахъ, безпрекословными исполнителями его вѣлій. Поэтому, оставленіе во главѣ волости этихъ сподручниковъ Варыпаева, даже при временномъ удаленіи его самого отъ должности, не можетъ имѣть для системы управленія ровно никакого значенія, ибо дѣйствующимъ лицомъ все-таки остается ни кто иной, какъ Варыпаевъ. Положеніе это доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ характернымъ фактомъ: Варыпаевъ, какъ извѣстно, болѣе 12 лѣтъ управляетъ Павловской волостью, а между тѣмъ, de facto, юридически, при дѣлахъ, за все это время, въ общей сложности, находился всего нѣсколько мѣсяцевъ; остальное время — въ отпуску, въ разъѣздахъ. Чаще всего, онъ бралъ отпускъ, но оставался дома. Тѣмъ не менѣе, во все это время, господствовала его система проповола и терроризированія населенія. Очевидно отсюда, что, за спиной своихъ сподручныхъ, всегда дѣйствовалъ самъ «дѣдушка», потому что вести дѣло такъ систематично и такъ держи-си дѣло, они бы по глупости своей не сумѣли, да и не посмѣли бы. Самая роль, которую такъ долго навязывалъ имъ Варыпаевъ, доказываетъ до какой степени они глупы, безотвѣтны и вполне ему подчинены. Вѣдь пользуясь фактически властью и плодами ея, и оставляя юридически во главѣ управленія этихъ умницъ, онъ, тѣмъ самымъ, возлагалъ на нихъ всю отвѣтственность свою систему и дѣйствія. Само собою разумѣется, что заставлять ближнихъ такъ безцеремонно таскать для себя въ огня каштаны можно только въ томъ случаѣ, когда этотъ ближній находится дѣлкомъ и безповоротю въ нашихъ рукахъ. Все это доказываетъ, что юридическое устраненіе Варыпаева отъ власти далеко еще не устраняетъ его фактически, а слѣдовательно что, принявъ одиѣ официальными сухими мѣри, нельзя еще успо-

коиться, сложить руки и предать это Павлово волѣ Божіей. Напротивъ! При такихъ условіяхъ, гдѣ съ одной стороны, дѣйствуетъ крѣпко сплоченная общими интересами явля и дѣйствуетъ по суровой системѣ, ослѣпленной многолѣтнимъ опытомъ, а съ другой — раздаются слабые протесты отъ разрозненныхъ и немногочисленныхъ единицъ, пальятивныя средства и полумѣры не только не поправятъ дѣла, но еще ухудшатъ его и только обострятъ взаимныя отношенія. При подобной обстановкѣ, тѣмъ болѣе вопросы будутъ оставаться открытыми, тѣмъ меньше будетъ оставаться шансовъ къ правильному рѣшенію ихъ, къ раскрытію истины. Вотъ почему я настаивалъ на смѣщеніи всего павловскаго служебнаго персонала, на расширеніи слѣдствія внѣ официальныхъ рамокъ, на дарованіи полной инициативы дѣйствія слѣдователя. Меня только на-половину выслушали и я только на-половину могъ выполнить свое дѣло. Теперь же, кажется, и этого не дадутъ новому слѣдователю, ну и... надо полагать, что онъ дальше моего не уйдетъ.

Мой собесѣдникъ все это говорилъ съ горькимъ видомъ человѣка, которому поперегъ широкаго и аснаго пути поставили вдругъ каменную стѣну.

Павловское дѣло затронуло въ немъ всѣ струны талантливаго слѣдователя и честнаго, прямаго, смѣлаго человѣка. Онъ нахмурился на него съ жаромъ самоотверженія, онъ мнилъ освободить дѣловое село, дѣлами тысячи людей отъ рабскаго и коварнаго ига; вѣрилъ, что этимъ дастъ ему новую жизнь, новый ростъ, подыметъ и материальный и нравственный уровень этихъ тысячъ голодныхъ людей, извращенныхъ до корня въ пониманіи закона, правъ собственности и честнаго труда; онъ думалъ раздавить коррупна, нависшаго надъ этимъ селомъ, и, вмѣсто того, еще не схватившись съ нимъ, самъ отступилъ, самъ долженъ былъ выпустить изъ рукъ оружіе. Въ немъ говорило негодованіе, затаенная, невысказавшаяся сила и оскорбленное самолюбіе.

Разговоръ этотъ происходилъ между нами еще за долго передъ моимъ посѣщеніемъ Павлова. Тогда я могъ только удивляться, поражаться и сомнѣваться. Теперь же, когда я слышалъ полувзволнованную, полунасмѣшливую рѣчь Ш — ова, когда я сравнивалъ оба разсказа и обояхъ разсказчиковъ, и въ томъ и въ другомъ находилъ много общаго, почти тождественнаго, я уже не удивлялся и не сомнѣвался. Одинъ говорилъ серьезно, почти занальчно, другой — съ спо-

койной усмѣшкой на губахъ, но съ такой же краской негодованія, съ таинствѣ-же огнемъ на щекахъ и въ глазахъ.

— Онъ умѣлъ понять, разгадать насъ, говорилъ мнѣ Щ—овъ, въ этомъ вся его сила и весь нашъ позоръ. Да! Въ этомъ и ян въ чемъ другомъ. Были-же и до него у насъ умные люди, были и мещеники не лучше его, однако никто не могъ найти себѣ такъ удачно точку опоры въ нашихъ слабостяхъ, какъ онъ. Это, положимъ, достоинство всѣхъ умныхъ и ловкихъ людей; но врядъ-ли гдѣ еще есть такая богатая почва для нихъ, какъ у насъ. Варыпаевъ сразу смекнулъ кого и чего ему слѣдуетъ держаться, чтобы быть популярнымъ вождемъ. Другой, на мѣстѣ его, пожалуй, применилъ-бы къ намъ, богатымъ, въ расчетѣ поживиться на нашъ счетъ. Онъ, напротивъ, сразу поднялъ мечъ свой противъ насъ, въ защиту явобы бѣднаго и угнетеннаго кустара. Однимъ выстрѣломъ онь убивалъ трехъ бобровъ: 1-е, заслужилъ симпатіи всѣхъ лѣвтяевъ, нищихъ, пьяницъ, а въ первое время даже и честныхъ тружениковъ, что дало ему на сходахъ всегда надежный оплотъ; 2-е, привлекъ на себя вниманіе интеллигентнаго общества, людей умныхъ и гуманныхъ, видѣвшихъ въ немъ чуть-ли не народнаго апостола, а затѣмъ и вѣстныхъ и даже высшихъ государственныхъ властей, отличившихъ въ немъ образцоваго старшину, и наконецъ либеральной печати, привѣтствовавшей въ немъ проводителя гуманныхъ началъ, *смысла народа*, отвоевавшаго у кулаковъ интересъ бѣдной и низшей братіи, и 3-е, пробилъ себѣ дорогу къ волостному источнику волостной казны, который далъ ему гораздо больше, чѣмъ могли дать мы, и черпать изъ котораго можно было безъ мѣры, подѣ припрятіемъ все тѣхъ-же интересовъ притѣсняемой братіи. Уже лучше этого, кажется, трудно было устроить... А между тѣмъ, взгляните, что вышло?. До чего народъ дошелъ за эти 13 лѣтъ разгрома, безшабашности. Я вамъ давеча говорилъ о причинахъ паденія нашего производства, а теперь скажу о причинѣ паденія нашихъ нравовъ. Одно съ другимъ въ связи. Не испортился такъ народъ, онъ бы работалъ гораздо лучше, а нашъ кризисъ, если бы онъ и случился, былъ-бы отложенъ на много лѣтъ позже. Варыпаевъ его ускорилъ! Онъ прямо, всѣмъ дѣйствіями своими, всякимъ начинаніемъ, толкалъ бѣдныхъ кустарей въ омутъ, гдѣ они теперь находятся, увѣряя при этомъ ихъ и дѣлѣй свѣтъ, что онъ ихъ ведетъ въ счастливую Аркадію, а это мы, скушники и

фабриканты, одни мы только губимъ и производство и производителей. Ему вѣрило это стадо барановъ, съ которыми онъ дралъ и кожу и шерсть, вѣрили и многіе другіе. Насъ оплевали, насъ хотѣли убить, уничтожить... Устроили артели,—осѣдлись. Это еще, впрочемъ, ничего. Липшій опытъ не мѣшаетъ. Пострадала только матушка казна... А вотъ, что этотъ сѣдовласый патріархъ продѣлывалъ у себя на дому, подѣ своимъ кровомъ, или публично на улицахъ,—это ужъ очень—*чмо*.

Щ—овъ многозначительно помолчалъ.

— А что такое? полюбилъ-то-говаривать я.

— Да пьянство одно, развратъ, вотъ что. Съ утра какъ встанетъ, облекется въ халатъ, расположится на своемъ диванѣ, ручки на животѣ сложить, глава въ землю уткнется и сидитъ этакъ, ни дать ни взять, сподвижникъ святой, а кругомъ него и Содомъ и Гоморъ. Да вотъ хотите, я вамъ его представлю.

Щ—овъ быстро вскочилъ съ кресла, пересѣлъ на диванъ и припалъ уморительно-наивную позу.

— Не преувеличиваю, ей-Богу! Я ужъ изучилъ всѣ жесты его до тонкости... Такъ вотъ-съ, каждое Восьме утро повторяется та же исторія. Съ постели на диванъ, и на лицѣ застываетъ величіе, покой, кротость и смиреніе. Диванъ то какъ разъ приходится противъ входной двери, а надъ нимъ дѣлан коллекція его портретовъ, въ самыхъ эффектныхъ позахъ, такъ что входящій невольно первымъ дѣломъ птаивается глазами на эту величественную картину. У стѣны, сейчасъ отъ входа направо, столъ съ водкой и закуской. Водка день деньской не сходитъ со стола. Хоть ведро выпьютъ, другое сейчасъ является. Никому отгазу нѣтъ. Приходи съ улицы любой, кто хочетъ наливай, пей, только кланяйся хозяину, да понижее... Входитъ это оборванецъ. Съ порога еще отъѣшиваетъ въ полъ поклонъ.

— Здравия желаю, батюшка Василій Никитичъ!

— Здравствуй!..

Щ—овъ проговорилъ это „здравствуй“ тоненькимъ голосомъ на распѣвъ, поджавъ вѣкъ-то особенно комично губы.

— Изъ вашей милости съ просьбой... Вѣтъ нечего!..

— А что?

— Скушники одолали. Товаръ не берутъ... Задаромъ продать...

— Восьми! И такимъ жестомъ этакъ, не подымая глазъ, точно

колдуня для заклинанія, протягивает руку. Оборванецъ бросается къ ней, сгибается—и серебряный двугривенный падаетъ въ его заскорузлую ладонь. Потомъ опять ручьи сложить, опять сидитъ безмолвень и великъ. Въ глаза такъ и не взглянетъ. Кто просить, кому дать—и вѣдать не хочетъ.

— Благодарямъ покорно.. Только позвольте погрѣться!.

— Намей.. Оборванецъ задомъ нянется къ столу, наливаетъ, пьетъ, опять земной поклонъ и уходитъ. За нимъ тѣснится уже другой, третій, десятый, сотый и такъ, какъ мутный потокъ, вся голытьба перебивается вся, „золотая рота“, вси швалы, всѣ отбросы общества.. И по двугривенному получать и водкой напьются. Съ шумомъ, съ гамомъ уходятъ, а лодь огнями еще „ура“ своему отцу-благодѣтелю кричатъ. И на всякомъ буйство, на всякую гадость способны тогда идти за него, куда прикажетъ, куда вотъ эта словойновеличественная рука его, что рассыпаетъ дождемъ двугривенные, махнетъ, укажетъ.. Вотъ въ чемъ заключается его главное занятіе по управленіи селомъ. Вотъ его административныя способности, его политика, желчно улыбнулся П—овъ.

— А вотъ и еще вамъ —сцены на улицахъ:

Правдникъ, гульбища, хороходы. Толпа пьяна, гогочетъ, жмется Оборванцы въ полномъ своемъ составѣ и въ самомъ настоящемъ своемъ видѣ. Безобразія, словомъ, вдоволь. Вдругъ вся эта силоватая масса дрогнула, шлокнулась. Раздаются крики: „Посторожись!.. Василій Никитичъ идутъ“.. И мигомъ пьяницы смпрются, очищаютъ путь. По немъ важно плыветъ дѣдушка, въ распашомъ кафтанѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, ну, точь въ точь знатный бояринъ. На обѣ стороны кланяется, улыбка, взоръ свѣтится миромъ..

— Дѣвки, покачайте.. вдругъ пропоеть.

И дѣвки толпой къ нему, хватаютъ подъ руки, сажаютъ въ качели, качаютъ.

— Спасибо, возьмите.. опять пропоеть и протягиваетъ пухлую руку. Изъ нея падаетъ пяти-рублевая бумажка.

— Дѣвки, подѣлуйте!.. Дѣвки гурьбой чмокаютъ, обнимаютъ..

— Такъ, такъ!.. Спасибо, вотъ вамъ еще.. и ужъ изъ закладочной ладони выпадаетъ красная, а то и вся бѣлая.

Зимой еще, бывало, выйдеть изъ своего дома, тутъ сейчасъ и гора крутая внизъ, мальчишки на салазкахъ катаются. Къ нимъ подходитъ.

— Дѣтки, покатайте!.. «Ура, дѣдушка»!.. завопятъ тѣ, и сѣдовласый дѣдушка летитъ стремглавъ съ горы. За это тоже по двугривенному. А двугривенные-то эти, выхвѣстъ съ десятилѣтними гербами, также стремглавъ лететь въ бабаль..

А то еще начнетъ ходить по улицамъ да заглядывать въ окна самыхъ бѣдныхъ хатъ.

— Какъ поживаете?.. пропоеть въ одну какую.

— Плохо, батюшка ворилецъ нашъ, совѣкъ плохо! Вотъ изба второй день не топлена..

— Возьмите!.. И опять волшебная рука роняетъ волшебный двугривенный.

— Ну-съ, такъ вотъ эдакимъ порядкомъ одарялъ онъ всю пашу нищю и пьяную братію. Что на это уходило денегъ — одинъ онъ про то знаетъ. Мы же всѣ знали только одно, что ладонь его ни на мигъ не иссыхала, что въ нее точно кладъ переселился. Мы слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ ея со страхомъ и трепетомъ: Мы ждали изъ нея то золотого дождя, то безжалостнаго смертнаго приговора.. Вотъ-съ вамъ живописное изображеніе нашихъ оупущеній. Судите сами, въ чему все это должно было привести, въ чемъ тутъ былъ настоящій смыслъ. Безъ счету и безъ запянки лились наши кровныя, трудовыя деньги въ дырявые карманы «нашей братіи», на потѣху имъ и на погубу намъ. Много Варинаевъ роздалъ двугривенныхъ, но значить много и себѣ припряталъ, коли былъ такъ щедръ. Всякій пойметъ, откуда брались эти двугривенные. А какіе результаты они съ собой принесли,—это вотъ не всякому извѣстно. Нѣкоторые вонъ говорятъ: «отъ общества влялъ, обществу же и раздавалъ».

Во-первыхъ, онъ бралъ деньги съ мущцкъ, съ трудящихся и раздавалъ ихъ пьяной, въ къ чему не способной, голодной голытьбѣ. Онъ пручилъ ихъ въ даровой водкѣ, въ шатающъ, въ даровымъ двугривеннымъ, къ мысли, что «Василій Никитичъ выручитъ.. имъ все можно».. Отнимая иногда послѣдній рубль у труженника, который не пожелалъ быть ему вѣрнымъ рабочемъ, и давая изъ него двугривенный гулякъ-нищему,—какое же доброе, гуманное дѣло творилъ онъ? Одного разоралъ, другого сплавилъ, и только себя одного, свой карманъ не забывалъ. Съ каждаго рубля туда аккуратно отправлялось восемь гривенъ..

Возьмите и дальше. Чего онъ достигнулъ своей хвалевою защи-

той «бѣдной братіи» противъ насъ, кулаковъ?... Съ одной стороны вселялъ въ этихъ бѣдняковъ ненависть къ намъ, неуваженіе къ чужой собственности, къ чужому труду; съ другой—оттолкнулъ насъ отъ общества, отъ всякой дѣятельности на пользу его. Если вустарь теперь ненавидитъ скушника; если оня убѣжденъ, что скушники его разорили,—то только потому, что Варыпаевъ 13 лѣтъ толковалъ ему объ этомъ. И если оня еще не проникся животной ненавистью къ намъ, не идетъ противъ насъ въ волю, то благодаритъ за это слѣдуетъ не вліаніе на него Варыпаева, а только собственный инстинктивный страхъ передъ отвѣтственностью, добродушіе русской натуры и ту старую вѣковую связь между нимъ и намъ, которая всо-сава была нмъ съ молокомъ матери и передалась изъ поколѣній въ поколѣнія. Мы тоже чуемъ эту связь; между нами, людьми наживы, есть тоже не мало сердце, отзывчивыхъ къ бѣдѣ роднаго села, къ страданіямъ нашихъ братьевъ. Наша разнообразная дѣятельность нашъ образъ жизни, наши средства, наконецъ, дали намъ большія преимущества передъ нашими братьями-кустаремъ и въ жизненномъ опытѣ и въ умственномъ развитіи и въ возможности быть ему полезными. Развѣ мы не употребили бы всѣхъ этихъ даровъ нашихъ къ общему благу, если бы насъ не оттолкнули, не оплевали, не отторгли бы отъ роднаго гнѣзда? Развѣ мы бы вышли изъ общества, если бы на сходкахъ слушали нашъ голосъ, совѣтовались бы съ нами? Нѣтъ!.. И я, и многіе другіе—мы бы служили зѣрой и правдой родному селу и по сей день, своими средствами питали бы его прорѣхи, будь только Варыпаевъ справедливей къ намъ!.. Кровопійцами, пьянками прозвалъ, горько усѣхнулся Ц.—онъ. А чю же кровь пять могли мы, какъ не свою собственную?.. Эхъ!.. Не объяснили въдѣ всего этого... Онъ судорожно поправилъ воротъ рубахи и замолчалъ. Черезъ минуту онъ началъ снова:

— Когда вотъ лопнули наши знаменитыя артели, кредитъ Варыпаева, казалось, подорвался. Мы задохнулись. Думали: «вотъ, теперь наша очередь». Не тутъ-то было. Дѣдушка не медля сочинялъ новую «идею» — техническую школу. Опять въ казну: «денегъ нѣтъ, ссудите!» А спросили ли его тамъ, куда дѣлать оны артелями и пожарныя деньги, куда дѣлаеть и всѣ доходи села?.. Почему въ 13 лѣтъ управленія оня не могъ сколотить вѣсколькихъ десятковъ тысячъ на эту школу?.. Вѣдѣ село даетъ ежегодно до 40 тысячъ руб-

лей—это, замѣтите, *заснымаъ*, не говоря уже о *скривимаъ* доходахъ. Одиѣ алебастровыя лопки могутъ дать тысячъ 20 аренды, а Варыпаевъ устроилъ при нихъ своего рождественника, который платитъ въ село всего 4—5 тысячъ. Но, ваявъ даже одинъ оффициально извѣстный доходъ села, — куда оны его тратитъ? Вѣдѣ видѣли сами, каково наше общественное благоустройство. Мостки подъ ногами прыгаютъ, грязь по колѣни, два фонаря на все село. Волостное правленіе въ вонючемъ подвалѣ помѣщается. Такъ развѣ изъ этихъ же денегъ нельзя было откладывать хоть по 5 тысячъ рублей въ годъ? Въ 13 лѣтъ составилъ бы капиталъ до 100 тысячъ рублей—и школа готова. А вотъ не придется же въ голову никому у васъ тамъ, въ Петербургѣ, изъ тѣхъ вотъ, кто золотые нафтаны раздаеть, спросить объ этомъ волостное начальство. Отвѣтитъ, пожалуй, опять тысячъ 50 — стройте, молъ, дѣлайте, что хотите! И выстроитъ, пожалуй, такое же училище, какъ артели соорудили.. Послали вотъ тоже инженеровъ пзучать. «Къ Варыпаеву, говорятъ, обратитесь! Все намъ, какъ на ладони выложить». И обратились. Оня принялъ ихъ съ почетомъ, угостилъ на славу. «Все покажу, говорить, сами убѣдитесь». Поевъ по селу. Въ одну хату заходить.. Вѣдѣность, нищета... Въ другую, въ третью—тоже. Вездѣ сидитъ вустарь, иногда голый совѣкъ, согнулся въ три погибели, работаетъ. Инженеръ съ разспросами къ нему: «Что дѣлаешь? Какъ дѣлаешь? Давно ли? За что продаешь? Кому?». Оня ему и расписываетъ. «Дѣлаю вотъ такъ-то работаю и день и ночь, въ потѣ чела, несу на базаръ, продаю скушнику, даетъ оня мнѣ столько-то!» Ахъ, какъ мало!.. вскрикиваетъ инженеръ. — „Вѣрно, вѣрно, что мало, совѣкъ разорили насъ эти скушники, всю кровь высосали“, плачется вустарь и прочее и прочее. И вездѣ то же самое:

„Работаю въ потѣ чела, а не зарабатываемъ и на кусокъ насущнаго хлѣба“. Все молъ, намъ, скушникамъ идти.

Видѣлъ, тадытъ манеромъ, вапъ ученый инженеръ и голыхъ работниковъ, и чахлыхъ дѣтей, и истощенныхъ женщинъ, вѣщушихъ желѣзо. Все одинъ колеръ, всему виноваты скушники. Изучала такими образомъ насъ и беллетристы, и живописцы. Написали и статьи по этому поводу. Цифры, выводы, все это имѣется тамъ въ достаточномъ количествѣ, все сообщено Варыпаевымъ и голодающими вустарями. Ну-съ, а что въ нихъ правды-то? Описыватели-то эти са-

мне и не подозрѣвали видно, что ихъ возили туда, въ тѣ избы, въ какия *нужно* было для расчетовъ Варыпаева. Что въ каждой такой избеки сидѣлъ посаженный туда одинъ изъ „Золотой роты“, что говорилъ онъ то, чему его выучилъ наставникъ Варыпаевъ!.. И вышла поэтому сдѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Много толкаго, много правды, но ва то и вздору-то, вранья сколько! Главное, освѣщеніе не то! Такъ и читаешь между строкъ Варыпаева съ его лицемерной опекой, съ его крокодиловой слезой надъ нашей „лицей и угнетенной братіей“!.. Кому какая польза отъ этихъ описаній?.. Одинъ раздоръ, одну сумятицу поселяютъ они въ нашей семьѣ, и безъ того ужъ надорванной взаимной враждой, да ловко разогрѣтыми хлещими истинстами. Потемки такъ и остались потемками, только столкнулись въ нихъ еще разъ наша лбы отъ просвѣтительскихъ стараній Варыпаева и гг. изучателей!.. Больно, грустно, невѣроятно даже все это кажется, но, въ несчастіи.. въ этомъ одна нагая правда. У меня личныя счеты съ Варыпаевымъ нѣтъ. За родану душа болить, за братьевъ!.. завочилъ Щ—овъ, отворачивая свое блѣдное съ выступившими красными пятнами лицо.

— Но скажите, а теперь, когда его устранили, все еще сильна его партія?

— Сильна-то она сильна, только не такъ ужъ многочисленна. Вотъ, на послѣднихъ выборахъ, когда, по приказанію губернскаго пресудствія, выбирали новаго старшану, тогда за Варыпаевскаго кандидата подали всего 270 голосовъ, а на сходѣ было около тысячи всего. А почему? потому что на этотъ разъ неправникъ настоялъ на закрытой баллотировкѣ. Не будь этого, многіе бы струсили, и опять у насъ сидѣлъ бы Варыпаевскій ставленникъ. Но, по пословицѣ, „малъ золотникъ да дорогъ“. Какъ ни малочисленны Варыпаевцы, однако вотъ, на послѣднемъ еще дѣлѣ съ кабаками, тутъ была возня—поставили-таки на своемъ!.. Какими средствами, тамъ потомъ разберутъ, а вышло по ихнему.

Нѣтъ, скажу я вамъ!.. Не скоро намъ еще отдѣлаться отъ Варыпаевщины! Хотѣ на Сахалинъ его самого ссылай, а духъ его все же останется у насъ, въ Павловѣ. Приничка къ даровому угощенію, къ даровымъ двугривеннымъ, къ крику и грубой брани вмѣсто толковаго разговора, развѣ такъ вотъ сейчасъ ее и выгонять вмѣстѣ съ дѣдушкой?.. Нѣтъ! Шалишь! На этотъ счетъ утѣшать себя нельзя!

Дай Богъ намъ избавиться отъ Варыпаева, а отъ Варыпаевщины!.. та пусть хоть съ слѣдующимъ поколѣніемъ исчезнетъ!.. Благо сейчасъ въ пору приплась русскому ядру!.. „Не препятствуй, заклатю“!..

— Скажите еще одно слово! Извините, что я такъ долго васъ мучаю! Развѣ не было здѣсь губернатора, который бы обратилъ серьезное вниманіе на все это безобразіе?

— Какъ не быть! Были!.. Да вотъ и настоящій г. начальникъ губерніи, кажется, очень недоволенъ Варыпаевымъ. Хочетъ серьезно завяяться имъ! Ну, а прежніе—какъ тамъ было, не знаю, только Варыпаевъ всегда умѣлъ ладить съ ними. Да вотъ вамъ прикибрь. Одинъ изъ губернаторовъ, вотъ здѣсь же, сидя у меня, рассказывалъ мнѣ такую исторію. Получивъ массу жалобъ на Варыпаева, онъ самъ рѣшился прійхать сюда, для личной реввіи. Выѣхалъ. ъдетъ съ предводителемъ дворянства. Подъѣзжаютъ уже, губернаторъ и спрашиваетъ предводителя:

— Скажите, пожалуйста, вы хорошо знаете этого Варыпаева?

— Порядочно, говорятъ тотъ.

— Что же онъ, образованный, отесанный?

— Да какъ вамъ сказать, вотъ сами увидите!.. улыбулся предводитель.

— И, говоритъ, спрашиваю потому, что.. знаете, важно очень, какъ обойдтисъ съ перваго разу. *Вы* ему говорить, или *ты*?.. Тонъ, ну, знаете, все это вообще..

— Ничего не могу вамъ сказать заравѣ, сдѣтается предводитель. Прійдете, сами увидите, чего держаться. Утѣрю насъ, съ перваго взгляда уже и будете знать“.

Пріѣхали. Варыпаевъ встрѣчаетъ въ полномъ своемъ парадѣ, въ бѣлой перчаткѣ на лѣвую руку, кругомъ кѣлаа свита. Губернаторъ изъ коляски, онъ шагъ къ нему, и почтительный, полный достоинства поклонъ. Губернаторъ съ изумленіемъ смотритъ на него, потомъ быстро подходитъ, кланяется и протягиваетъ руку. А предводитель только ухмыляется!..

Тотъ вотъ и принялъ подлежащій *тонъ*. Въ такомъ же тонѣ и вса реввія была!..

Я простился съ гостепримнымъ Щ—вымъ уже позднимъ вечеромъ, давъ ему обѣщаніе встать завтра пораньше и выйдти на ба-

зарь, гдѣ Щ—овъ, въ своей лавкѣ, всегда самъ занимается покупкой товару.

— Неизрѣнно приходите, это для васъ необходимо, для полной иллюстраціи нашихъ нравовъ, проводилъ опъ меня уже внизу, на дѣлствахъ, улыбаясь опять своей слегка насмѣшливой и добродушной улыбкой.

Я пришелъ домой усталый, разбитый съ головной болью. Этотъ день, массой своихъ впечатлѣній, давилъ мой мозгъ и отгонялъ сонъ.

„Бѣдное Павлово! посидѣло у меня въ головѣ, пока я послѣдшне раздѣвался. Сколько бичей сразу!.. И экономическій взрывъ и заграничные замочки, „Варыпаевъ, двугривенные“..

И задулъ свѣчу, закутался, закрылъ глаза.

„Висмаркъ по уму и политикѣ, а по натурѣ — демагогъ въ самомъ узкомъ смыслѣ“... вспоминалъ я заключительныя слова сѣдопателя, съ которыми я бесѣдовалъ объ Варыпаевѣ. Да!..

Рѣдкій экземпляръ для хроникъ нашего крестьянскаго самоуправления, если когда-либо оно отойдетъ къ временамъ прошлымъ. Какого же доказательства еще нужно, какихъ мотивовъ?.. Человѣкъ, который прозрѣлъ то, что прозвѣвали до него законодателя.. Человѣкъ изъ народа, обещавшій людей съ государственнымъ умомъ и образованіемъ..

Такія опредѣленія приписывалъ я мысленно Варыпаеву, вращаясь съ боку на бокъ на мягкой постели и стараясь повторить въ памяти все, что мнѣ говорилъ Щ—овъ.

— Какія противоположности! Тотъ и этотъ! Два ума недюжинныя, оба выросли въ одномъ гнѣздѣ, а между тѣмъ... У одного сердце, у другого камень въ груди. Послѣднему досталась власть; дайте ее первому, онъ сдѣлалъ бы столько же добра, сколько второй сдѣлалъ зла. Судьба—индѣйка!.. А скверно будетъ бѣдной Россіи, если такихъ Варыпаевыхъ разведется хоть по одному на каждый уѣздъ.. Задумати, убить всѣкіе проблески жизни.. А почему бы и не развестись?.. Умыкъ головъ въ народѣ много, жадныхъ и бессердечныхъ натуръ еще больше — дверь отперена широко, настезь: „пожалуйте, милости просимъ!.. Обирайте, разращайте, Царь далъ вамъ полную свободу. Власть, „господа“, все это было, да спялой! Теперь вы сами управляйтесь, „самоуправляйтесь“!.. Фу, нѣтъ!.. Страшно даже подумать.

Я энергично повернулся на другой бокъ и опять сталъ передумывать весь прошедшій день. Мало-по-малу все перепуталось, запригало, запллсало... Замочки и ножки засуетились, собираясь за границу, но были остановлены цѣлыми войсками такихъ же замочковъ и ножничковъ оттуда. Произошла свалка; заграничные одождли, погнались за нашими, разсѣвали, били и ломали ихъ. Визжала сталь о сталь, желѣзо о желѣзо, пружины щелкали, ключи вертѣлись въ дупкахъ какъ сумасшедшіе..

Ободранные и обглодаанные, побитые замочки наши вернулись въ Павлово, гдѣ ихъ встрѣтили руганью, свистомъ и плачемъ. А побѣдители расплллись по всей русской землѣ, отсыкая въ каждомъ уголкѣ, въ каждой сыважнѣ земной своего „супостата“ и ломали, обрабали его въ бѣство, если таковой находился. Толпы этихъ замочковъ копошатся на грязной улицѣ Павлова. Глухой ропотъ между ними. Поржавѣлы дуги прижимаются и опускаются, точь въ точь какъ голодные челюсти, производя этимъ звукъ, совѣмъ схожій съ срезаніемъ зубовъ. Отодранныя доски обнажаютъ безобразно покровляныя внутренности.. Всѣ они подпрыгиваютъ и дрожать. Ропотъ все громче, замочки все больше шевелятся. Слышится уже ясно: „провоидцы... пльви... разорили... голодомъ морять... ребята, въ колья!“ Толпы замочковъ гудятъ и двагаются по глубокой грязи, стуча, какъ зубами, сплпми дугами. Ревъ все усиливается, движение все быстрѣе, пока все кругомъ не заглушается и не поглощается имъ.

Но вотъ, на пути этого безобразнаго потока выросъ вдругъ чей-то громадный образъ съ опущенными глазами, сѣдой, какъ луна, бородой и величавой осанкой. Чья-то мягкая и бѣлая рука тянется на встрѣчу бунующей толпѣ замочковъ: „На, возьми!“ и двугривенные смплются на очарованную толпу. Въ мигъ молчаніе, потомъ ревъ, суматоха, всѣ жадно нагибаются, подбираютъ и слышится громкое „ура“, „благодаримъ, Василій Никитичъ“!..

Всѣ успокоиваются, отступаютъ, сибшатъ по кабанамъ; но вдругъ опять протагивается рула и кругомъ тьма! Ни зги. Замочки стучаются другъ объ друга и никакъ не находятъ дороги. Тихо, страшно даже становится отъ безмолвія, только чей-то тонкій голосъ на распѣвъ все тинетъ: „Дѣвки, покачайте!.. дѣвки, поцѣлуйте!.. дѣвки, покачайте!.. дѣвки, поцѣлуйте“... и такъ безъ конца, точно дьячекъ надъ покойникомъ: „Господи помилуй, Господи помилуй“!..

Внезапно картина изменяется. Густой садъ и въ немъ спрятанъ павильонъ. Въ раскрытыя окна его вползаютъ корявые сучья, точно ищутъ тамъ кого-то. Томительный жаръ июльскаго дня, спрой воздухъ, пропитанный запахомъ жху, деревьевъ и еще чего-то. Изъ оконъ слышны голоса, смѣхъ, звукъ пощелуевъ и звонъ посуды. Въ маленькой комнатѣ собралось нѣсколько женщинъ и мужчинъ. Тѣ и другіе полуодѣты. Толстая фигура Рыжова такъ и лоснится, такъ и ползаетъ между всѣми. Его визгливый голосъ громче всѣхъ... На диванѣ развалился красивый старецъ. Его обнимаютъ сразу нѣсколько женщинъ. Волоса и борода его встрепаны. Блѣдныя щеки горятъ багровымъ румянцемъ, глаза полны цинизма и страсти, изъ устъ льется беспорядочная рѣчь... Онъ ласкаетъ всѣхъ женщинъ заразъ и грозно рычитъ, когда Рыжовъ пытается привлечь на себя вниманіе хотя одной изъ нихъ. Но вотъ громкій крикъ извнѣ: „Губернаторъ губернаторъ!“ Всѣ вскакиваютъ, все мѣшается, женщины куда-то исчезаютъ, а старецъ, нагъ бытъ, такъ и высклевываетъ черезъ окно въ садъ. Тамъ уже стоитъ важный генералъ и грозно смотритъ на павильонъ. Но Варнаевъ протягиваетъ къ нему свою руку, тихо и величественно поетъ: „На, возьми!“ и вмгъ генералъ подметаетъ ему на одной ножкѣ, расшаркивается, жметъ руку, шипитъ что-то, а появившіся откуда-то женщины повисли у него на шеѣ и вращаютъ, и цѣлуютъ его... Варнаевъ же стоитъ въ сторонѣ, со сложенными на груди руками, съ опущенными глазами, строгій, спокойный и святой...
